

2023 № 4

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

4(26)
2023

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2023

4 (26)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4

Рецензируемый научный академический журнал

Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН
Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов	Д. В. Дубровская	Д. В. Мосяков
А. К. Аликберов	А. О. Захаров	В. Н. Настич
В. М. Алпатов	Т. А. Карасова	В. В. Наумкин
С. Э. Бабкин	Е. А. Катасонова	К. В. Орлова
А. Г. Белова	А. И. Кобзев	Н. Г. Романова
В. Я. Белокреницкий	В. А. Кузнецов	А. В. Сарабьев
С. А. Бурлак	Ю. В. Любимов	В. Н. Саутов
А. В. Воронцов	Н. М. Мамедова	Т. А. Шаумян
А. В. Демченко	С. Е. Малых	
А. Ю. Другов	Д. В. Микульский	

На обложке: Южная Азия. Ночной вид из космоса. Google Maps/Google Earth. © Google LLC.

© ФГБУН ИВ РАН, 2023

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2023

4 (26)

Published quarterly

Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302

Peer-reviewed academic journal

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov	D. V. Dubrovskaya	D. V. Mosyakov
A. K. Alikberov	A. O. Zakharov	V. N. Nastich
V. M. Alpatov	T. A. Karasova	V. V. Naumkin
S. E. Babkin	E. L. Katasonova	K. V. Orlova
A. G. Belova	A. I. Kobzev	N. G. Romanova
V. Y. Belokrenitsky	V.A. Kuznetsov	A. V. Sarabyev
S. A. Burlak	Y. V. Lyubimov	V. N. Sautov
A. V. Vorontsov	N. M. Mamedova	T. L. Shaumian
A. V. Demchenko	S. E. Malykh	
A. Y. Drugov	D. V. Mikulskiy	

On the cover: South Asia. A Night View from Space. Google Maps/Google Earth. © Google LLC

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2023

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no responsibility for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

Южная Азия и внешний мир: парадигмы и механизмы взаимодействия в исторической перспективе — обзор конференции	10
--	----

ИСТОРИЯ: ПАРАЛЛЕЛИ И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

<i>Abhijeet Singh</i> . The Indus Valley Civilization: Globalization and Entrepreneurship in the Ancient World	11
<i>Н. Н. Алексеева</i> . Роль дхармических воззрений в становлении южноазиатской модели природопользования	20
<i>А. А. Козлова</i> . Дели под влиянием иноземцев (XVIII–XIX вв.)	32
<i>А. П. Шустова</i> . Ю.Н. Перих о культурно-историческом влиянии древней Индии и его современном значении	42
<i>А. С. Гепалов</i> . К вопросу о ретроспективе индийского национализма и автономизма: Абул Калам Азад и миссия С. Криппса в Индию	53
<i>А. А. Черешнева</i> . Заместитель премьер-министра Индии Валлабхаи Пател и Кашмирская проблема (1947–1948)	60

КОЛОНИАЛИЗМ: ВЛИЯНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

<i>П. Т. Прокофьева</i> . Бходролки и джентльмены: формирование бенгальского языка и культуры в колониальный период	66
<i>Е. Ю. Ванина</i> . «Туземные правители» под английским влиянием (на примере Бхопала)	75
<i>Ю. С. Калинина</i> . «Бремя небелого человека»: колониальное прошлое и поиск национальной идентичности в многополярном мире	87
<i>А. В. Кулик</i> . О влиянии исторического наследия на современные индо-британские отношения	94

МИГРАЦИИ: ПОТОКИ И ДИАСПОРЫ

<i>Н. С. Мкртчян</i> . Армянские колонии в Индии и их вклад в историю страны	107
<i>В. А. Усов</i> . Африканцы в истории Индии: особенности историко-культурной адаптации	114
<i>А. А. Васильева</i> . Литература диаспоры как «цивилизационный мост» между странами Южной Азии и Западом	124
<i>С. П. Лунев</i> . Развитие индийской диаспоры и ее влияние на внешнеполитическую стратегию Индии	134
<i>С. А. Кутепова</i> . Влияние трудовой миграции в страны Ближнего Востока на исламские настроения в Бангладеш	150

ИДЕОЛОГИИ: ИМПОРТ И ЭКСПОРТ

<i>Н. Р. Хачатурян</i> . Особенности развития исмаилизма сатпантх в Индии как результат религиозно-идеологического импорта	156
---	-----

<i>Е. С. Юрлова.</i> Зарубежный опыт Б. Р. Амбедкара: США, Англия, Германия	161
<i>Е. П. Тюркина.</i> Западный феминизм и его влияние на женское движение в Индии	171
<i>А. А. Зайцев.</i> Основные направления деятельности индуусских националистических организаций за пределами Индии	183

ГЕОСТРАТЕГИИ: ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

<i>Archana Upadhyay.</i> South Asia`s Geopolitical Landscape in a Transformative World	193
<i>Ф. Н. Юрлов.</i> Индия — поиски внешнеполитического курса	204
<i>А. В. Акимов.</i> Индия как самостоятельный центр в мировой экономике	213
<i>В. Я. Белокреницкий.</i> Принадлежит ли Пакистан Южной Азии?	222
<i>Н. А. Замафарева.</i> Пакистан — Индия: региональное противостояние	237
<i>Т. А. Шаумян.</i> Кашмирская проблема: международно-правовой аспект	250
<i>Е. В. Голубцова.</i> Аджит Довал: влияние «индийского Джеймса Бонда» на политику в отношении Пакистана	265
<i>К. Г. Муратшина.</i> Военно-техническое сотрудничество между Индией и странами Юго-Восточной Азии: направления, особенности, факторы развития	274
<i>О. А. Петрова.</i> Обзор индонезийско-индийского сотрудничества в экономической и оборонной сферах в конце XX – начале XXI в.	294
<i>Е. В. Кочеткова.</i> Двусторонние отношения между Малайзией и Индией: основные направления и перспективы	302
<i>И. Е. Федорова.</i> Мягкая сила Ирана в Индии	313
<i>В. П. Кашин.</i> Индия — Израиль: от диалога к сотрудничеству и партнерству	318
<i>Э. Э. Новинский.</i> Непал как зона столкновения интересов Индии и Китая	329
<i>А. А. Бычкова.</i> Мизорам: «Бамбуковая Смерть» и ЗОРО	340

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ИНДИЯ И РОССИЯ

<i>А. Е. Штода.</i> Формы советско-индийского экономического сотрудничества (1953 – 1964 гг.)	351
<i>Ajay Patnaik.</i> New International Order: India in Russia`s Foreign Policy Priority	358
<i>С. В. Величкин.</i> Индия и специальная военная операция на Украине: неслучайная позиция	369
<i>К. П. Курьлев, А. А. Черешнева.</i> Российско-индийское региональное сотрудничество в сфере исторического высшего образования (на примере Востоковедческой лаборатории ЛГПИУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского)	380

CONTENTS

South Asia and the Outside World: Paradigms and Mechanisms of Interaction in Historical Perspective — a Conference Review	10
---	----

HISTORY: PARALLELS AND INTERSECTIONS

<i>Abhijeet Singh</i> . The Indus Valley Civilization: Globalization and Entrepreneurship in the Ancient World	11
<i>N. N. Alekseeva</i> . The Role of Dharmic Ideology in the Formation of South Asian Model of Nature Management	20
<i>A. A. Kozlova</i> . Delhi under Foreign Influence (Eighteenth – Nineteenth Century)	32
<i>A. P. Shustova</i> . Yu. N. Roerich on Cultural and Historic Influence of Ancient India and Its Modern Significance	42
<i>A. S. Gepalov</i> . A Retrospective on the Indian Nationalism and Autonomism: Abul Kalam Azad and the S. Cripps' Mission to India	53
<i>L. A. Cheresheva</i> . Deputy Prime Minister of India Vallabhbhai Patel and the Kashmir Problem (1947–1948)	60

COLONIALISM: INFLUENCES AND CONSEQUENCES

<i>I. T. Prokofieva</i> . Bhodroloks and Gentlemen: Formation of Bengali Language and Culture in Colonial Period	66
<i>E. Yu. Vanina</i> . 'Native Rulers' under British Influence: the Case of Bhopal	75
<i>Yu. S. Kalinina</i> . Non-White Man's Mission: Colonial Past and Searching for National Identity in a Multi-Polar World	87
<i>L. V. Kulik</i> . The Impact of Historical Legacy on Contemporary India-UK Relations	94

MIGRATIONS: FLOWS AND DIASPORAS

<i>N. S. Mkrtchyan</i> . Armenian Colonies in India and Their Contribution to the History of the Country	107
<i>V. A. Usov</i> . Africans in the History of India: Features of Historical and Cultural Adaptation	114
<i>L. A. Vasilyeva</i> . Diaspora Literature as a 'Civilizational Bridge' Between the Countries of South Asia and the West	124
<i>S. I. Lunev</i> . The Development of the Indian Diaspora and Its Impact on India's Foreign Policy Strategy	134
<i>S. A. Kutepova</i> . Islamic Sentiments in Bangladesh as Influenced by Labour Migration to the Near East	150

IDEOLOGIES: IMPORT AND EXPORT

<i>N. R. Khachatryan</i> . Features of the Development of the Satpanth Ismailism in India as a Result of Religious-Ideological Import	156
---	-----

<i>E. S. Yurlova</i> . B. R. Ambedkar`s International Experience: USA, England, Germany	161
<i>E. P. Tyurina</i> . Western Feminism and Its Impact on the Women`s Movement in India	171
<i>A. A. Zaytsev</i> . Major Activities of the Hindu Nationalism Organizations Outside India	183

GEOSTRATEGIES: POLITICS AND ECONOMY

<i>Archana Upadhyay</i> . South Asia`s Geopolitical Landscape in a Transformative World	193
<i>F. N. Yurlov</i> . India — Search for a Foreign Policy Course	204
<i>A. V. Akimov</i> . India as an Independent Centre in World Economy	213
<i>V. Ya. Belokrenitsky</i> . Does Pakistan Belong to South Asia?	222
<i>N. A. Zamaraeva</i> . Pakistan — India: Regional Contfrontation (2018–2023)	237
<i>T. L. Shaumyan</i> . The Kashmir Problem: International Legal Perspective	250
<i>E. V. Golubtsova</i> . Ajit Dowal: the Approach of 'Indian James Bond' to the Policy Towards Pakistan	265
<i>K. G. Muratshina</i> . India–Southeast Asia Defense Cooperation: Dynamics, Dimensions, Specific Features	274
<i>O. L. Petrova</i> . Review of Indonesian–Indian Cooperation in Economic and Defense Spheres at the End of the Twentieth – Beginning of the Twenty-First Century	294
<i>E. V. Kochetkova</i> . Relations Between Malaysia and India: Major Directions and Prospects	302
<i>I. E. Fedorova</i> . Soft Power of Iran in India	313
<i>V. P. Kashin</i> . India — Israel: from Dialogue to Cooperation and Partnership	318
<i>E. E. Novinskii</i> . Nepal as AN Interest Conflict Zone Between India and China	329
<i>A. A. Bychkova</i> . Mizoram: 'Bamboo Death' and ZORO	340

COOPERATION: INDIA AND RUSSIA

<i>A. E. Shtoda</i> . Main Areas of Soviet–Indian Economic Cooperation, 1953–1964	351
<i>Ajay Patnaik</i> . New International Order: India in Russia`s Foreign Policy Priority	358
<i>S. V. Velichkin</i> . India and the Special Military Operation in Ukraine: a Non-Accidental Position	369
<i>K. P. Kurylev, L. A. Cheresheva</i> . Russian-Indian Regional Cooperation in Historical Higher Education (the Case of the Oriental Research Laboratory of the P.P. Semyonov-Tyan-Shansky LPSU)	380

ЮЖНАЯ АЗИЯ И ВНЕШНИЙ МИР: ПАРАДИГМЫ И МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ¹

24–25 мая 2023 г. в Центре индийских исследований ИВ РАН прошла очередная традиционная («Майская») конференция, темой которой на этот раз стали история и современность взаимоотношений Южной Азии с другими странами. Изначально предполагалось, что речь должна идти только об Индии, но многие коллеги, принявшие участие в обсуждении темы конференции, предложили сделать тему шире и распространить дискуссии на весь регион, включающий Бангладеш, Бутан, Индию, Мальдивы, Непал, Пакистан и Шри-Ланку. Это было особенно важно потому, что, к сожалению, в последние десятилетия наша наука почти растеряла специалистов по так называемым «малым (по территории, не по населению) странам» субконтинента, ограничившись Индией и Пакистаном, да и то в масштабах, не соответствующих действительному значению этих государств. Поэтому организаторы были особенно благодарны тем коллегам, которые выступили по Непалу и Бангладеш.

Всего на конференции было представлено 58 докладов — такая активность свидетельствовала об интересе к заявленной теме, но создала и организационные сложности, заставив разделить участников на две секции. Первая включила выступления по «параллелям и пересечениям» исторического развития Индии и других стран, воздействию и последствиям колониализма, миграциям и диаспорам, импорту и экспорту идеологий, культурным влияниям. Вторая была посвящена внешнеполитическим проблемам современности, причем как взаимоотношениям государств на мировой арене, так и внешним влияниям на внутривнутриполитическое и экономическое развитие стран (Индии и Бангладеш). Для организаторов было непросто избежать натяжек в формировании программы секционных заседаний, а для участников и слушателей, интересовавшихся той или иной темой, — перемещаться между секциями.

В конференции приняли участие коллеги из ИВ РАН, МГУ, университетов Санкт-Петербурга, Брянска и Липецка, МГИМО, МИД РФ и Дипломатической академии, РУДН, ИМЭМО, ЦИП, ВУ Министерства обороны РФ, а также зарубежные ученые — из Армении и Индии². По традиции организаторы не соблюдали никакой научной иерархии: как опытные — доктора и кандидаты наук, так и начинающие исследователи — аспиранты и студенты выступали на равных. Почти каждый из представленных докладов инициировал дискуссию, что свидетельствует об актуальности затронутых тем.

В предлагаемом читателю специальном номере «Вестника» опубликованы статьи, представленные авторами на основе докладов. Они, надеемся, могут быть интересны не только индологам, но и специалистам по другим странам и регионам, поскольку проблематика внешних влияний и взаимодействий (особенно таких, как колониализм, миграции и т. д.) актуальна в настоящее время для всех — и для Востока, и для Запада.

¹ Подготовлен Е. Ю. Ваниной.

² Ознакомиться с программой конференции можно здесь: <https://www.ivran.ru/anonsy?artid=212000> (дата обращения: 26.09.2023).

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-011-019

THE INDUS VALLEY CIVILIZATION: GLOBALIZATION AND ENTREPRENEURSHIP IN THE ANCIENT WORLD

© 2023

Abhijeet Singh¹

The South Asian civilization or the Indus Valley civilization, as it is more commonly known, is as old as antiquity itself. The permanent character of settlements is one of the defining features of this civilization. The maritime trade during the Indus Valley civilization was developed and it was well connected to Egypt, Mesopotamia (present day Iraq) and China. The Indus Valley civilization was the first foray of the South Asian region into the international maritime trade and cultural diffusion with other parts of the world having a civilization. The amount of cultural, economic and social exchange and interaction can be ascertained from the archeological finds and it shows the intermingling and cross cultural influence among the then known and developed world.

Keywords: globalization, trade, Meluhha, Mesopotamia, development, maritime

For citation: Abhijeet Singh. The Indus Valley Civilization: Globalization and Entrepreneurship in the Ancient World. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 4. Pp. 11–19. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-011-019

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДОЛИНЫ ИНДА: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ДРЕВНЕМ МИРЕ

Абхижит Сингх

Южноазиатская цивилизация или, как она более известна, цивилизация долины Инда, стара как сама древность. Ее отличительной чертой был постоянный характер поселений. Морская торговля была развита, связывая цивилизацию долины Инда с Египтом, Месопотамией (современным Ираком) и Китаем. Это был первый прорыв Южной Азии в мировую морскую торговлю и культурное проникновение в другие цивилизации. Объем культурных, экономических и социальных связей с другими регионами подтверждается археологическими находками, которые демонстрируют контакты и взаимовлияние с известным и развитым миром той эпохи.

Ключевые слова: глобализация, торговля, Мелухха, Месопотамия, развитие, мореплавание

Для цитирования: Abhijeet Singh. The Indus Valley Civilization: Globalization and Entrepreneurship in the Ancient World. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 11–19. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-011-019

¹ Abhijeet Singh, Independent Researcher, New Delhi, India; abhijeete0963@gmail.com

Абхижит Сингх, независимый исследователь, Нью-Дели, Индия; abhijeete0963@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3203-7962

The future for us is the foreseeable future. The South Asian, however, feels that it is perfectly realistic to think of a 'long time' in terms of thousand of years.

Edward T. Hall

INTRODUCTION

Indus Valley was one of the earliest and most developed civilizations of its time alongside Mesopotamian and Egyptian Civilization. The extent of its development can be seen from the excavated sites, the nature of urban planning, trade and communication much developed as compared to their Civilizational counterparts, metallurgical knowhow among other aspects crucially put this Civilization as one of the earliest international trading entity which established trading links with the then known world. It comes as no surprise if this Civilization is referred to as the epicenter of the early global trade. In order to understand how these trade links developed its important to first know all the evidences and the technical prowess which shed light on the true nature of trade and commerce in the time and how such navigation and both in land and sea was established.

Geographically, Indus Valley civilization covered Punjab, Sindh, Balochistan, Rajasthan, Gujarat and, Western Uttar Pradesh. It extended from Sutkagendor (Balochistan) in West to Alamgirpur (Western UP) in the East; & from Mandu (Jammu) in the North to Daimabad (Maharashtra) in the South. Some Indus Valley sites have also been found as far away as Afghanistan and Turkmenistan. Also, the Pre-Harappan Civilization found in Mehrgarh, shows the first evidence of cotton cultivation.

Indus Valley civilization was one of the first attempts by humankind to forge external connection with the then existing civilizations. It was not just the domestic factor of trade rather the entrepreneurship that furthered their quest to embark on the globalization journey to connect economically as well as culturally with Egypt, Mesopotamia, parts of Oman peninsula, Akkadian, Iran and China. The Indus Valley system of seals and border passes (just like the present day system of passports and visas) was much advanced of its times and shows the amount of human intellect, perseverance and desire to forward trade and connections much beyond its borders. Another reason for this ongoing nature is the complex technological prowess developed by the Indus people.

The sheer amount of production must have far exceeded the amount consumed locally, which contributed to the need for looking outside. It is a well-known fact that Indus Valley civilization was an urban settlement having a landscape surpassing other civilizations by leaps and bounds. The meticulous planning and scientific knowledge of the people provides an indication to the business-oriented mindset of the Civilization as a whole. This article will study the Indus trade and connections in three parts. The first part will discuss the Indus Valley trade internal trade and trade relations with Mesopotamia, the second part will discuss the trade relations between Egypt and Indus People and the third part will explore the Indus Valley connect with the Oman Peninsula. The article will also explore the trade relations of the Indus people with China and several sources of raw materials within the close geographical proximity of the civilization.

In the city of Harappa alone, there are a few sites that are recovered during excavations, which represent the entire glory of the Indus Valley civilization. The pre Harappa settlements, pre urban phase and urban phase all have one thing in common, production for internal trade and exports. The raw materials of different regions were also transported to other parts of the Indus realms [McIntosh, 2008, p. 148]. Historians have pointed out one distinct feature of the Indus Valley — external trade.

There have been instances where new proofs are discovered and the limit of external trade is further expanded than originally envisaged. Another important aspect, which must be focused upon, is the undeciphered script of the Indus Valley, which limits the modern understanding of the true extent of the urban settlements of the Civilization.

The sole reason for such an advanced civilization to be studied in part by suppositions or hypothesis is the lack of linguistic understanding, which can be ascribed to a distinct language, and script of the Indus people. The scientific methodology used to ascertain the age of the findings (copper and bronze objects, terracotta figurines and other valuable artefacts) sheds light on temporal aspects of the civilization. The process of procurement of raw materials to final products and the trade patterns of the various items to different parts of the world through land and sea routes point to a diverse and flourishing trade within the various cities of the Indus Valley and outside of it. Many of the crafting technologies in metallurgy and other products were adopted by the other countries not just in South Asia but also others in the ancient world; this lasting effect would have been possible only through a large scale diffusion of art and culture which necessitates large scale trade.

I

The major centers of trading in the Indus Valley were located mostly on the plains, which acted as centers of production with availability of labor and market. The source of raw materials in most of the products identified with the Indus processing industry of the time is attributed to the neighboring areas (minerals from Afghanistan and Iran, jade and cedar wood from China). The model subscribed to by the Indus people was an efficient supply chain mechanism found in the modern times. Historical research and excavations show the kind of economic advantages that the people employed to maximize production. Things that were not available locally were procured from the nearest sources and the production chain was efficient enough to supply internally and export to the outside markets.

The geographical extent of the Indus Valley Civilization was three times the size of the other civilizations of that time including Egypt and Mesopotamia. The Indus cities were arranged in a manner, which represented an advanced understanding about urban dwelling. The massive constructions unearthed in various Indus sites like Harappa, Lothal, Mohenjo-Daro reflect this fact [Kenoyer 2008, p.19–20]. Internal trade holds an important place in Indus history as it was presumably the first step in forging the processes and foundation required to become truly cosmopolitan in terms of trade and outside connections. The region of Baluchistan in the west to Kutch, Saurashtra and much of modern Gujarat and other Indus sites have been excavated in areas reaching in the north as far as Afghanistan. There are debates surrounding the original extent of the Civilization itself but there is no doubt that the production processes point otherwise.

The presence of Indus sites manufacturing different products, each aligning with the source of raw materials found nearby points to the fact that such sites did not come up by fluke; it was all carefully planned and executed. The easy access to raw materials [Ibid p. 23] was a precursor to an efficient production unit, which was not possible until all the factors were thought in advance. Such planning is not possible on a land, which is not within the direct influence of the city-state or any other kind of administrative mechanism that must have been in place. The claim that the presence of such sites does not mean the civilization was not extending to these areas or there was a remote connection between the Civilization and such sites is too vague.

This trade model within the various settlements of the Indus Valley Civilization shows that an elaborate network of well-defined movement of goods was in place. The local producers and raw

material processing units were interconnected to the source. At the same time, the local producers were connected to the bigger merchants in the urban centers of the bigger settlements like Harappa, Mohenjo-Daro, Dholavira and Lothal among others. Such an arrangement made sure that the linkage between the source, the processing unit, local artisans and big merchants was maintained thus ensuring smooth flow from the bottom to the top. This robust mechanism of intra settlement trade made sure that the export market was always having a steady supply of goods that helped in forging deeper bonds with the external settlements like Mesopotamia, Egypt, China, and Iran among others.

Another major feature of trade was the prevalence of standardized system of quantification of goods, which displays a developed market exchange system. Such development in goods trade can only be attained under a set of rules laid down by an overarching authority, which has a say in day-to-day affairs of traders operating in a marketplace. The Indus system of trade relied heavily on controlled measurements and movement, which was systematic in nature. The authority in question was directly responsible for setting rules of engagement among traders within the settlements and outside of it. The excavations at Harappa showed that majority of the standardized weights and other measures to ensure smooth flow of goods were located near entrance to the walled mounds, which proves that trade was regulated by some form of authority [Kenoyer, 2008, p. 18].

It is also speculated that trade in Indus Valley employed not only direct payments for the goods but indirect methods of barter. It is a hugely possible scenario where people often went for such exchanges given the intricate network of trading established within the settlements. The web of connectivity would have made it possible for the people to engage in such trade, as there is an evidence of some form of authority, which regulated trade. Another important system of payment, which is much more developed for its time, is the exchange of goods for services. The presence of services in the trade coincides with the modern day economic system which differentiates between the primary, secondary and tertiary modes of production, the last one representing the service sector in the modern sense [Kenoyer, 2008, p. 20]

The most important aspect of Indus Valley trade system was the appropriation of symbols, seals and standardized measures, which was backed by a form of legal structure and authority. The controlled nature of the process of trade was an indicator of a developed connection within the ancient world. There was model of 'free market economy'² which was regulated indirectly without any interference in everyday activities of businesses. According to Jonathan Mark Kenoyer, 'The role of elites and state officials in the establishment, maintenance and control of internal trade is still not well defined. Clearly the rulers of the Indus cities would have been the ones to establish and maintain the walls and gateways of each city. The main mechanism of indirect control of economy would therefore have been through taxation of goods entering or leaving the city. In addition, there were additional social, economic and political links to the surrounding hinterland or other cities that would help in reinforcing or maintaining control' [Kenoyer, 2008, p. 23].

The external trade aspect of Indus Valley has been given limited attention owing to a lack of archeological evidence but logical analysis of the excavated sites and the physical proofs of various Mesopotamian artefacts found in Indus Valley Civilization sites and vice versa points in this direction. There is perhaps a chance that historians looking for concrete evidence and having positivist³ (here

² In economics, a free market is an economic system in which the prices of goods and services are determined by supply and demand expressed by sellers and buyers. Such markets, as modelled, operate without the intervention of government or any other external authority.

³ Positivism is the name for the scientific study of the social world. Its goal is to formulate abstract and universal laws on the operative dynamics of the social universe. A law is a statement about relationships among forces in the universe. In positivism, laws are to be tested against collected data systematically.

positivism connotes empirical evidences, which can be verified by sight or through scientific experiments like Carbon Dating Analysis) tendencies will refute any claim of a world system which supports the existence of any kind of globalization in the early history but logical analysis proves otherwise. There are proofs, which shows that Indus Valley was not a military power, or a system based on conquest, the historical evidence and the excavated sites all point to the trade that took place in the Indus Valley and outside of it. Indus Valley civilization flourished for a long time and has seen mature phases where it developed contacts with the then known world and even if there is no archeological evidence to suggest certain theories but enough evidence is there to hypothesize about the true extent of connections and verifying them with the available proofs.

There is plethora of evidence, which suggests that trade links of the Indus people extended to Mesopotamia, Central Asia, and Oman Peninsula. The contact between Mesopotamians and Indus people has largely been ascribed to the contact made by the middlemen who were trading from the Gulf region with both Indus Valley cities and Mesopotamia. The supposition that there was only indirect trade does not corroborate with the available proofs, as there are evidences where Mesopotamian goods are found in the Indus sites and vice versa and it is not possible for the sea faring Indus people to trade indirectly for a long time with the Mesopotamians without actually discovering the land. The presence of the 'Meluhha' in the Mesopotamian texts proves that trade was more than indirect.

It is speculated that the indirectly the two Civilizations were aware of each other's presence but the absence of the Mesopotamian artefacts in any of the excavated Indus sites gives credibility to the indirect trade theory. On the other hand, there are proofs, which show that in Mesopotamia there were settlements of the 'Meluhha' [Vidale, 2004, p. 261–80] people and various artefacts and Indus seals were found at Mesopotamian sites. It is quite possible that traders from the gulf region were trading with both the Mesopotamians and Indus people but the proof of Indus Valley settlements in Mesopotamia is perplexing. The presence of Indus people settlements on such a distant land (by the standards of those times owing to difficult navigation and wooden ships) shows that a group of artisans or specialists in their craft went there to trade or impart some specific technical knowhow to the local people.

It is highly possible that the settlements in Mesopotamia were a result of direct contact between the authorities of the two civilizations, as it is not possible to build a settlement of a community in a distant land without the approval of a concerned authority provided by both the civilizations at the given time had advanced settlements based on urban planning and engaging in long distance trade. It is also possible that the authorities were not aware and people-to-people contact was responsible for creation of such settlements. The presence of settlements surely indicates an understanding between the people — an understanding of the competitive trade advantage or an urge to learn techniques from the settlers. It is not possible in ancient times to convert currency to another form or to sustain life for long without a source of income; the only major explanation for the existence of such settlements is some kind of exchange. According to Massimo Vidale, "The maximum archaeological evidence of Indian imports and Indus-related artefacts in Mesopotamia may be dated to latest phases of ED III (at the Royal Cemetery of Ur) and immediately later to the Akkadian period, when, as widely reported, Sargon claimed with pride that under his power Meluhhan ships docked at his capital, and at least one tablet mentions a person with an Akkadian name qualified as a the holder of a Meluhha ship. In his famous inscriptions, Gudea, in the second half of the 22nd century BC, states that Meluhhans came with wood and other raw materials for the construction of the main temple in Lagash. Archaeologically, the most evident raw materials imported from India are marine shell, used for costly containers and lamps, inlay works and cylinder seals; agate, carnelian and quite possibly ivory. Hard green stones, including garnets and abrasives might also have been imported from the Subcontinent. Recent studies

would better suggest that the Indus families in Mesopotamia imported raw materials rather than finished beads and expediently adapted their production to the changing needs of the Mesopotamian demand and markets'. [Vidale, 2004, p. 272.]

Table 1. Correlation between the number of seals with Indus Icons and Indus signs in Mesopotamia and reported finds of etched carnelian beads

City	Seals with Indus inscriptions or Indus iconographies	Etched Carnelian beads ⁴
Ur	11	55
Kish	3	13
Lagash	2	-
Eshnunna	2	7
Nipur	1	2

Source: [Ibid, p. 261–280].

II

Trade between Indus Valley Civilization and other Civilization was crucial for the development of Indus Valley as a distinct world system, which included Egypt, Central Asia and Mesopotamia among other partners. In order to better understand the nuances of trade in antiquity it is of vital importance to understand how trade among different Civilizations took place in an era when geographical understanding was not yet developed in the modern sense and seafaring was limited due to non-availability of metals and alloys which could provide robust mode of transportation. In the absence of all the amenities which makes present day globalization a cakewalk, How did the Civilization of the past managed to create their own world systems and assimilate the essence of globalization even four- five millennia earlier?

According to C. C. Lamberg- Karlovsky, the different ways in which trade can take place over long distances can be divide into three subtypes namely, Direct contact trade, Exchange, Central place trade [Lamberg- Karlovsky 1972, p. 222–229]. Trade between ancient Egypt and Indus Valley could be understood according to the three models of long distance trade. The direct link between Egypt and Indus Valley have not yet been ascertained owing to lack of excavated material either in Egypt or in Indus Valley sites in India and Pakistan. This leaves us with no other option but to look for possible logical explanations with limited amount of empirical proof. In the ancient times, the only known source of Lapis Lazuli was Badakhshan, now in modern day Afghanistan.

There is a possibility that there existed a direct contact between the Egyptians and Indus people but due to the undeciphered script of the latter, some facts must be in the dark. It is also possible that the present Indus sites excavated represent only a small percentage of the original sites of the Indus Valley and perhaps some site yet to be discovered and excavated might provide the much required proof to establish the true nature of trade between Egypt and Indus Valley civilization. Since the precious gemstone was found only in the Indus Valley site in Afghanistan and its neighbouring areas it is impossible to assume that Egyptians were not aware of their contemporaries.

This leaves us with another possible explanation that perhaps trading took place between the two Civilizations without them actually knowing that they are trading. The ancient world was not well connected in terms of geography, well defined routes were not usual as the terrain provided enough

⁴ The number refers to both isolated beads and groups. Most of these beads come from graves.

challenge and lack of the knowledge of advanced cartography coupled with natural factors was another hurdle in effective communication between people residing within different geographical boundaries. This leaves them with an option to exchange goods and services like a continuous chain where every time a good passes hands from point A to point B it becomes independent of its predecessor source. The relay like system must have prevented any direct contact between the two civilizations but goods anyhow found their way to the destined markets. Though this explanation leaves a doubt about how can a good lose its trail even when it is independently, being relayed from one point to another. There is no way that at the relaying points there were people who were not keeping an account of the goods transferred or received from different places and if such account keeping can be traced then probably a link can be established between the two trading peoples (civilizations).

There is yet another explanation for the trade between the two civilizations, a common link to both the entities which traded with both Egypt and Indus Valley and acted as a channel of communication and transit hub for goods. The gulf settlements of the ancient period were an excellent source of providing transitory services to the sea faring people of Egypt and Indus Valley merchants. It is largely possible that the merchants from the two lands were trading with the common gulf settlements in the Gulf of Oman and then the goods were finding way to the respective destinations. Such a theory while it seems plausible has some inherent flaws when it comes to explaining Indus -Egyptian trade links.

First the Indus people were known to have made permanent settlements in the Mesopotamian and later Akkadian region and it is known that Egyptians were in direct contact with both the Mesopotamians and later the Akkadians. If Egyptians were dealing directly with the Mesopotamians then what prevented them from dealing with the traders of the Indus Valley who were living in the settlements spread across the coastal towns of Mesopotamia is a crucial issue that needs to be addressed. Secondly the Indus technology in lead and copper processing was far ahead of its times and the specialized settlements were getting the raw materials either imported from Indus sites or procuring them from the local source which means that it was the skill which led the Mesopotamians accept such settlements as a win-win situation for both the settlers and the local population. The high degree of Indus artistic and technological achievement can be seen in the cutting, polishing, etching and drilling of the very long carnelian beads, preparation of metal alloys, use of lost wax casting technique [Possehl, 2002, p. 89]. It is impossible for the Mesopotamians to impose a selective ban on Egyptians to not contact and connect with the Indus people. Until now, there has been no concrete evidence of a direct contact between the two civilizations but no other theory satisfactorily explains the absence of such contact either. The true connection between the Egyptian and Indus people probably lies in the unexplored sites of two Civilizations or the undeciphered language of the latter holds the key to several pertinent questions.

III

The Indus Valley interaction with the settlements in the Oman peninsula was formed in the fourth millennium B.C, the establishment of transit route was not the only function that Oman settlements served. Oman had trade links with Mesopotamia, Iran and to a lesser extent with Egypt. Indus Valley provided a key balance to the imports at a time when the imports from Mesopotamia and Iran decreased to the Oman Peninsula. It was a period when the internal trade began flourishing and output exceeded more than what could be locally consumed within the Indus Valley. One of the striking feature of the trade between the Indus Valley and Oman peninsula is that it was not the geographical proximity or the land route which enabled trade between Oman peninsula settlements and Indus

Valley civilization by default, there are key evidences supporting a sea route to Oman from the Coastal regions of the Indus Valley [Rao, 1965 p. 30].

This trait of the trade shows the sufficient production and specific intent of the Indus people to trade externally, which was extraordinary for the time. Special preparations had to be made to ensure safe passage of the goods and the men transporting them, which required meticulous planning, knowhow of the ship design and a mature ship building industry. The knowledge of winds, direction and basic mathematical calculations were a prerequisite to undertake such a journey. The construction of inland ports and the necessary supporting infrastructure required precise knowledge of the oceanic phenomenon, all of which was quite advanced for a civilization in fourth millennium BC.

The discovery of Indus goods in various settlements of the Oman peninsula especially in all of the Umm an-Nar coastal settlements and inland sites mark a strong presence of inter Civilizational trade. The presence of Indus style seals in Oman settlements and Iran points to the fact that not only goods were exchanged but there was a presence of a trading community which was permanently residing in these places. The presence of such stamping material casts light on the practices of marking the products or marking and entire consignment of goods using some documents specific to the particular consignment. There are so many objects found in various settlements of the Oman peninsula that it leaves not an iota of doubt regarding the trade linkages between Indus Valley and Oman peninsula settlements.

In the words of Dennys Frenez, 'Large containers with a distinctive curvilinear profile and thick layers of black or dark purplish to brown slip coating their internal and external surfaces, suggesting that they were probably used to ship foodstuffs or liquids. In addition to the large storage jars, different types of Indus jars with black-on-red painted decorations have been found in both domestic and funerary contexts. Small unclipped carinated jars, often described as 'bottles', with Indus-style decorations painted in black on the shoulder have been found inside Umm an-Nar collective graves. Pedestalled dishes, also called dish-on-stands, are one of the finest and most distinctive Indus pottery production found in Oman peninsula sites. Another unique Indus pottery type that was likely used for food processing are the perforated jars, tall straight-sided vessels with the base perforated with a large hole and the entire body pierced with tiny holes. In the Oman Peninsula, fragments of Indus-type cooking pots have been found at Ras Al-Hadd, along the coast, and at Salut and Bat in the interior sites' [Frenez 2021: 386]. According to Vidale [Vidale, 2000, p. 40], 'carnelian bead making was the first craft to reveal to the archaeological world the impressive standards of Indus technology. Another distinctive technology developed by the Indus bead makers was the artificial colouring of carnelian using chemicals and pyrotechnology to decorate beads by bleaching their surface'. All these finds and discovery of artefacts and ornaments during excavation in the ancient Civilizations spaces point to a single trend in the Indus Valley trade behaviour. The trade was not a random decision to set sail and explore new lands rather it was a calculated and well thought move with a prudent approach to set foot in a new place to maximise profit and establish new markets for the finished product and procure the sources of raw materials wherever necessary.

CONCLUSION

The Indus Valley Civilization was one of the first civilization to establish contact with the outside world in a manner, which was unprecedented. Before the advent of the international trade in the modern sense, the Indus people had a well-developed understanding of how the international trade takes place. The unique identification system and the issuance of the seals to the outsiders coming to

the borders of the Indus Valley cities is a well-recognized fact, which points to the Indus understanding of cosmopolitan connect. South Asian civilization is one of the most prominent examples of the process of globalization.

The Indus Valley trade contacts were a result of a long process evolving over period of time and developing to an extent where production surpassed consumption and the technical knowhow was better suited to meet the demands of external market along with the domestic market. The easy availability of the raw materials within the cities and settlement and the contiguous land boundary with others settlements of the time allowed the domestic industry to flourish and trade to boom. The culture also played an important role in the development of the 'international trade' and a world system of exchange. The sea faring capabilities of the Indus, Egyptian and Mesopotamian people added a further advantage to the earliest attempts at globalizing production and consumption.

The relative ease with which the Civilizations developed a niche in their respective fields is worth a thousand words to explain human understanding of economics even in its nascent stage and human ingenuity. The sources of raw materials, the centers of production and the centers of imparting technical knowhow to the people of the distant lands was a new phenomenon and hence no notion of protectionism was seen, on the contrary it was more of a learning experience for both sides, in the early times but these developments paved a way for future economic practices in the later period. The tone of a global order was not set after the industrial revolution but during the advent of first Civilizations. Industrialization upped the globalizing phenomenon but the ancient connections and exchanges were the true flag bearers of modern day globalization and they set the tone for future human endeavors.

References

- Frenez D. The Indus Civilization trade with Oman Peninsula. Cleuziou Serge, Tosi Maurizio (eds.), *In the Shadow of the Ancestors – The Pre-historic Foundations of the Early Arabic Civilization in Oman*. Oman, 2021, pp. 385 – 396.
- Kenoyer J.M. Indus and Mesopotamian Trade Networks: New Insights from Shell and Carnelian Artifacts. Olijdam E. & R.H. Spoor (eds). *Intercultural Relations Between South and Southwest Asia. Studies in Commemoration of E.C.L. During Caspers (1934–1996)*. BAR International Series, 1826 (2008), pp. 19 – 28.
- McIntosh Jane. *The Ancient Indus Valley: New Perspectives*. London, 2008.
- Possehl Gregory L. *The Indus Civilization: A Contemporary Perspective*. California, 2002.
- Vidale Massimo. *The Archaeology of Indus Crafts: Indus Craftspeople, and Why We Study Them*. Rome, 2000.
- Vidale Massimo. Growing in a Foreign World. For a History of the “Meluhha Villages” in Mesopotamia in the 3rd Millennium BC’. Panaino A. and Piras A. (eds.). *Melammu Symposium. Schools of Oriental Studies and the Development of Modern Historiography. Proceedings of the Fourth Annual Symposium of the Assyrian and Babylonian Intellectual Heritage Project*. Held in Ravenna, Italy, October 13–17, 2001, Milano, 2004, pp. 261 – 280.

Electronic Sources

- C. C. Lamberg-Karlovsky. (1972). Trade Mechanisms in Indus-Mesopotamian Interrelations. *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 92, no. 2, pp. 222–229. <https://doi.org/10.2307/600649>. URL: <https://www.jstor.org/stable/600649> (retrieved on 30/08/2023).
- Rao S.R. Shipping and Maritime Trade of the Indus People. *Expedition Magazine*. Vol., no. 3, 1965, pp. 30–37. URL: <http://www.penn.museum/sites/expedition/?p=995>. (retrieved on 01/05/2023).

РОЛЬ ДХАРМИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ В СТАНОВЛЕНИИ ЮЖНОАЗИАТСКОЙ МОДЕЛИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

© 2023

Н. Н. Алексеева¹

В Южной Азии зародились и процветали дхармические религиозно-философские воззрения — индуизм, буддизм и джайнизм, которые в этнической экологии относят к экофильным (дружественным по отношению к окружающей природной среде). Понимание природы как «живого существа», в отличие от авраамических религий, еще на ранних исторических этапах обусловило своеобразие систем природопользования в Индии и их относительную социально-экологическую устойчивость. Начиная с культуры «Серой расписной керамики», когда роль скотоводства снизилась, сельское хозяйство получило преимущественно растениеводческую направленность. В условиях аграрного перенаселения для избежания кризисов необходимо было каким-то образом ограничить потребление природных ресурсов, особенно земельных. Зародившиеся в недрах дхармических воззрений социальные и культурные институты как нельзя лучше способствовали снижению нагрузки на природные системы жизнеобеспечения. Сословная иерархия варн, законы Ману с правилом «рука ремесленника всегда чиста», развитие иерархичной кастовой структуры, сельской общины с системой взаимного обмена и др. институты можно рассматривать как ответ на социально-экологический кризис в условиях многолюдного общества и относительного дефицита природных ресурсов в основных земледельческих районах Южной Азии. В статье прослеживаются особенности становления и влияние традиционных индо-буддийских воззрений на хозяйственно-культурный уклад Южной Азии, рассматриваются экологические функции культуры, в том числе сакрализация природных объектов. Многие из рассмотренных культурных феноменов находят подтверждение с позиций современной экологии.

Ключевые слова: индуизм, Индия, культура, касты, аграрное перенаселение, природопользование, сакрализация природы

Для цитирования: Алексеева Н. Н. Роль дхармических воззрений в становлении южноазиатской модели природопользования. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 4. С. 20–31. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-020-031

THE ROLE OF DHARMIC IDEOLOGY IN THE FORMATION OF SOUTH ASIAN MODEL OF NATURE MANAGEMENT

Nina N. Alekseeva

South Asia is the place where Dharmic religious and philosophical views (Hinduism, Buddhism and Jainism) originated and flourished. In ethnic ecology they are classified as ecophilic (friendly to the natural

¹ Алексеева Нина Николаевна, кандидат географических наук, и. о. зав. кафедрой физической географии мира и геоэкологии географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва; nalex01@mail.ru

Nina N. Alekseeva, PhD (Geography), Head, Department of Physical Geography of the World and Geoecology, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Moscow; nalex01@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5989-4139

environment). The understanding of nature as a 'living being', in contrast to the Abrahamic religions, even at the early historical stages determined the originality of nature management systems in India and their relative social and environmental sustainability. Since the Painted Grey Ware culture, when the role of cattle breeding decreased, agriculture got a predominantly crop orientation. Under agrarian overpopulation, in order to avoid crises, it was necessary to somehow limit the consumption of natural resources, especially land. The social and cultural institutions that originated in the depths of dharmic views were the best way to reduce the load on natural life supporting systems. The class hierarchy of varnas, the laws of Manu with the rule 'the hand of the artisan is always pure', the development of a hierarchical caste structure, a rural community with a system of mutual exchange, and other institutions can be interpreted as a response to the socio-ecological crisis in a densely populated society under a relative shortage of natural resources in the main agricultural areas of South Asia. The article focuses on the formation and influence of traditional Hindu-Buddhist views on the economic and cultural patterns of South Asia, considers the ecological functions of culture, including the sacralization of natural objects. Many of the considered cultural phenomena are confirmed from the positions of present-day ecology.

Keywords: Hinduism, India, culture, castes, agrarian overpopulation, nature management, sacralization of nature

For citation: Alekseeva N. N. The Role of Dharmic Ideology in the Formation of South Asian Model of Nature Management. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 20–31. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-020-031

ВВЕДЕНИЕ

Индия — место зарождения и процветания дхармических религиозно-философских учений: индуизма, буддизма, джайнизма, сикхизма (с различным влиянием в отдельных регионах в разные исторические периоды). В этнической экологии их относят к экофильным (дружественным по отношению к окружающей природной среде) религиям. В основе их мировоззрения лежат такие основополагающие концепции как *дхарма*, *карма*, *сансара*, духовная эволюция и вытекающие из этого идеи о нерасчлененности человека и природы, материи и духа.

Индуизм не относится к мировым религиям, но по числу приверженцев занимает третье место в мире. В Индии его последователями являются около 80% населения или свыше 1,142 млрд человек (учитывая, что в середине 2023 г. страна вышла на первое место в мире по численности населения с 1,428 млрд человек²). Приверженцев буддизма — древнейшей мировой религии, по разным оценкам, около 500 млн человек, в Индии их доля невелика (0,7%). По переписи 2011 г. джайнизм исповедуют 0,4%, сикхизм — 1,7% населения³.

Гипотеза исследования заключается в том, что дхармические религии в границах Южной Азии способствовали социально-экологической устойчивости традиционных систем природопользования этого крупного макрорегиона в прошлом и настоящем, также повлияли на Юго-Восточную Азию. Эти экофильные учения оказали существенное влияние на хозяйственно-культурный уклад огромных регионов, позволяя на протяжении столетий регулировать эксплуатацию природных ресурсов на относительно устойчивой основе. Экологические функции

² В ООН заявили, что население Индии превысит население Китая к середине 2023 года. ТАСС. 19.04.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17556203> (дата обращения: 15.06.2023).

³ Religious Composition of India. *Pew Research Center*. 21.09.2021 URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2021/09/21/religious-composition-of-india/> (дата обращения: 04.06.2023).

несли не только собственно религиозные учения, но и некоторые ритуалы и обряды, стереотипы поведения (крайние формы такого поведения сохранились у джайнов).

Особенности культуры, в первую очередь материальной и отчасти гуманитарной, хозяйственного уклада, социальных институтов во многом «диктуются» природой естественных ландшафтов, которые населяет та или иная этническая группа. Об этом более столетия назад писал один из крупнейших российских естествоиспытателей В. В. Докучаев, подметивший, что «... человек зонален во всех проявлениях своей жизни: обычаях, религии (особенно нехристианских религиях), в красоте, ... одежде, во всей житейской обстановке; зональны домашний скот, так называемые культурные растения, постройки, пища и питье» [Докучаев, 1948, с. 25–26]. Позднее в советской этнологии получила развитие концепция хозяйственно-культурных типов как отражение культурной дифференциации человечества, являющейся следствием неоднородности физико-географических условий Земли, которые приводят к различным результатам культурной адаптации.

В этнической экологии материальные и нематериальные феномены культуры рассматриваются как механизмы внебиологической адаптации к окружающей природной среде [Козлов, 1991, с. 16]. Традиционную культуру любой этнокультурной группы можно представить в виде взаимосвязанного целого, состоящего из четырех базовых компонентов, включающих материальные и нематериальные явления культуры (рис. 1).

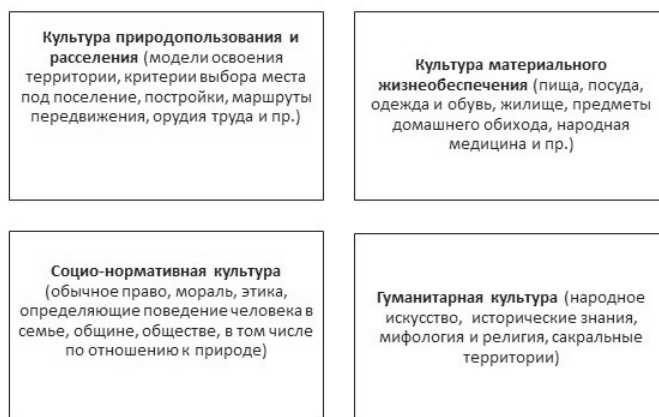

Рис. 1. Компонентный состав культуры с позиций экологии. Составлено по: [Ямсков, 2004, с. 44–45].

Цель статьи — выявление роли соционормативной и гуманитарной культуры в поддержании традиционных систем природопользования и социально-экологической устойчивости на примере Индии в историческом контексте. Рассмотрим, каким образом феномены культуры, зародившиеся под влиянием дхармических воззрений, способствовали снижению антропогенной нагрузки на природные системы. Для этого попытаемся интерпретировать многочисленные, но не всегда связанные между собой фактические данные, накопленные разными науками.

Несомненно, что окружающая среда Индии испытывает очень сильные антропогенные нагрузки, особенно возросшие в период экономического роста последних десятилетий. Для современной Индии характерен серьезнейший комплекс экологических проблем (см., например, работы Н. Н. Алексеевой 2022; В. П. Кашина, 2020 и др.) — переиспользование природных ресурсов, в том числе топливно-энергетических, минеральных, земельных, лесных, водных, сильное загрязнение атмосферного воздуха, водных источников и почв промышленностью, сельским

и коммунально-бытовым хозяйством, огромные объемы производства отходов, нарушение биологического разнообразия, отчуждение природных ландшафтов под застройку и промышленные парки и т. п. Данная статья не затрагивает эти вопросы, а посвящена важным отличиям, которые выделяют южноазиатский субконтинент на фоне других регионов Евразии с точки зрения истории взаимоотношений человека с окружающей природной средой и становления традиционных систем природопользования.

Особенности становления индо-буддийского типа культуры в Южной Азии

Почему экофильные учения возникли в густонаселенных районах Азии, существовали ли для этого особые естественно-исторические предпосылки? Если да, то были ли причинно-следственные связи между, например, соционормативными аспектами культуры (мораль, обычаи, ритуалы) тех или иных этносов и конкретной природной обстановкой?

Основы региональных систем взаимодействия этносов с природной и социальной средой обитания обычно закладываются на ранних этапах развития общественных структур, в поздненеолитическое время — начало эпохи бронзы. Предвестниками этапа становления индо-буддийского типа культуры была протоиндийская цивилизация и доарийские культуры, находившихся на разных уровнях социального развития. Городская культура Мохенджо-Даро и Хараппы (2600–1800 гг. до н. э.), сформировавшаяся на северо-западе Южной Азии, с городскими центрами в бассейне Инда, в ряде отношений превосходила цивилизации Месопотамии и Древнего Египта. Дравидоязычные народы культуры Хараппы создали сложную религиозно-мифологическую систему воззрений, типичную для ранних земледельческих культур эпохи бронзы и в то же время отличавшуюся своими особенностями. С тех времен вплоть до наших дней сохранились архаичные культы деревьев, животных, священных камней, рек, созвездий, практика ритуальных жертвоприношений и омовений. Н. Р. Гусева уточняет, что из эпохи Хараппы в развивающийся индуизм вошли пять культовых форм: поклонение богу Шиве (с прото-Шивой ассоциируют изображенного на глиняной печати человека в позе «лотоса» и в головном уборе с рогами), богиням (терракотовые фигурки богинь плодородия), священным быкам, деревьям и воде [Гусева, 2002, с. 84].

Автохтонное население на территории южноазиатского субконтинента было представлено относительно малочисленными дравидо-, мундоязычными и мон-кхмерскими племенами, занимавшимися охотой, собирательством, рыболовством и, возможно, примитивным земледелием. Большая часть равнин, плато, гор Индостана была покрыта муссонными лесами, безлесными были только пространства Тхара и Панджаба (Пятиречья Инда), где, по-видимому, преобладали открытые ландшафты типа опустыненных саванн и редколесий. Во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э. через равнины Панджаба с территории Ирана проникли индоарийские племена. Известно, что для кочевников-ариев, исконно населявших степные ландшафты [Quiles, 2017, p. 134], были характерны культы огня, коня и птиц, кровавые жертвоприношения животных, употребление мяса в пищу. По мере расселения в пределах Панджаба, а затем на плодородных землях Доаба (междуречье Ганга и Джамны) индоарии, перенимавшие навыки земледелия у автохтонных племен, постепенно переходили к оседлому земледельческому образу жизни, хотя значение скотоводства, особенно коневодства, было еще существенно. О постепенном изменении образа жизни индоариев в тот период — переходе от скотоводства к земледелию — свидетельствует то, что в ведийских гимнах главная роль стала

отводиться Индре — богу, отвечающему за силы, управлявшие дождями и грозами, необходимыми для получения хороших урожаев.

В конце ведийского периода сложилось деление общества на *варны* — 4 сословия: брахманов (жрецов), кшатриев (воинов), вайшьев (земледельцев, скотоводов и торговцев) и шудр (слуг и рабов). Закреплению сословных различий способствовали родоплеменные представления (среди них — ритуальная чистота, эндогамия, табу и др.), а также наличие обширного племенного мира, окружавшего освоенные земли. Северная Индия стала рассматриваться тогда как нечто единое, как «Арьяварта» («Страна ариев») — комфортная для «благородного» человека природная среда [Устинова, 2011, с. 140], в отличие от внутренних областей Индостана, населенных племенами.

Несмотря на прогресс плужного земледелия (возделывались пшеница, ячмень, рис, кунжут), в ведийский период значение скотоводства оставалось еще значительным [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 137]. В гимнах, обращенных к богам, едва ли не самыми настойчивыми просьбами были просьбы обеспечить обилие коров, домашний скот являлся причиной межплеменных конфликтов. Начиная с культуры «Серой расписной керамики» (середина XI–VII вв. до н. э.), когда значение скотоводства уменьшилось, сельское хозяйство получило преимущественно растениеводческую направленность.

Контакты индоариев с местными племенами, стоявшими на различных ступенях культурной и социальной эволюции, сопровождались взаимным влиянием ведийской (арийской) религии и традиционных культов. С местным субстратом связывают названия священных ритуальных объектов — *лингама*, *мусалы*, дерева *пила*, почитаемого в культовой практике. «Симбиоз» этих практик способствовал формированию индуизма, в котором заметное положение заняли боги (Шива, Кришна, Кубера и др.) и ритуальная практика доарийских народов. Период с III–II тысячелетия до н. э. по VIII–VI вв. до н. э. считается в индуизме формативным. Статус государственной эта религия получила во время правления династии Гуптов (III–IV вв.).

В VI в. до н. э. в Северной Индии возникли две новые неортодоксальные религиозные системы — буддизм и джайнизм, которые в последующие несколько столетий играли роль государственных религий в Южной Азии. Благодаря проповеди самоограничения, уважению к человеку и его делам, принципам ненасилия и поискам нравственной основы буддизм получил широкое распространение в странах Южной и Юго-Восточной Азии. Фундаментальной идеей буддийской гносеологии стала идея о нерасчлененности человека и природы, материи и духа. Из принципа единства мира вытекало понимание природы как живого существа.

Буддизм возник в иных географических условиях, чем ведийская литература и сложившийся на ее основе индуизм. Странствия и проповеди Будды связаны в основном с восточной частью Северной Индии, куда в тот период переместился центр экономической и политической жизни. Появление железных орудий труда (на это, в частности, указывают древние буддийские книги), увеличение сборов риса на плодородных равнинах среднего и нижнего Ганга способствовали бурному росту населения, разделению труда, росту городов. О распространении буддизма можно судить по эдиктам — надписям, высеченным на камне в период правления императора Ашоки из династии Маурьев (III в. до н. э.): примерные границы его державы простирались от устья Инда до устья Ганга. В эдиктах, помимо проповеди праведности буддизма, Ашока подчеркивал необходимость заботиться о природе, в особенности о живых существах. Он приказал, в частности, вырыть у дорог колодцы и насадить деревья «для удовольствия животных и людей» [Яковлев, 1985, с. 161–162].

Распространение буддизма в первые века до н. э. сопровождалось некоторым снижением роли скотоводства и распространением вегетарианства на равнинах Ганга, что косвенно

может свидетельствовать об относительном перенаселении и усилившемся дефиците земельных ресурсов для распашки. Невозможность отводить земли под пастбища и луга, с одной стороны, и низкая питательная ценность кормовых ресурсов для домашнего скота, с другой, обусловили подчиненное значение пастбищного скотоводства как отрасли сельского хозяйства. В то же время зависимость земледелия Индии от тягловой силы (в отличие от мелкоконтурных рисовых полей Японии и Восточного Китая) и естественного удобрения полей в отсутствие многолетних паров (скот и теперь выпасается на полях по пожнивным остаткам) вынуждали содержать большое количество домашних животных, особенно быков и буйволов.

Буддизм, разрушавший варновые основы социальной структуры, даже в реформированном виде (*махаяна*) не смог сохранить свои позиции в Индии: к концу I тысячелетия н. э. он был вытеснен индуизмом. К тому времени он сохранял свое значение только в Бихаре, Бенгалии и Кашмире, позднее полностью потерял прежнюю роль. Дж. Неру, объясняя упадок буддизма в Индии, пишет: «...значение, которое буддизм и джайнизм придавали принципу ненасилия, привело к тому, что земледелие стало считаться низким занятием, ибо оно часто было связано с убоим животных... Те, кто непосредственно обрабатывал землю, заняли более низкую ступень на социальной лестнице» [Неру, 1989, с. 275]. В то же время целый ряд буддийских идей и культовых элементов проник в индуизм, в частности, учение об *ахимсе* (санскр., «непричинение зла»), Будда был включен в индусский пантеон, многие буддийские святыни стали объектами поклонения индусов [Кочетов, 1983, с. 112].

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ КУЛЬТУРЫ И УСТОЙЧИВОСТЬ СИСТЕМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

На ранних исторических этапах развития индийского социума складывались традиции природопользования, которые сохраняли свое значение несколько тысячелетий (вплоть до XVIII–XIX вв.). Географический фактор играл существенную роль в освоении территорий. Наиболее пригодные для земледелия обширные аллювиальные равнины Инда-Ганга, трапные плато Декана, прибрежные низменности Индостана и дельтовые равнины Бенгалии с благоприятными агроклиматическими условиями, плодородными почвами и доступными водными ресурсами отличались огромной демографической нагрузкой. Эти территории стали ареной формирования крупных народов — хиндустанцев, бенгальцев, телугу, маратхов, тамилы, гуджаратацев, каннара, малаяли, ория, панджабцев. Их ареалы совпадают с наиболее освоенными земледельческими районами Южной Азии. Аграрное перенаселение, вероятно, было максимальным на территории Гангских равнин: наиболее высокие плотности населения были характерны, как в прошлом, так и теперь, для их центральной части (в пределах современных штатов Уттар-Прадеш и Бихар), начиная с 500–400 гг. до н. э. [Ellis, Erle, 2021, p. 16]. По некоторым оценкам, уже в I тысячелетии до н. э. численность населения индийского субконтинента составляла около 30 млн человек, а в середине XVII в. превысила 150 млн человек [A Historical Atlas..., 1978, p. 45].

Природопользование в условиях относительной перенаселенности предполагало исключение конкуренции за природные ресурсы путем социальных ограничений форм занятости. В Индии кастовая структура как нельзя лучше выполняла эти функции. В отличие от родоплеменной организации общества кастам свойственна профессиональная специализация и разделение труда, передаваемые членами каст от поколения к поколению.

Деление общества на *варны* и касты возникло в ведийскую эпоху [Юрлова, 2018, с. 11]. Кастовая система, берущая свое начало с равнин Ганга, постепенно распространяла свое влияние

на племенную периферию. Каждая каста представляла собой общину, имевшую только ей присущее название, происхождение, правовое положение своих членов. От района к району наблюдаются территориальные различия в количестве каст, их соотношении, статусном ранжировании и пр. [Индия. Страна и её регионы, 2000, с. 39]. Неслучайно территориальные кастовые системы отдаленно перекликаются с выделяемыми в этнической экологии «этнотерриториальными группами населения». Последние характеризуются общим происхождением и сходными элементами материального жизнеобеспечения, т. е. однотипным набором используемых природных ресурсов. Разделение каст в сфере производства, а значит и в использовании природных ресурсов, снижало межкастовую конкуренцию до минимума, обуславливало равномерное распределение антропогенных нагрузок и эксплуатацию природно-ресурсного потенциала без нарушений циклов возобновления основных видов ресурсов. Примеры такого «разделения» природных ресурсов сохранились и сейчас. Так, на западе Махараштры касты плетельщиков кайкадов и макадвалов используют разное сырье для изготовления корзин: первые — только бамбук, вторые — пальмовые листья [Куценков, 2002, с. 68], при этом они заинтересованы в сохранении своей ресурсной базы, что снижает ее «переиспользование».

Таким образом, касты предопределили устойчивые региональные эколого-хозяйственные системы, которые заняли соответствующие экологические ниши в ландшафте. Кастовая система позволила регламентировать и ограничить нагрузку на природные, прежде всего земельные, ресурсы. Становление кастовой системы в древности можно рассматривать как своеобразный «отклик» на растущий земельный голод в основных земледельческих районах. Кастовая структура, помимо выполнения множества социальных функций, стала механизмом регулирования природопользования в Индии [Алексеева, 1995, с. 35].

Высокая контрастность ландшафтных условий при незначительном динамизме традиционного хозяйства обусловила региональные особенности аграрных отношений и специфические формы кастовой структуры. На территории Индии выделяют восемь территориальных типов кастовых структур [Индия. Страна и её регионы, 2000, с. 46]. Так, для северо-запада Индии, испытавшего сильное влияние арийской культуры, характерна эгалитарная кастовая структура с большой ролью высоких и средних каст. На Юге, где возделывание риса и весь комплекс связанных с ним операций считаются социально низким занятием, высшие касты характеризуются чрезвычайно низкой долей (5%) в кастовом профиле.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ

Институт сельской общины, ставшей основой социальной организации индийской деревни с середины I тысячелетия до н. э., подробно рассмотрен в работе Л. Б. Алаева (2016). В общине все пахотные земли были распределены между семьями, в общинном пользовании находились пастбища, леса, водоемы, пустоши. Повсеместно была распространена система *джиджмани*, предусматривавшая обмен натуральными продуктами и услугами между кастами. Касты ремесленников, например, должны были обслуживать земледельческие касты, а последние — делиться с ними частью собранного урожая. С позиций экологии такая система взаимных обязательств ограничивала доступ к земельным ресурсам, обеспечивая относительно равномерное распределение антропогенной нагрузки на природные ресурсы, и гарантировала индийской деревне не только высокую экономическую, но и экологическую устойчивость.

Однако сбалансированное и стабильное природопользование в рамках сельской общины было и фактором стагнации общественного развития, т. к. не создавало стимулов для культурных

и технических нововведений. Такой социальный застой способствовал консервации кастовой структуры на протяжении нескольких тысячелетий вплоть до Британского периода в истории Индии.

ИЗМЕНЕНИЯ КАСТ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Трансформация кастовой структуры началась с эпохой индустриального развития, совпавшей в Индии с колониальными захватами англичан, нуждавшихся в сырье для растущей промышленности. Экономическое развитие колонии требовало изъятия земель под распашку, промышленную и городскую застройку, строительство гидротехнических сооружений, транспортных коммуникаций и портов. Толчком к ликвидации сбалансированного природопользования в рамках кастовой структуры явилось отчуждение общинных лесов в период 1860–1914 гг. и перевод их в категорию так называемых «резервных лесов», попавших под юрисдикцию британской администрации [Gadgil, 1991, p. 13]. В результате многие касты оказались оторванными от природных систем своего существования, снизились адаптивные возможности этой структуры общества.

Изменилось и общественное положение ряда каст (об этом подробно в работах А. А. Куценкова (2002), Е. С. Юрловой (2018) и др.). Так, например, «крестьянские касты» по ритуальному статусу всегда занимали невысокое место в кастовой иерархии. Однако благодаря аграрным реформам и перераспределению земли в их пользу экономическое положение крестьянских каст существенно укрепилось, что заметно повысило их социальный статус и политические амбиции [Куценков, 2002, с. 67]. В современной Индии профессии утратили прямую связь с традицией: в рамках любой профессии можно встретить выходца из любой касты, религиозной общины и этнической группы.

В современном экологическом дискурсе Индии касты редко рассматриваются в природно-экологическом контексте. В недавно изданной книге Мукул Шарма показал связь каст и природы через призму *далистов*. Автор исследует их мифы, фольклор, метафоры вокруг природы [Sharma, 2018]. Он вводит термин «экокастизм» как экологическую детерминанту касты, обеспечивающую рационализацию и оправдание кастовой системы через природу. Еще один острый вопрос, поднятый в книге, — кастовая иерархия и социальная несправедливость в использовании ресурсов. Неслучайно, что Б. Р. Амбедкар выдвигал на первый план проблемы доступа *далистов* к воде и земле. Автор указывает на усиление межкастовых конфликтов из-за водных ресурсов, земли, лесных и др. общинных ресурсов, которые и сейчас являются предметом повседневных споров между *далистами* и *саварнами* (кастовыми индусами). Далиты, обладающие собственными «экологическими взглядами», стремятся отделить природную среду от кастовой структуры и эксплуатации. В то же время *далисты* создают серьезные проблемы для защиты окружающей среды, продуцируя нечистоты и загрязнения.

САКРАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНИ — ВЕГЕТАРИАНСТВО — ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

В экофильных религиях, основанных на догматах *ахимсы*, необходимым условием жизни человека является вегетарианство и неприемлемость потребления животной пищи. В некоторых ортодоксальных брахманских кастах Южной Индии исключается даже употребление красных овощей, цвет которых напоминает кровь животных. Скот используется как тяговая сила, источник молока и в меньшей степени мяса, шкур и др. Забой животных обычно осуществляют

представители неиндусских конфессий или низших каст. В итоге в современной Индии поголовье крупного рогатого скота превышает поголовье домашнего скота всей Африки, хотя доля пастбищ в земельном фонде ничтожна (3,7%).

Более рациональный характер вегетарианства с позиций экологии очевиден. Так, при одинаковой скорости фиксации солнечной энергии и объемах растительной биомассы растениеводство дает гораздо больший энергетический выход калорий, чем скотоводство. Например, гектар пашни, используемый для выращивания риса, обеспечивает 7400 ккал, если же эта площадь используется для выпаса крупного рогатого скота для производства молока, то выход составляет 1800 ккал, если же как пастбище для мясного скотоводства — то всего 340. Узко земледельческое использование территории Индии на протяжении трех тысяч лет обеспечило наибольшие плотности населения. Не случайно, что по распаханности территории Индия в настоящее время выделяется на фоне других крупных стран мира. Пашни занимают более 53% земельного фонда при том, что среднемировой показатель не превышает 11%. Этот пример показывает, как религиозные традиции преломляются в системах природопользования.

САКРАЛИЗАЦИЯ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ

Еще один аспект экологических функций индо-буддийской культуры связан с почитанием природы, закрепленным в ритуалах, обрядах, нормах поведения, многие из которых находят объяснение в том числе и с экологических позиций. Бережное отношение к живой природе вытекало из представлений о взаимном родстве и близости между живыми существами, вошедших в дхармические религии из древних тотемистических представлений. Племенная периферия, существовавшая в непосредственной близости от сельскохозяйственных районов, на протяжении всей истории существенно влияла на формирование традиционных социальных институтов. Так, на уровне племенной организации общества выработались практика запретов на охоту и собирательство в те или иные сезоны года, табу на убийство некоторых животных и сбор растений, имеющих тотемное значение, табу на любые формы антропогенных воздействий в священных рощах или водоемах. Эти традиции оказались весьма стойкими и вошли в практики дхармических религий. В индуизме, буддизме и джайнизме они закрепились в виде догматов *кармы* и *ахимсы*. В наибольшей степени идею ненасилия, уже содержащуюся в ведах и упанишадах, развили буддизм и особенно джайнизм.

Особая роль в Южной Азии отводится храмовым лесам или рощам, которые широко распространены и выполняют ряд социальных и культовых функций. В условиях сплошной распашки они играют роль рефугиумов (убежищ) флоры и фауны — центров сохранения и восстановления биоразнообразия. Примером такой практики может служить священная тиковая роща Сагдара в Западных Гхатах. Святость рощи связана с преданием о божестве Кхандоба: дабы не навлечь на себя несчастья, местное население не использует даже опавшую листву в роще, а листья, перенесенные ветром на поля, собирает и относит обратно. Таким образом, сохраняются все средообразующие функции этого сакрального объекта.

Нельзя не упомянуть самую известную черту индо-буддийской культуры — поклонение священным растениям и животным. Во многих странах Юга Азии к сакральным относятся деревья пипал (*Ficus religiosa*) и баньян (*Ficus bengalensis*), которые бережно сохраняются и в деревенских рощах, и в многомиллионных городах. Баньян особенно почитается среди дравидийских народов, которые верят, что это дерево способно обеспечить плодородие и потомство. Древесина и ветви баньяна используются в качестве атрибутов свадебных ритуалов. По мнению экологов,

охрана деревьев из рода *Ficus* является необходимым условием для произрастания других тропических видов. Почитают также дерево ним (*Azadirachata indica*) и «куст Вишну» тулси (*Ocimum sanctum*).

К типичным чертам геокультурного пространства Индии можно отнести обязательное присутствие в нем диких и домашних животных, мирно соседствующих с человеком (а не активно используемых, как, например, в Европе). Прежде всего это коровы и быки породы зебу, обезьяны, слоны, кобры, крокодилы и др. Среди дравидоязычных народов особо распространен культ буйвола, буйволиную природу имеют некоторые мифологические персонажи (например, Махиша). Такое отношение к живой природе связано с интуитивным осознанием необходимости поддержания экологического баланса в сильно освоенном регионе, т. к. для обитания указанных видов требуются разнообразные ландшафты в малонарушенном состоянии⁴ и экологические коридоры, их соединяющие.

Еще одна особенность индо-буддийского типа культуры — сакрализация ландшафтных объектов, особенно гор и рек. Экологическое обоснование этого культурного феномена заключается в необходимости сохранения наиболее уязвимых ландшафтов, от которых зависят системы жизнеобеспечения десятков миллионов людей. Благоговейное отношение миллионов индийцев связано с Гималаями — «обителью богов». Сюда совершаются длительные паломничества: особенно почитаемы гора Кайлас (6740 м) близ индо-китайской границы и озеро Манасаровар. В последние десятилетия нарушение высокогорных ландшафтов в результате сведения лесов, смыыва почв, активизации эрозии привели к ослаблению водорегулирующей роли этой горной системы. Это привело, в свою очередь, к активизации опасных бедствий — наводнений, миграций русел рек, засух, которые поразили нижележащие густонаселенные Индо-Гангские равнины.

Сакральная география Индии включает шесть священных рек (Ганг, Джамна, Инд, Нарбада, Голавари, Кавери), воды которых считаются очищающими. Несмотря на традиции поклонения рекам, в них массово сбрасываются промышленные и коммунальные стоки, а воды отличаются высоким биогенным загрязнением из-за низкого уровня санитарии (в том числе во время проведения многолюдных религиозных праздников, таких как Кумбха Мела). Ганг — одна из самых загрязненных рек мира: 3/4 стоков поступают в нее неочищенными, свыше 600 км реки представляют собой экологически «мертвую зону» [Сдасюк, 2021, с. 281]. На бассейн Ганга приходится 30% речного стока Индии, свыше 40% населения и 26% площади. Н. Модии, возглавивший правительство в мае 2014 г., уже в июне 2014 г. провозгласил одним из приоритетов развития программу «Мать Ганга» (*Namami Ganga Programme*) с целью очищения речных вод и восстановления биоразнообразия. Ее цель совпадала с устремлением «восстановить древнюю гордость индусской цивилизации»⁵.

Выводы

Таким образом, экологические функции культуры в Южной Азии чрезвычайно многогранны. Культура в данном регионе выполняла не только адаптивную роль по отношению к окружающей среде, но и регулятивные функции. Видимо, регулятивные функции культуры особенно важны в традиционных обществах, которые еще на ранних исторических этапах

⁴ В настоящее время из-за обезлесения и сокращения площади нетронутых ландшафтов под угрозой исчезновения в Индии находятся 95 видов млекопитающих, в т. ч. азиатский лев, бенгальский тигр, цветга, хангул, индийский носорог, золотой и нилгирийский тонкотелый и др., 80 видов птиц.

⁵ Acharya S. Un-caste-ing Indian Environmentalism: Why The Climate Justice Movement Must Be Anti-Caste. YKA. 05.04.2021. URL: <https://www.youthkiawaaz.com/2021/04/un-caste-ing-indian-environmentalism-why-the-climate-justice-movement-must-be-anti-caste/> (дата обращения: 26.07.2023).

столкнулись с относительным дефицитом природных ресурсов из-за высоких демографических нагрузок и были вынуждены развиваться в этих условиях. Поэтому возникшие в глубокой древности социальные и культурные институты, помимо выполнения собственных функций, регулировали антропогенные нагрузки на природные системы жизнеобеспечения и ресурсную базу ландшафтов. При этом религиозно-философские концепции, ритуальная практика, стереотипы поведения во многом «освещали» экофильное, сберегающее природопользование. Само существование и выживание этносов зависело от выбора стратегии — экофильной или экофобной — ввиду чрезвычайно сильной зависимости всех общественных процессов от состояния природной и природно-антропогенной среды.

Очевидно, что весь путь эволюции традиционных систем природопользования и связанных с ними социальных институтов и культурных традиций Индии резко отличается от опыта западной цивилизации. Если сравнивать «экологические» догматы дхармических и авраамических религий, то одушевление природы, поклонение естественным силам, умерение материальных потребностей наиболее характерны для индо-буддистского типа, и наименее — для западного христианства. В то же самое время нацеленность на покорение природы максимально соответствует духу протестантской этики, что привело в западной цивилизации к потребительскому, а не родственному отношению к природе, свойственному религиям Южной Азии.

Литература / References

Алаев А. Б. *Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе.* М., 2016 [Alaev L. B. *Rural community: "A novel inserted into history". Critical analysis of theories of the community, historical evidence of its development and role in a stratified society.* Moscow, 2016 (in Russian)].

Алексеева Н. Н. Экологические аспекты культурных традиций Индии. *Вестник Моск. ун-та. Сер. геогр.* 1995. № 6. С. 34–40 [Alekseeva N. N. Environmental aspects of the cultural traditions of India. *Bulletin of Moscow University. Geography Series.* 1995. No. 6. Pp. 34–40 (in Russian)].

Алексеева Н. Н. Роль Индии в глобальной климатической повестке: от аутсайдера до ведущего игрока. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2022. № 2. С. 92–104 [Alekseeva N. N. The role of India in the global climate agenda: from an outsider to a leading player. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies RAS.* 2022. No. 2. Pp. 92–104 (in Russian)].

Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. *Индия в древности.* М., 1985 [Bongard-Levin G. M., Ilyin G. F. *India in antiquity.* Moscow, 1985 (in Russian)].

Гусева Н. Р. *Индия в зеркале веков.* М., 2002 [Guseva N. R. *India in the mirror of the ages.* Moscow, 2002 (in Russian)].

Докучаев В. В. О почвенных зонах вообще и вертикальных зонах в особенности. *Учение о зонах природы.* М., 1948 [Dokuchaev V. V. About soil zones in general and vertical zones in particular. *The doctrine of the natural zones.* Moscow, 1948 (in Russian)].

Индия. Страна и её регионы. М., 2000. С. 39–41 [India. Country and its regions. Moscow, 2000 (in Russian)].

Кашин В. П. Экологическая катастрофа угрожает Индии. *Азия и Африка сегодня.* 2020. № 4. С. 13–18 [Kashin V. P. Ecological catastrophe threatens India. *Asia and Africa Today.* 2020. No. 4. Pp. 13–18 (in Russian)].

Козлов В. И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты. *Этническая экология: теория и практика.* М., 1991. С. 14–43 [Kozlov V. I. Life support of an ethnos: the content of the concept and its environmental aspects. *Ethnic ecology: theory and practice.* Moscow, 1991. Pp. 14–43 (in Russian)].

Кочетов А. Н. Буддизм. М., 1983 [Kochetov A. N. *Buddhism.* Moscow, 1983 (in Russian)].

Кусенков А. А. Индия: традиционный социально-культурный комплекс и политика. *Восток*. 2002. № 1. С. 64–82 [Kucenkov A. A. India: Traditional Socio-Cultural Complex and Politics. *Oriens*. 2002. No. 1. Pp. 64–82 (in Russian)].

Неру Дж. *Открытие Индии. Книга первая*. М., 1989 [Nehru J. *Discovery of India. Book one*. М., 1989 (in Russian)].

Сдасюк Г. В. *Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы*. М., 2021 [Sdasyuk G. V. *New India. Geography of development: achievements, problems, prospects*. Moscow, 2021 (in Russian)].

Успенская Е. И. Природа/культура по-индийски: кастовый строй общества. *Общество. Среда. Развитие (Terra humana)*. 2011. № 14 (1). С. 139–145 [Uspenskaya E. I. Nature / culture in Indian style: the caste system of society. *Society. Environment. Development (Terra humana)*. 2011. No. 14 (1). Pp. 139–145 (in Russian)].

Юрлова Е. С. Роль каст в современной Индии. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 4. С. 10–17 [Yurlova E. S. The Role of Castes in Modern India. *Asia and Africa Today*. 2018. No. 4. Pp. 10–17 (in Russian)].

Яковлев Е. Г. *Искусство и мировые религии*. М., 1985 [Yakovlev E. G. *Art and world religions*. Moscow, 1985 (in Russian)].

Ямсков А. Н. Экологические функции основных компонентов традиционной культуры. *Этно-экологические исследования*. М., 2004. С. 36–60 [Yamskov A. N. Ecological functions of the main components of traditional culture. *Ethnoecological research*. Moscow, 2004. Pp. 36–60 (in Russian)].

A Historical Atlas of South Asia. Chicago and London: University of Chicago Press, 1978.

Ellis E. C. Land Use and Ecological Change: A 12,000-Year History. *Annual Review of Environment and Resources*. 2021. No. 46. Pp. 1–33.

Gadgil M. Restoring India's Forest Wealth. *Nature and Resources*. 1991. Vol. 27. No. 2. Pp. 13–14.

Quiles C. *Indo-European demic diffusion model*. 3rd edition. Badajoz, 2017.

Sharma M. *Caste and Nature. Dalits and Indian Environmental Politics*. New Delhi, 2017.

Электронные ресурсы / Electronic sources

В ООН заявили, что население Индии превысит население Китая к середине 2023 года. ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17556203> (дата обращения: 15.06.2023).

Acharya S. Un-caste-ing Indian Environmentalism: Why the Climate Justice Movement Must Be Anti-Caste. *УК4*. 05.04.2021. URL: <https://www.youthkiawaaz.com/2021/04/un-caste-ing-indian-environmentalism-why-the-climate-justice-movement-must-be-anti-caste/> (дата обращения: 26.07.2023).

Religious Composition of India. *Pew Research Center*. 21.09.2021. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2021/09/21/religious-composition-of-india/> (дата обращения: 04.06.2023).

ДЕЛИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНОЗЕМЦЕВ (XVIII–XIX вв.)

© 2023

А. А. Козлова¹

Дели XVIII–XIX вв. пережил неоднократные удары судьбы. Внутренние распри, череда нашествий и грабежей, несомненно, оставили свой след в жизни города. Иноземные захватчики стремились заполучить в свои руки прославленную столицу Дели, которая на протяжении всей Могольской эпохи являлась символом власти. Нашествия Надир-шаха и Ахмад-шаха Абдали усугубили неприязнь к персидскому языку, и хотя изучение его не прекращалось, появился целый ряд стихотворцев, писавших на урду. Недовольство положением дел в столице и эмоциональные переживания нашли отражение в жанре шахр-е ашоб – стихах о бедствиях и разрушениях города. Покровительство (как могольских падишахов, так и британцев) способствовало расцвету изящных искусств в Дели в первой половине XIX в. Часть придворных живописцев продолжила работать в позднемогольском стиле, другая же стала писать свои работы под влиянием живописной школы британского натурализма и в угоду вкусам проживавших в Дели иностранцев. В результате в изобразительном искусстве сформировалось отличное от позднемогольского стиля направление, которое стало называться кампани калам или стиль/живопись [Ост-Индской] компании.

Ключевые слова: Дели, Шахджаханабад, Могольская империя, Поздние Моголы, литература, изобразительное искусство, влияние иностранцев

Для цитирования: Козлова А. А. Дели под влиянием иноземцев (XVIII–XIX вв.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 32–41. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-032-041

DELHI UNDER FOREIGN INFLUENCE (EIGHTEENTH AND NINETEENTH CENTURY)

Alexandra A. Kozlova

Throughout the Mughal era the city of Delhi was a symbol of power, so foreign invaders sought to take control of it. Delhi has suffered repeated blows of fate. Internal strife, a series of invasions and robberies undoubtedly left their mark on the life of the city. The invasions of Nadir Shah and Ahmad Shah Abdali provoked hostility towards the Persian language, and although it was still in use, a number of poets gravitated toward the use of Urdu. Dissatisfaction with the state of affairs in the capital and emotional experiences of the Delhi inhabitants were reflected in poems about the disasters and destruction of the city. These poems formed a genre named Shahr-e Ashob. Mughal padishahs and the British both patronized the fine arts, which brought a great contribution to the flourishing of fine arts in Delhi in the first half of the 19th century. Some of the court painters continued to work in the late Mughal style, while others in their pursuit of pleasing the tastes of foreigners living in Delhi began to paint their works under the influence of the pictorial school of British naturalism.

¹ Козлова Александра Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН, Москва; kaa-iaas@mail.ru

Alexandra A. Kozlova, PHD (History), Research Fellow, Center for Indian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; kaa-iaas@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3799-6086

As a result, in the visual arts was formed the so called East India Company style or painting, which was much different from the late Mughal style.

Keywords: Delhi, Shahjahanabad, Mughal Empire, Late Mughals, literature, fine arts, influence of foreigners

For citation: Kozlova A. A. Delhi under Foreign Influence (Eighteenth – Nineteenth Century). *Vestnik*

Instituta vostokovedeniya RAN. 2023. No. 4. Pp. 32–41. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-032-041

Город Дели был символом власти на протяжении всей Могольской эпохи, поэтому иноземные захватчики стремились заполучить в свои руки прославленную столицу. Несмотря на неоднократные удары судьбы, которые пришлось пережить Дели, говорить о резкой и безвозвратной деградации столицы не приходится. Внутренние распри, череда нашествий и грабежей, несомненно, оставили свой след в жизни города, однако Дели сохранил функции важнейшего историко-культурного центра Северной Индии, продолжая развиваться.

НАСЕЛЕНИЕ И АТМОСФЕРА ДЕЛИ

Вторжение иноземных захватчиков повлияло наиболее негативно на численность населения Дели и на уровень и качество жизни делийцев. Население Дели во второй половине XVII в. могло составлять около 500 000 человек [Lough, 1961, vol. V, p. 246]. По предположению исследователя Стивена Блейка, на начало правления Мухаммад-шаха Рангилы (пр. 1719–1748) численность населения Дели, возможно, составляла около 400 000 чел. [Blake, 1991, p. 175]. Вторжение в 1739 г. в Дели Надир-шаха (1688–1747) и дальнейшие удары судьбы — грабительские набеги основателя Дурранийской державы Ахмад-шаха Дуррани/Абдалли (ок. 1721–1773), маратхские войны и отложение Ауда, Бенгалии и Хайдарабада, английское вторжение и битва при Плессси (1757) — негативно повлияли на Дели и Могольскую империю. Уолтер Гамильтон, член Королевского Азиатского Общества, ссылаясь на данные Фрэнсиса Бьюкенена², общую численность жителей города на начало XIX в. оценил в 312 тыс. человек [Hamilton, 1820, vol. I, p. 262]. В период упадка империи Моголов, сопровождавшегося войнами, мятежами, вторжениями иноземных захватчиков, произошло резкое сокращение платежеспособного населения и спроса на товары, что обусловило движение масс людей из города в деревни.

Даргах Кули-хан, перс по происхождению, находился на службе у *наваба* Низам-ул-мулка Асаф-Джаха I³ (1671–1748), правившего в Декане. Даргах Кули-хан был назначен официальным летописцем и состоял в свите Асаф-Джаха I, когда тот отправился в Дели по приглашению падишаха Мухаммад-шаха Рангилы для решения политических вопросов. Он пробыл в столице несколько лет, с 1737 (1738) по 1741 г. В историческом сочинении «Муракка-е Дели» («Делийский альбом») Кули-хан рисует захватывающую картину социальной и культурной жизни Дели XVIII в. Наблюдения Даргаха Кули-хана, сделанные незадолго до и после вторжения Надир-шаха, представляют собой иллюстрацию культурной и политической жизни Дели, где невыносимым образом сочетались крайности. Великолешие культуры Великих Моголов резко выделялось на фоне политических потрясений и вызванных ими уныния и депрессии.

² Фрэнсис Бьюкенен / Фрэнсис Бьюкенен-Гамильтон (1762–1829) — шотландский ученый, по заказу правительства Бенгалии в 1807–1814 гг. исследовавший территории, которыми владела Ост-Индская компания.

³ Низам-ул-мулк Асаф-Джах I (1671–1748) — визирь империи Великих Моголов, основатель династии низамов Хайдарабада (1720–1948). Известен также как Мир Камар-уд-дин и Чин Килич хан.

Во время нашествия Надир-шаха поднять и укрепить дух делийцев помогала музыка. Музыканты, выступавшие для императорского двора и лично Мухаммад-шаха, (Ниямат Кхан, Боле Кхан Калавант, Таки, Чамани и прочие) стали играть представления повсеместно и для горожан [Dargah Quli Khan, 1989, p. 91, 96, 108]. По наблюдениям Кули-хана, музыка была самой распространенной и популярной формой развлечения, практикуемой во всех сферах жизни, которой покровительствовали и при дворе, и в домах знати, в домах суфиев, музыкантов и танцоров. Музыка звучала на улицах и в местах общего пользования. Она объединяла людей разного вероисповедания, социального положения, выступала как мощный инструмент культурной интеграции и социальной гармонии.

Женщины-танцовщицы, которых упоминает Кули-хан, были юны, красивы и чрезвычайно талантливы, повсеместно признаны и желанны. Только богатые люди могли позволить себе покровительствовать им. Некоторые из женщин, такие как Нур Баи, Камал Баи, Чак Мак Дани были непосредственно связаны с императорским двором [Dargah Quli Khan, 1989, p. 110, 111, 122]. О знаменитой танцовщице и исполнительнице газелей Камал Баи автор писал — после нашествия Надир-шаха падишах воздерживался от музыкальных вечеров и приостановил их проведение во дворце. Таким образом, общество Камал Баи, которое ранее было запрещено простым людям, стало теперь им доступно [Dargah Quli Khan, 1989, p. 122]. Кули-хан оставил аналогичный комментарий, когда упоминал об исполнительницах по имени Панна и Тану [Dargah Quli Khan, 1989, p. 121, 124]. До вторжения Надир-шаха Панна была главной танцовщицей императорского двора, ее манящая красота и грациозность доставляли огромное удовольствие *бадшаху*, который осыпал ее милостями. Теперь же она организовывала музыкальные вечера для своих поклонников и радовала их выступлениями. Ее стиль весьма своеобразен — в речи она использовала разговорный диалект, изобиловавший пословицами, идиомами и даже бранными словами, что завораживало и приводило в восторг аудиторию [Dargah Quli Khan, 1989, p. 124]. После вторжения Надир-шаха состояние людей искусства сильно пошатнулось, количество проводившихся в Дели *мехфилов*⁴ значительно сократилось.

XVIII век в истории могольской Индии обычно характеризуется как период упадка, декадентства и деградации. Во многих источниках вторжение Надир-шаха и устроенная им в городе резня рассматриваются как маркер конца величия могольского Дели, но Даргах Кули-хан воспринимал эти события как временный регресс и спад в жизни столицы. Дели сохранял функции важнейшего историко-культурного центра Северной Индии, продолжая развиваться. Несмотря на упадок города, многими воспринимавшийся как унижение, Даргах Кули-хан описывал Дели как город по-прежнему яркий и утонченный, полный очарования и интриг. Столица оставалась городом радости, местом, примечательным своими безумными вечеринками, яркими торжествами и фестивалями. Красота дворцов и святых мест Дели «соперничала» только с великолепным многообразием общества и ошеломляющим количеством поэтов, танцоров и мистиков. По словам Кули-хана, культурная жизнь в городе находилась в самом расцвете, а люди смогли сохранить радость к жизни и веселый нрав.

Относительно спокойный период Дели переживал с 1803 г., когда падишах Шах Алам II был вынужден признать власть англичан и перейти под «покровительство» британской Ост-Индской компании. Прежняя незащищенность исчезла, жизнь города шла по накатанной колее до восстания 1857–1859 гг.

⁴ *Мехфил* (перс. محفل / महफिल) — букв. заседание, ассамблея; вечера придворных развлечений, на которых проходили состязания поэтов, выступали музыканты, певцы, танцоры.

Общая картина города до мятежа была хорошо описана Чарльзом Ф. Эндрюсом⁵ на основе отчетов старожилов [Andrews, 1929, p. 4–9]. «В мирные годы после британской оккупации» Дели процветал и был весьма многолюден. Одним из самых густонаселенных районов Старого Дели было то место, где ныне проходит сеть железнодорожных линий. Большое открытое пространство между Джама Масджид и Красным фортом, которое во времена Эндрюса использовалось исключительно в военных целях, в то время было заполнено домами городских жителей среднего класса и использовалось как жилой квартал. Там также были дома, принадлежавшие знати Могольского двора [Andrews, 1929, p. 4–7].

Весной 1857 г. Дели больше не был экономически приграничным городом, окруженным истощенной сельской местностью. В городе было большое изобилие, и люди из-за нехватки места и мирных условий начали переезжать и поселяться за городскими стенами. Продукты питания были дешевы. Долгое время цены оставались чрезвычайно низкими, поскольку Дели был центром очень большого и плодородного сельскохозяйственного района [Andrews, 1929, p. 4–7]. Также Дели становился коммерческим центром быстро растущей торговли [Spear, 2011, p. 194]. За стенами города наблюдался рост пригородов, появлялись британские бунгало. Гражданские чиновники переезжали из обнесенного стеной Старого Дели, покидая район Дарьягандж и район у Кашмирских ворот. Некоторые, такие как сэр Эдвард Колбрук⁶ и Томас Метка(л)ф⁷, построили особняки на открытой местности. Новую жизнь обрел и район Мехраули, который стал местом летнего отдыха для могольского падишаха и аристократии. Двор был культурным центром, индусы доминировали в коммерческой жизни, а британцы руководили администрацией. Официальные вечеринки в саду Метка(л)ф-хауса посещали принцы Великих Моголов, индуистские банкиры, а также британские чиновники и их жены [См. Steel, 1897, Bk. 2, ch. 5].

Сипайское восстание весьма негативно сказалось на могольской столице, имперский город сокрушили время и насилие. Европейские путешественники, посетившие Дели после 1857–1859 гг., выразили большое сожаление по поводу изменения облика города. Дели сразу после восстания выглядел весьма удручающе: «Не было видно ни души, только тишина и абсолютное опустошение. Магазины, где продавалось золото, серебро, бесценные индийские шали, были разграблены и выпотрошены. Дома были открыты и необитаемы... <...> Дели сейчас похож на открытую могилу с перевернутым содержимым, и в таком оскверненном состоянии [город] лежит обнаженный у всех на виду среди бела дня» [Minturn, 1858, p. 279]. Напоминанием о резне 1857 г. служили земляные насыпи, разбросанные по округе пустые руины, разбитые городские стены. Плиты и кресты на могилах павших солдат за кашмирскими воротами довершали печальную картину [Matheson, 1870, pp. 356–357].

Несмотря на негативные последствия восстания, некоторые районы Дели достаточно быстро восстанавливались, из них убрали мусор и продолжали работы по очистке [Matheson, 1870, p. 353]. Город продолжал жить дальше: благодаря англичанам в Дели появилось много нового (телеграф, почта, железнодорожные пути, мосты через реки, хороший караван-сарай для размещения путешественников и т. п.). Путешественники отмечали, что в лучшую сторону

⁵ Чарльз Фрэнсис Эндрюс (1871–1940) — священник англиканской церкви и христианский миссионер, педагог и социальный реформатор, борец за независимость Индии. Эндрюс был близким другом Рабиндраната Тагора и Махатмы Ганди и присоединился к освободительной борьбе Индии.

⁶ Сэр Эдвард Колбрук (1761–1838), 3-й барон Колбрук. Британский резидент / политический агент в Дели (1827–1828), брат санскритолога Генри Томаса Колбрука (1765–1837).

⁷ Томас Теофил Метка(л)ф (1795–1853), служащий Ост-Индской компании и комиссар /агент провинции Дели в 1838–1844 гг.

менялась ситуация с транспортом. В целом Дели довольно быстро подвергался модернизации и обрстал «европейскими характеристиками» [Bulger, 1869, p. 27].

ИЗМЕНЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Упадок могольской империи, нашествия Надир-шаха и Ахмад-шаха Абдали усугубили неприязнь к персидскому языку, и хотя изучение его не прекращалось, появился целый ряд стихотворцев, писавших на урду. Хотя персидский язык оставался официальным языком империи до 1835 г., уже к середине XVIII в. он стал вытесняться из литературы языком урду. Некоторые поэты продолжали создавать произведения на фарси, но их творчество утратило прежнее значение и было лишь данью литературной традиции, отражающей затянувшийся этап двуязычия в общем процессе замены персидского языка в литературе языком урду. Последним крупным индийским персоязычным поэтом был Абдулкадир Бедиль (1644–1720) [Глебов Н. В., Сухочев А. С., 1967, с. 40].

Недовольство положением дел в столице и эмоциональные переживания нашли отражение в жанре *шахр-е ашоб* — стихах о бедствиях и разрушениях города. В этом жанре творили такие известные поэты как Мухаммад Рафи Сауда (1713–1780), Шах Аят Аллах Джоухури (1714–1796), Мир Таки Мир (1723–1810), Шейх Вали Мухаммад Назир Акбарабади (1739–1831), Гулам Хуссейн Расикх (1749–1823) и другие.

Сочинения жанра *шахр-е ашоб* объединяют общая тема и настроение: строки наполнены пессимизмом, драматизмом и меланхолией. Мир Таки Мир тяжело переживал невзгоды, обрушившиеся на его родину. Мир был придворным поэтом в Дели и Лакхнау, свидетелем разрушения индийской столицы, видел горе своих сограждан. Печалью проникнуты стихи Мира, рассказывающие о страданиях разоренного люда:

В деревне почти не осталось людей,
А те, кто ее еще не покинул, давно голодают.
Истощены, измучены девушки-смуглянки,
Голод и нищета иссушили тела красавиц.
[См. Глебов Н. В., Сухочев А. С., 1967, с. 55].

Мир Таки Мир, вынужденный покинуть Дели после разорительных набегов Надир-шаха и Ахмад-шаха Абдали и поселиться в Лакхнау, воспринимал его как чужой город:

Руины Дели мне милее, чем Лакхнау.
О, лучше бы я умер там, чем жить несчастным здесь!
[См. Суворова, 1995, с. 126].

Поэт отделял себя от лакхнауского общества, ставил Дели несоизмеримо выше нового прибежища, объявляя все недельское второсортным:

Зачем, о жители Востока, надо мной смеетесь
И вопрошаете, откуда взялся я?
Был город Дели на земле, избранник мира.
Я — обитатель разоренной той страны.
[См. Суворова, 1995, с. 126].

Мир Таки Мир, с одной стороны, критиковал могольский двор за то, что разрушилась старая система организации, мусульманская аристократия переживала тяжелые времена, люди теряли доход, работу, средства к существованию. С другой стороны, поэт указывал на беспомощность правителей-марионеток, сидевших на делийском троне [Lehman, 1970, p. 129].

Поэт Мусхафи (1750–1824) нарисовал картины разрушения столицы:

Я вижу опустевший Дели, его руины в тяжком сне.
Его пустынные дворцы, безмолвные дома.
Я вижу сад, изломанный осенней бурей,
Тяжелые и мертвые деревья на земле.
Что спрашивать садовника, где житель сада — соловей:
В пыли лежит комочек перьев за оградой.
[См. Глебов Н. В., Сухочев А. С., с. 68].

Часто поэты *шахр-е ашоб* затрагивали политические темы — они рассуждали об «испорченности» времени, о роли правителя и чиновников в деградировавшем государстве. Придворный поэт Мусхафи одним из первых высказался против английской политики грабежа и насилия:

Все ценное, несметные богатства Хиндустана
Обманом, хитростью забрали англичане.
[См. Глебов Н. В., Сухочев А. С., с. 68].

Современник Мусхафи поэт Джураат (ум. в 1810 г.) вменял в вину индийским правителям и придворной знати то, что они покорно склонили головы перед завоевателями:

Не зовите их теперь амирами и вазирами,
В руках англичан они, как птицы, в клетке.
[См. Глебов Н. В., Сухочев А. С., с. 68–69].

Новый этап культурного развития Дели наступил в начале XIX в. С одной стороны, это было обусловлено временным затишьем на политической сцене и сужением реальной сферы влияния падишахов до территории Дели, точнее, их резиденции — Красного форта; с другой — личными интересами и устремлениями самих падишахов.

НОВЫЕ СТИЛИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

В связи с упадком в первой половине XVIII столетия могольские правители испытывали нехватку средств, что затрудняло содержание и спонсирование придворных живописных мастерских. Часть художников, работавших в мастерской падишаха Мухаммад-шаха, была вынуждена покинуть могольскую столицу и искать покровительства при дворах других индийских правителей [Атманова, 2021, с. 114]. Мастер изобразительного искусства Рай Кальян Дас (Читрман II, работал в 1715–1760 гг.) работал в Авадхе, художник Пуран Натх (Хунхар II, работал в 1730–1780 гг.) сначала работал в Авадхе, а затем переехал в Муршидабад, Нидхамал (работал в 1735–1775 гг.) отправился в Лакхнау [Атманова, 2021, с. 122]. Тем художникам, которые оставались жить и работать в Дели, приходилось либо устраиваться при дворах знатных вельмож,

либо подстраиваться под запросы базарной живописи (*базари калам*) и продавать свои работы на базарах [Атманова, 2021, с. 114–115].

Подъем в делийской культуре наблюдается во время правления последних могольских падишахов — Шах Алама II (1759–1806), Акбар-шаха II (1806–1837) и Бахадур-шаха II (1837–1857). Покровительство падишахов миниатюрной живописи позволило сохранить делийский стиль живописи / *дели калам* (урду *دلی قلم*). Широкое распространение получила практика копирования живописных произведений, созданных еще в первой половине XVII века, во времена правления Великих Моголов [Атманова, 2021, с. 123]. Часть художников работала в установившемся стиле могольской живописи, подражая мастерам прошлого. Сайид Ахмад-хан в книге «Асар-ус-санаид» при перечислении мастеров изобразительного искусства отметил художника Мухаммада Алама, который хорошо разбирался во всех вопросах, связанных с искусством, был примечателен тем, что достиг мастерства в рисовании в «стиле древних» [Sayyid Ahmad Khan, 2018, p. 256].

К середине XIX в. под воздействием европейцев делийский стиль живописи трансформировался, приобретая некоторые черты британского натурализма. Данный стиль получил впоследствии еще большее распространение за пределами Дели и стал называться *кампани калам* (урду *کمپنی قلم*) или стилем/живописью [Ост-Индской] компании или же *фиранги калам* (*фиранги* — европейский). Картины *кампани калам* создавались индийскими художниками для европейцев, живших и работавших на Индийском субконтиненте, особенно для британских служащих Ост-Индской компании. Они представляют собой сплав традиционных индийских художественных стилей с условностями и техническими особенностями, заимствованными из западного искусства. Некоторые картины писались по специальным заказам, другие производились практически серийно, их можно было купить на базарах.

Изменились взаимоотношения художника с его покровителем. Работая в придворной живописной мастерской, художник мог также принимать заказы у других лиц, в том числе у европейцев. В соответствии с предпочтениями заказчика художники могли работать в разных стилевых направлениях [Атманова, 2021, с. 125]. Для могольских падишахов писали преимущественно в могольской манере и технике, для британцев — в стиле *кампани калам*. Могли использоваться разные живописные материалы, например акварель или масляные краски.

Художник Гхулам Муртаза-хан (1760–1840, работал в 1805–1836 гг.) не только под покровительством падишаха Акбар-шаха II изображал на своих миниатюрах имперскую семью, но и творил также при поддержке британских офицеров Джеймса Скиннера⁸ (1778–1841) и Уильяма Фрезера⁹ (1784–1835).

Придворный (в 1817–1855 гг.) живописец Гхулам Али-хан, преемник Гхулам Муртазы-хана, работал в позднемогольском стиле. Он создал несколько вариантов коронационных портретов падишаха Бахадур-шаха II. В то же время в 1815–1819-х гг. Гхулам Али-хан работал на заказ для Уильяма Фрезера и его брата Джеймса Бэйли Фрезера (1783–1856). Портреты, ландшафтные зарисовки, сценки из жизни местного населения впоследствии составили конечное произведение, известное как «Альбом Фрезера» (Fraser Album). Все портреты и зарисовки примечательны свободой поз изображенных персонажей и тем, что их лица обращены к зрителю. Работы, собранные в альбоме, куда вошли и отдельные работы Гхулама Али-хана,

⁸ Джеймс Скиннер (1778–1841) — англо-индийский военный, полковник; служил в Индии, командовал двумя британскими кавалерийскими полками. Хорошо знал персидский язык и написал на нем несколько книг. Позднее Джеймс Скиннер стал известен как Сикандар-сахеб.

⁹ Уильям Фрезер (1784–1835) — государственный служащий британской Индии, агент генерал-губернатора Индии, комиссар территории Дели в правление падишаха Акбар-шаха II.

документируют повседневную жизнь Дели начала XIX в.: на картинах изображены сельские жители, солдаты, танцовщицы, афганские торговцы лошадьми, святые и отшельники, некоторые представители знати.

Другое значительное произведение было создано в середине XIX в. по заказу сэра Томаса Метка(л)фа (1795–1853), служащего Ост-Индской компании и комиссара провинции Дели в 1838–1844 гг. Метка(л)ф заказал художнику Мазхару Али-хану серию иллюстраций с изображениями памятников, руин, дворцов и святынь Дели. Позднее сам Метка(л)ф добавил подписи ко всем картинам, и завершённый альбом получил название «Воспоминания об имперском Дели» или «Книга Дели». Художник запечатлел могольские и некоторые домогольские архитектурные памятники, сценки из жизни города. Все архитектурные здания были изображены в том виде, в котором они существовали в Дели до Сипайского восстания 1857–1859 гг.

Некоторые делейские художники также работали в технике масляной живописи на холсте. Живописец Раджа Дживан Дас (Дживан Рам, работал в 1820–1850 гг.) был чрезвычайно разносторонним человеком и мог творить в различных стилях и техниках. Помимо картин маслом, Дживан Рам также писал миниатюрные портреты на бумаге, а также на слоновой кости. На его живописный стиль, вероятно, повлияли некоторые приемы Джорджа Чиннери¹⁰, в том числе привычка этого художника создавать силуэты своих объектов на фоне темного неба, с сильным боковым освещением. В отличие от Чиннери, обычно на холст накладывавшего краски густым слоем, Дживан Рам наносил тонкий красочный слой, чтобы имитировать совершенно плоскую поверхность индийских миниатюр [Losty, 2015, p. 3].

Дживану Раму покровительствовали британцы из Мирута и Дели из-за его способности рисовать в натуралистичной европейской манере. Дживан Рам написал маслом на холсте портреты европейцев капитана Роберта Макмаллина (1786–1865)¹¹, капитана Уильяма Гардена (1790–1852) и др. [Losty, 2015, p. 3]. Имел он и индийских покровителей — ему благоволили император Акбар II и Бегам Самру¹² (1745–1836). Генерал-майор Генри Слимман писал о художнике следующее: «Раджа Дживан Рам, превосходный художник-портретист, очень честный и приятный человек, недавно был нанят для создания портрета императора [Акбар-шаха II]» [Sleeman, 1844, vol. II, p. 285–286].

Дживан Рам был одним из нескольких художников, кому Бегам Самру заказала серию картин для украшения своего нового дворца в Сардахане в 1834 г. Он работал вместе с Уильямом Мелвиллом¹³ (работал в 1815–1851 гг.) и Джорджем Бичи¹⁴ (1817–1855). Для Бегам Самру было

¹⁰ Джордж Чиннери (1774–1852) — английский живописец, наиболее известный своими работами в Индии и Китае. С 1807 по 1825 г. жил и работал в Калькутте, где занимал положение ведущего художника британской колонии.

¹¹ Роберт Макмаллин (1786–1865) — участник экспедиции на Маврикий в 1810 г., с 1823 по 1831 г. работал дивизионным инженером в Мируте.

¹² Джоанна Нобилис Сомбре (ок. 1753–1836), известна как Бегам Самру (Фарзана Зеб ун-Нисса). Она начала свою карьеру в качестве танцовщицы, дважды была замужем за европейцами, обратилась в католицизм, но в конечном итоге стала весьма влиятельной дамой и правительницей Сардаханы, небольшого княжества недалеко от Мирута. Бегам Самру была главной профессионально подготовленной наемной армии, унаследованной от ее мужа-наемника из Европы Уолтера Рейнхардта Сомбре.

¹³ Уильям Мелвилл прибыл в Индию в 1814 г. в качестве свободного торговца. С 1824 по 1832 г. он работал в фирме «Фергюссон и компания» в Калькутте сначала помощником, а затем партнером. Затем он, похоже, путешествовал по стране и, возможно, жил живописью. Его кисти принадлежат портреты Бегам Самру и Джеймса Скиннера. URL: <https://artcollection.culture.gov.uk/person/melville-william/> (дата обращения: 18.07.2023).

¹⁴ Джордж Бичи (1817–1855), художник-портретист. Путешествовал по Египту с 1821 по 1822 г. В 1830 г. уехал в Калькутту, откуда в 1832 г. отправил в Королевскую академию портрет «Хиндью», своей индийской жены. Впоследствии Бичи отправился в Лакхнау, где приобрел большую известность и стал придворным художником наваба Ауда. Бичи занимал эту должность до 1842 г. Картины Бичи довольно редки; некоторые картины могли быть уничтожены во время индийского восстания 1857 г. [См. Graves R. E., Dictionary of National Biography, 1885–1900, vol. 4].

создано более 25 картин маслом. К стилю *кампани калам* относится портрет Бегам Самру кисти Дживана Рама. Портрет датируется примерно 1830 г., когда женщине было почти 80 лет. Художник изобразил ее в изумительной шали желтого цвета, драгоценных украшениях и с *хуккой*¹⁵ в руке¹⁶.

Дживан Рам сопровождал лорда Уильяма Бентинка (генерал-губернатор Индии 1828–1835 гг.) в 1831 г. на встрече и переговорах с махараджей Ранджитом Сингхом (1780–1839) в Рупаре на реке Сатледж. В Рупаре Дживан Рам смог нарисовать портрет Ранджита Сингха. Художник изобразил махараджу сидящим, подтянувшим под себя ноги и опирающимся на две подушки [Losty, 2015, p. 12].

Таким образом, наибольшая активность деятелей искусства наблюдается во время правления Мухаммад-шаха и последних трех позднемогольских императоров. Данный всплеск активности был связан как с возобновлением спонсирования мастеров падишахом и богатыми дельцами, а позднее и иностранцами, так и с временными паузами в нашествиях иноземных захватчиков и грабежах города. Личные вкусы падишахов способствовали трансформации некоторых отраслей дельйского искусства, привнося новое в существующие стили. Покровительство падишаха миниатюрной живописи позволило как сохранить *дели калам* — дельйский стиль живописи, — так и распространить влияние этой живописной школы на другие территории. К середине XIX в. под воздействием европейцев дельйский стиль живописи вновь трансформировался а впоследствии получил еще большее распространение за пределами Дели и стал называться *кампани калам* или стилем/живописью [Ост-Индской] компании.

Несмотря на политические потрясения и все трудности, через которые могольской столице пришлось пройти в XVIII–XIX вв., в культурной среде города не наблюдается явной деградации и упадка. С одной стороны, развитие продолжалось по инерции, когда сохранялись черты «классической» культуры эпохи Великих Моголов, с другой, плачевное состояние империи находило отражение в художественных и литературных работах, что, в свою очередь, привело к возникновению новых стилей и форм. Иностранцы, связавшие свою жизнь и карьеру с Индией и Дели, привнесли в культурную среду города новые черты.

Литература / References

Атманова Ю. Г. *Портрет в индийском искусстве эпохи Моголов*. Отв. ред. В. В. Вертоградова. М.: Триумф, 2021 [Atmanova Ju. G. *Portrait in Indian Mughal art*. Ed. V. V. Vertogradova. Moscow: Triumph, 2021].

Глебов Н. В., Сухочев А. С. *Литература урду. Краткий очерк*. М.: Наука, 1967 [Glebov N. V., Suhochev A. S. *Urdu Literature. Brief essay*. Moscow: Nauka, 1967].

Суворова А. А. *Ностальгия по Лакхнау*. М.: АО Тадем, 1995 [Suvorova A. A. *Nostalgia for Lucknow*. Moscow: AO Tadem, 1995].

Andrews C. F. *Maulvi Zaka Ullah of Delhi. With an Introductory Memoir by the Late Maulvi Nazir Ahmad*. Cambridge: W. Heffer & Sons LTD, 1929.

Blake Stephen P. *Shahjahanabad: The Sovereign City in Mughal India, 1639–1739*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

¹⁵ *Хукка* — курительный прибор, небольшой кальян.

¹⁶ Portrait of Begum Samroo. Victoria and Albert Museum Collection. URL: <https://collections.vam.ac.uk/item/O16833/portrait-of-begam-samru-painting-jiwan-ram/> (дата обращения: 18.07.2023).

Bulger George E. *Notes of a Tour from Bangalore to Calcutta Thence to Delhi, and, Subsequently, to British Sikkim during the Early Part of 1867*. Secunderabad: Regimental Press, 1869.

Dargah Quli Khan. *Muraqqa-e-Dehli. The Mughal Capital in Muhammad Shah's Time*. Tr. Shekhar C., Che-
noy S.M. Deputy Publication. Delhi, 1989.

Graves R. E. *Dictionary of National Biography*, 1885–1900. Vol. 4. Beechey, George D.

Hamilton Walter. *A Geographical, Statistical, and Historical Description of Hindostan and the Adjacent Countries*
in Two Volumes. London: John Murray, 1820. Vol. I.

Lehman Fritz. Urdu Literature and Mughal Decline. *Mahfil*. 1970. Vol. 6. № 2–3. Pp. 125–131.

Losty J. P. Raja Jivan Ram: A Professional Indian Portrait Painter of the Early Nineteenth Century. *Electronic British Library Journal*. 2015. Article 3. URL: <https://www.bl.uk/ebj/articles/2015-articles> (дата обращения: 18.07.2023).

Lough, J. *France under Louis XIV*. The New Cambridge Modern History. Vol. V. The Ascendancy of
France 1648–88. Ed. by Carsten F.L. Cambridge University Press, 1961.

Matheson John. *England to Delhi: a Narrative of Indian Travel*. London: Longmans, Green, and Co, 1870.

Minturn Robert B., Jr. *From New York to Delhi, by Way of Rio de Janeiro, Australia and China*. New York:
D. Appleton & Co, 1858.

Portrait of Begum Samroo. Victoria and Albert Museum Collection. URL: [https://collections.vam.
ac.uk/item/O16833/portrait-of-begam-samru-painting-jiwan-ram/](https://collections.vam.ac.uk/item/O16833/portrait-of-begam-samru-painting-jiwan-ram/) (дата обращения: 18.07.2023).

Sayyid Ahmad Khan. *Asar-us-Sanadid*. First edition 1847. Second edition 1854. Tr. and ed. by Rana Safvi.
Tulika Books. New Delhi, 2018.

Spear Persival. *History of Delhi under the Late Mughals*. Delhi: Low Price Publications, 2011.

Steel F. A. *On the Face of the Waters*. New York, 1897. Bk. 2.

Sleeman William. *Rambles and Recollections of an Indian Official*. London, 1844. Vol. II.

Ю. Н. РЕРИХ О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ВЛИЯНИИ ИНДИИ И ЕГО СОВРЕМЕННОМ ЗНАЧЕНИИ

© 2023

А. М. Шустова¹

Для понимания исторических, культурных и социополитических процессов, происходящих в Южной Азии и, в частности, в Индии интересен подход индолога, тибетолога и историка Востока Ю. Н. Рериха (1902–1960). Ученый одним из первых предложил рассматривать историю стран Азии во всем многообразии культурно-исторических явлений и взаимосвязей.

В качестве ведущего методологического принципа для обобщающих работ Рерих рассматривал принцип развития культуры, делая акцент на рассмотрении роли культурного наследия Индии в истории Азии. В формировании общей евразийской культуры он особую роль уделял буддизму.

Древнее наследие буддизма остается востребованным до настоящего времени. Такие известные деятели Индии, как М. К. Ганди, Дж. Неру, С. Радхакришнан, С. Н. Дасгупта, П. Т. Раджу, Б. Р. Амбедкар, Э. М. Ш. Намбудирипад и др. неоднократно обращались к буддизму.

Дж. Неру оказал влиятельную поддержку тибетскому буддизму, когда принял у себя в стране Далай-ламу XIV, тибетских монахов и беженцев, покинувших Тибет во времена культурной революции. Придерживаясь буддийской концепции «срединного пути», Неру выдвинул и обосновал доктрину политического центризма, политического консенсуса, социальной гармонии. Это дало возможность для единения индийцев и развития устойчивого общества, несмотря на разделяющие его этнические, конфессиональные, социальные и кастовые барьеры. Эти принципы легли в основу внешней политики индийского государства.

Несмотря на некоторое отступление от линии Неру, современная политика Н. Моди, тем не менее, продолжает преемственность в деле поддержания внешнего баланса и стабильности индийского государства. Богатое культурно-историческое наследие, опыт взаимодействия со странами и народами, носящий тысячелетний характер, сосуществование самых разных религий и философий составляет тот гуманитарный базис, на который Индия в рамках позиции «мягкой силы» может опереться в международных делах.

Ключевые слова: Ю. Н. Рерих, Индия, культура, буддизм, философское наследие буддизма, политика «мягкой силы»

Для цитирования: Шустова А.М. Ю. Н. Рерих о культурно-историческом влиянии Индии и его современном значении. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 42–52. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-042-052

¹ Шустова Алла Михайловна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ashustova@ivran.ru

Alla M. Shustova, PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; ashustova@ivran.ru
ORCID: 0000-0001-9372-6553

YU. N. ROERICH ON CULTURAL AND HISTORICAL INFLUENCE OF ANCIENT INDIA AND ITS MODERN SIGNIFICANCE

Alla M. Shustova

To understand the historical, cultural and socio-political processes taking place in South Asia and, in particular, in India, the approach of the Indologist, Tibetologist and historian of the East Yu. N. Roerich (1902–1960) is interesting. The scholar was one of the first to suggest considering the history of Asian countries in all the variety of cultural and historical phenomena and relationships. As a leading methodological principle for generalizing works, Roerich considered the principle of cultural development, emphasizing the consideration of the role of the cultural heritage of India in the history of Asia. In the formation of the common Eurasian culture, he attributed a great role to Buddhism.

The ancient heritage of Buddhism remains in demand to this day. Such well-known figures of India as M. K. Gandhi, J. Nehru, S. Radhakrishnan, S. N. Dasgupta, P. T. Raju, B. R. Ambedkar, E. M. Sh. Nambudiripad and others have repeatedly turned to Buddhism.

J. Nehru provided influential support to the Tibetan Buddhism when he hosted the Fourteenth Dalai Lama, Tibetan monks and refugees who fled Tibet during the Cultural Revolution. Adhering to the Buddhist concept of the 'middle way', Nehru put forward and substantiated the doctrine of political centrism, political consensus, and social harmony. This made it possible for Indians to unite and develop a sustainable society, in spite of many dividing ethnic, confessional, social and caste barriers. These principles formed the basis of the foreign policy of the Indian state.

Despite some deviation from the line of Nehru, the modern policy of Narendra Modi, nevertheless, continues the succession in maintaining the external balance and stability of the Indian state. A rich cultural and historical heritage, a thousand-year experience of interaction with countries and peoples, the coexistence of various religions and philosophies constitute the humanitarian basis on which India, within the framework of the 'soft power' position, can rely on in international affairs.

Keywords: Yu. N. Roerich, India, culture, Buddhism, philosophical heritage of Buddhism, 'soft power' policy

For citation: Shustova A. M. Yu. N. Roerich on Cultural and Historic Influence of Ancient India and Its Modern Significance. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 42–52. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-042-052

Индия — одна из древнейших стран мира, ее взаимодействие с различными государствами имеет длительную и богатую интересными фактами историю. Как известно, многие причины современных конфликтных ситуаций, отношений симпатии или антипатии между странами, а также возникновения определенных союзов закладываются с самых отдаленных исторических времен. И то, как сегодня позиционирует себя Индия на международной арене, имеет свою историческую подоплеку.

Для понимания исторических, культурных и социополитических процессов, происходящих в Южной Азии и, в частности, в Индии, несомненно, будет интересен подход индолога, тибетолога и историка Востока Ю. Н. Рериха (1902–1960). Ученый одним из первых предложил рассматривать историю стран Азии, да и по сути всего евразийского континента, не по отдельным странам, а во всем многообразии культурно-исторических явлений и взаимосвязей.

В 1923 году (100 лет назад!) во французском журнале 'La vie des peuples' Рерих опубликовал весьма знаковую работу «Расцвет ориентализма» (*L'essor de l'orientalisme*) [Roerich, 1923].

В ней он поставил перед востоковедением задачу изучения истории стран Востока в совокупности, в их всевозможных связях и культурном пересечении. Он писал, что «этот обобщающий труд позволил бы объединить все факты, установленные в процессе научной работы, и составить более ясное представление как о великих исторических событиях, так и о том влиянии, которое страны Востока веками оказывали друг на друга. Работа такого рода способствовала бы новым открытиям и, может быть, даже открытиям неожиданным, а также помогла бы ученым, специализирующимся в других областях науки. Так, при изучении деталей мозаики всегда необходимо помнить о ее общем цветовом и графическом характере» [Рерих, 1999 (1), с. 15]. Рерих призывал начать в востоковедных исследованиях эпоху всеобщего синтеза. «Новый этап в ориентализме — это всеобщий синтез, который, отвечая требованиям современной науки, отразил бы историческое развитие стран Востока в совокупности», — писал он [Рерих, 1999 (1), с. 18].

Надо отметить, что сделать это не так просто. Даже сейчас, спустя сто лет, синтетичных, обобщающих работ в востоковедении достаточно мало. На это имеются объективные трудности, прежде всего такие, как недостаток соответствующих информации и источников, трудности во взаимодействии ученых, а также недостаточность финансирования соответствующих проектов.

Сам же Ю. Н. Рерих на протяжении всей своей научной карьеры работал над обширным трудом по истории Центральной Азии, который так и не был издан при его жизни. Уже его ученики и последователи смогли подготовить и опубликовать этот более чем тысячестраничный труд в трех томах [Рерих, 2004–2009].

В среде современных историков существует мнение, что труды Ю. Н. Рериха устарели. Однако это не так. Вот что пишут, например, академик Национальной Академии наук Киргизской Республики В. М. Плоских и исследовательница научного творчества Ю. Н. Рериха Е. В. Троянова в предисловии к «Истории Средней Азии» Ю. Н. Рериха: «В настоящее время трудно назвать аналог этого сочинения. Многочисленные научные труды по отдельным проблемам и регионам, несомненно, представляющие собой выдающиеся достижения исторической науки XX столетия, находятся в дифференцированном состоянии. Имея подробные сведения по историографии, источниковедению, археологии, этнографии, эпиграфике отдельных стран, мы не имеем целостной картины исторической жизни Азии. Труд Ю. Н. Рериха дает образец такого научного подхода, в котором знания мировых, региональных и локальных закономерностей объединены. В этом его непреходящее значение, несмотря на отдельные дополнения, конкретные уточнения, полученные главным образом в результате последующих шестидесятилетних археологических изысканий. <...> “История Средней Азии” Ю. Н. Рериха приходит к современному читателю как труд, созданный некогда автором для будущего. Масштабность мышления этого ученого опережала свое время» [Плоских, Троянова, 2004, с. 20–21].

Ведущим методологическим принципом для обобщающих работ, по мнению Рериха, должен быть принцип развития культуры. Здесь он следовал концепции приоритета культуры в развитии человечества, который выдвинул его отец — художник, археолог, историк культуры и общественный деятель Н. К. Рерих (1874–1947). По его мнению, именно культура является тем основополагающим устоем, который обеспечивает преемственность исторического развития как отдельных стран, так и всего человечества в целом. Цивилизации могут разрушаться и уходить в анналы истории, и лишь культура остается как связующий элемент в эволюционном развитии стран и народов. Поэтому так важно ее сохранять. Именно об этом гласит юридический документ, известный под названием Пакта Рериха о сохранении памятников и учреждений культуры, науки и образования не только в мирное время, но и во время вооруженных конфликтов.

Ю. Н. Рерих в своих работах значительное место уделял вопросам развития культуры, культурной преемственности, культурного трансфера и межкультурного взаимодействия.

Еще одним методологическим принципом обобщающих исторических исследований Ю. Н. Рерих считал рассмотрение роли культурного наследия Индии в истории Азии. Он выдвинул принцип «Великой Индии», используя английское выражение 'Greater India'. Так, он писал: «Изучение древностей Центральной Азии, Индокитая и Малайзии позволило рассмотреть Индию в соотношении с теми странами, куда проникали ее культура и религия. Этот новый взгляд на вещи нашел свое выражение в английском определении — Greater India, которое используется все чаще и чаще. Исследование Центральной Азии выявило тесные связи, существовавшие между царствами Китайского Туркестана и Индией» [Рерих, 1999 (1), с. 17].

Под «Великой Индией» он понимал не географический регион, а прежде всего культурно-историческое и философско-идейное пространство, охватывающее огромную территорию, куда в свое время проникло индийское культурное влияние. В современном мире концепции «Великой Индии» мы можем найти соответствие в понятии «Русского мира» — также большого культурно-философского пространства, простирающегося далеко за географические границы России.

Индия, на взгляд Рериха, в свое время стала своеобразным питомником, а затем и рассадником основополагающих философских, религиозных и культурных элементов, которые вследствие культурного трансфера были перенесены и восприняты буквально повсюду в Евразии. Смешиваясь с соответствующими местными традициями, они создали множество уникальных местных культур. Рерих не сомневался, что везде в странах Востока, а также Запада и в России можно обнаружить «индийский след». Это был новый взгляд не только на историю Индии, но и на историю Востока в целом.

Так, он писал: «Рассматривая географическую карту Азии, наш взгляд невольно останавливается на таких названиях, как Индокитай и Индонезия на юго-востоке континента. Китайская провинция Синьцзян, расположившаяся прямо в сердце Азии, часто обозначается составным словом “Сер-индия”. Что все это означает? Это значит, что на всех этих обширных территориях индийская культура оказала огромное влияние на развитие местных культур и фактически эти регионы стали частью культурного наследия Индии. Распространение индийской культуры в этих странах было облегчено благоприятными политическими событиями вследствие создания на индийском субконтиненте великих империй. Кушанская империя на севере помогала распространению индийской культуры в Центральной Азии, а оттуда через древний Шелковый Путь — в Китае, Корее и Японии. Степному поясу Центральной Азии с его речными оазисами было предопределено стать каналом культурных влияний, идущих из Индии, Ирана и Китая. Этот перекресток различных культур создал уникальную и красочную смешанную культуру, основа которой по большей части — индийская» [Рерих, 2002(1), с. 7].

Проблема культурного трансфера, переноса и распространения религиозно-философских доктрин, идейных концепций, художественных образов — одна из самых дискутируемых в настоящее время. В этом контексте Рерих обращает внимание на проблему миграций в Древнем мире. В науке до сих пор нет четкого представления, что это был за исторический и культурный феномен и каковы были причины достаточно масштабных перемещений людей. Причем в истории были зафиксированы несколько крупных волн миграций. Были даже целые эпохи так называемого переселения народов. Ученый замечал, что «историки не раз ставили вопрос об истинных причинах этих колоссальных передвижений народов. <...> Но поиски пастбищ, — писал он, — это не та причина, которая может дать ответ на вопрос об истоках

нашествий и завоеваний, сотрясавших не только страны Востока, но и беспорядочным потоком захлестнувших в средние века сердце Европы» [Рерих, 1999(1), с. 17].

Он не раз ставил следующий вопрос: «Как объяснить это наступательное движение, не прекращавшееся в течение 15 веков? <...> Один за другим появлялись и исчезали на сцене истории различные народы. Невозможно добраться до источника этого мощного потока. Мы встречаемся здесь с не объясненным еще феноменом жизни кочевых народов, с новой для нас проблемой психологии “орды”. Может быть, древние центры великих цивилизаций обладали особой силой притяжения? Психология народов остается еще почти не исследованной областью науки» [Рерих, 1999(1), с. 17–18].

Исследование темы миграций Рерих связывал с изучением древних кочевников и призвал обратить внимание на такую область знания, как этнопсихология. Он стал одним из основателей новой исторической науки — кочевниковедения. Причем среди древних кочевников он особо выделял кочевые и полукочевые племена индоевропейского корня, которые часто становились инициаторами миграционных потоков. Он указывал, что будет весьма плодотворным исследовать вопросы, «уходящие корнями в глубь веков, относительно миграций народов, которые принято называть индоевропейскими» [Рерих, 1999(1), с. 16].

Рерих поддерживал идею о единой индоевропейской культуре в Древнем мире. Волна за волной индоевропейские племена из глубин внутренней Азии проникали в Индию, Персию, Сирию, Малую Азию. Их следы находят в Древнем Египте, куда во время нашествия гиксосов попали хетты, когда-то жители северного степного пояса Азии.

Как известно, хеттский язык близок тохарскому. К индоевропейским племенам тохаров у Рериха было особое отношение. В конце своей учебы в Гарварде он оставил занятия классической индологией и, чтобы заняться изучением тохарской истории, переехал в Европу, где поступил в Парижский университет. Впоследствии он занимался так называемой тохарской проблемой и доказал, что этноним «тохары» у античных писателей идентичен названию «юэчжи», встречающемуся в китайских источниках [Рерих, 1963, 1964]. Тохары сыграли значительную роль в распространении культуры Индии по каналам Великого шелкового пути².

Рерих считал, что древние индоевропейцы, выходцы из Азии, обосновались и в Европе. В пользу этого предположения, по мнению ученого, свидетельствует единая для Европы и Азии мегалитическая культура, а также искусство звериного стиля, которые были присущи многим народностям в Древнем мире. Искусство звериного стиля было проявлено в особенности среди кочевников обширных азиатских степей, которые разнесли его этими естественными путями сообщения далеко вокруг. Основанная на культе Солнца и огня древняя индоевропейская культура идейно связала огромные территории Евразии, буквально от Атлантического до Тихого океана. Во время Центрально-Азиатской экспедиции Н. К. Рериха 1925–1928 гг. им было сделано замечательное открытие — обнаружение мегалитических памятников и вещей в зверином стиле гораздо южнее известных соответствующих находок, а именно в Трансгималаях.

Рерих заострил внимание исследователей на том факте, что северо-запад Индии в древние времена был дважды включен в ареал средиземноморской цивилизации. Он писал: «Господство персов в Северной Индии, а позднее превращение этой части Индостана в провинцию Великой империи Александра Македонского, несомненно, наложили глубокий отпечаток на последующее развитие Древней Индии» [Рерих, 1999(1), с. 16]. В результате взаимодействия древних культур Греции и Индии возникла так называемая греко-буддийская художественная школа. Она повлияла на развитие искусства большей части евразийского континента,

² Подробнее см. [Шустова, 2020].

от Центральной Азии до Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Как замечал ученый: «Культурные отношения между греками и Древней Индией являются одной из самых интересных и богатых последствиями страниц мировой истории и истории Востока, в частности» [Рерих, 1999(1), с. 16].

Особое внимание Рерих уделял роли буддизма в формировании общей евразийской культуры. Он отмечал уникальное качество этого религиозно-философского учения в культурном объединении человечества, а именно его наднациональный и внеполитический характер. Он делал акцент на его универсальную философию, которой могут следовать люди, остающиеся в пределах своей национальной религии. И последнее замечание: благодаря постоянной приверженности общечеловеческим ценностям буддизм обладал способностью поддерживать высокий уровень культуры везде, где бы он ни укоренялся.

Родившись в Индии, буддизм легко проник в сопредельные страны и распространился далее по торговым путям. В его распространении Рерих выделял три мощных потока. «Один из них преодолел могучие горные преграды Гиндукуша и Гималаев, а другой последовал морским путем в Юго-Восточную Азию, где до сих пор буддизм занимает прочное и авторитетное положение. Третий поток нес его послание странам Ближнего Востока и средиземноморского бассейна, где он пришел в соприкосновение с культурной элитой древнего мира и где его влияние можно проследить в гностических учениях» [Рерих, 1999(2), с. 20]. Ученый предполагал, что буддийские проповедники могли доходить до Средиземного моря и даже добираться до Британии. В учении гностической секты ессеев можно найти параллели с положениями учения Будды. Само христианство, напитавшее своими идеалами западную культуру, наполнено восточными образами.

Буддизм оказал влияние на центральноазиатское манихейство, которое в Европе повлияло на учение катаров, альбигойцев и богомилов, оказало влияние на русское старообрядчество. В раннем средневековье буддизм также внес свою лепту в идейное наполнение учения маздакизма в Иране, идеи которого использовались во многих народных движениях Азии за справедливое устройство общества. «Далекий от реакционности, буддизм, благодаря своему влиянию, повсеместно воспитывал новый тип творчества и поставил народы Азии лицом к лицу с наилучшими произведениями индийского разума» [Рерих, 2002(1), с. 10].

Особую роль в укреплении буддизма в Центральной Азии Рерих отводил североиндийскому Кушанскому царству (I–III века н. э.), в котором учение Будды стало господствующей религией. Основателями Кушанской империи были тохары, чьи далекие предки обитали на территориях Таримской впадины и современной китайской провинции Ганьсу.

Тохары — это те самые индоевропейские племена, которые составляли сердцевину потоков древних переселенцев из глубин Азии на запад, юго-запад и юг. Расселившись далеко от своей родины, по природе своего активного этнического характера они на новых местах часто становились инициаторами взлета культуры. Так, во времена Кушанской империи происходил активный перенос и распространение индийских культурных элементов в Центральную Азию, а затем и на Дальний Восток, совершался он также и на Запад. Кушаны-тохары имели хорошие связи с Римом, Персией и Китаем.

В первом тысячелетии нашей эры в Евразии сложилась уникальная историческая ситуация. Благодаря буддизму возник пояс единой культуры, в котором превалировали элементы индийского искусства и философии. Ю. Н. Рерих замечал: «На протяжении примерно тысячи двухсот лет влияние индийского искусства и философии главенствовало в Центральной Азии. <...> По буддийским каналам в Центральной Азии стали известны индийские светские науки: астрономия, медицина, драматические произведения, поэзия и грамматика; они были восприняты

народами, живущими от степей юга России до берегов Тихого океана» [Рерих, 2002(1), с. 7]. Более того, как отмечал Рерих: «Санскрит стал языком культуры в Центральной Азии и ускорил формирование и развитие местных литературных языков, на которые была переведена значительная часть буддийского канона. Возникли и расцвели важные местные культурные центры» [Рерих, 1999(2), с. 21].

Индийская буддийская культура захватила не только индоевропейские евразийские народы. Принятие ее тюркскими, тибетскими и монгольскими народностями было важным историческим актом. Восприняв буддизм, кочевники не только обогатили свою культуру, но и смогли впоследствии создать сильные государства. Рерих замечал: «Завоевание буддизмом обширных высокогорий Тибета в течение менее двух столетий было выдающимся достижением, сопровождавшимся огромным эмоциональным и интеллектуальным подъемом, который целиком трансформировал кругозор воинственных кочевых и полукочевых тибетских племен и превратил страну из милитаризованного государства в твердыню буддизма» [Рерих, 2002(2), с. 13].

Буддийское культурное воздействие, а вместе с ним и индийское культурное влияние распространялось не только евразийскими сухопутными путями, но и великим южным морским путем из Индии на Цейлон. Буддийское обращение Цейлона восходит к временам императора Ашоки. Проникновение в первое тысячелетие нашей эры индийских культурных влияний на Дальний Восток происходило наряду с сухопутным также и морским путем.

Не обошел Рерих вниманием и распространение влияния Индии на Юго-восточную Азию. Так, он писал: «В первые столетия нашей эры индийское культурное влияние преобладало в государстве Фунань, в которое входили территории современной Камбоджи, Лаоса и часть Сиам и которое скорее всего было индийским по происхождению. Местные цари носили индийские имена, а махаянский буддизм уживался с шиваитскими культами. Кхмерская империя существовала с VII до XIII в., а развалины ее столицы Ангкора (был столицей с 802 г.) — один из величайших памятников на земле. Индийская культура Фунани повлияла на кхмеров, принявших пали и санскрит в качестве литературных языков. В соседнем царстве Чампа, известном со II в., были в равной мере популярны махаянский буддизм и индийская культура. Здесь санскрит также стал языком культуры» [Рерих, 1999(2), с. 26]. По всей видимости, в обобщенном названии территории Бирмы (Мьянмы), Таиланда, Камбоджи, Лаоса и Вьетнама — Индокитай есть своя историческая логика, если иметь в виду значительный индийский вклад в культуру этого региона. Продвигаясь на юго-восток, буддизм, а вместе с ним и культурное влияние Индии проникали и на Индонезийские острова.

Следует отметить еще одну важную в историческом плане деталь. Культурное объединение Азии на базе буддизма было осуществлено мирным способом, именно культурной, а не военной экспансией. Известно, что большие имперские завоевания от Александра Македонского до Чингисхана происходили военным путем. И только культуре буддизма, основанной на высоких образцах индийской философии и сильной социальной подоплеке, основанной на общечеловеческих ценностях, удалось осуществить этот грандиозный исторический проект, который, несомненно, остался в исторической памяти евразийских народов. Рерих замечал, «что в столетия, предшествовавшие приходу ислама (в VIII–IX вв. — в западную часть Центральной Азии, в X–XIV вв. — в восточную часть), существовал непрерывный пояс буддийских культур от берегов Аральского моря на западе до Тихого океана на востоке. Такой культурный пояс не мог не способствовать утверждению идеала культурного единства» [Рерих, 1999(2), с. 21]. Он замечал, что «это были многонациональные усилия почти всеазиатского масштаба» [Рерих, 1999(2), с. 22].

Таким образом, на огромной территории евразийского материка благодаря универсальному характеру системы буддизма удалось создать буддийскую цивилизацию с единой, основанной на наследии Индии, культурой. Причем, в условиях очень разнородной языковой среды, высокой полиэтничности, самых разнообразных местных условий. И такая цивилизация была достаточно устойчивой — она просуществовала более тысячи лет. И даже с приходом на некоторые из этих земель ислама культурное наследие буддизма сохранялось, хотя зачастую в новом облачении. Рерих неслучайно назвал буддийскую культурную экспансию «великой» [Рерих, 1999(2), с. 25].

Создание единого евразийского культурно-идейного единства действительно является величайшим по своему значению опытом человечества. Это важно учитывать при анализе последующей истории Евразии.

Древнее наследие буддизма остается востребованным до настоящего времени. Начиная с XIX века и до сих пор внимание индийских мыслителей-универсалистов и политиков к идеям учения Будды не угасает. Такие известные деятели Индии, как М. К. Ганди, Дж. Неру, С. Радхакришнан, С. Н. Дасгупта, П. Т. Раджу, Б. Р. Амбедкар, Э.М.Ш. Намбудурипад и др. неоднократно обращались к буддизму³.

Дж. Неру восхищался мудростью буддийского правителя Ашоки и, как Ашока в свое время, выступал за единство и неделимость Индии. Древнее наследие знаменитого царя из династии Маурьев в области взаимодействия культурных и политических событий отразилось в важном символе Индии. Знаменитая колонна Ашоки послужила основой для создания официального герба Индии.

Возникнув в Индии, буддизм затем широко распространился вокруг. Этому способствовали не только мирные причины, но и несколько волн гонений на буддизм в самой Индии как со стороны ортодоксальных религий, так и под действием исламских захватчиков. Буддизм укоренился в Тибете, который поистине стал его второй родиной. Там учение Будды получило новое развитие, просуществовав более тысячелетия. История повторилась, когда под натиском так называемой культурной революции в Китае он, как и в стародавние времена, вынужден был снова искать себе убежище. Таким убежищем стала Индия. Буддизм вернулся на свою родину, и огромный исторический путь буддизма таким образом как бы закольцевался.

В трудные для тибетского буддизма времена влиятельную поддержку буддизму и его последователям оказал Неру, приняв у себя в стране Далай-ламу XIV, тибетских монахов, а также многочисленных беженцев, покинувших Тибет. Он выделил землю для воссоздания тибетских буддийских монастырей, а также поселений для мирных жителей на индийской земле.

Сейчас в Индии воссозданы все знаменитые тибетские монастыри, которые и сегодня продолжают преемственность тысячелетней традиции буддийского пути. Далай-лама XIV ведет большую просветительскую и культурную работу, встречаясь с представителями других конфессий, общественными деятелями и представителями науки. Он не только посвящает много времени сохранению традиции буддийского учения, но и продвигает светскую этику среди небуддийского населения. Далай-лама XIV высоко оценивает вклад Индии в развитие межрелигиозного и культурного диалога в современном мире.

Среди четырех взятых на себя жизненных обязательств помимо продвижения общечеловеческих ценностей, религиозной гармонии и сохранения тибетской культуры и религии буддийский лидер ратует за возрождение древних индийских знаний, которые лежат в основе философии буддизма. Им был инициирован проект Центра мудрости Тибета и Индии, который

³ См. [Сафронова, 2013(1), 2013(2)].

занимался бы сохранением и продвижением древней индийской традиции философии и «внутренней науки» (*adhyātma-vidyā*) и стал бы соответствующим учебным заведением.

Как сказано в тексте проекта: «Несмотря на огромный прогресс в науке, технологиях и развитии материальных благ, люди по-прежнему жаждут смысла и счастья жизни, и становится очевидным, что только сосредоточение на внешнем материальном развитии не решает всех проблем человечества. Необходимо понимание сложного взаимодействия человеческого разума и эмоций для достижения прочного счастья и гармонии в мире»⁴, что может дать постижение соответствующих буддийских учений.

Проект создания Центра мудрости Тибета и Индии получил свое развитие 3 января 2023 года. В этот день в Бодхгайе Далай-лама заложил первый камень в его основание. По замыслу организаторов, Центр станет глобальным многопрофильным заведением, в котором будут проводиться образовательные, научно-исследовательские, культурно-научные и культурно-просветительские программы, способствующие изучению и продвижению древнеиндийской мысли и мудрости. Он должен стать уникальным хранилищем знаний, основанным на богатом наследии древних философских и духовных традиций Индии, с обширной коллекцией литературы древних авторов различных философских и духовных традиций Индии.

Что касается Неру, то он, придерживаясь буддийской концепции «срединного пути», в свое время выдвинул и обосновал доктрину политического центризма, политического консенсуса, социальной гармонии. Это дало возможность для единения индийцев и развития устойчивого общества, разделенного этническими, конфессиональными, социальными и кастовыми барьерами.

Эти принципы легли в основу внешней политики индийского государства. Следствием признания некоторых буддийских идей стало провозглашение политики неприсоединения ни к каким военным геополитическим блокам, что обеспечивало Индии развитие национального самосознания и сохранение ее независимости. Несмотря на некоторое отступление от линии Неру, современная политика Н. Модии, тем не менее, продолжает преемственность в деле поддержания внешнего баланса и стабильности индийского государства.

20 апреля 2023 года Моуди выступил на открытии Глобального буддийского саммита в Нью-Дели, который проходил по теме «Ответы на современные вызовы: от философии к практике». Организаторами мероприятия стали Международная буддийская конфедерация (ИВС), штаб-квартира которой расположена в Нью-Дели, и Министерство культуры Индии. Форум был посвящен обсуждению вопросов, как может учение Будды быть применимо в современных условиях нестабильности и войн.

Моуди отметил, что у него есть личные причины быть связанным с буддизмом, так как его родной город Ваднагар является значительным буддийским центром.

Рассматривая современную политику Индии, Моуди сказал, что страна будет и дальше способствовать развитию буддизма. Он сделал акцент на поддержке проектов по созданию буддийских центров в Индии и Непале, реконструкции святых мест буддизма, таких как Сарнатх и Кушинагар, строительству международного аэропорта Кушинагар, а также организации Индийского международного центра буддийского наследия и культуры в Лумбинии, на месте рождения Будды.

Моуди подчеркнул, что главный принцип буддизма, говорящий о сострадании ко всем живым существам, лег в основу индийской программы по проведению спасательных операций

⁴ О проекте Центра древней мудрости Тибета и Индии им. Далай-ламы. *Сохраним Тибет!* URL: <http://savetibet.ru/2023/01/22/centre-for-tibetan-indian-ancient-wisdom.html> (дата обращения: 01.08.2023).

и миротворческих миссий. Так, Индия приняла участие в операциях по спасению людей после землетрясения в Турции.

Моди рассказал, как идеи учения Будды, такие как необходимость достижения благополучия для всех существ, могут быть приложимы и к глобальным проблемам человечества, таким как продовольственная и энергетическая безопасность, изменение климата, выравнивание благосостояния так называемых Глобальных Севера и Юга, активное внедрение цифровых технологий во все сферы жизни человечества.

Премьер-министр также отметил, что буддийское учение о самоконтроле могло бы послужить делу устранения угроз широко распространенной в настоящее время практике навязывания своих взглядов другим. И, конечно, учение Будды могло бы послужить в продвижении мирных инициатив, направленных на недопущение разрешения конфликтов военным путем, а также прекращение уже развязанных войн. По словам Моди, Господь Будда проповедовал вечный мир, подчеркивал важность единства, дружбы и добрососедства между народами⁵.

Таким образом, мы видим, что Моди высоко оценивает вклад учения Будды в развитие как внутренней, так и внешней политики Индии, понимая необходимость поддержания тех благих инициатив, которые укрепляют осознание непреходящей ценности буддийского наследия.

Ю. Н. Рерих в свое время замечал, что «основанное на буддизме культурное единство дает возможность современной Индии играть выдающуюся роль в благородной борьбе за мир и взаимопонимание между нациями; это наследие, которому индийский народ остается верен» [Рерих, 2002(1), с. 12].

Сейчас все больше говорят о воздействии на окружающую политическую среду посредством так называемой «мягкой силы». Основу этого воздействия составляет гуманитарный аспект, прежде всего опирающийся на культуру и ценностно-философские установки государства. С развитием технологий «мягкая сила» приобретает все более и более важное значение и становится одним из основных ресурсов влияния на международной основе.

В этом плане Индии есть что предъявить миру. Богатое культурно-историческое наследие, опыт взаимодействия со странами и народами, носящий тысячелетний характер, сосуществование самых разных религий и философий составляет тот гуманитарный базис, на который Индия может опереться в международных делах.

Литература / References

Плоских В. М., Троянова Е. В. Мир кочевников: исследования Ю. Н. Рериха по истории Центральной Азии. Рерих Ю. Н. *История Средней Азии*. Т. I. М.: МЦР, 2004. С. 5–22 [Ploskikh V. M., Troyanova E. V. The World of Nomads: Yu. N. Roerich's research on the history of Central Asia. Roerich G. N. *The History of Central Asia*. Т. I. Moscow: ICR, 2004. P. 5–22 (in Russian)].

Рерих Ю. Н. Тохарская проблема. *Народы Азии и Африки*. 1963. № 6. С. 118–123 [Roerich G. N. Tokharian Problem. *Narody Azii i Afriki*. 1963. № 6. Pp. 118–123 (in Russian)].

Рерих Ю. Н. Память о тохарах в Тибете. *Краткие сообщения Института народов Азии*. 1964. № 65. С. 140–143 [Roerich G. N. The Memory of Tokhars in Tibet. *Kratkie soobshcheniia Instituta narodov Azii*. 1964. № 65. Pp. 140–143 (in Russian)].

⁵ Buddha's teachings can solve most contemporary global problems: PM Modi. *THE HINDU*. April 20, 2023. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/buddhas-teachings-offer-solution-to-global-problems-pm-modi/article66758733.ece> (дата обращения: 01.08.2023).

Рерих Ю. Н. Расцвет ориентализма. Рерих Ю. *Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы*. Науч. ред. М. И. Воробьева-Десятовская. Самара: Агни, 1999 (1). С. 13–19 [Roerich G. N. Rise of Orientalism. Roerich G. *Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations*. Ed. M. I. Vorob'ova-Desyatovskaya. Samara: Agni, 1999(1). Pp. 13–19 (in Russian)].

Рерих Ю. Н. Культурное единство Азии. Рерих Ю. *Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы*. Науч. ред. М. И. Воробьева-Десятовская. Самара: Агни, 1999(2). С. 20–27 [Roerich G. N. *The Cultural Unity of Asia*. Roerich G. *Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations*. Ed. M. I. Vorob'ova-Desyatovskaya. Samara: Agni, 1999(2). Pp. 20–27 (in Russian)].

Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. Рерих Ю. *Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы*. Науч. ред. М. И. Воробьева-Десятовская. Самара: Агни, 1999(3). С. 29–55. [Roerich G. N. The Animal Style among the Nomad Tribes of Northern Tibet. Roerich G. *Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations*. Ed. M. I. Vorob'ova-Desyatovskaya. Samara: Agni, 1999(3). Pp. 29–55 (in Russian)].

Рерих Ю. Н. Индия в долгу перед буддизмом. Рерих Ю. Н. *Буддизм и культурное единство Азии*. М.: МЦР, 2002(1). С. 7–9 [Roerich Yu. N. India is indebted to Buddhism. Roerich Yu. N. *Buddhism and cultural unity of Asia*. Moscow: MCR, 2002(1). P. 7–9 (in Russian)].

Рерих Ю. Н. Тибетский буддизм (вариант первый). Рерих Ю. Н. *Буддизм и культурное единство Азии*. М.: МЦР, 2002(2). С. 13–21 [Roerich Yu. N. Tibetan Buddhism (option one). Roerich Yu. N. *Buddhism and cultural unity of Asia*. M.: MCR, 2002(2). P. 13–21 (in Russian)].

Рерих Ю. Н. *История Средней Азии*. Т. I–III. М.: МЦР, 2004–2009 [Roerich G. N. *The History of Central Asia*. T. I–III. Moscow: ICR, 2004–2009 (in Russian)].

Сафронова А. Л. Трактровка буддийских ценностей в идейно-политической жизни современной Индии. *Индия: перспективы современного развития. Внутренний, региональный и глобальный аспекты. Материалы научной конференции* (электронное издание). М.: ИВ РАН, 2013 (1). С. 130–144 [Safronova A. L. Interpretation of Buddhist values in the ideological and political life of modern India. *India: prospects for modern development. Domestic, regional and global aspects. Materials of scientific conference* (electronic edition). Moscow: IV RAN, 2013 (1). P. 130–144 (in Russian)].

Сафронова А. Л. Историко-культурное наследие в формировании индийской идентичности: буддизм как общенациональное достояние. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. 2013(2). № 4. С. 54–69 [Safronova A. L. Historical and cultural heritage in the formation of Indian identity: Buddhism as a national heritage. *Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental studies*. 2013(2). No. 4. P. 54–69 (in Russian)].

Шустова А. М. Ю. Н. Рерих и тохарская проблема. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. № 3–4. С. 217–130 [Shustova A. M. Yu. N. Roerich and the Tocharian problem. *Oriental Courier / Oriental Courier* 2020. No. 3–4. P. 217–130 (in Russian)].

Roerich G. L'essor de l'orientalisme. La vie des peuples. Paris, 1923. No. 42. P. 258–266.

Roerich G. Tibetan Painting. Paris: Geuthner, 1925.

Roerich G. *Animal style among the nomad tribes of Northern Tibet*. Prague: Seminarium Kondakovianum, 1930. Рерих Ю. Н. *Звериный стиль у кочевников Северного Тибета*. Прага: Seminarium Kondakovianum, типография «Политика», 1930 (Eng./Russ).

Roerich G. N. *Trails to Inmost Asia: Five years of exploration with the Roerich Central Asian Expedition*. Preface L. Marin. New Haven: Yale University Press, 1931.

К ВОПРОСУ О РЕТРОСПЕКТИВЕ ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И АВТОНОМИЗМА: АБУЛ КАЛАМ АЗАД И МИССИЯ С. КРИППСА В ИНДИЮ*

© 2023

А. С. Гепалов¹

Объектом настоящего исследования является индийское национальное движение во время Второй мировой войны. Предмет статьи – переговоры президента партии Индийский национальный конгресс Абул Калам Азада и его коллег с представителем правительственной миссии Великобритании Стаффордом Криппсом в период с 23 марта по 11 апреля 1942 г. Лондон стремился добиться поддержки индийцев в обороне колониальной Индии против японской агрессии, в то время как антибританские настроения в Индии достигли пика. Автор статьи на основе анализа индийских и британских источников характеризует роль Азада в ходе переговоров, показывает усилия индийского политика в выработке приемлемых условий для англо-индийского соглашения. В работе показана деятельность Азада – представителя высокообразованной мусульманской элиты Индии, выступающего против узкоконфессионального национализма и автономизма как реальных рисков дезинтеграции страны в условиях военного времени. Автор показывает также и антифашистскую, антияпонскую позицию Абул Калам Азада, выразившего интересы большинства Индийского национального конгресса. Новизна статьи заключается в фокусировании исследования на личности выдающегося индийского политического деятеля Абул Калам Азада, недостаточно изученного в отечественной индологической науке и политической биографии, а также в вовлечении в научный оборот малоизученных документов собрания трудов Абул Калам Азада, в авторских оценках.

Ключевые слова: Индия, Вторая мировая война, миссия Криппса 1942 г., Абул Калам Азад, Индийский национальный конгресс, статус доминиона

Для цитирования: Гепалов А. С. К вопросу о ретроспективе индийского национализма и автономизма: Абул Калам Азад и миссия С. Криппса в Индию. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 53–59. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-053-059

A RETROSPECTIVE ON THE INDIAN NATIONALISM AND AUTONOMISM: ABUL KALAM AZAD AND THE S. CRIPPS' MISSION TO INDIA

Alexander S. Gepalov

The object of this study is the Indian national movement during the Second World War. The subject of the article is the negotiations of the President of the Indian National Congress Party Abul Kalam Azad and his colleagues with the representative of the British government mission Stafford Cripps in the period from March

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-28-00293, <https://rscf.ru/project/23-28-00293/>
The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00293

¹ Гепалов Александр Сергеевич, аспирант ФГБОУ ВО «ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского», и. о. директора Липецкого областного краеведческого музея, Липецк; museum48@mail.ru

Alexander S. Gepalov, postgraduate student of the P. P. Semenov-Tyan-Shan State Pedagogical University, Acting Director of the Lipetsk Regional Museum, Lipetsk; museum48@mail.ru

23 to April 11, 1942. London sought to gain the support of Indians in the defense of colonial India against Japanese aggression, while anti-British sentiment in India reached a peak. The author of the article, based on the analysis of Indian and British sources, characterizes the role of Azad during the negotiations, shows the efforts of the Indian politician in developing acceptable conditions for the Anglo-Indian agreement. The work also shows the activities of Azad as a representative of the highly educated Muslim elite of India, who opposes narrow confessional nationalism and autonomism as real risks of disintegration of the country in wartime conditions. The author also shows the anti-fascist, anti-Japanese position of Abul Kalam Azad, who expressed the interests of the majority of the INC. The novelty of the article lies in the focus of the research on the personality of the outstanding Indian politician Abul Kalam Azad, insufficiently studied in domestic Indological science and political biography, as well as in the involvement in scientific circulation of little-studied documents of the collection of works of Abul Kalam Azad, in the author's assessments.

Keywords: India, World War II, Cripps Mission 1942, Abul Kalam Azad, Indian National Congress, dominion status

For citation: Gepalov A. S. A Retrospective on the Indian Nationalism and Autonomism: Abul Kalam Azad and the S. Cripps' Mission to India. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 53–59. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-053-059

С началом Второй мировой войны в Британской Индии произошел подъем национального движения. Большое количество индийских партий, активно участвовавших в антибританской борьбе, свидетельствовало о сформировавшейся современной политической палитре колонии. Бесспорным лидером индийцев являлся Индийский национальный конгресс (ИНК), целью которого было освобождение страны от британцев и создание демократической республики. Набирала силу конфессиональная партия-оппозиционер ИНК — Мусульманская лига (МЛ), поставившая на повестку дня раздел Индии и создание отдельного мусульманского государства. Трагизм ситуации для индийских политических сил заключался в необходимости выбирать между задачей достижения независимости и глобальной целью разгрома гитлеровской коалиции, в которой активную роль играла их метрополия Великобритания. Националистические идеи наталкивались на интернациональные приоритеты первой половины 1940-х гг. Не меньшей степени сложности была и проблема поиска межиндийского согласия, преодоления конфессиональных, индуско-мусульманских, политических разногласий.

Абул Калам Азад (1888–1958) — харизматическая личность, деятель освободительного движения, сторонник суверенного, единого, демократического индийского государства, был одним из идеологов индийского национализма и в исследуемый период руководил ИНК. Мусульманин из семьи исламских богословов, он выступал за реформацию исламского учения, секуляризацию общественной и политической жизни, признавал единство всего человечества.

В отечественной исторической науке личность и деятельность Азада мало исследованы. Обобщающие и специальные работы о нем отсутствуют. Азад упоминается в связи с историей ИНК, но без фокусирования именно на его фигуре. Примером могут служить публикации о миссии Стаффорда Криппса 1942 г. в Индию, достаточно изученной в советской и российской историографии. О миссии Криппса пишут историки: А. Л. Сафронова [Алаев, Вигасин, Сафронова, 2018, с. 542], А. В. Горев [Горев, 1989, с. 318–319], В. К. Поддубный [Поддубный, 1991, с. 471–472], Л. В. Поздеева [Поздеева, 1964, с. 552], Е. А. Суслопарова [Суслопарова, 2018, с. 224–225], Л. А. Черешнева [Черешнева, 2007, с. 24–36], Ф. Н. Юрлов и Е. С. Юрлова [Юрлов, Юрлова, 2010, с. 910] и другие. Большинство исследователей сходятся во мнении, что миссия носила демонстративный характер и в случае неудачи Криппса всему миру демонстрировалась

неспособность Конгресса договариваться. Азад же остается рефреном. Очевидно, что он, как и многие политики Индии, нуждается в детальном исследовании отечественными индологами.

С началом войны все английские колонии и доминионы были автоматически приведены Лондоном в состояние войны с Третьим рейхом. Старейший и авторитетный лидер ИНК Мохандас Карамчанд Ганди (1869–1948), сторонник ненасилия, получивший почетное прозвище «Махатма», «Великая душа», категорически отменил идею поддержки военных усилий метрополии [Азад, 1961, с. 63]. Азад же, как один из более молодых лидеров ИНК, ученик Ганди Джавахарлал Неру (1889–1964) и большинство в руководстве ИНК, расходился во мнениях с Махатмой по военному вопросу, считая, что Индия должна примкнуть к лагерю антифашистских стран, но при условии предоставления ей свободы. Для Азада ненасилие было политическим методом, а не сакральным кредо, и он, в отличие от Ганди, не считал ИНК пацифистской организацией [Азад, 1961, с. 76]. Конгресс, пойдя за Азадом и Неру, решил не использовать сложное положение Великобритании для освобождения от колониального статуса, но был готов оказать ей помощь на условиях допуска к управлению как минимум военными делами, а как максимум — создания национального правительства. Ганди в ответ вышел из состава Рабочего комитета партии (РК ИНК).

7 декабря 1941 г. Япония вступила в мировую войну, нанеся удар по американским и европейским колониальным владениям в Тихом океане, Юго-Восточной Азии и создав угрозу захвата Индии. В английском парламенте бушевали страсти. Лейбористская фракция требовала привлечь весь индийский народ к сопротивлению японцам, мотивировать конгрессистов и других национальных политиков серией уступок. На слушаниях в Палате общин даже звучала идея создания национального кабинета в Индии [Parliamentary Debates. House of Commons, 1942, p. 86–89].

Для организации всенародной борьбы индийцев против японского вторжения премьер-министр Великобритании У. Черчилль (1874–1965) был вынужден предпринять шаги навстречу политическим силам колонии [Parliamentary Debates. House of Commons, 1942, p. 1069]. Правительство разработало специальный документ, так называемый «Проект декларации», рассчитывая предложить его индийским партиям в качестве основы для сотрудничества по военному вопросу. «Проект» предполагал, что после окончания войны Индии будет предоставлен статус доминиона, создано Учредительное собрание. При этом он давал право регионам Индии, «не желающим входить в состав будущего государства, отделиться и создать свое собственное или же остаться колонией Великобритании» [Constitutional Relations, 1970, p. 356–358]. На период войны Индия оставалась под полным контролем своей метрополии.

В начале марта Черчилль объявил в парламенте об отправке в Дели специальной правительственной миссии. Для выполнения этой задачи был выбран дипломат и блестящий оратор, спикер Палаты общин, лейборист Стаффорд Криппс (1889–1952) [Constitutional Relations, 1970, p. 396–397]. В конце марта он прибыл в Индию и приступил к переговорам с политическими силами колонии. Исход переговоров во многом зависел от решения главной партии индийцев — ИНК.

Сообщение о приезде британской миссии взбудоражило индийское общество. Журналисты обратились к Азаду как президенту ИНК за разъяснениями, но он не удовлетворил их любопытства: «Я не могу дать ответа, прежде чем узнаю в подробностях, что именно представляют собой предложения, с которыми едет Стаффорд Криппс... Постараюсь, насколько возможно, пойти ему навстречу» [Азад, 1961, с. 94].

События не заставили себя долго ждать. 18 марта Азад получил телеграмму, в которой конгрессисты приглашались встретиться с Криппсом в Дели [Azad, 1991, p. 214]. РК решил, что

переговоры будут вести Азад и Неру [Ibid, 1991, p. 215]. Первая их встреча с британцем состоялась 25 марта. Конгрессисты ознакомились с документом миссии и категорически раскритиковали его положения, касающиеся статуса доминиона и права провинций на невхождение в его состав, грозившие ростом мусульманского национализма, сепаратизма и в конечном счете раскола страны. При этом президент ИНК сосредоточился на вопросе обороны и полномочий нового Исполнительного совета при вице-короле [Constitutional Relations, 1970, p. 479].

Криппс не мог обойти вниманием Махатму Ганди и по своей инициативе 27 марта встретился с ним. Ганди также подверг критике предложения Лондона, найдя в них положение и о неприемлемом для ИНК статусе доминиона, и о возможном расчленении Индии и создании Пакистана [Constitutional Relations, 1970, p. 498–499]. В тот же день РК ИНК под началом Азада подготовил резолюцию. В ней говорилось, что предложение английского правительства «показало британский империализм в его наготе, как никогда ранее». Позиция Конгресса сводилась к следующему:

«1. Участие в войне происходит без согласия представителей индийского народа... Индия не конфликтует ни с Японией, ни с какой-либо другой страной..., а желает свободы от чужеземного господства.

2. Британское правительство не доверяет политическим партиям Индии. Армия, контролируемая англичанами, отделена от населения и используется для его подчинения. Поэтому национальная оборона не доверяется избранным представителям Индии.

3. Конгресс не собирается оказывать помощь японцам. Он также не намерен активно помогать англичанам.

4. Конфликт индийских и британских интересов проявляется в различных взглядах на оборону Индии» [Azad, 1991, p. 217–219].

По сути ИНК отклонил предложение Лондона, и Криппс начал маневрировать. 30 марта был опубликован «Проект декларации», Криппс выступил по радио и провел пресс-конференцию по его содержанию [Constitutional Relations, 1970, p. 594]. Он сообщил Азаду, что беседовал с вице-королем лордом Линлитгоу [Glendevon, 1971, p. 229–230], и тот выразил согласие «проконсультироваться с индийскими лидерами» о распределении обязанностей в области обороны [Azad, 1991, p. 221].

1 апреля состоялась очередная встреча Азада и Криппса, на которой речь пошла о возможности переговоров конгрессистов с главнокомандующим англо-индийской колониальной армии А. Уэйвеллом. Английский посланник заявил Азаду: «Вы понимаете, что я не хочу окантоваться в тупике, если есть какой-то разумный выход» [Glendevon, 1971, p. 222]. Азад согласился встретиться с главнокомандующим. Криппс же обратился к Черчиллю за разрешением допустить индийца к управлению обороной страны и с нетерпением ждал ответа.

На встрече с Уэйвеллом конгрессисты настаивали на перераспределении руководящих ролей и заявляли, что «главком колониальной армии станет советником при индийском министре» [Constitutional Relations, 1970, p. 642–644]. Уэйвелл решительно возражал. Криппс же в ожидании ответа Лондона старался убедить обе стороны.

7 апреля он прислал письмо Азаду, в котором настаивал на следующем:

«1. Главнокомандующий сохраняет место в Исполнительном совете вице-короля и контроль над вооруженными силами. В военный кабинет войдет представитель Индии, с правом голоса касательно ее обороны. Представителю Индии предлагалось войти в союзнический межправительственный орган — Тихоокеанский военный совет;

2. Функции министерства обороны будут распределены между военным министерством и министерством координации обороны, возглавляемым представителем Индии. Последний должен войти в Исполнительный совет при вице-короле. Министерство координации обороны будет осуществлять следующие функции: связь с общественностью; демобилизация и послевоенное восстановление; снабжение армии горюче-смазочными материалами; обеспечение благосостояния военнослужащих и их семей; обеспечение питания; противодействие коллаборационизму» [Glendevon, 1971, p. 228–230].

В наиболее ответственный момент работы миссии от Черчилля поступил ответ. Премьер требовал, чтобы Криппс «не превышал своих полномочий и неукоснительно следовал положениям “Проекта декларации”» [Constitutional Relations, 1970, p. 567]. Так главе миссии было отказано в праве дипломатического маневра, и все его усилия по поиску компромисса «на месте» оказались тщетными. ИНК же в лице своего руководителя, сделавший шаг навстречу Криппсу, — насколько это для партии было вообще возможно — не согласился безоговорочно подчиниться диктату Лондона, тоже вернулся к исходным позициям и отказался от «Проекта декларации». МЛ, первоначально принявшая «Проект» [Constitutional Relations, 1970, p. 551–552], и другие партии немедленно взяли пример с Азада и Конгресса.

10 апреля Азад провел пресс-конференцию, где объяснил мотивы ИНК представителям средств массовой информации. Он подчеркнул, что «незыблемость положений “Проекта декларации”» осложнила процесс поиска компромисса. Британскому правительству следовало предложить индийцам самим составить план реформ и, если бы им это не удалось, то вся ответственность за провал легла бы на них» [Azad, 1991, p. 231].

В письме Криппсу Азад повторил свои аргументы и подытожил: «Будущее будет зависеть от того, что произойдет в ближайшее время. Мы готовы обойтись без каких-либо гарантий относительно неопределенного будущего, надеясь, что благодаря нашим жертвам в защите своей страны мы зложим прочные основы для свободной и независимой Индии» [Азад, 1961, с. 231].

Однако британская сторона не оценила гибкости президента ИНК. Вопрос о разграничении функций министра обороны и главнокомандующего стал камнем преткновения на переговорах. Миссия Криппса подошла к своему провалу. Азад писал ему: «Было бы трагедией, если бы британское правительство не позволило свободному национальному правительству служить делу Индии, а также более масштабным целям, за которые сегодня страдают и умирают миллионы» [Azad, 1991, p. 234]. Однако глава миссии, по сути, ничего не решал.

10 апреля Криппс написал Азаду последнее письмо, выражая разочарование в связи с отклонением «Проекта декларации». По его мнению, в вопросе распределения полномочий министра обороны и главнокомандующего было сделано все, чтобы удовлетворить требования ИНК [Glendevon, 1971, p. 240]. Английский дипломат подчеркивал, что формирование «подлинного национального правительства» осуществить без конституционных изменений «самого сложного характера» невозможно. Он считал, что в условиях войны такой кабинет «был бы ответственным только перед самим собой» и «представлял бы собой абсолютную диктатуру большинства» [Azad, 1991, p. 240–241].

Он едва ли не обвинил конгрессистов в стремлении узурпировать власть. «Установление власти большинства в кабинете будет отвергнуто всеми меньшинствами, — утверждал Криппс. — Пока индийский народ не разработает новую конституцию, правительство Его Величества должно продолжать выполнять свои обязанности» [Ibid, 1991, p. 241].

Главную причину отказа РК от английских предложений Криппс видел в невозможности сплотить народ, как хотелось бы ИНК: «Истинная суть вашего отказа от участия в национальном

правительстве состоит в том, что предложенная форма правления не позволяет вам сплотить индийский народ так, как вы этого хотите» [Ibid, 1991, p. 241].

Азад получил письмо Криппса 11 апреля и вместе с коллегами был весьма удивлен, прочитав его. Он немедленно выслал ответ. Президент напоминал, что ИНК «стремился взять на себя ответственность за управление и оборону Индии в том случае, если это была реальная ответственность и власть» [Ibid, 1991, p. 247]. Азад не преминул заметить, что свою лепту в провал миссии внес и Черчилль: «По мере продолжения переговоров отношение британского правительства к ИНК постепенно ухудшалось» [Ibid, 1991, p. 247]. Касательно «абсолютной диктатуры большинства» Азад парировал: «Эта трудность присуща любому смешанному кабинету, сформированному в чрезвычайной ситуации... Если бы этот вопрос был поднят раньше, то решение было бы найдено... Как только британское правительство примет решение о передаче власти, другие вопросы будут успешно решены заинтересованными сторонами» [Ibid, 1991, p. 249].

В завершение Азад буквально «привоздил» Криппса: «Переговоры показали, что Англия придает куда большее значение сохранению своего господства в Индии, нежели ее эффективной защите от агрессии» [Ibid, 1991, p. 249].

11 апреля РК опубликовал «Резолюцию комитета Конгресса по переговорам в Дели». В документе говорилось о том, что «только свободная и независимая Индия может защищать себя общенациональными усилиями, а положения “Проекта декларации” угрожают... созданию демократического государства» [Constitutional Relations, 1970, p. 747]. ИНК отрицательно отнесся к пункту о праве провинций на неприсоединение к Индийскому Союзу и подчеркнул, что это есть поощрение сепаратизма в тот момент, когда необходимы сотрудничество и добрая воля» [Ibid, 1970, p. 747].

Таким образом, Азад как руководитель ИНК и полномочный представитель партии на переговорах с миссией Криппса сделал максимум возможного для достижения компромисса с британской стороной. До начала переговоров он полагал, что британское правительство желает добиться сотрудничества, но не готово признать Индию независимой страной: «Пока война продолжается, британское правительство может пойти в лучшем случае на формирование нового состава Исполнительного совета при вице-короле, дав заметное число мест для ИНК» [Азад, 1961, с. 83]. На переговорах с миссией Азад старался облечь английские предложения в приемлемую для Конгресса форму, а именно: достигнуть договоренности, согласно которой Исполнительный совет мог бы исполнять функции кабинета министров, а вице-король — главы конституционного государства. Он, не уверенный в том, что метрополия выполнит обещание и по окончании Второй мировой войны Индия получит независимость, пытался добиться гарантий.

Согласившись на переговоры, Азад как политик проявил политическую самостоятельность, так как выступил против позиции Махатмы Ганди, почитавшегося в индийском народе как *аватара* индуистского божества. Ганди был абсолютным пацифистом, и его отрицание насилия распространялось и на тактику освободительной антибританской борьбы, и на способы отпора японским агрессорам. Тем более категорично Ганди выступал против компромиссов и торга с британскими властями в вопросе о всенародном участии индийцев в вооруженной борьбе, направленной против фашизма и японского милитаризма. Он находил аморальным участвовать в насильственных действиях в обмен на обещание Лондона внести те или иные коррективы в систему управления Индией. В этом смысле Ганди был эталоном высокой нравственности, мыслящим в категориях иноков и святых пустынножителей, но оторванным от реалий Второй мировой войны.

В разгар мировой драмы Азад, как ему казалось, занял правильную позицию и националиста, и интернационалиста. Он был готов призвать народ оказывать сопротивление агрессору всеми способами, но не забывать при этом о том, что в свободе нуждаются не только покоренные Германией или Японией страны, но и Индия, утратившая свою независимость почти два века назад. Учитывая общечеловеческие интересы, Азад боролся за свободу Индии, однако мировая война вынуждала расставить приоритеты. Идя на обострение отношений с Великобританией в военное время, Азад все же по существу выбрал национализм, рискуя поставить под удар и многолетние усилия борцов за независимость страны, и саму партию ИНК, и концепцию будущей независимой единой Индии.

Литература/ References

- Азад А. К. *Индия добивается свободы*. М., 1961 [Azad A. K. *India Wins Freedom*. Moscow, 1961 (in Russian)].
- Алаев Л. Б., Вигасин А. А., Сафронова А. Л. *История Индии*. М., 2018 [Alaev L. B., Vigasin A. A., Safronova A. L. *History of India*. Moscow, 2018 (in Russian)].
- Горев А. В. *Махатма Ганди*. М., 1989 [Gorev A. V. *Mahatma Gandhi*. Moscow, 1989 (in Russian)].
- История Востока*. В 6 т. Т. 5: Восток в новейшее время: 1914–1945 гг. Отв. ред. Р. Г. Ланда. М., 2006 [History of the East. In 6 vols. Vol. 5: The East in Modern Times: 1914–1945. Ed. by R. G. Landa. Moscow, 2006 (in Russian)].
- Поддубный В. К. *Вопросы внешней политики и международных отношений в идеологии и деятельности Индийского национального конгресса в 1917–1947 гг.*: дисс. докт. ист. наук. М., 1991 [Poddubny V. K. *Issues of Foreign Policy and International Relations in the Ideology and Activities of the Indian National Congress in 1917–1947*: Thesis, DSc (History). Moscow, 1991 (in Russian)].
- Поздеева Л. В. *Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны. 1939–1945*. М., 1964 [Pozdeeva L. V. *Anglo-American Relations During the Second World War. 1939–1945*. Moscow, 1964 (in Russian)].
- Суслопарова Е. А. Стаффорд Криппс (1889–1952): политический портрет. *Новая и новейшая история*. 2018. № 5. С. 212–232 [Susloparova E. A. Stafford Cripps (1889–1952): A Political Portrait. *Modern and Contemporary History*. 2018. No. 5. Pp. 212–232 (in Russian)].
- Черешнева Л. А. Британская Индия в 1942 г.: миссия Криппса. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2007. № 2. С. 24–36 [Chereshneva L. A. British India in 1942: the Cripps Mission. *Vostok. Afro-Asian Societies: History and Modernity*. 2007. No. 2. Pp. 24–36 (in Russian)].
- Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. *История Индии. XX век*. М., 2010 [Yurlov F. N., Yurlova E. S. *History of India. XX Century*. Moscow, 2010 (in Russian)].
- [Azad Maulana Abul Kalam]. *The Selected Works of Maulana Abul Kalam Azad*. Ed. Ravindra Kumar. Vol. I (1936–42). New Delhi, 1991.
- Constitutional Relations between Britain and India. The Transfer of Power (1942–7)*. Ed. by N. Mansergh and E. W. R. Lumby. In 12 vol. Vol. 1. London, 1970.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report*. Vol. 378. London, 1942.
- Glendevon J. *The Viceroy at Bay. Lord Linlithgow in India 1936–1943*. London, 1971.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ИНДИИ ВАЛЛАБХАИ ПАТЕЛЬ И КАШМИРСКАЯ ПРОБЛЕМА (1947–1948)*

© 2023

А. А. Черешнева¹

Кашмирская проблема явилась рудиментом колониальной эпохи, одним из болезненных территориальных вопросов, возникших при разделе колониальной Индии в 1947 г. Автор характеризует позицию правящей индусской династии Кашмира во главе с махараджей Хари Сингхом, при разделе страны не желавшим присоединить свое княжество ни к Индии, ни к Пакистану, и обосновывает последствия его сепаратизма в контексте столкновения индийских, пакистанских, британских интересов. В исследовании показана роль заместителя премьер-министра Индии, министра по делам княжеств Валлабхаи Пателя в принятии решения о направлении индийских десантных подразделений в Кашмир для отражения агрессии пуштунских террористов с территории Пакистана, создание премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру правительства Национальной конференции Кашмира во главе с Шейхом Абдуллой, которых Патель считал опасной «левой» силой. Усилия Валлабхаи Пателя по решению Кашмирской проблемы оценены двояко. С одной стороны, именно он настоял на применении силы в борьбе за Кашмир, не оставил эту стратегическую высоту Северной Индии вне контроля своего государства, интегрировал индусское население Кашмира в этнически и религиозно родственное пространство. С другой стороны, его жесткая политика в отношении Национальной конференции провоцировала Шейха Абдуллу на антифедеральные мероприятия вплоть до попытки объявления независимости Кашмира. Эта «чередa суверенитетов», даже неудавшихся (сначала махараджа Хари Сингх, затем Шейх Абдулла), свидетельствовала о том, что силовыми методами Кашмирскую проблему не решить: к тому времени она вошла в латентную фазу.

Ключевые слова: Индия, Пакистан, Кашмир, Валлабхаи Патель, Национальная конференция, Шейх Абдулла, Хари Сингх

Для цитирования: Черешнева А. А. Заместитель премьер-министра Индии Валлабхаи Патель и кашмирская проблема (1947–1948). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 60–65. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-060-065

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00478, <https://rscf.ru/project/23-28-00478/>

The research was carried out with the financial support of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00478, <https://rscf.ru/project/23-28-00478/>

¹ Черешнева Лариса Александровна, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк; chara.62@mail.ru

Larisa A. Cheresheva, DSc (History), Professor, Deputy Director for Scientific Work of the Institute of History, Law and Social Sciences of the Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shan, Lipetsk; chara.62@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1491-4968

DEPUTY PRIME MINISTER OF INDIA VALLABHBHAI PATEL AND THE KASHMIR PROBLEM (1947–1948)

Larisa A. Cheresheva

The Kashmir problem was a vestige of the colonial era, one of the painful territorial issues that arose during the partition of colonial India in 1947. The author characterizes the position of the ruling Hindu dynasty of Kashmir led by Maharaja Hari Singh, who did not want to annex his State to either India or Pakistan during the partition of the country, and justifies the consequences of his separatism in the context of the clash of Indian, Pakistani, British interests. The research shows the role of Deputy Prime Minister of India, Minister of States Vallabhai Patel in making the decision to send Indian amphibious units to Kashmir to repel the aggression of Pashtun terrorists from Pakistan, the creation by Indian Prime Minister Jawaharlal Nehru of the Kashmir National Conference Government headed by Sheikh Abdullah, whom Patel considered a dangerous 'leftist' force. Vallabhbhai Patel's efforts to solve the Kashmir problem are evaluated in two ways. On the one hand, it was he who insisted on the use of force in the struggle for Kashmir, did not leave this strategic height of Northern India beyond the control of his state, integrated the Hindu population of Kashmir into an ethnically and religiously related space. On the other hand, his harsh policy towards the National Conference provoked Sheikh Abdullah to anti-federal measures, up to the attempt to declare Kashmir's independence. This «succession of sovereignties», even failed (first Maharaja Hari Singh, then Sheikh Abdullah), testified that the Kashmir problem could not be solved by force: by that time it had entered a latent phase.

Keywords: India, Pakistan, Kashmir, Vallabhbhai Patel, National Conference, Sheikh Abdullah, Hari Singh

For citation: Cheresheva L. A. Deputy Prime Minister of India Vallabhbhai Patel and the Kashmir Problem (1947–1948). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 60–65. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-060-065

Индийская империя добилась своей государственной независимости от Великобритании в августе 1947 г., и ее раздел на Индийский Союз и Пакистан был осуществлен с учетом религиозных, конфессиональных, экономических факторов, а также географической значимости ее провинций и княжеств. Две ведущие противоборствующие партии Индии — Индийский национальный конгресс (ИНК) и Мусульманская лига (МЛ) сформировали свои собственные правительства и превратились в оппонентов на международном пространстве Южной Азии. Их лидеры — первый премьер-министр Индийского союза Джавахарлал Неру и первый генерал-губернатор Пакистана Мохаммед Али Джинна — стали главами-антиподами. Не все территориальные проблемы были решены, среди них судьба северного княжества Кашмир, который в августе 1947 г. не согласился присоединиться ни к одному из своих новообразованных штатов в Индостане. Цель этой статьи — проанализировать роль Валлабхай Пателя в процессе интеграции Кашмира в состав Индии и его отношение к лидеру Кашмирской национальной конференции Шейху Абдулле в драматический период второй половины 1947–1948 гг.

Кашмир, государство с индусско-мусульманским населением и индусской династией Хари Сингха во главе, располагался недалеко от границ СССР, Афганистана и Китая и имел большое стратегическое значение. Во время Второй мировой войны британцы построили там два первоклассных военных аэродрома в Сринагаре и Гилгите и намеревались сохранить контроль над ними навсегда. Хари Сингх, индус из высшей касты брахманов, был слабым, нерешительным человеком, который проводил время либо в зимней столице Джамму, либо в летней

резиденции в Сринагаре — центральном городе Кашмира, «Восточной Венеции» [Белокре-
ницкий, 2003, с. 3–11; Collins, Lapierre, pp. 144–145]. Он начал свое правление с политических
репрессий. Даже Джавахарлал Неру был одно время его пленником, когда в 1946 г. решил посе-
тить Кашмир, родину своих предков. У Хари Сингха была армия для защиты границ Кашмира
и требования независимости, и он решил не присоединяться ни к одному из доминионов. Он
опасался, что лидер Мусульманской лиги и глава Пакистана Мохаммад Али Джинна будет пре-
следовать его из-за религиозных разногласий и в конечном итоге лишит власти. В Индийский
Союз Хари Сингху мешала вступить его «лютая ненависть» к Неру, человеку с социалистиче-
скими и демократическими идеалами. Однако вопрос о присоединении махараджей должен
был быть решен в любом случае. 15 августа 1947 г. британское правление в Индии подходило
к концу, соглашения князей с короной теряли свою силу, княжества Индостана лишались бри-
танской опеки. Как долго мог бы просуществовать этот «теоретически независимый» Кашмир
в условиях соперничества новообразующихся доминионов Индийского Союза и Пакистана?
Однако в ходе подготовки к разделу Индии в июле 1947 г. махараджа внезапно объявил Каш-
мир «независимым» [Юрлов, Юрлова, 2010, с. 293]. Британцы не могли этого допустить: внутри
государства была организована кампания по присоединению к более «пробританскому» Паки-
стану, без какого-либо предупреждения оттуда были прекращены поставки пшеницы, соли,
селитры в Кашмир. «Кашмирский узел» затягивался [Шаумян, 2002, с. 61–65].

Министр по делам княжеств и заместитель Неру Валлабхай Патель, в задачу которого
входило обеспечение интеграции княжеств в Индийский Союз, рассматривал кашмирский
вопрос как серьезную проблему, решить которую за столом переговоров будет крайне пробле-
матично. Согласно Пателю, Индия знала о намерении Пакистана аннексировать Кашмир [NAI,
1948, p. 15–19; *Sardar Patel's Correspondence*, 1973, p. 45]. Главной политической партией Кашмира
была Национальная конференция, массовая организация, целью которой была борьба против
автократии Хари Сингха и проведение ряда демократических реформ, включая ликвидацию
землевладения и национализацию основных отраслей промышленности. Несмотря на то, что
основную массу сторонников этой организации составляли мусульмане, она всегда присоединя-
лась не к МЛ, а к ИНК и сотрудничала с ним. Лидером Национальной конференции был Шейх
Абдулла, личный друг Джавахарлала Неру, который пользовался большим влиянием не только
в Кашмире, но и во всей Индии. Он был кашмирцем, который верил, что «только советская
система может спасти индийский народ» [АВП РФ, л. 3]. Большой друг СССР, Шейх Абдулла
всегда предпочитал полагаться в своей работе на коммунистов. По этим причинам к осени
1947 г. он оказался в тюрьме как опасный политический преступник. Однако 2 октября 1947 г.,
когда индо-пакистанский спор по поводу Кашмира достиг пика, после длительного тюремного
заключения Шейх Абдулла и другие лидеры Национальной конференции были освобождены
из тюрьмы. Уже 10 октября 1947 г. Абдулла выступил с заявлением в столице штата Сринагаре:
«Мы поддержим присоединение к тому доминиону, в котором наше требование свободы будет
признано. Национальная конференция никогда не добивалась низложения махараджи, а только
его превращения в конституционного монарха» [АВП РФ, л. 3]. Эта речь стала серьезным уда-
ром по планам британского и пакистанского лидеров. Оба пытались использовать факт осво-
бождения Абдуллы, чтобы запугать махараджу, но он видел, что бояться нечего.

В октябре 1947 г. группы пуштунских боевиков вторглись в Кашмир с территории Паки-
стана. Вооруженные современным оружием, на джипах, они продвигались к Сринагару, сметая
все на своем пути. У автора статьи нет никаких свидетельств того, что это вторжение было санк-
ционировано правительством Джинны, хотя открытое намерение боевиков захватить столицу

Кашмира, свергнуть и даже убить махараджу и решить вопрос о присоединении государства к Пакистану «открытым способом» было созвучно его намерениям. При очевидной идеологизации проиндийской концепции кашмирского кризиса, которая сводится к тому, что Пакистан спровоцировал вторжение в Кашмир кочевых пуштунских племен из Северо-Западной пограничной провинции, пропакистанская версия абсолютной непричастности официального Карачи или иного внешнего игрока к военным действиям 22–23 октября 1947 г. все же не представляется убедительной. Афридии, масуды, вазиры были профессионально экипированы, их средства передвижения и оружие для спонтанной поддержки единоверцев Пунча явно не соответствовали племенному укладу их жизни.

По настоянию Валлабхай Пателя к Хари Сингху был немедленно направлен его эмиссар В. П. Менон, чтобы убедить махараджу срочно подписать соглашение о присоединении Кашмира к Индийскому Союзу. Менон вернулся 26 октября и сообщил, что Хари Сингх «не может решиться» [NAI, 1948, р. 20]. Совет обороны Индии по инициативе Пателя принял решение о переброске специальных воинских подразделений в Сринагар. 27 октября через Гималаи в Кашмир самолетами был отправлен Первый сикхский полк, который сразу же по прибытии вступил в бой. Правительство Индии сочло необходимым немедленно «преобразовать существующее правительство княжества в народное правительство» и, по инициативе Ганди и Неру, убедило махараджу «предложить Шейху Абдулле возглавить его» [АВП РФ, л. 3–4].

Во дворце Сринагара Хари Сингх подписал официальный документ о присоединении Кашмира [Kashmir 1947–1956. Experts from Prime Minister Nehru's Speeches, 1956; NAI, р. 19]. Он получил заверения от Пателя в том, что Индия не допустит безраздельного правления Шейха Абдуллы в Кашмире и что власть махараджи будет сохранена. Шейх Абдулла, согласившись сформировать правительство, приступил к созданию «народного ополчения». Как только Джинна узнал об индийском воздушном десанте, он немедленно отдал приказ о вводе двух пакистанских бригад в Кашмир, и возникла угроза первой индо-пакистанской войны. Только под давлением Верховного главнокомандующего фельдмаршала Клода Окинлека Джинна отменил свой приказ. Тем не менее в ответ 24 октября в Паланди (округ Пунча) при явной поддержке Пакистана было создано «Временное правительство свободного Кашмира» во главе с Сардаром Мохаммадом Ибрагим Ханом. 29 октября 1947 г. правительство Пакистана официально объявило, что оно не признает присоединение Кашмира к доминиону Индийский Союз.

Итак, Кашмир фактически был разделен на части. Однако его полного присоединения к Пакистану, благодаря настойчивости и стратегическому мышлению Пателя, удалось избежать. Все усилия Пакистана возложить на Индию ответственность за кровавый рейд пуштунских боевиков были сведены к нулевому результату Пателем, «железным человеком». 8 ноября 1947 г. он выразил официальную индийскую позицию по этом вопросу — назвал единственного ответственного за жестокую резню немусульманского населения в Кашмире той осенью — «правительство Пакистана» [Черепнева, 2019, с. 141]. Пател отдал дань уважения индийской армии и индийским военно-воздушным силам за их «триумф» в Кашмире. В торжественных речах он посвятил нацию в детали операции: «Когда Сринагар был в опасности и мы решили направить туда нашу армию, наши военно-воздушные силы сделали это с поразительной скоростью. Если бы они опоздали на двадцать четыре часа, игра была бы проиграна» [The Collected Works of Sardar Vallabhbhai Patel, 1998, pp. 210–216.] Обращаясь к индийской армии, Пател подчеркнул: «Задача, которую вы выполнили, будет вписана золотыми буквами в историю нашей независимости. Мы гордимся вами» [The Collected Works of Sardar Vallabhbhai Patel, 1998, pp. 214–216].

2 ноября 1947 г. Неру выступил с большой речью по радио. Проанализировав текущую ситуацию в Кашмире, премьер-министр Индийского союза возложил всю ответственность

за кризис на Пакистан и отдал должное Шейху Абдулле, «благодаря которому в столице штата не было паники и люди занимались своими делами в обычном режиме» [АВП РФ, л. 8–10]. В середине ноября 1947 г. корреспонденту ТАСС Р. О. Орестову удалось совершить поездку в Кашмир, где он провел несколько дней и вместе с заместителем Шейха Абдуллы Гулямом Мохаммедом Бакши посетил несколько деревень. Корреспондент писал: «Сринагар полностью находится в руках Национальной конференции и Народного ополчения. Все дома украшены красными флагами с изображением плута (флаг Национальной конференции. — Л. Ч.). По улице маршируют полицейские отряды и школьники в красных шапочках, с палками и флагами в руках. Как только один из лидеров Конференции появляется на улицах, тысячи людей собираются, чтобы пожать ему руку и заверить в поддержке народа» [АВП РФ, л. 14].

Внутренняя политика Шейха Абдуллы в самые напряженные первые месяцы кашмирского кризиса сводилась к чрезвычайным политическим и социально-экономическим мерам. В ряде округов правительство и полиция начали проводить реформы, отменив высокие налоги. Национальная конференция столкнулась с реальной обструкцией со стороны старой администрации, и Шейху Абдулле не раз приходилось угрожать министрам махараджи арестом, чтобы преодолеть их саботаж. Еще острее стояла проблема вооружения Народной милиции, в ноябре 1947 г. имевшей всего 700 винтовок, в то время как ее численность составляла несколько тысяч человек. Характерно, что индийские войска, освобождая Кашмир и захватывая оружие противника, не проявляли никакого желания и намерений передавать его ополченцам. Его судьба полностью зависела от того, насколько быстро и эффективно Шейх Абдулла сможет провести радикальные реформы в политической и экономической сферах. Бесчинства пуштунов, вторгшихся в Кашмир, оттолкнули местных жителей от Пакистана — они почти полностью поддержали Национальную конференцию. Имена Пателя, Абдуллы и Бакши стали легендарными в деревнях Кашмира.

Потерпев неудачу в присоединении всего Кашмира к Пакистану, британцы пошли по пути присоединения стратегической полосы к северу от Кашмира, необходимой для создания военных баз на границах СССР, создав правовую основу для постановки вопроса о разделе Кашмира в Совете Безопасности ООН. К декабрю 1947 г. положение Шейха Абдуллы ухудшилось. Во-первых, потому, что из-за приближающейся зимы боеспособность индийской армии снизилась. Во-вторых, действовали индусские шовинисты, распространяя коммуналистские настроения: «За что мы боремся?», «Должны ли мы проливать здесь кровь за мусульман?». В-третьих, махараджа и не думал распускать свое правительство, и было создано двоевластие: правительство Шейха Абдуллы и правительство Махаджана. Кроме того, в ИНК не было единого мнения по поводу ситуации с двоевластием в Кашмире. Таким образом, Неру, социалисты и подавляющее большинство индийской общественности до сих пор оказывали полную поддержку Абдулле и считали, что власть должна находиться в руках Национальной конференции. В то же время Пател считал Шейха Абдуллу и Национальную конференцию опасной просоветской силой, выступал за то, чтобы махараджа оставался правителем Кашмира, проводя некоторые реформы. Сам Шейх Абдулла понимал, что он не сможет отразить серьезную атаку войск махараджи, если тот пойдет на ликвидацию власти Национальной конференции. Абдулла не исключил, что индийское правительство вместе с Неру бросят его на произвол судьбы. В этом случае лидеры Национальной конференции были готовы «оторвать Кашмир от Индии и обратиться за поддержкой к СССР» [АВП РФ, л. 33]. Шейх Абдулла организовал празднование Дня независимости, представители СССР присутствовали на этом празднике, в то время как представители англо-американского блока, за исключением Индии, бойкотировали этот праздник. Шейх не исключал создания квазисоветской республики в Кашмире. Однако ему не удалось

предпринять практических эффективных шагов по сближению Кашмира с Советским Союзом; по крайней мере, задокументировать их невозможно. Однако его демонстрации вызывали острую настороженность ведомств «железного человека», жестко подавлявшего коммунистические выступления в Индии.

Итак, усилия Валлабхай Пателя по решению кашмирской проблемы можно оценить двояко. С одной стороны, именно он настоял на применении силы в борьбе за Кашмир, не оставил эту стратегическую высоту Северной Индии вне контроля своего государства, интегрировал индусское население Кашмира в этнически и религиозно родственное пространство. С другой стороны, его жесткая политика по отношению к Национальной конференции спровоцировала Шейха Абдуллу на антифедеральные меры, вплоть до попытки провозгласить независимость Кашмира. Эта «чередa суверенитетов», даже неудачная (сначала махараджа Хари Сингх, позже Шейх Абдулла), свидетельствовала о том, что кашмирскую проблему не смог бы решить силой даже «железный человек»: к тому времени она вступила в латентную фазу.

Источники и литература/ Sources and References

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 090. Оп. 3а. П. 9. Д. 5 [The Archive of Foreign Policy of the Russian Federation (AFP RF). F. 090. Inv. 3a. F. 9. File 5 (in Russian)].

Белокренницкий В. Я. *Исламский радикализм, кашмирский кризис и геополитическая ситуация в Центральной Азии*. Ближний Восток и современность. М., 2003 [Belokrenitsky V. Ya. *Islamic Radicalism, the Kashmir Crisis and the Geopolitical Situation in Central Asia*. Middle East and Modernity. Moscow, 2003 (in Russian)].

Черепнева А. А. *Радуга над Красным фортom: раздел колониальной Индии в 1947 г.* М., 2012 [Chereshneva L. A. *Rainbow over the Red Fort: the Partition of Colonial India in 1947*. Moscow, 2012 (in Russian)].

Черепнева М. С. *Сардар Патель. Политическая деятельность соратника Махатмы Ганди Валлабхай Пателя в 1947–1950 гг.* Липецк, 2019 [Chereshneva M. S. *Sardar Patel. Political Activity of Mahatma Gandhi's Associate Vallabhbhai Patel in 1947–1950*. Lipetsk, 2019 (in Russian)].

The Collected Works of Sardar Vallabhbhai Patel. Ed. by P. N. Chopra. In 15 vols. Vol. 13. New Delhi, 1998. Collins L., Lapiere D. *Freedom at Midnight*. Delhi, 1994.

Kashmir 1947–1956. Experts from Prime Minister Nehru's Speeches. New Delhi, 1956.

The National Archives of India (NAI). Government of India. Ministry of External Affairs. 1948. Branch Kashmir (Pakistan Division). File No. 7.10(7)-K/50.

Sardar Patel's Correspondence 1945–1950. In 10 vols. Vol. 1. Ahmedabad, 1973.

Шаумян Т. А. Спор вокруг Кашмира: истоки конфликта. *Индия. Достижения и проблемы*. М., 2002. С. 61–76 [Shaumyan T. L. The Dispute over Kashmir: the Origins of the Conflict. *India. Achievements and Problems*. Moscow, 2002. Pp. 61–76 (in Russian)].

Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. *История Индии. XX век*. М., 2010 [Yurlov F. N., Yurlova E. S. *History of India. XX Century*. Moscow, 2010 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-066-074

**БХОДРОЛОКИ И ДЖЕНТАЛЬМЕНЫ: ФОРМИРОВАНИЕ БЕНГАЛЬСКОГО
ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД**

© 2023

И. Т. Прокофьева¹

Колониальное положение страны неминуемо приводит к необходимости взаимодействовать с чужой для нее культурой метрополии, так как культурное влияние на местное население является обязательным следствием ее политического доминирования. В результате колонии перенимают не только некоторые черты, но и многие ценности изначально чуждой цивилизации. Необходимость изучения английского языка, явившаяся следствием проводимой британцами политики рекрутирования чиновничьих кадров из местной среды, породила в бенгальском обществе появление целого слоя билингвов, в равной степени владеющих родным и английским языками. Следствием билингвизма образованной части общества стало пополнение бенгальского словаря новой лексикой, образованной в результате калькирования, то есть буквального поморфемного перевода слов, обозначающих не материальные предметы, а понятия, отсутствовавшие в бенгальской культуре, или научных и общественно-политических терминов. В качестве материала для калькирования бенгальцы использовали санскрит.

Тем же путем калькирования бенгальцы пошли и реформируя свою культуру: беря в качестве основы европейскую модель, они наполняли ее собственным содержанием, обращаясь к своему прошлому и находя в нем материал для создания новых для бенгальской культуры видов и жанров искусства. Эти процессы привели к расцвету бенгальской культуры в период с середины XIX до середины XX в., который сами бенгальцы называют Эпохой Пробуждения или даже Бенгальским Возрождением.

Ключевые слова: колония, европейское образование, бенгальская культура, бенгальский язык, калькирование

Для цитирования: Прокофьева И. Т. Бходролоки и джентльмены: формирование бенгальского языка и культуры в колониальный период. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 66–74. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-066-074

**BHODROLOKS AND GENTLEMEN: FORMATION OF BENGALI
LANGUAGE AND CULTURE DURING COLONIAL PERIOD****Irina T. Prokofieva**

The colonial position of the country inevitably leads to interaction with the culture of the metropolis, which is alien to it, since cultural influence on the local population is an unpreventable consequence of its political dominance. As a result, colonies adopt not only some features, but also many values of an initially alien

¹ Прокофьева Ирина Тенгизовна, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университет), Москва; iprok@mail.ru

Irina T. Prokofieva, PhD (philology), Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow; iprok@mail.ru
ORCID: 009-0007-9351-8202

civilization. The need to study English, which was a consequence of the British policy of recruiting bureaucrats from the local population, caused the emergence of numerous bilinguals in Bengali society, equally proficient in their native and English languages. The consequence of the bilingualism of the educated part of society was the replenishment of the Bengali vocabulary with new words formed as a result of calking, that is, literal morphemic translation, of words denoting not material objects, but concepts that were absent in Bengali culture, or scientific and socio-political terms. As a material for calking Sanskrit language was used. The Bengalis followed the same path of calking when reforming their culture: taking the European model as a basis, they filled it with their own content, looking back on their past and finding in it material for creating new genres of art for Bengali culture. These processes led to the flourishing of Bengali culture in the period from the mid-nineteenth to the mid-twentieth century, which the Bengalis call the Age of Awakening or even the Bengal Renaissance.

Keywords: colony, European education, Bengali culture, Bengali language, calking

For citation: Prokofieva I. T. Bhodrolaks and Gentlemen: Formation of Bengali Language and Culture in Colonial Period. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 4. Pp. 66–74. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-066-074

Колониальное положение той или иной страны дает нам интересный пример ее взаимодействия с внешним миром, так как «внешний мир» самовольно явился туда, даже не потрудившись постучать в дверь, но немедленно заявив о своих правах на ее территорию, население и ресурсы. Взаимодействие это, невинно, на первый взгляд, начинавшееся с торговых операций, почти неминуемо сопровождалось насилием и в конечном итоге — подчинением себе, военным и политическим. Как бы то ни было, колонизаторы и колонизируемые были представителями разных цивилизаций, которые в силу сложившихся обстоятельств не могли не вступить в отношения между собой.

Процесс влияния и проникновения «чужой» культуры в колониальных странах отличается от такового в странах, не испытывавших многовекового владычества иностранного государства, так как культурное влияние извне является обязательным дополнением к политическому доминированию, непременно сопровождает его и из него следует. Чаще сознательно, иногда неосознанно, колониальная культура впитывает в себя не только отдельные черты, но и ценности изначально чуждой цивилизации, трансформируясь при этом даже тогда, когда пытаются сохранить своеобразие.

Все волны вторжений, завоеваний, а как следствие, и культурного влияния на Индию традиционно шли с запада на восток, вследствие чего Бенгалия, находящаяся на самом востоке субконтинента, долго оставалась на периферии индийского мира, знакомясь с новациями позже других регионов и в достаточно ассимилированном виде. Неожиданным «сюпризом» для этого региона стало появление на территории Бенгалии британской Ост-Индской компании, начавшей колонизацию субконтинента с его восточного региона. И тут Бенгалия, на земле которой была построена новая, европейская, столица — Калькутта, меняет свое периферийное положение на центральное.

АНГЛИЙСКИЙ НАСТУПАЕТ

К концу XVIII в. английский язык начинает вытеснять персидский в качестве языка бюрократии во всех областях, освоенных Ост-Индской компанией, при этом стоит отметить, что в Бенгалии он и не был укоренен в той же степени, что в центральных и западных областях. Необходимость формировать чиновничий аппарат из местных кадров, то есть из бенгальских

грамотных *бабу* (уважительное обращение к мужчине), представителей брахманских каст, включая многочисленных в Бенгалии каястхов (изначально — писцы) и вайдхья (изначально — лекари), привела англичан к пониманию другой необходимости — давать потенциальным чиновничьим кадрам соответствующее образование.

Параллельно англичанами велось изучение и описание аборигенного бенгальского языка. Сначала этим занимались миссионеры, что естественно, так как доносить до туземцев Слово Божие нужно было на вернакулярах. За миссионерами последовали чиновники. Случилось это после того, как Ост-Индская компания, изначально торговая, в 1765 г. получила широкие административные функции. Чиновники Ост-Индской компании занялись научным изучением бенгальского языка, и самая первая бенгальская грамматика появляется в 1778 г. Автором труда был служащий Компании Натаниел Холхед [Nalhed, 1778]; для публикации книги он основал первую бенгальскую типографию.

В 1800 г. по предложению тогдашнего генерала-губернатора Индии лорда Уэлсли в Калькутте открывается Форт-Вильям колледж, где молодежь, прибывшая из Британии, в числе прочего изучала местные языки, в первую очередь бенгальский. Колледж становится не только учебным, но и исследовательским центром. В течение более полувека Форт-Вильям колледж успешно справлялся с задачами по подготовке колониальной администрации, однако в 1853 г. генерал-губернатор Далхузи предложил его закрыть, мотивируя это изменившейся ситуацией. Лорд Уэлсли рассчитывал на обучение в образованном по его указу заведении доставляемых в Индию из метрополии неподготовленных юнцов в возрасте 15–16 лет. Во времена же Далхузи возраст прибывающих возрос до 20–22 лет, и они уже прошли подготовку в открывшихся в Англии учебных заведениях, например, в Колледже Хейлбери (East India College, или East India Company College), открывшемся в 1806 г. [Chakrabarti & De, 2014, p. 294–299].

Успешно продвигался и процесс обучения местного населения английскому языку — процесс, поддержанный юридически и материально британским парламентом. Создавались миссионерские школы, открывались светские учебные заведения, и уже в первой половине XIX в., точнее — в 1835 г. был издан указ, гласивший, что «одной из главных целей британского правительства следует считать распространение среди коренного населения европейской культуры и науки, а средства, направляемые на цели образования, могут быть использованы с максимальным эффектом именно в сфере английского образования»².

В обучении английскому были заинтересованы и колониальные власти — так можно было решить проблему подготовки чиновничьих кадров, рекрутируя их из местных жителей. В 1817 г. часовщик и филантроп Дэвид Хэйр финансирует открытие школы, получившей его имя, а также вместе с бенгальским ученым и общественным деятелем Раджей Радхакантой Девом, сторонником внедрения европейского образования в индусскую среду, инициирует в том же году открытие знаменитого Хинду-колледжа, безвозмездно предоставив под строительство его здания собственный участок земли. Цели нового учебного заведения были сформулированы англичанами как «обучение сыновей уважаемых представителей индусского общества английскому и индийским языкам, а также европейской литературе и науке» (цит. по [Chakrabarti & De, 2014, p. 300]).

С 1854 г., после открытия Президентского колледжа, созданного по сути в качестве компромисса между индусскими, брахманскими кругами, считавшими, что возможность получать европейское образование и изучать английский является их исключительной привилегией, и мусульманами, а также представителями других религий, Хинду-колледж был переименован

2 <https://studfile.net/preview/4410619/page:26/> (дата обращения: 08. 09. 2023).

в Хинду-школу (Hindu School) и включен в Президентский колледж в качестве подготовительной ступени. Однако Президентский колледж, позднее превратившийся в Президентский университет, ведет свою историю от Хинду-колледжа, считает датой своего возникновения 1817 г. и именуется первым высшим учебным заведением европейского типа в Южной Азии.

После Хинду-колледжа в Калькутте открывались новые учебные заведения с образованием на английском языке: Калькуттский медицинский колледж (1835 г.), Санскритский колледж (1824 г.), так называемый Бетьюн-колледж, явившийся первым в Индии учебным заведением европейского типа для девочек (с 1849 г. — школа, в 1879 г. получившая статус колледжа), неофициально названный так в честь члена совета генерал-губернатора и пионера в области женского образования в Индии, а также некоторые другие. Благодаря новым учебным заведениям Калькутта превращается в крупнейший образовательный центр Южной Азии.

Современный бенгальский журналист и писатель Кушанава Чоудхури, переосмысливая колониальное прошлое своего региона, так пишет об истинных целях культуртрегерской деятельности европейцев: «Из нас выводили породу клерков. Британцы дали нам западное образование, чтобы мы рукоблудствовали во имя их империи. Нас научили сидеть в офисах, получать жалованье и переписывать конторские книги. Ходила шутка, что если дохлая муха попадала на страницу оригинала, то во время переписывания клерк должен был убить еще одну и поместить точно в то же место в копии. Это породило бенгальское название чиновника — мухобой. Делать записи, зазубривать, а потом отрывивать все это на экзамене — одним словом, копировать, а не создавать» [Choudhuri, 2017, p. 78]. Жесткая ирония молодого бенгальца, получившего уже в XXI в. свой бакалаврский диплом в Принстоне, а магистерскую степень в Йеле, объяснима, однако нужно признать, что подготовка чиновничества в метрополии в XVIII–XIX вв. едва ли сильно отличалась от колониальной. С другой стороны, нельзя недооценивать того колоссального сдвига в образовании и шире — в культуре, который произошел в Бенгалии той поры и был назван Бенгальским Возрождением, хотя бенгальцы именовали его гораздо скромнее — *наваджагафан*, то есть Новое Пробуждение. И создателями этой культуры были как раз те самые «мухобой».

О пользе двуязычия

Бенгальцы овладели английским значительно лучше, чем англичане бенгальским. Перед теми и другими стояли разные задачи. Притом что английский стал официальным языком администрирования, англичанину нужно было разве что приказать слуге начистить до блеска сапоги, принести чай и... непременно сдать экзамен, так как еще в самом начале XIX в. сдача экзамена по бенгальскому языку стала обязательной для занятия любой административной должности в Компании. Но этот экзамен, как и все прочие, принимали англичане, что породило в Бенгалии того времени множество анекдотов, описывающих те случаи, когда экзаменуемыми были бенгальцы, а экзаменаторами — англичане.

Бенгальцам английский был необходим, так как предоставлял новые возможности, давал шанс занять административную или профессорскую должность и тем самым повышал их статус в новом, формируемом англичанами, обществе.

Результатом появления европейских учебных заведений и привлечения воспитанных в них бенгальских кадров к административной работе в Калькутте становится англо-бенгальский билингвизм — образованные бенгальцы, говорящие на двух языках, а второе и последующие поколения являются врожденными билингвами, владеющими двумя языками в равной степени.

Один из основоположников лингвистического изучения билингвизма (двуязычия, диглоссии) Уриэль Вайнрайх отмечает, что языки в двуязычном обществе вступают в контакт, неминуемо сопровождающийся процессом интерференции — взаимодействия, взаимопроникновения, взаимовлияния элементов языковых структур, выражающемся в отклонениях от норм второго языка под влиянием родного [Вайнрайх, 1972, с. 32–48]. В случае колониальной Бенгалии гораздо интересней и важнее посмотреть на интерференцию в другом направлении, то есть выяснить, какие изменения так называемый второй язык (английский) спровоцировал в родном (бенгальском).

Англо-бенгальский билингвизм прежде всего привел к расширению словаря бенгальского языка за счет массового заимствования английской лексики. Процесс заимствования из арабского и персидского языков происходил и в период распространения ислама и исламской культуры, хотя в случае с бенгальцами он не был напрямую связан с двуязычием. Билингвизм становится основой изменения и обогащения языка лишь тогда, когда он носит массовый характер и когда его носители не просто в равной степени владеют двумя языками, но тогда, когда они регулярно употребляют каждый из них в равной мере. Прямые заимствования так называемой «культурной» лексики — процесс неминуемый и объективный: каждый артефакт, приходящий из инокультурного пространства, приходит вместе со своим названием (появившийся благодаря мусульманам стол принес в язык слово *мез*, завезенный англичанами стул так и стал именоваться в бенгальском *чейар*). Именно так, путем прямого заимствования, в бенгальский проникли тысячи арабских, персидских и тюркских слов. Само собой громадную, если не важнейшую, роль в пополнении языка арабизмами сыграло и само распространение ислама. Особенно если учесть, что большая часть населения Бенгалии его исповедовала.

Заимствование лексики в условиях билингвизма идет не только путем прямого заимствования, но прежде всего — путем калькирования новых терминов и понятийного аппарата; билингвизм приводит и к изменениям грамматической структуры языка (появление почти аналогичной английским категорий вида и времени, системы залогов, отсутствующей ранее в языке, так как бенгальский и английский относятся к разным континентальным типам языков и др.). Калькирование трактуется современным языкознанием как образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы³. Если для слов, обозначающих материальные объекты, бенгальцы пользовались простым заимствованием, то для абстрактных, обозначающих не предметы, а понятия, отсутствовавшие до этого в их культуре, а также научных и социально-политических и экономических терминов прибегали к словообразовательному калькированию — поморфемному переводу иноязычного слова. Если прямое заимствование не требует билингвизма носителя, то калькирование его как минимум предполагает. Так, большая, если не большая часть калек позапрошлого века русского языка появилась в условиях русско-французского билингвизма образованной части русского общества. Особенность бенгальского калькирования заключалась в том, что материалом для словообразования служили не собственно бенгальские слова и морфемы, а санскритские. Словари, однако, помечают их как слова *татсма*, т. е. собственно санскритские. Бенгальский словарь за два века почти удвоился за счет «древнеиндийских» слов, но при этом ни одного из них, как и значений, ими передаваемых, не существовало в древние времена. Но и обращение к древнему материалу можно считать «скалькированным», так как европейцы тоже использовали для образования новых терминов древние языки — греческий и латынь. Процесс калькирования, начавшийся в колониальный период, продолжается: бенгальский язык обогащается

³ См., например, Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 211.

за счет калькирования научной и общественно-политической лексики, почти не прибегая к прямому заимствованию.

Калькирование — не механический прием, так как поморфемный перевод требует осмысления каждой семантической составляющей вводимого понятия; поиска, иногда мучительного, адекватного по смыслу элемента в своем (а в случае с бенгальцами — в санскрите) языке, а затем внедрения его уже в родной язык и ожидания реакции на него, то есть готовности или неготовности компатриотов воспринять введенную новацию, а в случае неудачи — возвращения к началу и новые поиски. Процесс, как видим, сложный, но оказавшийся по силам тем, кого называли «мухобоями», ведь именно их среда стояла у его истоков. Быть может, британцы и «выводили породу клерков», но получилось, что вывели поколения мыслителей и художников, а в конечном счете привели к появлению бенгальского национализма, давшего им отпор уже в самом начале XX в., во время *бонгобхонго* — раздела Бенгалии, когда бенгальцы, во всяком случае их индульская часть, осознали себя как единую нацию. Этого бы, может быть, и не произошло, если бы в бенгальский язык, а следовательно — и в сознание уже не было заложено еще за сто лет до того понятие *джати* (нация), выращенное и внедренное в сознание масс из слова, изначально обозначавшего «рождение, происхождение», а также «род, вид». Ко времени раздела провинции в бенгальский язык уже прочно вошло и слово *джатийотабад* (национализм).

Долго и настойчиво внедрял в сознание бенгальцев слово *итихаши* (санскр. рассказ о прошлом) великий бенгальский мыслитель и писатель, кстати, служавший Компании в должности магистрата (судья низшей инстанции, мировой судья) Банким Чандра Чаттопадхьяй (1838–1894), предлагавший употреблять его в значении истории как науки о прошлом, написав при этом массу статей на бенгальском языке, одна из которых так и называлась «Что понимается под словом *итихаса*» [Chatteropadhyay, 1879, p. 75–89].

Здесь надо бы привести и другие примеры словесных калек, но тогда статья выйдет за все мыслимые и немыслимые пределы, так как понадобится включить в нее добрую треть бенгальского словаря.

Имеет смысл, пожалуй, остановиться на одном примере слова с неудачной судьбой в том смысле, что со временем оно получило совершенно не то значение, которое в него вложил Чандронатх Босу (1844–1910), тоже начинавший карьеру в Компании в должности помощника магистрата. Речь идет об изданной им в 1898 г. книге «Хиндутва» [Basu, 1898], в самом начале которой он сетует на то, что у всех народов есть религии, имеющие свои названия: у христиан — христианство, у мусульман — ислам, у евреев — иудаизм, и только индусы (хинду) не имеют названия своей религии, хотя англичане его придумали — Hinduism, а сами индусы — нет. Тогда, скалькировав модель, по которой образовано слово Hinduism, он предложил назвать религию *хиндутва*.

Название, придуманное Босу, не прижилось, но всплыло в другом значении, в другое время и при других обстоятельствах. Оно оказалось связанным с именем В. Д. Саваркара (1883–1966), а обозначать стало не индуизм, а индускость, что допустимо, так как санскритский словообразовательный суффикс *-тва* употребляется при абстрактных существительных, независимо от значения. Слово стало синонимом радикального индуизма и приобрело в Индии и в мире негативные коннотации, связанные с ксенофобией и насилием.

И еще на одной кальке хотелось бы остановиться подробнее. Бенгальские *бабу*, главным образом проживающие в городах, а точнее — в Калькутте, стремились превратиться в джентльменов, но высокомерные белые сахибы позволяли им служить Компании, но не более того. Временами возникающие дружеские отношения англичан с образованными аборигенами, а также

с местной знатью, не стали системой. И тогда *бабу* изобретают замечательное слово-кальку с английского gentleman — *бходролок*, прочно вошедшее в бенгальский словарь.

С ЯЗЫКА ВСЕ ТОЛЬКО НАЧАЛОСЬ

Владеющие английским языком и получившие по сути европейское образование бенгалцы частично модернизируют, европеизируют и собственную культуру, хотя их ошибочно было бы обвинять в сознательном подражании — сформировавшаяся к середине XIX в. интеллигенция, *бабу*, превратилась в *бходролков*, пытаясь доказать, главное образом себе, что их культура ничуть не уступает иноземной, и стремительно заполняя культурные лакуны, создавая новые для себя жанры литературы, пытаясь осмыслить свою историю. Но и тут влияние английской, то есть западной культуры было не прямым заимствованием, а калькированием.

Новые культурные влияния тоже по сути калькировались: индийцы не слушали Джузеппе Верди, а создавали свои музыкальные драмы, используя классические мифологические сюжеты и классические *раги*; не наслаждались балетами Адольфа Адана, а создавали танцевальные драмы на те же мифологические сюжеты, временами реконструируя или реставрируя «вышедшие из употребления» классические танцы. Так же возникали и бенгальские литература и театр. Впрочем, бенгальский театр мог идти двумя путями: с одной стороны, создаваемые театральные группы могли использовать «прямое заимствование» и обратиться к корпусу европейской классической драматургии от Шекспира до Мольера, а с другой — калькировать театральные приемы, используя в качестве материала древнеиндийское драматургическое наследие и ставя спектакли по пьесам древнеиндийских драматургов, но переводя их на бенгальский язык. Бенгальский театр, ставший мировым явлением, использовал оба пути и добавил к ним бенгальские пьесы и собственные театральные принципы: социальность, актуализацию старых сюжетов, стилистическую яркость. На премьерах известных театральных групп всегда аншлаги, при этом в зале много иностранцев, которые, даже не зная бенгальского языка, благодаря выверенности постановок и эмоциональности актеров приходят в восторг от увиденного [Chatterjee, 2018, p. 28–29].

Во второй половине XIX в. бенгалцы не остались глухи к призывам Банкима Чандры Чаттопадхьяя обратить внимание на собственную историю. Банким в свое время очень четко доказал, что интерес к прошлому важен и что отсутствие истории — серьезный пробел в жизни и культуре бенгалцев и даже предпринял попытки к ее созданию. Но, доказав необходимость изучения истории, сам не внес в нее большого вклада, так как наивно считал лучшим из историков Вальтера Скотта, называл Кришну реальным историческим персонажем и писал исторические романы [Chatterjee, 1997, p. 54–84].

Собственно говоря, бенгалцы стали всерьез относиться и пытались изучать историю только начиная с 1905 г., когда в связи с указом вице-короля лорда Керзона произошел раздел Бенгалии на Западную с преимущественно индусским населением и Восточную, где преобладали мусульмане. В бенгальской индусской среде возникает протестное движение, вылившееся не только в *свадешти* — бойкот английских товаров, но и в поиски собственных исторических корней для доказательства древности и исключительности своей нации, которая сложилась, по их мнению, еще до прихода ислама в регион. Бенгальские ученые, осознавшие это не без влияния созданного еще в 1784 г. Калькуттского Азиатского общества с его великолепным собранием древних рукописей, отправились на поиски манускриптов. И небезуспешно. В Королевской библиотеке Непала и в дворцах махараджей они находили настоящие сокровища. Правда,

первооткрыватели рукописей не всегда умели их серьезно исследовать — в начале XX в. научная текстология только начинала складываться. Но первый шаг — поиск источников — был ими сделан: библиотечарь Азиатского общества Харапрасад Шастри обнаруживает и в 1916 г. издает «Буддийские песни и стихи на бенгальском языке тысячелетней давности». В том же 1916 г. Васанта Ранджан Рай публикует другую древнюю рукопись, найденную им в деревне Бонкур, — поэму средневекового поэта Чондидаша «Шрикришнокиртон», с той поры считающуюся главным шедевром средневековой бенгальской литературы.

На одном чисто бенгальском явлении стоит остановиться отдельно. *Бабу* хотели стать джентльменами. А что отличает настоящего джентльмена? Он ходит в джентльменский клуб. В английских клубах бенгальских *бабу*, даже называющих друг друга в третьем лице *бходролками*, не ждали. Тогда *бабу-бходролки* создали собственные клубы. Вернее, превратили в них традиционно бенгальский способ времяпрепровождения: *адду*. *Адда* (место обитания, место проведения встреч) — собрание мужчин, а иногда и женщин, в лучшем случае за чаем, а то и без оно, обсуждающих любые проблемы. Традиционное общение сельских брахманов, где говорили и спорили о чем угодно: от последствий засухи до политики британского губернатора, от мироустройства до видов на урожай, перебралось из деревни в город и к концу XIX в. стало любимым способом представителей среднего класса Калькутты проводить свой досуг. В домах знатных бенгальских особ проводились *адды* для избранных. Только темы приобрели другой характер. *Адда* становится местом дискуссий об искусстве, литературе, музыке, политике.

Особую популярность *адда* приобретает в XX в., когда в Калькутте появляются первые кафе, где бенгальцы предпочитали пить не кофе, а полюбившийся им чай с добавлением пряностей (*масала чай* с молоком, как принято у англичан, но с острыми и душистыми специями — тоже своего рода калька традиционного английского чаепития). В кафе велись и по сей день ведутся громкие и эмоциональные обсуждения многочисленными интеллектуалами-спорщиками (*аддабадж*). Самыми популярными становятся кафе на Колледж-стрит, улице книжных магазинов, лавок и развалов недалеко от Калькуттского университета, хотя Дипеш Чакрабартти считает, что процесс обратный: не *адды* уютно устроились среди книжных лавок, а «растущая в городе книготорговля была организована вокруг культуры *адды*. Устные лекции и беседы оставались важным фактором формирования и распространения литературных вкусов в городе, где производство и чтение книг продолжало базироваться на личных связях, Каждый книжный магазин, каждая небольшая редакция литературного журнала принимала у себя *адду*, где собирались писатели, критики, издатели и читатели» [Чакрабартти, 2021, с. 294]. Создаваясь как калька, как замена английского клуба, *адда* превратилась в самостоятельный, можно сказать — уникальный феномен бенгальской культуры, то есть изначальная калька превзошла калькируемый оригинал.

Англичане пытались не вмешиваться в сферу религии, оставив за местным населением право на собственную веру, разве что генерал-губернатор лорд Бентинк в 1829 г. запретил обряд *сати* в Бенгалии. Впрочем, это вызвало как поддержку со стороны образованной части общества, так и неприятие среди традиционных индуистских кругов, которые даже пытались оспорить решение Бентинка в суде. Окончательное решение тем самым было отложено на три года.

Впрочем, не без внутреннего, хотя открыто не декларируемого, обращения к европейской духовной культуре Рам Мохан Рай (1772–1833) и его единомышленники задумываются над реформацией индуизма, приходят к идее единобожия, хотя и не копирующей христианскую, и создают в 1828 г. религиозно-реформаторское общество Брахмо-самадж. Взгляды Р. М. Рая разделяли дед и отец Рабиндраната Тагора, да и в стихах самого великого поэта многое свидетельствует о том, что он разделяет эти взгляды.

На «невмешательство» британских властей в религию и другие области духовной культуры указывает Партха Чаттерджи: «Колониальное государство не вмешивается в сферу “внутреннего” национальной культуры, но это не означает, что так называемая сфера духовного не претерпела изменений. По сути именно здесь национализм запускает свой самый мощный, творческий и “модернистский” проект: сконструировать современную национальную культуру, которая не будет при этом западной» [Chatterjee, 2018, p. 27].

П. Чаттерджи очень верно заметил, что в колониальные времена бенгальцами была принята успешная попытка создать свою новую, современную, но при этом не копирующую западную культуру. Однако само желание ее создать было во многом спровоцировано пусть вынужденным, но тесным контактом с культурой европейской. Наша же задача состояла лишь в том, чтобы попытаться выявить тот механизм, при помощи которого эта культура строилась, обрела свои формы, придя к расцвету и подъему уже ко второй половине XIX века.

Литература / References

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. *Новое в лингвистике*. 1972. Вып. VI. С. 25–60 [Weinreich Uriel. Unilingualism and Multilingualism. New in linguistics. 1972. VI. Pp. 25–60 (in Russian)].

Чакрабартти Д. *Провинциализируя Европу*. М., 2021 [Chakrabarty, Dipesh *Provincializing Europe*. Moscow, 2021 (in Russian)].

Basu Ch. *Hindutva*. Kolkata, 1898 [Basu Ch. *Hindutva*. Kolkata, 1898 (in Bengali)].

Chatterjee P. *Omnibus*. New Delhi, 1997.

Chatterjee P. *Empire & Nation*. Ranikhet, 2018.

Chakrabarti B., De S. *Calcutta in the Nineteenth Century. An Archival Exploration*. New Delhi, 2014.

Choudhuri K. *The Epic City. The World on the Streets of Calcutta*. New Delhi, 2017.

Chottopadhyay B. Ch. *Probondho Pustok*., Kolkata, 1879 [Chottopadhyay Bankim Chandra. *Book of Articles*. Kolkata, 1879 (in Bengali)].

Halhed N.B. *A Grammar of the Bengal Language*. Hoogly, 1778.

Электронные ресурсы / Electronic sources

STUDfiles – файловый архив студентов. URL: <https://studfile.net/preview/4410619/page:26> (дата обращения: 08.09.2023).

ТУЗЕМНЫЕ ПРАВИТЕЛИ» ПОД АНГЛИЙСКИМ ВЛИЯНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ БХОПАЛА)

© 2023

Е. Ю. Ванина¹

«Туземные государства», которых в колониальной Индии насчитывалось около 600, позиционировались британской пропагандой как островки «азиатской дикости». При этом со стороны самих княжеских семей в той или иной степени четко прослеживалось стремление к западному образованию и заимствованию элементов европейской (в основном английской) культуры. Это объяснялось желанием убедить белых сахибов в своей лояльности и прогрессивности, а также во многих случаях — искренним, особенно у молодого поколения, интересом, результатом которого для одних стало просто «модничанье», для других — подлинное желание избавиться от средневековых пережитков.

Крупное княжество Бхопал, управлявшееся на протяжении столетия женщинами-мусульманками, в своей внутренней политике, административной практике, атрибутах власти и придворной культуре следовало образцам эпохи Великих Моголов. Преданность вере и могольско-афганским традициям не мешала бхопальским княгиням давать детям, наряду с каноническим мусульманским, европейское образование, для чего, с согласия британских властей, нанимались учителя и гувернеры из Европы. При этом бхопальские правительницы и их наследники пытались использовать свои знания о Европе, осуществляя в княжестве серьезные нововведения в сфере образования (особенно женского), здравоохранения и даже «политической модернизации». Статья рассматривает различные проявления европейского влияния на Бхопал, как носившие демонстрационно-декоративный характер, так и соответствовавшие модернистским течениям в индийском исламе второй половины XIX — начала XX в.

Ключевые слова: Бхопал, колониализм, княжества, реформы, английское влияние, ислам

Для цитирования: Ванина Е. Ю. «Туземные правители» под английским влиянием (на примере Бхопала). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 75-86. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-075-086

‘NATIVE RULERS’ UNDER BRITISH INFLUENCE: THE CASE OF BHOPAL

Eugenia Yu. Vanina

The ‘native states’, numbering around 600 within colonial India, were positioned by the British propaganda as ‘islands of Asiatic barbarity’. However, the princely families themselves exhibited, to this or that extent, an aspiration for Western education and adoption of certain elements of European (primarily English) culture. This was facilitated by the wish to convince the White Sahibs of being loyal and progressive, and, in many cases,

¹ Ванина Евгения Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; eug.vanina@gmail.com

Eugenia Yu. Vanina, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; eug.vanina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7992-3013

by a sincere, especially in the younger generation, interest, which for some resulted just in 'being fashionable' and for other in a true desire to overcome medieval vestiges.

The major princely state of Bhopal, ruled for a century by Muslim women, followed the Mughal patterns in its internal policies, administrative practice, power attributes and court culture. Loyalty to Islam and the Mughal-Afghan traditions were no obstacle for the women rulers to give their children, apart from the canonical Islamic, a Western education, for which, with the permission from the British authorities, teachers and governesses were hired from Europe. The Bhopal queens and their heir-apparent tried to implement their knowledge of Europe, introducing significant reforms in education (especially female), health care and even 'political modernization'. The paper discusses various manifestations of European influence in Bhopal, from those of demonstrative-decorative character to the ones corresponding to the modernist trends in Indian Islam in the second half of the nineteenth – early twentieth century.

Keywords: Bhopal, colonialism, princely states, reforms, British influence, Islam

For citation: Vanina E. Yu. 'Native Rulers' under British Influence: the Case of Bhopal.. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 75–86. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-075-086

Колониальная Индия представляла собой с точки зрения административно-политического и территориального устройства довольно сложную структуру, в значительной степени позаимствованную у предшественника — империи Великих Моголов. Помимо собственно Британской Индии, т. е. регионов, непосредственно управлявшихся из метрополии (сначала английской Ост-Индской компанией, затем короной), на территории современных Индии, Пакистана и Бангладеш существовали формально суверенные княжества — к концу колониальной эры их насчитывалось около 600 и они занимали около 40% территории неразделенной Индии [Keen, 2012, p. 1]. Эти «туземные государства» (одни являлись довольно крупными, другие — небольшими или микроскопическими) считались вассалами — до 1858 г. «благородной Компании», впоследствии — британской монархии². Отношение колониальных властей к княжествам в разные времена было неодинаковым: от откровенной конфронтации первой половины XIX в., когда под любым предлогом — нелояльности, «дурного управления» или отсутствия в правящей семье мужского потомства³ — княжества ликвидировались и присоединялись к британскому домену, до откровенного заигрывания в период после Сипайского восстания⁴.

Признавая важным обеспечение лояльности британской короне туземных вассалов, колониальные власти и английское общественное мнение не скрывали своего презрения к ним, наделяя индийских князей всеми возможными человеческими пороками. Княжества в этом дискурсе выглядели «азиатскими деспотиями» и «островками средневековья» — подобную трактовку у колониальной пропаганды позаимствовали индийские националисты [Ramusack, 2004, p. 1;

² В 1858 г. во время подавления Великого народного (Сипайского) восстания манифест королевы Виктории ликвидировал Компанию и перевел индийские владения под непосредственное управление британской короны. Княжества были объявлены вассальными государствами — в декларации Эдуарда VII (1908), посвященной 50-летию вышеупомянутой декларации его матери, князья фигурировали как Feudatory Princes [Ghose, 1921, p. 237].

³ И индуское, и мусульманское традиционное право наделяло приемных детей такими же правами, как родных. Князьям, однако, британские власти до восстания запрещали то, что дозволялось последнему крестьянину: объявить приемного сына наследником.

⁴ О действиях британских властей в отношении княжеств и о различных аспектах внутренней политики самих князей в мировой литературе существует немало высококлассных исследований. См. анализ этих исследований: [Zutshi, 2009; Ernst and Pati, 2010]. Отечественные работы на эту тему: [Ванина, 2016; Глушкова, 2016; 2017; Девяткина, 1961; Сидорова, 2017, 2021].

Сен, 2010]. В период после восстания англичане предприняли ряд мер, дабы «цивилизовать туземных князей», особенно младшее поколение: для них учреждали особые школы и колледжи, способствовали поездкам принцев в Европу учиться и путешествовать. Однако, получив диплом британского университета, усвоив все манеры «настоящего джентльмена» и даже заслужив за верность сюзерену орден и рыцарское звание, княжеский отпрыск все равно оставался для британцев презренным «загорелым сахибом». При этом английские чиновники и путешественники любили посещать княжества ради развлечений (особенно охоты) и вообще экзотики, той самой «азиатчины», на фоне которой так прекрасно выглядел «прогресс», внедряемый британцами в собственных владениях.

Изучение истории, административного устройства, социальных основ и культуры княжеств колониального периода в той или иной мере ставит перед исследователями вопрос о соотношении корневой «туземной» и заимствованной европейской (английской) составляющих в жизни этих государств — прежде всего, конечно, правящей семьи и элиты. Вопрос можно сформулировать и по-иному: как трансформировались княжества, являвшиеся в большинстве своем порождением средневековья и раннего нового времени, в новую эпоху, как воздействовало на них колониальное окружение? Только лишь приступая к исследованию указанной проблематики, я далека от того, чтобы предложить в данной статье сколько-нибудь полный ответ на эти вопросы. Моя задача — на основе доступных источников (архивных материалов, хроник, мемуаров, писем и т. д.) рассмотреть английское влияние на быт княжеской семьи Бхопала.

Государство Бхопал было основано в Центральной Индии в 1723 г. Достом Мухаммад-ханом, афганским наемником на могольской службе. Воспользовавшись распадом империи Моголов и войнами «всех против всех», прежде всего — между могущественными Маратхской конфедерацией и Хайдарабадом, он, подобно многим удачливым авантюристам-военачальникам той эпохи, смог сколотить себе княжество и стать его первым государем (*навабом*), заручиться поддержкой местных феодалов и пригласить из Афганистана своих многочисленных сородичей — все они составили правящую элиту нового государства. После смерти основателя (1728 г.) Бхопал пережил множество войн, поражений и побед, мятежей и кризисов, и в 1818 г. его правитель Назар Мухаммад-хан подписал с англичанами субсидиарный договор, по которому признал себя вассалом Компании. Год спустя он погиб, и придворные возвели на трон его малолетнего племянника, а регентшей при нем — вдову покойного *наваба*, Кудсию-*бегам*. Так княжество Бхопал стало уникальным: начиная с Кудсии-*бегам* (1819–1837), в течение более ста лет им владели женщины: дочь Кудсии Сикандар-*бегам* (1847–1868), внучка Шах-Джахан-*бегам* (1868–1901) и правнучка Султан-Джахан-*бегам* (1901–1926)⁵. И только последняя из княгинь передала власть сыну, Хамидулле-хану (1926–1949), которому вновь наследовала дочь, Абид-а-султан, но в 1949 г. княжество было ликвидировано и вошло в состав независимой Индии, а несостоявшаяся княгиня уехала в Пакистан⁶.

БУРКА И ПЕНЬЮАР

Князья и княгини Бхопала являлись правоверными мусульманами афганского происхождения. Как показали исследования, помимо пуштунских традиций в жизни правящей семьи, а также в административной практике этого государства многое строилось по могольским

⁵ Указаны даты правления. *Бегам* — женская форма от тюркского термина *бек* (в Индии — *бег*), обозначающего феодального властителя, князя.

⁶ См. подробно историю Бхопала: [Ванина, 2016].

образцам [Archambault, 2013, p. 479–484]. Принцам и принцессам давали классическое мусульманское образование: их обучали арабскому языку, фарси и урду, хадисам и, главное, чтению Корана. Начало и завершение этого курса отмечались особыми церемониями и пышными празднествами [Abida Sultaan, 2013, p. 16–23]. Однако уже со второй половины XIX в. княгини начали приглашать к своим детям учителей-европейцев для обучения «западным наукам», прежде всего — английскому языку и литературе. Изучение этих предметов было, как и для всех представителей индийской элиты колониального периода, социально престижным, маркером «прогрессивности».

В мемуарах последней из правительниц, Султан-Джахан-бегам, приведено письмо, которое она, девочка-подросток, получила от матери, Шах-Джахан-бегам⁷. В этом послании, содержащем строгие наставления о том, как дочери следует планировать свое время и отдавать его большую часть учебе, привлекает внимание такая фраза: «С удовольствием шлю тебе два сертификата по английскому языку, один от майора Хатчинсона, политического агента в Гвалиоре, другой от майора Вуда. Эти сертификаты ты должна рассматривать как санад⁸. Надеюсь, ты настолько преуспеешь в английском языке, что получишь еще много подобных сертификатов» [Sultan Jahan Begum, 1912, p. 29]⁹. Очевидно, княгиня попросила британских чиновников проверить познания дочери в английском языке и подтвердить оценку «сертификатом». В приведенной цитате важным представляется слово *санад* — судя по всему, хорошее знание наследницей английского языка Шах-Джахан-бегам рассматривала как одно из многочисленных свидетельств преданности бхопальских правителей британскому сюзерену.

В интереснейших «Мемуарах мятежной принцессы», которые оставила внучка Султан-Джахан-бегам и несостоявшаяся наследница престола Абида-султан (1913–2002), внимание привлекает расписание, составленное для юной принцессы и ее двух сестер. Подъем в 5 часов утра, намаз, чтение Корана с бабушкой, завтрак и верховая прогулка должны были закончиться к 9.30 утра, когда наступало время «европейских наук». С учительницами-англичанками, мисс Коуэн и мисс Уиллер, девочки изучали английский и французский языки, математику, историю и географию. На все это отводилось два часа: после обеда, отдыха и дневного намаза вновь приходила очередь мусульманского образования: чтение Корана с бабушкой, уроки арабского, фарси, хадисов и *фикха* (мусульманской юриспруденции) с педагогами — муллами и шейхом. За этими уроками следовали «игры и спорт на свежем воздухе», потом вечерний намаз и ужин, а перед сном (21.00) — занятия музыкой [Abida Sultaan, 2013, p. 23].

Аналогичное сочетание мусульманского и европейского элементов характерно для воспитания Абиды-султан и ее сестер с первых лет жизни. Помимо местной кормилицы и няни, о девочках заботились еще две бонны: ирландка Уинифрид Сибил Бёрк и немка Мария Франческа Лейфельс. С последней возникли проблемы, когда началась Первая мировая война, и присутствие немки на британской территории колониальные власти сочли нежелательным (в этот момент о «суверенитете» Бхопала почему-то забыли), но княгине удалось отстоять Марию и добиться разрешения ей продолжить службу в княжеской семье. «Мятеж» Абиды-султан заключался в отступлении от предписанных исламом женщине норм поведения и явно западных увлечениях: она ходила с открытым лицом, сделала стрижку, играла в теннис, любила джаз,

⁷ Княгиня не испытывала к дочери никаких нежных чувств и общалась с ней, главным образом, сухими письмами-приказами.

⁸ *Санад (sanad)* — букв. «документ» и даже «вексель», документ о признании со стороны некоей высшей политической силы кого-либо законным государем (на деле — вассалом). В языке урду обозначает также «диплом» (благодарю Л. А. Васильеву за эту информацию).

⁹ Подробнее об этом письме и эмоциональной атмосфере бхопальского двора см. [Ванина, 2021].

научилась танцевать модные танцы, водить автомобиль и даже пилотировать самолет, став одной из первых в мире мусульманок-летчиц. Образцом для девочки во многом выступал ее отец, Хамидулла-хан: он также стремился усвоить европейский образ жизни, первым в княжеской семье получив высшее образование сначала в Мусульманском Англо-Восточном колледже (ныне Алигархский мусульманский университет), а затем диплом бакалавра юриспруденции в Аллахабадском университете.

Проводниками западного влияния на быт бхопальских правителей были, помимо воспитателей и учителей, слуги-европейцы, прежде всего дворецкие, английские чиновники, бывшие частыми гостями в Бхопале. Большим влиянием на правящую семью пользовалось французское семейство де Бурбон: переселившись в Индию еще при падишахе Акбаре, его члены в конце XVIII в. нашли в Бхопале вторую родину и, оставаясь католиками, заняли высокие должности при дворе¹⁰. Княжество прославилось своей преданностью английским сюзеренам, что правители особенно доказали во время восстания:¹¹ они, награжденные орденами Британской империи, поддерживали тесные отношения с королевской семьей, включая лично королеву Викторию — ее Султан-Джахан-бегам называла «приемной матерью» [Ibid, p. 57]. В «княжеской галерее» бхопальского Музея штата выставлены подарки *навабам* из Лондона: дорогой фарфор, оружие, предметы мебели, разные «европейские диковинки» и т. д. Сами члены княжеской семьи совершали поездки в метрополию (во время этих поездок, как правило, и нанималась европейская прислуга). Причины поездок были разнообразными: так, в 1911 г. Султан-Джахан-бегам отправилась в Европу с частным визитом, дабы показать медицинским светилам тяжело больного среднего сына Обайдуллу-хана. В 1925 г. она вместе с сыном, невесткой и тремя внуками снова предприняла путешествие в Лондон, и на этот раз визит являлся официальным: княгиня стремилась добиться от английских властей нужного ей решения по так называемому «бхопальскому делу о престолонаследии»¹².

Для княжеской семьи в Лондоне сняли роскошный особняк, где помимо взятых из дома слуг работали английские дворецкий, эконо, горничные, лакеи и шофер. Они придавали «восточным деспотам» европейский лоск, что было особенно важно для посещавших особняк британских аристократов. Когда же княгиню с семьей пригласили в Букингемский дворец, она решила купить себе английский туалет, поскольку все наряды, взятые из дома, оказались слишком легкими для наступившего холода. Найти платье, достаточно длинное и совместимое с вуалью (*буркой*), которой княгиня, верная мусульманской традиции, всегда закрывала лицо на людях, оказалось непросто. Наконец нужный туалет купили — к ужасу более просвещенных членов семьи княгини, он оказался пеньюаром! Этот забавный эпизод, с юмором описанный в мемуарах Абида-султан [Ibid, p. 65–67], весьма символичен: паранджа в сочетании с пеньюаром

¹⁰ Под их влиянием геральдический знак Бурбонов, лилия (*fleur de lys*) стала элементом герба Бхопала [Shah Jahan Begum, 1876, p. 25–26; Khan, 2000, p. 61–65]. Одному из Бурбонов приписывается строительство в Бхопале дворца Шаукат-махал с его странной смесью могольского архитектурного стиля с европейскими — готическим и ренессансным.

¹¹ В 1857 г. Сикандар-бегам жестко подавила попытки расквартированных в Бхопале войск присоединиться к восставшим сипаям, расправилась с агитаторами, призывавшими народ к джихаду против англичан, и направила в помощь британским войскам собственный армейский контингент.

¹² После смерти в 1924 г. второго сына княгини, Обайдуллы-хана (ранее, в том же году, умер его старший брат Насрулла-хан), Султан Джахан-бегам приняла решение объявить наследником своего младшего сына, Хамидуллу-хана, и отречься от престола в его пользу. Однако британская администрация утверждала: поскольку Обайдулла-хан скончался в официальном ранге наследника престола, то новым наследником должен стать его сын Хабибулла, а не брат. Чтобы настоять на своем решении, Султан Джахан-бегам решила отправиться в Лондон и самостоятельно добиться у премьер-министра и короля Великобритании нужного ей решения в пользу Хамидуллы-хана, что ей после долгих усилий и удалось.

иллюстрируют «восточно-западный» стиль бхопальских правителей. Княгиня, любившая продемонстрировать свою прогрессивность, была неумолима, когда члены ее семьи излишне увлекались чуждым образом жизни. Во время долгого ожидания королевского решения сын, невестка, внуки (от умерших сыновей) и внучки Султан-Джахан-бегам ходили по музеям, концертам и клубам. Пользуясь тем, что из-за холода бабушка не покидала своих покоев в верхнем этаже особняка, они стали устраивать внизу дансинги, но были пойманы с поличным разгневанной княгиней, устроившей скандал сыну и внукам: «в священный месяц Рамадан они танцуют, держа в объятиях женщин, и пускают дым из ноздрей, вместо того, чтобы поститься» [Ibid, p. 68–69].

Бхопал нередко посещали высокопоставленные британские чиновники и европейские путешественники, и для них гостеприимные княгини учреждали бунгало и гостевые дома, оборудованные и обслуживаемые по-европейски. Так, французского путешественника Луи Русселя правительство Бхопала поселило в Моти (Жемчужном) бунгало — «элегантном павильоне, окруженном красивым садом... его интерьер обустроен по европейской моде» [Roussetlet, 1882, p. 447]. В небольшом городе Сехор (39 км. от Бхопала)¹³ Шах-Джахан-бегам в 1898 г. выкупила виллу, принадлежавшую покойному английскому инженеру, и превратила ее в гостевой дом для проезжих английских офицеров и чиновников; изредка там останавливались и индийские князья. Дом этот, как следует из особой папки документов, хранящихся в Национальном архиве Индии, был организован на английский лад, блюда в столовой подавались только европейские, обслуживавшая гостей индийская челядь подчинялась англичанину-управляющему, но жалованье получала из бхопальской казны [H. N. the Begum of Bhopal's Guest House, 1898].

Настоящим экзаменом на «цивилизованность» и «прогрессивность» для бхопальских правителей оказывались визиты в княжество вице-королей Индии. Программа и все детали таких визитов согласовывались и утверждались за несколько месяцев. Особенно важным для хозяев было продемонстрировать высокопоставленным гостям лояльность, порядок и «цивилизованность». Поэтому, с одной стороны, при организации встреч, церемоний, приемов и т. п. подчеркивалась «азиатская экзотика» (торжественные шествия на слонах через украшенный цветочными арками город, охота на тигров, сидение на коврах и подушках, пиры на могольский лад, кальяны, музыка и танцы и т. д.), а с другой быт гостей обустроивался по-европейски, и это прежде всего касалось внешнего вида челядинцев, которые должны были прислуживать гостям или просто могли попасться им на глаза. В бхопальском отделении Национального архива Индии мне довелось прочитать (с помощью местного историка и архивиста Мушаррафа Хусайна, я приношу ему искреннюю благодарность) две объемистые папки на урду, датированные 1891 г., когда Бхопал посетил вице-король Индии лорд Ленсдаун с семьей и огромной свитой. Документы касались животрепещущего для Бхопала вопроса: необходимости обеспечить всю местную прислугу униформой.

Европейская практика такого рода утвердилась в Бхопале еще при Сикандар-бегам, но на первых порах она касалась государственных служащих. К 1891 г. княжеская обслуга тоже имела униформу, но, как свидетельствуют документы, ее «не меняли три года», она «вышла из строя», «стала старой и грязной», «пришла в негодность» и, следовательно, нуждалась в замене. Подобная замена, подчеркивают авторы прошений — чиновники, которым поручено приведение в порядок всего жилого и садового «фонда», необходима потому, что в старой униформе слуги будут «выглядеть перед его превосходительством уродливыми», это «нанесет вред репутации» монархини [Копия прошения 1891: 3]. Новая униформа рассматривалась как необходимый

¹³ Этот город являлся центром английского контроля над княжеством: там находилась резиденция политического агента — высокопоставленного британского чиновника, надзиравшего над Бхопалом и еще 9 мелкими соседними государствами; там же были расквартированы английские войска.

маркер «богатства и величия» княжества [*Naql-i 'arzi mobatmim*, 1891, f. 5]. Как только началась подготовка к визиту, в правительство княжества хлынул поток заявлений от чиновников, должностных лиц различных рангов и просто представителей местной аристократии с просьбой экипировать прислугу (в том числе личную) за счет казны. Главным обоснованием являлась изношенность уже существующей одежды или ее отсутствие, а также возможность того, что «лорд-сахиб» и прочие «высокие господа» заглянут в тот или иной уголок [Там же: 21].

Так, заведующий парком Нур-баг прямо указал в прошении: его подчиненные «вообще почти голые», им нельзя разрешать появляться «в присутствии сахибов», которым такое явно не понравится, и «будет стыдно. Разве могут они в таком виде подносить господам цветы и фрукты? Господа будут недовольны» [*Misl kaghzāt muqadma tayyārī vardī- i mulāzimān*, 1891, f. 35]. Для челяди, назначенной непосредственно обслуживать вице-короля и его свиту, специально мобилизованные со всего княжества портные шили униформу «европейского образца», с обязательными галунами; это также было показателем «цивилизованности» принимающей стороны. В одних случаях со слуг снимали мерки, а в других, когда время визита приближалось, просто решали «сделать кафтаны такими широкими, дабы налезли на любого» [Ibid, f. 17]. На вопрос, как поступить с новыми униформами после отъезда высоких гостей, последовал четкий приказ: «чтобы не носили, а то истреплются» [Ibid, f. 10]. Такая резолюция, на мой взгляд, хорошо иллюстрирует декоративно-демонстрационный характер европейских заимствований в бхопальском княжеском быту.

ДРУГАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

В 1877 г. Шах-Джахан-бегам выделила 3,5 млн рупий на строительство, на паях с центральным правительством, железнодорожной линии от г. Итарси до Бхопала; затем, по предложению *наваба*, ее продлили и соединили с линией Агра — Гвалиор, а дальше — с Великой индийской полуостровной дорогой (Great Indian Peninsula Railway, Бомбей — Калькутта). В 1882 г., выступая на торжественной церемонии открытия линии, Шах-Джахан-бегам высказала благодарность английской королеве и британской власти, благодаря которой «свет западной науки воссиял над нашей землей» [Sultan Jahan, 1912, p. 109–117]. Это высказывание — одно из многих комплиментов подобного рода со стороны бхопальских правителей в адрес британских сюзеренов — можно, разумеется, считать просто лестью, типичным проявлением сервильности. Но на самом деле все было далеко не так однозначно.

Участие в строительстве железной дороги — не единственный модернизаторский проект, осуществленный княгинями Бхопала и их наследником Хамидуллой-ханом. Строительство дорог и каналов, помощь во время стихийных бедствий, учреждение больниц и странноприимных домов являлось обычным и для средневековых государей делом. Однако изученные мною документы свидетельствуют о том, что наряду с традиционной благотворительностью мероприятия эти все больше и больше учитывали реалии нового времени. Еще при Сикандар-бегам в Бхопале появился печатный станок — его и сейчас можно видеть в Музее штата. При ее дочери в княжестве уже действовали три государственные типографии: они печатали княжеские прокламации, книги и официальную газету [Ashfaq Ali, 1984, p. 61]. Появились и частные издательства.

Еще в 1864 г. британский майор Осборн, обследовавший положение с образованием в Бхопале при Сикандар-бегам, заметил: «исходя из расспросов и моих собственных наблюдений, жители Бхопала недурно образованны. Ее высочество Сикандар-бегам запланировала и открыла

большую школу в Бхопале, а также большую школу в Берасии¹⁴. Я полагаю, что около 12 или 15% жителей умеют читать и писать» [Report, 1864, p. 2]. Видимо, такой уровень грамотности, минимальный по нашим современным понятиям, впечатлил исследователя: в других местах, включая Британскую Индию, он был гораздо ниже. Учрежденные правителями школы изначально предназначались только для мальчиков, соответствуя стандартам традиционных начальных школ при мечетях (*мактабов*) и мусульманских семинарий — медресе. Уже во времена Сикандар-бега там стали преподавать и английский язык, но, как извещала в 1918 г. Султан-Джахан-бегам в официальном документе, подтверждавшем вложение княгиней 400 тысяч рупий в специальный фонд для поддержки школ «Сулеймания» и «Джахангирия» в Бхопале, изначально в княжестве «к английскому образованию проявляли мало интереса». Постепенно ситуация изменилась, школы были реорганизованы под «английское образование» и аффилированы с Аллахабадским университетом для дальнейшего обучения выпускников [Investment of Rupees Four Lakhs, 1918, f. 1].

Шестью годами раньше, в 1912 г., Султан-Джахан-бегам вложила аналогичную сумму в фонд на содержание трех женских школ Бхопала: «Султания», «Виктория» и «Канья патхпала» — последняя, что отражало ее санскритское название (*kanyā pāthśālā*), предназначалась для девочек-индусок. Школами руководили англичанки; питомиц обучали чтению, письму и счету, Корану и богословию (эти курсы были обязательными только для мусульманок), а также вышиванию, шитью, домоводству и уходу за больными. По настоянию Султан-Джахан-бега в программу добавили английский язык, математику, урду и арабский. «Школа искусств» обучала ремеслам вдов и бедных женщин. Медресе «Билкисия», названное княгиней в честь ее умершей подростком дочери Билкис, принимало на обучение сирот, мальчиков и девочек, которых обеспечивали за казенный счет [Shrivastava, 2005, p. 49–62]. «Я считаю, — подчеркивала княгиня в письме правительственному агенту в Гвалиоре, — женское образование жизненно необходимым для прогресса и благосостояния моей страны» [Female education, 1912, f. 2]. Встретившись с Султан-Джахан-бегам в 1917 г., Э. Монтегю, государственный секретарь по Индии, заметил в дневнике, что она «пугающе увлечена образованием и не болтает больше ни о чем другом» (цит. по: [Lumbert-Hurley, 2007, p. 73])¹⁵.

Не меньше, чем образованием, княгиня «увлекалась» здравоохранением (в княжестве, например, ввели оспопрививание), и прежде всего — для женщин. В 1892 г., во время визита в Бхопал вице-короля лорда Лэндсдауна, в столице состоялось торжественное открытие больницы для женщин, названной в честь супруги высокого гостя. Помощь роженицам и больным оказывали врачи-англичанки, что было особенно важно и для индусок, и для мусульманок, не готовых лечиться у мужчин. За открытием больницы последовало учреждение школы медсестер и школы акушеров (особое внимание уделялось традиционным повитухам — *даи*: их за казенный счет обучали современным методам родовспоможения). По поводу медсестер княгиня писала: «Я знаю по опыту, сколько больных в стране страдает от невежественного ухода. В Европе многие женщины обучаются этому искусству и практикуют его как профессию... Едва ли найдется европейка, которая не умела бы в той или иной степени ухаживать за больными, и даже самые высокопоставленные дамы обучаются в больницах и способны стать хорошими медсестрами... В Индии все наоборот. Из-за отсталости женского образования и отсутствия соответствующих учреждений женщины редко имеют хотя бы рудиментарные познания в этом деле. Они не умеют оказывать даже первую помощь и абсолютно беспомощны перед

¹⁴ Берасия — город в 45 км от Бхопала.

¹⁵ Формулировки свидетельствуют о глубоком неуважении английского чиновника как к собеседнице, так и к теме ее «болтовни».

несчастливым случаем или внезапной болезнью... Не говоря о бедняках, даже зажиточные не могут оплатить услуги европейских сиделок... Поэтому крайне необходимо принять меры для подготовки медсестер-индианок, чтобы люди всех слоев общества смогли получить помощь, в коей так нуждаются» [Sultan-Jahan, 1926, p. 22–23]. Это «в Европе» чрезвычайно характерно для рассуждений Султан-Джахан-бегам о необходимости тех или иных нововведений: Запад, и прежде всего, конечно, Великобритания, служат образцом прогресса и благосостояния — к ним необходимо стремиться, не теряя при этом религии и идентичности.

Помимо образования и медицины, Султан-Джахан-бегам «пугающе увлекалась» женским вопросом. В Бхопале она учредила Женский клуб им. принцессы Уэльской, где сама нередко выступала с лекциями о правах женщин, необходимости получения ими образования. В 1914 г. княгиня вместе с другими активистками учредила Всеиндийскую конференцию женщин-мусульманок и стала ее президентом, активно участвовала в работе других женских организаций, выступив, по сути, лидером мусульманского женского движения в Индии¹⁶. Она являлась одним из наиболее щедрых спонсоров Алигархского университета, где учился сын, и в 1920 г. стала первой (и по сей день единственной) женщиной-канцлером, поддержала создание в этом до тех пор чисто мужском заведении женского колледжа. Одно из женских общежитий университета (комплекс из четырех корпусов) носит ее имя¹⁷. В последние годы правления Султан-Джахан-бегам при ее сыне Хамидулле-хане «вестернизация» Бхопала развивалась усиленными темпами: электричество, кино, введение выборов в общинные советы (*панчаяты*), муниципалитеты и в Законодательный совет при князе (из его 40 членов, правда, выборными были всего 8), открытие новых школ и медицинского колледжа [Ashfaq Ali, 1984, p. 94–99]. Многие из учебных и лечебных учреждений, устроенных правителями Бхопала, функционируют и по сей день.

Перечисленные мною выше реформы и нововведения (лишь несколько примеров, на самом деле их больше) уже не подходят под категорию «демонстративно-декоративных»: они реально касались подданных, не только княжеской семьи, и существенно модернизировали жизнь в княжестве. «Европа» при этом выступала как источник новых и благотворительных идей, но из ее опыта, разумеется, выбиралось то, что можно было усвоить, не противореча исламу и традиционным устоям. Наоборот, в своей реформаторской деятельности бхопальские правители, особенно Султан-Джахан-бегам, апеллировали прежде всего к исламу. Так, последняя княгиня выступила автором целого ряда книг (вернее, небольших брошюр) «Положение женщин в исламе», «Руководство для супружеских пар» (в английском переводе — «Мусульманские супруги»), «О воспитании детей» и др. В них она подчеркивала и доказывала на примерах из Корана, что «приход ислама спас женщин, находившихся в бедственном положении», женщины-мусульманки «в религиозном и общественном смысле равны мужчинам», но при этом «женщины слабые и хрупкие, поэтому мужчины выступают их защитниками». «В течение веков, — писала она, — ислам оставался непонятым Западом. Вещи, неведомые мусульманскому миру, приписывались этой религии, а ее изначальные добродетели отрицались. Густые облака лжи и непонимания окутывали его (ислама) сияющий лик» [Sultan Jahan, 1980, p. 1–2, 37].

Здесь «Запад» выступает уже как враждебная сила, и бороться за равноправие женщин, их просвещение и достоинство надлежало на основе самого ислама, но не отказываясь при этом от разумного и прогрессивного опыта Европы. Свою верность многим мусульманским устоям и средневековым традициям княгиня нередко пыталась оправдать некими рациональными соображениями:

¹⁶ См. подробнее: [Lambert-Hurley, 2007, p. 144–174; 2010].

¹⁷ Алигарх оказался гораздо более справедливым к этой выдающейся женщине, чем родной Бхопал, где о княгине не напоминает вообще ничего.

например, ношение мусульманками *бурки*, быть может, и нужно отменить, но лишь тогда, когда в обществе воцарится нравственность и женщинам не будет угрожать опасность домогательств, а пока *бурка* защищает женщин от мужской похоти. Детские браки, осуждавшиеся всеми реформаторами Индии, активно практиковались в княжеской семье, и Султан-Джахан-бегам, осуждая их в целом, считала все-таки возможными «в исключительных случаях». Своего одиннадцатилетнего сына Хамидуллу она женила на пятилетней невесте, которая родила первого ребенка в двенадцать лет. Но в объяснении столь вопиющего нарушения собственных принципов княгиня также выступала с реформаторских позиций. Поскольку женское образование в мусульманской среде находится на крайне низком уровне, поясняла она, найти для Хамидуллы невесту брачного возраста с достойным уровнем знаний было почти невозможно, потому заботливая мать решила взять невестку-ребенка и воспитать ее для сына в нужном духе, что ей в значительной степени удалось: Маймуна-султан во многом разделяла убеждения свекрови и выступала перед женской аудиторией с просветительскими речами [Lambert-Hurley, 2007, p. 152–153].

Воззрения и деятельность бхопальских правителей вписываются в общий контекст реформаторского движения в исламе, начавшегося в Алигархе (за что и получило прозвание Алигархского). Основатель движения, а также Алигархского англо-восточного колледжа (впоследствии университета), выдающийся просветитель и основоположник мусульманского национализма Сайид Ахмад-хан (1817–1898), выступал за то, чтобы мусульмане, заметно уступавшие индусам в приобщении к западному образованию и участию в колониальном аппарате, активно усваивали опыт Европы, сохраняя при этом верность своей религии и ее устоям. Он неустанно напоминал: многие научно-технические нововведения Запада были заимствованы от арабов (Арабский халифат являлся для сэра Сайида¹⁸ и его последователей образцом идеального государственного устройства и высочайшей цивилизации), поэтому, обучаясь «западным наукам», мусульмане не противоречили своей вере и культуре, а наоборот, впитывали ее же достижения, которые европейцы сумели усвоить и развить, а мусульмане потеряли, впав в лень, чванство и фанатизм¹⁹. Стремление модернизировать общество, заимствуя западный опыт и одновременно сохраняя традиционные устои веры и культуры, сближает бхопальских правителей, особенно Султан-Джахан-бегам и ее сына, с идеологами Алигархского движения.

Представленный в статье материал позволяет сделать первоначальный и нуждающийся в дальнейшем подтверждении вывод о том, что воздействие западной, и прежде всего — английской культуры на быт и политику правителей княжества Бхопал было ощутимым и многообразным. В большинстве случаев европейские заимствования в княжеском быту носили декоративно-демонстрационный характер, часто диктовались стремлением княгинь доказать свою лояльность британским сюзеренам и заслужить их похвалу за «прогрессивность» и «цивилизованность». Подражание «белым сахибам» являлось и маркером высокого статуса в глазах собственных подданных: обучение детей «западным наукам», английские дворечки, автомобили и т. д. приближали «гуземных правителей» к тем, кто в колониальном обществе представлял высшую и, увы, недостижимую по положению касту.

Вместе с тем британская метрополия и Европа вообще служили для бхопальских правителей, как и для бесчисленного множества представителей индийской элиты того времени, образцом эффективного, справедливого и прогрессивного общественного устройства. Устои, диктуемые религией и могольско-афганским наследием, в целом сохранялись, но подвергались

¹⁸ Так стали называть Сайида Ахмад-хана после получения им в 1888 г. от британского правительства звания «Рыцарь-командор Ордена «Звезда Индии». И в современной Индии его обычно величают просто «сэр Сайид».

¹⁹ См. подробнее: [Graham, 1885; Banerjee, 1982, p. 77–139; Ikram, 1992, p. 30–60].

рациональной критике по двум основным направлениям. Сравнение с Европой выявляло отсталость и неэффективность традиционных институтов, что ставило власть имущих — таких, как правители Бхопала — и к власти стремящихся перед осознанной необходимостью нововведений и реформ. Но эта необходимость обосновывалась ссылками не только на европейский опыт, но и на собственные традиции, догматы веры, «не понятые» и «нуждавшиеся в очищении (новой интерпретации)», как это было с вопросом о женском равноправии и образовании. Все реформаторские усилия бхопальских правителей, о которых шла речь, свидетельствовали не только об английском влиянии, но и о готовности представителей правящей элиты к его восприятию, критическому пересмотру привычных догм.

Литература / References

Ванина Е. Ю. Бхопал: навабство на «пустом месте». Глушкова И. П. (руководитель проекта), Бочковская А. В. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств*. М., 2016. С. 244–276 [Vanina E. Yu. Bhopal: a Nawabi on an Empty Place. Glushkova I. P. (gen. Ed.), Bochkovskaya A. V. (ed.). *Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging. Geopolitical Constructions, Human Agency and the Perception of Places*. Moscow, 2016. Pp. 244–276 (in Russian)].

Ванина Е. Ю. Придворные страсти и дамы у власти (бхопальский этюд). И. П. Глушкова (рук. проекта, отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Стыд и гордость. Введение в стандарты и практики эмоций*. М., 2021. С. 379–406 [Vanina E. Yu. Court Passions and Ladies in Command (a Bhopal Etude). Glushkova I. P. (gen. ed., volume ed.). *Under the Skies of South Asia. Shame and Pride. The Preliminaries of Emotional Standards and Practices*. Moscow, 2021. Pp. 370–406 (in Russian)].

Глушкова И. П. Два-в-одном: административно-территориальный казус маратхского княжества (Девас) в центре Индии. Глушкова И. П. (руководитель проекта), Бочковская А. В. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств*. М., 2016. С. 202–232 [Glushkova I. P. Two-in-one: Administrative-Territorial Casus of a Marathi Principality (Devas) in Central India. Glushkova I. P. (gen. ed.), Bochkovskaya A. V. (ed.). *Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging. Geopolitical Constructions, Human Agency and the Perception of Places*. Moscow, 2016. Pp. 202–232 (in Russian)].

Глушкова И. П. От «худшего» к «лучшему»: методики понижения и повышения статусного ранга (дхарский коллаж). И. П. Глушкова (рук. проекта), Е. Ю. Ванина (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Хула и хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного разнообразия*. М., 2017. С. 643–683 [Glushkova I. P. from 'Worst' to 'Best': the Methods of Lowering and Raising the Status Rank (a Dhar Collage). Glushkova I. P. (gen. ed.), Vanina E. Yu. (ed.). *Under the Skies of South Asia. Censure and Praise. Communicative Modalities of Historical and Cultural Specificity*. Moscow, 2017. Pp. 643–683 (in Russian)].

Девяткина Т. Ф. *Ликвидация княжеств в современной Индии*. М., 1961 [Devyatkina T. F. *Liquidation of Princely States in Modern India*. Moscow, 1961 (in Russian)].

Сидорова С. Е. Британские распаркивания, или Как обрести союзников (на примере Хайдарабадского княжества). / И. П. Глушкова (рук. проекта), Е. Ю. Ванина (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Хула и хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного разнообразия*. М., 2017. С. 442–487 [Sidorova S. E. British Curtsying or How to Get Allies (the Case of Hyderabad Princely State). / Glushkova I. P. (gen. ed.), Vanina E. Yu. (ed.). *Under the Skies of South Asia. Censure and Praise. Communicative Modalities of Historical and Cultural Specificity*. Moscow, 2017. Pp. 442–487 (in Russian)].

Сидорова С. Е. Падение княжеского дома Бхосле: трехчастная драма в письмах. *Восток*. 2021. № 6. С. 213–224 [Sidorova S. E. The Fall of the Princely House of Bhosle: A Three-part Drama in Letters. *Vostok / Oriens*. 2021. No. 6. Pp. 213–224 (in Russian)].

Abida Sultaan. *Memoirs of a Rebel Princess. Foreword by Sahibzada Yaqub-Khan. Introduction by Siobhan Lambert-Hurley*. Karachi, 2013.

- Archambault H. L. *Becoming Mughal in the Nineteenth Century: The Case of the Bhopal Princely State*. *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 2013. Vol. 36. No. 4. Pp. 1–20.
- Ashfaq Ali S. *Bhopal Past and Present (a Brief History of Bhopal and Madhya Pradesh from the Hoary Past upto the Present Time)*. Bhopal, 1984.
- Banerjee A. C. *Two Nations: the Philosophy of Muslim Nationalism*. Delhi, 1981.
- Ernst W. and Pati B. *People, Princes and Colonialism*. Ernst W. and Pati B. (eds). *India's Princely States. People, Princes and Colonialism*. Delhi, 2010. Pp. 1–14.
- Ghose A. K. (comp.). *Laws Affecting the Rights and Liberties of the Indian People (from Early British Rule)*. Calcutta, 1921.
- Graham F. G. I. *The Life and Works of Sir Syed Ahmad Khan, CSI*. Edinburgh, 1885.
- Ikram S. M. *Indian Muslims and Partition of India*. Delhi, 1992.
- Keen C. *Princely India and the British. Political Development and the Operation of Empire*. London, 2012.
- Khan S. M. *The Begums of Bhopal. A Dynasty of Women Rulers in India*. London — New York, 2000.
- Lambert-Hurley S. *Muslim Women, Reform and Princely Patronage. Nawab Sultan Jahan Begum of Bhopal*. London, 2007.
- Lambert-Hurley S. *Historicizing Debates over Women's Status in Islam: the Case of Nawab Sultan Jahan Begam of Bhopal*. Ernst W. and Pati B. (eds). *India's Princely States. People, Princes and Colonialism*. Delhi, 2010. Pp. 139–156.
- Ramusack B. N. *The Indian Princes and Their States*. *The New Cambridge History of India*. Cambridge, 2004.
- Rousselet L. *India and Its Native Princes. Travels in Central India and in the Presidencies of Bombay and Bengal*. London, 1882.
- Sen I. 'Cruel, Oriental despots': representations in nineteenth-century British colonial fiction, 1858–1900. Ernst W. and Pati B. (ed.). *India's Princely States. People, Princes and Colonialism*. Delhi, 2010. Pp. 30–48.
- [Shah Jahan B]. *The Taj ul-Ikbal Tarikh Bhopal; or The History of Bhopal*. Tr. by H. C. Barstow. Calcutta, 1876.
- Srivastava G. *The Role of Begums of Bhopal in Girls' Education*. Delhi, 2005.
- [Sultan Jahan Begum]. *An Account of My Life (Gobur-i-Ikbal)*. Tr. by H. C. Paine. Vol. I–II. London, 1912.
- [Sultan Jahan Begum]. *An Account of My Life (Gobur-i-Ikbal)*. Tr. by H. C. Paine. Vol. III. Bombay, 1926.
- [Sultan Jahan Begum]. *Muslim Married Couple by H. H. Nawab Sultan Jahan Begum Sabiba*. Delhi, 1980.
- Zutshi C. *Re-visioning Princely States in South Asian Historiography: A Review*. *Indian Economic and Social History Review*. 2009. Vol. 46. No. 3. Pp. 301–313.

Архивные документы / Archival Documents

- Female Education in the Bhopal State, 1 (and) Proposal of Her Highness the Begum of Bhopal to Deposit with the Government of India 4 Lakhs of Rupees for the Purpose, 2*. National Archives of India. Bhopal Political Agency. Branch General. Progs. Nos. 19/7, 1912.
- H. H. the Begum of Bhopal's Guest House at Sebare*. National Archives of India. Bhopal Political Agency. File no. 4449. Digitized document PR_000004008342, 1898.
- Investment of Rupees Four Lakhs by Her Highness the Begum of Bhopal under Charitable Endowments Act, 1890 (VII of 1890), for the Maintenance, Promotion and Encouragement of Education at the Sulaimania and Jabangiria Schools in Bhopal*. National Archives of India. Foreign and Political Department. Progs. Nos. 380–387. March, 1918.
- Mışl kaghzât muqadma tayyārî vardî- i mulâzimân bâghât-i riyâsat ba taqrîb taşrîf âvarî nawâb general governor şâhib bahâdur bâbat san 1309*. Daftar-i inşâ, no. 48. Bhopal Branch, National Archives of India, 1891.
- Naql-i 'arzî mobatmim toşa khâna riyâsat Bhopâl ma'aruzâ mâh rabî' al-awwal sana 1309 hijrî*. Daftar-i inşâ, no. 45. Bhopal Branch, National Archives of India, 1891.
- Report On the Present State Condition of Education in the Native States and British Districts Within the Limits the Central India Agency*. National Archives of India. Digitized Collection. Home Education Department. Branch A. File No. Home_Education_A_1864_Mar_8.

**«БРЕМЯ НЕБЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА»*:
КОЛОНИАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ И ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ**

© 2023

Ю. С. Калинина¹

Колониальное прошлое продолжает играть весомую роль в национальном сознании как индийских политиков, так и лидеров западных стран, которые стремятся сохранить статус-кво в отношениях с Индией. Для политической элиты Индии критическое осмысление пережитков периода колониализма способствует выработке собственной, а не выдуманной европейцами национальной идентичности. Вместо мимикрирования под западные категории демократии и свободы правительство Моди отстаивает свое видение духовного и культурного развития общества на субконтиненте с опорой на традиции и ценности из доколониального прошлого. Именно по этим причинам оказались неуспешны попытки США вернуть Индию в свою орбиту через глобальные «саммиты демократий» и призыв к совместному отстаиванию идеалов свободы и прав человека, которые воспринимаются на субконтиненте как чужеродные.

Ключевые слова: Индия, Нарендра Моди, колониализм, национальная идентичность, международные отношения

Для цитирования: Калинина Ю. С. «Бремя небелого человека»: колониальное прошлое и поиск национальной идентичности в многополярном мире. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 87–93. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-087-093

**NON-WHITE MAN'S BURDEN: COLONIAL PAST AND SEARCHING FOR
NATIONAL IDENTITY IN A MULTIPOLAR WORLD**

Yulia S. Kalinina

The colonial past continues to play a significant role in the national consciousness of Indian politicians as well as leaders of Western countries who seek to maintain the status quo in bilateral relations with India. By critically reflecting on the remnants of the period of colonialism the Indian political elite develops its own sense of national identity rather than fall for the one 'invented' by the Europeans. Instead of 'mimicking' Western categories of democracy and freedom, the Modi government defends its vision of the spiritual and cultural development of society in the subcontinent based on traditions and values from the pre-colonial past. It is for these reasons that

* Отсылка к заголовку написанного в 1899 г. стихотворения Генри Лабушера «Бремя смуглого человека» (Henry Labouchère "The Brown Man's Burden"), подчеркивающего оценку разрушительной колониальной политики США и Великобритании по мнению тех народов, на кого она была направлена.

¹ Калинина Юлия Сергеевна, советник Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД России, Москва; yskalinina@mid.ru

Yulia S. Kalinina, Counsellor, Department on New Challenges and Threats, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow; yskalinina@mid.ru
ORCID: 0009-0009-0868-0198

US attempts to return India to its orbit through global “summits of democracies” and calls for joint defense of the ideals of freedom and human rights were unsuccessful, since they are perceived as alien in the subcontinent.

Keywords: India, Narendra Modi, colonialism, national identity, international relations

For citation: Kalinina Yu. S. Non-White Man’s Mission: Colonial Past and Searching for National Identity in a Multi-Polar World. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 87–93. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-087-093

В преддверии саммита «Группы двадцати», который состоялся в Нью-Дели 9–10 сентября 2023 г., широкую общественную дискуссию как в Индии, так и за ее пределами вызвал, казалось бы, незначительный эпизод. В приглашениях, разосланных на данное мероприятие, глава принимающей стороны Драупади Мурму была названа «президент Бхарата» вместо традиционного «президента Индии». И все бы ничего, ведь на большинстве местных языков именно так индийцы испокон веков называют свою страну. Это название содержится и в конституции Республики как взаимозаменяемое с собственно Индией (India, that is Bharat, shall be a Union of States [Конституция, 1956, с. 12]. Но на этот раз название «Бхарат» впервые было использовано в приглашениях на английском языке, адресованных главам иностранных государств-участников «Группы двадцати», включая бывшую метрополию Великобритании. Кроме того, сам Н. Моды выступал на саммите «двадцатки» за табличкой на английском языке, которая впервые гласила «Бхарат».

Решение использовать древнеиндийское название Бхарат горячо приветствовали союзники премьер-министра Индии Н. Моды в правящей Народной партии Индии (БДП). Название «Индия», данное стране Великобританией, напоминает им о колониальном прошлом, с которым они не хотят иметь ничего общего. Возвращение же древнего названия Бхарат в честь мифического царя Бхараты, от которого, согласно «Махабхарате», пошел индийский народ, позволит стране заявить о своей уникальной идентичности, идущей из древности. Оппозиционные политики раскритиковали этот шаг, обвинив Н. Моды в тщеславной попытке таким образом сыграть на националистической повестке дня в преддверии предстоящих в 2024 г. парламентских выборов.

В международной, прежде всего англоязычной, прессе началось обсуждение возможной подачи правительством Н. Моды заявки на переименование страны с Индии на Бхарат в ООН. Аналогичный прецедент уже создала Турция, которая в прошлом году добилась от Всемирной организации изменения своего названия на иностранных языках на турецкое слово Türkiye. Н. Моды поспешил развеять слухи и заявил об отсутствии подобных планов. Тем не менее высокопоставленные политики от правящей БДП четко дали понять, что намерены чаще использовать название «Бхарат» в официальной коммуникации, что не исключает постановки вопроса о переименовании в будущем.

Любопытное обоснование против такого решения дал депутат от оппозиционной партии Индийский национальный конгресс и в прошлом заместитель Генерального секретаря ООН Шаши Тхарур. В посте в социальной сети “X” (бывший Твиттер) он написал: «Хотя конституция не запрещает называть Индию словом «Бхарат», являющимся одним из двух официальных названий страны, я надеюсь, что правительство не совершит такую глупость и не откажется полностью от слова «Индия». Оно несет в себе неизмеримую ценность в качестве бренда страны, который создавался веками. Нам следует продолжать использовать оба слова, а не отказываться от права на название, которое несет в себе дух истории, название, которое признано по всему миру»².

² Tharoor Sh. Message in the “X” communication network (former Twitter), September 5, 2023. URL: <https://twitter.com/ShashiTharoor/> (дата обращения: 10.09.2023).

Опытный дипломат, Ш. Тхарур тонко уловил причины активного обсуждения данного шага властей как внутри страны, так и за рубежом. «Бренд» или образ современной Индии, который был создан британцами в колониальный период, до сих пор играет важную роль в восприятии самих себя индийцами и определяет отношение к ним внешнего мира. Даже такой символический жест, как использование древнеиндийского названия страны, наталкивается на сопротивление местной элиты, ориентированной на западные страны и поэтому не готовой полностью порвать связи с колониальным прошлым. С другой стороны, страны Европы и США также боятся расстаться с тем образом Индии, который они кропотливо создавали на протяжении нескольких столетий и который позволял им продолжать сохранять эту огромную страну в орбите своего влияния.

Колонизация сознания индийцев. Как Индия видит себя и внешний мир

В своей исторической речи «Свидание с судьбой» перед Учредительным собранием в ночь с 14 на 15 августа 1947 г. Дж. Неру сетовал на то, что «прошлое все еще в некоторой степени цепляется за нас и нам предстоит многое сделать прежде, чем мы сможем выполнить обещания, которые мы давали так часто» [Nehru, 1957]. Речь безусловно шла о наследии колониализма, связь с которым новой независимой стране только предстояло разорвать.

В отличие от предыдущих внешних завоевателей, периодически приходивших и остававшихся на Индийском субконтиненте, колониальный проект Великобритании включал не только военный, экономический и политический элементы. Принципиальной задачей, которую ставили себе британцы, являлся контроль над культурой и сознанием миллионов новых подданных Британской империи.

Решалась эта задача несколькими путями. Индийской элите, которой британцы планировали делегировать часть административных функций по управлению страной, массово прививалось западное образование на английском языке. Изучение основных наук по трудам западных ученых привело к тому, что индийская элита стала анализировать собственную историю и общественный уклад по западным интеллектуальным и эстетическим понятиям и стандартам. По этим новым критериям индийцы стали изучать древнеиндийские тексты, чтобы найти в них подтверждение необходимости и оправданности британского колониального правления. Одним из последствий колониального образования стало формирование категории «подражателей англичанам (imitative Englishmen)», которые испытывали обиду на завоевателей и одновременно завидовали им и хотели стать такими же, как они [Tharoor, 2016, p. 226].

Одновременно с этим британцы вольно истолковывали и упрощали черты, которые они видели в индийском обществе. Проведенные британскими антропологами переписи населения позволили подогнать структуру индийского общества к привычным для западного сознания критериям (религия, язык, принадлежность к касте). Итогом стало разделение индийцев как на бумаге, так и в общественном сознании на социальные группы, привязанные к определенной территории и взаимонисключающие друг друга (индусы-мусульмане, брахманы-неприкасаемые). Установление британцами четко очерченных границ между сообществами, которые ранее спокойно сосуществовали на одной территории, стало одним из главных факторов межобщинных столкновений на религиозной и национальной почве и сепаратистских настроений в отдельных индийских штатах.

Все эти меры сделали население Индии удобным для управления, но в результате привели к стиранию представления о самоидентификации у колонизируемых народов. Произопедшая

«колонизация сознания индийцев» [Ibid, p. 225] оказалась наиболее действенным инструментом колониального влияния Великобритании, сохраняющимся в определенной степени до сих пор.

Многочисленные географические наименования городов, улиц и монументов британского периода являются частью этого колониального наследия, от которого не спешили отказываться руководители независимой страны. При обсуждении первой конституции в 1949 г. Дж. Неру настоял на сохранении данного британцами и привязанного к территории (долина реки Инд) названия Индия, под которым она уже в 1945 г. с подачи Великобритании стала членом ООН. Параллельно для внутреннего потребления разрешается использовать слово «Бхарат», напоминающее о древних мифологических корнях. Дж. Неру понимал, что слово «Индия» в глазах остального мира имеет целый ряд ассоциаций: она была легендарной и экзотической землей, в которую веками стремились попасть путешественники и торговцы, «жемчужина в короне» Ее Величества королевы Виктории, которая горда была носить титул «императрицы Индии». Дж. Неру хотел, чтобы все понимали, что Индия, которую он возглавляет, является наследницей бесценного достояния. Другими словами, он стремился сохранить бренд [Tharoor, 2013, p. 310].

С увеличением экономической мощи и политического веса Индии растет и национальное самосознание. Лидеры находящейся у власти БДП понимают, что дальнейшее развитие и признание нового статуса в мире невозможно без восстановления национальной идентичности и отказа от колониального элемента в национальном бренде. На повестке дня стоит вопрос об отказе от двойственности презентации страны для внешнего мира (созданная по западным лекалам британцами прогрессивная демократическая страна) и для внутреннего потребления (древняя цивилизация с богатым наследием, существовавшим задолго до колониального вторжения).

Колонизация западного сознания. Как Запад видит место Индии в миропорядке

Успех в формировании новой внешнеполитической идентичности Индии в качестве независимого центра многополярного мира зависит также и от готовности западных стран признать за ней новый статус. Этому препятствует инерция мышления западных политических элит в рамках неоколониальной логики. По их убеждению, единственный путь для стран Глобального Юга — следовать прогрессивному западному примеру, впитывать западные ценности и вносить вклад в подкрепление созданного Западом либерального миропорядка.

Британские ученые до сих пор отрицают существование истории на индийском субконтиненте до прихода туда Великобритании, а период Британской Индии они до сих пор рассматривают исключительно через призму своей собственной истории. Показателен в этом смысле недавний пример издания книги британского историка К. Элкинс «Наследие насилия». Даже при анализе темной стороны британского колониализма в Индии автор предпочла проигнорировать труды индийских авторов на эту тему, что вызвало резкие критические оценки индийских историков³. Это и неудивительно, ведь с XIX в. британцы считали, что у Индии не было собственной истории до прихода Великобритании, а, следовательно, и история Индии должна быть написана западными историками.

³ Mukherjee R. Review: Caroline Elkin's History of the British Empire Is Indifferent to Indian Scholarship. *The Wire*, 28.09.2022. URL: <https://thewire.in/books/review-caroline-elkins-british-empire-history-indifferent-indian-scholarship> (дата обращения: 20.05.2023).

Еще премьер-министр Великобритании У. Черчилль подчеркивал, что «до прихода британцев индийской нации не существовало. Индия является географическим понятием. Она не более единая нация, чем экватор»⁴. Если, согласно теории Бенедикта Андерсона, все нации являются «воображаемыми сообществами» [Андерсон, 2016], то Запад гордится тем, что идентичность колонизированных народов Востока была создана западным сознанием (см. на эту тему статью Партхи Чаттерджи «Воображаемые кем сообщества?» [Chatterjee, 2017, p. 24–36].

Сегодня политика западных стран по отношению к Индии продолжает и подкрепляет в их сознании цивилизационную миссию по облагораживанию народов Востока, четко обозначенную Р. Киплингом как «бремя белого человека». При этом право Индии на самостоятельную идентичность, отличную от западной, эти страны не только не признают, но и опасаются, что таким образом Нью-Дели пытается бросить вызов западноцентричному либеральному миропорядку.

В этом смысле показательны т. н. «саммиты за демократию», организованные президентом США Дж. Байденом в 2021 и 2023 гг. Эти мероприятия, по задумке американских властей, призваны объединить и похвалить страны, следующие по западному демократическому пути и продвигающие западные демократические ценности в противовес авторитарным странам. Индия, в отличие от других стран Южной Азии, была приглашена на оба мероприятия. Вопреки ожиданиям организаторов, Н. Моди посвятил оба выступления не рассуждению о том, что объединяет индийскую политическую систему с западными демократиями. Напротив, он отметил, что разные части мира следуют разными путями демократического развития, и привел конкретные примеры древнего происхождения демократического «духа» Индии от принципа выборности лидера в «Махабхарате» до идеи консультативных органов с широким представительством в ведах и княжеств с ненаследственной формой правления в древней Индии. Этот дух, как намеренно подчеркнул премьер-министр Индии, являлся «неотъемлемой частью традиций индийской цивилизации» задолго до развития выборных политических органов в других регионах, и его не смогли сломить «столетия колониального правления»⁵.

Аналогичное неприятие вызывает у индийских властей стремление США и других западных стран подогнать общественную ситуацию в стране под западные критерии прав и свобод человека, которым страны Востока априори не могут полностью соответствовать. Западные нотации по этому вопросу остаются одним из главных раздражителей в двусторонних отношениях и расцениваются Нью-Дели как непонимание европейскими странами особенностей межконфессиональных, межнациональных и межкастовых отношений в индийском обществе.

Причины происходящих изменений в сознании индийской элиты западные эксперты склонны приписывать тому, что под видом продвижения национального интереса бывшие колониальные страны отказываются от импортированных в период колониализма полезных западных ценностей плюрализма, терпимости и секуляризма в пользу более аутентичного, но менее терпимого национализма⁶. А соответственно и от так кропотливо построенной британцами

⁴ Цит. по Sen A. Illusions of the Empire. *The Guardian*, 29.06.2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/jun/29/british-empire-india-amartya-sen> (дата обращения: 10.09.2023).

⁵ National Statement by Prime Minister Narendra Modi at the Summit for Democracy, 10.12.2021. URL: <https://mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/34637/National+Statement+by+Prime+Minister+Narendra+Modi+at+the+Summit+for+Democracy> (дата обращения: 10.09.2023); Remarks by Prime Minister Shri Narendra Modi at the Leader-level plenary of the Second Summit for Democracy, 29.03.2023. URL: <https://www.narendramodi.in/pime-minister-narendra-modi-s-remarks-at-summit-for-democracy-568869> (дата обращения: 10.09.2023).

⁶ Zakaria F. Lecturing India's leader on human rights is not the best path, *the Washington Post*, 23.06.2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/06/23/us-india-china-interests-people/> (дата обращения: 11.09.2023).

колониальной идентичности. Такой менторский подход едва ли будет способствовать мирному формированию более справедливого многополярного миропорядка.

НОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕРЕЗ ОБРАЩЕНИЕ К ПРОШЛОМУ

Реакцией Нью-Дели на покровительственную неоколониальную риторику американцев и европейцев стала стратегия обращения к прошлому страны, отсылки к тем временам, когда индийцы являлись творцами собственной истории и судьбы. Добиваясь восстановления и признания былого величия доколониального периода, правящая БДП переименовывает связанные с британцами центральные улицы Дели (Raj Path в Kartavya Path; Race Course Road, где находится резиденция премьер-министра Индии, в Lok Kalyan Marg) и монументы. Хотя это лишь одна, формальная сторона создания новой идентичности, министр правительства Индии от БДП Дхарменда Прадхан приветствовал эти изменения как первый шаг к преодолению «колониальной ментальности».

В местных политологических исследованиях все чаще отвергается идея единственной уникальной западной модерности, которая могла бы быть одинаково применима для всех обществ и должна являться эталоном развития. Причина скептического отношения индийцев к концепции модерности кроется в том, что «история [нашей] модерности была тесно взаимосвязана с историей колониализма» [Chatterjee, 2017, p. 136–151] и активно использовалась для обоснования необходимости продолжения прямого британского правления.

Теперь, когда Индия обладает достаточным экономическим и политическим весом, с которым западные страны вынуждены считаться, она больше не готова позволять бывшим имперским державам диктовать свои условия всему остальному миру [Tharoor, 2013]. В индийской элите растет осознание важности собственного «незападного» пути развития на основе местных политических и социальных традиций. Индия презентует собственную, отличную от западной, модель демократии на саммите «Группы двадцати», активно продвигает восточные медицинские практики (*аюрведа* и *юнани*), стремясь добиться их признания на международном уровне альтернативой западной медицине. На международных площадках правительство Н. Моды отстаивает универсальность принципов национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств в качестве основы миропорядка.

Результаты стратегии обращения к прошлому для признания нового статуса Индии в будущем еще только предстоит увидеть и оценить. Критики такой линии Н. Моды обвиняют его в чрезмерном акценте на индульской составляющей индийского прошлого, что упрощает и сужает богатое культурное и социально-политическое наследие страны. Неизбежные в таком случае обобщения (как, например, сведение всех форм древних мифологических нарративов к «Махабхарате») несут в себе риск новых проявлений ориентализма, только на этот раз со стороны индуистского большинства.

Тем не менее преодоление индийцами представления о себе как о бренде «самой яркой жемчужины в Британской короне» на ментальном уровне будет способствовать более активному и самостоятельному участию Индии в построении подлинно многополярного миропорядка. Успех этого процесса потребует отказа от пережитков колониального мышления, причем как в Индии, так и на Западе.

Литература/References

Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М., 2016 [Anderson B. *Imagined Communities Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Конституция Индии. М.: Из-во иностранной литературы, 1956. 467 с. [*The Constitution of India*. Moscow, 1956 (in Russian)].

Chatterjee P. *Empire and Nation: Selected Essays*. New Delhi, 2017.

Nehru J. *Jawaharlal Nehru's Speeches*. Vol. I–V. New Delhi, 1957–1968.

Tharoor Sh. *Pax Indica. India and the World in the 21st Century*. London, 2013.

Tharoor Sh. *An Era of Darkness. The British Empire in India*. New Delhi, 2016.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Mukherjee R. Review: Caroline Elkin's History of the British Empire Is Indifferent to Indian Scholarship. *The Wire*, 28.09.2022. URL: <https://thewire.in/books/review-caroline-elkins-british-empire-history-indifferent-indian-scholarship> (дата обращения: 20.05.2023).

National Statement by Prime Minister Narendra Modi at the Summit for Democracy, 10.12.2021. URL: <https://mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/34637/National+Statement+by+Prime+Minister+Narendra+Modi+at+the+Summit+for+Democracy> (дата обращения: 10.09.2023).

Remarks by Prime Minister Shri Narendra Modi at the Leader-level plenary of the Second Summit for Democracy, 29.03.2023. URL: <https://www.narendramodi.in/pime-minister-narendra-modi-s-remarks-at-summit-for-democracy-568869> (дата обращения: 10.09.2023).

Sen A. Illusions of the Empire. *The Guardian*, 29.06.2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/jun/29/british-empire-india-amartya-sen> (дата обращения: 10.09.2023).

Tharoor Sh. Message in the “X” communication network (former Twitter), September 5, 2023. URL: <https://twitter.com/ShashiTharoor/> (дата обращения: 10.09.2023).

Zakaria F. Lecturing India's leader on human rights is not the best path. *The Washington Post*, 23.06.2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/06/23/us-india-china-interests-people/> (дата обращения: 11.09.2023).

О ВЛИЯНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НА СОВРЕМЕННЫЕ ИНДО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

© 2023

А. В. Кулик¹

Сегодня Индия проводит многовекторную внешнюю политику, сохраняя свою стратегическую автономию и являясь одним из важнейших цивилизационных государств мира. Одновременно Индия — объект приложения внешнеполитических усилий всех ведущих игроков, включая Великобританию, ее бывшую метрополию. В данной статье автор анализирует, как Лондон пытается сделать ставку на сотрудничество с Нью-Дели, стремясь компенсировать выход из ЕС, и при помощи Индии сформировать для себя новую роль в меняющемся мире. При этом, несмотря на длительную дипломатическую игру, проблемы трактовки колониального периода и вопросы общей истории остаются серьезным камнем преткновения в двусторонних отношениях. Имперское прошлое постоянно подпитывает чрезмерные амбиции британских политиков. По мнению автора, вследствие излишне позитивного отношения к своему имперскому прошлому британские политики, чрезмерно преувеличивая собственное значение, постоянно недооценивают, в какой степени в мире не доверяют британцам. Для индийцев именно Индия находится сегодня в центре глобальных процессов, и влияние их страны на все, что происходит в мире, неоспоримо. Индия на момент прихода туда англичан была не только одной из древнейших цивилизаций на планете, но и жемчужиной средневекового мира с развитой культурой, архитектурой, искусством и литературой, уникальными производствами. С I по XI в. индийская экономика была крупнейшей в мире. За 200 лет колониализма Индия и Великобритания практически поменялись местами по показателю доли ВВП в мировом хозяйстве. Поэтому стремительный рост экономики Индии в начале XXI в. для индийцев не является чудом, а представляется всего лишь восстановлением прежнего баланса сил в мире, где Индия и Китай на протяжении столетий занимали лидирующие позиции. Символичным является и то, что пост премьер-министра Великобритании в 2022 г. занял политик индийского происхождения. Автор приходит к выводу, что, отметив 75-летний юбилей независимости, Индия с обоснованным оптимизмом смотрит в будущее, в то время как ее бывшая метрополия находится в постоянном поиске путей восстановления своего бывшего могущества, одним из инструментов которого в Лондоне снова хотели бы видеть особые отношения с Индией.

Ключевые слова: Британская империя, Индия, колониализм, британско-индийские отношения, глобальное влияние

Для цитирования: Кулик А. В. О влиянии исторического наследия на современные индо-британские отношения. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 4. С. 94–106. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-094-106

¹ Кулик Лидия Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВ РАН, руководитель направления по исследованиям Индии Школа SKOLKOVO, Москва; lkulik@scp.ru

Lydia V. Kulik, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; Head of India Studies, Moscow School of Management SKOLKOVO; lkulik@scp.ru
ORCID: 0000-0002-2950-2499

THE IMPACT OF HISTORICAL LEGACY ON CONTEMPORARY INDIA-UK RELATIONS

Lydia V. Kulik

Today, India pursues a multi-vector foreign policy, maintaining its strategic autonomy and being one of the most important civilizational states in the world. At the same time, India is the object of foreign policy efforts of all leading players, including the UK, its former metropole. In this article, the author examines how London is trying to rely on cooperation with New Delhi to compensate for its withdrawal from the EU and, with India's help, to forge a new role for itself in a changing world. However, despite the long diplomatic courting, problems of interpretation of the colonial period and issues of shared history remain a serious stumbling block in the bilateral relationship. The nostalgia over the imperial past has been fueling the excessive ambitions of the British politicians. In the author's view, due to an overly positive attitude towards their imperial past, the British politicians, over-exaggerating their own importance, constantly underestimate the extent to which the world distrusts Britain. For the people of India, it is India that is at the centre of global processes today, and their country's influence on everything that happens in the world is undeniable. India at the time of the British arrival was not only one of the oldest civilizations on the planet, but also a pearl of the medieval world with developed culture, architecture, art and literature, unique industries. From the first to the eleventh century AD, the Indian economy was the largest in the world. During 200 years of colonialism, India and Britain almost swapped places in terms of their GDP share in the world economy. Therefore, for Indians, the rapid growth of their country's economy in the early 21st century is not a miracle, but merely a restoration of the old balance of power in the world, where India and China have been leaders for centuries. It is also symbolic that the post of the British Prime Minister in 2022 was taken by a politician of Indian descent. The author concludes that, having celebrated 75 years of Independence, India is looking to the future with justified optimism, while its former metropole is in a constant search for ways to restore its depleted power, again seeing special relations with India as one of its desired instruments.

Keywords: British Empire, India, British-Indian relations, global influence, colonialism

For citation: Kulik L. V. The Impact of Historical Legacy on Contemporary India-UK Relations. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 94–106. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-094-106

Эволюция британско-индийских отношений и в особенности характер взаимодействия двух стран на современном этапе иллюстрируют собой сложный процесс формирования современного многополярного мира.

В апреле 2022 г., находясь с визитом в Дели, британский премьер Б. Джонсон после переговоров с главой индийского правительства Н. Моди объявил о договоренности заключить британско-индийское соглашение о свободной торговле уже к осени 2022 г.² Однако впоследствии срок заключения договора неоднократно переносили, и по состоянию на сентябрь 2023 г., после многочисленных раундов переговоров, оно так и не подписано. Ключевым пунктом будущего соглашения станет доступ британских компаний к индийскому рынку юридических, банковских и страховых услуг, к автомобильному рынку и рынку крепкого алкоголя. Индию традиционно интересуют вопросы миграции рабочей силы и обучения студентов в британских

² Prime Minister Boris Johnson's visit to India, April 2022: UK-India joint statements — GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/prime-minister-boris-johnsons-visit-to-india-april-2022-uk-india-joint-statements>; UK — India Trade: Explained: What is the UK-India free trade agreement all about | India Business News — Times of India. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/explained-what-is-the-uk-india-free-trade-agreement-all-about/articleshow/90930976.cms> (дата обращения: 20.08.2023).

вузах, доступ к сельскохозяйственному рынку Британии и расширение поставок из Индии продовольственных товаров, в частности, рыбы. В соответствии с принятой ранее «Дорожной картой развития отношений до 2030 г.»³ приоритетным для обеих стран также заявлено укрепление сотрудничества в области обороны и безопасности.

Для укрепления сотрудничества с Дели правительство Б. Джонсона отказалось от критики индийского руководства в нарушении прав человека. В то время как международные правозащитные организации бьют тревогу, официальный Лондон не высказывает публичных претензий к индийскому руководству. По итогам переговоров в Дели в 2022 г. Б. Джонсон заявил, что соблюдение прав человека и защита демократических принципов обсуждаются с Н. Моди «приватно» и «по-дружески», и назвал Индию «великой демократией»⁴.

Любая критика в отношении Индии, ее руководства и проводимой им политики со стороны официального Лондона для Дели неприемлема. Комментируя в 2021 г. различные западные рейтинги, оценивающие состояние демократии в Индии, министр иностранных дел С. Джайшанкар заявил⁵: «Это лицемерие. Самопровозглашенные хранители мира с трудом могут смириться с тем, что кто-то в Индии не ищет их одобрения, не хочет играть в навязываемую ими игру. От этого они придумывают собственные правила, параметры, выносят свои суждения, представляя все это каким-то глобальным упражнением».

Независимый внешнеполитический курс и неприсоединение к враждующим блокам всегда были одним из столпов индийской политики, сформированных отцами-основателями независимой Индии, прежде всего Дж. Неру [Колыхалова, 1966]. В XXI в. индийская внешняя и внутренняя политика опирается на рост национального самосознания граждан, поддерживаемый стремительным экономическим развитием страны. Британские и индийские официальные лица старательно избегают публичной конфронтации, подчеркивая дружественный характер двусторонних отношений, носящих статус всеобъемлющего стратегического партнерства. Однако Лондону становится очевидно, что факторы, традиционно упоминающиеся как объединяющие две страны (общая история, приверженность демократии, наличие процветающей индийской диаспоры в Соединенном Королевстве, программы межвузовского сотрудничества и гуманитарные контакты), не гарантируют Великобритании привилегированных позиций в борьбе за Индию XXI века.

В 2015 г. в рамках дебатов в Оксфорде состоялось выступление известного индийского политика, историка, парламентария Ш. Тхарура⁶, содержавшее разгромную критику британской колониальной политики и всколыхнувшее всю Индию. Книги Ш. Тхарура по теме эксплуатации Индии Британией вышли огромными тиражами и пользуются большой популярностью среди индийской молодежи [Tharoor, 2016], заново открывающей для себя страницы истории своей страны, связанные с колониальным периодом. В том же году, когда состоялась дискуссия

³ 2030 Roadmap for India-UK future relations — GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/india-uk-virtual-summit-may-2021-roadmap-2030-for-a-comprehensive-strategic-partnership/2030-roadmap-for-india-uk-future-relations> (дата обращения: 20.08.2023).

⁴ UK PM Boris Johnson India Visit Day 2 LIVE updates: Indians could plug some labour gaps in UK, Boris Johnson says — The Times of India. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/uk-pm-boris-johnson-india-visit-live-updates/liveblog/90969612.cms> (дата обращения: 20.08.2023).

⁵ The Indian Express. March 15, 2021. Jaishankar on global democracy downgrade: 'Custodians can't stomach we don't want their approval'. URL: <https://indianexpress.com/article/india/global-democracy-downgrade-custodians-cant-stomach-we-dont-want-their-approval-7228422/> (дата обращения: 20.08.2023).

⁶ Oxford Union. Dr Shashi Tharoor MP — Britain Does Owe Reparations. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=f7CW7S0zxv4> (дата обращения: 20.08.2023).

в Оксфорде, Британский Совет (British Council) опубликовал доклад «Индия имеет значение»⁷. В нем рассматривались проблемы укрепления связей в сфере образования и культуры с целью реализации всего потенциала британо-индийских отношений. В докладе отмечалось, что молодежь в обеих странах, плохо зная другую страну, имеет о ней превратное впечатление. Более того, содержалось признание, что «колониальное наследие мешает установлению связей Британии с Индией сегодня и будет мешать в будущем», поскольку Британия все еще не воспринимает Индию на равных и не относится к ней как к равному партнеру.

По подсчетам известных индийских экономистов Утсы Патнаик и Прабхата Патнаика [Patnaik and Patnaik, 2016, p. 177], с 1765 по 1938 г. сначала Ост-Индская компания, а затем британские власти выкачали из Индии по крайней мере 44,6 трлн долл. Безвозвратно покидая индийскую экономику, эти средства использовались Лондоном для финансирования модернизационных инфраструктурных и промышленных проектов не только в Британии, но и в континентальной Европе, в Северной Америке и в Австралии. Тем временем ожидаемая продолжительность жизни в Индии в 1911 г. составляла всего 22 года. Показатели потребления зерновых на душу населения ввиду высоких налогов и сокращения покупательной способности индийцев снизились с 200 кг в год в 1900 г. до 157 кг в 1941 г. и до 137 кг к 1946 г. За годы британского правления Индия не только потеряла статус крупной производящей экономики, но и стала символом нищеты и голода ввиду жестких, грабительских подходов британцев к управлению колонией [Sen, 1983, 2006].

Через месяц после публикации доклада Британского совета в то время премьер-министр Д. Кэмерон на совместной пресс-конференции с Н. Модии впервые за многие годы на официальном уровне признал существование проблемы колониального наследия.

Место Индии во внешней политике Британии в XX–XXI вв.

Хотя Индия после обретения независимости в 1947 г. сыграла важнейшую для Британии роль в сохранении и качественной трансформации Британского Содружества после распада Британской империи [Кулик, 2023], в целом во второй половине XX в. вопрос отношений с Индией не занимал во внешнеполитической стратегии Британии ведущего места.

В основных внешнеполитических концепциях Лондона Индия занимала лишь опосредованное место. Наиболее известная из таких концепций — модель трех окружностей У. Черчилля (1948 г.). По мнению одного из самых известных идеологов и практиков британского империализма Британия — это единственная страна в мире, которая находится в сфере пересечения трех основных групп (окружностей) среди свободных и демократических государств мира. Этими группами были, с его точки зрения, Содружество и Британская империя, англоязычные страны — Британия, США, Канада и другие доминионы, а также Объединенная Европа [Chrchill, 1950, p. 408]. В такой системе координат, как и во времена максимального могущества Британской империи, Индия оказывалась ключевым элементом в одной из трех важнейших для Британии сфер — а именно в Содружестве, пришедшем на смену колониальной системе.

С окончательным распадом этой системы и утратой Великобританией своего влияния среди стран третьего мира после Суэцкого кризиса регион «к Востоку от Суэца», тем не менее, продолжал оставаться одним из важнейших для Лондона [Curtis, 2013]. В 2010 г. Т. Блэр писал: «Британцы... предпочитают, чтобы их премьер-министры были заметны на мировой

⁷ India matters. London: British Council, 2015. URL: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/india_matters.pdf (дата обращения: 20.08.2023).

арене... Проблема в том, что мир изменился, размер и вес Британии изменились, и становится все сложнее это делать» [Blair, 2010, p. 410]. Таким образом, формально находясь на периферии британских внешнеполитических интересов в 1970–1980-е и в последующие годы, Индия, тем не менее, продолжала представлять интерес для Лондона хотя бы в силу его сохранявшихся глобальных амбиций.

Об Индии как об отдельном векторе британской внешней политики в Лондоне заговорили лишь на рубеже XX–XXI в. В целом можно говорить о нескольких основных направлениях, связанных с политическим курсом британских лейбористов и консерваторов в отношении Индии в послевоенный период: колониальный вопрос, иммиграция, ядерная программа Индии и кашмирская проблема⁸. С одной стороны, декларативные политические заявления консерваторов и лейбористов по этим вопросам существенно различались. Консерваторы после 1947 г. предпочитали не говорить об Индии вовсе, по инерции отрицая ее независимый статус, а лейбористы, наоборот, подчеркивали свою поддержку и прогрессивный подход к новому независимому государству. Тем не менее публичные заявления и реальная политика в области британо-индийских отношений существенно различались как у лейбористов, так и у консерваторов, когда они приходили к власти. Поэтому Дели весь послевоенный период воспринимал проводимый Британией курс как непоследовательный, непредсказуемый, не заслуживающий доверия. Чаще всего это проявлялось в позиции британского правительства в отношении деятельности сикхских и исламских радикальных экстремистских организаций на территории Соединенного Королевства и поддержки Пакистана. Индийское руководство воспринимало действия Лондона, направленные на поддержку таких элементов, как попытки расшатать и дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию в Индии. Примерами непоследовательности Британии могут служить и следующие факты: если правительство М. Тэтчер скорее поддерживало индийскую ядерную программу, то лейбористы отреагировали на индийские испытания 1998 г. отзывом своего посла из Дели. Если правительство Дж. Мэйджора не вспоминало о Кашмире, стремясь наладить отношения с Нью-Дели после старта индийских реформ в начале 1990-х гг., то лейбористы под руководством Т. Блэра допустили большое количество ошибок в первый же год после прихода к власти в 1997 г., включавших, среди прочего, неосторожные заявления лидеров партии о Кашмире [Hewitt, Wickham-Jones, 2000].

На фоне непоследовательного внешнеполитического курса Лондона индийскую сторону в целом характеризует значительная преемственность [Юрлов, Юрлова, 2010]. Диалог с Лондоном не прерывался (за исключением короткого периода после убийства И. Ганди в 1984 г.), несмотря ни на какие обстоятельства. На декларативном уровне Великобритания никогда не входила в круг первоочередных внешнеполитических приоритетов Нью-Дели, хотя взаимодействие с Лондоном шло по ключевым направлениям — финансовая и технологическая помощь, инвестиции, военно-техническое сотрудничество, связи с диаспорой, продвижение интересов индийского бизнеса в Великобритании и др. Смена власти в Индии также не приносила в отношения Дели с Лондоном кардинальных перемен, поскольку совпадала с периодами, когда Индия особенно нуждалась в иностранных инвестициях. Несмотря на то, что Индия выступала против иностранного вмешательства в кашмирский вопрос, для нее всегда было важно иметь дополнительный рычаг воздействия на Пакистан.

⁸ Индия считает проблему Кашмира исключительно двусторонним вопросом в ее отношениях с Пакистаном и не приемлет никакого посредничества в урегулировании ситуации, в то время как для британских политиков эта тема часто оказывалась в числе приоритетных.

В ноябре 2007 г. премьер-министр лейборист Г. Браун назвал Британию «первым многонациональным государством», всегда знавшим, что для успеха необходимо, чтобы люди разных рас, религий и происхождения жили в гармонии друг с другом⁹. С этого времени в лексиконе политиков и дипломатов в списке факторов, объединяющих Великобританию и Индию, помимо глубокой приверженности принципам демократии появился и многонациональный, «мультикультурный» характер их обществ.

В последующих британских концепциях с одной стороны отражалось стремительное распространение технологической революции и интернет-технологий, а с другой — реакция на появление новых центров силы в мире, прежде всего Китая и Индии. Д. Милибэнд, министр иностранных дел в правительстве Г. Брауна, предложил роль Британии как «глобального хаба»¹⁰, что подразумевало сохранение отношений с крупными державами, а также углубление связей с быстрорастущими экономиками, и не только между правительствами, но и на уровне бизнес-структур, университетов, городов и граждан. В это время Британия действительно стала для Индии своеобразным форпостом для экономического проникновения индийского бизнеса в Европу, а также, благодаря диаспоре, действительно одним из важнейших хабов на карте глобального индийского присутствия, где пересекались многие деловые, культурные и образовательные нити, связывающие Индию с миром.

Еще одну внешнеполитическую концепцию предложил основатель формально независимого исследовательского центра «Глобальный стратегический форум» консерватор М. Анкрам в 2010 г. [Ancram, 2010]. Его выводы во многом стали основой для внешнеполитических подходов правительства Д. Кэмерона. По сути Анкрам призвал к *realpolitik*, к новому прагматизму во внешней политике и отказу британских компаний от нерешительности и опасений рисков на быстрорастущих рынках. Достаточно большое внимание уделялось Содружеству, поскольку, по мнению автора, именно его структура со множеством горизонтальных неформальных связей наилучшим образом соответствовала потребностям нового сетевого мира, а также говорилось о необходимости повысить роль Индии в этом клубе. Автор даже предлагал перенести штаб-квартиру Содружества из Лондона в Нью-Дели. Вместо того, чтобы слепо следовать за США, Великобритании следовало, по мнению М. Анкрама, перерезать пуповину и сфокусироваться на собственных национальных интересах. Внешняя политика Великобритании должна быть скоординирована с США, но не должна зависеть от Вашингтона. Вместе с тем Великобритания должна быть мостом между США и Европой, между США и Содружеством.

Коалиционное правительство консерваторов и либеральных демократов пришло к власти в 2010 г. в условиях последствий глобального экономического кризиса, больно ударившего и по Британии, когда смещение экономического и политического влияния на Восток стало реальностью. Соответственно премьер-министр Д. Кэмерон и министр иностранных дел У. Хейг стремились переориентировать британскую внешнюю политику [Капитонова, Романова, 2016]. Особое значение теперь стали придавать расширению коммерческой дипломатии, «экзистенциальной миссией» британского МИДа отныне стала поддержка британского бизнеса [Cowper-Coles, 2012].

На этом этапе активизация усилий Лондона шла по многим направлениям одновременно, но только с Индией в Британии планировали установить «особое партнерство». Д. Кэмерон в составе крупных бизнес-делегаций посетил также Китай (в отношениях с которым была

⁹ Gordon Brown — 2007 Lord Mayor's Banquet Speech — UKPOL.CO.UK. URL: <https://www.ukpol.co.uk/gordon-brown-2007-lord-mayors-banquet-speech/> (дата обращения: 20.08.2023).

¹⁰ Miliband: UK must become global hub. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/32046/Miliband-UK-must-become-global-hub> (дата обращения: 20.08.2023).

провозглашена «золотая эра»), ЮАР, Россию. Повышенное внимание стало уделяться Содружеству. В британском МИДе, несмотря на бюджетные ограничения, в три раза был увеличен штат сотрудников, занимающихся этим направлением, увеличено количество дипломатических представительств, особенно в странах с опережающими темпами экономического роста, расширились функции и компетенции дипломатов, среди которых была особо отмечена языковая подготовка. В значительной степени это коснулось британских представительств в Индии, а также в Китае. В Индии были открыты три дополнительных отделения британского посольства и новые офисы торгового представительства.

Во внутренней политике консерваторов при Д. Кэмероне наметился отход от доктрины государственного «мультикультурализма». Так, выступая на конференции по безопасности в Мюнхене в 2011 г., Д. Кэмерон сказал, что из-за большой обособленности этнических и религиозных групп в британском обществе ослабело чувство коллективной идентичности, принадлежности одной культуре, что сделало его уязвимым для экстремистской идеологии. Наряду с экономическими факторами и прагматичным расчетом это также способствовало развороту консерваторов в сторону Индии, сочетающей и бесконечное культурное и религиозное многообразие, и верность общим традициям, недостаток которых стали ощущать в современной Великобритании.

В целом в последние годы в Великобритании царит глубокое разочарование в связи с невозможностью на протяжении длительного времени переломить ситуацию в двусторонней торговле и расширить британский экспорт в Индию. Из-за провалов на этом направлении неоднократно ставилось под сомнение качество стратегического партнерства двух стран. В 2017 г. появилась публикация лидера либерал-демократов В. Кейбла (в коалиционном правительстве 2010–2015 гг. министр по делам предпринимательства). Название его статьи говорит само за себя: «На Индию не оказывает воздействия напористый торговый шарм Британии. Нам пора бы это понять» [Cable, 2017]. В этой публикации он отмечал, что «огромные усилия были приложены к тому, чтобы открыть индийский рынок для британского экспорта... Индийцы были неизменно вежливы и, наверное, польщены таким вниманием. Однако британский экспорт оставался неизменно мизерной долей в индийском импорте». Бывший министр финансов, консерватор Дж. Осборн в 2021 г. отметил: «Многие британские правительства полагают, что у нас есть особые отношения с Индией. По моему опыту, индийцы в отношении Великобритании так не считают»¹¹.

Индия — британский приоритет после брекзита

После решения о выходе Британии из ЕС и окончательного оформления развода с этим объединением в Лондоне была сформулирована новая внешнеполитическая линия, получившая название «Глобальная Британия в эпоху конкуренции: Комплексный обзор политики в сфере безопасности, обороны, развития и внешней политики»¹². Публикация Обзора состоялась в 2021 г., во время председательства Великобритании в «Семерке». Позже она была дополнена рядом официальных заявлений, подробнее проясняющих видение руководством страны места Великобритании в мире и ее роли в международных делах после брекзита.

¹¹ UK faces a difficult path as it resumes courtship with India // The Guardian. April 6, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2021/apr/06/uk-faces-difficult-path-as-it-resumes-courtship-with-india> (дата обращения: 18.09.2023).

¹² Global Britain in a competitive age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. 16 марта 2021 г. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/969402/The_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (дата обращения: 05.08.2023).

Хотя в документе неизменно заявляется ключевая роль отношений с США и приверженность обязательствам по коллективной безопасности стран-членов НАТО, в нем также сделан акцент на создании новых союзов и обретении новых союзников. Относительно Индии в нем сказано, что Британия «в ближайшие 10 лет будет стремиться трансформировать отношения с Индией по всему спектру общих интересов»¹³. Эту работу призваны выполнять более чем 800 сотрудников 11 дипломатических представительств Британии в Индии (на сегодняшний день это больше, чем в любой другой стране мира). Помимо Европы и США, приоритетными направлениями деятельности указываются Индо-Тихоокеанский регион¹⁴, Восточная Африка, Ближний Восток и Персидский залив, где будет особенно активно развиваться торговое сотрудничество и взаимодействие в сферах безопасности и науки.

Несмотря на декларируемое желание укреплять существующие международные институты, из полных двусмысленностей формулировок Обзора и особенно из сопутствовавших его публикации заявлений становится очевидно, что фактически Великобритания стремится заменить систему ООН и международного права на основанную на «правилах» систему альянсов со своими союзниками, направленную главным образом на сдерживание России и Китая.

Большой резонанс в Индии вызвал доклад директора института Чатэм хаус сэра Робина Ниблетта «Глобальная Британия, глобальный брокер. Проект концепции будущей международной роли Британии», опубликованный в ходе подготовки Обзора¹⁵. По мнению Р. Ниблетта, Великобритании не надо пытаться возродить себя в качестве миниатюрной великой державы, а вместо этого следует направить свои ресурсы на то, чтобы быть брокером (посредником) в поиске решений глобальных вызовов. Среди основных направлений работы предлагались: защита либеральной демократии, поддержание международного мира и безопасности, борьба с изменением климата, повышение глобальной устойчивости к угрозам здоровью, продвижение глобальной налоговой транспарентности и справедливого экономического роста, защита киберпространства. Неожиданно Р. Ниблетт утверждал, что страны, указанные в стратегии «Глобальная Британия» — Китай, Индия, Саудовская Аравия и Турция — как приоритетные могут быть важны для коммерческих интересов Британии, однако они будут соперниками или, в лучшем случае, неудобными коллегами в достижении многих из глобальных целей Британии. Индию Р. Ниблетт назвал одной из четырех «трудных» для Великобритании стран наряду с Россией, Турцией и Саудовской Аравией... «Индия избегает присоединения к Великобритании и другим странам в поддержке либеральной демократии в третьих странах... Напротив, откровенный индуистский национализм правящей Бхаратия джаната партии ослабляет права мусульман и других групп религиозных меньшинств, вызывая озабоченность тем, что нетерпимый мажоритаризм заменяет видение светской, демократической Индии, завещанное Неру... К настоящему времени должно быть очевидно, что идея более глубоких отношений с Индией всегда обещает больше, чем может дать. Наследие британского колониального правления постоянно портит отношения. Напротив, США стали самым важным стратегическим партнером для Индии, поскольку недавние администрации США активизировали свои двусторонние отношения

¹³ Global Britain in a competitive age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. 16 марта 2021 г. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/969402/The_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (дата обращения: 05.08.2023).

¹⁴ Ранее о приоритетности Индо-Тихоокеанского региона также говорилось в Strategic Defence and Strategy Review, опубликованном в 2010 г.

¹⁵ Global Britain, global broker. A blueprint for the UK's future international role. Chatham House research paper. January 11, 2021. URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/01/global-britain-global-broker> (дата обращения: 05.07.2023).

в области безопасности, оставив Великобританию в тени». Неудивительно, что такой враждебный по отношению к Индии анализ Р. Ниблетта вызвал критику в индийских правительственных кругах и редкое в этом направлении откровенное обсуждение статуса двусторонних отношений. Обычно о них в обеих странах предпочитают не высказываться в критическом ключе. С индийской стороны — из вежливости и оттого, что есть другие приоритетные направления, такие как США, Китай, Россия, а в Великобритании — из-за важности этих отношений для Лондона и стремления выдать желаемое их состояние за действительное.

С приходом к власти Б. Джонсона в 2019 г. начался новый этап активных действий британского правительства в отношении Индии. Изменилась миграционная политика, в частности, в отношении индийских студентов. Б. Джонсон назначил дочь индийских выходцев из Уганды П. Патель на пост министра внутренних дел в июле 2019 г. Вскоре после назначения П. Патель вернула в действие правило, по которому иностранные студенты могут по окончании учебы получить рабочую визу сроком на два года, а затем снизила и требования по минимальной заработной плате бывших студентов — до 25,6 тыс. ф. ст. в год¹⁶. П. Патель всегда поддерживала проиндусскую политику Н. Моды в Индии, зарекомендовав себя апологетом Н. Моды в британской политике, не препятствовала расширению представительства в Великобритании партии Бхаратия Джаната Парти (БДП) и организации Раштрия Сваямсевак Сангх¹⁷.

Индия стала целью первой зарубежной поездки Б. Джонсона по завершении переходного периода в отношениях с ЕС. В январе 2021 г. Б. Джонсон совместно с Н. Моды участвовал в онлайн-саммите, на котором была разработана «Дорожная карта 2030 для Всеобъемлющего стратегического партнерства»¹⁸. Лондон и Дели объявили о формировании Британско-индийского партнерства в сфере мобильности и миграции¹⁹, сотрудничестве по борьбе с пандемией, производству и поставкам вакцин. По приглашению Великобритании в июне 2021 г. Н. Моды принял участие в онлайн-саммите «Большой семерки». Лично индийский премьер приехал в Великобританию в октябре 2021 г. для участия в 26-й конференции ООН по климату в Глазго, где состоялась его встреча с Б. Джонсоном. Индия повысила свои климатические обязательства, объявила на этом саммите о стремлении к достижению углеродной нейтральности к 2070 г. и сумела вместе с Китаем ослабить формулировки в итоговом документе саммита относительно использования угля, последовательно увязывая свои климатические планы с предоставлением развитыми странами обещанных средств и технологий [Кулик и др., 2022].

В феврале 2020 г., в разгар пандемии, политический протекже У. Хейга, выходец из семьи индийских иммигрантов Риши Сунак был назначен министром финансов в кабинете Бориса Джонсона. Тогда именно Р. Сунак стал главной фигурой в британском правительстве, отвечавшей за антикризисную политику и за меры по выводу экономики Соединенного Королевства из кризиса, связанного не только с пандемией, но и с болезненным выходом страны

¹⁶ П. Патель занимала пост министра внутренних дел в 2019–2022 гг. П. Патель принадлежит к правому крылу Консервативной партии; ввела балльную систему для иммигрантов, план депортации нелегальных искателей убежища в центры временного содержания в Руанде, вызвавший острую критику; возражала против включения свободы передвижения людей в соглашение о свободной торговле с Индией, считая, что этот аспект не относится собственно к торговле; поддержала экстрадицию Дж. Ассанжа в США.

¹⁷ За пределами Индии — Хинду Сваямсевак Сангх (Hindu Swayamsevak Sangh, Союз добровольных слуг Родины).
¹⁸ Joint statement on India-UK Virtual Summit, 4 May 2021: Roadmap 2030 for a Comprehensive Strategic Partnership. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/india-uk-virtual-summit-may-2021-roadmap-2030-for-a-comprehensive-strategic-partnership/joint-statement-on-india-uk-virtual-summit-4-may-2021-roadmap-2030-for-a-comprehensive-strategic-partnership> (дата обращения: 20.08.2023).

¹⁹ MoU on the migration and mobility partnership between India and the United Kingdom. 4 May, 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/migration-and-mobility-partnership/mou-on-migration-and-mobility-partnership-between-india-and-the-united-kingdom> (дата обращения: 20.08.2023).

из Европейского союза. Его выступления в парламенте транслировали и с интересом обсуждали на всех британских телеканалах. С тех пор его имя не сходит со страниц британских газет. На фоне других членов британского кабинета, многих из которых уже тогда коснулись те или иные скандалы и чья репутация давно была подпорчена, Р. Сунак, всегда одетый с иголочки, энергичный и бодрый, производил положительное впечатление. До такой степени положительное, что наблюдатели сразу задали вопрос — не получится ли так, что в будущем Р. Сунак бросит вызов не только Б. Джонсону на посту лидера Консервативной партии, но и сделает заявку на премьерское кресло? Однако для того, чтобы эти измышления стали реальностью, и главное, чтобы консерваторы смирились с индийским происхождением кандидата на пост премьер-министра, потребовались беспрецедентные кризисы 2021–2022 гг. (катастрофа в экономике, вранье парламенту со стороны Б. Джонсона, позорные 44 дня у власти Лиз Трасс, обвал рейтингов партии), по итогам которых в октябре 2022 г. Р. Сунак стал первым в истории Британии премьер-министром индийского происхождения.

Путь Р. Сунака к британскому политическому Олимпу оказался весьма показателен. В нем можно найти многие элементы, характерные для крупных деятелей индийского происхождения, которые все более активно заявляют о себе не только в британской экономике, бизнесе, академической и научной сферах, но и в политических кругах Соединенного Королевства²⁰. Индийцы по всему миру, не только в Британии и Индии, восприняли назначение Р. Сунака на премьерский пост с особой гордостью. Однако британскому премьеру индийского происхождения, уже сотворившему историю своим назначением, вряд ли удастся успешно преобразить Консервативную партию и спасти британскую экономику. По иронии судьбы среди задач Р. Сунака оказалась и реанимация переговоров с Нью-Дели о расширении торговли, и новая попытка подсоединить идущую ко дну британскую экономику к стремительно прогрессирующей Индии. Однако никаких революционных подвижек в отношениях Индии и Британии благодаря Р. Сунаку не ожидается, его индийское происхождение лишь означает, что многое про Индию ему не приходится изучать с нуля. В двусторонних отношениях сохраняются разногласия по ключевым вопросам как торговли отдельными товарами, так и упрощения визового режима для квалифицированных индийских рабочих (в целом индийская диаспора в Британии насчитывает 1,6 млн чел.) [Кулик, 2023]. Отметим и тот факт, что министр внутренних дел в Кабинете Сунака Суэлла Браверман (Суэлла Фернандес, ее родители — выходцы из Африки, индийского происхождения) заявила, что индийцы составляют в Британии самую крупную группу иммигрантов с просроченными визами, а открытые границы тут же вызовут новый наплыв индийских иммигрантов²¹. Это вызвало негативную реакцию в Дели, как и ее заявление, что она положительно оценивает Британскую империю и «гордится ею»²².

При этом ни в коем случае не стоит принижать важность таких назначений на высокие посты выходцев из индийской диаспоры — особенно, конечно, это касается Р. Сунака. Оно имеет значение именно из-за драматизма наследия, связывающего Индию и Великобританию в исторической перспективе.

²⁰ Кулик А. Первый в истории Британии премьер-министр индийского происхождения. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pervyy-v-istorii-britanii-premer-ministr-indiyskogo-proiskhozhdeniya/> (дата обращения: 20.08.2023).

²¹ How Suella Braverman has put India-UK free trade deal on the verge of collapse — Business Today. URL: <https://www.businesstoday.in/latest/world/story/how-suella-braverman-has-put-india-uk-free-trade-deal-on-the-verge-of-collapse-349746-2022-10-13> (дата обращения: 20.08.2023).

²² Home Secretary Suella Braverman: I am proud of the British Empire — YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HX7Pm4VG10I> (дата обращения: 20.08.2023).

Анализируя современные подходы к истории британской политики в Индии, а также актуальные интерпретации общего колониального наследия в Великобритании и в Индии, в целом можно сделать выводы о том, что сегодня данная тема получает новое развитие. В Британии постепенно приходят к пониманию того, что общая история может быть не только объединяющим фактором в отношениях с Индией, как того хотелось бы политикам в Лондоне, но и потенциально камнем преткновения на пути диалога между бывшей метрополией и ее некогда угнетенной главной колонией, сегодня выступающей в совершенно ином качестве. Без выработки более объективного взгляда на собственную колониальную историю масштабные планы британского правительства по развитию отношений с современной Индией так и останутся в заложниках у прошлого. Несмотря на предпринимаемые Лондоном усилия по сглаживанию проблемы, для Индии этот вопрос не потеряет остроту и в нужное время может использоваться в политических целях как на уровне отдельных лидеров, так и, потенциально, на уровне государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среди основных задач внешней политики Индии на современном этапе — продолжение независимого внешнеполитического курса, стремление укрепить международный авторитет страны, получить признанный мировым сообществом статус великой державы [Лунев, 2017], повысить степень влияния Индии на Южную и Юго-Восточную Азию, а также в Индийском океане и способствовать ускоренному инновационному развитию индийской экономики [Кулик, Коровкин, 2021], созданию новых рабочих мест, энергетической безопасности и др. Эксперты также отмечают большое значение для Индии внутренних аспектов обеспечения национальной безопасности. Индийские правящие круги полагают, что угроза национальной безопасности «изнутри» не менее значима, чем «извне»²³.

Оценивая результаты британской политики в отношении Индии в последние десятилетия и подводя итоги политического взаимодействия двух стран в этот период, необходимо отметить, что, как того и хотели правительства в Лондоне и Дели, британско-индийские связи за эти годы действительно могут выйти на качественно новый уровень. Однако он проявляется не столько в решении масштабных задач, которые ставила перед собой Великобритания на индийском направлении, сколько в том, что две страны в этих отношениях теперь пребывают в совершенно разном, новом качестве. Так, баланс сил в большей степени смещается в сторону Дели, в 2022 г. Индия обошла Британию по размерам ВВП²⁴. В то время как экономический рост Индии сегодня позволяет ей выбирать среди партнеров тех, кто предлагает наиболее выгодные условия сотрудничества, наилучшим образом отвечающие ее стратегическим интересам, Великобритания, наоборот, теряет позиции, отчего партнерство с растущей Индией приобретает для нее еще большее значение.

²³ Modi govt has taken several important steps to strengthen internal security of country, says HM Amit Shah. URL: <https://newsonair.gov.in/News?title=Modi-govt-has-taken-several-important-steps-to-strengthen-internal-security-of-country%2C-says-HM-Amit-Shah&id=450608> (дата обращения: 20.08.2023).

²⁴ Report for Selected Countries and Subjects. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/October/weo-report> (дата обращения: 20.08.2023).

Литература / References

- Алаев А. Б., Вигасин А. А., Сафронова А. Л. *История Индии*. М., 2010 [Alaev L. B., Vigasin A. A., Safronova A. L. *History of India*. Moscow, 2010 (in Russian)].
- Белокренницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. *Южная Азия в мировой политике*. М., 2003 [Belokrenitskiy V. Y., Mosckalenko V. N., Shaumyan T. L. *South Asia in World Politics*. Moscow, 2003 (in Russian)].
- Капитонова Н. К., Романова Е. В. *История внешней политики Великобритании*. М., 2016 [Kapitonova N. K., Romanova E. V. *History of Great Britain's Foreign Policy*. Moscow, 2016 (in Russian)].
- Колыхалова Г. П. *Индия и Англия: проблемы экономических и политических отношений после 1947 г.* М., 1966 [Kolykhalova G. P. *India and England: problems of economic and political relations after 1947*. Moscow, 1966 (in Russian)].
- Кулик А. В. и др. авторы. *Климатическая политика Индии, Китая и Казахстана*. Исследование IEMS СКОЛКОВО, 2022 [Kulik L. V. and other authors. *Climate policy of India, China and Kazakhstan*. IEMS SKOLKOVO research report, 2022 (in Russian)].
- Кулик А. В. *Индия и Британия в зеркале двусторонних отношений. История и современность*. М: ИВ РАН, 2023 [Kulik L. V. *India and Britain in the mirror of bilateral relations. Past and present*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2023 (in Russian)].
- Лунев С. И. *Внешинополитический процесс в Индии / Внешнеполитический процесс на Востоке*. Под. ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2017 [Lunev S. I. *India's foreign policy process / Foreign policy process in the countries of the East*, ed. by Streltsov D. V. Moscow: Aspect Press, 2017 (in Russian)].
- Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. *История Индии*. XX. М.: ИВ РАН, 2010 [Yurlov F. N., Yurlova E. S. *History of India*. XX. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2010 (in Russian)].
- Ancram M. *Farewell to drift. A New Foreign Policy for a Network World*. Global Strategy House. October 2010.
- Blair T. *A Journey*. London, 2010.
- Churchill W. Speech at a Conservative Mass Meeting, Llandudno, 9 October 1948. *Europe Unite — Speeches: 1947 and 1948 by Winston S. Churchill*. Ed. by R. S. Churchill/ London, 1950.
- Cowper-Coles Sh. *Ever the Diplomat. Confessions of a Foreign Office Mandarin*. London: Harper Press, 2012.
- Curtis M. *Web of Deceit. Britain's Real Role in the World*. London: Vintage Books, 2003.
- Hewitt V., Wickham-Jones M. *New Labour and the Politics of Kashmir*. New Labour's Foreign Policy: A New Moral Crusade? Ed. by R. Little, M. Wickham-Jones. Manchester: Manchester University Press, 2000.
- Kulik L., Korovkin V. *India Goes Digital. From local phenomenon to global influencer*. SKOLKOVO, 2021.
- Patnaik U., Patnaik P. *A Theory of Imperialism*. N. Y.: Columbia University Press, 2016.
- Sen A. *Poverty and Famines: An Essay on Entitlements and Deprivation*. Oxford: Oxford University Press, 1983.
- Sen A. *The Argumentative Indian. Writings on Indian Culture, History and Identity*. New Delhi: Penguin Books, 2006.
- Straw J. *Last Man Standing. Memoirs of a Political Survivor*. London: Macmillan Publishing, 2012.
- Tharoor Sh. *An Era of Darkness. The British Empire in India*. New Delhi: Aleph, 2016.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Кулик А. Первый в истории Британии премьер-министр индийского происхождения. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pervyy-v-istorii-britanii-premer-ministr-indiyskogo-proiskhozhdeniya/> (дата обращения: 20.08.2023).
- 2030 Roadmap for India-UK future relations — GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/india-uk-virtual-summit-may-2021-roadmap-2030-for-a-comprehensive-strategic-partnership/2030-roadmap-for-india-uk-future-relations> (дата обращения: 20.08.2023).
- Cable V. India isn't buying Britain's trade charm offensive. We should take the hint. *The Guardian*. April 4, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/commentsfree/2017/apr/04/india-britain-trade-charm-offensive-business-neighbours> (дата обращения: 18.09.2023).

Global Britain in a competitive age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. 16 марта 2021 г. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/969402/The_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (дата обращения: 05.08.2023).

Global Britain, global broker. A blueprint for the UK's future international role. Chatham House research paper. January 11, 2021. URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/01/global-britain-global-broker> (дата обращения: 05.07.2023).

Gordon Brown — 2007 Lord Mayor's Banquet Speech — UKPOL.CO.UK. URL: <https://www.ukpol.co.uk/gordon-brown-2007-lord-mayors-banquet-speech/> (дата обращения: 20.08.2023).

Home Secretary Suella Braverman: I am proud of the British Empire — YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HX7Pm4VG10I> (дата обращения: 20.08.2023).

How Suella Braverman has put India-UK free trade deal on the verge of collapse — BusinessToday. URL: <https://www.businesstoday.in/latest/world/story/how-suella-braverman-has-put-india-uk-free-trade-deal-on-the-verge-of-collapse-349746-2022-10-13> (дата обращения: 20.08.2023).

India matters. London: British Council, 2015. URL: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/india_matters.pdf (дата обращения: 20.08.2023).

Joint statement on India-UK Virtual Summit, 4 May 2021: Roadmap 2030 for a Comprehensive Strategic Partnership. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/india-uk-virtual-summit-may-2021-roadmap-2030-for-a-comprehensive-strategic-partnership/joint-statement-on-india-uk-virtual-summit-4-may-2021-roadmap-2030-for-a-comprehensive-strategic-partnership> (дата обращения: 20.08.2023).

Miliband: UK must become global hub. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/32046/Miliband-UK-must-become-global-hub> (дата обращения: 20.08.2023).

MoU on the migration and mobility partnership between India and the United Kingdom. 4 May, 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/migration-and-mobility-partnership/mou-on-migration-and-mobility-partnership-between-india-and-the-united-kingdom> (дата обращения: 20.08.2023).

Oxford Union. Dr Shashi Tharoor MP — Britain Does Owe Reparations. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=f7CW7S0zxv4> (дата обращения: 20.08.2023).

Prime Minister Boris Johnson's visit to India, April 2022: UK-India joint statements — GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/prime-minister-boris-johnsons-visit-to-india-april-2022-uk-india-joint-statements>; (дата обращения: 20.08.2023).

The Indian Express. March 15, 2021. Jaishankar on global democracy downgrade: 'Custodians can't stomach we don't want their approval'. URL: <https://indianexpress.com/article/india/global-democracy-downgrade-custodians-cant-stomach-we-dont-want-their-approval-7228422/> (дата обращения: 20.08.2023).

UK — India Trade: Explained: What is the UK-India free trade agreement all about | India Business News — Times of India. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/explained-what-is-the-uk-india-free-trade-agreement-all-about/articleshow/90930976.cms> (дата обращения: 20.08.2023).

UK faces a difficult path as it resumes courtship with India // The Guardian. April 6, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2021/apr/06/uk-faces-difficult-path-as-it-resumes-courtship-with-india> (дата обращения: 18.09.2023).

UK PM Boris Johnson India Visit Day 2 LIVE updates: Indians could plug some labour gaps in UK, Boris Johnson says — The Times of India. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/uk-pm-boris-johnson-india-visit-live-updates/liveblog/90969612.cms> (дата обращения: 20.08.2023).

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-107-113

АРМЯНСКИЕ КОЛОНИИ В ИНДИИ И ИХ ВКЛАД В ИСТОРИЮ СТРАНЫ

© 2023

Н. С. Мкртчян¹

Около 3000 лет у армян с индийцами сохраняются традиционно дружественные отношения. Армянские купцы привозили из Индии драгоценные камни, многочисленные виды пряностей и лекарственных трав, а вывозили туда в основном окрашенную кожу и различные красители, хлопок, железо.

С начала XVI в. в Индии уже стали появляться армянские постоянные поселения в связи с потерей армянской государственности. В XVII в. Ост-Индская компания застала армян прочно обосновавшимися в Агре, Дели, Калькутте, Бомбее и т. д. Понимая сильное влияние армян в Индии, англичане вначале пытались установить с ними дружеские отношения и 22 июня 1688 г. заключили двустороннее соглашение, согласно которому армяне получали права британских подданных и большие привилегии. Однако через некоторое время, закрепившись в Индии, англичане начали вытеснять своих армянских союзников с торговых рынков. Армяне участвовали в национально-освободительной борьбе Индии против британских колонизаторов.

В XIX–XX вв. армянские общины в основном сосредоточились в Мадрасе и Калькутте. В Мадрасе действовал кружок интеллектуалов, тут была написана первая армянская конституция и издан первый армянский журнал. В Калькутте действовали различные благотворительные, культурные, спортивные организации, которые активно участвовали в жизни Бенгалии.

Ключевые слова: армянские купцы в Индии, соглашение с Британской Ост-Индской компанией, армянская община Мадраса, армянская община Калькутты

Для цитирования: Мкртчян Н. С. Армянские колонии в Индии и их вклад в историю страны. Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 4. С. 107–113. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-107-113

ARMENIAN COLONIES IN INDIA AND THEIR CONTRIBUTION TO THE HISTORY OF THE COUNTRY

Naira S. Mkrtchyan

For about 3000 years, traditionally friendly relations have been maintained between Armenians and Indians. Armenian merchants brought precious stones, numerous types of spices and medicinal herbs from India, and exported there mainly dyed leather and various dyes, cotton, and iron.

From the beginning of the sixteenth century in India, Armenian permanent settlements began to appear in connection with the loss of Armenian statehood. In the seventeenth century, the East India Company found

¹ Мкртчян Наира Саркисовна, востоковед, дипломат, преподаватель Северного университета, Ереван, Армения; mnaira@yahoo.com

Naira S. Mkrtchyan, orientalist, diplomat, teacher at Northern University, Yerevan, Armenia; mnaira@yahoo.com

the Armenians firmly established in Agra, Delhi, Calcutta, Bombay, etc. Realizing the strong influence of the Armenians in India, they first tried to establish friendly relations with them and on June 22, 1688 concluded a bilateral agreement, according to which the Armenians received the rights of British subjects and great privileges. However, after some time, having gained a foothold in India, the British began to oust their Armenian allies from the trading markets. The Armenians participated in the national liberation struggle of India against the British colonizers.

In the nineteenth and twentieth century, Armenian communities were mainly concentrated in Madras and Calcutta. A circle of intellectuals operated in Madras, the first Armenian constitution was written here and the first Armenian magazine was published. In Calcutta various charitable, cultural, and sports organizations operated and actively participated in the life of Bengal.

Keywords: Armenian merchants in India, agreement with the British East India Company, the Armenian community of Madras, the Armenian community of Calcutta

For citation: Mkrtchyan N. S. Armenian Colonies in India and Their Contribution to the History of the Country. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 107–113. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-107-113

Индийско-армянские отношения имеют многовековую историю. С VIII–VII вв. до н. э. армянские купцы уже путешествовали в Индию. Первое письменное упоминание об этом встречается в «Киропедии» («Персидская экспедиция») древнегреческого писателя и полководца Ксенофонта (430–355 гг. до н. э.). Из этого труда мы узнаем, что когда персидскому царю Киру (558–550 гг. до н. э.) стало известно, что халдеи и армяне часто посещают Индию и прекрасно знают ведущие туда пути, он попросил их сопровождать своего посла в эту страну для развития и укрепления торговых отношений [Xenophon, 1943, p. 27–28].

Ценные сведения об индо-армянских разносторонних связях имеются в рукописях различных армянских историков и ученых, начиная с V в., таких как: Агатангехос (V в.), Мовсес Хоренаци (V в.), Егише (V в.), Езник Кохбацци (V в.), Давид Непобедимый (VI в.), Анания Ширакаци (VII в.), Ованес Мамиконян (VII в.), епископ Себеос (IX в.), Товма Арцруни (X в.), Аристаркес Ластиверци (XI в.), Степанос Орбелян (XIII в.), Хачатур Джугаеци (XVIII в.), Гевонд Алишан (XIX в.) и др.

Из их трудов мы узнаем много интересного. Например, армянские цари любили украшать свои короны драгоценными камнями, привезенными из Индии, не подозревая о тяжелых лишениях, которым подвергались купцы. В их дворцах были залы, оформленные в индийском стиле. По приказу армянского царя Смбата Багратуни (конец IX в.) для знаменитой Главной церкви в городе Ани (тогдашняя столица Армении) из Индии была привезена огромная хрустальная люстра стоимостью в 80 000 золотых монет [Մանթրեմի Անհաշխից, 1898, էջ 19]. В этих трудах приводится описание климата Индии, дорог, ведущих туда, народностей, проживающих там, их языков и обычаев, а также названия товаров и их цены.

В оживленной торговле на Шелковом пути участвовали как армянские, так и индийские купцы. Есть сведения, что известный китайский путешественник Сюань Цзянь встречал армянских купцов в Северной Индии в 620 г. и торговал с ними. В средние века в армянском городе Кесарии армяне и индийцы вели совместную торговлю и на рынках совместно выставляли свои товары. Позднее, в XVII–XVIII вв., они совместно вели торговлю в России, в частности в г. Астрахани [Акты, 1879, с. 949].

Главными товарами индийского экспорта в Армению были драгоценные камни, многочисленные виды пряностей и лекарственных трав. Армяне же вывозили туда в основном окрашенную кожу, хлопок, железо и различные красители, в основном *кармир вордан* — красный

червь, которым красили не только нитки для ковров, но и платья царей и драгоценные ткани, в т. ч. и шелковую². Областями их торговли в основном были Сурат, Агра, Кочин, Мултан, Лахор, Кашмир, а также Коромандельское побережье и Малабарское побережье.

В VII в. на Малабарском побережье было основано одно из старейших, если не первое армянское поселение в Индии. Есть упоминание об армянах, живших в Южной Индии с древних времен. Один из активных деятелей Ост-Индской компании Франсуа Мартен, поселившийся на Малабаре во второй половине XVII в. и проведший тщательное исследование этого края, писал, что «в Сент-Фоме армяне, поселившиеся в этой местности с древних времен и которые занимались торговлей, были очень активны... Здесь когда-то жили армянские семьи, богатство которых исчислялось миллионами» (цит. по: [Lovie, 1901, p. 285]).

Есть также интересная информация о зажиточном армянском купце по имени Ходжа Петрус Воскан, который жил в Южной Индии, в Мадрасе, в первой половине XVIII в. Он был членом Мадрасского Совета Ост-Индской компании. *Наваб* Аркота предоставил ему монополию на импортную торговлю в Мадрасе и внутренних районах. Воскан построил впечатляющий мост Мармалонг [Мамбалам] в Мадрасе, а также участок из 160 каменных ступеней — с домиками для отдыха в удобных местах — от подножия холма до вершины, на которой стоит церковь Св. Фомы. На северном конце моста Мармалонг есть каменная надпись на арабском, португальском и армянском языках, и недавно эта каменная плита была отреставрирована усилиями властей штата Тамилнаду и посольства Армении в Индии.

Армянские постоянные поселения в Индии стали появляться в начале XVI в. в связи с потерей армянской государственности, когда Армения была разделена между Османской и Персидской империями. Первыми поселенцами были купцы и люди, работавшие на индийскую государственную и военную службу. Архивные документы, рукописи, надгробные надписи доказывают, что в XVI–XVIII вв. армянские поселения существовали в Агре, Гвалиоре, Аркате, Бангалоре, Дели, Лахоре, Кабуле, Сурате, Бомбее, Чинсурае, Чандернагоре, Саидабаде, Монгхире, Калькутте, Лакхнау, Дакке, Мадрасе, Хугли, Читтагонге, Пондичерри, Кочине, Хайдарабаде, Кандагаре.

Армяне поселились в Агре в XVI в. по приглашению могольского императора Акбара и до середины XIX в. составляли там довольно большую общину. Армянские купцы имели в Агре свой караван-сарай, который был хорошо известен и среди купцов и путешественников других стран. Они знали, что тут всегда могут получить любую необходимую им информацию.

Император Акбар ценил торговые способности армян и приглашал их поселиться в столице Агре. По приказу императора Акбара армянским купцам разрешалось вывозить и ввозить любые товары без налога, въезжать в те районы империи, куда въезд иностранцев был воспрещен. Узнав об этом, европейские отцы-католики, а также европейские, арабские и еврейские торговцы стали въезжать в Индию одетыми в армянскую традиционную одежду, чтобы беспрепятственно вести свою и миссионерскую, и торговую деятельность [Դերենիկ Եփիսոպոս Փղաշյան, 1963, էջ 16].

Армяне были и при дворе Акбара, в том числе главный судья Абдул Хай и усыновленный сын Акбара Мирза Зуль Карнайн, который впоследствии стал известным поэтом и певцом. В Агре даже построили армянскую церковь за счет императорской казны. Армяне в Индии рассматривались как отдельная группа купцов, имеющих свои пути экспорта и отдельные рынки. Они были досконально знакомы со всеми уголками Индии задолго до появления на субконтиненте

² Вордан кармир — краситель Армянского нагорья, *Armland*, URL: <https://armland.am/2023/04/13/ru-vordan-karmir/> (дата обращения: 14.04.2022).

европейцев и вели обширную торговлю индийскими товарами почти со всеми крупными странами Европы и Азии.

В XVII в. Ост-Индская компания застала армян прочно обосновавшимися в Агре, Дели, Калькутте, Бомбее и т. д. Представители Компании изучали торговые методы армянских купцов и, поняв их сильное влияние и связи в Индии, вначале пытались установить с ними дружественные и выгодные отношения, т. к. армяне в этот период играли определенную роль не только в экономической, но и в политической жизни, хорошо знали нравы и обычаи индийцев, владели разными языками, пользовались высокой репутацией у индийских властей.

Не только британские, но и французские и голландские Ост-Индские компании на начальном этапе своей деятельности в Индии искали партнеров среди армянских купцов. В переговорах с местными властями армянские ходжи играли роль посредников. Например, когда в 1651 г. англичане отправились к Шах-Джахану за разрешением на строительство завода, одним из глав этой делегации был назначен известный армянский купец Ага Сархад. В 1669 г. влиятельный купец Маргар Аванчинц (Маргар Аваг Шененц) был отправлен французской Ост-Индской компанией в качестве посланника ко двору Абдуллы Кутуб Шаха, правителя Голконды. Компания хотела основать там фабрики и получить торговые привилегии.

Другой причиной задабривания армянских купцов Ост-Индскими компаниями была огромная прибыль, которую они получали от армян за перевозку их товаров. Первоначально у армян не было кораблей, поэтому они арендовали для этой цели европейские суда и платили огромный транспортный налог. Однако вскоре армянские купцы либо приобрели, либо построили собственные корабли. Капитанами этих судов были армяне, и эти корабли шли под армянским красно-оранжевым флагом.

Для установления прочных отношений с армянскими купцами 2 июня 1688 г. было заключено Соглашение между предводителем армянских купцов в Индии Ходжаа Паносом Калантаром и Компанией лондонских купцов, торгующих в Ост-Индии. Согласно этому соглашению армяне пользовались правами британских подданных и большими привилегиями [Seth, 1983, Appendix 3].

В Соглашении сказано: 1) армяне имеют те же права, что и британские купцы, 2) армяне могут свободно путешествовать из Индии в другие страны и из других стран в Индию на кораблях Компании и на тех же условиях, что и свободные люди, 3) они могут свободно проживать в любом городе, поселке или крепости, находившейся во владении Компании, 4) они могут покупать и продавать собственность, избираться на гражданские и другие должности наравне с британцами. Если какой-либо Управляющий Компании попытается воспрепятствовать этим привилегиям и правам, он должен быть отозван со своего поста. Армяне должны давать налоги, равные британцам.

Через некоторое время, закрепившись в Индии, англичане стали вытеснять своих армянских союзников с торговых рынков, так как им уже конкуренты не были нужны, а затем и вовсе начали явные преследования: возбуждали против армян незаконные судебные дела, сажали их в тюрьмы, конфисковывали их товары и торговые суда.

Армянские купцы не были объединены, использовали наследственные методы торговли, поэтому легко были подавлены и в результате потеряли свою главную роль в индийской торговле. Не выдержав конкуренции с англичанами, часть армянских купцов начала искать новые сферы деятельности в соседних странах — Китае, Малайзии, Индонезии, Сингапуре. Но другая часть смогла прочувствовать меняющийся дух времени и реорганизовала свою деятельность, оставаясь на сцене до XX в.

Все эти события привели к принятию политической ориентации индо-армянского населения. Армяне, нашедшие в Индии свою вторую родину, не могли оставаться равнодушными к освободительной борьбе индийцев против британских колонизаторов и внесли свой скромный вклад в эту борьбу. Армянские купцы помогали материально, оружейники помогали в отливке орудий и артиллерии, а армянские воины присоединились к индийской армии, сражались против британцев и проливали свою кровь за свободу Индии. Роль армянских воинов была высоко оценена индийскими патриотами, и примечателен тот факт, что после каждой победы над британцами помимо индийского флага поднимался также и армянский флаг в честь их преданного союзника.

Как известно, восстание в Бенгалии в середине XIX в. было подавлено англичанами. Они начали преследовать не только коренное население, но и армян. И это преследование было таким, что большинству армян пришлось покинуть регион. Британцы не простили армянам участия в вооруженной борьбе против них. Через несколько лет после этих событий в Палате общин Британии обсуждался вопрос о правах армян, проживающих на территории Ост-Индской компании. Их поведение было расценено как акт неблагодарности, и Палата общин лишила их всех прежних прав и привилегий, которые были упомянуты в Соглашении 1688 года.

Как уже отмечалось выше, армяне также участвовали в военных действиях в Индии. Приведем несколько имен известных армян-военных.

Самым выдающимся военным был Горгин-хан или ходжа Григор, министр и главнокомандующий армией *наваба* Бенгалии Мир Касима с 1760 по 1763 г. Английский историк Маршман, писавший о влиятельном положении бенгальского *наваба*, утверждает: «Быстрым прогрессом он [Мир Касим] был в основном обязан усилиям армянина, родившегося в Испахане, широко известного под своим восточным именем Горгин-хан. Первоначально он был продавцом одежды в Хугли, но когда ему доверили служебные обязанности, он оказался гениальным человеком огромных ресурсов. Менее чем за три года он создал отряд из 15 000 кавалеристов и 25 000 пехотинцев, тренированных по методу армии Компании, он изготовил кремневые ружья, которые превосходили мушкеты англичан, он основал литейный цех для отливки пушек и обучил корпус артиллеристов, который сделал бы честь службе Компании» (цит. по: [Մարշմանի Ա., 1960, էջ 111]).

Помимо Горгин-хана, в бенгальской армии было еще восемь высокопоставленных армянских офицеров. Среди них и Маргар Калантар, который сначала служил в Голландии и дослужился до звания генерала. Этот «армянин Маргар» упоминается как командующий индийской армией в книге «История Индии» авторов Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи. Мир Касим присвоил ему титул князя и в числе ценных подарков отправил ему слона за его храбрость и хорошую службу. А Ованнес Назар был начальником охраны Мир Касима. Полковник Джейкоб Петрус в течение семидесяти лет (1780–1850) был командующим армии Синдхи Гвалиора. Он был сыном армянского купца, однако не горел желанием продолжить дело отца, а мечтал о военной карьере. Джейкоб Петрус дослужился до самого высокого звания — командующего армией Синдхи. Под своим командованием он имел двенадцать пехотных и четыре кавалерийских батальона со 150 артиллерийскими орудиями. В его войске был также армянский отряд, 40 армянских офицеров, среди них два его сына — один майор, другой капитан. Достижения полковника Джейкоба Петруса никогда не были забыты, и даже его правнук получал пожизненную пенсию от правительства Гвалиора [Ազատի Արարիկ, 1848, էջ 44]. В первой половине XIX в. был еще один высокопоставленный армянский офицер — Мовсес Манук, полковник армии Низама Хайдарабада.

Интересной реликвией была знаменитая пушка Замзамах. Опытный армянский оружейник Шах Назар Хан изготовил это орудие в 1761 г. для Ахмеда Шаха Дуррани, афганского завоевателя Панджаба. Надпись вокруг дульного среза на персидском языке гласит: «По приказу императора Дур-и-Дурран Шах Вали-хана, визиря, было сделано это орудие, захватчик крепостей. Работа Шах Назар Хана». Эта пушка выставлена во дворе Национального музея в Лахоре. В истории Индии встречаются имена армян, которые были не только купцами и военными, но и философами, поэтами, певцами, строителями, адвокатами, докторами и т. д.

В XVIII–XX вв. армянские общины в основном сосредоточились в Мадрасе и Калькутте. В XVIII в. Мадрас был центром армянской общины Индии. Здесь собралась армянская интеллигенция, которой была небезразлична судьба Армении, страдающей под гнетом мусульманских соседей, и она делала все, чтобы сохранить национальную идентичность армян, язык и культуру. В Мадрасе действовал кружок интеллектуалов, и в конце XVIII в. там была написана первая армянская конституция, создана первая типография и издан первый армянский журнал «Аздарар (Глашатай)» в 1794 г.

Когда Чинсура и Чандернагор утратили свое торговое превосходство, большинство армян из этих поселений переселились в Калькутту и перенесли сюда свои дела. Н. К. Синха утверждает в своей книге «История Бенгалии»: «Однако судебные записи не оставляют сомнений о значительном положении армян в коммерческом мире Бенгалии, особенно Калькутты 18-го века» [Sinha, 1967, p. 12].

Уже в XIX в. центр индо-армянской общины из Мадраса постепенно переместился в Калькутту. С начала XX в. там начали действовать различные благотворительные, культурные, спортивные организации, которые активно участвовали в жизни Западной Бенгалии. Община помогала во время войн 1962, 1965 и 1971 годов с Китаем и Пакистаном: ее члены ухаживали за ранеными солдатами в здании армянской школы, которая временно была реорганизована в госпиталь, передавали одежду для индийской армии, перечисляли финансовые пожертвования [Basil, n. d., p. 63].

В Калькутте были построены три армянские школы: Армянский колледж и филантропическая академия (1821 г.), Армянская детская семинария Св. Сандухт (1846 г.) и школа Давидяна для девочек (1922 г.). Были и другие школы, но продержались они недолго. Сейчас действует только Армянский колледж, где учатся армянские ученики не только из Индии, но и из Армении, Ирана, Ирака, Сирии. В настоящее время в школе около 300 учеников, а армянская община Калькутты очень малочисленна — около 100 человек.

Куда бы ни пошли армяне, у них есть одно общее — сохранение своей идентичности. В Индии, где бы они ни начинали строить свои поселения, они одновременно строили церкви. Однако, будучи преимущественно коммерческой общиной, они не вели миссионерскую деятельность и не пытались распространять христианскую веру в этой стране. Армяне считали своим патриотическим долгом строить церкви и предоставлять образование своим соотечественникам, чтобы сохранить свою религию, язык, литературу и национальную идентичность. Сейчас по всей Индии можно найти остатки многих армянских церквей, часовен, исторических памятников, которые являются единственным доказательством некогда процветавшей армянской колонии в Индии. В настоящее время на территории Индии действуют три церкви в Калькутте и одна в Ченнаи.

Выживание армян за пределами Армении вообще и в Индии в частности обусловлено сохранением их религии, языка и обычаев, избеганием смешанных браков в прошлом, лояльностью к правительству, сосредоточением в основном на коммерции, а также принятием

Индией общин национальных меньшинств и ее терпимость к религиям, языкам и обычаям других народов.

В заключение можно подчеркнуть, что армянские колонии в Индии оставили глубокий и значимый след в истории этой страны. Стремление армянских торговцев и предпринимателей к процветанию привело к развитию торговых связей между Востоком и Западом, а также к обмену знаниями и технологиями. История армянских колоний в Индии служит примером того, как диаспоры могут внести важный вклад в развитие другой страны, сохраняя при этом свою уникальную идентичность.

Литература / References

Акты Закавказского археологического общества. Т. 7. Тбилиси, 1879 [Acts of Transcaucasian Archaeological Society. Vol.7. Tbilisi, 1879 (in Russian)].

Basil Anne. *Armenian Settlements in India: from the earliest times to the present day*. Calcutta: Armenian College, n. d.
Lovie H. D. *Vestiges of Old Madras*. Vol. 1. London, 1901.

Seth M. J. *Armenians in India*. New Delhi-Bombay-Calcutta: Oxford & IHB Publishing Co., 1983.

Sinha N. K. *History of Bengal*. Calcutta: University of Calcutta, 1967.

Sinha N. K. and Banerjee A. Ch. *History of India*. Calcutta: A. Mukherjee & Co., edn. 8, 1967.

Sirkar Jawhar. *Armenians: Merchant-Princes of the Past*. Telegraph, 29 May, 1983.

Xenophon *Persian Expedition*. Rex Warner, trans., Harmondsworth, Penguin Books, 1943, III, II.

Աբրահամյան Ա. Հայկական գաղթօջախների պատմության համառոտ էսքիզներ. Երևան, Լույս, հ.1, 1964; հ. 2, 1967 [Abrahamyan A. *Short Sketches of the History of Armenian Colonies*. Yerevan, Louys, vol. 1, 1964; vol. 2, 1967 (in Armenian)].

Աբրահամյան Ռ. Հնդկաստանի ժողովրդի 1760–63թթ. ապստամբությունը բրիտանական գաղութարարների դեմ և հնդկահայ գաղութը. Երևան, Պատմաբանասիրական հանդես, No. 3 (10), 1960 [R. Abrahamyan. *The 1760–63 Uprising of the People of India Against the British Colonisers and the Indo-Armenian Colony*. Yerevan, Historico-Philological Almanac, No. 3 (10), 1960 (in Armenian)].

Ազգասեր Արարատեան. Կալկաթա, 1848, հ. Ա [Azgaser Araratyan. Calcutta, 1848. Vol. A (in Armenian)].

Դերենիկ եպիսկոպոս Փոլադյան *Ագրայի հայերը*. Բեյրութ, 1963 [Derenik Bishop Poladian, *Armenians at Agra*, Beirut, 1963 (in Armenian)].

Մատթեոս Ուռհայեցի *Ժամանակագրություն*. Վաղարշապատ, 1898 [Mattheos Ourhayetsi *Chronology*. Vagharshapat, 1898 (in Armenian)].

АФРИКАНЦЫ В ИСТОРИИ ИНДИИ: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

© 2023

В. А. Усов¹

Участие африканцев в истории Индии достаточно мало изучено, хотя оно прослеживается по меньшей мере с XIII в. Некоторые из них, попав в Индию, сумели даже основать там собственные династии, как, например, правители острова Джанджира. В дальнейшем они вошли в состав высших классов индийского общества, но большая часть потомков африканцев вошла в самые непривилегированные группы индийского населения.

Сегодня в Индии, в основном в Гуджарате, Карнатаке и Хайдарабаде, проживает несколько десятков тысяч потомков африканцев. Несмотря на небольшую численность и высокий уровень ассимиляции, среди них все еще сохраняется внутреннее разделение. Исследователи объясняют это не только их разными историческими судьбами в Индии, но и происхождением из различных районов Африки и от разных этносов. Большая часть нынешних потомков африканцев — мусульмане, но есть также христиане и индусы. Их основные «социальные лифты» — музыка и спорт.

Маргинальное положение в обществе ускоряет процесс внутренней консолидации данных групп и способствует складыванию их общего самосознания. Постепенно происходит принятие всеми потомками африканцев в Индии наименования «сидди» (по аналогии с правящей династией острова Джанджиры). Одновременно с тем формируется дальнейшая стратегия выживания «сидди», которые могут начать позиционировать себя в качестве части глобальной африканской диаспоры либо станут активнее стремиться к ассимиляции в Индии, повышая свой социальный статус через действующие механизмы «зарегистрированных племен» и «отсталых классов», а скорее сочетая оба эти способа.

Ключевые слова: африканцы, Индия, сидди, хабши, работорговля, адаптация

Для цитирования: Усов В.А. Африканцы в истории Индии: особенности историко-культурной адаптации. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 4. С. 114–123. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-114-123

AFRICANS IN THE HISTORY OF INDIA: FEATURES OF HISTORICAL AND CULTURAL ADAPTATION

Vyacheslav A. Usov

The participation of Africans in the history of India has been poorly studied, although it can be traced back to at least the thirteenth century. Few of them, once in India, managed to establish their own dynasties there, such as the rulers of the island of Janjira, and later became part of the upper classes of Indian society. However, most descendants of Africans joined the most unprivileged groups of the Indian population.

¹ Усов Вячеслав Александрович, кандидат исторических наук, ведущий эксперт Российского института стратегических исследований (РИСИ), Москва; usovva@mail.ru

Vyacheslav A. Usov, PhD (History), Leading Expert, Russian Institute for Strategic Studies, Moscow; usovva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6698-3586

Today in India, mainly in Gujarat, Karnataka and Hyderabad, there are several tens of thousands of descendants of Africans. Despite their small number and high level of assimilation, they still suffer from internal division. Researchers explain this not only by their different historical destinies in India, but also by their origin from different parts of Africa and different ethnic groups. Most of the current descendants of Africans are Muslims, but there are also Christians and Hindus. Their main 'social elevators' are music and sports.

The marginal position in society accelerates the process of internal consolidation of these groups and contributes to the formation of their common identity, as well as the gradual adoption by all descendants of Africans in India of the name 'Siddi' (by analogy with the ruling dynasty of the island of Janjira). At the same time, a further survival strategy is being formed for the 'Siddi', who either may begin to position themselves as part of the global African diaspora, or will actively seek assimilation in India, increasing their social status with the help of existing mechanisms of «registered tribes and backward classes», but rather combining both of these methods.

Keywords: Africans, India, siddi, habshi, slave trade, adaptation

For citation: Usov V. A. Africans in the History of India: Features of Historical and Cultural Adaptation. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 114–123. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-114-123

Если не говорить о предыстории человечества и вероятном происхождении всех людей из Африки, то нынешнее африканское рассеяние по миру твердо ассоциируется со временами европейских колониальных держав, работорговлей, плантациями хлопка и тростника в обеих Америках и на островах Карибского моря. Африканская диаспора, хотя это слово не всегда уместно в отношении живущих уже много поколений в Новом Свете потомков африканских рабов, в документах Африканского Союза даже названа «шестым регионом» Африки. И если посмотреть на страны типа Гаити или Ямайки, то нельзя не согласиться с тем, что данное определение имеет смысл.

Почти столь же широко известен факт массового завоза индийских рабочих в Африку в XIX — начале XX в., позволивший колониальным властям восполнить потери африканской рабочей силы после запрета рабства и работорговли в первой половине XIX в. Потомки этих рабочих-кули и мелких лавочников, выходцев с Индийского субконтинента, сегодня стали неотъемлемой частью предпринимательской и профессиональной прослойки многих стран Восточной Африки и Юга континента, составляют более миллиона жителей Южно-Африканской Республики. Вероятно, самым известным эпизодом саги выходцев из Индии в странах Африки можно считать высылку всех этнических индийцев из Уганды в 1972 г. диктатором Иди Амином.

На этом фоне существование небольших африканских общин в странах Азии, особенно в таких странах-гигантах, как Индия, практически незаметно. Немногочисленные африканцы, казалось бы, должны затеряться в многоэтническом, многоконфессиональном и многоукладном индийском обществе.

При этом практически для всех как в Индии, так и в Африке, почти неизвестным остается тот факт, что в Индии в течение многих столетий не только жили, но и активно действовали многие африканцы. Их имена сегодня в основном забыты, а те, о ком помнят и чьи деяния изучают в школе, не всегда даже называются африканцами. Подобная метаморфоза, в частности, произошла с Маликом Амбаром, видным государственным и военным деятелем Индии XVI–XVII вв., родившимся в Эфиопии, привезенным в Индию рабом, который со временем стал фактическим правителем султаната Ахмаднагар и возглавил сопротивление империи Великих Моголов.

Куратор прошедшей с большим успехом в 2013 г. в Нью-Йорке выставки «Африканцы в Индии: от рабов к генералам и правителям», американка сенегальского происхождения Силвиан Днуф говорила, что была очень удивлена, когда осознала, что приглашенная на открытие выставки посол Индии в США, хорошо помнившая про Малика Амбара со времен школы, только на данном мероприятии узнала, что этот герой индийской истории по происхождению был африканцем. Комментируя ситуацию, С. Днуф заключила, что «Африканское присутствие в Индии практически исчезло из памяти [индийцев] и из индийских школьных учебников» [Goffe, 2013]. Изучавший этот вопрос канадский исследователь, работающий в США Джон Маклеод, также отметил, что роль африканцев в истории Индии «не рассматривается как часть собственно индийской истории»².

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ ПОТОМКОВ АФРИКАНЦЕВ В ИНДИИ

Одной из первых проблем, связанных с появлением африканцев на территории исторической Индии, включающей в себя современные Индию, Пакистан и Бангладеш, а также цивилизационно и географически примыкающую к ним Шри-Ланку, является происхождение их наименований. Некоторые достаточно понятны и содержат очевидные отсылки к географическому происхождению этих людей или роду их занятий. Так, «хабши» или «хабаш» [Jayasuriya Shihan de Silva, 2008, p. 9–10] является производным от арабского названия Эфиопии (аль-Хабаш). «Занджами» или «зинджами», то есть происходящими из Восточной Африки (от арабского аз-Зиндж), арабы называли африканских рабов еще в раннее средневековье. Слово «сомали» или «шамали» явно происходит от названия этнической группы с Африканского Рога. На Шри-Ланке завезенные туда португальцами, голландцами и англичанами африканцы стали именоваться арабским словом «кафиры» (kaffirs), т. е. «неверные». Группа африканцев, проживающая в индийском г. Хайдарабаде и являющаяся потомками телохранителей местного мусульманского правителя, называет себя «чауш» (*chansh*), что, скорее всего, отсылка к османскому военному термину, означающему воина с алебардой [Jayasuriya Shihan de Silva, 2008, p. 25–26].

Наиболее сложно определить происхождение слова «сидди» (в Пакистане — «шидди»), которое в настоящее время стало основным для обозначения всех потомков африканцев в Индии.

По основной версии «сидди» (Siddi, Sidi, Seed и т. д.) происходит от арабских терминов «Sayyad» или «Sayyid» и может означать потомков пророка Мухаммада, иметь значение «хозяин» и «правитель», а также относиться к капитанам кораблей, привозившим в Индию африканских невольников. По другой версии, «сидди» происходит от арабского же слова «saydi» и обозначает пленника. Большинство исследователей сегодня придерживаются версии, что верным является происхождения слова «сидди» от значения «правитель». В то же время индийский исследователь Абдулазиз Лоди обращает внимание на то, что слово «Sayyid» обычно имеет религиозное значение и им называют именно потомков Пророка, которыми мусульманские правители Индии не были [Lodhi, 2008]. Более того, исторические «сидди» не были не только слугами потомков Пророка, но зачастую служили вовсе не мусульманам, а тем, кто мог им заплатить, в том числе индусским раджам или торговцам-парсам [Basu, 2000]. Таким образом, определить подлинное происхождение этого термина исследователям еще только предстоит.

² VOA News: From Slavery to Monarchy — Rise of African Elites in India. *US Fed News Service*. January 31, 2007. URL: http://www.voanews.com/mediaasests/english/2007_01/Audio/mp3/tabe_african_india1.mp3 (дата обращения: 07.06.2023).

РОЛЬ ИСЛАМА В ПОЯВЛЕНИИ АФРИКАНЦЕВ В ИНДИИ. ХАБШИ

Основные упоминания африканцев в Индии связаны с распространением в этой стране ислама. В работе Дж. М. Кенойера и Кулдипа К. Бхана, изучавших производство агатовых бусин в Западной Индии и его связь со средневековыми африканцами-мусульманами, содержится предположение, что арабские торговцы, твердо закрепившиеся в роли главной силы международной торговли через Индийский океан в процессе быстрого распространения религии Мухаммада по свету, на самом деле были этническими эфиопами, давно жившими в Аравии и принявшими здесь ислам. Будучи наследниками давней торговой традиции, эти аравийские эфиопы продолжили дело своих предков по развитию торговых связей с Индией, но отныне назывались во всех хрониках и летописях арабами. Эта интересная гипотеза, однако, вновь не имеет реальных доказательств, о чем прямо говорят сами ее авторы [Kenoyer, Bhan, 2004].

Реальные доказательства присутствия африканцев в Индии появляются примерно с XIII в. В исторических трудах арабских и европейских путешественников в Индию, а также в индийских хрониках содержатся отрывочные свидетельства о наличии при дворах и в армиях мусульманских правителей Индии немалого количества слуг, администраторов и солдат африканского происхождения.

Арабские и индийские средневековые географы и историки выделяли две группы африканцев в Индии. К первым относятся выходцы из Эфиопии, т. е. «хабши», не имеющие, по мнению средневековых авторов, «рабской внешности», с желтым, красным или коричневым цветом кожи. К «занджам» причисляют выходцев из Восточной и Центральной Африки, имеющих типичные африканские черты с темной кожей и курчавыми волосами [Wink, 1990, p. 32].

Известный арабский историк Ибн-Баттута, совершивший путешествие в Индию в 1333–1342 годах, подчеркивает воинскую специализацию хабши, которых он называет эфиопами и отмечает, что они умелые воины и гаранты безопасности Индийского океана. «Если хотя бы один из них присутствует на борту торгового корабля, индийские пираты будут избегать его», — пишет Ибн-Баттута. Также он отмечает, что наместником города Алапур в период его там пребывания был хабши по имени Бадр, храбрость которого вошла в поговорку. При этом Бадр был рабом султана Мухаммада Туглука, правящего этими землями [Indian Sources for African History, 1998, p. 6].

Примерно с того же времени (XIV в.) изображения хабши начинают регулярно появляться в индийских миниатюрах [Blench, 2012].

Ранние европейские путешественники, например, француз Тома Пирес, бывший в Индии с 1512 по 1515 г., отмечали важную роль хабши при дворах правителей Индии, их участие в управлении страной и командовании армиями. «... кажется, что люди, которые правят этим королевством, — эфиопы (абиссинцы). Они выглядят как рыцари... высоко ценятся... После самого правителя этим людям население королевства более всего повинует из страха» [Corteseo, 2005].

Вместе с тем важность хабши при дворах исламских правителей Индии не стоит преувеличивать. Несмотря на наличие отдельных свободных воинов-наемников и моряков, большинство африканцев в Индии попадали в страну и оставались в ней рабами, даже если при этом занимали высокие должности.

Создание на территории Индии мусульманских государств означало подчинение местного индусского населения пришлым элитам, состоящим в основном из афганцев, персов, арабов и разнообразных выходцев из Средней Азии, которым в огромной и густонаселенной

завоеванной стране требовались надежные и лояльные слуги и рабы. Рабов-африканцев не только охотно использовали в качестве солдат, но и часто назначали на ответственные, иногда очень высокие посты в административной иерархии. С точки зрения мусульманских правителей это был почти идеальный выбор — физически крепкие и выносливые чернокожие африканцы были не только хорошими воинами, но и, что самое главное, не имели какой-то иной опоры в стране, кроме самого правителя. Они были равно чуждыми как для выходцев из арабских стран Ближнего Востока, Персии, Афганистана и Средней Азии, относившихся к африканцам, даже мусульманам, как к рабам и выскочкам, так и для индусского населения, видевшего в них иноземцев и слуг поработителей. Стоит отметить, что данная практика не была специфически индийской и получила достаточно широкое распространение на всем мусульманском Востоке в средние века.

Исторические сидди (Джанджира, Малик Амбар, чауш)

Первым достоверным фактом возвышения чернокожего раба в истории Индии можно считать историю Джалалуддина Якута, бывшего черного раба султана Илтутмиша, правившего в Делийском султанате в первой половине XIII в. После смерти Илтутмиша его наследником стала дочь Разия султан, назначившая Якута своим главным конюшим. Ставший по сути правой рукой Разии, Якут вызывал огромную ненависть правящей тюркской знати, и так не готовой принять над собой женщину-правительницу. Вскоре Разия-султан и Якут погибли в междоусобной борьбе за трон. Их история популярна в Индии по сей день, о взаимоотношениях принцессы и ее помощника-африканца, возможно, любовника или даже тайного мужа, в Индии сняли художественный фильм и написали книгу [Omar, 2011, p. 277–279].

В дальнейшем частота появления африканцев в индийских и арабских хрониках, а потом и в записках европейцев об Индии только возрастает. Известно, что в XV в. в Бенгалии группа хабши захватили власть и на короткий срок даже основала здесь свою династию. После потери власти в Бенгалии в 1493 г. тысячи хабши были высланы из этой страны и нашли свое прибежище у мусульманских правителей Декана и в Гуджарате, где уже и до того имелись значительные группы африканцев.

Примерно в те же годы, как считается, группа наемников-хабши сумела захватить остров Джанджира, расположенный недалеко от современного Мумбаи. Это событие, по индийским меркам весьма незначительное, стало, однако, отправной точкой существования почти уникальной в мировой истории африканской династии в неафриканской стране, правившей в течение длительного периода времени. Первоначально находившиеся на службе одного из мусульманских правителей индийской области Деккан и считавшиеся его наместниками, наемники-африканцы постепенно стали де-факто независимыми правителями острова Джанджира и прилегающих к нему районов побережья и приняли наименование «сидди». На протяжении нескольких столетий сидди Джанджиры, активно привлекавшие к себе соплеменников со всей Индии, успешно отбивали атаки мусульманских и индусских правителей окрестных земель, португальцев и маратхов, пытавшихся выбить их со стратегически расположенного острова, превращенного сидди в настоящую крепость. Обладавшие мощным флотом, сидди Джанджиры, ставшие со временем вассалами императора Великих Моголов, долгое время оставались основной военно-морской силой значительной части западного побережья Индии, периодически устраивали набеги на соседей и жестоко угнетали подчиненное индусское население. Их упадок наступил только в самом конце XVIII в. после утверждения в Индии англичан. Тем не менее

княжеская династия сидди Джанджиры вместе с менее заметной династией сидди мелкого княжества Сачин просуществовала до момента получения Индией независимости в 1947 г. Сегодня потомки сидди Джанджиры и Сачина входят в высшие слои индийского общества. Хотя они не имеют почти ничего общего с основной массой потомков африканцев в Индии, находящихся внизу индийской социальной лестницы, их наименование — «сидди», овеянное отблеском былой воинской славы, стало общим наименованием почти для всех потомков африканцев в Индии, стремящихся идентифицировать себя не с рабами, а с независимыми правителями индийского княжества [Chauhan Raghuraj Singh; Pinto J., 2008, p. 151].

Однако наиболее заметной фигурой среди африканцев в истории Индии был Малик Амбар — личный враг могольского султана Джахангира (пр. 1605–1627), повесившего в собственном дворце портрет с изображением головы Малика Амбара и себя, стреляющего в эту голову из лука, но так и не совладавшего с ним на поле боя. Бывший раб родом из эфиопского города Харар, он благодаря своим талантам и отваге сделал военную карьеру в нескольких мусульманских государствах Южной Индии, а затем возглавил независимый военный отряд из нескольких тысяч воинов-хабши. Со временем Малик Амбар стал регентом султаната Ахмаднагар, одного из пяти султанатов Деккана. Он прославился тем, что основал несколько городов, в том числе новую столицу данного султаната, построил оросительную систему, но главное, что, используя партизанскую тактику и налаживая дипломатические альянсы, смог в конце XVI — начале XVII в. и до конца свой жизни противостоять могольскому завоеванию Декана. Будучи мусульманином, Малик Амбар наладил тесный военный союз с индусами-маратхами, военная конфедерация которых через сто с лишним лет по сути сокрушила империю Великих Моголов. Сегодня некоторые индийские историки считают Малика Амбара создателем военной тактики маратхов, их учителем военному делу, отмечая, что его правой рукой был маратхский вождь Малоджи, прадед национального героя маратхов и всей Индии — Шиваджи, под руководством которого маратхи стали главной военной силой Индии и успешно боролись с Великими Моголами [Omar, 2011; Rangarajan, 2008].

Во времена британского владычества в Индии африканцы уже не играли прежней роли, но сохранялись в качестве военного или уже скорее церемониального сословия в ряде индийских княжеств, в частности при дворе низама (правителя) Хайдарабада. Так называемые «чауш» составляли отряд дворцовой стражи и служили телохранителями низама, но после получения Индией независимости и включения формально независимых ранее княжеств в состав индийского государства центральной властью все эти церемониальные подразделения придворной гвардии и другие атрибуты княжеской власти были упразднены. Сегодня эти чернокожие «чауш», ранее притязавшие на родство с йеменской диаспорой Хайдарабада, носящей такое же название, частично уже приняли название «сидди». В массе своей они маргинализированы, и их небольшая группа постепенно ассимилируется в мусульманской общине Хайдарабада [Basu Helene, von Schwerin Kerrin, Minda Ababu, 2008, p. 288–303].

Помимо мусульманских правителей, черных рабов в Индию завозили также европейцы. Особенно отличались этим португальцы, обосновавшиеся в Индии еще в конце XV в. Ядром португальских владений в Индии, получивших название *Estado da India*, стали Гоа, Даман и Диу, в которых, по свидетельствам европейских путешественников XVI–XVIII веков, количество черных рабов в отдельные исторические периоды в разы превышало число самих португальцев [de Souza, 2008, p. 170]. Местом происхождения этих рабов была в основном Восточная Африка, в частности прибрежные районы современных Мозамбика, Танзании и Кении. Значительная часть рабов, как считается, бежала от португальцев на соседние территории, поселившись

в лесах современного штата Карнатака. В отличие от потомков африканцев в Гуджарате и Хайдарабаде, являющихся в основном мусульманами, в Карнатаке многие сидди являются индусами и христианами, что, несомненно, является отражением истории их появления в Индии. Сидди-христиане почти всегда оказываются потомками рабов из португальского Гоа, а индусами, как считается, стали те, кто был продан работорговцами, как арабскими, так и португальскими, индусам-брахманам в обмен на продовольствие [Kumar, 2008, p. 37–40].

ЧИСЛЕННОСТЬ ПОТОМКОВ АФРИКАНЦЕВ

Весьма сложным является вопрос о количестве африканцев, действовавших в Индии в разные исторические эпохи. Средневековые и колониальные хроники позволяют предполагать, что это были не единицы и даже не отдельные отряды воинов или группы рабов.

Имеющиеся, хотя и крайне приблизительные, подсчеты говорят о том, что общее количество черных рабов, проданных в страны бассейна Индийского океана, сравнимо с числом африканцев, ставших жертвами европейской колониальной торговли через Атлантический океан, т. е. составляет не менее 10 миллионов человек, а по оценкам исследователя из Калифорнийского университета Р. Коллинза — не менее 12,5 млн человек [Collins R., 2006, p. 325–347]. Однако торговля рабами в Индийском океане началась значительно раньше европейской колониальной работорговли, а степень ассимиляции бывших рабов в азиатских обществах была несравнимо выше, чем в переселенческих европейских колониях Нового Света. Эти два обстоятельства привели к тому, что сегодня потомки черных рабов во многих азиатских странах в значительной степени слились с коренным населением и даже фенотипически не столь резко выделяются на общем фоне.

Оценка их количества во всех странах Южной Азии весьма условна, но, скорее всего, ни в одной из них не превышает несколько десятков тысяч человек. В Индии данные подсчеты, пожалуй, наиболее сложны, поскольку в этой стране потомки африканцев входят не только в мусульманскую, но и в христианскую общину, а некоторые являются индусами.

Основная часть исследователей, пытавшихся оценить численность сидди в Индии, приходит к выводу, что их не более 50–60 тысяч. В 1997 г. Ч. Камара оценивал их число в 35 тысяч человек [Kamara, 1997]. В 2001 г. Дж. Миклем, суммируя имеющиеся индийские статистические данные по Гуджарату, пришел к выводу, что по состоянию на 2000 г. в этом индийском штате проживало 10–12 тысяч человек, идентифицирующих себя как сидди [Mickle, 2001, p. 25]. В 2012 г. Р. Бленч говорил о 20–55 тысячах сидди по всей Индии [Blench, p. 15].

Из общего ряда выделяется индийский исследователь Абдулазиз Лоди, который в 2008 г. оценил количество потомков африканцев в одном только Гуджарате 76 тысяч, а общее их количество в Индии — в 250 тысяч человек [Lodhi, 2008]. Однако оценки А. Лоди вызвали критические отзывы большинства ученых, занимающихся этой тематикой, которые поставили под сомнение используемые им методы подсчета.

Как представляется, столь значительная разница в оценках численности сидди объясняется не только объективными сложностями подсчета численности этнических групп в индийских условиях. До настоящего времени не все группы потомков африканцев в Индии считают себя именно сидди, предпочитая другие наименования. Кроме того, на выводы отдельных исследователей, таких как А. Лоди, представляющих в основном индийскую мусульманскую общину, может влиять желание увеличить численность данной группы населения, а поскольку потомки африканцев, проживающие в Индии в целом и в Гуджарате в частности, в массе своей являются

мусульманами, увеличение количества сидди автоматически увеличивает количество и влияние мусульманской общины в этом штате и во всей стране.

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ

Сегодня практически все сидди Индии, за небольшим исключением потомков правящих династий княжеств Джанджира и Сачин, находятся в самом низу социальной лестницы и заняты преимущественно ручным неквалифицированным трудом. Кроме социальной дискриминации им регулярно приходится сталкиваться с притеснениями и оскорблениями на расовой почве. Большинство индийцев не имеют представления о существовании в стране исторических общих выходцев из Африки, являющихся такими же гражданами Индии, как и они сами, и принимают сидди за недавних иммигрантов-африканцев, отношение к которым в индийском обществе зачастую весьма предвзято [Усов, 2015, с. 122–131].

Основными социальными лифтами для сидди могут считаться музыка и спорт. Сохранившиеся музыкальные африканские традиции среди сильно ассимилированных в индийской культуре сидди являются одной из наиболее ярких характеристик этого сообщества, отмечаемой всеми исследователями и наблюдателями их жизни. Самый известный их музыкальный коллектив — «Сидди Гома» из Гуджарата — объехал почти весь мир, с неизменной популярностью исполняя африканскую по преимуществу музыку и танцы на африканских же инструментах³.

Помимо музыки и танцев, являющихся отголосками африканского наследия и часто смешанных с суфийскими исламскими традициями, другая возможность для сидди вырваться из нищеты — спорт. Страна с более чем миллиардным населением, Индия в сфере профессионального спорта, особенно в его олимпийских видах, остается почти незаметной. С целью изменения ситуации в этом вопросе индийские власти еще в 1987 году решили начать программу по подготовке индийских спортсменов, прежде всего легкоатлетов, из числа сидди, африканское происхождение которых, по мнению индийских спортивных чиновников, гарантировало успех. Программа была закрыта в 1993 г. в период бюджетных трудностей в Индии, но несколько лет назад опять заработала и имеет своей целью подготовить для Индии олимпийских чемпионов к Олимпийским играм 2024 г.⁴

Некоторые надежды на достижение относительно благополучной жизни сидди возлагают также на правительственные программы помощи наиболее отсталым и ранее угнетаемым кастам и племенам. Группы сидди в Гуджарате в 1976 г. и в Карнатаке в 2003 г.⁵ получили такой статус, приравнивающий их к отсталым племенам, что гарантирует доступ к образованию и получению работы [Омар, 2011], но основная часть потомков африканцев данных привилегий лишена. Борьба за получение всеми группами сидди специального статуса является важным элементом требований различных организаций сидди к правительству Индии.

С 2000-х годов по мере усиления интереса к диаспорам и их роли в международных отношениях стало появляться все больше исследований сидди с точки зрения их изучения как представителей африканской диаспоры в Индии. При этом отмечается, что продолжающаяся маргинализация сидди в индийском обществе независимо от их религиозной принадлежности

³ Lets Dance: Siddi Goma Dance of Gujarat — an Indian Dance. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Nh_XkoGcwPw (дата обращения: 26.05.2023).

⁴ Watch: The African Community That Is India's Hope For An Olympic Medal. The Wire. March 3, 2016. URL: <https://thewire.in/40598/siddis-africans-in-india-video> (дата обращения: 06.06.2023).

⁵ Sidi/Habshi cultural heritage in Uttara Kannada: A community with African ancestry — Karnataka. *Tribal Cultural Heritage in India Foundation*. July 26, 2013. URL: <http://www.indiantribalheritage.org/?p=12056> (дата обращения: 06.06.2023).

приводит к постепенному осознанию в их среде необходимости выработки какой-то новой идентичности, например представления о себе как об единой диаспоре. Этим же, по всей видимости, вызван переход различных групп потомков африканцев в Индии, достаточно слабо связанных между собой местом происхождения, языком, обычаями предков и историей к самоназванию сидди, а также наметившаяся тенденция к объединению всех их организаций в одну большую ассоциацию, способную эффективнее отстаивать интересы сидди на общендийском уровне [Kumar, 2008, p. 73–75].

Литература / References

- Усов В. А. Африканские мигранты в Индии. *Африканская миграция в контексте современных международных отношений*. Под ред. Т. Л. Дейч, Е. Н. Корендясова. М., 2015. С. 122–131 [Usov V. A. African migrants in India. *African migration in the context of contemporary international relations*. Edited by Deych T. L. and Korendyasov E. N. Moscow, 2015. P. 122–131 (in Russian)].
- Basu H., von Schwerin K., Minda Ababu. Daff Music of Yemeni-Habshi in Hyderabad. *Journeys and Dwellings Indian Ocean Themes in South Asia*. Edited by Basu H. Hyderabad, 2008. P. 288–303.
- Chauhan Raghuraj Singh. Siddis of Janjira and the Portuguese. *Ph.D Thesis*. University of Goa, 1993.
- de Silva Jayasuriya Shihan. Identifying Africans in Asia: What's in a name? *Uncovering the History of Africans in Asia*. Edited by de Silva S. J. and Angenot J.-P. Brill: Leiden, 2008. Chapter 2.
- Collins R. O. The African Slave Trade to Asia and the Indian Ocean Islands. *African and Asian Studies*. Vol. 5. Issue 3. P. 325–346.
- Tirmizi S. A.I. Indian Sources for African History. Vol. 1. Edited by UNESCO. Delhi, 1988.
- Pinto J. The African Native in Indiaspora. *Uncovering the History of Africans in Asia*. Edited by de Silva S. J. and Angenot J.-P. Leiden, 2008. P. 139–154.
- Singh Jaspal. African Indians in Bollywood. Kamal Amrohi's Razia Sultan. *India in Africa, Africa in India. Indian Ocean Cosmopolitanisms*. Edited by Hawley J. C. Bloomington, 2008.
- Wink, A. *Al Hind: The Making of the Indo-Islamic World*. Vol. 1. Delhi, 1990.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Basu H. Africans in India — Past and Present. *International Asianforum*. Vol. 32 (2000), № 3–4. URL: <http://crossasia-journals.ub.uni-heidelberg.de/index.php/iaf/.../882> (дата обращения: 06.06.2023).
- Blench R. Detecting the cultural impact of slavery from Africa in the Indian Ocean. Abstracts. URL: http://www.academia.edu/3442467/Detecting_the_cultural_impact_of_slavery_from_Africa_in_the_Indian_Ocean (дата обращения: 06.06.2023).
- Blench R. Using diverse sources of evidence for reconstructing the prehistory of musical exchanges in the Indian Ocean and their broader significance for cultural prehistory. November 1, 2012. URL: <http://www.rogerblench.info/Archaeology/Africa/AARpaperIndianOcean.pdf> (дата обращения: 07.06.2023).
- de Souza T. Manumission of Slave in Goa During 1682 to 1760 as Found in Codex 860. *TADIA. The African Diaspora in Asia. Explorations on a Less Known Fact*. Edited by Prasad K. K., Angenot J.-P. Bangalore, Jana Jagrati Prakashana. 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/200764409_Manumission_of_Slaves_in_Goa_Duri_1682_to_1760 (дата обращения: 06.06.2023).
- Goffe L. Africans in India, a hidden history. *New African*. July 2013. URL: <https://www.questia.com/magazine/1G1-338119511/africans-in-india-a-hidden-history-a-new-exhibition> (дата обращения: 27.05.2023).
- Ifthekhar J. S. 'Marfa' band of the Siddis 'losing' its beat. *The Hindu*. July 10, 2011. URL: <http://www.thehindu.com/news/cities/Hyderabad/marfa-band-of-the-siddis-losing-its-beat/article2216021.ece> (дата обращения: 26.05.2023).

Kamara C. 1997. Afro-Asians — a preliminary survey. *Conference Paper. Northwestern Indian Ocean as Cultural Corridor*. 17–19 January 1997. Dept. of Social Anthropology, Stockholm University. Cit. on: Lodhi A. Y. Bantu origin of the Sidis of India. October 29, 2008. Issue 404. *Pambazuka News*. URL: <http://pambazuka.org/en/category/comment/51594> (дата обращения: 06.06.2023).

Kazi Riksum. From African Slave to Deccani Military and Political Leader: Examining Malik Ambar's Life and Legacy. *TCNJ Journal of Student Scholarship*. Vol. XIV. April 2012. URL: <http://joss.pages.tcnj.edu/files/2012/04/2012-Kazi.pdf> (дата обращения: 07.06.2023).

Kenoyer J. Mark & Bhan Kuldeep K. Sidis and the Agate Bead Industry of Western India. URL: https://www.harappa.com/sites/default/files/pdf/Kenoyer2004_Sidis%20in%20the%20Agate2ead%20Industry%20of%20Western%20Indi.pdf (дата обращения: 06.06.2023).

Kumar Surendra. Issues of Identity and Assimilation of African Diaspora in India: A Study of Siddi Community of Karnataka. *Thesis submitted to Jawaharlal Nehru University for the award of Degree of Doctor of Philosophy*. School of International Studies of the Jawaharlal Nehru University. New Delhi, 2008. URL: <http://shodhganga.inflibnet.ac.in/handle/10603/32295> (дата обращения: 26.05.2023).

Lets Dance: Siddi Goma Dance of Gujarat — an Indian Dance. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Nh_XkoGcwPw (дата обращения: 19.06.2023).

Lodhi A. Y. Bantu origin of the Sidis of India. October 29, 2008. Issue 404. *Pambazuka News*. URL: <http://pambazuka.org/en/category/comment/51594> (дата обращения: 07.06.2023).

Malik Ambar: A remarkable life. *The Tribune of India. Spectrum*. August 13, 2006. <http://www.tribuneofindia.com/2006/20060813/spectrum/art.htm> (дата обращения: 28.05.2023).

Micklem J. Siddis in Gujarat. *Occasional Papers*. № 88. 2001. *Center for African Studies. University of Edinburgh*. P. 25. URL: http://www.cas.ed.ac.uk/_data/assets/pdf_file/0004/27355/No_088_Sidis_in_Gujarat_James_Micklem.pdf (дата обращения: 06.06.2023).

Omar H. Ali. The African Diaspora in the Indian Ocean World. 2011. URL: <http://exhibitions.nypl.org/africansindianocean/index2.php> (дата обращения: 08.06.2023).

Omar H. Ali. Malik Ambar: The Legacy of an Ethiopian Ruler in India. URL: https://libres.uncg.edu/ir/uncg/f/O_Ali_MalikAmbar_2011.pdf (дата обращения: 08.06.2023).

Rangarajan A. Malik-Ambar: Military guru of the Marathas. *The Hindu*. October 12, 2008. URL: <http://www.thehindu.com/todays-paper/tp-features/tp-sundaymagazine/mali-ambar-military-guru-of-the-marathas/article143711.ece?css=print> (дата обращения: 08.06.2023).

Sidi/Habshi cultural heritage in Uttara Kannada: A community with African ancestry — Karnataka. *Tribal Cultural Heritage in India Foundation*. July 26, 2013. URL: <http://www.indiantribalheritage.org/?p=12056> (дата обращения: 06.06.2023).

VOA News: From Slavery to Monarchy — Rise of African Elites in India. *US Fed News Service*. January 31, 2007. URL: http://www.voanews.com/mediaasests/english/2007_01/Audio/mp3/tabe_african_india1.mp3 (дата обращения: 07.06.2023).

Watch: The African Community That Is India's Hope For An Olympic Medal. *The Wire*. March 3, 2016. URL: <http://thewire.in/40598/siddis-africans-in-india-video> (дата обращения: 06.06.2023).

ЛИТЕРАТУРА ДΙΑСПОРЫ КАК «ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ МОСТ» МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮЖНОЙ АЗИИ И ЗАПАДА

© 2023

А. А. Васильева¹

В статье рассматривается литература южноазиатских диаспор в странах Запада как актуально значимая часть эмигрантской жизни и как связующее звено между представителями разных типов культур. Литературная область жизни переселенцев наиболее тесно соприкасается с общественной жизнью коренного населения их новой родины. Литература способствует ассимиляции эмигрантов, их интеграции в западное общество, а затем и неизбежному взаимовлиянию обеих сторон. Большинство авторов — выходцев из Южной Азии пишут на английском языке, но целая категория писателей для творческой деятельности выбрала родной язык, который, вместе с литературой на нем, превратился в маркер самоидентификации их национальных общин. Однако и их произведения, как правило, переводятся на язык принявшей их страны. Это прежде всего английский язык, а также немецкий и датский языки. Вопросы, затронутые эмигрантскими авторами, касаются всех сторон жизни как их национальных общин, так и их новой родины. Произведения эмигрантов помогают разобраться в сути многих общественно-политических конфликтов в западных странах, в которых часто оказываются замешанными южноазиатские эмигранты.

Современные произведения эмигрантов независимо от языка, на котором они созданы, имеют общие характерные черты и отмечены синкретизмом элементов восточной поэтики и западных черт. Сегодня можно с уверенностью говорить и о взаимовлиянии эмигрантской и западной литератур. Произведения выходцев из Южной Азии оказывают неоспоримое влияние на направление литературного потока современной западной литературы. Они являются богатым источником информации о культуре и обычаях народов Южной Азии, к которым постоянно возрастает интерес в западных странах. Эмигрантская литература становится своеобразным проводником своей цивилизации на современном Западе. Особо оговаривается южноазиатская диаспора в России.

Ключевые слова: диаспора, южноазиатская эмиграция, западный социум, литература и культура, ассимиляция, проводник цивилизации, влияние и взаимовлияние, Россия

Для цитирования: Васильева А. А. Литература диаспоры как «цивилизационный мост» между странами Южной Азии и Запада. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 124–133. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-124-133

¹ Васильева Людмила Александровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ludvas@yahoo.com

Ludmila A. Vasilyeva, PhD (Literature), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow; ludvas@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-2466-3832

DIASPORA LITERATURE AS A 'CIVILIZATIONAL BRIDGE' BETWEEN THE COUNTRIES OF SOUTH ASIA AND THE WEST

Ludmila A. Vasilyeva

The article deals with the literature of the South Asian Diasporas in Western countries as an actual significant part of emigrant life and as a link between representatives of different types of cultures. The literary field of emigrant life is most closely in contact with the social life of their new homeland and contributes to the assimilation of emigrants, their integration into Western society, and then the inevitable mutual influence of both sides.

Most South Asian authors write in English, but a group of writers has chosen the native language for their creative work, which, together with literature in it, has become a marker of self-identification of their national communities. However, their works too are usually translated into the Western languages of their new homeland, among which, in addition to English, German and Danish should be mentioned. The questions raised by émigré authors concern all aspects of the life of their community and their new homeland. The works of emigrants help to understand the essence of many socio-political conflicts in Western countries, in which South Asian emigrants are quite often involved.

Modern diaspora literary works are marked by some common features and the syncretism of Eastern poetics' and Western features' elements. At the same time, we can speak confidently now about the mutual influence of emigre and Western literatures. The works of South Asian emigrants have an undeniable influence on the literary flow direction of modern Western literature. These works are a rich source of information about the culture and customs of the peoples of South Asian countries and become a kind of link of their civilization in the modern West. Interest in Asian culture is constantly growing in Western countries. The South Asian diaspora in Russia is mentioned specially.

Keywords: diaspora, South Asian emigration, Western society, literature and culture, link of civilizations, assimilation, influence and mutual influence, Russia

For citation: Vasilyeva L. A. Diaspora Literature as a «Civilizational Bridge» between the Countries of South Asia and the West. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 4. Pp. 124–133. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-124-133

Во второй половине XX в. после раздела Британской Индии в 1947 г. в западных странах начали формироваться диаспоры выходцев из стран Южной Азии, в основном из Индии и Пакистана. Диаспоры быстро разрастались, поток переселенцев стал пополняться непальцами, шриланкийцами, а затем и жителями Бангладеш. Южно-азиатские эмигранты начали активно интегрироваться в жизнь западного мира. В целом ряде стран вскоре они уже составляли значительную часть населения. Сегодня одна лишь индийская диаспора является одной из крупнейших в мире². Эмигранты поддерживают постоянные и тесные связи со своей исконной родиной и играют немаловажную роль в ее экономическом развитии, а иногда косвенно влияют и на политические процессы, происходящие там.

Что касается предмета нашего разговора — области литературы, то она не менее важна и актуальна, чем политико-экономическая сторона эмигрантского бытия. Литературу следует считать важным компонентом общественной жизни и творческой активности диаспорального общества — ведь литературная сфера эмигрантской жизни очень тесно соприкасается со всеми сторонами жизни принявшей страны.

² По данным ООН на 2015 г. индийская диаспора была признана крупнейшей в мире.

Целый ряд общих черт характерен для большинства произведений авторов-выходцев из стран Южной Азии, и это позволяет говорить о творчестве индийцев, пакистанцев, приланкийцев и бангладешцев в едином ключе, объединяя его в понятие «литература южноазиатской диаспоры».

Когда и как возникла эмигрантская литература, создателями которой выступили эмигранты-писатели?

До начала нынешнего столетия основными центрами литературной жизни оставались Англия и Канада, куда устремилась первая волна эмигрантов из Индии и Пакистана. Там были созданы многочисленные литературные центры и кружки, аккумулировавшие культурную жизнь диаспоральных обществ. Индийцы и пакистанцы, интеллектуалы с литературными наклонностями, для которых на чужбине литературное творчество оказалось их жизненной потребностью, и были «зачинателями» литературной традиции в эмиграции. В шестидесятых–семидесятых годах таковых оказалось немало, особенно в Великобритании, куда выезжала образованная публика, в основном с гуманитарным образованием. Гораздо меньшее число поклонников литературы, но с не меньшими талантами, оказались в Канаде. Именно в этих двух странах появились первые произведения художественной прозы и поэзии на языках хинди и урду, созданные эмигрантами. Затем национальные диаспоры сформировались во многих других странах мира, и в литературный мир южноазиатских эмигрантов стали постепенно входить прозаики и поэты из других стран Южной Азии.

До 90-х годов многие ученые и литераторы ставили под сомнение или вовсе отрицали понятие «эмигрантская литература» по отношению к уже весьма солидному «западному» корпусу прозы и поэзии авторов с южноазиатскими корнями. Широкая дискуссия на эту тему продолжалась в Индии и Пакистане не один год. В результате большинство видных участников дискуссии высказались за признание произведений, созданных их соотечественниками на Западе, «эмигрантской литературой». Известный индийский ученый-филолог, ныне покойный проф. Мухаммад Хасан, писал в середине 80-х годов: «Это — литература, имеющая свою собственную ориентацию и свои особенности. Она избирательна, очень энергична и обладает большой привлекательностью» (цит. по: [Zia, 1995, с. 73]).

Сегодня к наиболее «утвердившимся» и «крупным» (по общему объему произведений и числу мастеров пера) следует отнести по-прежнему литературы на хинди и урду³. Это вполне естественно, если учитывать «лидирующую» численность носителей этих языков среди эмигрантских общин. К новому столетию в странах диаспоры сложился настолько большой корпус эмигрантской литературы на языках хинди и урду, что в них появилось и уже утвердилось новое терминологическое понятие «литература зарубежья» (*праваси сахитья* в хинди и *мухаджири адаб* в урду). Более скромное число заявивших о себе авторов пишут на бенгали, тамили и малайялам. На других языках Южной Азии появление значительных эмигрантских произведений — явление крайне редкое.

Абсолютное большинство эмигрантских писателей, переехавших в англоязычные страны, пишут на английском языке⁴. Это не удивительно, поскольку многие из авторов — сравнительно недавние подданные Британской империи, прекрасно владеют английским языком.

³ Эмигрантской литературе урду посвящена моя монография «Поэзия и проза на чужих берегах» [Васильева, 2018].

⁴ Для большинства литераторов, оказавшихся новыми гражданами Германии и стран Скандинавии, рабочим языком остается родной. Это относится и к эмигрантским авторам в России, о которых подробнее будет говориться далее. Как правило, многие сочинения переводятся на язык новой родины переселенцев.

Кто-то и до эмиграции писал на нем и публиковался у себя на родине, кто-то занялся литературной деятельностью уже на Западе.

Это относится в основном к прозаикам, поскольку для поэтов родной язык все же остается наиболее естественным средством самовыражения. Но и среди прозаиков есть такие, кто выбрал для литературного творчества родной язык, хотя английский язык мог бы обеспечить им более широкую аудиторию читателей. Причины тому разные: привычка писать на родном языке, недостаточные знания английского, желание сразу заявить о себе как о представителе своей национальной культуры. Мотивация языкового выбора также разнится. Возможно, для одних родной язык — «последняя ниточка», связывающая их с прошлым, для других — более легкое решение проблемы самоутверждения в ограниченном кругу пишущих на родном языке (по принципу «большая рыба в маленьком пруду»). Вероятно, что для кого-то родной язык представляется более естественным способом «поиска себя» вдали от привычной культурной среды.

Наиболее заметной особенностью рассматриваемой литературы можно назвать ее самобытный колорит, который прямо или косвенно отражает связь прозаиков и поэтов зарубежья (последних — в большей степени) с традициями их исконной национальной культуры. Вместе с тем в условиях быстро формирующейся своеобразной эмигрантской культуры все ярче проявляется сочетание традиционных черт с новыми, отражающими восприятие западного образа жизни и новых ценностей человеком с восточным менталитетом. Сегодня уже вполне правомерно говорить о синкретизме в эмигрантской литературе как об одной из главных тенденций ее развития.

Вместе с тем произведения выходцев из Южной Азии оказывают неоспоримое влияние на общее направление литературного потока современной западной литературы. Восточная тематика, которая всегда присутствовала в литературе Запада, сегодня значительно расширилась и углубилась, в определенной степени благодаря произведениям южноазиатских эмигрантов. Эти произведения обогатили литературу западных коллег новыми идеями, новыми красками, новыми красотоми поэтики.

Круг интересов эмигрантской литературы очень широк, так как затрагивает общественно-политическую, социальную, религиозную и этнокультурную области жизни как своей общины, так и новой родины. Произведения, созданные писателями-переселенцами, помогают лучше разобраться во многих острых вопросах, нередко лежащих в основе общественно-политических конфликтов в западных странах, прежде всего тех, в которых оказываются замешанными южноазиатские эмигранты. В таких произведениях персонажами предстают выходцы из Пакистана и Индии, Бангладеш и Шри-Ланки, покинувшие родные края в поисках лучшей жизни. Это — мужчины и женщины, семейные и одинокие, сильные и слабые. Они очень разные по социальному статусу и уровню образования, по профессии, занятиям и материальному достатку, по своему характеру и степени адаптации в краю чужой культуры. Их поведение и поступки побуждают читателя задуматься над истоками трудностей, которые им приходится преодолевать. Во всех произведениях непременно высвечиваются проблемы и всесторонне разрабатываются темы, особо важные для различных слоев эмигрантского сообщества. Отношение к новым соотечественникам, нотки ностальгии по покинутой родине, проблемы идентификации и «поиска себя» в чуждом культурном социуме, проблемы отчужденности детей, выросших в инокультурной среде, являются «общим местом» в произведениях эмигрантов из различных стран. Вместе с тем в этих произведениях отражено видение авторами общечеловеческих проблем, одинаково волнующих и переселенцев, и коренных жителей западных стран. К таковым относятся проблемы добрососедства и толерантности, гендерные вопросы, различные стороны человеческой психологии.

Целый корпус проблем, привлекающих внимание эмигрантской литературы, относятся к кругу широко обсуждаемых ныне в мире проблем диалога культур, столкновения цивилизаций и других вопросов, касающихся в той или иной степени такого важного явления современности, как глобализация. При этом обнаруживается общее видение азиатскими эмигрантами и коренными европейцами и американцами целого ряда проблем, понимание необходимости совместных действий для их решения. С этой точки зрения не вызывает сомнения тот факт, что именно литература во многом способствует ассимиляции новых эмигрантов и их интеграции в западное общество, а в конечном счете — неизбежному взаимовлиянию обеих сторон.

В новом веке первая волна писателей-эмигрантов сошла со сцены, их место заняли новые поколения — их потомки, приехавшие сюда с родителями в детском возрасте, и те, кто родился уже на Западе. Практически все они «ощущают себя европейцами или американцами или, во всяком случае, пытаются казаться таковыми, и лишь в тесном кругу родных и близких они остаются детьми эмигрантов» [Васильева, 2015, с. 221]. У них крайне ослаблены связи с традициями и культурой родины их отцов и дедов, а их языком они, в лучшем случае, владеют лишь на разговорном уровне.

Но, тем не менее, у творческой молодежи интерес к духовному наследию родины предков не пропадает, и это ярко проявляется в их произведениях на новом родном языке. Более того, в последнее десятилетие явно замедлился процесс отчуждения молодежи от культурных и моральных ценностей отцов и дедов. Среди нескольких тому причин немаловажную роль играют такие, как новые формы и способы эмиграции и изменившиеся требования к эмигрантам, возросший интерес западного общества к культурным традициям Востока, а также фактор этнического глобализационного парадокса. Суть его в том, что «усиливается тенденция стирания барьеров между нациями, но в связи с этим увеличивается и противодействие уравниловке, попыткам насаждения во всех регионах мира одних и тех же культурных норм и стандартов» [Васильева, 2017, с. 75]. При этом интерес новых поколений эмигрантов к культуре и литературе отцов и дедов не распространяется на их язык: за редчайшим исключением, для творческой молодежи с южноазиатскими корнями родным уже становится западный язык⁵. В этом случае можно говорить именно об английском языке, поскольку о произведениях молодых южноазиатских авторов на других западных языках упоминания не встречались.

Вместе с тем в диаспоральных обществах Южной Азии фактически не прекращает свое существование литература на национальных языках. Ведь поток переселенцев на Запад не прекращается и в наши дни. На литературную арену диаспоры выходит новое поколение литераторов, прибывших с исконной родины. История повторяется. Поэтому эмигрантскую литературу на языках Южной Азии правомерно назвать «литературой одного поколения», создателями которой всегда остаются «отцы», т. е. эмигранты в первом поколении. Логично предположить, что вывод, сделанный на основании изучения солидного объема литературы на урду в странах пакистанской и индийской диаспор, правомерен для всей литературы южноазиатских диаспор в западных странах: литература эмигрантов на языках их «первой» родины будет существовать и развиваться до тех пор, пока продолжается процесс эмиграции из стран Юго-Восточной Азии на Запад [Васильева, 2015, с. 226].

В новом столетии диаспоральные параметры обрели новый облик. Теперь в диаспоре уже выросли дети и внуки, незнакомые с теми трудностями адаптации в инокультурной среде

⁵ Так, в Германии сложилась большая пакистанская диаспора, и дети урдуязычных эмигрантов в полной мере владеют немецким языком. Аналогичная ситуация наблюдается в Дании, где среди молодых эмигрантов распространен датский язык, но вместе с английским.

и избавленные от многих комплексов, которые приходилось преодолевать старшему поколению. Но одновременно обострилась проблема «отцов и детей», усложнились отношения родителей с детьми, идентичность которых «формируется уже в условиях двух противоположных культурных моделей. Даже взаимоисключающих, в любом случае — конфликтных» [Прожегина, 2012, с. 72]. Новым явлением стало изменившееся отношение к эмигрантам: во многих странах их стали считать своими полноправными согражданами. Все эти изменения способствуют ускорению процесса интеграции южноазиатов в социум страны их проживания. На этот процесс в немалой мере оказывают влияние личности писателей и их творчество.

Как уже отмечалось, абсолютное большинство эмигрантских авторов южноазиатского происхождения являются англоязычными. Они награждаются самыми престижными литературными премиями, в том числе Букеровской. Например, в когорту букеровских лауреатов-индийцев входят такие авторы, как снискавший мировую славу своим скандальным романом Салман Рушди, как самая молодая писательница, получившая эту премию, Киран Десаи, а также другая представительница «слабого пола» с индийскими корнями Арундхати Рой, как шриланкийец Шехан Карунатилака⁶. В последние два десятилетия все больше южноазиатских писателей попадает в почетный список финалистов Букеровской премии, в так называемый *short-list*, из которого и выбирается окончательный победитель. В этих списках финалистов числятся немало авторов с индийскими корнями, среди которых, например, Анита Десаи (номинирована четыре раза), Рохитон Мисри (три номинации), а также Амитабх Гхосл, Санджив Сахота, Джамна Лахри и целый ряд других выходцев из Индии, пакистанцы Камила Шамси, Надим Аслам и Мухсин Хамид (кстати, дважды возглавивший Букеровский *short-list*), Моника Али из Бангладеш, шриланкийец Ромеш Гуенскера. Даже сам факт такого обилия талантливых писателей определенного этнического круга не может не оказывать благотворного влияния на соответствующее мнение и об их соотечественниках, живущих бок о бок с носителями западной культуры.

В то же время во многих эмигрантских общинах родной язык все же остается основным средством коммуникации, и не только. Целая категория писателей для творческой деятельности выбрала именно родной язык, который, вместе с литературой на нем, превратился для них в маркер идентификации своей национальной общины. При этом большинство этих произведений все же переводятся на английский язык и становятся доступными для широкой западной аудитории. Одни авторы делают переводы своих сочинений сами, другие прибегают к помощи профессиональных переводчиков. Произведения наиболее талантливых авторов-эмигрантов стали включаться на их родине в корпус литературы на соответствующем языке. Примером может служить творчество «пионеров» — создателей эмигрантской литературы в Англии Дивьи Матхур, Уши Радже и Теджендры Шармы, пишущих на хинди, также ныне покойной Атии Хан и Амджада Мирзы Амджада — писателей урду. В Индии известно и популярно творчество Сатьяпала Ананда, обосновавшегося в США и создающего там прозу на хинди и урду. Нельзя не упомянуть живущих в Канаде замечательных поэтов урду Ашфака Хусейна и Шахина, а также известного прозаика, литературного критика и поэта урду Хайдара Куреши, с молодых лет переехавшего в Германию. Такие примеры можно приводить очень долго.

Как правило, поэты и прозаики, пишущие на родном языке, объединяются в литературные сообщества, которые представляют по структуре своеобразные клубы — центры культурной жизни эмигрантов. Местные власти, заинтересованные в скорейшей интеграции национальных

⁶ Лауреаты Букеровской премии: С. Рушди (р. 1947) — за роман «Дети полуночи» (Midnight's Children, 1981), К. Десаи (р. 1971) — за роман «Наследство разоренных» (The Inheritance of Loss, 2006), А. Рой (р. 1961) — за роман «Бог мелочей» (The God of Small Things, 1997), Ш. Карунатилака — за роман «Семь лун Маали Алмейды» (The Seven Moons of Maali Almeida, 2022).

общин в западный социум, часто спонсируют многие культурные мероприятия, такие как международные конференции по литературе на соответствующем языке и традиционные для хинди-и урдуязычных аудиторий своего рода поэтические состязания — *кави саммелан* и *мушаифы*. Эти мероприятия освещаются в СМИ и вызывают определенный резонанс в городах, где они проходят, а иногда и в более широком масштабе. Их посещает немало коренных европейцев, которых привлекает необычность литературных мероприятий, носящих праздничный характер. Особенно популярны бывают *мушаифы*, имеющие многовековую традицию⁷. Международные *мушаифы*, которые проводятся национальными литературными сообществами, становятся частью культурной жизни всего западного города. Таким образом, уникальный литературный праздник «новых соотечественников» вовлекает в эмигрантскую культурную сферу еще большее число европейской публики.

«Индийский элемент» стал неотъемлемой частью культурной жизни больших городов Великобритании и Северной Америки. То же относится и к «исламскому элементу», имеющему прямое отношение к литературе на урду. (Приходится признать, что под влиянием политико-религиозных факторов сегодня эта литература перешла в категорию «мусульманской»).

В западном обществе возрастает живой интерес к культуре и быту народов Южной Азии — от их духовных ценностей и культовых обрядов до их одежды и декоративных предметов быта. Литература эмигрантских писателей является богатым источником соответствующей информации и таким образом становится своеобразным проводником своей цивилизации на современном Западе.

Совершенно особое место в диаспоральном литературном мире обрела Россия, а конкретнее — ее европейская часть, что дает право причислить примеры литературного творчества «российских южноазиатов» к предмету нашего разговора. Вопрос о самих южноазиатских диаспоральных общинах в России, и уж тем более о творческой деятельности этих эмигрантов в научной литературе еще не поднимался — очевидно, ввиду минимальной (по сравнению с другими странами) численности диаспоры, неординарного статуса эмигрантов в России и лишь единичных случаев создания ими авторских произведений.

На протяжении всей истории российского государства на его территории находили приют, а нередко и убежище представители многих стран мира, в том числе региона Южной Азии. Однако примеры литературного творчества авторов с южноазиатскими корнями, живущих в России, появились примерно в то же время, когда начались дискуссии по поводу корректности постановки вопроса об эмигрантской литературе выходцев из Пакистана и Индии (позднее — из других стран Южной Азии). Тем не менее в России, а конкретнее — в Москве существовал некий особый литературный мир, в котором рождались тесные человеческие контакты, проявлялись схожие мировоззренческие взгляды и происходил широкий взаимообмен духовными ценностями. Это был своеобразный «мостик» между многонациональными с обеих сторон культурами. «Визитной карточкой» этого мира были книги.

В силу создавшейся политической ситуации после раздела Британской Индии наиболее дружеские отношения сложились между нашей страной и Индией, что максимально благоприятствовало развитию советско-индийских культурных контактов во многих областях, в том числе в литературной сфере. В стране, где в шестидесятые годы XX в. каждый школьник знал лозунг дня «*хинди-руси бхаи бхаи*» («индийцы и русские — братья»), интерес к культуре и литературе Индии переживал настоящий бум. Произведения индийских поэтов и прозаиков в переводе на русский язык были востребованы во всех уголках СССР, где было немало поклонников

⁷ Подробнее о феномене индийской *мушаифы* см.: [Васильева, 2015, с. 329–362]).

индийской культуры и литературы. При ограниченных контактах с зарубежными странами в то время именно литература восполняла дефицит прямого общения российских (тогда — советских) граждан с носителями этой культуры. В Индии книги русских и советских авторов в переводе на языки Индии, в основном на хинди и урду⁸, также вызвали интерес во многих слоях читательской аудитории. Книги издательств «Радуга» и «Прогресс» охотно раскупались в Индии. Прекрасно изданные книги стоили практически копейки по сравнению не только с дорогими западными книгами, но и даже с местными индийскими изданиями. Уже в новом веке ежедневная индийская газета «The Hindu» — одна из самых читаемых и авторитетных газет страны, поместила заметку из Москвы о деятельности переводчиков в России под заголовком «Индо-советские мосты из книг»⁹. Название говорит само за себя.

В восточных редакциях обоих издательств «индийский сектор» был одним из самых больших отделов. Здесь работали отечественные специалисты, владеющие прежде всего хинди и урду, а также приглашенные на работу по контракту переводчики из Индии. Как правило, это были люди с филологическим образованием, многие по профессии — дикторы радио и ТВ, преподаватели, редакторы газет и журналов. Но среди них литературным творчеством были увлечены очень и очень немногие. И лишь единицы из них, оказавшись в Москве, не забыли свое перо.

Конечно, единичные произведения нескольких человек не дают основания говорить о каких-либо тенденциях южноазиатской эмигрантской литературы в России. Но даже творчество нескольких авторов играло и играет немалую роль в области культурного взаимодействия между Россией и Индией¹⁰. Имена авторов-эмигрантов, для кого Россия стала их второй родиной, хорошо известны как на их «первой» родине, так и в литературных и востоковедческих кругах России.

«Патриархом» литературного творчества на российской земле, бесспорно, следует назвать Мадана Лала Мадху (1925–2014) — индийского поэта хинди и переводчика русской классики на этот язык. Он был штатным переводчиком в издательствах «Радуга» и «Прогресс» вместе с другими своими соотечественниками, приехавшими работать по контракту и переводившими русскую и советскую литературу на свои родные языки. Мадху-джи, как все называли его в Москве, оказался в числе «невозвращенцев», осевших в России. Но в отличие от большинства других «российских индийцев», Мадху был еще и поэтом, публиковавшимся у себя на родине. Стихотворения на хинди, вошедшие в его два поэтических сборника: «Раз, два, три» (*Ek Do Teen*, 2012) и «Бывают и такие парни» (*Aise Ladke Bhi Hote Hain*, 2013) были написаны в Москве, а затем изданы в Индии. Из-под его пера вышли также несколько прозаических сочинений, включая сборник мемуаров «Туманные лики воспоминаний» (*Yadon ke dbundble hue chehre*, 2013). Презентация сборника проходила в Дели, в Российском центре науки и культуры. В своем выступлении посол РФ в Индии Александр Кадакин говорил о значительной роли Мадху-джи в развитии культурных отношений между нашими странами и особо отметил его вклад, внесенный «в дело популяризации российской детской литературы: добрые и светлые произведения Чуковского, Маршак и Носова, которые с детства запомнятся многим индийским читателям, даже тем, кто

⁸ Урду тогда еще не был объявлен «языком мусульман», не был вычеркнут из списка основных языков Индии и практически изгнан со своей родины, как это случилось в Индии наших дней.

⁹ Vladimir Radyuhin. Indo-Soviet bridges, through books // The Hindu. Nov. 16. 2008. URL: www.thehindu.com (дата обращения: 10.07.2023).

¹⁰ В этой связи можно еще раз упомянуть метафорическое выражение на хинди «большая рыба в маленьком пруду», имея в виду значимость явления.

никогда не изучал русский язык»¹¹. Все же основным видом его литературной деятельности оставались переводы. За 55 лет работы в российской столице он перевел на хинди более 100 произведений русских писателей, в том числе Пушкина, Лермонтова, Достоевского. Своим главным достижением в жизни Мадху называл переводы романов Льва Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина». За заслуги в области литературы и популяризации русской и индийской литератур в обеих странах Мадан Лал был награжден в СССР медалью Пушкина и орденом Дружбы народов, а в Индии — четвертой высшей наградой страны «Падма Шри».

Имя поэта Анила Джанвиджая (1957) также широко известно в литературных кругах Индии благодаря его стихам, а также стихотворным переводам на хинди русских классиков и советских поэтов. Он приехал на учебу в Московский университет на филологический факультет в 1982 г., вскоре завел семью и остался жить в России. Анил — автор шести стихотворных сборников, созданных уже в Москве, что дает полное право назвать его поэзию «эмигрантской». При этом поэтические переводы всегда оставались в центре внимания Анила. Именно благодаря им многочисленные любители поэзии в Индии познакомились со стихами Б. Ахмадулиной, А. Ахматовой, А. Блока, И. Бродского, И. Бунина, А. Вознесенского, В. Высоцкого, Н. Гумилёва, Е. Евтушенко, С. Есенина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Окуджавы, а также с русской классикой — поэзией М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина. В поле его внимания оказались и стихи многих молодых, начинающих поэтов. С некоторыми из них Анил поддерживает дружеские отношения и, как он сам говорит, «обменивается опытом». Более того, индийским любителям поэзии стало доступно знакомство со стихотворениями армянских, таджикских, грузинских, узбекских, казахских, молдавских, дагестанских, чеченских и осетинских поэтов благодаря переводам Анила через русский язык. Пожалуй, редко кто из его соотечественников, обосновавшихся на Западе, может представить подобный послужной список. Недаром в Википедии Анил Джанвиджай назван «крупнейшим индийским переводчиком русской поэзии»¹².

Своеобразным феноменом можно назвать литературное творчество Кришны Пракаша Шрестхи (1938–2021) как редчайший случай создания произведений на языках непали и невари (родном языке К. П. Шрестхи) в диаспоральном мире. Его владение русским языком позволило ему писать и на нем. Одна из работ Кришны Шрестхи, например, познакомила российских читателей с мифопоэтическим мышлением непальцев [Шрестха, 1993]. В предисловии к этому небольшому сборнику народных поверий и сказаний непальцев о животных видный российский востоковед Л. А. Аганина (1926–2000) писала: «К. П. Шрестха прекрасно знает культуру, фольклор и обычаи непальцев, поэтому он может должным образом прокомментировать легенды, объяснить непонятные реалии, связанные с верованиями и бытом непальцев. Нет сомнения, что эта книга позволит заглянуть в очень любопытный и доселе невиданный мир» [Аганина, 1993, с. 3].

Приведенные примеры не оставляют сомнения в том, что сочинения наших «отечественных южноазиатов» действительно стали проводниками своей культуры в России и в то же время во многом способствовали знакомству индийских читателей с российской действительностью. Таким образом, при рассмотрении вопросов, связанных с культурными аспектами бытования южноазиатских диаспор в европейских странах, не следует сбрасывать со счетов и российскую диаспору с ее крайне ограниченным, но ярким литературным миром — наглядным примером взаимодействия и плодотворного взаимовлияния различных типов культур.

¹¹ Иван Крылов. В Индии вышли мемуары крупнейшего переводчика русской литературы // ИА «Росмедиа», портал «Русский мир», 08.03.2013 [collaborate/ruskiymir.ru] (дата обращения: 14.07.2023).

¹² См.: [Джанвиджай, Анил, ru.wikipedia.org] (дата обращения: 14.07.2023).

Литература / References

Аганина Л. А. К читателю. Шрестха, Кришна Пракаш. *Культ животных в Непале. Жизнь народа и древние легенды*. М., 1993 [Aganina L. A. To the reader. Shrestha, Krishna Prakash. *Animal worship in Nepal. The life of the people and ancient legends*. Moscow, 1993 (in Russian)].

Васильева Л. А. *Становление газели урду. У истоков жанра*. М., 2015 [Vasilyeva L. A. *The formation of Urdu ghaṣal. The origins of the genre*. Moscow, 2015 (in Russian)].

Васильева Л. А. Урдуязычная диаспора и ее литература в контексте времени. *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 8. С. 70–75 [Vasilyeva L. A. Urdu speaking diaspora and its Literature in the flow of times. *Aziya i Afrika segodnya* (Asia and Africa Today). 2017. No. 8. Pp. 70–75 (in Russian)].

Васильева Л. А. *Поэзия и проза на чужих берегах. Эмигрантская литература урду*. М., 2018 [Vasilyeva L. A. *Poetry and Prose in strange lands. Emigrant Urdu Literature*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Прохожина С. В. *Новые идентичности (быть или не быть западно-восточному «синтезу»: из опыта франко-магрибинских контактов и конфликтов)*. М., 2012 [Prozhogina S. V. *New identities (to be or not to be a West-Eastern “synthesis”: from the experience of Franco-Maghrebian contacts and conflicts)*. Moscow, 2012 (in Russian)].

Zia Abdul Qadir. *New Dimensions in Urdu Literature in Canada*. Suburi, 1995.

Шрестха, Кришна Пракаш. *Культ животных в Непале. Жизнь народа и древние легенды*. М., 1993 [Shrestha, Krishna Prakash. *Animal worship in Nepal. The life of the people and ancient legends*. Moscow, 1993 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Vladimir Radyuhin. Indo-Soviet bridges, through books. *The Hindu*. 2008. Nov. 16. URL: www.thehindu.com (дата обращения: 10.07.2023).

Иван Крылов. В Индии вышли мемуары крупнейшего переводчика русской литературы. *ИЛ «Росмедиа», портал «Русский мир»*, 08.03.2013 [collaborate/ruskiymir.ru] (дата обращения: 14.07.2023).

Джанвиджай, Анил, ru.wikipedia.org

РАЗВИТИЕ ИНДИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКУЮ СТРАТЕГИЮ ИНДИИ

© 2023

С. И. Лунев¹

Три волны индийской миграции (в древности; расселение британскими колонизаторами жителей Индостана по своим колониям по всему побережью Индийского океана и островам Центральной Америки; современная эмиграция) привели к появлению больших индийских диаспор по всему миру. Индийские власти отдают полный приоритет представителям третьей волны, которых можно разделить условно на две категории: «нефтяников» в зоне Персидского залива и «профессионалов» (интеллигенцию и элиту), выехавших преимущественно в западные страны (но они есть и в зоне Персидского залива). Весьма значительна их роль в инвестициях в индийскую экономику, и их денежные переводы рассматриваются как существенный вклад в развитие экономики Индии. Сейчас трудно найти представителя индийской элиты, который бы не имел близких друзей или родственников, которые являются западными гражданами. В результате некоторые политические лидеры азиатского гиганта полностью уверовали во всемогущество Запада и призывают ориентироваться исключительно на США. Две основные партии Индии – Индийский национальный конгресс и Бхаратия джаната парти, придя к власти, часто идут на проамериканские шаги (интересно, что, находясь в оппозиции, они часто критикуют проамериканские действия правящей партии).

Ключевые слова: индийская диаспора, вторая и третья волны миграции, Африка, Юго-Восточная Азия, Карибы

Для цитирования: Лунев С. И. Развитие индийской диаспоры и ее влияние на внешнеполитическую стратегию Индии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 134–149. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-134-149

THE DEVELOPMENT OF THE INDIAN DIASPORA AND ITS IMPACT ON INDIA'S FOREIGN POLICY STRATEGY

Sergey I. Lunev

Three waves of Indian migration (in ancient times; the deployment of Indian manpower by British colonizers to other British colonies along the entire coast of the Indian Ocean and the islands of Central America; modern emigration) led to the emergence of large Indian diasporas around the world. The Indian authorities give full priority to representatives of the third wave, who can be divided into two categories: 'oil workers'

¹ Лунев Сергей Иванович, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД Российской Федерации, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, Москва; silounev@gmail.com

Sergey I. Lunev, DSc (History), Professor at the Department of Oriental Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) and Principal Chief Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; silounev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5850-1188

in the Persian Gulf zone and ‘professionals’ (intellectuals and elite) who have left mainly for Western countries (but they also exist in the Persian Gulf zone). Their role in investments in the Indian economy is very significant, and their remittances are considered as a significant contribution to the development of the Indian economy. Now it is difficult to find a representative of the Indian elite who would not have close friends or relatives who are Western citizens. As a result, some political leaders of the Asian giant have fully believed in the omnipotence of the West and urge to follow exclusively the USA. The two main parties of India – the Indian National Congress and the Bharatiya Janata Party, having come to power, often take pro-American steps (interestingly, while in opposition, they often criticize the pro-American actions of the ruling party).

Keywords: Indian diaspora, second and third waves of migration, Africa, Southeast Asia, Caribbean islands

For citation: Lunev S. I. The Development of the Indian Diaspora and Its Impact on India's Foreign Policy Strategy. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 4. Pp. 134–149. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-134-149

ПОЛОЖЕНИЕ ИНДИЙЦЕВ ВТОРОЙ ВОЛНЫ МИГРАЦИИ В АФРИКЕ

Первая волна индийской миграции, когда арии осуществляли торговую и культурную экспансию в соседние страны, проходила в древности. Но их связи с Индией впоследствии прервались, и они растворились в местном населении. Вторая волна — это переселение британскими колонизаторами с 1833 по 1917 г. 30 млн жителей Британской Индии по всей зоне Индийского океана и в район Карибского бассейна. Выходцы из Индии имели право возвратиться на Индостан, что осуществили 24 млн человек [Jain, 1990, p. 9]. Но во многих странах, куда переселяли индийцев, они в настоящий момент представляют очень существенную долю населения. Согласно закону, принятому в Индии в 1973 г., потомки переселенцев стали называться «лицами индийского происхождения».

К ним вполне применим термин «безнадежная диаспора» фиджийского историка Бриджа Лала [Anjum, 2006]. Индийцы не только потеряли связи с родиной, но и испытали многочисленные сложности, особенно в Африке. Здесь крупнейшие индийские диаспоры появились в ЮАР и в Восточной Африке — Танзании, Кении и Уганде. В ЮАР в 2022 г. индийцев насчитывалось более полутора миллионов, что составляет 2,5% населения² (30 лет назад — около 1 миллиона [Hiremath, 1997, p. 380]). Естественно, во время колониального периода и существования режима апартеида выходцы из Индии испытывали дискриминацию (Махатма Ганди за 20 лет проживания в Южной Африке боролся за права именно их, а не другого «цветного» населения), но их положение было существенно лучше, чем у черного большинства, и они заняли практически все управленческие должности, которые существовали для неевропейцев, и контролировали целый ряд экономических сфер. В настоящий момент индийцы постоянно сталкиваются с угрозами со стороны черного большинства ЮАР.

Более драматичной является судьба диаспор в Восточной Африке. После начала деколонизации начавшийся процесс африканизации в этом регионе сначала ударил по индийцам — государственным служащим, а потом — по торговцам и коммерсантам. К моменту получения независимости Кенией (1963 г.) здесь было почти 180 тысяч выходцев из Индии. Хотя они составляли лишь 2,2% населения, их доля в Найроби составляла 48,3%, а в другом крупнейшем городе — Момбасе — 28% [Jain, 1993, p. 133]. В 1979 г. индийцев осталось 78 тысяч [Nowik, 2015, p. 149]. Остальные, получив британское гражданство, эмигрировали из страны. Родители нынешнего премьер-министра Британии Риши Сунака проживали именно в Кении и Танзании,

² Сайт Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1116076/total-population-of-south-africa-by-population-group/> (дата обращения: 29.05.2023).

откуда переехали в Великобританию. В Танзании в 1967 г. проживало почти 90 тысяч индийцев, к 1980-м гг. их осталось менее 50 тысяч [Jain, 1990, p. 44], а в 2006 г. — 45 тысяч [Nowik, 2015, p. 138–140].

Еще более трагичными были события в Уганде. Лица индийского происхождения составляли незначительную долю населения, но благодаря им появились железные дороги в Уганде (и Кении), которые стали триггером экономического развития региона, а более половины торговцев были индийцами [Moris, 1993, p. 144]. После получения Угандой независимости начался процесс африканизации, в рамках которого проходили санкционированные властями погромы индийцев и прямые репрессии против них. Режим Иди Амина в 1972 г. выслал из страны практически всех индийцев, еще оставшихся в Уганде (80 тысяч человек) [Garrity, 2023]. После отстранения диктатора от власти правительство Уганды обратилось с призывом к индийцам вернуться в страну, где бы им вернули конфискованную собственность, но таких нашлось лишь около 8 тысяч человек [Chengappa, 1997, p. 67]. В итоге индийская диаспора в Восточной Африке XXI в. насчитывает около 200 000 человек по сравнению с 360 000 в начале 1960-х гг. [Report of the High Level Committee, 2001].

На Реюньоне проживает почти 300 тысяч выходцев из Индии, преимущественно из Тамилнаду. В ходе второй волны эмиграции на остров по статистике были ввезено более 115 тысяч индийцев (в реальности цифра была больше, поскольку детей засчитывали за половину или даже четверть человека [Scherer, 1965, p. 74]).

Наиболее удачно сложилась судьба индийских мигрантов на Маврикии, где сейчас проживает почти 900 тысяч человек индийского происхождения (около 70% населения³). Индийская диаспора занимает на острове ключевые позиции во всех сферах. Большую роль играет то обстоятельство, что страна выполняет роль офшора для азиатского гиганта и в Индию отсюда поступают очень значительные инвестиции.

Лица индийского происхождения в Азии и на Карибах

В Азиатско-Тихоокеанском регионе перед индийской диаспорой также постоянно вставали крупные проблемы. До 1937 г. Бирма была составной частью Британской Индии и здесь насчитывалось более 1 млн индийцев (более половины жителей Рангуна были лицами индийского происхождения). В руках именно индийцев было ростовщичество, а бирманцы могли закладывать почти исключительно принадлежавшие им земли. В результате индийцам в собственность перешли колоссальные массивы земли. В ходе Второй мировой войны Бирма потеряла половину диаспоры, которая бежала в результате оккупации страны японской армией. Процесс выдавливания из страны лиц индийского происхождения и лишения их собственности продолжился после получения Бирмой независимости: индийцам отказывали в предоставлении гражданства, а в рамках осуществляемой национализации они получали мизерную компенсацию. Было удовлетворено лишь 10 тысяч прошений на получение бирманского гражданства из 400 тысяч заявок [Chaturvedi, 2015, p. 22]. После войны в Индию вернулось около 150 тысяч человек, и в индийской диаспоре, по оценкам бирманских специалистов, было к 1980-м гг. только

³ Indians in Mauritius shining example of our values of peace, pluralism, says Jaishankar // The Print. 24.02.2021. URL: <https://theprint.in/diplomacy/indians-in-mauritius-shining-example-of-our-values-of-peace-pluralism-says-jaishankar/610882/> (дата обращения: 29.05.2023).

350 тысяч человек. Правда, индийские эксперты оспаривают эту цифру, полагая, что сейчас в Мьянме проживают 2 млн выходцев из Индии⁴ (4% населения страны [Chaturvedi, 2015, p. 1]).

До конца биполярного периода лица индийского происхождения по численности превосходили автохтонное население Фиджи (диаспора насчитывала 350 тысяч человек) [Hiremath, 1997, p. 381] и занимали ключевые позиции в экономической и культурной жизни островов. Однако после двух переворотов в 1987 г., осуществленных меланезийцами, были существенно ограничены социально-экономические и политические права индийцев, что было закреплено в новой конституции. Если в 1985 г. из государственных служащих 46,4% были фиджийцами, а 48% — индийцами, то соответствующие цифры в 1995 г. были 57,3% и 38,6% [Lal, 2006, p. 152]. Ситуацию ухудшил и новый переворот в 2000 г. Началась эмиграция индийцев (выехала треть диаспоры), и по последней переписи населения они составляли уже только 37,6% общего числа жителей Фиджи.

В Непале индийцы также постоянно подвергаются дискриминации. Им фактически закрыли доступ к армии, полиции и государственному аппарату. Бизнесмены индийского происхождения связаны большим количеством ограничений. Непал нередко нарушал двусторонний договор 1950 г., который предписывал предоставление равных прав гражданам другой страны и местному населению в плане «участия в промышленном и экономическом развитии», и эти права можно ограничить лишь в случае согласия противоположной стороны. Особенно выделяется проблема выходцев из Индии в тераях, куда переместились индийские этносы — бихарцы (в составе которых майтхили — 3,5 млн чел. и бходжпури — более 1,8 млн а также близкие к ним тхару (более 1,7 млн и авадхи (более 560 тысяч), что вступает в противоречие со стремлением непальских властей переселять сюда выходцев из гористых районов. При этом Индия признает присутствие в Непале только 600 тысяч индийцев⁵.

Еще тяжелее положение индийских тамилгов в Шри-Ланке. Британские колонизаторы в XIX в. ввезли в Шри-Ланку тамилгов из Индии прежде всего для работы на плантациях, особенно чайных. Многие приезжие из Индии даже не имели разрешения на жительство (такое правило было специально введено по требованию сингальской буржуазии). К концу 1960-х гг. на острове проживало около 1 млн индийских тамилгов, у которых не было никакого гражданства. Именно с их погромов в 1983 г. на острове началась гражданская война между сингальцами и тамилами, продолжавшаяся до 2009 г. Министерство иностранных дел Индии признает наличие на острове 1,6 млн выходцев из Индии (т. е. представителей второй волны эмиграции)⁶.

Диаспора, появившаяся по результатам второй волны индийской эмиграции, не занимает ключевые позиции и в Малайзии. Сюда до 1957 г. переехало 4,25 млн жителей Индостана, но 3 млн лиц вернулись назад. 750 тысяч индийцев, нанятых для работы на плантациях, умерли, не вынеся тяжелых условий [Jain, 1990, p. 17]. Сейчас в Малайзии насчитывается почти 3 млн человек индийского происхождения, и Малайзия занимает третье место в мире по числу индийцев, живущих за пределами своей этнической родины⁷. В настоящий момент большинство их относится к среднему классу (государственные служащие, торговцы, врачи и т. д.). Индийцы, прибывшие в постбиполярный период, работают в строительной и машиностроительной промышленности, в сферах образования и обслуживания, в секторе информационных технологий. Индийская диаспора уступает и китайской, и малайской общинам в политической и экономической

⁴ Population of Overseas Indians // Ministry of External Affairs. Government of India. URL: https://mea.gov.in/images/attach/NRIs-and-PIOs_1.pdf (дата обращения: 29.05.2023).

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

сферах. Так, в 1970 г. индийский капитал в коммерческих обществах уступал китайскому в 22,5 раза [Wiebe, Mariappen, 1978, p. 110], а в XXI в. — в 32,5 раза, а индийцы обладали, по оценкам, в Малайзии лишь 1,2% национального богатства страны [Malaysia. Ninth Malaysia Plan, 2006, p. 336]. Правда, в 2018 г. 16 парламентариев были индийского происхождения (наивысшая цифра за всю историю) [Kaur, 2018, p. 7]. Сходная ситуация существует в Сингапуре (650 тысяч человек индийского происхождения), Таиланде (200 тысяч), Индонезии (120 тысяч) и на Филиппинах (120 тысяч)⁸. При этом следует отметить, что только в Сингапуре, где особую роль играет постоянный курс правительства на обеспечение равенства всех граждан независимо от их национальности и религии, на превращение сингапурцев в единую общину (благодаря этому противоречия между различными этносами существуют только в латентной форме и отношения между носителями различных языков и религий достаточно доброжелательные), отсутствует какая-либо дискриминация индийцев.

Значительное число индийцев оказались в районе Карибского бассейна. Около 240 тысяч были отправлены в Британскую Гвинею (сегодня Гайану) [Ramdas, 1978, p. 954], 36 тысяч оказались на Ямайке, 144 тысячи — на Тринидаде и Тобаго. Чернокожее население подвергалось дискриминации индийцев и в зоне бассейна Карибского моря: особенно заметно она проявлялась в Гайане. Индийские работники по контракту по численности опережали африканцев. Однако идеолог черного расизма Ф. Бернхам, руководивший страной до 1985 г., проводил политику полного изгнания индийцев из силовых структур и лишения их рабочих мест в пользу меньшинства — чернокожего населения. За судьбой индийских эмигрантов на Тринидаде можно проследить по произведениям Видиадхара Найпола — англоязычного писателя индийского происхождения, лауреата Нобелевской премии по литературе.

Однако индийцы имеют прочные позиции в различных отраслях экономики региона. На них приходится 40% населения Гайаны [Democracy, Human Rights, 2016, p. 34], 38% — Суринама [Malik, 1993, p. 204], 35,4% — Тринидада и Тобаго [Robinson, Raymond, Watts, Brereton, 2023] и около 15% населения Гваделупы [Malik, 1993, p. 225]. В новом веке доля индийцев постепенно сокращается как из-за их дискриминации, так и из-за эмиграции (прежде всего в Соединенные Штаты: сюда лишь из Тринидада и Тобаго переехали более 70 тысяч индийцев) [Hiremath, 1997, p. 367]. В некоторых странах, таких как Барбадос и Ямайка, индийцы, смешиваясь с местным населением, постепенно теряют свою идентичность. В некоторых странах лица индийского происхождения достаточно активны в политической жизни. Лица индийского происхождения дважды были премьер-министрами в Тринидаде и Тобаго, а Камала Персад-Биссессар стала первой индианкой, ставшей главой государства за пределами Южной Азии. Президентом Гайаны с 1999 по 2011 г. являлся Бхаррат Джагдео⁹ (в его кабинете министров 12 человек были тоже индийцами).

Подходы индийских властей к лицам индийского происхождения

В самой Индии обращают незначительное внимание на представителей второй волны миграции, которые часто не смогли занять доминирующие позиции на новой родине. Это происходит в результате действия многих факторов.

Необходимо выделить откровенную дискриминацию индийцев со стороны, как правило, чернокожих жителей Африки и Кариб (в нашей стране настолько большой акцент был

⁸ Ibid.

⁹ В 1990 г. он окончил Университет дружбы народов в Москве.

сделан на «белом расизме», что было полностью проигнорировано явление «черного расизма», который часто существует даже в более открытых и резких формах). Большое значение имеет и то обстоятельство, что индийская община не обладает единой организацией и не функционирует как общая группа. Индийцы ориентированы в первую очередь на свою семью, а не на землячество, что мешает их активной деятельности в политической жизни.

Свою роль играет и не очень высокий профессиональный и кастовый уровень эмигрантов второй волны, когда вывозились, в первую очередь, чернорабочие и плантационные работники. Среди них практически не было высококастовых индийцев, не говоря уже о элитарных слоях. Невысокий уровень образования также препятствовал повышению роли индийских диаспор. Необходимо отметить религиозные и расовые отличия индийцев от местных жителей, что препятствовало их натурализации в новых странах пребывания, включая и Юго-Восточную Азию.

Наконец, индийские правительства мало заботятся о положении лиц индийского происхождения. Они фактически игнорировали дискриминацию своих бывших соотечественников в Африке, в Бирме и на Карибах. Индийские власти даже не стали поднимать вопрос в ООН в конце 1980-х гг. по поводу дискриминации индийской общины на Фиджи, ограничившись «последним предупреждением». Индия закрыла свое представительство и культурный центр на Фиджи, но вскоре вновь их открыла.

Азиатский гигант более активно действовал в Шри-Ланке и Непале, но это было результатом того, что развитие отношений с соседними странами является высокоприоритетной задачей для Республики. Одной из основных причин того, что Индия в марте 1989 г. остановила действие Договора о торговле и транзите с Непалом (с импорта и экспорта гималайского королевства стали взимать обычные пошлины; Непал потерял право покупать товары, которые были в дефиците в самой Индии; из 15 проходов на индийско-непальской границе 13 были закрыты¹⁰), стала объявленная дискриминация индийских граждан в Непале, но в реальности главной мотивацией для Индии послужило существенное сближение гималайской страны с Китаем. Действия Индии привели к колоссальному экономическому кризису в гималайском королевстве, что способствовало косвенным образом активизации политической борьбы, закончившейся победой демократических сил и появлением режима конституционной монархии в стране.

Во второй раз экономические санкции Индия ввела против Непала в 2015 г. Вновь основной причиной была названа дискриминация населения тераев, которое называет себя мадхези, в новой Конституции Непала 2015 г. (протест вызвали новое территориальное деление и неполучение мадхези особых автономных прав), однако реальными поводами к этому оказались приход в Непале к власти коммунистов и резкая активизация непало-китайских отношений. Реакция азиатского гиганта, правда, несколько микшируется проведением кабинетом Н. Моди политики «Соседи — прежде всего».

Азиатский гигант более активно борется за права выходцев из Индии в Шри Ланке, что связано с позицией одного из важнейших штатов — Тамилнаду. С середины I тыс. до н. э. проходила постоянная миграция на Цейлон жителей Индостанского полуострова (как индоариев, так и дравидов), которых можно называть автохтонами. А вот введенные британскими колонизаторами на остров тамилы для развития плантационного бизнеса, прежде всего чайного, относятся ко второй волне миграции. Уже в начале XX в. на Цейлоне проживало полмиллиона «индийских» тамиллов, что составляло 12% всего населения. Именно проблема положения этой категории лиц длительный период была базовым нерешенным вопросом в индийско-ланкийских отношениях. В соответствии с договоренностями, достигнутыми в 1964 и 1974 гг.,

¹⁰ По международным законам достаточно оставлять один проход для страны, не имеющей выхода к морю.

на семь тамиллов, которых перевозили назад в Индию, приходилось четыре тамила, которым давали ланкийское гражданство [Kumar, 1977, p. 94]. К началу 1986 г. индийское гражданство было получено 506 тысячами тамиллов, а ланкийское гражданство было предоставлено 375 тысячам человек. В январе 1986 г. было заключено новое соглашение, в соответствии с которым 94 тысячи тамиллов дополнительно получали ланкийское гражданство¹¹.

В ходе сингало-тамильской гражданской войны 1983–2009 гг. (как и после нее) правительства Шри-Ланки испытывали особое беспокойство по поводу позиции Индии. Естественно, что наиболее активно ланкийских тамиллов поддерживает индийский штат Тамилнаду. Дели постоянно испытывает нажим как со стороны самих тамильских партий, так и со стороны населения, причем не только Тамилнаду. Религия более важна в Индии по сравнению с этническим происхождением, и жители «арийских» территорий выступали на стороне тамиллов (индусов), которые были выходцами с дравидского юга, а не сингалов (буддистов), которые пришли с «арийского севера». В результате индийские власти постоянно требовали от ланкийских властей защиты мирных тамиллов на острове. Тамильский вопрос и после завершения гражданской войны негативно влияет на индийско-ланкийские отношения и ухудшает положение индийского правительства, если оно, по мнению населения, недостаточно защищает тамиллов, проживающих в Шри-Ланке. Так, в марте 2013 г. находившейся у власти Индийский национальный конгресс потерял поддержку главного партнера в Тамилнаду — партии Дравида муннетра кажагам из-за того, что ДМК была недовольна тем, что Индия в ООН не добилась серьезного ужесточения резолюции о проведении расследования совершенных военных преступлений в Шри-Ланке против тамиллов. Решение ДМК было одной из причин поражения ИНК на всеобщих выборах в 2014 г. В 2021 г. Индия воздержалась при голосовании в ООН по резолюции об осуждении дискриминации тамиллов на острове, но, видимо, под давлением Тамилнаду в 2022 г. в ООН вновь подняла данный вопрос. Правда, правительство Индии акцентирует свои действия на правах прежде всего ланкийских тамиллов, тогда как руководство и население Тамилнаду поддерживает и индийских тамиллов.

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что индийские власти, по существу, осуществляют недостаточно активных действий для укрепления взаимосвязей с индийскими диаспорами, образовавшимися в ходе второй волны миграции, а жители Индии проявляют слабый интерес к этим бывшим соотечественникам, которых воспринимают обычно как «неполноценных» индийцев, о чем откровенно поведал В. С. Найпол в своем романе «Территория тьмы» (произведение было запрещено в Индии), появившемся после почти годового путешествия писателя по Индии в 1962 г.

В биполярный период происходило постоянное, хотя и достаточно медленное, усиление позиций азиатского гиганта в западной части Индийского океана за счет укрепления политических (Индия была лидером Движения неприсоединения) и экономических (страна находилась в списке главных импортеров у большинства государств, имевших непосредственный выход в Индийский океан; появлялись совместные предприятия; шел вывоз сюда частного и государственного индийского капитала) связей с государствами региона. Однако наличие большого числа выходцев из Индии слабо воздействовало на политический курс азиатского гиганта, предпочитавшего закрывать глаза на дискриминацию индийцев ради укрепления отношений с самими государствами.

В новом веке ситуация мало изменилась. В 1990-е гг. Индия сосредоточилась на конкретных направлениях внешней политики, и ослаб ее интерес к освободившимся странам. В новом

¹¹ The Long Trek to Citizenship // Frontline (Madras). 1986, Jan. 25 – Feb. 7, p. 117–118.

веке, правда, значение бывшего третьего мира для азиатского гиганта вновь возросло, но тематика положения потомков индийских эмигрантов второй волны долгое время оставалась неприоритетной. Ее стали использовать после прихода к власти Н. Моды, который явно активизировал применение Индией мягкой силы в различных новых индийских программах, таких как «Маусам» (сезонные муссоны)¹², SAGAR (Security and Growth for All in the Region — Безопасность и рост для всех в регионе), распространение йоги по всему миру (в 2014 г. ООН объявила 21 июня Международным днём йоги [Resolution of the GA, 2014]) и т. д. В этих проектах Индия прибегает к использованию выходцев из Индии, но значительной помощи им не оказывает. Более того, некоторые новые проекты могут негативно сказаться на их судьбе. Так, Н. Моди стал использовать буддизм в качестве механизма мягкой силы. Данный инструмент оказался одним из главных для укрепления отношений Индии с Мьянмой. Однако если бирманцы являются буддистами, то среди 2 млн выходцев из Индии таковых меньшинство, что дает определенное идеологическое обоснование для их дискриминации.

Важное значение для Индии, правда, имеет Маврикий как основной офшор азиатского гиганта. Островное государство постоянно было одним из лидеров среди поставщиков капиталовложений в Индию. В период с 2000 по 2017 г. 34% всех прямых иностранных инвестиций Индии поступило с Маврикия (134 млрд долларов)¹³. В 2021–22 финансовом году отсюда было переведено 9,4 млрд долларов [Singh & Arya, 2023].

СОВРЕМЕННАЯ ВОЛНА ИНДИЙСКОЙ МИГРАЦИИ НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Отношение индийских властей к третьей (современной) волне миграции совершенно иное, чем ко второй. Она началась в 1960-х гг., и ее представители уехали за границу, но часто сохраняют предыдущее гражданство. Два основных направления — Персидский залив, куда отправляются как чернорабочие, так и выходцы из среднего класса (инженеры, торговцы, врачи и т. д.), и Запад, куда эмигрируют элита и интеллигенция.

На начало 1995 г., по оценке Министерства иностранных дел Индии, всего за рубежом проживало более 10,8 млн лиц индийского происхождения, имевших неиндийское гражданство. В 2010 г. в 130 странах насчитывалось 27 млн индийцев, а в 2022 г. — 32 млн (13,46 млн индийцев-нерезидентов и 18,68 млн лиц индийского происхождения)¹⁴. По этому показателю Индия занимает второе место в мире после Китая. Индийцы эмигрируют прежде всего по экономическим причинам, а другие факторы (этнические, политические и социальные) играют меньшую роль. Согласно опросу, осуществленному Комитетом по делам индийской диаспоры, основная часть уехавших отказалась бы от эмиграции, если бы смогла найти применение своих способностей в Индии.

Отношение Индии к арабскому миру определяется двумя основными факторами: поставками углеводородов (сырая нефть составляет треть индийского импорта) и миграцией индийского населения в страны Персидского залива. Это привело к тому, что развитие отношений с государствами Залива является для Индии приоритетом, а Магриб и Левант имеют намного меньшее значение.

¹² Идея о религиозной и культурной близости стран Индийского океана благодаря морской торговле.

¹³ How Mauritius became one of India's Biggest Foreign Investors // Nickled and Dimed. The Centre for New Economics Studies, O.P Jindal Global University, Sonapat. July 18, 2021. URL: <https://nickledanddimed.com/2021/07/18/how-mauritius-became-one-of-indias-biggest-foreign-investors/> (дата обращения: 29.05.2023).

¹⁴ Population of Overseas Indians.

В странах Персидского залива в 1975 г. насчитывалось только 200 тысяч индийцев, в 2001 г. — 3,3 млн в 2010 г. — 5 млн [Rajan, Narayana, 2010, p. 47], в 2013 г. — 6 млн [Singh, Chhabra, 2015, p. 2], в 2015 г. — 8 млн индийцев [Connor, 2016], а в 2022 г. — уже 8,9 млн (в Объединенных Арабских Эмиратах насчитывалось 3,4 млн индийцев, в Саудовской Аравии — 2,6 млн в Кувейте — 1,03 млн в Омане — 0,78 млн в Катаре — 0,75 млн в Бахрейне — 0,33 млн)¹⁵. Таким образом, выходцы из Индии составляют 36% от всего населения ОАЭ, 33% — Кувейта, 24% — Катара, 22% — Бахрейна, 17% — Омана и 8% — Саудовской Аравии.

Большинство государств Персидского залива не предоставляют индийцам местное гражданство, невзирая на их доходы и положение. У различных категорий индийцев очень существенно отличаются заработки и условия труда. Индийские чернорабочие испытывают серьезные проблемы: отказ от оказания медицинской помощи, ужасные условия размещения, задержка зарплат, неограниченное рабочее время, дискриминация и т. д. В случае возникновения каких-либо экономических проблем в последнее время в зоне Персидского залива десятки тысяч индийцев оставались безработными, и индийские власти были даже вынуждены посылать летом 2016 г. для них продукты питания в Саудовскую Аравию [Vasikogambros, 2016]. Индийцы недавно получили право на строительство своих школ, что обычно выдается за серьезный шаг на пути улучшения их условий жизни. При этом страны Персидского залива запрещают индийцам с низкой заработной платой привозить с собой иждивенцев, а минимальная месячная зарплата, необходимая для ввоза одного ребенка, колеблется от 800 долларов США в Омане до 2700 долларов США в Катаре [Kippels & Ridge, 2019, p. 3].

Резко сократилось количество индийцев в Ираке и Ливии из-за ирано-иракской войны 1980–1988 гг., оккупации НАТО Ирака и интервенции Запада в Ливию. В последней в 2011 г. проживало 18 тысяч индийцев¹⁶, а в 2022 г. осталось полторы тысячи. Очевидный различный подход индийских властей к эмигрантам второй и третьей волн можно наглядно видеть на Ближнем Востоке, где азиатский гигант проводил даже крайне масштабные военные операции. Так, во время операции «Буря в пустыне» Индия эвакуировала более 176 тысяч индийцев из Ирака и Кувейта [Fabian, 2011]. Во время нелегитимной операции США и европейских стран НАТО в Ливии в 2011 г., приведшей к фактическому распаду последней, индийская армия и военноморской флот вывезли из ближневосточной страны практически всех индийцев [Mohan, 2013, p. 20]. В 2015 г. индийские власти эвакуировали из Йемена 4 тысячи своих граждан, а из Ирака — более 7 тысяч [The Ministry of External Affair, 2016, p. 60].

При этом активные действия предпринимаются, как правило, только в случае катаклизмов. Дели практически не поднимает проблемы дискриминации своих граждан в Персидском заливе из-за того, что денежные переводы из этого региона стали составлять значительную долю ВВП Индии.

Индийцы перевели в 2006 г. на родину более 23 млрд долларов (12 млрд долларов — из зоны Персидского залива), притом что эти денежные поступления равнялись в 1990 г. только 2,3 млрд а в 2000 г. — 12,3 млрд [Panagariya, 2001]. В 2012 г. переводы в Индию из Объединенных Арабских Эмиратов оценивались в 15,7 млрд из Саудовской Аравии — в 8,4 млрд из Кувейта — 3 млрд из Омана — 2,6 млрд из Катара — 2,3 млрд [Aeres, 2014]. В 2015 г. в Индию из зоны Персидского залива было переведено 36 млрд долларов, что составило больше половины всех денежных переводов в Индию [Madan, 2016]. По данным Мирового банка, Индия в 2015 г. по этому показателю (69 млрд долларов) вышла на первое место, опередив Китай [The World Bank, 2016].

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Government to evacuate Indians from Libya // The Hindu. 23.02.2011.

В 2022 г. Индия получила уже 111 млрд долларов, что почти в 2 раза было больше, чем у занявшей второе место Мексики (Китай остался на третьем месте) [The World Bank, 2023]. Правда, пандемия негативно сказалась на переводах из Персидского залива, и в 2020–2021 финансовом году они оценивались лишь в 28 млрд долларов¹⁷. Если в 2015 г. переводы из Залива составили 52% от всех денежных переводов в Индию, то в 2021–2022 финансовом году — лишь 28% [Bhatia, 2022]. На первое место по данному показателю в 2022 г. вышли США (23% всех переводов), на третье — Великобритания (6,8%), на четвертое — Сингапур (5,7%) [Rahman, 2023].

Лица индийского происхождения на Западе

Основное направление миграции третьей волны — Северная Америка. США сейчас занимают первое место в мире по числу индийских переселенцев. Их насчитывалось, по переписи населения в США в 2001 г., 1,6 млн человек (на них приходилось 16% выходцев из Азии, и больше была доля лишь китайцев и филиппинцев) [Sidel, 2003, p. 4]. По результатам переписи 2010 г. в США проживало уже 2,8 млн граждан индийского происхождения (19% всех выходцев из Азии). Теперь по численности индийская община уступала лишь китайской диаспоре (3,3 млн) [US Census Bureau, 2010]. В 2022 г. индийцев насчитывалось уже 4,46 млн¹⁸.

Начальный и последующий этапы индийской эмиграции серьезно отличаются. Индийская эмиграция в США в начале XX в. сыграла неоднозначную роль в развитии отношений США с колониальной Индией. С одной стороны, расовая предубежденность значительной части «средних американцев» против темнокожих индийцев в определенной степени ограничивала развитие контактов между двумя народами. Первый индийский иммигрант прибыл в Соединенные Штаты только в 1899 г., однако уже через восемь лет, когда индийских иммигрантов насчитывалось чуть более 1 тысячи, по США прокатились антииндийские погромы. В 1917 г. правительство США даже приняло закон, запрещающий иммиграцию индийцев, а в 1922 г. Верховный суд США подтвердил этот закон и объявил, что индийцы не имеют права получения гражданства США. Многие лица индийского происхождения были насильственно депортированы из Соединенных Штатов.

Если в Индии постановления американских властей вызвали справедливое возмущение (например, «Сварадж паришад», организационно входившая в Индийский национальный конгресс, потребовала лишить американских граждан привилегий в Индии), то в самих Соединенных Штатах общественное мнение явно поддерживало действия властей. В результате опроса выяснилось, что лишь менее четверти американцев не было согласно с лишением индийцев права на гражданство в США, только 1% допускал мысль о родстве с индийцем по браку, а более половины выступали даже против посещений США индийцами [Натараджан, 1953, с. 43–44].

С другой стороны, деятельность в США и Канаде индийской революционной эмиграции, в частности партии «Гадр», способствовала распространению идеалов буржуазной демократии среди части индийцев, особенно в Пенджабе, откуда происходила значительная часть эмигрантов.

Если к 1970 г. количество индийцев, эмигрировавших в США, не превышало 40 тысяч человек, то в 1970–1980-е гг., сразу после начала «третьей волны», каждый год приезжало в среднем около 15 тысяч индийцев, причем из состоятельных страт общества. Две трети граждан

¹⁷ India received highest ever foreign inward remittances in a single year of \$89,127 million in FY 2021–22 // Ministry of Finance. Government of India. 07.02.2023. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1897036> (дата обращения: 29.05.2023).

¹⁸ Population of Overseas Indians.

индийского происхождения имеют высшее образование, а индийская диаспора является одной из самых зажиточных этнических общин. Индийцы заняты в таких сферах, как высокие технологии, бизнес, медицина, управление, журналистика и т. д.

До 1967 г. поток индийцев в Канаду был очень ограничен, но после того, как в стране отменили этнические квоты, он резко возрос. 25–30 тысяч индийцев в год мигрируют в Канаду в новом веке. Перепись населения в Канаде, проведенная в 2001 г., показала, что в стране проживало более 710 тысяч индийцев (половину из них составляли панджабцы, преимущественно сикхи) [Soodabeh, 2007, p. 14], а в 2006 г. в стране насчитывалось уже более 960 тысяч индийцев. Сейчас их численность оценивается в 1,7 млн¹⁹ (около 5% всего населения). Индийцы заняты прежде всего в таких областях, как высокие технологии, медицина, высшее образование. Душевой доход индийской диаспоры на 20% выше, чем среднестатистический. Канадские индийцы, в отличие от американских собратьев, гораздо интенсивнее участвуют в политической жизни. В 1997 г. первый индиец стал министром в Канаде, а после они стали постоянно включаться в кабинеты министров. 8 выходцев из Индии стали канадскими парламентариями в 2011 г., 19 — в 2015 г. [Banerjee, 2019], 17 — в 2021 г. [Bhalla, 2021]. Индиец Джагмит Сингх является лидером левоцентристской Новой демократической партии, получившей на последних федеральных выборах 18% голосов и 25 мест в парламенте.

Второе (после Северной Америки) основное направление миграции из Индии на Запад — Великобритания. Здесь лиц индийского происхождения насчитывается 1 764 тысячи, из которых, правда, лишь 20% являются нерезидентами²⁰. Выходцы из Панджаба составляют почти половину индийцев, и среди них большинство исповедует сикхизм. Более 650 тысяч индийцев проживает в Большом Лондоне, что составляет 7,5% жителей города [England and Wales: Census 2021]. Образовательный уровень индийцев выше, чем белых британцев. 31% индийцев заняты в «профессиональных» областях (инженеры, учителя или юристы), что является самым высоким показателем среди всех этнических групп. 26,4% индийских работников заняты в сфере государственного управления, образования и здравоохранения. Еще 20,9% трудятся в банковском, финансовом и страховом секторах. Доход на душу в индийской диаспоре выше, чем среднестатистический доход в Британии, и среди этносов индийцы занимают первое-второе место вместе с белыми британцами [Indian ethnic group, 2019].

Насчитывается более 500 очень крупных бизнесменов, которые регулярно входят в десятку самых богатых людей Великобритании. Индийской диаспоре принадлежат 65 тысяч предприятий, которые оцениваются в 75 млрд фунтов стерлингов [India in the UK, 2020]. Капиталовложения индийских компаний в Великобританию составляют половину индийских инвестиций в Европу²¹. Индийцы активны и в политической жизни. В 2020 г. Палата общин насчитывала 15 членов индийского происхождения, а в Палате лордов было 23 пэра индийского происхождения [India in the UK, 2020]. В октябре 2022 г. премьер-министром Великобритании стал Риши Сунак.

Лиц индийского происхождения намного меньше в странах континентальной Европы, что в первую очередь связано с более жесткой иммиграционной политикой ЕС в отношении индийцев. Правда, в последнее время государства Европейского Союза увеличили приток индийских профессионалов, особенно специалистов по информационным технологиям. Однако эти шаги сразу встретили возмущение местных жителей. Так, в Баварии, куда в основном были направлены индийские программисты, сразу начались протесты под лозунгом ‘Kinder statt Inder’

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Most Welcoming Communities for Indians Relocating to UK // Moovaz. 03.03.2002.

(«дети вместо индийцев»). Баварцы сразу выступили против схемы «германской зеленой карты» (наподобие американской «гринкард»), предложенной немецким канцлером Г. Шредером в ходе его визита в Индию в октябре 2001 г. В 2022 г. в ЕС проживало более 1 млн индийцев, в том числе в Нидерландах — 240 тысяч, в Италии — 203 тысячи, Германии — 185 тысяч, во Франции — 109 тысяч, в Португалии — 81 тысяча, в Испании — 70 тысяч, в Ирландии — 40 тысяч, в Норвегии — 22 тысячи, в Бельгии — 20 тысяч, в Дании — 15 тысяч²². В России насчитывается 23,6 тысячи лиц индийского происхождения.

В Австралии в 2022 г. проживало почти полмиллиона индийцев, а в Новой Зеландии — четверть миллиона²³. Практически все они — представители третьей волны миграции. Австралия до 1975 г. проводила «Политику Белой Австралии», что означало практический запрет на иммиграцию лиц азиатского происхождения, включая индийцев. Если в Индии резко критиковали данный расистский подход, то правительство страны никогда официально не высказывало своего недовольства, полагая это вмешательством во внутренние дела. Дальнейшие изменения в индийско-австралийских отношениях, приведшие в новом веке к созданию очень прочного и глубокого стратегического партнерства, благотворно сказались на росте индийской эмиграции на «Зеленый континент».

Индийская миграция и внешняя политика страны

Определенные перемены во внешнеполитическом курсе Индии, включая ухудшение отношения индийской элиты к России, связаны именно с «третьей миграционной волной», в результате чего появилась мощная индийская община в Северной Америке и Европе. По существу практически все члены индийской элиты имеют сейчас родственников или близких друзей, являющихся американскими гражданами. Некоторые индийские политики стали призывать к ориентации только на США. Этому, правда, мешают нежелание Соединенных Штатов воспринимать Индию как равного партнера и внешнеполитические действия Вашингтона, которые привели Дели к осознанию исключительной ненадежности США.

Дели организовал очень большое количество программ, нацеленных на укрепление связей между страной и индийцами, проживающими на Западе, в самых разнообразных сферах — науке, образовании, экономике, высоких технологиях. Первой из них стала «Передача ноу-хау через экспатриантов», в рамках которой американские профессионалы посещают сотни индийских институтов. В 2009 г. индийское правительство создало Фонд социального обеспечения индийской общины, а чуть раньше появились Глобальный консультативный совет проживающих за рубежом индийцев при премьер-министре, целью которого стало привлечение средств индийской диаспоры для развития образования и здравоохранения в Индии, и Фонд развития для индийцев, проживающих за рубежом, который должен был стать каналом поступления благотворительной помощи из-за рубежа. Три центра помощи выходцам из Индии были созданы Министерством иностранных дел Индии в Вашингтоне, Абу-Даби и Куала-Лумпуре. Программы существуют и на региональном уровне. Так, в 2021 г. в штате Тамилнаду был создан Совет по социальному обеспечению тамил-нерезидентов [Mariappan, 2021]. Выходцы из Индии вводятся индийскими властями в разнообразные консультативные советы, индийские университеты присваивают почетные звания многим эмигрантам, создаются совместные предприятия в области высоких технологий.

²² Population of Overseas Indians.

²³ Ibid.

В 2006 г. в ответ на пожелания о «двойном гражданстве» со стороны диаспоры в Северной Америке и Европе была введена схема получения гражданства Индии за рубежом (она, правда, не предоставляет политических прав)²⁴. В 2010 г. премьер-министр Манмохан Сингх пообещал предпринять шаги, чтобы предоставить право голоса около 10 млн индийцам-нерезидентам. Они его получили, но голосовать могут только в том избирательном участке на территории Индии, где зарегистрировались. В настоящий момент рассматривается возможность голосовать через почту. Нарендра Моди в ходе своих визитов в западные страны и Персидский залив регулярно встречается с представителями диаспоры.

При этом Дели глубоко ошибается, делая ставку на индийскую общину на Западе. Как уже отмечалось, индийцы не имеют единой организации. Если у первого поколения сохраняются очень тесные связи с бывшей родиной, то представители уже второго поколения слабо интересуются Индией, не изучают родной язык родителей, отказываются от индийских религий — индуизма, ислама и сикхизма, т. е. в культурном плане перестают быть «индийцами». Более того, они стремятся всеми способами доказать свою лояльность новой родине, и анти-индийские действия являются для них наиболее надежным способом. Безусловно, существуют различные организации, такие как Индийско-американская торговая палата, Форум американцев индийского происхождения, Американо-индийский деловой совет, нацеленные на укрепление индийско-американских отношений, но они слабо занимаются лоббизмом именно индийских интересов. Так, нынешний вице-президент США Камала Харрис предпочитает вообще не говорить о своих индийских корнях по матери, бывшей гражданке Индии, делая упор на африканских предках отца. Как правило, в скандалах, связанных с гражданами Индии в США, принимают участие (с другой стороны) граждане США индийского происхождения. Так, именно к данной категории относился прокурор П. Бхарара, начавший расследование в Нью-Йорке в 2013 г. в отношении заместителя генерального консула Индии Д. Кхобраге по подозрению в мошенничестве с визой для ее домработницы (индийский дипломат даже была арестована) [Скосырев, 2014]. За решением в 2005 г. лишить визы в США тогдашнего главного министра штата Гуджарат Н. Моди за якобы организацию коммуналистских столкновений в штате, стояли и выходцы из Индии²⁵. В 2015 г. американское движение «Сикхи за справедливость», выступающее за создание независимого Халистана, потребовало от президента Б. Обамы в ходе визита в Индию поднять вопрос о преследовании сикхов в Индии (петицию подписали более 100 тысяч человек). Члены этой организации в Индии занимаются террористической деятельностью [Saluja, 2022]. За ежегодными докладами Государственного департамента Соединенных Штатов о положении в области прав человека, в которых всегда, включая и доклад 2023 г. [2022 Country Reports, 2023], содержится критика Индии по поводу проблем со свободой выражения мнений, случаев произвольных арестов и задержаний, внесудебных казней, конфискации и уничтожения имущества без надлежащей правовой процедуры, дискриминации в отношении групп меньшинств и т. д., также часто стоят граждане США индийского происхождения.

Таким образом, Индия фактически не укрепляет связи с представителями второй волны миграции, ориентируясь преимущественно на третью, что вряд ли принесет ей какие-либо позитивные результаты.

²⁴ Overseas Citizenship of India Scheme // Ministry of External Affairs. Government of India. URL: <https://www.mea.gov.in/overseas-citizenship-of-india-scheme.htm> (дата обращения: 29.05.2023).

²⁵ Evangelicals, Indian expats behind US visa ban on Modi // The Deccan Herald. 11.12.2013. URL: <https://www.deccanherald.com/opinion/evangelicals-indian-expats-behind-us-2298671> (дата обращения: 29.05.2023).

Литература / References

- Натараджан Л. *Американская тень над Индией*. М., 1953 [Natarajan L. *American Shadow over India*. Moscow, 1953 (in Russian)].
- Скосырев В. Американскому дипломату тяжело жить без говядины. *Независимая газета*. 05.01.2014 [Skosyrev V. It's Hard for an American Diplomat to Live without Beef. *Nezavisimaya Gazeta*. 05.01.2014 (in Russian)].
- Anjum Z. H. An Ode to the Indian Diaspora. *Little India* (N.Y.). 11.12.2006.
- Bhalla G. Here Are The 17 Indian-Origin Leaders Who Have Won Elections in Canada. *The Times of India*. 22.09.2021.
- Chengappa R. African Safari. *India Today* (New Delhi). Vol. XXII. No. 30. 20.10.1997.
- Democracy, Human Rights, and Governance Assessment of Guyana. Final Report*. March 2016. Burlington (Vermont): Tetra Tech ARD, 2016.
- Fabian K. P. Oral History: Biggest Ever Air Evacuation in History. *Indian Foreign Affairs Journal*. 2011. Vol. 17. No. 1. Pp. 93–107.
- Government to evacuate Indians from Libya. *The Hindu*. 23.02.2011.
- Hiremath J. R. India and the Overseas Indians. *Indian Foreign Policy. Agenda for the 21st Century*. Ed. by Mansingh L. New Delhi: Foreign Service Institute in association with Konark Publishers, 1997. Vol. 1.
- Jain P. C. *Racial Discrimination against Overseas Indians*. New Delhi: A Class Analysis Concept Publishing Company, 1990.
- Jain P. C. The Socio-Economic History of Indians in Kenya. *Global Indian Diaspora: Yesterday, Today and Tomorrow*. Ed. by Motwani J. K., Gosine M., Barrot-Motwani J.B. N.Y.: Global Organization of People of Indian Origin, 1993.
- Kaur A. *The Hindu Rights Action Force and the Malaysian Indian minority after the 2018 general election in Malaysia*. RSIS Working Paper. No. 319. Singapore: Nanyang Technological University, 2018.
- Kumar L. *India and Sri Lanka. Sirimavo — Shastri Pact*. New Delhi, 1977.
- Lal B. V. *Islands of turmoil: elections and politics in Fiji*. Canberra: ANU E Press and Asia Pacific Press, 2006.
- Madan T. Why did Indian PM Modi Drop in on Saudi Arabia Last Weekend? *Newsweek*. 09.04.2016.
- Malik D. Surinam: Fascinating Experience. *Global Indian Diaspora: Yesterday, Today and Tomorrow*. Ed. by Motwani J. K., Gosine M., Barrot-Motwani J.B. N.Y.: Global Organization of People of Indian Origin, 1993. P. 204.
- Mariappan J. Tamil Nadu govt forms Non-Resident Tamils' Welfare Board. *The Times of India*. 06. 10.2021.
- Mohan C. R. India and International Peace Operations. *SIPRI Insights on Peace and Security*, No. 3. April 2013.
- Moris H. S. Indians in Uganda. *Global Indian Diaspora: Yesterday, Today and Tomorrow*. Ed. by Motwani J. K., Gosine M., Barrot-Motwani J.B. N.Y.: Global Organization of People of Indian Origin, 1993.
- Most Welcoming Communities for Indians Relocating to UK. *Moovaz*. 03.03.2002.
- Nowik L. East African Indians: How Many Are They? *Indian Africa: Minorities of Indian-Pakistani Origin in Eastern Africa*. Ed. by Adam M. Nairobi: Mkuki Na Nyota Publishers, 2015.
- Panagariya A. The Indian Diaspora in the United States. *Economic Times* (New Delhi). 23.05. 2001.
- Rajan S. I., Narayana D. *The financial crisis in the Gulf and its impact on South Asian migrant workers*. Kerala: Centre for Development Studies. Working paper. 2010. No. 436.
- Ramdas R. V. *Proceedings of the Indian History Congress*. Delhi, 1978. Vol. 39. Vol. II.
- Saluja B. Mohali blast: Banned outfit SFJ claims responsibility for attack, 20 suspects held. *The Times of India*. 11.05.2022.
- Report of the High Level Committee on the Indian Diaspora*. New Delhi: Indian Council of World Affairs, 2001.
- Scherer A. *Histoire de La Réunion*. Paris: PUF, 1965.
- Sidel M. *Diaspora Philanthropy to India: A Perspective from the United States*. Cambridge: Harvard University, 2003.

Singh D., Chhabra N. *Trends in Gulf Demographics and Labour Migration (focus on Bahrain)*. New Delhi: A Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry, 2015.

Soodabeh Salehi. *Building Bridges: The Role of the Indian Diaspora in Canada. Literature Review*. Kingston: Centre for the Study of Democracy — Queen's University, 2007.

The Long Trek to Citizenship. *Frontline* (Madras). 1986. Jan. 25 — Feb. 7.

The Ministry of External Affairs. Annual Report. 2015–16. New Delhi: Policy Planning and Research Division, Ministry of External Affairs, 2016.

Wiebe P. D., Mariappen S. *Indian Malaysias: The View from the Plantation*. New Delhi: Manohar Publications, 1978. P. 110.

Электронные ресурсы / Electronic sources

2022 Country Reports on Human Rights Practices: India // U. S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/reports/2022-country-reports-on-human-rights-practices/india> (дата обращения: 29.05.2023).

Aeres A. India's Stakes in the Middle East // *Forbes Asia*, 26.02.2014. URL: <http://www.forbes.com/sites/alyssaayres/2014/02/26/indias-stakes-in-the-middle-east/#6373e90263b9> (дата обращения: 10.11.2016).

Banerjee S. *Canadians of Indian Origin and Elections in Canada* // Indian Council of World Affairs. 04.06.2019. URL: https://icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=4788&lid=2208 (дата обращения: 29.05.2023).

Bhatia R. World topping \$100 billion in remittances head to India in 2022 // *The Economic Times*. 02.12.2022. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/nri/invest/world-topping-100-billion-in-remittances-head-to-india-in-2022/articleshow/95892343.cms?from=mdr> (дата обращения: 29.05.2023).

Chaturvedi M. *Indian Migrants in Myanmar: Emerging Trends and Challenges* // Ministry of External Affairs. Government of India, 2015. URL: <https://mea.gov.in/images/pdf/Indian-Migrants-Myanmar.pdf> (дата обращения: 29.05.2023).

Commerce & Industry. February, 2020. URL: <https://www.granthornton.co.uk/globalassets/1.-member-firms/united-kingdom/pdf/documents/india-in-the-uk-the-diaspora-effect.pdf> (дата обращения: 29.05.2023).

Connor Ph. *Migrant remittances worldwide drop in 2015 for first time since Great Recession* // Pew Research Center, 31.08. 2016. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/08/31/migrant-remittances-worldwide-drop-in-2015-for-first-time-since-great-recession/> (дата обращения: 10.11.2016).

Ethnic group, England and Wales: Census 2021. Office of national Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/ethnicity/bulletins/ethnicgroupenglandandwales/census2021#ethnic-groups-in-england-and-wales> (дата обращения: 29.05.2023).

Evangelicals, Indian expats behind US visa ban on Modi // *The Deccan Herald*. 11.12.2013. URL: <https://www.deccanherald.com/opinion/evangelicals-indian-expats-behind-us-2298671> (дата обращения: 29.05.2023).

Garrity M. M. What Enables or Constrains Mass Expulsion? A New Decision-Making Framework // *Security Studies*. Minneapolis: University of Minnesota. 2023, July 18. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09636412.2023.2229238?src=> (дата обращения: 29.05.2023).

How Mauritius became one of India's Biggest Foreign Investors // Nickerled and Dimed. The Centre for New Economics Studies, O.P Jindal Global University, Sonapat. July 18, 2021. URL: <https://nickledanddimed.com/2021/07/18/how-mauritius-became-one-of-indias-biggest-foreign-investors/> (дата обращения: 29.05.2023).

India in the UK: The diaspora effect // High Commission of India. Federation of Indian Chambers of India received highest ever foreign inward remittances in a single year of \$89,127 million in FY 2021–22 // Ministry of Finance. Government of India. 07.02.2023. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1897036> (дата обращения: 29.05.2023).

Indian ethnic group: facts and figures. Government of UK. 28.10.2019. URL: <https://www.ethnicity-facts-figures.service.gov.uk/summaries/indian-ethnic-group> (дата обращения: 29.05.2023).

Indians in Mauritius shining example of our values of peace, pluralism, says Jaishankar // *The Print*. 24.02.2021. URL: <https://theprint.in/diplomacy/indians-in-mauritius-shining-example-of-our-values-of-peace-pluralism-says-jaishankar/610882/> (дата обращения: 29.05.2023).

Kippels S.& Ridge N. *International and other Migrant Schools in Gulf Cooperation Council Countries*. UNESCO, 2019, p. 3. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000371536> (дата обращения: 29.05.2023).

Malaysia. Ninth Malaysia Plan. 2006–2010. Chapter 16 — Achieving Growth with Distribution. Putrajaya, 2006. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/9th%20MP.pdf> (дата обращения: 29.05.2023).

Overseas Citizenship of India Scheme // Ministry of External Affairs. Government of India. URL: <https://www.mea.gov.in/overseas-citizenship-of-india-scheme.htm> <https://www.mea.gov.in/overseas-citizenship-of-india-scheme.htm> (дата обращения: 29.05.2023).

Population of Overseas Indians // Ministry of External Affairs. Government of India. URL: https://mea.gov.in/images/attach/NRIs-and-PIOs_1.pdf (дата обращения: 29.05.2023).

Rahman F. *India received \$90bn in remittances in 2022, with UAE as second-biggest source* // *The National* (UAE). 18.07.2023. URL: <https://www.thenationalnews.com/business/money/2023/07/18/india-received-90bn-in-remittances-in-2022-with-uae-as-second-biggest-source/> (дата обращения: 29.05.2023).

Remittances Remain Resilient but Likely to Slow // The World Bank. 13.06.2023. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2023/06/13/remittances-remain-resilient-likely-to-slow> (дата обращения: 29.05.2023).

Remittances to Developing Countries Edge Up Slightly in 2015 // The World Bank. 13.04.2016. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2016/04/13/remittances-to-developing-countries-edge-up-slightly-in-2015> (дата обращения: 10.11.2016).

Resolution of the General Assembly of the UN No. 69/131 (International Yoga Day), 11.12.2014. [https://en.wikisource.org/wiki/United_Nations_Resolution_No._69-131_\(International_Day_of_Yoga\)](https://en.wikisource.org/wiki/United_Nations_Resolution_No._69-131_(International_Day_of_Yoga)) <https://www.mea.gov.in/overseas-citizenship-of-india-scheme.htm> (дата обращения: 29.05.2023).

Robinson A., Raymond N., Watts D., and Brereton B. M. *Trinidad and Tobago* // *Encyclopaedia Britannica*, 2023. URL: www.britannica.com/place/Trinidad-and-Tobago (дата обращения: 29.05.2023).

Singh A. & Arya A. *India-Mauritius Partnership: Opportunities* // Invest India. The Government of India. 30.05.2023. URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/india-mauritius-partnership-opportunities-collaboration-and-growth> (дата обращения: 29.05.2023).

US Census Bureau, Profile of General Population and Housing Characteristics: 2010. URL: http://factfinder2.census.gov/faces/tableservices/jsf/pages/productview.xhtml?pid=DEC_10_DP_DPDP1&ProdType=table (дата обращения: 10.11.2016).

Vasikogambros M. *Saudi Arabia's Stranded Indian Workers* // *The Atlantic* (Boston). 01.08.2016. URL: <https://www.theatlantic.com/news/archive/2016/08/india-saudi-arabia-workers/493850/> (дата обращения: 29.05.2023).

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СТРАНЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА НА ИСЛАМСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В БАНГЛАДЕШ

© 2023

С. А. Кутепова¹

Трудовую миграцию в мусульманские страны Ближнего Востока можно рассматривать как один из факторов, влияющих на исламские настроения в Бангладеш. Однако влияние это неоднозначно. Опыт мигрантов сильно различается, что сказывается на их желании или нежелании подражать ортодоксальным странам Ближнего Востока. Кроме того, существует ряд иных механизмов, которые препятствуют исламизации в Бангладеш.

Ключевые слова: трудовая миграция, Ближний Восток, исламизация, Бангладеш, дискриминация, кафала

Для цитирования: Кутепова С. А. Влияние трудовой миграции в страны Ближнего Востока на исламские настроения в Бангладеш. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 150–155. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-150-155

ISLAMIC SENTIMENTS IN BANGLADESH AS INFLUENCED BY LABOUR MIGRATION TO THE NEAR EAST

Sofia A. Kutepova

Labour migration to the Near Eastern Muslim countries can be perceived as one of the factors influencing on Islamic sentiments in Bangladesh. However, the influence is not homogenous. Migrants can be more or less willing to change their lifestyles according to Islamic dogma, depending on their experiences in the Near East. Moreover, islamization in Bangladesh is also confined by other factors.

Keywords: labor migration, Middle East, islamization, Bangladesh, discrimination, kafala

For citation: Kutepova S. A. Islamic Sentiments in Bangladesh as Influenced by Labour Migration to the Near East. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 4. Pp. 150–155. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-150-155

По данным Международной организации по миграции, в 2020 г. на Ближнем Востоке проживало более 3 млн бангладешских мигрантов. Из них большая часть уже через несколько лет вернется на родину. Добьются ли они материальной выгоды, еще не гарантировано, но что они точно привезут домой из этих ортодоксальных стран, так это новое восприятие ислама.

Невозможно утверждать, что в Бангладеш идут процессы исламизации, однако определенные колебания религиозных настроений в обществе есть. Протесты в пользу реформ в духе

¹ Кутепова Софья Андреевна, студентка 2 курса магистратуры Московского государственного института международных отношений (Университета) при МИД России, Москва; sofia.kutepova@yandex.ru
Sofia A. Kutepova, student, MGIMO-University, Moscow; sofia.kutepova@yandex.ru

ислама, рост числа учащихся медресе и доли женщин, надевающих бурки, — лишь несколько фактов, которые могут свидетельствовать о возможном усилении религиозности общества.

На это могут влиять как внутренние факторы (борьба за власть и политика правящей партии, недовольство части общества нынешней социальной ситуацией, развитие исламских банков и прочее), так и внешние (инвестиции и помощь из мусульманских стран, в том числе финансирование медресе и мечетей; возможное спонсирование исламских партий; поддержание имиджа Бангладеш как исламской страны ради внешнеполитических преимуществ, например, членства в Организации исламского сотрудничества или помощи мусульманских государств в вопросе рохинга; трудовая миграция в исламские страны).

Трудовая миграция не может не оказывать влияния на настроения общества, однако насколько велико и однозначно это влияние, остается под вопросом.

ПОРТРЕТ БАНГЛАДЕШСКОГО МИГРАНТА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Для начала необходимо посмотреть, каков среднестатистический бангладешский мигрант, направляющийся на Ближний Восток.

По данным 2021 г., из всех бангладешских мигрантов в страны Ближнего Востока направились 95%. Причем эта доля выросла после пандемии. Так, в 2019 г. она составляла 80%. Вероятно, это произошло из-за того, что в других популярных среди мигрантов регионах в связи с коронавирусом были установлены более жесткие правила на въезд. В 2022 г. наблюдалось некоторое сокращение притока мигрантов на Ближний Восток, возможно, из-за снятия ограничений в других странах, тем не менее в ряде государств численность бангладешцев все равно стала больше, чем до пандемии.

	Саудовская Аравия	ОАЭ	Кувейт	Оман	Катар	Бахрейн	Ливан	Иордания	Всего	Доля Ближнего Востока
2019	399 000	3 318	12 299	72 654	50 292	133	4 863	20 347	700 159	80%
2020	161 726	1 082	1 744	21 071	3 608	3	488	3 769	217 669	89%
2021	475 227	29 202	1 848	55 009	11 158	11	235	13 816	617 209	95%
2022	612 418	101 775	20 422	179 612	24 447	10	858	12 231	1 135 873	84%

Источник: Bureau of Manpower, Employment and Training. URL: <http://www.old.bmet.gov.bd/BMET/statisticalDataAction> (дата обращения: 02.09.2023).

Важнейшим направлением является Саудовская Аравия: 64% мигрантов, прибывших на Ближний Восток, отправились именно туда.

На Ближний Восток уезжают в основном работники низкой и средней квалификации. 43% бангладешцев, прибывших на Ближний Восток, имеют среднее образование, 28% — только начальное, 24% — среднее специальное. 48% мигрантов — низкоквалифицированные рабочие [Bangladesh: Survey on Drivers of Migration and Migrants' Profile, 2020, p. 1–8].

Что касается гендерного состава, среди мигрантов доминируют мужчины (на них приходится более 90%), хотя в 2004 г. правительство Бангладеш значительно снизило ограничения для миграции женщин. Из них в 2022 г. на Ближний Восток уехали 98%².

Большая часть потенциальных бангладешских мигрантов планируют уехать на 1–3 года (21%) или 3–5 лет (43%) [Bangladesh: Survey on Drivers of Migration and Migrants' Profile, 2020, p. 24]. Вероятно, это связано с тем, что большинство вакансий, которые предлагаются, рассчитаны на 2–3 года.

Как правило, по условиям контракта мигрантам запрещено брать с собой семью. Им не разрешается вступать в браки с местными женщинами и заводить детей вне брака [Rahman, 2011, v. 20, p. 390]. На Ближнем Востоке часто практикуется прием на работу по системе *кафала*. В этом случае мигрант фактически не подпадает под официальное трудовое законодательство, а условия его труда определяются исключительно работодателем, что порой может выливаться в эксплуатацию. Бывают случаи, когда работодатель забирает у мигрантов паспорта, задерживает оплату, не отпускает с работы на выходные и праздники, не предоставляет адекватных условий жилья и отказывает в доступе к необходимым медицинским услугам. Причем в особенно уязвимом положении находятся женщины [Dusche, 2011, p. 4]. Однако, как показывает статистика, соблюдение прав человека и безопасность мало волнует потенциальных мигрантов при выборе места работы [Bangladesh: Survey on Drivers of Migration and Migrants' Profile, 2020, p. 15].

Таким образом, мы видим, что среднестатистический бангладешский мигрант — это мужчина низкой или средней квалификации. Он отправляется на Ближний Восток, планируя вернуться через 1–5 лет. В Бангладеш он оставил свою семью и регулярно направляет им часть своего заработка. С одной стороны, он уезжает в ортодоксальную мусульманскую страну, часто на саму родину ислама — в Саудовскую Аравию, что уже является поводом для уважения в его кругу. С другой стороны, он потенциально может столкнуться с дурным обращением, тяжелыми условиями труда и, возможно, даже поменять свое представление об исламе. В любом случае, когда мигрант вернется на родину, его опыт оставит определенный отпечаток на его взаимоотношениях с окружением.

МИГРАНТЫ И ИСЛАМ

Государства Ближнего Востока многими воспринимаются как образец современной исламской страны. В большинстве законодательство основано на сочетании норм шариата и светского права, поэтому от мигрантов, так же как и от граждан этих стран, ожидается соблюдение исламских норм, таких как пятикратная молитва или пост во время месяца Рамадан. Кроме того, Ближний Восток, прежде всего Саудовская Аравия, воспринимаются как родина ислама, где можно многое узнать о «правильном» исповедании этой религии. Некоторые мигранты отмечают, что призыв к молитве соблюдается повсеместно, закрываются магазины, и все мусульмане обязаны молиться, а за отказ может последовать наказание, например, отстранение от работы или дополнительная молитва [Kibria, 2011, p. 135].

С другой стороны, есть совершенно противоположные истории мигрантов, которые были недовольны практикой ислама в странах Персидского залива. Эти различия могут зависеть от конкретной страны. По сообщениям мигрантов, если в Саудовской Аравии магазины действительно закрываются во время *азана* (призыва к молитве), то в Объединенных Арабских Эмиратах это не всегда так. Некоторые приезжие бангладешцы разбивают миф о почтительном отношении

² Statistical Reports // Bureau of Manpower, Employment and Training. URL: <http://www.old.bmet.gov.bd/BMET/statisticalDataAction> (дата обращения: 02.09.2023).

к исламу в странах Персидского залива, рассказывая о том, что местные много пьют, курят в мечетях, как можно скорее прочитывают молитвы, а то и не молятся вовсе. Есть и те, кто с гордостью отмечает, что в Бангладеш люди более религиозны [Ibid, p. 139–141].

Многие приезжие бангладешцы разочаровываются и в идее «мусульманского братства», сталкиваясь с неуважительным отношением со стороны работодателя. Порой начальники и работники иного вероисповедания относятся к бангладешским мигрантам лучше, чем их единоверцы [Ibid, p. 127].

Ситуации различны и с точки зрения экономической выгоды, которую мигранты получили от работы на Ближнем Востоке. Если одним действительно удастся улучшить свое материальное благосостояние, то другие не только не получают никакого дохода, но порой даже остаются в долгах. Есть определенная корреляция между результатами работы в мусульманской стране и желанием распространять «истинный» ислам (то есть по образцу Ближнего Востока) у себя дома. Чем более успешной с экономической точки зрения была поездка за рубеж, тем больше вероятность того, что, снова оказавшись в родной среде, мигрант будет больше проявлять религиозность. Во время своего проживания на Ближнем Востоке мигранты действительно переосмысливают свое отношение к вере. Вернувшись на родину, они начинают менять свой быт и отношения в семье. Это может проявляться в вопросе одежды, образования, организации семейной жизни и отношении к женщине.

Дина Сиддики в своей статье о правах женщин в Бангладеш пишет: «Многие возвращаются с новым пониманием того, что значит быть хорошим, настоящим мусульманином, в том числе с новыми представлениями о том, как должна одеваться женщина» [Siddiqi, 2006, v. 10, p. 11]. В последние десятилетия увеличилось число городских женщин, покрывающих лицо и надевающих бурки, что прежде встречалось лишь в деревнях среди женщин среднего класса. Отчасти эта перемена может действительно быть связана с миграцией. Некоторые мигранты начинают строже следить за соблюдением *парды* в своей семье.

Тем не менее иные подчеркивают, что в Бангладеш женщины ведут себя лучше и лучше воспитаны, чем в мусульманских странах Ближнего Востока, а ношение бурки никак не влияет на их характер. Кроме того, они с удовлетворением отмечают, что Бангладеш — более продвинутая с точки зрения прав женщин страна, где к ним относятся с большим уважением, чем на Ближнем Востоке.

Что касается образования, то исследования показывают, что если один из членов семьи работал на Ближнем Востоке, повышается вероятность того, что хотя бы одного ребенка отдадут учиться в медресе [Rahman, 2022, v. 36, p. 2]. Это прежде всего касается сыновей. Возможной мотивацией для того, чтобы отправить ребенка получать мусульманское образование, может быть возможность миграции в будущем благодаря знанию арабского. Тем не менее это не обязательно способствует миграции, а многие мигранты вообще отправляются в страну назначения без знания местного языка, и он не всегда оказывается нужен.

Рост числа поступлений в медресе не зависит от дохода семьи и экономических успехов работы за рубежом, однако действительно может быть связан с усилением религиозности вернувшихся мигрантов. Но нужно помнить и о том, что в Бангладеш в целом наблюдается рост числа детей, поступающих в школы, как в светские, так и в религиозные.

Какой бы ни была основная причина увеличения числа обучающихся в медресе, необходимо иметь в виду, что студенты и преподаватели именно таких образовательных учреждений часто являются социальной опорой исламизации. Так, в 2013 г. на улицах Дакки проходили массовые демонстрации, в которых участвовали десятки тысяч студентов провинциальных медресе, призывавшие к изменению учебников, наказанию блогеров-атеистов, уничтожению скульптур и введению обязательного исламского образования. Кроме того, часто выпускники медресе не находят себе места на рынке труда, и возможность трудоустройства за рубежом для них вовсе не гарантирована, как ошибочно полагают

некоторые родители. Это ведет к росту недовольства и стремлению изменить существующие в государстве порядки, в том числе в сторону большей исламизации.

Статус вернувшегося мигранта имеет важное значение. Побывав на Ближнем Востоке, особенно на родине ислама — в Саудовской Аравии, бангладешец приобретает особый авторитет в своем окружении. Даже если с материальной точки зрения миграция ничего не принесла, то она определенно повысила социальный статус вернувшегося из мусульманской страны. Мигранты приобретают особый религиозный авторитет в своем обществе. Для его подкрепления важно то, как побывавший на Ближнем Востоке соблюдает нормы своей религии и как он расходует средства, то есть делает ли он пожертвования в пользу мечетей и медресе.

Многие мигранты боятся подорвать это выгодное для них восприятие общества и потому неохотно рассказывают о своем неудачном опыте. Даже оставшись недовольными практикой ислама в странах Ближнего Востока, они скрывают это от окружения, чтобы не подорвать свой вновь обретенный религиозный авторитет [Kibria, 2011, p. 140].

Что сдерживает исламизацию в Бангладеш?

Миграцию вряд ли можно назвать движущей силой исламизации в Бангладеш, хотя и нельзя отрицать определенное влияние работы в мусульманских странах на религиозные настроения в стране.

Тем не менее есть ряд факторов, которые сдерживают процессы исламизации в Бангладеш и ограничивают влияние миграции на религиозность общества.

Среди внутренних сдерживающих механизмов бангладешского общества можно назвать государственное устройство страны. В соответствии с Конституцией Бангладеш одним из четырех основополагающих принципов является секуляризм. На этапе борьбы за независимость Бангладеш противопоставляла себя Исламской республике Пакистан по признаку секуляризма. В истории страны были периоды, когда основным законом государства изменяли в духе ислама, однако в 2011 г. правительство Авами лиг приняло поправки, убрав большую часть отсылок к религии.

Нельзя сказать и то, что политика правительства способствует исламизации. С 2010 г. премьер-министр шейх Хасина начала преследование обвиняемых в военных преступлениях времен войны за независимость и в убийстве ее отца, многие из которых были связаны с исламскими организациями. В 2013 г. была запрещена мусульманская партия Джамаат-и-ислами.

Общество также не стремится к устройству государства по законам шариата. Например, в 2017 г. изменения, внесенные в школьные учебники, вызвали массовые протесты в связи с тем, что эти поправки рассматривались как происламские.

Миграцию в мусульманские страны называют среди явлений, способствующих усилению исламских настроений в Бангладеш. Однако и здесь есть ряд причин, ограничивающих влияние этого фактора. Как уже отмечалось, опыт мигрантов не всегда положителен, и они часто разочаровываются в своих единоверцах и в мусульманских обычаях ближневосточных стран. Дискриминация в зарплате, дурное обращение, эксплуатация, естественно, отбивают желание подражать стране пребывания.

Помимо этого, мигранты зачастую оказываются вовсе не в исламской среде, а в окружении других мигрантов, говорящих на разных языках и исповедующих разные религии. В ряде стран Персидского залива мигрантов больше, чем местного населения, например, в ОАЭ, Омане и Кувейте [Dusche, 2011, p. 5]. Мигранты отмечают, что, например, в Омане почти все говорят на хинди или урду [Kibria, 2011, p. 127]. Многие бангладешские мигранты сталкиваются с недовольным отношением других мусульман и больше сходятся с иноверцами.

Есть определенное сопротивление миграции и в принимающих странах, в связи с чем приезжие оказываются отчуждены от местного населения, они так и остаются изолированной группой. Существуют стереотипы о преступных наклонностях бангладешцев, а также опасения о возможном культурном влиянии и искажении местных традиций. Как уже отмечалось, приезжим, как правило, запрещено вступать в браки с местными. А в Кувейте доходило даже до того, что в 1999–2000 и в 2006 гг. страну закрывали для мигрантов. Тот же Кувейт и Саудовская Аравия проводили политику «кувейтизации» и «саудизации», отдавая предпочтение местным при приеме на работу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проживание на Ближнем Востоке определенно влияет на усиление религиозности, но это справедливо лишь для части мигрантов. Иные, столкнувшись с дурным обращением и дискриминацией, несоблюдением норм ислама и другими недостатками местного общества, возвращаются на родину, разочарованные в своих единоверцах и в исламских порядках принимающей страны. Более того, если одним действительно удастся улучшить свое материальное благосостояние, то другие приезжают в Бангладеш не только без какой-либо прибыли, но порой даже в долгах. Первые с большей вероятностью будут менять свой образ жизни по образцу исламских стран.

Преимущество, которое получают все вернувшиеся с Ближнего Востока мигранты, — это особый статус в родном окружении, особый религиозный авторитет. Для его поддержания проявление религиозности, старательное соблюдение норм ислама и пожертвования в пользу медресе и мечетей играют важную роль. Опять же не все меняют свой быт и семейные отношения кардинально, что зависит во многом от благоприятности опыта миграции.

Существуют, однако и сдерживающие механизмы, которые тормозят процессы исламизации в Бангладеш и снижают влияние миграции. За годы пандемии число мигрантов на Ближнем Востоке выросло по сравнению с допандемийными годами. Возможно, через несколько лет, когда большинство из них вернутся, мы можем ожидать каких-либо более явных проявлений возросшей религиозности. Однако именно из-за сдерживающих факторов полномасштабной исламизации ждать точно не стоит.

Литература / References

- Dusche M. *Migration and Cultural Change: The Newly Pious in Bangladesh, Sri Lanka, Gujarat and Kashmir*. Tirunelveli, 2011.
- Kibria N. *Muslims in Motion*. New Jersey, 2011.
- Rahman Kh. W. International migration and the religious schooling of children in the home country: evidence from Bangladesh. *Journal of Population Economics*. 2022. Vol. 36. № 10. Pp. 1963–2005.
- Siddiqi D. M. In the Name of Islam? Gender, Politics and Women's Rights in Bangladesh. *Harvard Asia Quarterly*. 2006. Vol. 10, № 1. Pp. 4–14.
- Bangladesh: Survey on Drivers of Migration and Migrants' Profile*. Dhaka, 2020.
- Rahman M. Emigration and the Family Economy: Bangladeshi Labor Migration to Saudi Arabia. *Asian and Pacific Migration Journal*. 2011. Vol. 20. № 3–4. Pp. 389–411.

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Bureau of Manpower, Employment and Training. URL: <http://www.old.bmet.gov.bd/BMET/statisticalDataAction> (дата обращения: 02.09.2023).

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-156-160

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИСМАИЛИЗМА *САТПАНТХ* В ИНДИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕЛИГИОЗНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ИМПОРТА

© 2023

Н. Р. Хачатурян¹

Миссионерская деятельность низаритской ветви исмаилизма появилась на Индийском субконтиненте примерно в первой половине XIII в. в результате миграции фатимидских *да'и* (проповедников).

К появлению исмаилизма привел раскол, вызванный спором между наследниками шестого шиитского имама Джафара ас-Садики (VIII в.). А противостояние между сыновьями фатимидского имама-халифа аль-Мустансир Биллаха в XI в. привело к появлению низаритской ветви исмаилизма.

Традиционное название исмаилитов-низаритов Индии – *ходжа*.

Индустский покров исмаилитов *ходжа* не только стимулировал обращение в исмаилизм, но еще и служил целям религиозной конспирации, широко используемой среди исмаилитов и делавшей *ходжа* менее заметными в преобладающем индуистском и суннитско-мусульманском окружении.

Специфическая форма исмаилизма, сложившаяся в Индии, стала известна как исмаилизм *сатпантх* или «истинный путь».

Ключевые слова: исмаилизм, Индия, Джафар ас-Садик, пир Садр-ад-Дин, ходжа, сатпантх, гинан

Для цитирования: Хачатурян Н. Р. Особенности развития исмаилизма *сатпантх* в Индии как результат религиозно-идеологического импорта. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 156–160. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-156-160

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE SATPANTH ISMAILISM IN INDIA AS A RESULT OF RELIGIOUS-IDEOLOGICAL IMPORT

Nelli R. Khachaturyan

The missionary activity of the Nizari Ismailism appeared in India about the first half of the thirteenth century, as a result of the migration of Fatimid *da'i* (preachers) to the subcontinent.

The emergence of Ismailism caused by a split between the heirs of the sixth Shiite Imam Jafar al-Sadiq (eighth century). And the confrontation between the sons of the Fatimid Imam-Caliph al-Mustansir Billah in the eleventh century led to the emergence of the Nizari branch of Ismailism.

The traditional name of the Nizari Ismailis of India is Khoja.

The Hindu cover of the Ismaili Khoja not only encouraged conversion to Ismailism, but also served the purposes of religious conspiracy widely used among the Ismailis and made the Khoja less visible in the predominant Hindu and Sunni Muslim environment.

¹ Хачатурян Нелли Рафиковна, к.и.н., научный сотрудник, Отдел исследований диаспоры, Институт археологии и этнографии НАН РА, Институт востоковедения РАУ, Ереван; nelli.khachaturyan02@gmail.com

Nelli R. Khachaturyan, Ph.D (History), Researcher, Department of Diaspora Studies, Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA, Institute of Oriental Studies RAU, Yerevan; nelli.khachaturyan02@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5378-7420

The specific form of Ismailism developed in India came to be known as Satpanth Ismailism or “True path”.

Keywords: Ismailism, India, Jafar as-Sadik, Pir Sadr al-Din, Khoja, Satpanth, Ginan

For citation: Khachaturyan N. R. Features of the Development of the Satpanth Ismailism in India as a Result of Religious-Ideological Import. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 156–160. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-156-160

Исмаилизм — религиозное движение в шиитской ветви ислама. Возникновение исмаилизма стало следствием раскола, вызванного спором между наследниками шестого шиитского имама Джафара ас-Садика. Последний усовершенствовал основную концепцию доктрины имамата, которая базировалась на вере в необходимость для человечества постоянного божественного руководства со стороны безгрешного и непогрешимого (*ма'сум*) имама. Согласно данной концепции, имам, наделенный правом применять в случае необходимости принцип *такийя* (религиозной конспирации), обладает необходимыми полномочиями на руководство и является безапелляционным религиозным авторитетом; при этом его духовные полномочия не связаны с его явным мирским правлением [Дафтари, 2003, с. 45].

Сегодня исмаилизм является одним из самых значительных и самых организованных течений в недогматической мусульманской среде, с наиболее разработанной системой догматики и собственной правовой школой. В результате миграционных потоков община исмаилитов расселена в разных странах по всему миру. Она являет собой богатое разнообразие культур, языков и национальностей. Ее традиции сочетаются с четырьмя широкими географическими и этнографическими группами — центрально-азиатской, иранской, арабской и южно-азиатской.

Основа современного исмаилитского пространства — исмаилиты-низариты: раскол по праву наследования между сыновьями фатимидского имама-халифа аль-Мустансира Биллаха в XI в. привел к появлению низаритской ветви исмаилизма. Именно эта группа исмаилитов ассоциируется, прежде всего, с понятием «современный исмаилизм». Прочие составляющие исмаилизма — группы *бохфа*, *дауди-таййиби*, *сулеймани* — в силу исторических обстоятельств большей частью ассимилировались, а оставшиеся группы в некотором роде обрели характер закрытых эндогамных общин.

Исмаилитские-фатимидские проповедники появились в Индии с XIII в. Один из организаторов *да'ва* (призыва) в Индии, *пир* Садр-ад-Дин, обратил в исмаилизм большое число индусов касты *лохана*, одной из торговых каст Северной Индии, и дал им название *ходжа*, восходящее к персидскому слову *хваджа*, почетному титулу, имевшему значение «господин или хозяин», что соответствовало индийскому *тхакур*, распространенному у индусов касты *лохана*.

Ходжа всегда признавали имамов низаритской ветви *исмаилизма* и создали местную религиозную литературу *гинан*. Термин *гинан* (*gnan*) происходит от санскритского *джнана* (*jñāna*), означающего священное знание и мудрость. А в общине исмаилитов *ходжа гинан* получили особый статус. Созданные на нескольких индийских языках и диалектах Синда, Панджаба и Гуджарата, эти, подобные гимнам, поэмы варьировались по объему от четырех до тысячи строк. *Гинан* передавались изустно, перед тем как были записаны, главным образом письмом *ходжски*, разработанным в Синде общиной *ходжа*.

Литература *гинан* включает в себя множество миссионерских, мистических, мифологических, дидактических, космологических и эсхатологических сюжетов, многие *гинан* содержат этические и моральные наставления, регламентирующие религиозную практику исмаилитов *ходжа*. Как жанр устной традиции в исмаилитских *гинан* содержится много анахронизмов

и фальсификаций, и в этом смысле они ненадежны в качестве исторических источников. Однако *гинан* по-прежнему играют центральную роль в религиозной жизни и ритуалах индигенных исмаилитов *ходжа*, поскольку содержат учения их *пиров* (миссионеров).

Эта специфическая форма исмаилизма, сложившаяся в Индии, стала известна как исмаилизм *сатпантх* (*сат пантх*), или истинный путь [Дафтари, 2003, с. 184].

Та же самая доктринальная близость, которая возникла между персидским исмаилизмом и суфизмом, наблюдалась и в Индии между суфизмом и исмаилизмом *сатпантх*.

В течение длительного периода исмаилиты *ходжа* могли позиционировать себя как одна из многих мистически ориентированных общин Синда, где подобные общины и группы существовали как среди доминировавших в регионе мусульман-суннитов, так и в индуистской среде. Все это способствовало дальнейшей интеграции исмаилитов *ходжа* в религиозную, культурную и социальную структуру Синда [Stern, 1949, p. 298–307].

Исмаилиты *ходжа* были ограждены от преследований суннитов именно позаимствованными индускими элементами. А направление *сатпантх* породило множество индигенных концепций и мотивов, ставших популярными в индомусульманской среде субконтинента.

Эта специфическая форма исмаилизма как результат религиозно-идеологического импорта развивалась в основном благодаря искусной политике исмаилитских миссионеров, стремившихся сделать свои проповеди понятными и доступными для индуистской аудитории, которую они во что бы то ни стало стремились обратить в исмаилизм.

*Пир*ы трансформировали индускую мифологию и сюжеты в сказания, пропагандировавшие исмаилитское учение. В частности, имам Али представлялся как десятое воплощение божества Вишну, а Коран — как один из священных текстов вед.

Чтобы усилить эффективность и масштабность призыва, *пир*ы использовали местные индийские языки в большей мере, чем арабский и фарси. Они применяли стратегию аккультурации. В частности, в рамках индуизма им удалось успешно распространить и доктрину имамата [Дафтари, 2003, с. 190].

Таким образом, исмаилизм *сатпантх* выработал свой собственный комплекс тем и теологических постулатов, скроенных на основе смеси индуизма и исмаилитского ислама. А современные исследователи исмаилизма, начиная с В. А. Иванова, стали относить исмаилитское направление *сатпантх* к смешанным индуско-мусульманским направлениям.

Индуский покров исмаилитов *ходжа* не только стимулировал обращение в исмаилизм, но еще и служил целям *такийи* (религиозной конспирации, широко используемой среди исмаилитов) и делал *ходжа* менее заметными в преобладающем индуистском и суннитско-мусульманском окружении.

Так как исмаилизм *сатпантх* испытал воздействие индуских элементов, то в урегулировании своих правовых проблем исмаилиты *ходжа*, как и некоторые индийские мусульмане, прибегали скорее к индуским методам, нежели к предписаниям мусульманского права, особенно в делах, касавшихся наследства. В церемониях брачных и прочих обрядов исмаилиты *ходжа* также позаимствовали много из индуистских обычаев [Дафтари, 2003, с. 131–136].

С середины XIX в. исмаилитские имамы переселились в Индию, что ознаменовало конец иранского периода в истории исмаилизма. Исмаилиты *ходжа* получили возможность принять имамов в своей среде, что привело к укреплению позиций *ходжа* в Индии и их идентичности.

Исмаилитские имамы развернули широкомасштабную кампанию, целью которой стала вербализация представлений о том, что же определяет особую религиозную идентичность

их индийских последователей. Также в течение десятилетий активно применялись реформы по деиндианизации исмаилитов *ходжа* и укреплялась их шиитско-имамитская направленность.

Среди прочего искоренялись некоторые архаичные традиции (в частности, ограничения на образование среди девочек), племенные традиции (жертвоприношение вдов, убийство детей женского пола и т. д.). Помимо того, запрещались браки несовершеннолетних (до пятнадцати лет) и полигамия.

В 1861 году среди исмаилитов *ходжа* был распространен первый документ, характеризовавший религиозные верования и практику исмаилитов-низаритов. Каждому *ходжа* предлагалось подписать его. Этот документ — своеобразная веха в подтверждении низаритской исмаилитской идентичности — получил широкое распространение в Бомбее и других местах, населенных исмаилитами. Подавляющее большинство исмаилитов *ходжа* согласилось его подписать. Однако небольшая группа инакомыслящих настаивала на спорном характере авторитета имама и отказывалась признавать исмаилитскую идентичность своей общины. События достигли кризисной точки, и в 1866 г. диссиденты *ходжа* обратились со своим делом в Верховный суд Бомбея. В ходе длительных слушаний этого «Процесса Ага-Хана» имам предоставил различные документы по истории общины и свой мандат на руководство ею. Детальное судебное разбирательство обернулось в конце концов против истцов и в пользу исмаилитского имама по всем пунктам обвинения [Judgment by the Hon'ble sir Joseph Arnould etc., 1867, p. 1—23].

Данный судебный вердикт, имевший силу на всей территории Британской Индии, явился юридическим обоснованием статуса *ходжа* как общины «шиитско-имамитского исмаилизма», подтверждая при этом право имама на духовное лидерство в этой общине и его статус прямого потомка имамов аламутского периода. Судебный процесс подтверждал также право имамов на все основанные на общинном обычае взносы, собираемые с *ходжа*, включая *дассондх*. Исмаилиты по сей день платят имамам в качестве религиозного взноса 1/10 часть своих доходов. Традиция называется «десятина» (tithe) или *дассондх* (*das-sondb*). Это своего рода специальный религиозно-моральный контракт между членами общины и их имамами. В качестве пожертвований имаму могут служить и подарки по определенным случаям, а также ритуал *кахада-хварак* (*kahada-khvarak*), где имаму преподносятся еда и питье. Все подношения автоматически становятся абсолютной собственностью имама. Впоследствии на средства таких пожертвований был основан Фонд Ага-Хана, который сыграл огромную роль в процессе консолидации исмаилитов всего мира.

Политика деятельности Ага-Ханов была направлена на объединение многочисленных разрозненных низаритских общин. Была проведена кропотливая работа по модернизации общины *ходжа* в Индии, что привело к укреплению позиций низаритов Индии и их идентичности. Были учреждены тщательно спланированные штаб-квартиры и резиденции в Бомбее, Пуне и Бангалоре.

В случае каких-либо особых религиозных событий имамы присутствовали в главной *джамаат-хана* в Бомбее, а также регулярно проводили *дурбар* (перс. *дарбар*), давая в резиденции «Ага-Холл» аудиенции своим последователям, которые в большом количестве стекались для получения благословения [Edwards, 1995, p. 13].

Тем не менее, к примеру, важные посты в общине, представители которых назначались самими имамами, продолжали именоваться санскритскими названиями. Таковыми являлись *мукхи* (или *муки*) — общественные и религиозные главы любых местных общин *ходжа* и *камадийа* (или *камрийа*) — их личные помощники. Каждая община *ходжа*, достигшая определенной величины, имела своего *мукхи* и *камадийа* с четко определенными функциями, включая сбор

религиозных взносов и предстояние на религиозных церемониях в *джамаат-хана*. Исмаилиты-низариты до сих пор сохраняют эту традиционную структуру организации, а термины *мукхи*, *камадийа* со временем были приняты всеми, даже не принадлежавшими к группе *ходжа*, общинами исмаилитов [Дафтари, 2003, с. 204].

Более того, знаменитые церемонии празднования годовщин имамата, во время которых собственный вес Ага-Ханов уравнивался золотом, алмазами и платиной, по преданию, являются древними индийскими религиозными ритуалами, знаменующими благосостояние.

Сегодня исмаилизм в Индии представляет собой особую традицию, как результат религиозно-идеологического импорта, отражающую определенные исторические, культурные и политические реалии, сложившиеся на Индийском субконтиненте. Такая интеграция и частичная аккультурация, тем не менее, помогла сохранить и обновить идентичность исмаилитов низаритской ветви и послужила консолидирующим фактором для исмаилитов *ходжа* Индии.

Литература/References

Дафтари Ф. *Краткая история исмаилизма: Традиции мусульманской общины*. Москва, 2003 [Daftary F. *A brief history of Ismailism. The traditions of the muslim community*. Moscow, 2003 (in Russian)].

Edwards A. *Throne of gold. The lives of the Aga Khans*. N. Y, 1995.

Judgment by the Hon'ble sir Joseph Arnould in the Kojah case, otherwise known as the Aga Khan case, heard in the High court of Bombay during April and June 1866, *Bombay Gazette*. Bombay, 1867. Pp. 1–23.

Stern Samuel M. Isma'ili Propaganda and Fatimid Rule in Sind, *Islamic Culture*. Hyderabad, 1949, 23. Pp. 298–307.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ Б. Р. АМБЕДКАРА: США, АНГЛИЯ, ГЕРМАНИЯ

© 2023

Е. С. Юрлова¹

Бхимрао Рамджи Амбедкар, неприкасаемый из касты махаров, получил образование за рубежом при поддержке махараджи княжества Барода. Он учился в Колумбийском университете в Нью-Йорке, имея целью изучение опыта борьбы черных американцев. Общение с афроамериканцами и их лидерами оказало большое влияние на формирование идеологии и политики Амбедкара в отношении индийских неприкасаемых. Положение далитов и афроамериканцев, как и их борьба против дискриминации, обнаруживают определенное сходство. В своих работах Амбедкар отразил то, что он сумел извлечь из своего американского опыта. В отличие от неприкасаемых, представляющих собой многочисленные касты и подкасты, черные составляют единую эндогамную группу, им легче объединяться в борьбе за свои права. При составлении Конституции свободной Индии Амбедкар в качестве председателя Конституционной комиссии внес в нее ряд статей в защиту прав зарегистрированных каст. Результатом поисков Амбедкаром реформирования кастовой системы с целью ликвидации социальной дискриминации, духовного и культурного раскрепощения далитов стало его обращение к буддизму. Ценность опыта Амбедкара в том, что он показал, что каждая каста сохраняет свою идентичность и выступление единым фронтом всех каст неприкасаемых практически невозможно. Но те основы, которые заложил сам Амбедкар в борьбе за равноправие людей, позволяют надеяться на историческую победу в решении этого вопроса.

Ключевые слова: Амбедкар, неприкасаемость, рабство, Конституция, дискриминация, равенство

Для цитирования: : Юрлова Е. С. Зарубежный опыт Б. Р. Амбедкара: США, Англия, Германия.

Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 4. С. 161–170. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-161-170

B. R. AMBEDKAR'S INTERNATIONAL EXPERIENCE: USA, ENGLAND, GERMANY

Eugenia S. Yurlova

Bhimrao Ramji Ambedkar, an untouchable from the caste of mahars, was educated abroad with the support of the maharaja of Baroda. The goal of his studies at the Columbia University in New York was to learn about the struggle of the Black Americans. African Americans and their leaders influenced his ideology and policy regarding Indian untouchables, as the struggle of the dalits and the Blacks and their social situation are somewhat similar. Ambedkar's works reflect the learnings from his American experience. In contrast with the multiple castes and subcastes of the untouchables, the Blacks are an endogamous group, and it is easier for them to unite in their struggle. As the Chairman of the Constitutional Committee, Ambedkar included in the Constitution a number of articles to protect the rights of the scheduled castes. He turned to Buddhism as a result of his quest to reform

¹ Юрлова Евгения Степановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; efbelbars@mail.ru

Eugenia S. Yurlova, PHD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; efbelbars@mail.ru
ORCID: 0009-0002-4529-0876

the caste system in order to end social discrimination of the Dalits. Ambedkar showed that each caste maintained its identity and that is why it was impossible to unite all untouchable castes. However, his accomplishments in the struggle for equal rights for all people allow hope that this historic goal will be achieved.

Keywords: Ambedkar, untouchability, slavery, Constitution, discrimination, equality

For citation: Yurlova E. S. B. R. Ambedkar's International Experience: USA, England, Germany. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 161–170. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-161-170

Бхимрао Рамджи Амbedкар (1891–1956), неприкасаемый (*далит*) из касты махаров в штате Махараштра, по окончании средней школы получил стипендию от Саяджирао, махараджи княжества Барода, который был известен своей финансовой поддержкой способных молодых людей. Это помогло Амbedкару в получении образования за рубежом.

Ему было 23 года, когда он приехал в США в 1913 г. Предполагают, что Амbedкар сам выбрал Америку для учебы. Амbedкар посвятил свою жизнь поиску избавления *далитов* от проклятия неприкасаемости. Поэтому он спланировал первую поездку в Америку, чтобы изучить опыт борьбы черных американцев против дискриминации.

Амbedкар учился в Колумбийском университете в Нью-Йорке (1913–1916) и специализировался в таких дисциплинах, как философия, антропология, социология, экономика и политика, которые вели известные передовые мыслители своего времени. Он также занимался в семинаре во главе с проф. Александром Голденвейзером. Тогда Амbedкар написал работу «Касты в Индии, их механизм, происхождение и развитие», впервые опубликованную в журнале «*Indian Antiquary*» в мае 1917 г.

Во время учебы Амbedкар жил в районе Нью-Йорка, граничащем с Гарлемом, населенном черными. Он наблюдал и изучал взаимоотношения белых и черных на месте. Сегрегация и дискриминация черных определялась, в том числе, запретом на браки белых с черными и на сексуальные отношения между ними, различными табу и ограничениями личных контактов с белыми, сегрегацией в школах и церквях, в общественном транспорте, гостиницах, театрах, дискриминацией на государственной службе и в частных компаниях, отсутствием равноправия в политической жизни. Черные, как и неприкасаемые, не имели права владеть землей.

Все три года Амbedкар внимательно изучал практику взаимоотношений белых и негров, в результате чего его понимание американской ситуации было весьма глубоким и утонченным. Последующие занятия Амbedкара свидетельствовали прежде всего о его стремлении анализировать социальную ситуацию в Индии. Больше всего его интересовали проблемы кастовой дискриминации неприкасаемых. В результате наблюдений за расовой дискриминацией в Америке Амbedкар пришел к глубокому убеждению о необходимости для Индии сохранять единство социальных групп и их культурную интеграцию. Общение с афроамериканцами и их лидерами оказало большое влияние на формирование идеологии и политики Амbedкара в отношении индийских неприкасаемых. Выступая за их равноправие, он придерживался умеренных методов в достижении этой цели и отвергал радикальные подходы. Это проявилось в его положительных оценках деятельности тех американских лидеров, которые выступали за равноправие и справедливость в отношении афроамериканцев.

При всех огромных различиях между Индией и США положение *далитов* и афроамериканцев, как и их борьба против дискриминации, обнаруживают определенное сходство. Тем более что *далиты* в Индии и черные в Америке — это группы, находящиеся внизу социальной иерархии общества. Немаловажно и то, что они представляют собой большую часть населения. *Далиты* — это 16,2% (около 170 млн), афроамериканцы — 12,3% (около 39 млн).

Современниками Амбедкара в США были крупные американские чернокожие лидеры — Букер Т. Вашингтон и Уильям Эдвард Дю Бойс (Дюбуа)².

БУКЕР ТАЛЛЬЯФЕРРО ВАШИНГТОН (1856–1915)

Букер Т. Вашингтон пишет в автобиографии, что он родился рабом в штате Вирджиния, но не знает ни точного места, ни даты своего рождения. Он отмечает это: «Раб среди рабов» — родился в 1858 или 1859 г. где-то на пересечении дорог в квартале, где жили рабы в обычных хижинах размером 14–16 футов. Там ютились его мать, брат и сестра. Он почти ничего не знал о членах своей семьи. Только позже он слышал рассказы о неграх и их судьбах, страданиях, которые выпали на их долю на рабовладельческих судах по пути из Африки в Америку. Единственным более или менее достоверным источником знаний была его мать. После транспортировки в Америку она привлекла внимание рабовладельца, который купил ее и стал ее хозяином. Она и его брат и сестра стали членами рабовладельческой семьи. Книга Букера Т. Вашингтона «Воспрянь от рабства» (*Up From Slavery*. Washington, 1995) (русский перевод издан в 2021 г.), где это описывается, была второй из его автобиографий.

Букер Т. Вашингтон получил образование в Хэмптонском институте (1872–1875). В начале 1900-х годов он стал одним из самых влиятельных черных лидеров в американской истории. Им был основан Институт Таскиджи в штате Алабама, где чернокожие американцы обучались профессиям и ремеслам, которые можно было использовать в сельском хозяйстве и промышленности. Букер Т. Вашингтон известен своим лозунгом «Зачерпни своим ведром!» (*Cast your bucket*). Его политический смысл заключался в том, что чернокожим американцам не следует ждать своего освобождения от кого-то, а самим учиться и упорно трудиться. Эта идеология была близка Амбедкару, которому были чужды радикальные взгляды.

Среди книг, связанных с жизнью и судьбой Букера Т. Вашингтона, особое место принадлежит его автобиографии «История моей жизни и работы», изданной в 1886 г. (*The Story of My Life and Work*), которая позже распространялась в жилищах негров в черных районах и была весьма популярной. Книга вызвала интерес не только в США, но и за границей. И сейчас она представляет интерес в своей целостности. Как писал сам Букер Т. Вашингтон, он старался изложить простым, доступным языком историю борьбы черных в США за их свободу против всех форм дискриминации [Washington, 1900].

Значительная часть упомянутой книги посвящена жизни самого Букера Вашингтона и его трудам, связанным с созданием и деятельностью Педагогического и промышленного института для негров в Таскиджи. Этот район считался черным поясом Юга. В деревнях этого штата доля черных составляла от трех до шести человек к одному белому. Именно там в 1881 г. Букер Т. Вашингтон начал работу по созданию профессионально-технического училища. Эта работа продолжалась всю его жизнь. Он пытался изменить правовое положение черных как граждан второго сорта [Washington, 1995, p. 56].

«В течение всей моей жизни, — писал Букер Т. Вашингтон, — я придерживался мысли о том, что несмотря на все жестокости, которые обрушивались на нас, чернокожие были в такой же мере рабами, как и белые люди». Рабовладельческая система разрушала и психологию белых людей. Они не умели хорошо трудиться, не имели профессий, которые помогали бы им развиваться физически и духовно. Особенно печальной была судьба пожилых и старых рабов, которые привыкли к отношениям между белыми господами и чернокожими рабами и не пытались

² В США фамилия Du Bois произносится как Дю Бойс. В русских переводах он более известен как Дюбуа.

изменить их. К этим проблемам прибавлялась деятельность Ку-Клукс-Клана, который жестокими мерами пытался остановить стремление черных к свободе и равенству [Washington, 1995, pp. 9, 11, 37–38]. Букер Т. Вашингтон был одним из самых влиятельных черных лидеров в истории Америки. Он выступал с практической доктриной компромисса, которая получила широкое общественное одобрение, хотя и не всегда была поддержана такими черными авторитетами, как Дю Бойс.

Во время поездок в США мне, автору этой статьи, в 1990-е и 2000-е годы довелось посетить выставки и музеи в Нэшвилле и Цинциннати, где экспонировались материалы, связанные с транспортировкой рабов из Африки в Америку. Среди них мое внимание привлекла модель судна, на котором перевозили рабов. На ней отчетливо было видно, что каждому из них отводилось одно «лежачее» место, на котором они должны были находиться во время всего долгого пути. Там же они питались тем, что им давали хозяева-перевозчики. Если они заболевали и умирали, их просто выбрасывали за борт. Среди экспонатов в одном из музеев была большая картина «Последний аукцион по продаже рабов в Америке». Она была датирована 1904 г. На картине была изображена черная женщина с ребенком на руках. В музеях были и другие подобные экспонаты.

Уильям Эдуард Бёргхардт дю Бойс (1868–1963)

Среди американцев, которые оказали большое влияние на Амbedкара, был Уильям Эдуард Бёргхардт дю Бойс — историк, социолог, писатель и общественный деятель. Их личные связи были ограниченными. Но оба глубоко интересовались творчеством и деятельностью друг друга. Амbedкар — работами дю Бойса по расовому вопросу и борьбе с расизмом, который он считал проблемой XX века. А дю Бойс — вопросами ликвидации неприкасаемости в Индии. Он был первым черным, получившим докторскую степень в Гарвардском университете за диссертацию «Замалчивание работорговли африканцами в Соединенных Штатах Америки, 1638–1870». Его работа «Консервация рас» (1897) поставила вопросы, которые и по сей день задают себе некоторые афроамериканцы. «Кто я прежде всего — черный или американец? Могу ли быть и тем, и другим?» Он сам дал ответ на этот вопрос в автобиографии «Сумерки зари: автобиографическое эссе на расовую тему» (1940). Наследие цвета, рабства, дискриминации и оскорблений связывает единым не просто детей Африки, но проходит через желтую Азию и тянется в Южные моря, писал дю Бойс. Позже он стал выступать с требованием полных гражданских прав для чернокожих.

На Юге США, в Нэшвилле, штат Теннесси, в университете Фиска дю Бойс посвятил много труда и энергии борьбе с расизмом. Там, среди черных он особенно остро почувствовал проявления белого расизма. Дю Бойс стремился понять и описать жизненный опыт черных как бы изнутри. В книге «Души черных» он пишет о положении черных, которое недоступно пониманию белых. Для них черные выглядят безвольными и отсталыми. В другой работе «Души белых» Дю Бойс показывает белых как источник страданий и бедствий черных. Он приходит к выводу, что сегрегация — это реальность, навязанная черным. Для того, чтобы победить сегрегацию, черные должны создать черные школы, церкви и другие организации, способные улучшить их жизнь [Американская философия, 2008, с. 291–303].

УНИВЕРСИТЕТ ФИСКА В НЭШВИЛЛЕ

В 2002 г. мне удалось посетить Университет Фиска, чтобы понять, к чему призывал дю Бойс. На это он отвечает в книге «Дары черных: участие негров в становлении Америки». Его ответ: обычный человек

с черным цветом кожи. Это труд черных. Но не только это. Черные содействовали развитию американского искусства и литературы и принесли Америке особый стиль духовности.

Среди даров черных в творчестве дю Бойса — признание невзгод и подвигов черных женщин. Эмансипация черных женщин способствовала улучшению положения всех женщин — черных и белых.

Дю Бойс писал, что пока в Америке есть хотя бы один раб, она не может быть свободной. Демократия и рабство несовместимы.

Мое посещение университета Фиска не смогло дать мне ответы на все вопросы, которые дю Бойс поставил перед обществом. Но на некоторые из них он указал. Первый — решимость, смелость и нестандартные действия. Видимо, неслучайно на широкой полосе черного асфальта во дворе университета было начертано: «Власть черных» (в противовес лозунгу Ку-Клукс-Клана «Власть белых»).

Пока я была на территории Университета Фиска, мимо меня прошла длинная процессия черных детей, которые шли в церковь, расположенную там же.

В книжном магазине Университета я приобрела несколько книг, посвященных проблемам черных в США. Кассир, принимая деньги в оплату за книги, поблагодарила: «Спасибо за поддержку черного бизнеса».

И, наконец, в центре университета Фиска каждый, посетивший его, видел памятник Дю Бойсу, на пьедестале которого изображено множество написанных им книг.

В свое время в Индии Амбедкар получил степень бакалавра по английскому и персидскому языкам, а по прибытии в США начал изучать политологию, философию, антропологию, социологию и экономику. Три года, проведенные в Колумбийском университете, открыли перед Амбедкаром новые потенциальные возможности. Коллегами в науке стали его однокурсники и профессора — среди них Джон Дьюи, Джеймс Шоттвел, Эдвин Селитен и Джеймс Харви Робинсон. Джон Дьюи оказал самое большое влияние на Амбедкара.

Не случайно, что именно Дьюи привлек особое внимание Амбедкара, поскольку в одной из своих работ «Опыт и образование» (Experience and Education, 1938) он утверждал, что образование должно включать руководство. Оно (образование) должно принимать во внимание этапы развития ребенка и общества и связывать детский опыт с его социальным и культурным ощущением. Школы должны ускорять социальное экспериментирование и непрекращающуюся образовательную реформу. Дьюи считал, что в периоды кризисов США и другие страны нуждаются в демократии больше, чем когда-либо. Он предупреждал об опасности расовых и религиозных предрассудков. В 1928 г. Дьюи посетил школы в России и ряде других стран. В многочисленных статьях и рецензиях, опубликованных в этот период (два тома из 37 томов собрания сочинений Дьюи), он остро реагировал на попытки манипулировать общественным мнением [Американская философия, 2008, с. 249, 251–252].

Под его влиянием Амбедкар весьма оптимистично поверил в силу демократии. Его пугала идея тоталитарного правительства, когда речь шла об исцелении Индии от ее зол. Он считал, что все общество должно принимать участие в политическом процессе, и был убежден в том, что парламентская демократия является единственно возможной прогрессивной моделью для Индии. Прагматизм Амбедкара, его разнообразные интеллектуальные интересы, реалистический подход к социальным проблемам, его опыт в США укрепили его в борьбе за достоинство и равенство неприкасаемых и привели к выработке идей практичной и гибкой демократической системы, которые впоследствии получили отражение в Конституции Индии, в создании которой он сыграл главную роль.

В 1915 г. Амбедкар получил степень магистра за работу «Торговля в древней Индии», а в мае 1916 г. выступил с докладом «Касты в Индии, их механизм, происхождение и развитие»

на семинаре по антропологии под руководством д-ра Голденвейзера. Одновременно Амбедкар работал над диссертацией «Национальный дивиденд Индии — исторический и аналитический опыт». По ее окончании в июне 1916 г.³ она была одобрена Колумбийским университетом. Это был первый академический успех Амбедкара. В университете он был отмечен торжественным обедом в его честь студентами и преподавателями факультета искусств. Все три года пребывания Амбедкара в Нью-Йорке он внимательно изучал практику взаимоотношений белых и негров. Он извлек урок из горького опыта негров, что помогло ему в собственном деле борьбы за гражданские права неприкасаемых в Индии.

ИЗУЧЕНИЕ АМБЕДКАРОМ ОПЫТА ЧЕРНЫХ

Амбедкар посвятил свою жизнь поиску избавления далитов от проклятия неприкасаемости. Поэтому он спланировал поездку в Америку, чтобы изучить опыт борьбы черных американцев против дискриминации.

Черные рассчитывали на свободу после окончания Гражданской войны. Им обещали свободу, но реально не предоставили ее. Амбедкар подробно ознакомился с историей сопротивления белых освобождению черных рабов в южных штатах. Правительства южных штатов провели такие драконовские избирательные законы, которые под разными предлогами исключали черных из числа избирателей. А белое большинство одобрительно относилось к Ку-клукс-клану, и ни федеральные войска, ни уголовное законодательство, принятое Конгрессом, не смогли воспрепятствовать разгулу кукуклусклановцев, который сопровождался поджогами, убийствами и истязаниями черных. Более того, Верховный суд не осудил Ку-клукс-клан, препятствовавший черным в реализации их избирательных прав.

Что же предприняли республиканцы? — спрашивал Амбедкар. — Вместо того, чтобы изменить конституцию и дать более эффективные гарантии черным, республиканцы согласились признать южные штаты и принять их в состав Союза, объявив всеобщую амнистию восставшим и выведя оттуда войска, оставив черных на милость их хозяев.

В своих работах Амбедкар отразил главное, что он сумел извлечь из своего американского опыта. В отличие от неприкасаемых, представляющих собой многочисленные касты и подкасты, черные составляют единую эндогамную группу. Это расовая категория, физически отличная от белых. У них нет проблем с единым языком. В этом смысле им легче объединяться в борьбе за свои права. Наблюдения Амбедкара за положением черных и белых в США укрепили его во мнении, что путь неприкасаемых к равенству лежит через требования гарантированных государством свобод и права на образование.

Между неприкасаемыми и индусами нет расовых отличий, подобных тем, какие он увидел в США. В отличие от черных, неприкасаемые разьединены культурными и языковыми барьерами, отражающими региональное деление Индии на различные этносы и лингвистические группы. Они не являются отдельной расовой или этнической группой и в этом смысле не отличаются от «чистых» индусов своего региона проживания. Неприкасаемые страдали от социальной, а не расовой дискриминации. В целом, как неоднократно отмечал Амбедкар, неприкасаемые более послушны, уступчивы и невосприимчивы к унижениям и непристойностям, которым их подвергают индусы из «чистых» каст. Поэтому большая их часть не осознает своих прав. В дальнейшем Амбедкар использовал свое знание Америки, чтобы лучше анализировать ситуацию в своей

³ Это исследование под названием «Эволюция провинциальных финансов в Британской Индии» в виде книги было опубликовано через восемь лет.

собственной стране. Он извлек урок из опыта черных, что помогло ему в деле борьбы за гражданские права неприкасаемых. Как объяснял Амбедкар, одного освобождения Индии от британского империализма было недостаточно для неприкасаемых.

После успешной карьеры в Колумбийском университете Амбедкар в июне 1916 г. уехал в Англию и через несколько дней прибыл в Лондон. В октябре 1916 г. он зарегистрировался в Лондонской школе экономики и политики (London School of Economics and Political Science). Но вскоре его финансирование закончилось, и он должен был вернуться в Индию. Он договорился с руководством Лондонской школы о возобновлении своих занятий и возвращении в Лондон через четыре года — не позже октября 1920 г.

21 августа 1917 г. он прибыл в Бомбей. В середине сентября он добрался до княжества Барода, но очутился в такой напряженной обстановке кастовой ненависти, что в середине ноября 1917 г. был вынужден вернуться в Бомбей. Там он с трудом устроился преподавателем в Sydenham College of Commerce and Economics.

23 и 24 марта 1918 г. в Бомбее под руководством Саяджирао, махараджи княжества Барода, проходила первая всеиндийская конференция угнетенных классов, которая обратилась с призывом к «совести страны» отбросить проклятие неприкасаемости. Практически все видные деятели Бомбея поддержали такую резолюцию, а Тилак даже сказал, что если бы Бог поддержал неприкасаемость, то Тилак отказался бы от него. Он призвал к полному отказу от соблюдения неприкасаемости. Манифест против неприкасаемости подписали все видные лидеры, которые обязались не соблюдать неприкасаемость в ежедневной практике. Амбедкар был скептически настроен против лицемерия кастовых индусов, заговоривших о подъеме неприкасаемых. Он не ассоциировал себя с участниками этой конференции, не верил в их искренность и поэтому был категорически против нее. Тем временем в 1919 г. впервые в истории Индии было признано существование угнетенных классов.

В июле 1920 г. после огромных трудов и унижений, связанных с неприкасаемостью, при поддержке махараджи Колхапура и займа в 5000 рупий Амбедкар снова уехал в Лондон для завершения учебы. В октябре 1922 г. он закончил исследование под названием «Проблема рупии», за которое в Лондонской школе экономики ему присвоили звание доктора наук.

АМБЕДКАР В ГЕРМАНИИ

Поскольку в Индии неприкасаемым запрещалось изучать санскрит — язык благородных высоких каст, Амбедкару пришлось пройти восьмимесячный курс обучения санскриту в Боннском университете.

Кафедра индологии и сравнительной лингвистики в Боннском университете была широко признанной в мире. Она была основана Августом Вильгельмом Шлегелем еще в 1809 г. Руководителем этой кафедры в 1889–1922 гг. был Германн Якоби. У него было много иностранных учеников, среди них Гельмут фон Глазенапп, Аугуст Винтер и Васудева Гокхале. С ним также регулярно переписывались русский индолог Ф. А. Щербатской, итальянцы Амброзио Балини и Луиджи Сальви. В 1920-х и 1930-х годах практически любой индийский ученый, посетивший Европу, встречался с Германном Якоби. Амбедкар тоже не был исключением.

Немецкие индологи, в том числе Германн Якоби, сыграли определенную роль в стремлении Амбедкара изучать буддизм. Позже принятие Амбедкаром буддизма вызвало заметный академический интерес к буддизму в Европе, в том числе к его последующей работе ‘The Buddha and His Dhamma’.

Научный интерес Амбедкара, помимо проблем *далитов*, распространялся на изучение социальной антропологии в Европе — в городской и деревенской среде. Наиболее масштабным

был междисциплинарный исследовательский проект, финансируемый Фольксваген Фаундейшен совместно с Южно-Азиатским институтом в Дели. Проект назывался «Роль далитов как жертв и преступников в Бомбее и Канпуре».

СОТРУДНИЧЕСТВО МАХАТМЫ ГАНДИ И АМБЕДКАРА

Учитывая специфику индусского общества, неприкасаемые опасались, что после достижения независимости Индии они останутся политически, социально и экономически уязвимыми группами. Поэтому они требовали конституционных гарантий, которые предотвратили бы «тиранию индусского общинного большинства», отменили социальную дискриминацию и гарантировали им политические права. В результате длительного политического процесса, в котором участвовали Махатма Ганди и Амбедкар, неприкасаемые добились принятия большинством своих требований руководством страны, а впоследствии — и закрепления их в конституции 1935 г. При составлении Конституции свободной Индии Амбедкар в качестве председателя Конституционной комиссии внес в нее ряд статей в защиту прав зарегистрированных каст. Главные из них — отмена неприкасаемости и закрепление за этими кастами права на резервирование мест в законодательных органах в центре и штатах (в соответствии с долей их населения), а также в государственных учреждениях.

В июне 1952 г. Колумбийский университет пригласил Амбедкара на церемонию присвоения ему звания почетного доктора права «как создателю Конституции Индии, великому социальному реформатору и доблестному защитнику прав человека» [Keer, 1981, p. 443]. Таким образом, он получил признание как защитник угнетенных и дискриминируемых групп во время продолжавшейся острой борьбы за гражданские права черных американцев. События в начале XXI в., связанные с насилием над *далитами* в Индии и черными американцами в США, показали, что эта проблема все еще остается актуальной в обеих странах.

ОБРАЩЕНИЕ АМБЕДКАРА К БУДДИЗМУ

Результатом долгих поисков Амбедкаром социального и религиозного реформирования кастовой системы с целью ликвидации социальной дискриминации, духовного и культурного раскрепощения *далитов* и создания условий для продвижения Индии к равноправному обществу на основе демократии стало его обращение к буддизму.

Забываясь о судьбе неприкасаемых в Индии, Амбедкар не допускал возможности принятия ими христианства, сикхизма или ислама. У него, по существу, не оставалось альтернативы, кроме буддизма с его индийскими корнями, что было для него вопросом принципа. Он стремился не нарушить культурную и историческую традицию своей страны [Babasaheb Ambedkar. A Birth Centenary Commemoration, 1956, p. 115]. С одной стороны, он хотел возродить авторитет Будды, а с другой — интерпретировать буддизм в духе идей своего времени так, чтобы он мог стать привлекательной универсальной религией для всех — низших и высших слоев общества. Свое учение он назвал *наваяна*, прибавив таким образом к существующим трем ветвям буддизма — *хинаяне*, *махаяне* и *ваджраяне* четвертую ветвь, изложив ее суть в работе «Будда и его дхамма». Цель *наваяны*, считал Амбедкар, — дать человеку своеобразный набор жизненных правил, формирующих свободную личность, а обществу — единый нравственный кодекс для того, чтобы объединить его.

Амбедкар мечтал создать не просто новую идентичность для *далитов*, но и эгалитарную, рациональную и этическую религию, которой никогда не было во всей индийской истории. Он стремился преодолеть территориальную, культурную, языковую и кастовую разобщенность

далитов, подготовить идейную основу для осознания ими общности своих интересов и единства с другими угнетенными группами населения. Обращение Амбедкара к буддизму было результатом его долгих поисков социального и религиозного реформирования кастовой системы с целью ликвидации социальной дискриминации, духовного раскрепощения далитов и создания условий для продвижения Индии к эгалитарному обществу на основе демократии.

Принятие Амбедкаром буддизма в 1956 г., а затем обращение в эту веру более 300 тыс. неприкасаемых-махаров в штате Махараштра были протестом против засилья высших каст в общественно-политической жизни и лишь частичного раскрепощения далитов после достижения Индией независимости. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в новую веру перешли только неприкасаемые-махары, к которым принадлежал сам Амбедкар. Он так и не смог преодолеть кастовый барьер, отделявший махаров от других каст неприкасаемых.

Ценность опыта Амбедкара в том, что он показал, что каждая каста сохраняет свою идентичность и выступление единым фронтом всех каст неприкасаемых в тот период было практически невозможным. Изоляция отдельных каст способствует выживанию всей кастовой системы и увековечению ее существования. Такое положение будет сохраняться до тех пор, пока в руководстве отдельных каст не созреет понимание необходимости добиться союза с другими кастами неприкасаемых, готовых бороться за изменение, а не сохранение существующего порядка. Видимо, решение этой задачи — вопрос еще не ближайшего будущего. Но те основы, которые заложил сам Амбедкар в борьбе за равноправие людей, позволяют надеяться на историческую победу в решении этого вопроса.

Неру — АМБЕДКАР

При подготовке Конституции Индии Амбедкар — главный ее архитектор по ряду стратегически важных вопросов занимал весьма радикальные позиции. Так, он предлагал премьер-министру Неру, чтобы в Индии был установлен государственный социализм и парламентская демократия, чтобы исключить возможность диктатуры. Для этого в фундаментальных правах в конституции должна быть обеспечена защита против экономической эксплуатации. Он также считал, что ключевые и базовые отрасли экономики должны принадлежать государству и что страхование должно быть национализировано. Государство должно получить существенные права на сельскохозяйственные земли при компенсации их владельцам и арендаторам. Сельское хозяйство должно принадлежать государству. Не должно быть помещиков, арендаторов и безземельных сельскохозяйственных рабочих.

В своем ответном письме от 22 мая 1947 г. премьер-министр Джавахарлал Неру написал, что он согласен с общим подходом Амбедкара по этим вопросам, но сомневается в проведении конкретных экономических реформ, закрепленных в конституции. Неру также отметил, что у него нет сомнений, что в будущем сельское хозяйство должно быть организовано на кооперативной и коллективной основе, хотя и не был уверен, что можно полностью исключить мелкомасштабные сельскохозяйственные предприятия. При этом Неру считал, что в любом случае «...нужно создать устойчивое и сильное правительство, которое смогло бы бороться с разрушительными тенденциями и поддерживать прогрессивные силы в стране». «Я не боюсь, что в будущем реакционные силы, которые без сомнения существуют в Индии, одержат победу над прогрессивными силами. Но я опасюсь, что если мы решительно не остановим эти реакционные тенденции, то они могут произвести хаос в стране и даже установить своеобразную диктатуру».

Неру также писал, что сейчас нежелательно настаивать на тех изменениях в конституции, которые предлагает Амбедкар. Однако он согласился с тем, что имеет смысл создать отдельный

комитет по экономическому планированию, но не в рамках конституции [Nehru's letter reflects cautious approach]. Следует отметить, что Неру долгие годы занимался внешней политикой Индии и был высококвалифицированным специалистом в этой сфере.

Правительство БДП и Амbedкар

Правящая ныне в Индии Бхаратия Джаната Парти поддержала куплю части дома (за 3,1 млн фунтов стерлингов), несколько комнат в которой занимал Амbedкар во время учебы в Лондонской школе экономики. По решению правительства БДП она была названа Мемориальным центром его имени. Его открытие стало частью мероприятий, посвященных 125-летию Амbedкара. Правительство осуществило большую программу празднования этого события в Дели. Оно также выделило около 15 млн долларов на сооружение там памятника Амbedкару и еще 30 млн долларов на строительство Международного центра имени Амbedкара.

Литература / References

Американская философия. Введение. Под редакцией Армена Т. Марсубяна и Джона Райдера. М., 2008 [*The Blackwell Guide to American Philosophy*. Edited by Armen T. Marsoobian and John Ryder. Moscow, 2008 (translated from English)].

Дюбуа, Уильям. *Цветные миры*. Болдуин, Джеймс. *Если Бийл-стрит могла бы заговорить*. Москва, 1982 [Dubois, W. E. B. *Worlds of Color*. Baldwin, James. *If Beale Street Could Talk*. Moscow, 1982 (translated from English)].

Юрлова Е. С. Махатма Ганди и Б. Р. Амbedкар о дискриминации социальных низов. В *Индию духа...* Сб. ст., посв. 70-летию Р. Б. Рыбакова. Сост. И. В. Зайцев, Г. М. Кузнецова, Т. Л. Шаумян. М., 2008. С. 517–527 [Yurlova E. S. Mahatma Gandhi and B. R. Ambedkar on Lower Classes Discrimination. *To The India of the Spirit...* A Collection of Articles. Compiled by I. V. Zaitsev, G. M. Kuznetsova, T. L. Shaumyan. Moscow, 2008. P. 517–527 (in Russian)].

Юрлова Е. С. Б. Р. Амbedкар. *Жизнь, творчество, наследие*. М., 2020 [Yurlova E. S. B. R. *Ambedkar. Life, Work, Legacy*. Moscow, 2020 (in Russian)].

Юрлова Е. С. Амbedкар и далиты в центре внимания политической жизни Индии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 2 С. 138–147 [Yurlova E. S. Ambedkar and Dalits in the Centre of Attention of Political Life. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2022. No. 2 (20). Pp. 138–147 (in Russian)].

Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. *История Индии. XX век*. М., 2010 [Yurlov F. N., Yurlova E. S. *History of India: The 20th Century*. Moscow, 2010 (in Russian)].

Ambedkar B. R. *The Buddha and His Dhamma*. Bombay, 1974.

The Man Who Brought the Buddha Back to His Motherland. Babasaheb Ambedkar. A Birth Centenary Commemoration — 1956. Vol. II. 1990.

The Autobiography of Malcolm X. As Told to Alex Haley. New York, 1992.

Keer, Dhananjay. *Mahatma Jotirao Phoolley. Father of Indian Social Revolution*. Bombay, 1974.

Keer, Dhananjay. *Dr. Ambedkar. Life and Mission*. Bombay, 1981.

Kuber, W. N. *Ambedkar. A Critical Study*. New Delhi, 1973.

Nehru's letter reflects cautious approach. *The Patriot*. 23.10.1984.

Washington, Booker T. *The Story of My Life and Work*. Cincinnati, 1900.

Washington, Booker T. *Up From Slavery*. New York, 1995.

Zelliot, Eleanor. *From Untouchable to Dalit / Essays on the Ambedkar Movement*. New Delhi, 1996.

ЗАПАДНЫЙ ФЕМИНИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИНДИИ

© 2023

Е. П. Тюрина¹

Вопрос о положении женщин в Индии впервые возник в XIX в. вследствие британского завоевания субконтинента и так называемого Бенгальского Возрождения, появившегося на волне роста национального самосознания бенгальцев. Бенгалия стала первым индийским регионом, где началось обсуждение эмансипации женщин, причем в отличие от западной модели развития этого феномена в Индии ее основателями были мужчины – представители новой элиты, получившие западное образование наряду с традиционным и способствовавшие «пробуждению» индусских женщин высоких каст, где следование установленным нормам и практикам было наиболее строгим. Вопрос о статусе индийских женщин поднимался и в мусульманской среде, где наряду с доступом к образованию остро стоял вопрос о соблюдении женщинами морально-этического кодекса — *парды*.

Процесс эмансипации разворачивался сверху — от элит и среднего класса бенгальских городов к социальным низам. Ситуация изменилась лишь в 1970-х годах, когда уже независимую Индию охватил экономический кризис, вызвавший радикализацию молодого поколения, особенно среди студентов и преподавательниц. Активистки появившихся в те годы женских объединений участвовали в массовых демонстрациях против голода, коррупции, безработицы, вызванной введением новых технологий на текстильном производстве, где зачастую работали женщины.

На современном этапе возрождение феминизма в Индии вызвано подъемом этого движения в странах Запада, прежде всего в США. Произошло заметное усиление позиций женщин в политической жизни, науке и культуре. Однако феминистское движение в этой стране пока носит спорадический характер и не отличается системным подходом, что обусловлено значительным разрывом в социальном развитии между жителями городов и сельской местности, а также влиянием патриархальных установок в культурном коде индийского общества в целом.

Ключевые слова: Индия, феминизм, женское движение, эмансипация, права женщин, суфражизм, культурный код

Для цитирования: Тюрина Е. П. Западный феминизм и его влияние на женское движение в Индии. Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 4. С. 171–182. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-171-182

¹ Тюрина Екатерина Павловна, магистр в области международных отношений, атташе по культуре в Посольстве России в Индии в 2020–2022 гг., Москва; smartcookie1406@gmail.com

Ekaterina P. Tyurina, Master's degree in International Relations, Cultural Attaché at the Russian Embassy in India in 2020–2022, Moscow; smartcookie1406@gmail.com

WESTERN FEMINISM AND ITS IMPACT ON THE WOMEN'S MOVEMENT IN INDIA

Ekaterina P. Tyurina

The question of the status of women in India first arose in the 19th century as a result of the British conquest of the subcontinent and the so-called Bengal Renaissance, which emerged in the wake of the growing national consciousness of the Bengalis. Bengal was the first Indian region to discuss women's emancipation, and unlike the Western model of the development of this phenomenon, in India it was the men who had become its founders. They were representatives of the new elite, who were educated both – in India and in the Western countries. Thus, they had contributed to the “awakening” of Hindu women of high castes, where adherence to established norms and practices were the strictest. The question of the status of Indian women was also raised in the Muslim environment, where, along with access to education, the matter of women's adherence to the moral and ethical code of purdah was acute.

The process of emancipation unfolded from the top down, from the elite and middle classes of Bengal's cities to the grassroots of the society. The situation changed only in the 1970s, when an economic crisis hit independent India and led to radicalization of the younger generation, especially among female students and teachers. Activists in the women's associations that emerged in those years participated in mass demonstrations against hunger, corruption, and unemployment caused by the introduction of new technologies in textile production, where women often worked.

Nowadays, the revival of feminism in India is caused by the rise of this movement in Western countries, especially in the USA. The status of women in political life, science and culture has been increased dramatically. However, the feminist movement in this country is still sporadic and lacks a systematic approach due to the significant gap in social development between urban and rural women, as well as the influence of patriarchal attitude in the cultural code of Indian society as a whole.

Keywords: India, feminism, women's movement, emancipation, women's rights, suffragettes, cultural code

For citation: Tyurina E. P. Western Feminism and Its Impact on the Women's Movement in India. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 171–182. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-171-182

Среди различных западных общественных движений, повлиявших на социально-экономическое развитие Индии, особую роль сыграл феминизм. Этот термин был введен в конце XVIII в. французским философом и утопическим социалистом Шарлем Фурье, полагавшим, что «социальное положение женщин является мерилем общественного прогресса» [Фурье Ш., 1938]. Он считал, что «феминистка» — это «новая женщина», способная изменить общественную жизнь и вместе с тем сама измениться в обществе [Айвазова, 2002, с. 37–49]. Позднее слово «феминизм» появилось в языках других западных стран. При этом на сегодняшний день общепринятого определения понятия «феминизм» нет. Вероятно, это обусловлено тем, что феминизм неоднороден: все согласны с тем, что нужно бороться с патриархатом, но у всех разные мнения о методах достижения этой цели. Толкование термина также зависит от исторического, политического, экономического и социально-культурного контекста.

ОСНОВНЫЕ «ВОЛНЫ» ФЕМИНИСТСКОГО ЦУНАМИ НА ЗАПАДЕ

Западные историки выделяют 4 «волны» развития феминистического движения. Первая относится к суфражистскому движению на рубеже XIX–XX веков, когда ключевыми вопросами были борьба женщин за доступ к образованию, обретение ими права собственности

и избирательного права. Появившись в Англии, суфражизм позднее распространился и в других западных странах, в первую очередь в США, Франции, Германии. В Великобритании в то время появились новые законы², направленные на улучшение прав женщин и ставшие образцами для аналогичного законодательства на других британских территориях. Эммелин Панкхерст была самой известной активисткой Англии³. В рядах британских суфражисток оказалась и София Далип Сингх — третья дочь изгнанного Махараджи Далипа Сингха. В начале XX в. она несколько раз посетила Индию, в результате чего была шокирована жестокостью жизни под британским правлением. Вернувшись домой, Сингх стала яркой сторонницей движения. Она продавала суфражистские газеты, отказывалась платить налоги, проводила благотворительные аукционы, сражалась с полицией на митингах-протестах. Хотя Сингх была британской подданной и в первую очередь интересовалась правами женщин в Англии, она и ее сторонницы продвигали подобные идеи в колониях⁴. В целом методы, применявшиеся суфражистками, отчасти напоминали *сатьяграху* — ненасильственные методы гражданского неповиновения Махатмы Ганди: они приковывали себя к воротам, садились на рельсы и стояли на улицах с плакатами.

Под «второй волной» понимают идеи и действия, связанные с женским освободительным движением 1960-х годов и предлагавшие новое понимание неравенства: несправедливость не сводится к сфере законодательного, но коренится в самом общественном устройстве, в том, как мужской и женский опыт по-разному организован социально. Другими словами, происходит переход от политики равных прав к обеспечению равных социальных возможностей для женщин и мужчин [Айвазова, 2004].

«Третья волна» появилась в 1990-е годы, стала новым витком в понимании гендерного неравенства и была связана с переосмыслением самой категории опыта — наше мышление подчинено бинарным оппозициям, разделяющим мужское и женское, разум и эмоции, гендерную норму и отклонение от нее⁵. «Четвертая волна» началась в 2010-х годах и характеризуется расширением прав и возможностей женщин, интернет-активизмом, применением теории пересечений⁶ и защитой маргинализированных социальных групп, в частности «цветных» женщин и транс-женщин.

О РОЛИ БХОДРОЛКОВ В «ПРОБУЖДЕНИИ» ИНДИЙСКИХ ЖЕНЩИН

Вопрос о положении женщин в Индии впервые возник в XIX в. вследствие британского завоевания субконтинента и «Бенгальского Возрождения», появившегося на волне роста национального самосознания бенгальцев. Бенгалия стала первым индийским регионом, где началось обсуждение вопроса эмансипации женщин, причем в отличие от западной модели развития

² История и теория феминизма. URL: http://gender.cawater-info.net/knowledge_base/rubricator/feminism.htm (дата обращения: 05.09.2023).

³ «Делами, не словами»: как Эммелин Панкхерст добилась избирательного права для женщин. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/437453-delami-ne-slovami-kak-emmelin-pankherst-dobilas-izbiratelno-go-prava-dlya> (дата обращения: 06.09.2023).

⁴ Sophia Duleep Singh: The Indian Princess Who Fought for Women's Rights. URL: <https://www.hrp.org.uk/hampton-court-palace/history-and-stories/sophia-duleep-singh/> (дата обращения: 06.09.2023).

⁵ Феминизм: чем различаются три волны? URL: <https://postnauka.org/faq/61274> (дата обращения: 06.09.2023).

⁶ Теория пересечений или интерсекциональный феминизм рассматривает пересекающиеся системы угнетения и дискриминации, с которыми сталкиваются женщины, основанные не только на гендерных, но и на этнических, сексуальных, экономических и других признаках. То есть люди одновременно являются членами более чем одного сообщества и могут одновременно быть и угнетенными, и привилегированными (например, женщина может быть уважаемым медицинским специалистом на работе, но страдать от домашнего насилия у себя дома).

этого феномена в Индии ее основателями были мужчины — представители новой элиты, сформировавшейся при вовлечении в колониальную экономику представителей высших каст в качестве бизнесменов, получавших европейское образование наряду с традиционным. Общее название нового слоя — *бходролок* (букв. бенг. «благородные люди»; калька с англ. «gentlemen») [Скороходова, 2021, с. 139–156]. В рядах «новых джентльменов» были просветители и реформаторы, критиковавшие устои традиционного общества, в том числе и положение женщин.

Некоторые ученые говорят о необходимости внешнего импульса для осмысления положения женщин в самом обществе, заданного британским завоеванием и деятельностью миссионеров [Юрлова, 2014]. Другие убеждены, что иностранцы могут лишь создать условия для соответствующей трансформации общества, а сама эмансипация могла начаться только изнутри благодаря появлению акторов, мыслящих иначе [Скороходова, 2021, с. 139–156].

Такие реформаторы, как Раммохан Рай и Кешобчондро Сен, вели активную реформаторскую деятельность по постепенному «пробуждению» индусских женщин высоких каст, где следование установленным нормам и практикам было наиболее строгим; первоначально это пробуждение сознания благодаря образованию, и уже на рубеже веков появляются примеры женщин, добившихся успеха «в мире мужчин» наравне с ними. Процесс эмансипации разворачивается сверху — от элит и среднего класса к широким, менее обеспеченным слоям общества [Скороходова, 2021, с. 139–156].

Позднее у Р. Рая появились последователи в лице нового поколения интеллектуалов — прежде всего группы студентов Hindu College, учеников индийского поэта, просветителя и одного из основоположников индийской англоязычной литературы Генри Дерозии, поддерживавшего деятельность Рая, направленную в том числе на запрет традиционного для индусов обряда *самти*⁷. В 1828 г. они образовали дискуссионное общество «Молодая Бенгалия» [Скороходова, 2012], где поднимали новые вопросы — теперь уже в контексте кастовой системы, где коренятся предрассудки, представления о чести семьи и «насильственном поправлении человеческих прав» при заключении брака по воле родителей [Chattopadhyaya, 1978], включая такие вопросы как *кулизм* (многоженство брахманов), ранние браки девочек и запрет на замужество вдов.

ПАРДА, ХИДЖАБЫ, ШАРИАТ; ВЫХОД ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ ИЗ МУСУЛЬМАНСКОГО ЗАКУЛИСЬЯ

Вопрос о статусе индийских женщин поднимался и в мусульманской среде, где наряду с доступом к образованию остро стоял вопрос о соблюдении женщинами морально-этического кодекса — *парды* [Samiuddin, Khanam, 2017]. Вектор феминистической мысли задавали такие деятели, как Саид Ахмад-хан и позднее Сайид Мумтаз Али, ставившие под сомнение различные интерпретации Корана в отношении женщин⁸. Саид Ахмад-хан утверждал, что Коран не обязывал женщин соблюдать *парду* и не запрещал им получать образование. Он считал, что мусульмане не смогут добиться успеха в области западной политики, не зная ее системы и основ [Samiuddin, Khanam, 2017]. Он же был среди основателей Aligarh Movement — движения, направленного на либерализацию устоявшихся порядков и переосмысление трактовок

⁷ *Самти* — похоронная ритуальная традиция в индуизме, предполагающая сожжение вдовы вместе с ее покойным супругом на специально сооруженном погребальном костре. Раммохан Рай имел глубокие познания в индуизме и в дискурсе касательно прав женщин часто приводил цитаты из вед, чтобы доказать отсутствие в них самой концепции *самти* и, как следствие, необходимость его запрета для сохранения первоначальных учений индуизма.

⁸ Gail Minault. Sayyid Mumtaz Ali and “Huquq un-Niswan”: An Advocate of Women's Rights in Islam in the Late Nineteenth Century. Modern Asian Studies. Great Britain. 1990. P. 147–172. URL: file:///Users/smartcookie/Downloads/sayyid-mumtaz-ali-and-huquq-un-niswan-an-advocate-of-womens-rights-in-islam-in-the-late-nineteenth-century.pdf (дата обращения: 07.09.2023).

Корана⁹. Вторым по значимости было движение Ahmadiyah. Их представители внесли вклад в адаптацию исламского мировоззрения к социальному прогрессу XIX в., что способствовало постепенной эмансипации мусульманок. Тем не менее вопрос следования *парде* оставался в центре дискуссий еще долгое время.

Считается, что первой женщиной, бросившей вызов *парде*, стала Нишат Хасрат Мохани — супруга поэта, борца за независимость Индии и автора известного лозунга «Инкилаб зиндабад!» (пер. — «Да здравствует революция!») Хасрата Мохани¹⁰. Однако историки оставляют Нишат, как и многим другим женщинам, роль второго плана. Хотя вместе с мужем они выступали за независимость Индии, были одними из первых мусульман в стране, вступивших в экстремистскую группу Бала Гангадхара Тилака и открыли *свадешии* магазин в г. Алигархе, основали националистическую газету на языке урду «Urdu e- Mualla»¹¹. Разумеется, британцам это не понравилось, что в итоге привело к заключению в 1908 г. Хасрата в тюрьму. Как покажет история, это произойдет неоднократно. Нишат — женщина, остававшаяся в тени своего мужа, смогла проявить невероятную смелость, защищая мужа в суде с непокрытой головой, что по нормам того времени для мусульманок считалось неприемлемым. Она также была первой женщиной, исповедовавшей ислам, которая выступила на съезде Индийского национального конгресса (ИНК)¹². Ее работа по популяризации движения *свадешии* и Всеиндийской конференции женщин, переписка с лидерами националистов и публичные выступления доказывают наличие у нее собственной идентичности в борьбе за свободу Индии.

О РАЗВИТИИ СУФРАЖИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ИНДИИ «СВЕРХУ — ВНИЗ»

Женщины, участвовавшие в национально-освободительном движении в начале XX в., впоследствии получили высокие должности в правительстве и другие привилегии в обществе. Однако бенефициарами утвержденных ими госпрограмм по предоставлению образовательных услуг и возможностей в сфере трудоустройства стали исключительно представительницы среднего и высшего классов, успешно сочетавшие быт и карьеру. Поэтому, на их взгляд, потребность в новых инициативах отсутствовала. Помимо этого, неоднозначным осталось и смысловое наполнение термина «индийских феминисток», так как их идентичность формировалась и переплеталась наряду с требованиями индийских националистов и британских суфражисток, что препятствовало созданию единого видения феминистского движения от лица всех женщин в этой стране [Fletcher, Levine, 2012].

Постепенно женскому вопросу стало уделяться все больше внимания как со стороны появлявшихся организаций, так и впоследствии со стороны правительства. Так, в 1917 г. просветительница

⁹ Fathima Sithara Khathoon. Liberty of Women in 19 th Century: Role of Sir Syed and His Aligarh Movement. URL: https://www.academia.edu/36056791/Liberty_of_Women_in_19_th_Century_Role_of_Sir_Syed_and_His_Aligarh_Movement (дата обращения: 11.09.2023).

¹⁰ Его настоящее имя было Сайед Фазал-уль-Хасан. Хасрат был его псевдонимом, под которым он писал стихи на урду, а его фамилия «Мохани» относится к месту его рождения Мохан — городу в округе Лакхнау в Соединенных провинциях Британской Индии.

¹¹ Saquib Salim. Who was Nishat un Nisa Begum who discarded purdah during freedom movement? URL: <https://www.awazthevoice.in/culture-news/who-was-nishat-un-nisa-begum-who-discarded-purdah-during-freedom-movement-21407.html> (дата обращения: 11.09.2023).

¹² После очередного заключения своего мужа в тюрьму в 1922 году Нишат присутствовала на сессии ИНК без него. Она выступала против участия членов партии в британском законодательном совете, подчеркивая, что те, кто хочет полной независимости от британского правления, не должны мечтать о вступлении в созданные ими ассамблеи.

ирландского происхождения Маргарет Казинс¹³ основала Ассоциацию индийских женщин в Мадрасе¹⁴, чтобы создать для женщин инструмент влияния на политику властей. Организация сосредоточила свое внимание на равных правах, возможностях получения образования, социальных реформах и избирательном праве для женщин. В 1921 г. Бомбей (совр. Мумбаи) и Мадрас (совр. Ченнаи) стали первыми провинциями, предоставившими женщинам ограниченное право голоса. В период с 1923 по 1930 г. семь других провинций предоставили женщинам избирательное право. Согласно Закону о правительстве Индии 1935 года¹⁵ — «последнему вздоху» колониальной правовой базы Индии, избирательное право было предоставлено чуть более чем 30 миллионам человек, или примерно пятой части взрослого населения. Небольшое количество из них составляли женщины. Важно отметить, что на момент подготовки проекта списка избирателей, работа над которым началась в ноябре 1947 г., чиновники в некоторых провинциях заявляли, что запись женских имен вызывала определенные трудности. Многие женщины отказывались называть свои имена, представляясь женами, дочерьми или вдовами мужчин¹⁶. В отличие от прежней колониальной практики, правительство ясно дало понять, что это недопустимо и что женщины должны регистрироваться как отдельные физические избиратели, а не как родственники других лиц. Началась массовая агитация в средствах массовой информации, призванная побудить женщин регистрироваться под своим именем. Немалую роль в этом процессе сыграли и женские организации, также призывавшие женщин регистрироваться в качестве избирателей, чтобы иметь возможность направить своих представителей для защиты собственных интересов.

США потребовалось около ста пятидесяти лет, чтобы предоставить женщинам равные избирательные права, Великобритании — почти столетие, женщины в Швейцарии получили право голоса в 1974 г., а в некоторых странах Персидского залива лишь в начале XXI века. Но индианки наряду с пакистанками получили избирательное право в год рождения их страны¹⁷ — в 1947 г., после деколонизации Британской Индии.

Однако реализовать его в полной мере местным женщинам не удавалось, как минимум, на протяжении следующих двух десятилетий, пока внимание на Индию не обратила ООН. Эта международная организация попросила руководство страны подготовить доклад о положении женщин в Индии к Международному году женщин, празднование которого было запланировано к проведению в 1975 году¹⁸. Тогда в 1971 г. Министерство образования и социального обеспечения создало комитет по положению женщин в Индии для изучения конституционных и административных положений, влияющих на социальный статус женщин, а также пересмотра их прав в сфере образования и трудоустройства¹⁹. Комитет пришел к выводу о росте маргинализации индианок в экономике и жизни общества.

¹³ Маргарет Элизабет Казинс (7 ноября 1878 г. — 11 марта 1954 г.) была ирландско-индийским педагогом, суфражисткой, теософом, а также основательницей Всендийской женской конференции (All India Women's Conference) в 1927 году. Она была женой поэта и литературного критика Джеймса Казинса, с которым переехала в Индию в 1915 году.

¹⁴ В 1969 году штат Мадрас официально получил свое современное название — «Тамилнаду» («земля тамиллов»).

¹⁵ The Government of India Act. 1935. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1935/2/pdfs/ukpga_19350002_en.pdf (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁶ Soutik Biswas. Did the British Empire resist women's suffrage in India? *BBC News*. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-india-43081429> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁷ Soutik Biswas. Did the British Empire resist women's suffrage in India? *BBC News*. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-india-43081429> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁸ Первая всемирная конференция по положению женщин. 1975, Мексика. Сайт Организации Объединенных наций. URL: <https://www.un.org/ru/conferences/women/mexico-city1975> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁹ Executive Summary Report on the Status of Women in India. High Level Committee on the Status on Women. *Ministry of Women & Child Development*. 2015. URL: https://wcd.nic.in/sites/default/files/Executive%20Summary_HLC_0.pdf (дата обращения: 12.09.2023).

В отчете «Навстречу равенству» («Towards Equality»), с одной стороны, были отражены консервативные взгляды представителей высших каст на «домашнюю» роль женщин, а с другой — впервые обозначена необходимость признания и трансформации их статуса, особенно в сельской местности, где их положение стремительно ухудшалось с 1950-х годов, что проявлялось в разнице продолжительности жизни между мужчинами и женщинами и трудностях, связанных с доступом женщин к образованию и средствам к существованию. Главный вывод доклада — провал индийского государства в обеспечении гендерного равенства в стране. Этот отчет стал неофициальным «уставом» будущего движения. В дискурсе появились такие характерные для индийского общества проблемы, как детские браки, право подавать на развод, институт вдов (в том числе подвергался критике обряд *сати*), повторное замужество после смерти мужа, домашнее насилие, отсутствие равных возможностей для самореализации наравне с мужчинами.

1970–1980 ГОДЫ: БОРЬБА ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА ИНДИЙСКИХ ЖЕНЩИН ВЫХОДИТ НА НОВЫЙ УРОВЕНЬ

В 1970-х годах, когда уже независимую страну охватил глубокий кризис, вызвавший радикализацию молодого поколения, особенно среди студенток и преподавательниц, начали появляться первые женские рабочие объединения. Среди них были Shramik Mahila Sangathana²⁰, Progressive Organization of Women, Self-Employed Women's Association и многие другие. Их активистки участвовали в массовых антиправительственных демонстрациях против голода, коррупции, безработицы, вызванной введением новых технологий на текстильном производстве, где зачастую работали женщины. На повестке также стояли социальные вопросы — побои и алкоголизм в семьях, споры вокруг наследства и приданого, сексуальное насилие со стороны представителей высших сословий.

В 1980-х годах создавались новые организации²¹, открывались печатные издания²² и научные центры при университетах²³; проходили национальные конференции о перспективах женского движения в Индии, чьим инициатором часто выступал автономный «Форум против насилия²⁴», стремившийся стать главной объединяющей силой всего эмансипационного процесса. Участницами были представительницы интеллигенции, стремившиеся донести знания и помочь женщинам из менее благополучной среды. Благодаря этим организациям были учреждены семейные суды, в ведение которых были переданы вопросы брака, семейных дел и собственности, алиментирования и опеки, образования и содержания детей. В 1986 г. министерство развития людских ресурсов подготовило новую национальную образовательную политику, содержащую положения как о предоставлении женского образования во имя социального равенства, так и о важности женских исследований как новой области знаний в достижении этой цели.

²⁰ В эту организацию вошли представительницы Коммунистической партии Индии (марксистское крыло; КПИМ), Социалистической партии, ИНК и простые домохозяйки.

²¹ Например, Centre for Women's Development Studies, Institute of Social Studies Trust, Indian Association of Women's Studies, Anveshi Research Centre for Women's Studies.

²² Например, Kali for Women, Manushi, Samya Shakti, Indian Journal of Gender Studies.

²³ В 1986 г. появились первые 4 центра в университетах Кералы, Пенджаба, Дели и Варанаси; в 2007 г. их количество выросло до 66.

²⁴ Это название применялось к данной организации на момент ее создания в 1980 году. Позднее в связи с увеличением количества вопросов, которыми занималось объединение, было принято решение о его переименовании в «Форум против притеснения женщин» (Forum against Oppression of Women). Подробнее: Political Feminism in India An Analysis of Actors, Debates and Strategies Prof. Vibhuti Patel and Radhika Khajuria URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/indien/12706.pdf> (дата обращения: 13.09.2023).

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЖЕНЩИН

На современном этапе возрождение феминизма в Индии было вызвано подъемом этого движения в странах Запада, прежде всего в США. Все чаще проходят демонстрации против использования в рекламе материалов, принижающих достоинство женщины. Продвижение социальных интересов женщин возложено на министерство по вопросам поддержки женщин и детей²⁵, возглавляемое с мая 2019 г. бывшей актрисой и моделью Смрити Ирани, в рамках которого также действует профильная национальная комиссия²⁶. Данное ведомство ведет свою деятельность, руководствуясь рядом нормативно-правовых документов, основным из которых является принятая в 2001 г. «Национальная политика расширения возможностей женщин»²⁷. До августа 2021 г. под эгидой министерства также действовал автономный кредитный фонд для женщин, но в связи с появлением разных госпрограмм по финансированию предпринимательства среди женщин эта организация была упразднена.

По оценкам МВФ, предоставление женщинам равного доступа к трудовой деятельности увеличит ВВП Индии на 30%²⁸. Руководствуясь этим, правительство Индии реализует программы по предоставлению школьного и высшего образования всем девушкам (Beti Bachao Beti Padhao, Pradhan Mantri Ujjwala Yojana²⁹, herSTART³⁰), включая военные академии³¹. В стране действуют сотни тысяч профильных общественных организаций на федеральном и местном уровнях. Они объединяют в своих рядах разные слои населения. Но каждая занимается проблемами того или иного региона, что усложняет выработку единого вектора развития для всего движения.

Для содействия расширению возможностей женщин в стране действуют следующие законы³²: Конституция (закрепляет принцип социального равенства полов), «О запрете приданого» (1961 г.), «О медицинском прерывании беременности» (1971 г.), «О семейном суде» (1984 г.), «О запрете на непристойное изображение женщин» (1986 г.), «О запрете проведения ритуала сати» (1987 г.), «О создании национальной комиссии по делам женщин» (1990 г.), «О защите

²⁵ Департамент по развитию женщин и детей был создан в 1985 г. и входил в состав министерства развития людских ресурсов, пока в 2006 г. он не стал отдельным министерством.

²⁶ Под эгидой министерства с 1993 г. также действовал автономный кредитный фонд для женщин (Rashtriya Mahila Kosh). Упразднен в августе 2021 года в связи с появлением разных госпрограмм по финансированию предпринимательства среди женщин (например, Jan Dhan Yojana, PM Mudra Yojana).

²⁷ National Policy for the Empowerment of Women (2001). URL: <https://wcd.nic.in/sites/default/files/National%20Policy%20for%20Empowerment%20of%20Women%202001.pdf> (дата обращения: 11.09.2023).

²⁸ Kalpana Kochhar, Sonali Jain-Chandra, and Monique Newiak. Women, work, and economic growth: leveling the playing field. *International Monetary Fund*. Washington, DC, 2017. URL: <file:///Users/smartcookie/Downloads/9781513516103-9781513516103.pdf> (дата обращения: 11.09.2023).

²⁹ Beti Bachao Beti Padhao, Ujjwala Yojana and more: A look at PM Narendra Modi's commitment to women empowerment. September, 2022. Firstpost. URL: <https://www.firstpost.com/explainers/explained-beti-bachao-beti-padhao-ujjwala-yojana-and-more-a-look-at-pm-narendra-modis-commitment-to-women-empowerment-11270301.html> (дата обращения: 11.09.2023).

³⁰ President launches 'herSTART' platform for women entrepreneurs in Gujarat. October, 2022. Hindustan Times. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/president-launches-herstart-platform-for-women-entrepreneurs-in-gujarat-101664894357704.html> (дата обращения: 13.09.2023).

³¹ Об этом решении правительства заявил премьер-министр Н. Модди, обращаясь к нации в августе 2021 года по случаю 75-й годовщины обретения Индией независимости.

³² Полный перечень законодательных актов, касающихся прав женщин в Индии, доступен на официальном сайте министерства по вопросам поддержки женщин и детей по ссылке: <https://wcd.nic.in/act/2314> (дата обращения: 11.09.2023).

женщин от домашнего насилия» (2005 г.)³³, «О запрете детских браков» (2006 г.)³⁴, «О предотвращении, запрете и возмещении ущерба за сексуальные домогательства в отношении женщин на рабочем месте» (2013 г.). В то же время, по мнению местных экспертов в области прав человека, нормативно-правовая база в Индии охватывает не весь спектр вопросов, особенно в части, касающейся управления финансами. Например, большинство женщин не имеет гарантий оплаты труда или права открыть банковский счет на собственные нужды.

Об увеличении числа индианок на передовой политической, деловой и культурной жизни страны в XXI в.

При этом в XXI в. произошло заметное усиление позиций женщин в политической жизни, бизнесе и культуре. Со времени первых парламентских выборов в Индии в 1952 г. число голосовавших женщин выросло с 37% до 65% (2014 г.). Они также имеют зарезервированные места в правительствах штатов³⁵ и занимают высокие политические посты (действующий президент Дроупади Мурму, экс-президент Индии Пратибха Патил (занимала пост в 2007–2012 гг.), первая женщина — спикер парламента в штате Гуджарат Нимабен Ачария), возглавляют партии (в *ИНК* — Соня Ганди, *Тринамул конгрессе* — главный министр штата Западная Бенгалия Мамата Банерджи, *Бахуджан самадж парти* — первая женщина из касты *далитов*, занявшая должность главы правительства штата Уттар-Прадеш Кумари Маявати). Вместе с тем большинство женщин-депутатов представлено индусками высших каст, в то время как мусульманки и представительницы зарегистрированных каст и племен почти не выдвигаются. Сторонницы ислама зачастую не участвуют и в качестве избирателей ввиду сохраняющегося низкого уровня общественно-политического сознания и слабого представления о своих правах из-за влияния на их жизнь законов шариата.

Как и в странах Запада, заметно растет число руководительниц в индийской медиасфере: региональный вице-президент Netflix М. Шергил, глава индийского оригинального контента Amazon Prime Video А. Пурохит, содиректор Balaji Telefilms Э. Капур, глава подразделения Hindi Originals ZEE5 Н. Пандей. Появляется все больше фильмов, чьи режиссеры стремятся раскрыть тему феминизма (Haider, 2014; Uda Punjab, 2016; Lipstick Under My Burkha, 2017). Шесть индианок входят и в список «100 самых влиятельных женщин» по версии журнала «Forbes» (2022).

«Я НЕ ЖЕРТВА!» или несколько слов о тренде на деколониальный феминизм

Вместе с тем важно обратить внимание на тренд, развивавшийся параллельно с идеями западного феминизма начиная с 1980-х годов, а именно — деколониальный феминизм. Это направление появилось по мере становления постколониального взгляда ученых в гуманитарных

³³ По данным отчета «Преступность в Индии» за 2020 г., в стране зафиксировано более 28 тысяч случаев изнасилования.

³⁴ Законопроект о внесении поправок в закон «О запрете детских браков» (2006 г.) находится на рассмотрении нижней палаты индийского парламента (Лок Сабхи) с декабря 2021 г. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/legally-speaking/prohibition-of-child-marriage-amendment-bill-2021-a-critique/> (дата обращения: 11.09.2023).

³⁵ Лишь в 1992 г. были приняты поправки к Конституции, согласно которым в органах городского и сельского самоуправления вводилось обязательное резервирование 33% мест для женщин, а также их право занимать посты председателя и его заместителя, что способствовало избранию большого числа женщин в панчаяты. В 2009 г. центральное правительство решило выделять для женщин 50% мест в панчаятах. Закон о женской квоте в законодательных органах был принят в 2013 г. Особой дискриминации в муниципальных советах до сих пор подвергаются женщины из касты *далитов*.

науках. Его сторонники оспаривают гипотезу о том, что гендерное угнетение является главной движущей силой патриархата, и выступают против изображения женщин незападных обществ в качестве пассивных жертв, а женщин западных стран как современных, образованных и обладающих гражданскими правами, в то время как женщинам, живущим в бывших колониях, зачастую не подходит западный феминизм. Основные тезисы в таком дискурсе — западный феминизм навязывает свое видение «правильного поведения»; не учитывает культурных, религиозных, национальных и расовых различий; считает женщин в странах Азии и Африки жертвами, которых нужно спасать от местных обычаев; таким образом лишая женщин этих стран способности к действию и рассматривая их культуру как этап, который непременно нужно преодолеть [Tuagi, 2014].

По словам представительницы этого направления — американского профессора индийского происхождения Чандры Моханти, «женщина третьего мира — сингулярный монолитный субъект, созданный западной либеральной мыслью», и что женщины в странах «третьего мира» считают западный феминизм европоцентричным и основывающим свое понимание женщины на внутреннем расизме, классовом и этническом угнетении [Mohanty, 1984]. Индийская писательница Сароджини Саху также убеждена, что он этноцентричен и не учитывает уникальный опыт женщин из развивающихся стран.

Такая позиция находит отражение и в российском дискурсе³⁶. По мнению доктора философии в области социологических наук Анны Темкиной, «на Западе действительно есть тенденция время от времени привносить западные тенденции в другие культуры и преподносить эти ценности как более прогрессивные; при этом локальное феминистское сопротивление зачастую работает гораздо эффективнее, чем привнесенное извне, так как более релевантно контексту». С другой стороны, А. Темкина считает, что несмотря на преимущественное отсутствие чувствительности западного феминизма к контексту, здесь остается множество нерешенных вопросов: «Допустим, мы раскритиковали западный прогресс, смотрим из локальной культуры. А что, если в этой культуре принято изнасилование женщин?»³⁷. В постколониальной парадигме нет точного ответа на этот и подобные вопросы, хотя насилие безусловно осуждается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XXI в., когда борьба женщин за равные с мужчинами права охватила весь мир, Индия, укрепляющая свои позиции в качестве глобального игрока, не может оставаться в стороне от этого тренда. Индианкам удалось достичь значительных результатов в повышении своего социального статуса. Тем не менее феминистское движение в этой стране пока носит спорадический характер и не отличается системным подходом, что обусловлено значительным разрывом в социальном развитии между жителями городов и сельской местности, а также влиянием патриархальных установок в культурном коде индийского общества в целом. По данным рейтинга «Global Gender Gap Report» за 2022 г., Индия занимает лишь 135-е место по уровню преодоления гендерного разрыва. Можно сказать, что у феминистского движения в Индии есть особый «голос», отличный от западного, но пока он находится в поиске своего «тембра» и его «сонастройки» с женщинами всех индийских штатов.

³⁶ Eliza Parija. Focus on feminism. Who's afraid of sexuality, asks Orissa's Virginia Woolf. June, 2010. *Tribune India*. URL: <https://www.tribuneindia.com/2010/20100613/spectrum/book8.htm> (дата обращения: 07.09.2023).

³⁷ Анастасия Зотова. Не все хотят снять хиджаб и строить карьеру: что такое постколониальный феминизм. *Forbes*. 2022. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/482041-ne-vse-hotat-snat-hidzab-i-stroit-kar-eru-cto-takoe-postkolonialnyj-feminizm> (дата обращения: 06.09.2023).

Литература / References

- Айвазова С. Г. К истории феминизма. *Общественные науки и современность*. М., 2002. № 6. С. 37–49 [Ayvazova S. G. On the history of feminism. *Social sciences and modern times*. 2002. № 6. Pp. 37–49 (in Russian)].
- Гендерные аспекты политической социологии*: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Айвазова С. Г., Хасбулатова О. А. (отв. ред.). М.: РОССПЭН, 2004. 258 с. [Ayvazova S. G., Khasbulatova O. A. *Gender Aspects of Political Sociology*: Textbook for Students of Higher Educational Institutions. 2004. 258 p. (in Russian)].
- Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб. *Избранные сочинения* в 3-х т. Т. 1. М., 1938–1939 [Charles Fourier. The Theory of the Four Movements. *Selected Works in Three Volumes*. Moscow, 1938–1939 (in Russian)].
- Скороходова Т. Г. *Младобенгалцы. Очерки истории социальной мысли Бенгальского Возрождения (первый период, 1815–1857)*. СПб., 2012 [Skorokhodova T. G. *Young Bengal. Essays on History of Social Thought of the Bengal Renaissance. First Phase 1815–1859*. SPb., 2012 (in Russian)].
- Скороходова Т. Г. Истоки феминизма и женской эмансипации в Индии XIX в.: бенгальский вариант. *Социологический журнал*. 2021. Т. 27. № 1. С. 139–156 [Skorokhodova T. G. The Origins of Feminism and Women's Emancipation in 19th Century India: A Bengali Variant. *Sociological journal*. 2021. V. 27. № 1. Pp. 139–156 (in Russian)].
- Юрлова Е. С. *Женщина Индии. Традиции и современность*. М., 2014. 520 с. [Yurlova E. S. *Women of India: Traditions and Modernity*. 2014. 520 p. (in Russian)].
- Abida Samiuddin R. Khanam. *Muslim Feminism and Feminist Movement in India*. Vol. 1. New Delhi, 2017.
- Chattopadhyaya G. *Bengal: Early Nineteenth Century. Selected Documents*. Calcutta, 1978.
- Fletcher, Ian Christopher; Levine, Philippa; Mayhall, Laura E. Nym. *Women's Suffrage in the British Empire: Citizenship, Nation and Race*. London, 2012. 276 p.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Анастасия Зотова. Не все хотят снять хиджаб и строить карьеру: что такое постколониальный феминизм. *Forbes*. 2022. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/482041-ne-vse-hotat-snat-hidzab-i-stroit-kar-eru-cto-takoe-postkolonial-nuj-feminizm> (дата обращения: 06.09.2023).
- «Делами, не словами»: как Эммелин Панкхерст добилась избирательного права для женщин. 16 августа 2021 г. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/437453-delami-ne-slovami-kak-emmelin-pankherst-dobilas-izbiratelnogo-prava-dlya> (дата обращения: 06.09.2023).
- История и теория феминизма. URL: http://gender.cawater-info.net/knowledge_base/rubricator/feminism.htm (дата обращения: 05.09.2023).
- Первая всемирная конференция по положению женщин. 1975, Мексика. *Сайт Организации Объединенных наций*. URL: <https://www.un.org/ru/conferences/women/mexico-city1975> (дата обращения: 12.09.2023).
- Феминизм: чем различаются три волны? 07 марта 2016 г. URL: <https://postnauka.org/faq/61274> (дата обращения: 06.09.2023).
- Beti Bachao Beti Padhao, Ujjwala Yojana and more: A look at PM Narendra Modi's commitment to women empowerment. September, 2022. Firstpost. URL: <https://www.firstpost.com/explainers/explained-beti-bachao-beti-padhao-ujjwala-yojana-and-more-a-look-at-pm-narendra-modis-commitment-to-women-empowerment-11270301.html> (дата обращения: 11.09.2023).
- Chandra Talpade Mohanty. Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses. On Humanism and the University I: The Discourse of Humanism. Vol. 12/13. Vol. 12. No. 3. Vol. 13. No. 1. *Duke University*, 1984. Pp. 333–358 (26 pages).

Eliza Parija. Focus on feminism. Who's afraid of sexuality, asks Orissa's Virginia Woolf. June, 2010. *Tribune India*. URL: <https://www.tribuneindia.com/2010/20100613/spectrum/book8.htm> (дата обращения: 07.09.2023).

Fathima Sithara Khathoon. Liberty of Women in 19 th Century: Role of Sir Syed and His Aligarh Movement. URL: https://www.academia.edu/36056791/Liberty_of_Women_in_19_th_Century_Role_of_Sir_Syed_and_His_Aligarh_Movement (дата обращения: 11.09.2023).

Gail Minault. Sayyid Mumtaz Ali and "Huquq un-Niswan": An Advocate of Women's Rights in Islam in the Late Nineteenth Century. *Modern Asian Studies*. Great Britain. 1990. Pp. 147–172. URL: <file:///Users/smartcookie/Downloads/sayyid-mumtaz-ali-and-huquq-un-niswan-an-advocate-of-womens-rights-in-islam-in-the-late-nineteenth-century.pdf> (дата обращения: 07.09.2023).

The Government of India Act. 1935. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1935/2/pdfs/ukpga_19350002_en.pdf (дата обращения: 11.09.2023).

Kalpna Kochhar, Sonali Jain-Chandra, and Monique Newiak. Women, work, and economic growth: leveling the playing field. *International Monetary Fund*. Washington, DC, 2017. URL: <file:///Users/smartcookie/Downloads/9781513516103-9781513516103.pdf> (дата обращения: 11.09.2023).

Ministry of Women & Child Development, Government of India. URL: <https://wcd.nic.in/act/2314> (дата обращения: 11.09.2023).

National Policy for the Empowerment of Women (2001). URL: <https://wcd.nic.in/sites/default/files/National%20Policy%20for%20Empowerment%20of%20Women%202001.pdf> (дата обращения: 11.09.2023).

President launches 'herSTART' platform for women entrepreneurs in Gujarat. October, 2022. *Hindustan Times*. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/president-launches-herstart-platform-for-women-entrepreneurs-in-gujarat-101664894357704.html> (дата обращения: 13.09.2023).

Dr. Ritu Tyagi. Understanding Postcolonial Feminism in relation with Postcolonial and Feminist Theories. *International Journal of Language and Linguistics*. Vol. 1. No. 2. December. 2014. URL: https://ijllnet.com/journals/Vol_1_No_2_December_2014/7.pdf (дата обращения: 11.09.2023).

Saqib Salim. Who was Nishat un Nisa Begum who discarded purdah during freedom movement? URL: <https://www.awazthevoice.in/culture-news/who-was-nishat-un-nisa-begum-who-discarded-purdah-during-freedom-movement-21407.html> (дата обращения: 11.09.2023).

Sophia Duleep Singh: The Indian Princess Who Fought for Women's Rights. URL: <https://www.hrp.org.uk/hampton-court-palace/history-and-stories/sophia-duleep-singh/> (дата обращения: 06.09.2023).

Vageshwari Deswal. Prohibition of Child Marriage (Amendment) Bill, 2021: A critique. *The Times of India*. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/legally-speaking/prohibition-of-child-marriage-amendment-bill-2021-a-critique/> (дата обращения: 11.09.2023).

Prof. Vibhuti Patel and Radhika Khajuria. Political Feminism in India An Analysis of Actors, Debates and Strategies. 2016. URL: <https://library.fes.de/pdf-iles/bueros/indien/12706.pdf> (дата обращения: 13.09.2023).

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДУССКИХ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИНДИИ

© 2023

А. А. Зайцев¹

В современной Индии идеология *хиндутвы*, которую многие исследователи называют индуcским национализмом, занимает ведущие позиции. Она активно распространяется такими организациями, как Раштрия сваямсевак сангх (РСС), Вишва хинду паришад (ВХП) и правящей с 2014 г. Бхаратия джаната парти (БДП) не только внутри Индии, но и за ее пределами, прежде всего в странах с крупной по численности индийской диаспорой. Вовлечение диаспоры играет важнейшую роль в консолидации индийского общества по религиозному признаку, на чем делают акцент данные организации. Работа по распространению *хиндутвы* носит комплексный характер, и об этом пойдет речь в данной статье.

Основное внимание уделено направлениям деятельности и мероприятиям индуcских националистических организаций за рубежом, причинам их работы по консолидации индийской диаспоры и вовлечению ее в свою идеологию. Целью статьи является показать уровень активности этих организаций вне территории Индии и их методы работы за рубежом. В исследовании использованы материалы с официальных сайтов этих организаций и их заграничных филиалов, а также организаций-союзников, не занимающихся политической деятельностью. Они — основные источники исследования. Некоторые из этих организаций до настоящего времени не изучены в отечественной историографии. Изучение деятельности организаций, пропагандирующих *хиндутву* за пределами Индии, позволяет получить более глубокое представление об идеологии индуcского национализма, методах ее распространения и причинах укрепления ее политических позиций.

Ключевые слова: Индия, хиндутва, национализм, Раштрия сваямсевак сангх, Хинду сваямсевак сангх, Вишва хинду паришад, индуизм, диаспора

Для цитирования: Зайцев А. А. Основные направления деятельности индуcских националистических организаций за пределами Индии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 183–192. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-183-192

MAJOR ACTIVITIES OF THE HINDU NATIONALIST ORGANIZATIONS OUTSIDE INDIA

Andrey A. Zaytsev

In modern India, the *Hindutva* ideology, which many researchers call the Hindu nationalism, occupies a leading position. It is actively promoted by such organizations as the Rashtriya Swayamsevak Sangh (RSS), Vishwa Hindu Parishad (VHP) and the Bharatiya Janata Party (BJP), which has been in power since 2014, not

¹ Зайцев Андрей Алексеевич, аспирант 1-го года обучения Института востоковедения РАН, Москва; andrey.zaytsev1998@yandex.ru

Andrey A. Zaytsev, 1st year post-graduate student of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; andrey.zaytsev1998@yandex.ru

only within India, but also abroad, primarily in countries with a large-size Indian diaspora. The involvement of diaspora plays a crucial role in the consolidation of Indian society along religious lines, which is emphasized by these organizations. The work of spreading of the Hindutva is complex, and this will be discussed in this article.

The main attention is paid to the activities and activities of Hindu nationalist organizations abroad, the main reasons for their work being to consolidate the Indian diaspora and involve it in their ideology. The purpose of the article is to show the level of activity of these organizations outside the territory of India and their methods of work abroad. The study used materials from the official websites of these organizations and their foreign branches, as well as allied organizations that are not involved in political activities. They are the main sources of research. Some of these organizations have not yet been studied in Russian historiography. Studying the activities of organizations that promote *Hindutva* outside of India allows one to gain a deeper understanding of the ideology of Hindu nationalism, the methods of its spreading and the reasons for strengthening its political positions.

Keywords: India, Hindutva, nationalism, Rashtriya Swayamsevak Sangh, Hindu Swayamsevak Sangh, Vishwa Hindu Parishad, Hinduism, Diaspora

For citation: Zaytsev A. A. Major Activities of the Hindu Nationalism Organizations Outside India. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 183–192. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-183-192

ВВЕДЕНИЕ

Идеологической основой политической жизни Индии с приходом к власти Бхартия джаната парти (БДП) в 2014 г. является *хиндутва* («индуискость»), которая многими специалистами интерпретируется как индуистский национализм. Под этой идеологией выступает Сангх паривар (Семья Сангха) — иерархическая сеть организаций под верховным руководством Раштрия сваямсевак сангх (РСС, «Союз добровольных слуг родины»), где каждый из членов «семьи» занимается определенным видом деятельности. Сангх Паривар — иерархическая централизованная сеть организаций, где РСС занимает ведущее положение. При этом власть РСС установлена не на административном соподчинении ее сателлитов. Члены «семьи» формально независимы. Каждое входящее в нее объединение имеет свои задачи и направления работы.

Большая часть этих организаций ведет свою деятельность внутри Индии, занимаясь образованием, здравоохранением, культурой, религиозными вопросами, социальной защитой и т. д. Однако есть две организации, которые активно работают за пределами Индии: Хинду сваямсевак сангх (ХСС, «Союз добровольных слуг индуизма», зарубежный отдел РСС) и Вишва хинду паришад (ВХП, «Всемирный совет индуистов»).

Краткая история Хинду сваямсевак сангх и Вишва хинду паришад

ХСС основана в 1940 г. двумя *сваямсеваками* (добровольцами) РСС (их имена остаются неизвестными), обосновавшимися в Кении, на тот момент британской колонии, где создали первый за пределами родины филиал — *шакху* [Jaffrelot, 2009, p. 362]. После обретения Индией независимости в 1947 г. количество *шакх* и их распространение по миру стало расширяться. Поскольку такие *шакхи* не находились на «национальной» (*раштрия*) земле, для их управления и была создана Хинду сваямсевак сангх (ХСС), задачами которой были распространение индуизма и установление контактов с находившимися в странах пребывания «добровольцев» индусами. *Прачарак* (идеолог) РСС Мадхукар Даттатрейя Деорас (1915–1996), впоследствии ставший третьим верховным лидером (*сарсангхачалаком*) после К. Б. Хедгевара и М. С. Голвалкара,

провел несколько лет за границей, чтобы развивать эту организацию. Во время чрезвычайного положения 1975–1977 гг. РСС был запрещен в Индии, и многие его лидеры и рядовые участники отправились за границу как с целью избежать репрессий, так и в поисках поддержки среди местного населения [Jaffrelot, 2009, p. 362]. Во многом благодаря ХСС РСС смогла продолжить свою деятельность и спастись от полноценной ликвидации. Отделения ХСС в настоящее время действуют в 156 странах мира и насчитывает 3289 филиалов.

ВХП основана в 1964 г. в Мумбаи М. С. Голвалкарсом с участием других лидеров РСС на специальной конференции с целью развивать среди индийцев религиозное самосознание. Один из ее основателей, Шива Шанкара Апте (1907–1985), которому и принадлежит авторство названия организации, отмечал, что оно полностью отсутствует среди индийцев за границей и им никто не в состоянии помочь с его формированием [Apte, 1989, p. 57]. Согласно документам ВХП, все индийцы — братья, несмотря на языковые, религиозные, кастовые и классовые различия. Они должны помогать друг другу и избегать несправедливых поступков. Апте был обеспокоен отсутствием связей диаспоры с богатым культурным наследием Индии, патриотического воспитания в их среде и наличием возможности их перехода в ислам или христианство, что для сторонников хиндутвы было крайне неприемлемо. Отсюда необходимость в создании организации для поддержания контактов индусов по всему миру, чтобы они могли черпать вдохновение из культурного и духовного наследия Индии и уберечься от влияния других идеологий и религий [Katju, 1998, p. 41].

Уже в 1970 г. ВХП открыла свое первое зарубежное отделение в США, на сегодняшний момент являющееся крупнейшим и самым значительным из всех филиалов этой организации. В 1972 г. открыто отделение в бывшей метрополии — Великобритании, в 1974 г. — в Канаде, значительное число отделений было открыто в 2000-е и 2010-е годы. В настоящее время ВХП имеет 29 филиалов по всему миру, в основном в странах с крупной индийской диаспорой (США, Канада, Великобритания, Германия, Норвегия, Австралия, ЮАР и др.). Цели ХСС и ВХП схожи: сплочение индусов, живущих за пределами Индии, защита и пропаганда индуизма и его моральных и духовных ценностей среди диаспоры и возвращение в лоно индуизма индусов, обращенных в другую веру (ислам или христианство), поэтому они действуют, как правило, в связке друг с другом.

И ВХП, и ХСС, по их мнению, являются автономными и независимыми организациями, не имеющими юридических или финансовых отношений с иными подобными структурами. При этом они полностью разделяют руководящую роль РСС в их деятельности. Он, согласно их заявлениям, помог омолодить индуистское общество и продвинуть вперед индуистскую цивилизацию. ВХП и ХСС заявляют, что могут не обязательно соглашаться со всем, что поддерживают лидеры РСС, но они черпают вдохновение в их более широком видении будущего Индии и индуизма, а также разделяют их дух сохранения, восстановления и продвижения индуистской культуры, идеалов и ценностей². Как указано на их официальных Интернет-ресурсах, ВХП и ХСС активно работают над налаживанием отношений со всеми слоями общества, с местным населением и гуманитарными организациями, чтобы удовлетворить потребности общества в целом, участвуют в межконфессиональной деятельности и сотрудничают с другими религиозными организациями в проектах, представляющих общий интерес. ВХП и ХСС также изъявляют желание работать с местными и государственными правительствами для защиты конституционных прав всех граждан стран пребывания этих организаций³.

² Hindu Swayamsevak Sangh US. URL: <https://new.hssus.org/faqs/>

³ Ibid.

Основные союзники ВХП и ХСС

Помимо ВХП и ХСС, существуют также партнеры этих организаций, оказывающие им всяческую помощь. Союзные им организации также занимаются религиозной деятельностью, но стараются не вмешиваться в политические процессы. Одним из таких партнеров является BAPS Charities (ранее BAPS Care International) — международная религиозная благотворительная организация, основанная Бочасанваси акшар пурушоттам Сваминараян санстха (BAPS) в 2000 г. Свою деятельность она строит с упором на служение обществу, что отражено на официальном сайте организации: «Каждый человек заслуживает права на мирный, достойный и здоровый образ жизни. И, улучшая качество жизни человека, мы улучшаем семьи, сообщества, наш мир и наше будущее»⁴. BAPS Charities реализует ряд программ, направленных на развитие здравоохранения, образования, окружающей среды и ликвидацию последствий стихийных бедствий. Деятельность организации по всему миру финансируется за счет пожертвований и возглавляется сообществом из более чем 55 000 добровольцев, в основном членов BAPS. Волонтеры работают с местными сообществами и другими благотворительными организациями, деятельность BAPS Charities в основном осуществляется за счет *мандиров* (индуистских храмов), которые активно строятся при содействии этого фонда.

Бочасанваси акшар пурушоттам Сваминараян санстха (BAPS, в переводе «Учреждение неизменно лучшего из людей Сваминараяна») — одно из направлений индуистского движения Сваминараян. Данное движение основано Сахаджананду Свами, более известным как Сваминараян (1781–1830), который считается его последователями *аватарой* Кришны или высшим проявлением Пурушоттама, верховного Бога. Согласно традиции, и религиозная группа, и сам Сахаджананд Свами получили имя Сваминараян при соединении двух санскритских слов: *свами* («господин») и *нараян* («верховный Бог»). Сваминараян в течение своей жизни открывал богадельни, строил приюты, боролся с пережитками племенного строя и отменил практику сати и детоубийства женского пола с целью устранения страданий и осуществления позитивных социальных изменений [Williams, 2001, p. 55]. Движение его имени было основано в 1905 г. Ягнапурушдасом (Шастриджи Махараджем 1865–1951), одним из последователей Сваминараяна.

С 1971 г. под руководством Прамукха Свами Махараджа (1921–2016) BAPS активизировала свою деятельность не без поддержки ВХП. По состоянию на 2023 г. BAPS построила 44 *мандира шикхарбаддха*⁵ и более 1200 мандиров по всему миру. Также организация расширила свою гуманитарную деятельность. BAPS помогает медицинским учреждениям по всему миру, является спонсором многих медицинских фондов в Великобритании, США, Канаде и других англоязычных странах. В области образования BAPS помогает сделать доступным обучение различным предметам детей-инвалидов, «трудных» подростков, внедряет новые технологии при помощи сотрудничества с американской Силиконовой долиной. BAPS активно занимается вопросами состояния окружающей среды: за последние 10 лет было высажено более 1,5 миллионов деревьев, вырыто более 5 тысяч колодцев в деревнях для улучшения доступа к питьевой воде, собрано более 10 тысяч тонн макулатуры и т. д.

⁴ BAPS Charities. URL: <http://www.bapscharities.org>

⁵ *Шикхарбаддха мандир* — это традиционное индуистское или джайнское место поклонения, обычно отличающееся архитектурой, характеризующейся надстройками с вершинами башен и куполами и часто построенными из резного мрамора, песчаника или другого камня. Хотя такие *мандиры* распространены во многих ветвях индуизма, использование термина *шикхарбаддха мандир* для описания таких *мандиров* наиболее распространено в сваминараянской ветви индуизма, а также в джайнизме. Противоположностью храму *шикхарбаддхи* является храм без башни *шикхара*, то есть с плоской крышей.

Немалую роль BAPS играет в ликвидации последствий стихийных бедствий. В Северной Америке он помог в ликвидации последствий беспорядков в Лос-Анджелесе в 1992 г. и землетрясения в Лос-Анджелесе в 1994 г. После землетрясений в Сальвадоре в январе 2001 г. и феврале 2001 г. он отправил медикаменты и предметы снабжения на сумму 3,3 миллиона долларов [Anand, 2004, p. 23]. После удара урагана «Катрина» в 2005 г. добровольцы BAPS доставили пострадавшим горячую еду, воду, предметы первой необходимости и оказали помощь в переселении в безопасные районы⁶. Организация в партнерстве с ЮНИСЕФ предоставила лекарства, чистую воду и временное жилье детям, пострадавшим от землетрясения на Гаити в 2010 г. После землетрясения и цунами в Японии в 2011 г. они предоставили продовольствие и транспорт для оказания помощи пострадавшим районам.

Еще одним партнером ВХП и ХСС за рубежом является Бхарат Севашрам Сангха — индуистская неполитическая религиозная и духовная организация, занимающаяся гуманитарной деятельностью. Она была основана в 1917 г. Свами Пранаवानандой (1896–1941). Штаб-квартира Сангхи находится в Калькутте, Западная Бенгалия. Организация имеет более 300 отделений в Индии, Великобритании, США, Гайане, Тринидаде и Тобаго, Канаде, Фиджи и других странах, построила более 500 мандиров по всему миру. Она инициировала несколько миссий в африканские страны, Малайзию и Индонезию (помогала в ликвидации последствий землетрясения и цунами в Индийском океане в 2004 г.); монахи из Сангхи сопровождали делегации ООН в Сирии и Ливане⁷.

Немалую роль в распространении идей *хиндутвы* играет Миссия Чинмайя — индуистская религиозная и духовная организация, занимающаяся распространением знаний Адвайта-Веданты, Бхагавад-гиты, Упанишад и других древних индуистских писаний. Она была основана в 1951 г. Свами Чинмаянандой (1916–1993), одним из основателей ВХП. Центральное отделение расположено в Мумбаи, на сегодняшний день существует 313 филиалов миссии по всему миру, из которых более 30 — в Северной Америке⁸.

Самым известным в России из партнеров ВХП и ХСС является Международное общество сознания Кришны (ИСККОН). ИСККОН был основан в 1966 г. в Нью-Йорке Бхактиведантой Свами Прабхупадой (1896–1977), религиозным проповедником, переводчиком и комментатором индуистской религиозной литературы, который посещал СССР в 1971 г. ИСККОН распространяет учение гаудия-вайшнавизма, появившееся в Индии в начале XVI в. Вероучение ИСККОН основано на таких индуистских писаниях, как Бхагавад-гита и Бхагавата-пурана, его последователи ведут активные проповеди и строят свои *мандиры*⁹. В России ИСККОН действует с 1971 г., пережил период гонений и репрессий вплоть до 1988 г. ВХП признал ее своей союзной организацией в середине 2000-х гг. [Иваненко, 2010, с. 36–48].

Также существует разветвленная сеть региональных союзников ВХП и ХСС, действующих по тем же принципам и целям. В Карибском регионе ВХП и ХСС сотрудничают с Санатан дхарма махасабха, крупнейшей и наиболее влиятельной индуистской организацией в Тринидаде и Тобаго. Она управляет 150 *мандирами*, более чем 50 школами и имеет собственную радиостанцию Radio Jaagriti и телеканал TV Jaagriti, управляет Индийско-карибским музеем Тринидада и Тобаго. Основана организация в 1952 г. Штаб-квартира ее находится в Сент-Огастине.

⁶ BAPS gives \$10,000 to student victims of Katrina. // India Herald. 2005. URL: <https://india-herald.com/baps-gives-to-student-victims-of-katrina-p816-1.htm>.

⁷ Bharat Sevashram Sangha. URL: <https://www.bharatsevashramsangha.org>.

⁸ Chinmaya Mission. URL: <https://www.chinmayamission.com>.

⁹ The official website of the International Society for Krishna Consciousness (ISKCON). URL: <https://www.iskcon.org>.

Кроме того, в список региональных союзников входят Биса Освал Самадж (Африка), Тамил Сангам (Шри-Ланка, Маврикий), Общество Вивекананды, Гита Ашрам Таиланд, Малайзия Хинду Сангам, Индонезийская ассоциация индуcской молодежи и др.

НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ ВХП и ХСС ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИНДИИ

Основными направлениями деятельности ВХП, ХСС и их союзников за рубежом являются:

■ организация индуcского религиозного образования

В частности, предполагается проведение форумов Бал Вихар и Бал Гокулам для обучения детей и организации детских лагерей. Бал Вихар (дословно переводится с хинди как «детский сад») — это еженедельное собрание детей в возрасте от 5 до 15 лет, которое проводится в миссионерских центрах или в частных домах под присмотром специально подготовленных учителей. Цель Бал Вихар — помочь детям привить индуcские ценности с помощью веселых занятий. Как утверждается, прохождение Бал Вихар способствует общему развитию личности ребенка на всех уровнях — физическом, эмоциональном, интеллектуальном и духовном. Свами Чинмаянанда говорил: «Дети — это не сосуды, которые нужно наполнить, а светильники, которые нужно зажечь. Семена духовных ценностей должны быть посеяны в молодых сердцах, а условия должны быть благоприятными для прорастания и устойчивого роста посредством надлежащего контроля и дисциплины. О нем нужно заботиться с теплом любви и привязанности, и такое дерево расцветет цветами братства, всеобщей любви, мира, блаженства, красоты и совершенства»¹⁰.

Учебная программа Бал Вихар включает изучение различных религиозных, философских и этических текстов и тем, посвященных развитию любви к Богу. В младших классах упор делается на изучение и практику индуcских ценностей в увлекательной игровой форме. На сложные вопросы, такие как: «Где Бог?», «Что Он делает?», «Если Он везде, почему мы не можем Его видеть?», дети получают соответствующие ответы. Они учатся почитать Раму, Кришну, Ханумана и других индуcских богов и стремятся подражать их качествам. Каждую неделю преподается и обсуждается определенная ценность: забота, обмен, прощение. На следующем занятии дети рассказывают своим друзьям о том, практиковали ли они эту ценность и в какой степени. В этих школах развивают такие навыки, как *шраванам* (слушание) и *мананам* (глубокое состояние мышления без радости или горя). Позже, в подростковом возрасте, основное внимание уделяется пониманию духовности и фундаментальных принципов Веданты. Интенсивная программа обучения подростков охватывает глубокое изучение индуcских текстов — веды, «Рама-яна», «Махабхарата», «Бхагавад-гита» и др.

Бал гокулам — это форум, на котором дети могут открыть и проявить свою индуcкую принадлежность, оценить свои культурные корни и изучить индуcские ценности. Делается все через игры, йогу, рассказы, бхаджаны (религиозные песни), *шлоки* (стихи из 32 слогов), декоративно-прикладное искусство. Разницы в программах обучения между Бал вихар и Бал гокулам практически не наблюдается, названия мероприятий связаны с различием их организаторов: Бал вихар — лагерь ВХП и Миссии Чинмая, Бал гокулам — форум ХСС.

Также в странах пребывания открываются ведийские культурные центры, способствующие сохранению и популяризации ведийских традиций, ведийской культуры и санскрита для нынешнего и будущих поколений.

¹⁰ Bala Vihar. URL: <https://www.chinmayamission.com/what-we-do/activities/balvihar-activities>

■ строительство и защита индуcских храмов, проведение религиозных конференций

Если в странах Юго-Восточной Азии индуcские храмы — *мандиры* появились задолго до появления ВХП и ХСС и их необходимо было просто защитить от разрушения, то в других регионах мира храмы строились при поддержке этих организаций с нуля за последние 50 лет. На сегодняшний день за пределами существуют и функционируют 206 *мандиров* в Великобритании (большинство в Лондоне, Лестере, Ковентри), 909 — в США (большинство в Калифорнии, Флориде, Джорджии, Иллинойсе, Мэриленде, Массачусеттсе, Мичигане, Нью-Джерси, Нью-Йорке, Огайо, Техасе, Пенсильвании), 96 — в Канаде, 10 — во Франции, 38 — в Германии, 40 — в Испании, 23 — в Швейцарии, около 100 — в Кении, 13 — в Танзании, 33 — в Австралии и т. д. Ведется активная агитация за рубежом за восстановление храма Рамы в Айодхье.

Кроме того, проводятся различные собрания религиозных деятелей, где обсуждается актуальное состояние индуизма и его последователей. Самой крупной конференцией такого рода является Всемирный конгресс индуcов. Последний конгресс состоялся в сентябре 2018 г. в Чикаго, США. В нем участвовало 2500 индуcских религиозных деятелей из 60 стран. Конгресс был посвящен 125-летию выступления Свами Вивекананды (1863–1902) перед Парламентом мировых религий в Чикаго¹¹. В ноябре 2023 г. состоится новый Всемирный конгресс в столице Таиланда Бангкоке.

■ участие в благотворительных акциях, оказание материальной и социальной поддержки индуcам, в том числе детям, пожилым людям и инвалидам

ВХП и ХСС оказывают гуманитарную и материальную помощь больницам, школам, детским садам, социальным учреждениям, помогают при проведении спасательных работ во время стихийных бедствий, особенно это было заметно в период пандемии COVID-19. Населению при необходимости предоставлялись еда, вода, молоко для детей, брезент, медицинская помощь, солнечные фонари и т. д. Активное участие в этом процессе оказывали и союзные организации, о достижениях которых указано выше. В период пандемии усилиями ВХП и ХСС проведены вакцинация 1,87 млн человек, раздача лекарств 50 000 человек, раздача продуктов питания 2,15 млн человек, раздача пайков 27 000 семей, раздача отваров 7,5 млн человек, доставлено 10 000 единиц донорской крови, осуществлена кремация 3300 умерших и т. д. в 40 странах мира, где проживала индийская диаспора. Деятельность ВХП и союзных ее организаций помогла индуcскому сообществу выстоять в столь тяжелый период и частично ликвидировать последствия пандемии.

■ организация индуcских религиозных праздников (*дивали* — победа добра над злом, *джанмаштами* — рождение Кришны, *рамнавами* — рождение Рамы и др.), фестивалей йоги и спортивных соревнований с акцентом на вовлечение целых семей в эти торжества

Индийские праздники стали неотъемлемой частью досуга во многих странах мира. Например, *дивали* широко отмечается в странах Юго-Восточной Азии, в частности, в Сингапуре, с недавних пор и в Африке (Кения и ЮАР). Особой популярностью во всем мире пользуется *хали* — фестиваль красок. Кроме того, по инициативе премьер-министра Индии Нарендры Моди появился и ежегодно отмечается с 2015 г. 21 июня Международный день йоги, а сам премьер-министр Индии принимает активное участие в сеансах йоги в этот день. Во многих странах мира, в том числе в России, проводятся фестивали индийской культуры, партнерами

¹¹ WHC 2018. URL: <https://www.worldhinducongress.org/events/whc-2018>

и спонсорами которых часто выступают ВХП и ХСС в тех странах, где есть их отделения (в России они отсутствуют).

■ протесты против очернения индуcов и индуизма, борьба с насилием по отношению к индийцам за рубежом

Несмотря на преимущественно гуманитарный характер деятельности за рубежом, ВХП и ХСС часто выступают с политическими инициативами в защиту индуизма и индуcского сообщества. Любая враждебность или предубеждение по отношению к индуизму, индуcскому народу, этническим индийцам и индуcским институтам определяется ими как хиндуфобия. ВХП и ХСС считают, что индуcские сообщества, религиозные меньшинства заслуживают безопасности и уважения, как и все другие сообщества. В частности, британское отделение ВХП активно выступает против антииндийских действий постоянно возрождающейся и перерождающейся ультраправой фашистской Британской народной партии (нынешняя версия существует с 1982 г.). ВХП неоднократно осуждал на публичных форумах расистскую программу и философию экстремистской партии БНП. Заявлялось, что ни один представитель ВХП никогда не приближался к БНП или ее лидеру Нику Гриффину (возглавлял партию в 1999–2014 гг.).¹² Не менее известен процесс с переписыванием в американской Калифорнии учебников в 2006–2009 гг. из-за неправильного, по мнению ВХП, освещения в них истории индуизма. Также активно осуждаются убийства индуcов в странах пребывания организаций, как и любое другое насилие, и не только по отношению к индийцам. Американское отделение ВХП осудило теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и погромы движения BLM в 2020 г., названные ими массовым заговором анархистов и коммунистов¹³. Британское отделение осудило теракты в Лондоне 2005 г. При этом сторонники *хиндутвы* заметили, что в США, Канаде, Великобритании в последние годы выросла агрессия по отношению к индийскому культурному наследию и населению, поддерживающему их идеологию, и намерены с этим бороться¹⁴.

Эти мероприятия и направления деятельности целиком соответствуют девизу ХСС «Санскар, сева, сангатхан» («Духовное развитие, служение человечеству, всеобщее объединение») и распространению индуcской дхармы, идеалов и ценностей по всему миру. В своих политических целях деятельность ВХП и ХСС использует БДП, поскольку роль диаспоры в политической жизни Индии велика. Индийская диаспора в период правления Нарендры Моды, с которой он часто встречается во время своих зарубежных визитов, стала важным инструментом распространения «мягкой силы» через продвижение учения йоги и прочих элементов духовного и культурного наследия страны, поскольку она стала активнее лоббировать свои интересы в экономике и политике и обеспечивает приток денег на историческую родину. Нарендра Моди привнес во внешнюю политику Индии идею «мирового гуру» для обеспечения признания и уважения ее цивилизационного и исторического наследия, и этим «гуру» она собирается быть не только для стран-соседей, но и для всего глобального Юга и стран Индо-Тихоокеанского региона. Эти пункты нашли свое выражение в Резолюции о внешнеполитической деятельности БДП, принятой в Бангалоре в 2015 г. [Кашин, 2020, с. 180]. Отсюда и усиление роли работы с диаспорой как носителем этого наследия во внешней политике страны, и здесь помощь идеологически близких

¹² VHP Condemns BNP Racist Agenda. // Vishva Hindu Parishad UK. URL: <https://vhp.org.uk/press-statements/vhp-condemns-bnp-racist-agenda>

¹³ Black Lives Matter: A Massive Global Conspiracy. // Organiser. July 1, 2020. URL: <https://organiser.org/2020/07/01/129063/bharat/a-massive-global-conspiracy/>

¹⁴ Rising Tide of Hinduphobia. // Organiser. Oct 17, 2022. URL: <https://organiser.org/2022/10/17/96792/analysis/rising-tide-of-hinduphobia>

ВХП и ХСС работает в пользу реализации программных постулатов Моды. Впрочем, нельзя не отметить, что индийская диаспора политически неоднородна и не всегда поддерживает политику, проводимую БДП на исторической родине. Доказательством этого служат акции протеста представителей диаспоры против принятия скандального закона о гражданстве (2019–2020 гг.)¹⁵, которые проходили в Нью-Йорке, Лондоне, Амстердаме, Париже, Берлине, Токио, Сингапуре и других городах мира, и поддержка частью диаспоры фермерских протестов 2020–2021 гг.¹⁶

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что организации-сторонники *хиндутвы*, такие как ВХП и ХСС, активны на международной арене. Они следуют своей цели распространения идеалов и ценностей индуизма, прежде всего среди многочисленной индийской диаспоры, сохранения национальной культурной идентичности и расширения собственной социальной базы через образовательные, социальные и культурные программы. Это активно используется БДП в политических целях, в том числе и во внешней политике современной Индии. Роль индуизма в политической жизни страны неуклонно растет, этот процесс будет происходить и в ближайшем будущем, поскольку позиции БДП и их союзников только усиливаются, чему во многом способствует пропаганда Сангх Паривар.

Литература /References

Иваненко С. И. Проблема оценки степени авторитетности Международного общества сознания Кришны с точки зрения религиозоведческих критериев. *Свобода совести в России: исторический и современный аспекты*. Сборник статей. Выпуск 8. Сост. и ред.: Е. Н. Мельникова, М. И. Одинцов. М., 2010. С. 36–48 [Ivanenko, S. I. The problem of assessing the degree of authority of the International Society for Krishna Consciousness from the point of view of religious criteria. *Freedom of Conscience in Russia: Historical and Modern Aspects. Digest of articles*. Issue 8. Compiled and general. ed.: E. N. Melnikova, M. I. Odintsov. M., 2010. Pp. 36–48 (in Russian)].

¹⁵ Протесты против закона о гражданстве начались в декабре 2019 г. после принятия поправок в этот закон, которые предоставляют право на получение гражданства Индии нелегальным иммигрантам, являющимся индусами, джайнами, сикхами, буддистами, христианами и прибывшими из Афганистана, Пакистана, Бангладеш до 2014 г., а также создания Национального реестра граждан (NRC). Данная версия закона вызвала протест со стороны мусульманской общины, поскольку последователям ислама такого права не предоставили, в поправке не упоминались беженцы рохинджа из Мьянмы, тамилы из Шри-Ланки и тибетцы. Протестующие требовали, чтобы индийское гражданство предоставлялось любому беженцу или иммигранту, независимо от их религии, поскольку они опасаются, что данная поправка изменит демографический баланс в Индии, что приведет к потере политических и экономических прав ущемленных групп. Протесты начались в штате Ассам, затем они вспыхнули на большей части территории Индии, включая крупные города — Дели, Мумбаи, Хайдарабад, Калькутту и др. Протестующих поддержала оппозиция правительству Моды во главе с Индийским национальным конгрессом (ИНК). За время протестов погибли более 65 человек. Протесты стихли в связи с началом пандемии COVID-19 и введением в Индии карантинных ограничений.

¹⁶ Фермерские протесты вспыхнули в августе 2020 г. в связи с принятием трех законов, регулирующих деятельность фермерских хозяйств. Данные законы позволяли крупным сельскохозяйственным компаниям напрямую покупать продукцию у фермеров, а последним разрешалось ее продавать по всей территории страны, а не только в своем штате, в том числе в электронной форме. Недовольство фермеров законами связано с опасениями прекращения поддержки государством оптимального уровня закупочных цен на продукты питания и их последующего снижения, что грозило разорением многим хозяйствам, а также усилению эксплуатации со стороны крупных корпораций. Основным центром протеста стал Пенджаб. В ноябре 2020 г. началась всендийская общенациональная забастовка фермеров с последующим их «походом» на Дели. Пик протестов пришелся на январь 2021 года, когда протестующие фермеры вошли в Дели и устроили в День республики (26 января) свой альтернативный парад, в ходе которого был взят под контроль Красный форт. В связи с протестами в январе 2021 г. Верховный суд Индии приостановил действие законов, в марте 2022 г. они были окончательно отменены. Протесты носили мирный характер, практически не отмечено столкновений протестующих с полицией, официальных сообщений о пострадавших также не было.

Капшин В. П. Нарендра Модди. Лидер современной Индии. М., 2020 [Kashin, V. P. *Narendra Modi. Leader of modern India*. Moscow, 2020 (in Russian)].

Anand, P. *Hindu Diaspora and Religious Philanthropy in the United States*. Toronto, 2004.

Apte, S. S. VHP, the Confluence of Hindu society. *Hindu Vishva*. January 1989. P. 57.

Jaffrelot, C. *Hindu Nationalism: A reader*. Princeton, 2009.

Katju, M. The Early Vishva Hindu Parishad: 1964 to 1983. *Social Scientist*. May — June, 1998. Vol. 26. No. 5/6. Pp. 34–60.

Williams, R. *An Introduction to Swaminarayan Hinduism*. N. Y., 2001.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Bala Vihar. URL: <https://www.chinmayamission.com/what-we-do/activities/balvihar-activities> (дата обращения: 06.05.2023).

BAPS Charities. URL: <http://www.bapscharities.org> (дата обращения: 06.05.2023).

BAPS gives \$10,000 to student victims of Katrina. // *India Herald*. 2005. URL: <https://india-herald.com/baps-gives-to-student-victims-of-katrina-p816-1.htm> (дата обращения: 26.05.2023).

Bharat Sevashram Sangha. URL: <https://www.bharatsevashramsangha.org> (дата обращения: 06.05.2023).

Black Lives Matter: A Massive Global Conspiracy. // *Organiser*. July 1, 2020. URL: <https://organiser.org/2020/07/01/129063/bharat/a-massive-global-conspiracy/> (дата обращения: 26.05.2023).

Chinmaya Mission. URL: <https://www.chinmayamission.com> (дата обращения: 06.05.2023).

Hindu Swayamsevak Sangh US. URL: <https://new.hssus.org> (дата обращения: 06.05.2023).

Rising Tide of Hinduphobia. // *Organiser*. Oct 17, 2022. URL: <https://organiser.org/2022/10/17/96792/analysis/rising-tide-of-hinduphobia> (дата обращения: 26.05.2023).

The official website of the International Society for Krishna Consciousness (ISKCON). URL: <https://www.iskcon.org> (дата обращения: 06.05.2023).

VHP Condemns BNP Racist Agenda. // *Vishva Hindu Parishad UK*. URL: <https://vhp.org.uk/press-statements/vhp-condemns-bnp-racist-agenda> (дата обращения: 26.05.2023).

WHC 2018 — World Hindu Congress Website. URL: <https://www.worldhinducongress.org/events/whc-2018> (дата обращения: 06.05.2023).

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-193-203

SOUTH ASIA'S GEOPOLITICAL LANDSCAPE IN A TRANSFORMATIVE WORLD

© 2023

Archana Upadhyay¹

As an academic and political vision, South Asia as a distinct conceptual construct acquired currency only after the decolonization of British India in 1947. In the geopolitical sense, it was in the context of the Cold War that South Asia came to figure in the overall matrix of the strategic deliberations of our times. Significantly, the birth of South Asia was primarily driven by external factors rather than developments from within the region. For a long time, South Asia remained synonym for India-Pakistan rivalry and the issues emerging from it. However, in recent years various developments at the global, regional and national levels have sparked a change in the South Asian geopolitical landscape. Nothing has had a more profound impact on South Asia than the rise of an increasingly aggressive China. Undoubtedly, this has serious implications for India. Consequently, India has sought to reorient its priorities and relationships and, in the process, has awakened to the realization of the importance of establishing its own footprint in the larger subcontinent. In the changed eco-system of the subcontinent, India-China rivalry has come to overlie traditional bilateral conflicts between India and its neighbours. As a result, new forms of regional and sub-regional initiatives, — bilateral formats, trilateral and quadri-lateral formats of engagements— have become a reality. The geopolitical restructuring of South Asia presents both opportunities and challenges for the countries in the region. The paper will highlight some of the recent geo-political developments in the South Asian strategic landscape and India's response to it.

Keywords: South Asia, Geopolitics, India, China, Connectivity projects

For citation: Archana Upadhyay. South Asia's Geopolitical Landscape in a Transformative World. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2023. No. 4. Pp. 193–203. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-193-203

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ЮЖНОЙ АЗИИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Арчана Упадхьяй

С научной и политической точки зрения Южная Азия как специфический концептуальный конструкт возникла только после деколонизации Британской Индии в 1947 г. В геополитическом смысле, именно в контексте Холодной войны Южная Азия стала фигурировать в общей матрице стратегических рассуждений нашего времени. Важно, что рождение Южной Азии изначально было обусловлено не столько внутренним развитием региона, сколько внешними факторами. Долгое время Южная Азия оставалась синонимом индо-пакистанского соперничества и связанных с ним проблем. Вместе с тем в последние годы различные процессы на региональном и глобальном уровнях привели к изменению

¹ Archana Upadhyay, Professor, School of International Relations, Jawaharlal Nehru University, New Delhi (India); archanaupadhyay.jnu@gmail.com

Арчана Упадхьяй, профессор, Школа международных отношений, университет им. Джавахарлала Неру, Нью-Дели (Индия); archanaupadhyay.jnu@gmail.com

в южноазиатском геополитическом ландшафте. Ничто не оказало такого сильного воздействия на Южную Азию, как подъем Китая, и это, несомненно, имеет для Индии серьезные последствия. В результате Индия была вынуждена реориентировать свои приоритеты и отношения, осознав необходимость и важность оставить свой след на огромном субконтиненте. В изменившейся экосистеме субконтинента индийско-китайское соперничество заслонило традиционные конфликты Индии с соседями. В результате новые формы региональных и субрегиональных инициатив — двусторонние, трехсторонние и четырехсторонние — стали реальностью. Геополитическое реструктурирование Южной Азии чревато как возможностями, так и вызовами для стран региона. Статья рассмотрит некоторые современные геополитические процессы в южноазиатском стратегическом ландшафте и реакцию на них Индии.

Ключевые слова: Южная Азия, геополитика, Индия, Китай, логистические проекты

Для цитирования: Archana Upadhyay. South Asia's Geopolitical Landscape in a Transformative World.

Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 4. С. 193–203. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-193-203

INTRODUCTION

As a distinct conceptual construct and as an academic vision, ‘South Asia’ came into usage after the decolonization of the Indian sub-continent in 1949. The concept acquired greater currency, more as a geo-political expression, during the cold war period. Prior to 1947, other expressions and notions were used to define the Indian subcontinent. Ancient Greek and Latin scholars used the term ‘India’ to describe this part of the world and the Persians used the expression Hindustan [Ojha, 2014, p. 1]. Sanskrit texts from the subcontinent, such as the Puranas have used the term ‘Bharat’ but more in the sense of a social order and not so much as to denote territory or a political order. Much later, towards the 19th and the 20th centuries that the term ‘Bharat’ acquired ethnic and territorial connotations and around the time of independence besides ‘Bharat’, other names such as ‘India’, ‘Al-Hind and ‘Hindustan’ were used interchangeably to designate the subcontinent [Ibid, p. 2, 4]. The political notion of South Asia, as comprehended in contemporary times was largely driven by external factors and had less to do with internal developments. A distinguishing factor of South Asia is its transnational character and this gets amply reflected in the shared common heritage of the region. This qualifies the region more as a ‘civilizational entity’ rather than a political construct. It is noteworthy that there are scholars who have argued that South Asia should be seen and comprehended more as a ‘sensitivity’ rather than a geographical entity [Dixit, 2013, p. 34]. Ever since the decolonization of British India, South Asia remained synonym for India–Pakistan rivalry and the issues emerging from it. However, in recent years various developments at the global, regional and national levels have sparked a change in the South Asian geopolitical landscape. Nothing has had a more profound impact on South Asia than the rise of an increasingly expansionist China. Undoubtedly, this has serious implications for India. Consequently, India has sought to reorient its priorities and relationships and, in the process, has awakened to the realization of the importance of establishing its own footprint in the larger subcontinent and beyond. In the changed eco-system of the subcontinent, India-China rivalry has come to overshadow traditional bilateral conflicts between India and its other neighbours. As a result, new forms of regional and sub-regional initiatives — bilateral formats, trilateral and quadrilateral formats of engagements — have come to define the South Asian geopolitical landscape. The geopolitical restructuring of South Asia harbours both opportunities and challenges for the countries in the region. The paper will dwell upon the key geo-political developments in the South Asian strategic landscape and India's response to the emerging challenges.

SOUTH ASIAN GEOPOLITICS

The geopolitics of South Asia is an outcome of both its international context and domestic politics. Geography has also played a defining role in shaping the contours of South Asian geopolitics. The region has bounded geography towards the North, where the Himalayan mountain range marks a distinct geographical, cultural and political boundary between the north and south of the mountainous divide. Towards its eastern, western and southern expanse, whether through Afghanistan, Iran, Myanmar or the Indian Ocean, the South Asian subcontinent has been open to all kinds of influences. Consequently, the history of South Asia, for centuries together has been characterised by movement of people and extensive commerce and economic contacts with regions far beyond. South Asia has also been open through the Indian Ocean, which is far from being a closed or a landlocked ocean. Geography thus has ensured that throughout history, South Asia has remained an autonomous strategic unit while simultaneously remaining connected to the regions beyond such as the Persian Gulf, Central Asia, Southeast Asia and East Asia. The prosperity of the region has been historically linked to these extensive contacts both through the land and sea.

Contemporary South Asia is composed of old nations in new states, with porous borders where nationalism is still a work in progress and where every boundary has cross-border ethnicities. Each country in the region has cross-border, religious and cultural affinities across state boundaries. Though the state boundaries may have been recently defined, the ethnicities, religions and culture go back to ancient times. These factors have made the boundaries contested and at times unenforceable in practice. The situation gets compounded by expanding economic interests, by the introduction of new technologies and a host of internal and external factors. Evidently, state formation in South Asia has not been without challenges. Attempts to create modern states in ancient nations has resulted in a mismatch between geographical boundaries and social boundaries and hence state craft in South Asia eludes the notion of hard sovereignty with precise boundaries. Within the region, transition to the Westphalian state system remains at various levels. While some traditional polities such as India, Nepal, Sri Lanka, Myanmar and China have made the transition, others like Tibet have yet to make. New states have also been carved in the region. The examples being Pakistan and Bangladesh. The frontiers of the sub-continent have therefore constantly responded to the political, economic and ecological circumstances at different historical junctures. The legacy that India inherited from the British Raj was that of soft frontiers and not a model of clearly defined hard boundaries. Significantly, the British strategically maintained protectorates and buffer states such as Persia, Afghanistan, Tibet, Siam to secure British India from imperial adversaries [Menon 2021].

Coming to the modern political evolution of the South Asian sub-continent two phenomenon particularly stand out. The first is its occupation by external powers. In this context it is important to note that buffer areas bordering South Asia such as Afghanistan and Tibet have been occupied by one or another great power — first by the Soviet Union and then by China. The second is the history of partitions. Not just the partition of India and Pakistan, which by implications meant the partition of Punjab and Bengal province but also Assam and its borderlands with Burma or the present-day Myanmar. There was nothing organic about the partition between India and Burma. Colonial boundaries marginalized the indigenous communities resulting in fault lines that became permanent sources of political friction and territorial conflict in the years to come [Ispahani, 1989, Chapter 5]. On the other hand, the doctrine of 'buffer zones' prevented the evolution of Tibet and Afghanistan into modern states. The pursuit of clearly defined boundaries at the cost of community land ownership and livelihood issues have thus become the source of permanent conflict, violence and immense human suffering both

within and between states in the region. The case of Assam in North East India, particularly stands out. First, it was the transfer of Sylhet district from Assam to East Pakistan in 1947 that led to its division. Then, in the 1960s and the 70s, new states of Nagaland, Meghalaya, Mizoram and Arunachal Pradesh were carved out of greater Assam in an attempt to address ethnic aspirations of the dominant groups. The North East India experience reveals that the partition of the region as a solution to address deep-rooted political, identity and developmental challenges, can result in fostering conditions of its own reproduction, that more often than not tends to manifest as violent separatist uprisings and movements [Guyot-Rechard, 2020]. North East India is replete with such examples.

Another very important aspect of South Asian geopolitics is the intertwined nature of its history with other prominent regions in its extended neighbourhood such as South-East Asia, Central Asia and West Asia. Insulating South Asia as distinct and separate from these regions tends to neglect the significance of the multiple linkages that has defined the history of South Asia for centuries.

PAKISTAN, CHINA FACTOR AND SOUTH ASIAN GEOPOLITICS

Turbulence has been the constant feature of South Asian geopolitics and the major determinant of the disquiet in the region has been the international context within which the key actors in the region operate and seek to develop and transform their societies. External powers have played no small a role in sullyng the strategic environment of the region, by pitting one nation against the other and as a consequence South Asia remains one of the least integrated regions in the world. Recent developments at the global, regional and national levels have triggered significant changes in South Asia that has resulted in compounding the geopolitical complexities of the region. These developments have revealed that global politics and world economy has become increasingly regional and economics and politics are no longer distinct spheres of operation. Rather politics seems to be driving economics. However, an important fact remains that the period after 1990 has been remarkable in the economic development of South Asia, the growth of its middle class and the integration of the region into the world economy. In the two decades of open trade and investment that followed the end of the Cold War, the South Asian economies have witnessed an acceleration of growth. Sri Lanka, Bhutan and Bangladesh experienced unprecedented growth rates and the entire region came to be regarded as the fastest growing economic region in the world. India, has steadily grown its GDP at over 6 percent a year for over three decades now. According to the World GDP Ranking 2023 list, India is now the world's fifth largest economy and the third largest in Purchasing Power Parity terms². India is also recognized as the fastest growing economy in the world³. In the post-pandemic world (where economies everywhere are crumbling), India's growth is projected to be anywhere between 6.5 to 7 per cent per annum.

There is another development that particularly stands out in the context of the politics of many of the states in the region. Ever since the 2008 global economic crisis, the world has witnessed the rise of what may be described as 'authoritarian centralizers', who draw their political capital from a heightened appeal to nationalism. This is a global trend and South Asian politics is no exception to this trend. A visible outcome of this drift towards centralizing authoritarianism has been the regionalization and fragmentation of global politics and its outcomes. This also implies that the capacity for compromises

² India may well be on track to becoming the world's third largest economy, *Business Today*, August 16, 2023. URL: <https://www.businesstoday.in/latest/economy/story/india-may-well-be-on-track-to-becoming-third-largest-economy-394327-2023-08-16> (accessed on 15.9.2023).

³ India Emerges as the Fastest Growing Country Among World's Top Five Economies in First Quarter of 2023, *India Times*, June 1, 2023 URL: <https://www.indiatimes.com/worth/news/india-fastest-growing-country-among-worlds-top-5-economies-604528.html#> (accessed on 15.9.2023).

and negotiations between powers is greatly diminished thereby making bridge building between competitive powers even more complex and challenging. This is particularly visible in the case of both India-Pakistan and India-China relationship. Both relationships have become highly unpredictable.

Concerning *India-Pakistan relations*, political communication between the two sides is minimal. The roots of the animosity can be traced to the partition of the subcontinent in 1947 and subsequent to that India and Pakistan choosing to follow different foreign policy paths. While India pursued a policy of 'non-alignment' to preserve its strategic autonomy, Pakistan opted to join military alliances of the Western bloc such as the South East Asia Treaty Organization and Central Treaty Organization [Pant and Shah, 2019]. Over the years, it has forged very close ties with China. The underlying causes of tensions with Pakistan are several: cross-border terrorism from Pakistan; Pakistan's quest for 'strategic parity' with India, Pakistan's role in the Afghan crisis and its attempt to seek strategic depth in Afghanistan at the cost of India. Many of these issues are rooted in Pakistan's internal politics and is unlikely to change in the predictable future. Troubled India-Pakistan relations is a geopolitical fact that impacts and will continue to affect the geopolitical choices of all other states in the region.

One of the most impactful factor in geopolitics of South Asia has been the rise of an aggressive China. China's emergence as the world's second largest economy has made it the largest trading partner for most South Asian countries. China's political and diplomatic imprint is visible in the economic, foreign and security policy trajectories of some of the smaller countries of South Asia. Even domestic politics in these countries have not remained untouched by the China factor. While China continues to portray its political, economic and military rise as 'peaceful', its special relationship with Pakistan and actions in the South China and East China Seas and the Indian ocean have triggered regional and global tensions [Ramola, 2022]. These developments have severely impacted India- China relations and has enveloped many regional and global domains. Its greatest fallout has been in the shared South Asian neighbourhood. The reasons are not difficult to comprehend. In the past few decades, as both India and China have grown, their understanding of their interests have also expanded. Consequently, they find themselves increasingly pitted against each other not just in the borders they share, that is the Southern Asian landmass but also in the archipelagic and mainland South-east Asia, in the Indian Ocean and in the seas near China such as the South China sea.

A significant driver of change in South Asia's political geography has been the string of infrastructure projects that has come up in the sub-continent. China has heavily invested in the infrastructural development of countries in India's immediate neighbourhood namely Pakistan, Sri Lanka, Nepal and Bangladesh. These projects have both economic and security implications. The largest and the most discussed connectivity project is China's Belt and Road Initiative (BRI). Pakistan, one of China's key strategic partners, has received a major share of investments, which is estimated to range between 46 and 100 billion US dollars [Small, 2020, p. 8]. In Sri Lanka, the Chinese infrastructural investment between the period 2006 and 2019 is estimated to be around 12.1 billion US dollars [Wignaraja, Panditaratne, Kannangara and Hundlania, 2020, p. 3]. It is under this mega BRI initiative that the construction and development of deep-sea ports such as the Gwadar port in Pakistan⁴, the Hambantota port in Sri Lanka⁵ and the border roads in Nepal and Myanmar have been undertaken [Paul, 2019, p. 52]. The China-Pakistan- Economic Corridor (CPEC), which is a vital part of the BRI connects the Western part of China to the Gwadar Port in Balochistan. This corridor gives China easy

⁴ Located on the Arabian sea, near Gwadar Balochistan, Gwadar port is a deep-sea port operated by China Overseas Port Holding Company and is a part of the CEPC.

⁵ In 2017, China has acquired the Hambantota port from Sri Lanka on a 99-year lease. The port was built by Chinese assistance. Following, India's strong protest, Sri Lanka has declared that the port will be used only for civilian purposes.

access to the Arabian sea. The fact that the CPEC runs through Pakistan Occupied Kashmir has led India to observe that 'connectivity initiatives must be based on universally recognized international norms, good governance, rule of law, openness, transparency and equality... connectivity projects must be pursued in a manner that respects sovereignty and territorial integrity'⁶. India's statement on the CPEC clearly enunciates that 'No country can accept a project that ignores its core concerns on sovereignty and territorial integrity'⁷. The battle lines between the two countries are thus clearly drawn. In fact, the border clashes in Doklam⁸ and Galwan⁹ violates the spirit of the 2015 Joint Statement released in the aftermath of the Chinese President's visit to India which stated that 'peace and tranquility on the India-China border areas was recognized as an important guarantor for the development and continued growth of bilateral relations'¹⁰. The statement further said 'pending a final resolution of the boundary question, the two sides commit to implementing the existing agreements and continue to make efforts to maintain peace and tranquility in the border areas'¹¹.

It is hard to pinpoint as to what was the provocation for the Galwan Valley Chinese military aggression in 2020, that too in the midst of the global Covid crisis. There could be several reasons, varying from India's infrastructure building activities in its border areas to the deepening of its ties with the US. The changed status of the Jammu & Kashmir resulting in the creation of two separate Union territories on 5 August 2019 could also have been the trigger. Similarly, India's claims on the Aksai Chin¹² may have provoked China. The compulsions of domestic challenges especially in regard to China's handling of its Covid 19 pandemic coupled with its objective of both displaying and projecting its stance on issues of sovereignty may have prompted the misadventure. Whatever may have been the reasons, the messaging for India is very clear. Tactically China has signalled that given the asymmetry between its own and India's comprehensive national power, China has the capability to unilaterally decide and define its border with India. Strategically, China is positioning itself as a regional hegemony making India aware of its place in the power hierarchy in the region and that the 21st century far from being an Asian century will remain solely a Chinese century [Bambawale, 2021, Chapter 3]. Using the weight of its economic might, China has successfully expanded its relations with India's immediate neighbours namely Sri Lanka, Bangladesh, Nepal and Myanmar. Chinese projects in Pakistan, Bangladesh and Sri Lanka have given China strategic access points in India's neighbourhood, particularly in the Ocean surrounding India.

Under these circumstances, for India it cannot be business as usual with China. It is significant that trade with China in 2022 was at 136 billion US dollars¹³. China makes approximately 50 billion US dollars each year through its trade surplus with India. The costs of military misadventure for China has to be raised and India has initiated steps towards this end. The first major step would be to reduce the huge economic asymmetry between the two countries and the key to which is the expansion of

⁶ Ministry of External Affairs, Official Spokesman's response to a query on participation of India in OBOR/BRI Forum, New Delhi, 13 May 2017, URL: <https://www.mea.gov.in>.

⁷ Ibid.

⁸ URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-doklam-crisis-ends-a-diplomatic-victory-for-india> (accessed on 10.9.2023).

⁹ Galwan Valley: A Year After the Violent Clash, *The Indian Express*, June 14, 2021 URL: <https://indianexpress.com/article/india/galwan-valley-clash-timeline-india-china-disengagement-7358554/> (accessed on 10.9.2023).

¹⁰ Joint statement between India and China during Prime Minister's visit to China, May 15, 2015, URL: <https://www.mea.gov.in> (accessed on 10.9.2023).

¹¹ Ibid.

¹² Aksai Chin is a 14,700 square miles disputed territory located at the crossroads between India and China. The territory is held by China but historically claimed by India.

¹³ *The Times of India*, January 14, 2023 URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/indias-trade-deficit-with-china-hits-100bn-for-first-time/articleshow/96979850.cms> (accessed on 10.9.2023).

the Indian manufacturing base. The Indian economy will also have to grow at 7–8 per cent per annum. As regard to the neighbourhood, India has adopted a series of initiatives framed around concepts of 'non-reciprocity' and 'asymmetrical responsibilities' in the spirit of its 'neighbourhood first policy' [Hazarika and Mishra, 2016, p. 144–155].

However, in regard to China, it is the duality of cooperation and competition that defines India-China ties. There have been three 'informal summits' between the top most leaders of the two countries — Prime Minister Modi and President Xi¹⁴. The outcome of these high-profile summits remains unclear [Joshi, 2019]. China continues to be one of India's largest trading partner, second only to the US¹⁵.

INDIA'S FOREIGN POLICY CHALLENGES

Faced with multiple foreign policy challenges, India has sought to reorient its priorities and relationships. The fundamental strategic reality that India has to deal with is the aggressive rise of China, a country with which India shares a 2,200 mile disputed border. In view of this the foremost foreign policy objective of India is to promote a stable balance of power in Asia through the deepening of enduring partnerships with states on China's periphery. This implies deeper and sustainable engagement with continental Eurasia, maritime South East Asia and the Russian Far East. Another important priority is to strive for the creation of a reformed geoeconomics system of trade and investment. This would also entail ensuring sufficient safeguards for domestic modernisation and industrialisation goals. Promotion of plural financial and digital systems to check monopolisation by any single national authority or entity, is another objective that India has been proactively promoting. And most importantly at a normative level, India has been advocating a multi-civilisational world order that embraces the idea of diversity and multipolarism globally and regionally. On several occasions in recent times and in different forums, India has made it clear that a multipolar world also means a multipolar Asia. India therefore has begun to look beyond its traditional neighbourhood. Outreach towards Southeast Asia, Central Asia as well as the wider Indo-Pacific underscores the renewed importance that India is giving to Asia as it seeks to enlarge its foot print in the entire region. Leveraging market shares, production capacities and resources, drives India's engagement policy both within and beyond South Asia.

India today is the most populous country in the world with a population of over 1.4 billion¹⁶. It is the fifth largest global economy and is all set to become the third largest economy in a few years from now [Economic Times, July 27, 2023]. However, India's greater influence comes from the power of ideas and initiatives, whether it is climate action or counter-terrorism, connectivity or maritime security, financial inclusion or food security. As evident from the recently concluded G20 event in New Delhi (between 8–9 September 2023), India has actively shaped discussions and outcomes. India is being widely perceived as a responsible development partner, a first responder to global crisis and a powerful voice of the Global South. Each of these aspects reflects a quest towards becoming a leading power. However, the fact remains that India's rise is taking place in a very volatile and uncertain world. The turbulence of the contemporary times will not only have to be managed, but where possible even leveraged in the best possible way. Indian diplomacy has responded through optimal positioning vis-a-vis the major power centres in the world

¹⁴ Two informal Summit meetings took place between Prime Minister Modi and President XI at Wuhan in April 2018 and Chennai in October 2019.

¹⁵ *Business Today*, April 16, 2023, URL: <https://www.businesstoday.in/latest/in-focus/story/us-emerges-as-indias-biggest-trading-partner-in-fy23-at-12855-billion-377549-2023-04-16> (accessed on 10.9.2023).

¹⁶ UN DESA Policy Brief No 153: India takes over China as the world's most populous country, 24 April 2023, URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desa-policy-brief-no-153-india-overtakes-china-as-the-worlds-most-populous-country/> (accessed on 15.9.2023).

through the active pursuit of interests and values through its well-crafted policy of multi-alignment. This is visible in its distinct approaches such as its 'Neighbourhood First policy', the SAGAR mechanisms¹⁷ like Quadrilateral Security Dialogue (QUAD)¹⁸ and the 12U2¹⁹ and also through initiatives such as the International Solar Alliance (ISA)²⁰. When it comes to connectivity projects the International North South Transport Corridor (INSTC) which envisions a ship, road and rail route connecting India, Iran and Russia along the Chabahar port in Iran²¹ have been two of India's mega connectivity projects going beyond its extended neighbourhood. For India, the INSTC provides a shorter trade route with Iran, Russia²² and beyond to Europe — it has the potential to expand up to the Baltic, Nordic and Arctic region. In fact, it is believed that the INSTC could be the key to India's 'Connect Central Asia' policy with trade and connectivity being central to the endeavour²³. This corridor gives India the advantage of bypassing Pakistan in realising direct access to Afghanistan and the Central Asian states. The corridor connects Russia to India through the Central Asian countries of Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan. India has proposed the inclusion of the India-invested Chabahar Port²⁴ in Iran within the scope of the INSTC. Similarly, the Bay of Bengal Initiative for Multisectoral Technical and Economic Cooperation (BIMSTEC) has received a push for revival from India, seeking to promote economic and other forms of connectivity in the Bay of Bengal region²⁵. India's connectivity diplomacy got a major boost in the recently concluded G20 New Delhi Summit, where a new economic corridor, the India-Middle East-Europe Economic Corridor (IMEC) was envisioned. An MoU has been signed between India, the US, UAE, Saudi Arabia, France, Germany, Italy and the European Union to take this initiative forward. Given that the signatories of the IMEC represent nearly half of the global economy and 40 percent of the world's population, the project has the potential to have far reaching global economic implications by setting new standards in infrastructure financing and development²⁶.

¹⁷ SAGAR stands for 'Security and Growth for All in Region, and is an expression used by the Government of India for India's vision and framework for Maritime cooperation in the Indian Ocean.

¹⁸ QUAD is a strategic security dialogue between Australia, India, Japan and United States primarily aimed at creating a free, open and inclusive Indo-Pacific.

¹⁹ The 12U2 Group includes India, Israel, the United Arab Emirates and the United States. This grouping aims at launching collaborative initiatives in water, energy, transportation, space, health and food security.

²⁰ The ISA was conceived as a joint effort by India and France in the year 2015 to mobilise efforts against climate change through deployment of solar energy. 120 countries are signatory to this alliance.

²¹ Situated on the Makran coast, the Chabahar Port is the only Iranian port on Indian Ocean. India, Afghanistan and Iran stand to gain immensely from the port. Chabahar opens untapped opportunities for India by becoming a conduit to overland trade corridors linking India to resource rich Central Asia and European markets. *7 Reasons Why Iran's Chabahar Port is Crucial to India*, URL: <https://www.indiatoday.in/fyi/story/chabahar-port-iran-importance-to-india-pakistan-afghanistan-1028342-2017-08-07> (accessed on 5.5.2023).

²² It is aimed at reducing the carriage cost between India and Russia by about 30 percent and bringing down transit time by more than half. Access to the EAEU alone will open India to a market of 173 million people. With the linking of the Chabahar Port with INSTC, India's trade with the Eurasian region has the potential to growing to a staggering \$ 170 billion.

²³ In January 2022, the first India-Central Asia Summit was hosted in New Delhi to mark 30 yrs of diplomatic ties. Attended by the 5 presidents of the Central Asian states, the Summit deliberated upon connectivity and trade collaboration, URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1793068> (accessed on 10.4.2023).

²⁴ Situated on the Makran coast, the Chabahar Port is the only Iranian port on Indian Ocean. India, Afghanistan and Iran stand to gain immensely from the port. Chabahar opens untapped opportunities for India by becoming a conduit to overland trade corridors linking India to resource rich Central Asia and European markets. *7 Reasons Why Iran's Chabahar Port is Crucial to India*, URL: <https://www.indiatoday.in/fyi/story/chabahar-port-iran-importance-to-india-pakistan-afghanistan-1028342-2017-08-07> (accessed on 15.08.2023).

²⁵ BIMSTEC is an economic and technical initiative that brings together countries of the Bay of Bengal for multifaceted cooperation. It is an organization of 7 South Asian and South East Asian countries together having population of 1.73 billion people. Thailand: BIMSTEC meeting begins in Bangkok, URL: <https://www.aninews.in/news/world/asia/thailand-bimstec-meeting-begins-in-bangkok20230717082459/> (accessed on 10.9.2023).

²⁶ *The Herald*, 15 September 2023. URL <https://www.herald.co.zw/far-reaching-implications-of-the-india-middle-east-europe-economic-corridor/> (accessed on 15.9.2023).

India thus is using different bilateral and multilateral strategies to pursue its leadership role in South Asia. All these factors are all set to fundamentally reconfigure the geopolitics of South Asia. However, the regional turmoils in the South Asian region in recent years has exposed the economic vulnerabilities of smaller South Asian nations. The economic and political crisis in Sri Lanka, the external debt situation in Nepal, the isolation of Myanmar reeling under western sanctions, the case of Bangladesh seeking help from the International Monetary Fund (IMF) to avert a potential economic crisis are a few such examples. Pakistan's economic and political crisis has been going on for sometime now with the country being on the verge of a civil war. The magnitude of the crisis is such that Pakistan will need massive financial assistance from lending agencies to tide the crisis [Kumar, 2023]. Adding to these woes is the pandemic induced declining economic productivity that seems to have plagued most countries the region. Amidst the rising regional turmoil, India has a challenging task ahead. It has to ensure that its own economic fundamental remains strong and it continues to remain on an upward growth trajectory. The fact however remains that the Indian economy cannot remain completely immune from global and regional economic trends.

CONCLUSION

South Asia's strategic dilemma is not restricted only to power struggles among regional states but also includes external actors. Outside great power involvement and rising competitive dynamics between India on the one hand and Pakistan and China on the other, is playing out in every forum, be it global, regional or bilateral. However, it is the India and China rivalry that over shadows all other bilateral issues between India and its other neighbours. Amidst the rising global and regional challenges, India has a tough task ahead. Ignoring the challenges in its backyard is not an option for India. In the context of the BRI, it evident that when the price of loans entails infringement on sovereignty it is bound be create upheavals in many of the receiving countries. Embedded conditionalities have made smaller countries in South Asia very vulnerable. The reality of China and the threats emanating from some of its expansionist policies will continue to exist but China's role will inevitably be reassessed. What is significant is that the contrast between Indian and Chinese responses to regional and global issues is being registered globally. The solutions to at least some of the challenges in the region lie in how the South Asian countries choose to deal with the world at large and with each other within the region. Their ability to manage their internal political and economic challenges will also be a critical factor. India's assistance to its neighbours through its sub-regional partnership initiatives will also impact the contours of regional politics. India's rise as a serious global player, allows it to leverage its role in mobilizing multilateral institutions and also other major powers in support of its neighbours and other countries of the Global South. India's leadership during the Covid-19 crisis has generated a new sense of expectation among its smaller neighbours. The *Vaccine Maitri* ensured the delivery of free vaccines to over hundred countries including India's neighbours. As a key player in the region, India has both the potential and interest to play a stabilizing role in South Asia. Pragmatic choices reflective of the realist world are driving foreign policy choices all over the world and India is no exception. The geopolitical matrix of South Asia will be largely determined by the dynamics of India and China engagement and the regional and global response to it.

Литература / References

- Bambawale G. China: End of the Era of Expansionism. Harst V. Pant (ed.) *Politics and Geopolitics, Decoding India's Neighbourhood Challenge*. New Delhi, 2021.
- Dixit K. M. Federalism on the Road: Region and Regionalism. Moeed Yusuf, Adil Najam (eds), *South Asia 2060, Envisioning Regional Futures*. London, 2013.
- Guyot-Rechard B. Tangled Lands: Burma and India's Unfinished Separation, 1937–1948, *The Journal of Asian Studies*. Vol. 80, no. 2, 2020, pp. 293–315.
- Hazarika, O.B. and Mishra, V. Soft power contestation between India and China in South Asia. *Indian Foreign Affairs Journal*, Vol. 11, no. 2, 2016, pp. 139–152.
- Ispahani M. *Roads and Rivals: The Political Uses of Access in the Borderlands of Asia*. Ithaca, 1989.
- Wignaraja G., Panditaratne D., Kannangara P., and Hundlania D. *Chinese Investment and the BRI in Sri Lanka*, London: Chatham House Research Paper, March 2022.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

- 7 Reasons Why Iran's Chabahar Port is Crucial to India, URL: <https://www.indiatoday.in/fyi/story/chabahar-port-iran-importance-to-india-pakistan-afghanistan-1028342-2017-08-07> (accessed on 5.5.2023).
- Business Today*, April 16, 2023, URL: <https://www.businesstoday.in/latest/in-focus/story/us-emerges-as-indias-biggest-trading-partner-in-fy23-at-12855-billion-377549-2023-04-16> (accessed on 10.9.2023).
- Galwan Valley: A Year After the Violent Clash, *The Indian Express*, June 14, 2021 URL: <https://indianexpress.com/article/india/galwan-valley-clash-timeline-india-china-disengagement-7358554/> (accessed on 10.9.2023).
- India Emerges as the Fastest Growing Country Among World's Top Five Economies in First Quarter of 2023, *India Times*, June 1, 2023 URL: <https://www.indiatimes.com/worth/news/india-fastest-growing-country-among-worlds-top-5-economies-604528.html#> (accessed on 15.9.2023).
- India may well be on track to becoming the world's third largest economy", *Business Today*, August 16, 2023. URL: <https://www.businesstoday.in/latest/economy/story/india-may-well-be-on-track-to-becoming-third-largest-economy-394327-2023-08-16> (accessed on 15.9.2023)
- Joint statement between India and China during Prime Minister's visit to China, May 15, 2015, URL: <https://www.mea.gov.in> (accessed on 10.9.2023).
- Joshi Y. Noise over Substance – Modi –Xi Summit and India- China Relationship, *ISAS Insights*, 2019, URL: <https://www.isas.nus.edu.sg/papers/noise-over-substance-modi-xi-summit-and-sino-indian-relations/> (accessed on 14.9.2023).
- Kumar D. South Asian Economies in Crisis, stuck between IMF and Opportunist China. *Mint*, March 18, 2023, URL: <https://www.livemint.com/news/world/south-asian-economies-in-crises-stuck-between-imf-and-opportunist-china-11679135524355.html> (accessed on 14.9.2023).
- Menon Sh. *Faultiness: Reflections on South Asian Frontiers, Working Paper*, Centre for Social Economic Progress, 2021, URL: <https://csep.org/working-paper/fault-lines-reflections-on-south-asian-frontiers/> (accessed on 10.5.2023).
- Ministry of External Affairs, Official Spokesman's response to a query on participation of India in OBOR/BRI Forum, New Delhi, 13 May 2017, URL: <https://www.mea.gov.in> (accessed on 15.9.2023).
- Pant H. V. South Asia's changing geopolitical landscape. *Raisina Debates*, 18 January 2019, URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/south-asias-changing-geopolitical-landscape-47458/> (accessed on 5.5.2023).
- Paul T. V. When balance of power meets globalisation: China, India and the small states of South Asia. *Politics*. Vol. 39. No. 1. 2029. Pp. 50–63.
- Ramola A. *Changing Nature of India -China Relations: Powershift in the Indo-Pacific*. Centre for Land Warfare Studies August 1, 2022, URL: <https://www.claws.in/changing-nature-of-india-china-relations-powershift-in-the-indo-pacific/> (accessed on 15.9.2023).
- SBI economists say, India to be 3rd largest economy by 2027, advance estimate by 2 yrs. *The Economic Times*, 27 July 2023, URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/indicators/sbi-economists-say-india-to-be-3rd-largest-economy-by-2027-advance-estimate-by-2-yrs/articleshow/102174175.cms?from=mdr> (accessed on 15.9.2023).

Small A. Returning to the Shadows: China, Pakistan and the Fate of CPEC”, *GMF Report* No. 16, Berlin, 2020.

Thailand: BIMSTEC meeting begins in Bangkok, URL: <https://www.aninews.in/news/world/asia/thailand-bimstec-meeting-begins-in-bangkok20230717082459/> (accessed on 10.9.2023).

The Herald, 15 September 2023. URL <https://www.herald.co.zw/far-reaching-implications-of-the-india-middle-east-europe-economic-corridor/> (accessed on 15.9.2023).

The Times of India, January 14, 2023 URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/indias-trade-deficit-with-china-hits-100bn-for-first-time/articleshow/96979850.cms> (accessed on 10.9.2023).

UN DESA Policy Brief No 153: India takes over China as the world's most populous country, 24 April 2023, URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desa-policy-brief-no-153-india-overtakes-china-as-the-worlds-most-populous-country/> (accessed on 15.9.2023).

ИНДИЯ — ПОИСКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА

© 2023

Ф. Н. Юрлов¹

В январе 2023 г. премьер-министр Индии Нарендра Моди заявил, что мир находится в кризисе, и выступил с инициативой созыва саммита более 120 развивающихся и менее развитых стран, входящих в Глобальный Юг. Они должны попытаться создать новый мировой порядок. До сих пор Индии удалось оставаться нейтральной в отношениях с Россией. Что касается Китая, то у нее существуют нерешенные проблемы с этой страной, прежде всего затянувшийся на долгие годы пограничный конфликт. Индии беспокоит растущая мощь Китая. Ход событий в мире, в том числе в Азии и на Украине, привел к тому, что Н. Моди был приглашен посетить США в июне 2023 г. с государственным визитом, чтобы «отпраздновать прочную дружбу» между двумя странами. В приглашении отмечалось, что США будут стремиться к тому, чтобы совместно с Индией строить лучшее будущее для обеих стран и всего мира. Этот визит был рассчитан прежде всего на то, что Индия представляет собой серьезную силу, противостоящую Китаю, с целью сдерживания его растущего экономического и военного влияния. Отношения Индии и США в XXI веке будут решающими для всего мира. На переговорах с Н. Моди Байден подчеркнул значение коалиции Четверки (Quad), которая включает США, Индию, Японию и Австралию и направлена против Китая. Н. Моди заявил, что отношения между Нью-Дели и Вашингтоном прочнее и глубже, чем когда-либо, а во время подготовки к визиту в США он сказал, что между лидерами Индии и США существует «беспрецедентное доверие».

Ключевые слова: США, Индия, Китай, новый мировой порядок, Четверка

Для цитирования: Юрлов Ф. Н. Индия – поиски внешнеполитического курса. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 204–212. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-204-212

INDIA — SEARCH FOR A FOREIGN POLICY COURSE

Felix N. Yurlov

In January 2023, Indian Prime Minister Narendra Modi declared that the world is in crisis and called for a summit of more than 120 developing and less developed countries comprising the Global South with the goal of creating a new world order. Until recently, India has been able to maintain neutrality in her relations with Russia. As for China, there are unresolved problems with this country, especially the protracted border conflict. India is concerned with China's growing power. Current world developments, including those in Asia and Ukraine, resulted in an invitation to N. Modi to come to the US with a state visit in June 2023 to 'celebrate the enduring friendship' between the two countries. The invitation stated that the US looked forward to continuing to work with India to build a brighter future for both countries and for the world. The expectations for

¹ Юрлов Феликс Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; efbelbars@mail.ru

Felix N. Yurlov, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow; efbelbars@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2031-9089

this visit were based on the assumption that India was an important power that could counter China's growing economic and military influence. US – India relations in the XXI century will be critical for the whole world. During his talks with Modi, Biden underscored the importance Quad, which includes USA, India, Japan, and Australia and is aimed at limiting China's influence and outreach. Modi stated that the New Delhi – Washington relations were stronger and deeper than ever before and prior to his state visit he said that there was 'unprecedented trust' between the leaders of India and the US.

Keywords: USA, India, China, new world order, Quad

For citation: Yurlov F. N. India – Search for a Foreign Policy Course. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 204–212. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-204-212

МИР В КРИЗИСЕ. Пути выхода из него

В январе 2023 г. премьер-министр Индии Нарендра Моди заявил, что мир находится в кризисе. Трудно представить, сказал он, как долго будет продолжаться эта нестабильность. В этой связи Н. Моди выступил с инициативой созыва саммита более 120 развивающихся и менее развитых стран, входящих в Глобальный Юг.

Идея такого саммита состояла в том, что в 2023 г. Индия председательствует в G20. Это дает ей возможность использовать этот форум для защиты и пропаганды интересов стран Глобального Юга. Эти страны составляют две трети человечества. Они должны иметь равный голос с другими странами. Модель глобального управления, существующая последние восемь десятилетий, исчерпала себя и настоятельно требует изменений². Входящие в Глобальный Юг страны должны попытаться создать новый мировой порядок.

Говоря о задачах и вызовах, стоящих перед Глобальным Югом, Н. Моди отметил: «Мы перевернули страницу еще одного трудного года, в котором были войны, конфликты, терроризм и геополитическая напряженность; растущие цены на продовольствие, удобрения и топливо; природные катастрофы, вызванные климатическими переменами, и длительное экономическое воздействие пандемии ковида-19». Он сказал, что большинство потрясений в мире не были созданы Глобальным Югом, но они влияют на него больше, чем на других³. Это проявляется во многих сферах и областях, в том числе в конфликте на Украине.

Н. Моди заявил, что Индия всегда делилась опытом развития с «братьями» по Глобальному Югу. Во время пандемии Индия поставляла лекарства и вакцины более чем в 100 стран. Она постоянно выступала за то, чтобы развивающиеся страны играли большую роль в определении общего будущего.

На время председательства Индии в Двадцатке она выдвинула главную тему — одна земля, одна семья, одно будущее. Это совпадает с ее цивилизационным этосом. Она верит в то, что путь к реализации единства лежит через развитие человека. Жители Глобального Юга больше не будут лишены доступа к плодам развития человечества. Все его страны должны попытаться пересмотреть глобальное, политическое и финансовое управление. Это поможет устранить неравенство между странами и расширить возможности их роста. Настал час, чтобы определить простые, пригодные для всех, устойчивые решения, которые помогут преобразовать мировое сообщество. При таком подходе можно преодолеть все трудности, включая бедность, и в том числе создать доступное всеобщее здравоохранение.

² См. подробнее [Внешняя политика, 2006, с. 8–34; 66–138].

³ Подробнее об истории и современных проблемах см. [Южная Азия, 1999; Пакистан, 2004; Higo, 2007].

В прошлом веке мы поддерживали друг друга в борьбе против иностранного правления. Мы сможем сделать это снова, чтобы создать новый мир и обеспечить благополучие всем нашим гражданам. Что касается Индии, то голос Глобального Юга — это также голос Индии. Его приоритеты — это приоритеты Индии [Shubhajit Roy, January 13, 2023].

Выступая на заседании министров иностранных дел стран Глобального Юга, министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар подчеркнул следующие ключевые моменты в индийской позиции: мы должны полностью преодолеть такие экономические трудности, как наши долги, и восстановить наши страны. Нашими экономическими приоритетами должны быть энергетика, продовольствие и удобрения, борьба с последствиями пандемии ковида, устранение ущерба от конфликтов, терроризма и насилия.

В первом саммите стран Глобального Юга, который проходил в видеоформате, приняли участие, кроме Индии, лидеры Бангладеш, Таиланда, Узбекистана, Вьетнама, Кампучии, Гайаны, Мозамбика, Монголии и Сенегала [Shubhajit Roy, January 13, 2023].

На встрече министров иностранных дел G20 в Дели в марте 2023 г. не удалось достичь консенсуса по Украине, но США поддержали Индию по этому вопросу [Shubhajit Roy, March 3, 2023].

Это повторило результат переговоров министров финансов G20, которые встретились за неделю до этого в Бангалоре. В ходе дискуссии в Дели возникли острые разногласия по вопросу о ситуации на Украине между западными странами во главе с США, с одной стороны, и Россией и Китаем, с другой.

После встречи в Дели министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар заявил: «Мы не смогли преодолеть различия в позициях по Украине», сославшись на Россию и Китай. Участвовавший в заседаниях госсекретарь США Энтони Блинкен прямо указал на несогласных Россию и Китая. Он также отметил, что США твердо поддерживают позицию Индии в G20. В проекте коммюнике подчеркивалось, что большинство членов G20 решительно осуждают войну на Украине и заявляют, что она причиняет огромные страдания людям и углубляет существующие проблемы в глобальной экономике — сдерживает рост, увеличивает инфляцию, нарушает цепочки поставок, наносит ущерб энергетике и поставкам продовольствия и подрывает финансовую стабильность [Там же].

В своем выступлении на встрече министров иностранных дел G20 министр иностранных дел России С. Лавров подчеркнул, что во имя своих амбиций на Украине Запад принес в жертву все то, что составляет суть деятельности G20. Некоторые западные делегации превратили работу G20 в фарс в попытке возложить ответственность за их экономические провалы на Россию [Там же].

На следующий день после G20 министры иностранных дел четырех стран — Индии, Японии, США и Австралии встретились для обсуждения проблем, связанных с Россией и Китаем. Там Блинкен заверил собравшихся, что США как главная сила в мире в состоянии участвовать как в войне в Европе, так и в решении проблем Индо-Тихоокеанского региона.

До сих пор Индии удавалось оставаться нейтральной в отношениях с Россией [Юрлов, Юрлова, 2010, с. 636–657]. Что касается Китая, то у нее существуют большие нерешенные проблемы с этой страной, прежде всего затянувшийся на долгие годы пограничный конфликт. Индию беспокоит растущая мощь Китая.

На этой же встрече Четверки Блинкен связал деятельность России на Украине с агрессией в других частях мира. По его мнению, нельзя позволить России безнаказанно делать то, что она делает на Украине. Этим мы показываем возможным агрессорам повсюду, что они могут действовать таким же образом [Seema Guha, 03 MAR 2023].

Блинкен сказал, что Четверка является «силой добра», направленной на оказание помощи странам Индо-Тихоокеанского региона. «Силой Четверки является то, что четыре страны-единомышленницы, объединенные своими основными ценностями и интересами... заботятся не только о себе, но и о других странах, особенно в этой части мира»⁴.

Участие в Четверке Индии представляет собой попытку сотрудничать со странами-единомышленниками, которые обеспокоены агрессивными действиями Китая. Лидеры Четверки заявляют, что их организация не является военным союзом. Такой союз в этом регионе представляют англоговорящие страны — США, Соединенное Королевство и Австралия. Они оказывают помощь Австралии в строительстве ядерных подводных лодок, которые будут отслеживать военные корабли Китая в Индо-Тихоокеанском регионе.

В совместном заявлении, которое было обнародовано после встречи Четверки, говорилось, что она подтверждает свою решительную приверженность поддержке свободного, устойчивого и открытого Индо-Тихоокеанского региона. Также подчеркивалось, что Четверка выступает против любых попыток изменить сложившуюся расстановку сил в этом регионе [Там же].

Индия и Япония как стратегические союзники в Индо-Тихоокеанском регионе

Еще в 2007 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ, выступая в индийском парламенте, заявил, что Индийский и Тихий океаны следует считать единым стратегическим районом и что Японии и Индии следует признать их взаимные интересы в этой части мира. Тогда эти идеи Абэ казались странными, но сегодня они широко признаны западными стратегами. Так, американский посол в Индии с 2017 по 2021 г. Кеннет Джастер заявил, что эти отношения жизненно необходимы сегодня и в будущем.

Тогда же отмечалось, что Индия, как крупнейшая демократия в Азии, и Япония, как самая богатая азиатская страна, находились на противоположных сторонах холодной войны. Индия симпатизировала Советскому Союзу, Япония была союзником Америки. Однако через десятилетия они улучшили свои связи в сфере дипломатии, экономики и безопасности. Главная цель — создать демократическое противостояние Китаю.

Прогресс на этом направлении будет особенно важным в международной дипломатии в 2023 г., когда Япония председательствует в G7, а Индия — в G20. Официальные лица в обеих странах ведут переговоры о глубоком взаимодействии на основе общих интересов.

Накануне визита премьер-министра Фумио Кисиды (Fumio Kishida) 20–21 марта 2023 г. министр иностранных дел Японии Ёсимаса Хаяси (Yoshimasa Hayashi) заявил, что Япония нацелена на тесное сотрудничество с Индией, с тем чтобы совместно реагировать на глобальные вызовы. Визит Кисиды в Индию был вторым за последние два года.

Япония стремится углублять отношения с Индией, ключевой страной Глобального Юга, и является крупным инвестором в развитие ее инфраструктуры. В прошлом году премьер-министр Японии объявил о дополнительных инвестициях на последующие пять лет в объеме 42 млрд долларов. Предложения Кисиды должны были включать поставку невоенного оборудования и инфраструктурную поддержку для стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которым «угрожает» Китай. Япония стремится к тому, чтобы оказывать помощь странам, которые пострадали от военных действий на Украине, а также содействовать устранению последствий пандемии ковид-19. Она рассчитывает на то, что Индия будет сотрудничать на этих направлениях.

⁴ Подробнее об истории и принципах внешней политики США см. [Brzezinski, 1997; Kissinger, 1994; Nuclear Weapons, 2008].

Для этого имеются все основания. Сейчас индийские и японские вооруженные силы часто проводят совместные военные учения, в том числе в начале 2023 г. первые учения боевых самолетов.

Близость отношений обеих стран базируется как на общих ценностях, так и озабоченности в отношении Китая. У обеих стран существуют долгие территориальные споры с ним. У Индии — вдоль индийско-китайской сухопутной границы протяженностью около 3400 км, а у Японии — по ненаселенным островам Сенкаку (Дяюйдао — кит.) в Восточно-Китайском море.

И Индия, и Япония обеспокоены растущим влиянием Китая в более широком регионе и той угрозой, которую оно может означать для их судоходства.

Для Японии, которая была инициатором двустороннего сотрудничества с Индией в начале 2000-х годов, эти выводы усиливаются представлением о том, что Индия обладает большим потенциалом и в будущем будет мощной державой. А Китай сегодня бросает главный вызов как Индии, так и Японии.

В течение десятилетий японцы инвестировали значительные капиталы в Индию и предоставляли помощь в виде дешевых займов. По результатам опроса Pew Research Center, индийцы рассматривают Японию положительно в соотношении два к одному. Это лучше, чем их отношение к любой другой крупной стране, кроме США⁵. Прошлые индийско-японские отношения говорят в пользу активного развития связей между двумя странами.

Еще в 1980-х годах японская фирма Судзуки обосновалась в Индии как крупнейшее совместное предприятие с индийским правительством (премьер-министр И. Ганди). До сих пор она производит более 40% всех индийских автомобилей.

Японцы выиграли тендер на модернизацию металлургического завода в Бхилаи — первом советско-индийском машиностроении. Они тесно сотрудничают с Индией в разработке там железорудных месторождений и вывозе в Японию десятков миллионов тонн железной руды. Для этого в Ориссе был построен специальный порт, куда эта руда с японской точностью доставлялась по 400-километровому шоссе и перегружалась на японские морские рудовозы.

Япония сотрудничает с Индией в других сферах, в частности, в строительстве метро в Дели. Японские фирмы помогали в строительстве высокоскоростной железнодорожной линии от Мумбаи до Ахмедабада в Гуджарате. Японцы также оказывали помощь в создании инфраструктуры на северо-востоке Индии в противовес растущему влиянию Китая в этом регионе.

Все это не значит, что у Индии нет проблем с Японией. Одна из них состоит в том, что в Японии нет значительной индийской диаспоры, в то время как в США, Соединенном Королевстве и ряде стран Персидского залива индийская диаспора пользуется значительным влиянием [Indians Abroad, 2003, p. 35–66; 112–133].

На встрече в Индии в марте 2023 г. Ф. Кисида и Н. Моди планировалось концентрироваться не столько на двусторонних отношениях, которые развиваются в «правильном» направлении, сколько на обмене мнениями по критическим региональным и международным вопросам. «Война» России на Украине была важной частью переговоров. На них лидеры обеих стран стремились согласовать свои позиции в отношении саммита G20 в сентябре 2023 г.

Из Индии Кисида направился в Польшу по пути на Украину, где встретился с Владимиром Зеленским.

⁵ Fear of China is pushing India and Japan into each other's arms. The Economist. Mar 19th 2023. URL: <https://www.economist.com/asia/2023/03/19/fear-of-china-is-pushing-india-and-japan-into-each-others-arms> (дата обращения: 20.03.2023).

Японцы исходят из того, что новая стратегия Индии в отношении Японии приведет к смещению политического фокуса с далекой войны в Европе в сторону противодействия Китаю [Seema Guha, 20 MAR 2023].

В общем контексте отношений между США и Индией следует отметить договоренность между национальным советником по безопасности Индии Аджитом Довалом и его американским коллегой Джейком Салливаном о предстоящих в 2023 г. встречах премьер-министра Н. Моди и президента Дж. Байдена — на заседании G7 и саммите G20 в сентябре 2023 г. в Индии [Suhasini Haidar, January 31, 2023].

Несмотря на сложность международной обстановки в Индийско-Тихоокеанском регионе, а может быть, и поэтому Индия с характерной для нее настойчивостью ведет дело к укреплению ее позиций в этом важном районе мира, искусно используя дипломатические, политические, экономические и иные рычаги.

Индия и США наращивают сотрудничество

Последующий ход событий в мире, в том числе в Азии и на Украине, привел к тому, что США пригласили премьер-министра Н. Моди выступить на совместном заседании Конгресса США в июне 2023 г. во время его государственного визита в Америку. В приглашении говорилось, что это даст возможность «отпраздновать прочную дружбу» между США и Индией и указать на глобальные вызовы, с которыми встречаются обе страны, а также отмечалось, что США будут стремиться к тому, чтобы совместно с Индией строить лучшее будущее для обеих стран и всего мира⁶.

В этой связи указывалось, что Н. Моди выступит на совместном заседании Конгресса США второй раз. Впервые эта возможность ему предоставлялась в 2016 г.⁷ (Такой чести ранее удостаивались только президенты Франции Эммануэль Макрон и Южной Кореи Ким Ён Сам).

В ходе подготовки к визиту Н. Моди в Америку состоялись рабочие поездки руководителей США в Индию и индийских руководителей в США. В них прорабатывались конкретные вопросы политического, экономического и военно-технического содержания визита Н. Моди.

Американские политологи подчеркивают, что «красный ковер», предложенный президентом США премьер-министру Моди, рассчитан прежде всего на то, что Индия представляет собой серьезную силу, противостоящую Китаю по главным вопросам политики, экономики, обороны, промышленности, климата. Они являются частью широкого спектра вопросов, направленных на сдерживание растущего экономического и военного влияния КНР.

В этой связи Мэтт Крэннинг (Matt Kroening), вице-президент Атлантического Совета, замечает, что с точки зрения противостояния Китаю Индия, возможно, является самой важной страной. Она самая большая страна в мире, крупнейшая демократия (с оговоркой, что она рассматривается именно таковой), поэтому по всем стратегическим параметрам есть смысл глубоко заниматься этой страной⁸.

Администрация Байдена потратила много времени и усилий, чтобы подготовить этот визит как ключевой в отношениях с Индией.

⁶ Об истории индийско-американских отношений см. [Юрлов, Юрлова, 2010, с. 657–713].

⁷ PM Modi To Address Joint Session Of US Congress During State Visit. Outlook India. 02 JUN 2023. URL: <https://www.outlookindia.com/national/pm-modi-to-address-joint-session-of-us-congress-during-state-visit-news-291615> (дата обращения: 03.06.2023).

⁸ Об истории развития демократии в Индии см. [Brown, 1985].

Советник президента США по национальной безопасности Джейк Салливан подчеркнул, что Америка и Индия являются естественными партнерами. Их отношения в XXI веке будут репешающими для всего мира [Sabrina Siddiqui, June 21, 2023].

При этом он отметил, что вопросы демократии и прав человека имеют большое значение для США, но не настолько, чтобы «читать лекции руководству Индии по этим вопросам». Хотя у Государственного департамента США есть немало сведений о преследовании религиозных меньшинств в Индии, особенно мусульман и христиан.

Со своей стороны Н. Моды отвергт заявления о религиозной поляризации в Индии. В этой связи он сказал: «Тысячи лет Индия была страной, где люди разных религий и верований пользовались свободой, чтобы мирно сосуществовать и процветать. Вы можете встретить в Индии представителей любых религий, которые живут в гармонии» [Rajesh Roy, Brendan Moran and Gordon Fairclough, June 20, 2023].

Индия и Четырехсторонний диалог по безопасности (Четверка)⁹

На переговорах с Н. Моды Байден особо подчеркнул значение коалиции Четверки (Quad), которая включает США, Индию, Японию и Австралию и направлена против Китая.

Несмотря на рост протекционизма в этом регионе в последние годы, торговля между США и Индией в 2022 г. составила 21 млрд долларов.

США считают, что результатом визита Моды в Америку может стать большое число новых соглашений по обороне, промышленным технологиям и климату. В то же время они активно работают над переносом критических цепочек по поставкам оборудования из Китая в другие страны. Америка полагает, что Индия является ее активным союзником в «антикитайском клубе», тем более после ужесточения пограничных конфликтов с КНР в последние годы.

По вопросу о событиях на Украине Байден назвал позицию Индии несколько колеблющейся. И, тем не менее, он разрешил ей снять ограничения на торговлю нефтью и газом с России, а также не «наказал» ее за покупку вооружений в РФ.

В последние недели накануне визита Моды администрация Байдена предприняла серьезные меры, направленные на ослабление связей Индии с Россией и укрепление ее партнерства с США против Китая.

Манджит Крипалани, исполнительный директор и один из основателей Gateway House (Indian Council on Global Relations, Mumbai), считает, что в условиях драматических перемен в мире, связанных с уходом США из Афганистана, Брекситом в Европе, активным участием США в украинско-российском кризисе и другими событиями на Ближнем и Среднем Востоке, сотрудничество Индии и США приобретает новое значение. Немалую роль в развитии этого сотрудничества может сыграть индийская диаспора в Америке [Manjeet Kripalani, June 22, 2023].

Другие индийские и американские политологи и комментаторы обращают особое внимание на заявление Н. Моды о том, что отношения между Нью-Дели и Вашингтоном прочнее и глубже, чем когда-либо. Тем более сейчас, когда Индия ищет принадлежащее ей по праву место на мировой арене в период геополитических потрясений. Моды приветствовал растущее сотрудничество между обеими странами в оборонной сфере как важную часть партнерства, которое к тому же распространяется на торговлю, промышленные технологии и энергетику. Он

⁹ Четырехсторонний диалог по безопасности (Quadrilateral Security Dialogue — Quad) — стратегический диалог между США, Индией, Японией и Австралией по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе был организационно оформлен в 2007 г.

рассчитывает на заключение с Америкой договоров по производству в Индии двигателей для легких боевых самолетов, на покупку в США высотных дронов для разведки в Индийском океане и в районе спорных границ с Китаем в Гималаях.

По мере того, как Запад усиливает давление на Россию и Китай, Индия может воспользоваться этим, чтобы укрепить свои позиции.

Во время подготовки к визиту в США Моды заявил, что между лидерами Индии и США существует «беспрецедентное доверие» [Rajesh Roy, Brendan Moran and Gordon Fairclough, June 20, 2023].

Естественно, что Индия как суверенное, независимое государство выбирает приоритеты во внешней политике исходя из своих национальных интересов¹⁰. Когда на состоявшейся в Нью-Дели 4 июля 2023 г. в онлайн-формате встрече глав государств Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), на которой по ротации председательствовала Индия, была утверждена Стратегия экономического развития ШОС на период до 2030 г., Индия не подписала этот документ, поскольку в нем была сформулирована поддержка китайской инициативы «Пояса и пути»¹¹.

Литература / References

Внешняя политика Индии: Хрестоматия. Составители: И. В. Зеленева, Е. В. Головинов, К. А. Лихачев. СПб., 2006 [*India Foreign Policy: An Anthology.* Compiled by I. V. Zeleneva, E. V. Golovinov, K. A. Likhachyov. Saint Petersburg, 2006 (in Russian)].

Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока. История и современность. Сборник памяти Ю. В. Ганковского. Ред. коллегия: В. Я. Белокреницкий, С. Н. Каменев, В. Н. Москаленко. М., 2004 [*Pakistan, the States of South Asia and Middle East. Collection of articles in Memoriam of Prof. Yuri V. Gankovsky.* Editorial Board: V. Ya. Belokrenitsky, S. N. Kamenev, V. N. Moskalenko. Moscow, 2004 (in Russian)].

Южная Азия: конфликты и геополитика. Отв. ред. В. Я. Белокреницкий. Авторский коллектив: В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко, А. А. Празаускас, Т. Л. Шаумян. М., 1999 [*South Asia: Conflicts and Geopolitics.* Editor-in-Chief V. Ya. Belokrenitsky. Authors: V. Ya. Belokrenitsky, V. N. Moskalenko, A. A. Prazauskas, T. L. Shaumyan. Moscow, 1999 (in Russian)].

Юрлов Ф. Н. *От восхода до заката. Династия Неру — Ганди. Книга вторая. Индира Ганди и семья.* М., 2018 [Yurlov F. N. *From Dawn to Sunset. Nehru — Gandhi Dynasty. Volume Two. Sonia Gandhi and Family.* Moscow, 2018 (in Russian)].

Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. *История Индии. XX век.* М., 2010 [Yurlov F. N., Yurlova E. S. *History of India: The 20th Century.* Moscow, 2010 (in Russian)].

Brown, Judith M. *Modern India. The Origins of an Asian Democracy.* Delhi, Oxford, New York, 1985.

Brzezinski, Zbigniew. *The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives.* New York, 1997.

Hiro, Dilip. *Blood of the Earth. The Battle for World's Vanishing Oil Resources.* New York, 2007.

Indians Abroad. Editors Sarva Daman Singh, Mahavir Singh. Kolkata, 2003.

Kissinger, Henry. *Diplomacy.* New York, 1994.

Nuclear Weapons After the Cold War. Edited by Alexei Arbatov and Vladimir Dvorkin. Moscow, 2008.

Электронные ресурсы / Online Resources

Fear of China is pushing India and Japan into each other's arms. The Economist. Mar 19th 2023. URL: <https://www.economist.com/asia/2023/03/19/fear-of-china-is-pushing-india-and-japan-into-each-others-arms> (дата обращения: 20.03.2023).

¹⁰ О тенденциях во внешней политике Индии см. [Юрлов, 2018, с. 365–375].

¹¹ Hope India not too silly to 'miss opportunities for fear of China': Global Times editorial. Global Times. Jul 06, 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202307/1293899.shtml> (дата обращения: 10.07.2023).

Guha Seema. *Quad A Force for Good In The World: US Secretary Of State Antony Blinken*. Outlook India. 03 MAR 2023. URL: <https://www.outlookindia.com/national/quad-a-force-for-good-in-the-world-us-secretary-of-state-antony-blinken-news-267029> (дата обращения: 03.03.2023).

Guha Seema. *Japanese PM Kishida Arrives In India Today, To Launch A New Quad Initiative*. Outlook India. 20 MAR 2023. URL: <https://www.outlookindia.com/international/japanese-pm-kishida-to-arrive-in-india-today-launch-a-new-quad-initiative-news-271443> (дата обращения: 20.03.2023).

Haidar Suhasini. *Doval-Sullivan launch tech talks in the U.S., as senior U.S. official visits Delhi*. The Hindu. January 31, 2023. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/doval-sullivan-launch-tech-talks-in-the-us-as-senior-us-official-visits-delhi/article66455422.ece> (дата обращения: 01.02.2023).

Hope India not too silly to 'miss opportunities for fear of China': Global Times editorial. Global Times. Jul 06, 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202307/1293899.shtml> (дата обращения: 10.07.2023).

Kripalani Manjeet. *PM Modi's US visit: Why America needs India*. The Indian Express. June 22, 2023. URL: <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/what-delhi-can-give-washington-8678399/> (дата обращения: 22.06.2023).

PM Modi To Address Joint Session Of US Congress During State Visit. Outlook India. 02 JUN 2023. URL: <https://www.outlookindia.com/national/pm-modi-to-address-joint-session-of-us-congress-during-state-visit-news-291615> (дата обращения: 03.06.2023).

Roy Rajesh, Brendan Moran and Gordon Fairclough. *India's Modi Sees Unprecedented Trust with U.S., Touts New Delhi's Leadership Role*. The Wall Street Journal. June 20, 2023. URL: https://www.wsj.com/articles/indias-modi-sees-unprecedented-trust-with-u-s-touts-new-delhis-leadership-role-35e151b4?mod=WTRN_pos1&cx_testId=3&cx_testVariant=cx_165&cx_artPos=0#cxrecs_s (дата обращения: 22.06.2023).

Roy Shubhajit. *Consensus eludes G20 communique over Ukraine but Washington echoes New Delhi*. The Indian Express. March 3, 2023. URL: <https://indianexpress.com/article/india/consensus-eludes-g20-communique-over-ukraine-but-washington-echoes-new-delhi-8476381/> (дата обращения: 03.03.2023).

Roy Shubhajit. *World in crisis, let us shape emerging order, PM Modi tells Global South*. The Indian Express. January 13, 2023. URL: <https://indianexpress.com/article/india/global-south-summit-world-in-crisis-let-us-shape-emerging-order-pm-modi-tells-global-south-8378867/> (дата обращения: 13.01.2023).

Siddiqui Sabrina. *On the Menu for Narendra Modi U. S. Visit: Countering China*. The Wall Street Journal. June 21, 2023. URL: https://www.wsj.com/articles/on-the-menu-for-narendra-modi-u-s-visit-countering-china-f5ba0caa?mod=world_lead_pos3 (дата обращения: 22.06.2023).

ИНДИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

© 2023

А. В. Акимов¹

В последние годы Индия вышла в число мировых экономических лидеров. Она может претендовать на позиции в группе таких центров мировой экономики, как коллективный Запад и объединение стран Восточной и Юго-Восточной Азии ВРЭП. В то же время, когда оба эти центра представляют собой интеграционные экономические группировки, Индия не входит в крупные объединения такого рода. В силу масштабов своей экономики Индии предстоит решить вопрос о перспективах экономического развития в союзе с другими крупными глобальными игроками или создавать свой центр экономической интеграции, сопоставимый с существующими.

Ключевые слова: Индия, коллективный Запад, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, Южная Азия, центры мировой экономики, экономическая интеграция

Для цитирования: Акимов А. В. Индия как самостоятельный центр в мировой экономике. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 213–221. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-213-221

INDIA AS AN INDEPENDENT CENTER IN WORLD ECONOMY

Alexander V. Akimov

In recent years, India has become one of the world's economic leaders. It can claim positions in the group of such centers of the world economy as the Collective West and the union of the countries of East and Southeast Asia of the RCEP. At the same time, when both these centers are integration economic groups, India is not included in large associations of this kind. Due to the scale of its economy, India will have to decide on the prospects of economic development in alliance with other major global actors or create its own center of economic integration comparable to existing ones.

Keywords: India, Collective West, Comprehensive Regional Economic Partnership, South Asia, centers of the world economy, economic integration

For citation: Akimov A. V. India as an Independent Centre in World Economys. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 213–221. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-213-221

¹ Акимов Александр Владимирович, доктор экономических наук, зав. отделом экономических исследований Института востоковедения РАН, Москва; akimovivran@mail.ru

Alexander V. Akimov, Dr. Sc. (Economy), Head, Department of Economic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; akimovivran@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5310-903X

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ИНДИИ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ ЦЕНТРАМИ

Быстрый и устойчивый экономический рост Индии в последние годы ставит вопрос о ее перспективах в современной глобальной экономике. Индийская модель экономического роста отличалась от «стандартной» экспортоориентированной модели, по которой развивались страны Восточной и Юго-Восточной Азии, начиная с Японии, Тайваня, Гонконга и Республики Кореи (Южной Кореи), кончая КНР и странами АСЕАН, среди которых наиболее яркие примеры успеха — Сингапур, Малайзия и Вьетнам. Для этой модели развития первичным фактором роста является форсирование экспорта продукции обрабатывающей промышленности с последующим созданием полноценной многоотраслевой экономики, ориентированной на внутренний рынок.

Индия изначально ориентировалась на импортозамещение, полагая, что насыщение огромного внутреннего рынка может и должно стать движущей силой экономического роста на долгие годы. Проверка вариантов жизнью показала, что экспортоориентированный вариант дает более быстрый успех. Это не означает, что импортозамещение не обеспечило экономический рост в Индии. Эта стратегия совместно с изменением политики в 1990-е годы в сторону увеличения значимости экспорта дала свои результаты. Индия стала пятой страной в мире по уровню ВВП, параллельно решив ряд внутренних проблем, в числе которых обеспечение населения продовольствием, борьба с крайней бедностью, урбанизация, сокращение темпов роста населения, повышение уровня образования, медицинская помощь, а также создание технологически передовых отраслей (электроника, авиастроение, ракетостроение, производство станков с числовым программным управлением) параллельно с отраслями среднего технологического уровня (металлургия, автостроение, сельскохозяйственное машиностроение и т. п.).

Индия сделала заявку на то, чтобы стать самостоятельным экономическим центром в мировой экономике, отказавшись вступить во Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (Regional comprehensive economic partnership), интеграционное экономическое объединение, в которое вошли КНР, Республика Корея, Япония, все страны АСЕАН, Австралия и Новая Зеландия. Очевидно, что в этом объединении главную роль играет Китай, а технологическими лидерами являются Япония и Республика Корея. Индия не согласилась на роль младшего партнера при этих лидерах.

На рис. 1 показано сравнение ВВП Индии с двумя другими мировыми экономическими центрами. В состав коллективного Запада включены США и Канада, ЕС и Великобритания. В Дальневосточный центр входят КНР, Япония, Республика Корея и Гонконг [Акимов, 2022, с. 84–95].

Дальневосточный центр является основной экономической и технологической частью Всеобъемлющего регионального экономического партнерства.

Если сравнивать Индию с Западом и Дальневосточным центром по ВВП по текущему курсу доллара, то от Запада она отстает примерно в 15 раз, а от Дальневосточного центра в восемь. Однако, если использовать сравнение по паритетах покупательной способности, которые в большей степени учитывают различия в ценах на товары и услуги на внутренних рынках, чем на товары, участвующие в мировой торговле и существенно влияющие на обменный курс валют, который используется при сравнении по текущим курсам, то картина меняется. Индия имеет ВВП по ППС примерно в 10 раз меньше, чем Запад, и в 3,5 раза, чем Дальневосточный центр. Меньшая вовлеченность Индии в международные экономические связи

дает более значительный разрыв между показателями ВВП по текущему курсу и по паритетам покупательной способности, чем для Запада и Дальневосточного центра.

Нужно отметить, что и Запад, и Дальневосточный центр представляют собой группы стран, объединенные интенсивными экономическими связями в рамках интеграционных объединений или традиционных или же недавно налаженных межгосударственных отношений. В отличие от них Индия выступает в качестве государства, большого государства, государства-цивилизации, но все же только одного государства. Можно сказать, что Индия отстает в налаживании экономической интеграции с другими странами.

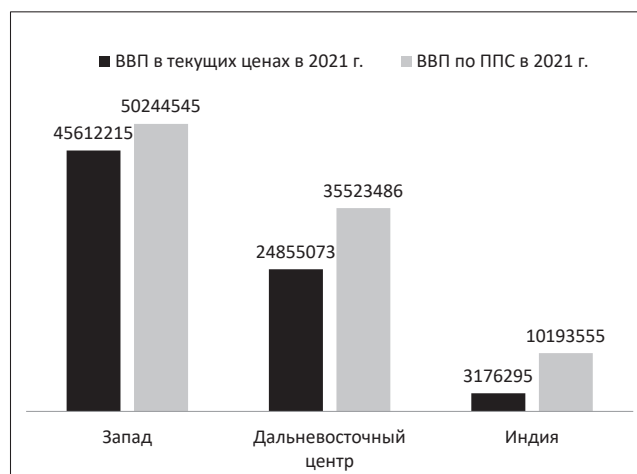

Рис. 1. ВВП коллективного Запада, Дальневосточного центра и Индии, млн долл.
Ист.: построено автором по данным [World Development Indicators database].

Если сравнивать Индию с ведущими странами и группами стран, которые составляют сердцевину интеграционных объединений, то отставание Индии от них окажется еще меньше (см. Рис. 2). Отставание составляет примерно 2–2,5 раза. Это еще раз подчеркивает потенциал Индии как мирового центра, но и указывает на то, что Индия не выступает центром экономической интеграции в своем регионе.

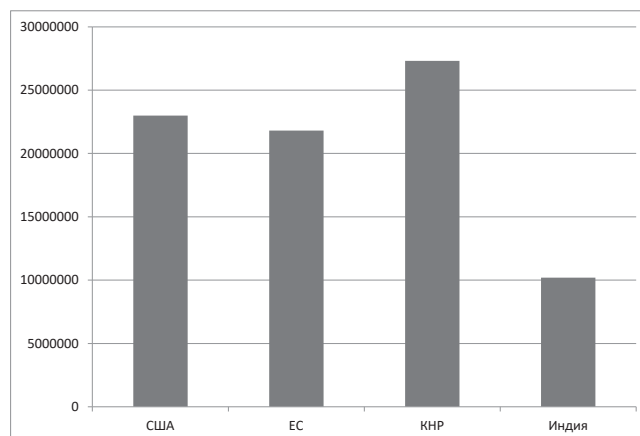

Рис. 2. ВВП по ППС ведущих мировых центров зон свободной торговли и Индии в 2021 г., млн долл.
Ист.: построено автором по данным [World Development Indicators database].

Экономические возможности современной Индии велики по многим важным направлениям. Она занимает второе место в мире по выплавке стали, пятое по производству автомобилей, комплекс информационных технологий Индии находится на лидирующих позициях в мире [Акимов, 2022, с. 80–91]. Ярким примером этого является экспорт услуг в области информационных технологий (см. Рис. 3).

Для самостоятельной роли в качестве одного из экономических центров многополярного мира Индия имеет потенциал по размерам экономики, научно-техническому уровню, величине рынков, возможности привлечения в свою сферу влияния других южноазиатских стран, а также государств из других регионов.

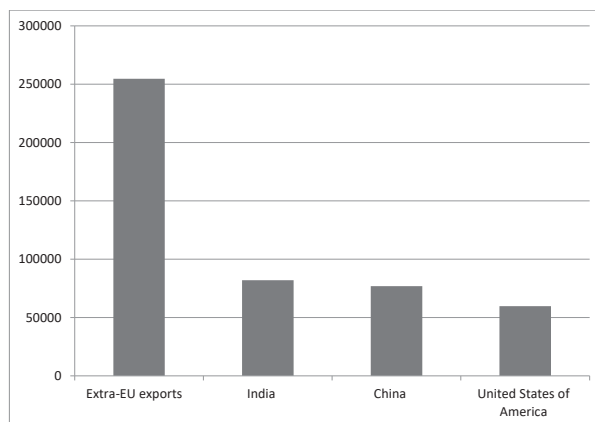

Рис. 3. Экспорт услуг в области ИТ в 2021 г., млн долл. Ист.: построено автором по данным [Major exporters and importers of telecommunications, computer and information services, 2020 and 2021].

По паритетам покупательной способности ВВП Индия занимает третье место в мире после КНР и США, на нее приходится почти 9% мирового ВВП. Индия долгое время проводит политику развития и поддержания технологического суверенитета, имея национальные технологии во многих современных отраслях промышленности.

Индия создала крупное современное независимое национальное хозяйство, способное стать самостоятельным центром мирового хозяйства. Помимо успехов в промышленности и сельском хозяйстве эта страна создала и развила отрасль, в которой она относится к лидерам в мировой экономике, — оффшорное программирование и компьютерные услуги [Цветкова, 2016; 2021].

Индии для долгосрочного экономического роста и развития необходимо стать центром, вокруг которого группируются соседние и другие развивающиеся страны для формирования полноценного мирового центра. Естественной зоной экономической интеграции Индии является Южная Азия, которая представляет собой в значительной степени Индию в ее исторических границах до раздела после получения независимости. Соседние страны могли бы усилить позиции Индии в составе такого блока (см. Рис. 4). Нельзя отрицать, что политические противоречия между Индией и Пакистаном весьма сильны, но многие ныне существующие экономические интеграционные объединения были инициированы бывшими противниками в мировых войнах. Это Германия и Франция в ЕС и Китай, Республика Корея и Япония во Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве².

² Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, Regional Comprehensive Economic Partnership, объединяет КНР, Японию, Республику Корея, все страны АСЕАН, Австралию и Новую Зеландию. Это самая большая зона свободной торговли в мире. Она функционирует с начала 2022 г.

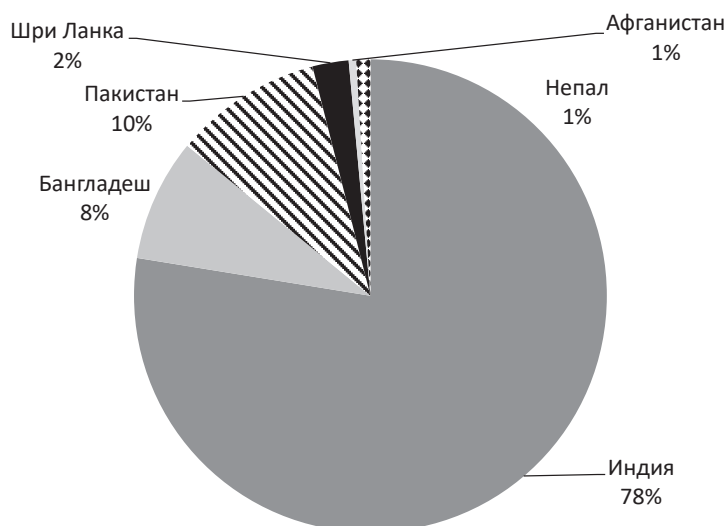

Рис. 4. ВВП по ППС стран Южной Азии.

Ист.: построено автором по данным [World Development Indicators database].

ЧЛЕНСТВО ИНДИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТАХ И ОРГАНИЗАЦИЯХ

Нужно отметить, что Индия входит во многие международные объединения и соглашения, но их направленность и состав сильно различаются. БРИКС в составе Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки за годы существования показала свою устойчивость и привлекательность для других стран, но эта группа стран не нацелена на экономическую интеграцию, а более ориентирована на согласование внешней политики стран-членов. Планируемое расширение этой организации, с одной стороны, повышает ее влияние и авторитет, но, с другой, «разбавляет» вес ее старых членов, еще более определяя лидерство Китая в этой группе стран.

Шанхайская организация сотрудничества в первоначальном составе КНР, России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана подтвердила свою жизнеспособность и также привлекает новых членов, среди которых Индия, Иран, Пакистан. Кроме того, Афганистан, Беларусь и Монголия имеют статус государств-наблюдателей при ШОС, а еще 14 стран: Азербайджан, Армения, Бахрейн, Египет, Камбоджа, Катар, Кувейт, Мальдивская Республика, Мьянма, Непал, ОАЭ, Саудовская Аравия, Турция и Шри-Ланка являются партнерами по диалогу. [О Шанхайской организации сотрудничества].

ШОС является межправительственной международной организацией. Среди ее целей — улучшение отношений между государствами, содействие сотрудничеству в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях, в образовании, энергетике, транспорте, туризме и охране окружающей среды. Основные акценты в деятельности ШОС сделаны на межгосударственных отношениях, укреплении безопасности и разностороннего сотрудничества государств. Очевидно, что экономические вопросы в этом случае являются одними из многих других, но не самыми важными в деятельности организации.

Важно отметить, что в своих официальных заявлениях страны-члены Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) продолжают подтверждать, что они готовы к тому, что Индия вступит в эту крупнейшую в мире зону свободной торговли. Страны

ВРЭП не закрывают двери перед Индией и готовы принять ее в эту организацию, невзирая на то, что Индия отказалась подписывать соглашение о создании этого крупнейшего в Азии интеграционного объединения. Эта позиция обозначена всеми странами-членами ВРЭП в их совместном заявлении 16 ноября 2020 г. Подчеркивается, что Индия была участницей переговоров по созданию ВРЭП с 2012 г., и ее вступление в эту организацию будет приветствоваться. [Joint Leaders Statement on the Regional Comprehensive Economic Partnership].

Активно стараются привлечь Индию к экономическому сотрудничеству США. Одним из недавних проектов в этой сфере является провозглашенная 23 мая 2022 г. инициатива по созданию Индо-Тихоокеанской экономической структуры для процветания (Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity — IPEF). В объединение должны войти помимо США Австралия, Индия, Япония и Республика Корея, Индонезия, Филиппины, Малайзия, Таиланд, Вьетнам, а также Бруней, Новая Зеландия и Сингапур. Эта структура выстраивается явным образом в противовес Китаю, но проблема для США состоит в том, что все перечисленные выше страны, кроме Индии, входят во Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, в котором самой мощной экономикой является КНР.

IPEF задумывается как система раннего предупреждения о проблемах в цепочках поставок (early warning system for supply chain issues), как инструмент стимулирования промышленности по декарбонизации энергетики и механизм налаживания связей фирмами США в странах Азии за пределами КНР. Очевидно, что основные направления, перечисленные выше, наиболее актуальны для США.

IPEF будет состоять из четырех модулей, включающих правила торговли, надежность цепочек поставок, инфраструктуру и декарбонизацию, налоги и противодействие коррупции. Каждый из 13 участников может выбрать, в каких сферах он желает принять участие, не принимая на себя обязательств в остальных. [IPEF will be a hard sell in Indo-Pacific]. Такая свобода в выборе обязательств может побудить ряд стран вступить в эту организацию, но ВРЭП дает вполне конкретные выгоды, а правила взаимодействия стран в этой организации разрабатывались около восьми лет, что дало возможность учесть интересы всех участников. Трудно представить, что страны-члены ВРЭП готовы будут порвать связи с КНР ради той слабой структуры, которую предлагают США.

В этих условиях роль Индии становится весьма значимой для США, что дает Индии определенные возможности для отстаивания своих интересов во взаимодействии с США.

В сложившихся ныне обстоятельствах Индия оказывается единственной крупной страной среди основных центров мировой экономики, не входящей в интеграционные экономические проекты большого масштаба. Если Европа объединена в ЕС, США включены в ЮСМКА³, КНР и Япония входят во ВРЭП, то Индия не выступает в качестве центра, окруженного созвездием младших партнеров, которые вместе с ведущей в интеграционном объединении экономикой представляют собой влиятельную региональную группировку.

Потенциально государства, входящие в ШОС, могли бы войти в такое образование во главе с Индией. Это не исключено, поскольку Китай лидирует во ВРЭП и, вероятно, будет уделять этой организации большое внимание. В то же время КНР разворачивает проект «Пояс и путь», в который вовлечены многие страны ШОС. Если даже предположить, что Китай допустит создание Индией экономической интеграционной группировки из стран, входящих в ШОС, при сосредоточении этой организации на политических вопросах, то возможность

³ ЮСМКА — US-Canada-Mexico Agreement, соглашение, пришедшее с 1 июля 2020 г. на смену НАФТА.

нейтрального отношения КНР к усилению позиций Индии в странах проекта «Пояс и путь» представляется очень маловероятной.

ОСНОВНЫЕ ВАРИАНТЫ ПОЛИТИКИ ИНДИИ ПО РАЗВИТИЮ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ

Представляется, что возможны несколько основных сценариев развития Индии в условиях глобализации с точки зрения ее участия или неучастия в интеграционных экономических группировках.

Первый — «Самая большая жемчужина в англо-американском содружестве программистов» по аналогии с выражением «Индия — самая большая жемчужина в короне Британской империи». Этот сценарий предполагает, что Индия продолжает опираться на уже приобретенное преимущество в сфере оффшорного программирования, ориентируется на встраивание в технологические цепочки в этой области со странами Запада, в первую очередь, США и Великобританией. Знание английского языка образованными слоями общества в Индии позволяет ей свободно сотрудничать с западными фирмами. Поскольку в области программного обеспечения лидирующие позиции занимают США, Индия имеет в лице этой страны мощного и стабильного партнера, обеспечивающего успешный экономический рост. В связи с разгорающимся противоборством США и КНР Соединенные Штаты будут заинтересованы в партнерстве с Индией. Программирование и компьютерные технологии выступают в данном случае как сильная позиция Индии в этом союзе с англо-американской частью Запада, но заинтересованность США в союзнике в противостоянии с КНР открывает для Индии и другие дополнительные возможности такого рода. Кроме того, Индия в этом случае может вполне успешно опираться на дешевизну своей рабочей силы, поскольку в условиях экономической интеграции с западными странами это может быть конкурентным преимуществом, которое теряет Китай.

Второй сценарий — «Мир-Индия» в терминах Валлерстайна. Этот сценарий предполагает продолжение экономической стратегии с опорой на собственные силы с поправками на необходимость вовлечения в мировую экономику. Индия как государство-цивилизация на этом пути продолжает традиции своей истории, но в условиях XXI века. Темпы роста при этом могут быть несколько ниже, чем при большей включенности в мировое хозяйство, но сосредоточенность на внутренних проблемах страны может обеспечить сбалансированное развитие и защитить от внешних кризисов, идущих от мирового рынка.

Третий сценарий — «Лидер неприсоединившихся», лидер и локомотив для стран, не вписавшихся по тем или иным причинам в сложившиеся мировые экономические центры, в которых складывается региональная экономическая интеграция. Этот сценарий ориентируется на то, что Индия, отстающая в настоящее время в экономической интеграции от других ведущих стран в мировой экономике, интенсивно наверстывает упущенное и становится центром экономической интеграции для тех стран, которые не участвуют в ныне существующих объединениях. В первую очередь это страны Южной Азии: Пакистан, Бангладеш, Непал, — но есть и другие страны, которые могли бы вписаться в интеграционное объединение, в котором будет лидировать Индия. В их число попадают страны Центральной Азии, Иран, Турция, страны Персидского залива и, наконец, Россия. Эти страны имеют мало шансов присоединиться к ЕС, как показывает пример Турции, Турция пыталась реализовать такую стратегию, предпринимала большие усилия для вхождения в ЕС, но эти усилия не увенчались успехом. Более того, можно сказать, что Турция выигрывает от того, что не связывает себя обязательствами, вытекающими из членства в ЕС. Ориентация на страны Дальнего Востока и вступление во ВРЭП, по крайней

мере в ближайшее время, представляется проблематичным. В то же время, если в мире складываются три крупных интеграционных объединения: ЕС, СПМКА и ВРЭП, — страны, оказавшиеся вне этих образований, могут столкнуться с трудностями в налаживании международных экономических связей и своем экономическом развитии.

Большое население Индии обеспечивает поддержание крупных национальных рынков на долгосрочную перспективу. Помимо стран Южной Азии (Пакистан, Бангладеш, Непал, Шри Ланка), имеющих много экономических, социальных и культурных общих черт и интересов, которые могут определить роль Индии в качестве экономического центра в регионе, страны Центральной Азии, Афганистан, а также Иран и ОАЭ могут ориентироваться на Индию как мировой экономический и технологический центр, оформить с ней интеграционное соглашение.

Россия также может быть заинтересована в Индии как самостоятельном глобальном экономическом центре для балансировки отношений с КНР.

В этих условиях перед Индией встает трудный выбор. Можно продолжить реализацию стратегии на развитие с опорой на собственные силы и развитие внутреннего рынка с развитием внешнеэкономических связей с разными странами без создания интеграционных экономических структур.

Другой вариант — роль младшего партнера в интеграционных образованиях США и/или КНР. Для реализации этой стратегии нужно согласиться на предложения США и КНР, которые хотели бы видеть Индию соответственно в составе тех интеграционных объединений, которые они будут возглавлять или в которых будут лидировать.

Наконец, третья стратегия — постепенное создание собственной экономической интеграционной группировки, начиная с ближайших соседей, с постепенным расширением за счет стран Южной, Центральной и Западной Азии. Для многих из них вступление в такую интеграционную группировку будет более реальным и привлекательным, чем стремление объединиться с ЕС или ВРЭП. ВРЭП начал функционировать в 2022 г., так что его возможности и ограничения еще не проверены практикой, однако возможности Индии и ее привлекательность в качестве самостоятельного центра экономической интеграции со временем могут возрастать.

В реальной экономической и политической жизни, скорее всего, будет наблюдаться определенное совмещение трех сценариев, описанных выше, но характер и направление политики Индии в этой области будут определяться конкретными решениями руководства страны.

Литература / References

Акимов А. В. О Дальневосточном центре мировой экономики. *Международная жизнь*. Июнь 2022. С. 84–95 [Akimov A. V. About the Far Eastern Center of the World Economy. *International Life*, June 2022. P. 84–95 (in Russian)].

Акимов А. В. Итоги 75 лет экономического развития Индии. Сравнение макроэкономических показателей Индии, Великобритании и КНР. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. Т 2 (20). С. 80–91 [Akimov A. V. Results of 75 years of economic development of India. Comparison of macroeconomic indicators of India, Great Britain and China. *Journal of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2022. Vol. 2 (20). P. 80–91 (in Russian)].

Цветкова Н. Н. *Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг*. М., 2016 [Tsvetkova N. N. *Information and communication technologies in the countries of the East: production of ICT goods and IT services*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Цветкова Н. Н. *Развитие цифровой экономики: страны Азии и Африки*. Книга 1. Развитие цифровой экономики. М., 2021 [Tsvetkova N. N. *Development of the digital economy: Asian and African countries*. Book 1. The Development of the digital economy. Moscow, 2021 (in Russian)].

Major exporters and importers of telecommunications, computer and information services, 2020 and 2021. *World Trade Statistical Review 2022*, WTO.

Электронные ресурсы / Electronic sources

О Шанхайской организации сотрудничества. URL: https://rus.sectsc.org/about_sco/20151208/16789.html (дата обращения: 28.08.2023) [About the Shanghai Cooperation Organization (in Russian)].

JOINT LEADERS' STATEMENT ON THE REGIONAL COMPREHENSIVE ECONOMIC PARTNERSHIP (RCEP) (fmprc.gov.cn) (дата обращения: 08.09.2023).

IPEF will be a hard sell in Indo-Pacific. URL: <https://www.indianpunchline.com/ipef-will-be-a-hard-sell-in-indo-pacific/> (дата обращения: 20.08.2023).

World Development Indicators database. <https://data.worldbank.org/indicator/> (дата обращения: 02.08.2023).

ПРИНАДЛЕЖИТ ЛИ ПАКИСТАН ЮЖНОЙ АЗИИ?

© 2023

В. Я. Белокреницкий¹

Анализируя вопрос о принадлежности Пакистана региону Южной Азии в прошлом и настоящем, автор касается проблемы отношений государств и регионов. По заключению автора, Пакистан вписывается в рамки Южной Азии, которая в колониальное время называлась чаще всего Индийским субконтинентом. В то же время Исламская Республика Пакистан занимает окраинное, лимитрофное положение по отношению к сердцевине Южной Азии — Республике Индия. В сходном качестве пограничного государства Пакистан выступает и по отношению к более обширному и гетерогенному региону Ближнего и Среднего Востока. Автор отмечает также растущую роль страны как транзитной зоны, соединяющей Китай с государствами Аравии и Персидского залива и открывающей пути выхода к мировому океану для республик Центральной Азии и Афганистана, а через них и для России. Историческая тенденция, выявляемая в статье, состоит в эволюции Пакистана от чисто южноазиатской страны к стыковой, находящейся на границе ряда ключевых геополитических ареалов.

Ключевые слова: Пакистан, Южная Азия, Ближний и Средний Восток, Китай, Центральная Азия

Для цитирования: Белокреницкий В. Я. Принадлежит ли Пакистан Южной Азии? *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 222–236. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-222-236

DOES PAKISTAN BELONG TO SOUTH ASIA?

Vyacheslav Y. Belokrenitsky

Analyzing the question of Pakistan belonging to the South Asian region in the past and present, the author touches upon the problem of relations between states and regions. According to the author's conclusion, Pakistan fits into the framework of South Asia, which in colonial times was most often called the Indian subcontinent. At the same time, the Islamic Republic of Pakistan occupies a marginal, limitrophe position in relation to the core of South Asia, the Republic of India. Pakistan stands in a similar position as a border state in relation to the larger and heterogeneous region of the Near and Middle East. The author also notes the growing role of the country as a transit zone connecting China with the states of Arabia and the Persian Gulf and opening ways to the World Ocean for the Republics of Central Asia and Afghanistan, and through them for Russia. The historical trend revealed in the article is the evolution of Pakistan from a purely South Asian country to a liminary country, located on the frontier of a number of key geopolitical areas.

Keywords: Pakistan, South Asia, Near and Middle East, China, Central Asia

For citation: Belokrenitsky V. Y. Does Pakistan Belong to South Asia?. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 222–236. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-222-236

¹ Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; enitsky@yandex.ru

Vyacheslav Y. Belokrenitsky, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; enitsky@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8471-928X

Прежде чем обсуждать вопрос, поставленный в заглавии статьи, коснемся в самом общем виде проблемы государства и региона. В наше время она является весьма актуальной как с практической, так и теоретической точки зрения. Достаточно напомнить такие пары понятий, как Израиль и Ближний Восток, Турция и Европа, Египет и Африка. Во всех этих случаях, как и в случае с Пакистаном и Южной Азией, речь идет о государстве и регионе. Два этих понятия представляются ключевыми для ряда международно-политических явлений. Вместе с тем неверно и переоценивать их значимость, поскольку понятие регион имеет два аспекта — географический и институциональный. Последний стал длинно значимым в основном лишь после окончания Второй мировой войны. Что было во многом связано с тем, что мировые лидеры эпохи холодной войны, особенно США, стремились выйти за узкие пространственные рамки (см: [Deutch, 1966]). Вместе с тем чисто институциональный, формирующийся на базе экстрагеографических организационных рамок и принципов регион, — явление достаточно редкое. К ним в современный период можно отнести БРИКС, ОПЕК+ и ряд других. В основном же такие глобального масштаба регионы (в понимании — территория совокупности государств) имеют нередко некоторую географическую привязку. Так, например, такой культурно-цивилизационный ареал, как ОИС (Организации Исламского сотрудничества), объединяет страны одного широтного пояса от Брунея и Индонезии на востоке до экваториальной части Южной Америки на западе (Гайана и Суринам).

Южная Азия — это геополитический регион, сформировавшийся на определенном этапе на базе явственно очерченной ландшафтной и географической среды². К этому можно добавить единство геологического происхождения и наличие специфических метеорологических условий [Чарпан, 2009]. Сам термин возник относительно недавно, и вопрос о его происхождении, казалось бы, простой на первый взгляд, имеет свои нюансы. В начале статьи мы коснемся этого сюжета, затем проследим за сдвигами, связанными с изменением границ Пакистана и его новым местом на политической карте мира.

Южная Азия как Индостан, Индия

При всей очевидности ассоциации региона Южной Азии с его центральным компонентом, Республикой Индия, такая связь формировалась достаточно долго. Блестящий анализ появления и развития связанной с этим терминологии дает И. П. Глушкова во вступительном очерке к третьему тому серии «Под небом Южной Азии». Опираясь на специальные исследования, выполненные индийскими, европейскими и американскими исследователями, она демонстрирует современное состояние дел с употреблением и трактовкой термина Южная Азия в специальной литературе, характеризует «топонимические повороты и перевороты», имеющие место главным образом в общественно-политической индийской среде. При этом автор не придает особого значения Пакистану как одному из семи государств, входящих в регион («семерка под небом»), но указывает на условия, при которых возник и претерпевал изменения сам термин «Пакистан» и входящие в него территориальные компоненты [Глушкова, 2016, с. 16–17, 24]. Безусловная индоцентричность позиции автора не отменяет ценности ее построений, но оставляет место для иных ракурсов и интерпретаций.

Следует указать, что в английской литературе колониального периода долгое время господствовал термин Индостан, или Хиндустан, обозначавший полуостров с прилегающей

² Различая эти понятия, В. В. Макаренко, указывает, что географическая среда исторична и включает в себя ландшафтную как «предел и потенциал своего развития» [Макаренко, 1992, с. 136].

материковой частью — субконтинент, власть над которым английская Ост-Индская торговая компания приобрела отчасти по исторически случайным (contingent) причинам в конце XVIII — первой половине XIX вв. [Chapman, 2009, Ch. 4]. Провозглашенная в 1858 г. после подавления широкого антиколониального восстания власть британской короны пришла на смену рыхлой, номинальной к тому времени империи Великих Моголов, утвердившейся на большей части Индии в начале-середине XVI в. (см: [Алаев, Вигасин, Сафронова, 2018, гл. 8]). Название «Хиндустан» или «Индостан» перекочевало в английский из персидского языка и языка урду, которые были основными средствами государственной (придворной) и общественной (судебной и воинской) коммуникации в Могольской империи.

Уголовное право на базе шариа (исламских законов, сведенных при последнем могущественном могольском правителе Аурангзебе в объемистый сборник *Fatawah-i Alamgiri*) вплоть до 1820–30-х годов оставалось основным для судопроизводства на административно подчиненной Ост-Индской компании территории. Только затем оно стало постепенно замещаться комбинацией элементов из шариа и английского обычного права, а судьи-мусульмане заменялись английскими, которым помогали знатоки шариа, именуемые *маулави* [Collins, 1988, p. 680]. После принятия в 1860 г. нового Уголовного законодательства и годом позже Кодекса ведения криминальных дел роль исламских правоведов резко снизилась. В 1864 г. был ликвидирован институт *маулави*, и британские судьи сами стали интерпретировать исламские законы [Belokrenitsky, 1993, p. 150–151].

Название Индия («Бхарат» на языке хинди) долгое время сосуществовало с термином Хиндустан (Индостан) и утвердилось в качестве основного картографического обозначения лишь ближе к концу XIX в. [Глушкова, 2016, с. 21–22]. При этом оба наименования имели политический оттенок, ассоциируясь с могольским, и шире мусульманским, периодом в истории субконтинента и с более древним, индусским [Chapman, 2009, p. 175].

Известно, что среди высших английских чиновников во второй половине XIX в. распространилась озабоченность по поводу отставания мусульман в плане приобщения к британским колониальным порядкам. Индусы и сикхи быстрее адаптировались к системе британской государственной службы, европейскому образованию и судопроизводству. Выиграв в результате удара, который колониальная администрация нанесла мусульманской верхушке как прежним носителям политической власти, индусские верхи и средние, торгово-ростовщические слои укрепили свои позиции в экономике и обществе, оттеснив мусульман на задний план (часто цитируемым признаком этой обеспокоенности служит книга крупного английского чиновника У. У. Хантера [Hunter, Reprint, 1975]).

Озабоченность англичан отставанием мусульман и их более бедственным морально-материальным положением вызывалась соображениями как внутренней, так и внешней политики. Со времен Крымской войны 1853–56 гг. Англия сталкивалась с возрастающей конкуренцией со стороны России в борьбе за влияние и геополитические позиции в поясе мусульманских государственных образований, расположенных в срединной части Евразийского материка — Османской империи, Персии, Афганистане, ханствах Средней (Центральной) Азии.

Отчасти по этой причине появилась школа колониальной мысли, которая ставила во главу угла представление о неоднородности, лоскутности Индостана, сосуществовании в его рамках сильно различающихся между собой областей и районов (Дж. Стречи и др.). Причем одним из главных факторов, лежащих в основе гетерогенности субконтинента, считался религиозный, связанный в первую очередь с различиями между культурой и обычаями мусульманского меньшинства и индуистского в основе своей большинства.

С конца XIX в., не без влияния политики колониальных властей, на субконтиненте наблюдается возрождение позиций мусульманской общины. Тому непосредственно способствовала просветительская и литературная деятельность таких ее видных представителей, как Сайид Ахмад-хан, Мухаммад Икбал, основание общественных организаций мусульман, партии Всеиндийская мусульманская лига и центра высшего европейского типа образования для мусульман — университета в Алигархе [Гордон-Полонская, 1963, гл. 4 и 5].

После окончания Первой мировой войны борьба за независимость Индии вступила в завершающую фазу, что в 1930–40-е годы привело к образованию двух главных потоков в нем — общендийского, сложившегося на базе культуры, обычаев и верований большинства, и мусульманского. Правильнее, наверное, выделить не два, а четыре потока, коммуналистские, эксклюзивные в индуистском и исламском вариантах и национальные, инклюзивные [Ванина, 2014, с. 191]. Именно к этому времени относится, судя по всему, появление названия Южная Азия применительно к субконтиненту, известному как Хиндустан, Индостан, Индия.

Одним из первых, кто его использовал, был автор неологизма «Пакистан», проживавший в Кембридже выходец из провинции Панджаб Чаудхри Рахмат Али. Еще в начале 30-х вместе с другими обучавшимися в Кембридже индийцами-мусульманами он опубликовал памфлет, где выдвигалась идея борьбы за Пакистан, страну «чистых» (слово «пак» на урду означает чистый, правверный, благочестивый), т. е. мусульман Индии. В первых памфлетах Рахмат Али и его соавторы призывали к борьбе за создание отдельного государства мусульман на северо-западе Индии, охватывающего провинцию Панджаб, Северо-западную пограничную провинцию, населенную в основном пуштунами (афганцами), провинцию Синд, отделение которой от Бомбейского президентства состоялось в 1936 г., историческую область Белуджистан, состоящую из четырех княжеств, главным из которых был Калат, небольшую главнокомиссарскую (негубернаторскую) провинцию Белуджистан, прилегающую к СЗПП и населенную в основном пуштунами, и, наконец, простирающееся на север от Панджаба высокогорное княжество Джамму и Кашмир. Отсюда другая этимология названия Пакистан, в соответствии с которой П означает Панджаб, А — «Афгания», пуштунские земли, К — Кашмир, С — Синд, стан — Белуджистан (неблагозвучный Пакстан быстро заменили на Пакистан)³. Все эти области отличались тем, что большинство жителей (от более половины в Панджабе и трех четвертей в его западной части, а также Синде и Кашмире, до 90 и более процентов в пуштунских районах и Белуджистане) состояло из мусульман [Rahmat Ali, 1933].

В 1940 г. в Кембридже вышло отдельное издание работы Ч. Рахмата Али «Пакистан: Отечество пакистанской нации». В ней, как отмечает известный историк-пакистанец А. С. Ахмед, он выдвигал идею образования не одного, а целого ряда мусульманских государственных образований. Помимо собственно Пакистана, им предполагалось создание Бангистана (Банг-и-ислам) на востоке Индии, в Бенгалии, Османистана — в центре, на территории княжества Хайдарабад, а также Мунистана, Сиддикистана, Хайдаристана, Фарукистана, Маплистана в Северной и Южной Индии. Рахмат Али выдвигал утопическую идею основания около 10 мусульманских образований в Индии и на Цейлоне, объединенных в Пакистанское содружество наций, которое мыслил как часть всемирного содружества мусульманских государств [Ahmed, 1997, р. xxvii].

Выступая последовательным противником всего общендийского, Рахмат Али в памфлете 1942 г. (третье издание первоначального текста 1933 г.) использовал как само собой разумеющийся термин Южная Азия вместо названия Индия [Charman, 2009, р. 161–162, 175]. «Когда

³ Есть и другие, немного отличающиеся версии значения слова «Пакистан» и составляющих его элементов. Об этом одним из первых в нашей литературе упомянул автор замечательной книги о Пакистане географ В. М. Фридланд (см. [Фридланд, 1968, с. 8–9]).

на текущем этапе истории Южной Азии — цитирует его Г. Чэпмен — «индианизм» под воздействием Британского империализма ... утвердил себя в 1881 г. созданием первой политической организации, он расчетливо назвал его Всеиндийский Национальный конгресс. Я говорю расчетливо, потому что благодаря малозаметному, но безошибочному следствию, вытекающему из наименования... «индианизм» обозначил как Индию всю территорию Южной Азии, включенную в состав Британской империи» [Charman, 2009, p. 161]. Чэпмен справедливо характеризует взгляды Рахмата Али как реакционный консерватизм, отмечая вместе с тем, что, используя название «Южная Азия» (не исключено, заметим, что оно было уже в ходу ко времени написания памфлета) вместо Индии, он проложил дорогу к употреблению в дальнейшем этого термина как синонима «большой Индии». Рахмат Али при этом всячески подчеркивал ее неоднородность, наличие там не только северной Индии («пояса коров») с его кастовым строем в штатах, впоследствии известных под аббревиатурой БИМАРУ (Бихар, Мадхья Прадеш, Раджастхан и Уттар Прадеш), но и других регионов, которые он считал «не-индийскими» и выступал против названий типа Всеиндийская мусульманская лига, Всеиндийская сикхская конференция и Всеиндийская раджпутская конференция [Charman, 2009, p. 161–162].

В недавней своей статье И. П. Глушкова обосновывает точку зрения, что изобретателем термина «Южная Азия» был американский профессор Норман Браун. Освещая во многом новые для нашей литературы страницы биографии санскритолога, специалиста по Древней Индии из Пенсильванского университета, она пишет... «с 1947 г. сообразуясь с деколонизацией Индостана, Браун предлагает новое обозначение для референта, на котором сфокусировано его внимание — Южную (south Asia, Southern Asia и, наконец, South Asia) Азию» [Глушкова, 2022, с. 226]. Не отрицая роли Н. Брауна в утверждении концепта South Asia в академической и практической сферах США, следует заметить, что честь изобретения термина вряд ли может быть закреплена за ним. Это с очевидностью следует из предшествующего рассказа о трудах С. Рахмата Али (а возможно, и его предшественников), хотя американское употребление термина, широкое распространение академических трудов о Южной Азии в Америке, безусловно, сказалось на популярности названия.

Между тем в английской традиции и после окончания колониального правления в августе 1947 г. сохранялось наименование «Индостан», «Индия», Индийский субконтинент». В колониальный период довольно распространенным было также обозначение Индии как Востока (East). Оно, по всей видимости, было связано с названием Ост-Индской компании (East India Company), долгое время осуществлявшей непосредственное владение колонией⁴. Англичане и после ухода из Индии продолжали, как правило, называть территорию своей бывшей колонии субконтинентом, переименовав его в Индо-пакистанский. Кроме того, в языке английской политической науки распространенным оставалось обозначение субконтинента и полуострова Индостан как Southern Asia. Полные права гражданства термин Южная Азия получил лишь после распада в 1971 г. первого, единого или двукрылого Пакистана, на Бангладеш и Пакистан в современных границах.

Первый Пакистан — часть Южной Азии

В коллизии государства и региона помимо географической, физической близости большое значение имеет культурно-психологическое измерение, иначе говоря, культура населения

⁴ В качестве примера можно привести воспоминания У. Черчилля, который молодым журналистом отправлялся в Индию в самом конце XIX в. для освещения операций англо-индийских частей против восставших пуштунгов в горах крайнего северо-запада Индии. Провожавшие его старожилы аристократического Лондона говорили, что он «едет на Восток» (to the East) [Churchill, 1974, p. 107, 128].

и состояние общественного мнения в стране. Идея Пакистана первоначально предполагала создание государства, находящегося в добрососедских, дружественных отношениях с Индией. Таким, видимо, рисовалось будущее двух государств «отцу-основателю» Пакистана — лидеру партии Всеиндийская мусульманская лига Мухаммаду Али Джинне. Впрочем, каких-либо публичных высказываний на этот счет у него нет, что можно объяснить остротой борьбы за фактическое отделение Пакистана от Индии (см. [Москаленко, 1980, с. 3–17]). Вместе с тем широко известна тирада М. А. Джинны, произнесенная им в Учредительном собрании Пакистана накануне предоставления ему статуса доминиона 11 августа 1947 г. Смысл ее заключался в отрицании исламского характера создаваемого государства, в провозглашении свободы вероисповедания, равенства представителей различных конфессий перед законом и, следовательно, возможности мирно сосуществовать двум странам с преимущественно мусульманским и немусульманским населением. Характерно, что, хотя конфликт между двумя доминионами возник по существу еще до их образования, а кровавые межкоммуналистские столкновения разразились в Бенгалии и к западу от нее в августе 1946 г., а в Панджабе — в марте 1947 г., «Великий вождь» (*Каид-и-азам*), как с пие-тетом называли Джинну еще с первой половины 40-х годов, уделял в публичных выступлениях мало внимания отношениям с Индией. Почти не упоминается в собрании его речей и проблема Кашмира, хотя понятно, что вплоть до своей смерти в сентябре 1948 г. он принимал все принципиально важные решения и по этому ключевому вопросу внешней политики нового государства [Quaid-i-Azam, s. a.].

После смерти Джинны отношения с Индией еще более ухудшились. При облачившемся в тогу персоналистской власти премьер-министре Лиакат Али Хане начался дрейф доминиона в сторону исламской республики, а экономические связи между Карачи и Нью-Дели оборвались осенью 1949 г. Тогда Пакистан отказался девальвировать свою валюту вслед за девальвацией на 143% фунта стерлинга по отношению к доллару. Индия, последовавшая примеру бывшей метрополии, была возмущена отказом Пакистана, хотя тот действовал из прагматических соображений. Основными экспортными товарами для него были сырой джут и хлопок, обладавшие устойчивым спросом на мировом рынке. Доходы пакистанской казны выросли, особенно после начала летом 1950 г. Корейской войны, сопровождавшейся всплеском цен на технические культуры.

Разность между курсом пакистанской и индийской рупии привела к перенаправлению джута-сырца с Индии на другие страны. Джутовые фабрики Калькутты и всей Западной (индийской) Бенгалии остались без сырья. Затронутые этим фабриканты и представители их торгово-посреднической сети, городские купцы и торговцы во избежание худшего стали переезжать из Восточной в Западную Бенгалию. В конце 1949 – начале 1950 гг. порядка одного-двух миллионов индусов покинули пакистанскую территорию в обстановке межобщинной напряженности, вражды и столкновений. Ситуацию помог стабилизировать визит пакистанского премьера Лиаката Али в индийскую столицу в апреле 1950 г., его переговоры с Дж. Неру и заключение пакта о взаимном соблюдении прав меньшинств [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 95–96].

Напряженность в отношениях между двумя новыми суверенными соседями сохранялась и в дальнейшем в первую очередь из-за нерешенности проблемы принадлежности бывшего княжества Джамму и Кашмир, развернувшихся там в 1947 и 1948 гг. военных действий, а также острых коллизий по поводу раздела воды, необходимой для земледелия в Западном Пакистане. Отношения улучшились в конце 50-х – начале 60-х годов, и стороны заключили взаимовыгодный договор о разделе вод Инда⁵.

⁵ О нем в нашей литературе см., напр.: [Ярковая, 1970, с. 280–287].

Однако с 1962 г. после поражения Индии в пограничной войне с Китаем двусторонние связи вступили в полосу кризиса. По инициативе Пакистана, стремившегося воспользоваться предполагаемой военно-политической слабостью соседа, началась вторая, куда более кровопролитная, чем первая, война из-за Кашмира. Она закончилась на поле боя ничейным результатом, который обернулся в конце концов проигрышем для инициатора конфликта. В 1969 г. власть военных во главе с фельдмаршалом М. Айюб Ханом пошатнулась, сменивший его на посту президента генерал А. М. Яхья Хан пошел на проведение выборов в декабре 1970 г., чем привел в движение механизм распада страны на Бангладеш и Пакистан в современных границах (см. [Белокреницкий, 2022, с. 38–53]). Раздел Пакистана стал неизбежен по итогам третьей войны между Пакистаном и Индией в ноябре-декабре 1971 г., которая была самой масштабной, охватившей как восточный, так и западный фланги боевого соприкосновения сторон. Потерпев поражение на всех фронтах, в том числе на линии прекращения огня в Кашмире, руководство Пакистана в лице президента З. А. Бхутто, гражданского лица, поставленного у власти военными, было вынуждено подписать мирное соглашение в Симле (Индия), в соответствии с которым обязалось решать споры между двумя государствами, включая Кашмирский, путем двусторонних, без участия внешних посредников и международного сообщества, переговоров.

Если рассматривать первый этап существования Пакистана с позиции его принадлежности Южной Азии, то можно сказать, что она была почти полной. Созданная в 1947 г. страна как бы обрамляла Индию с двух сторон и была тесно связана с ней исторически, культурно и геополитически. Существовали, однако, различия во внешнеполитической сфере на региональном и глобальном уровнях.

Пакистан с самого начала заявлял о себе как о стране, принадлежащей мусульманскому миру. Это направление было долгое время основным с регионально-политической точки зрения. Причем основателем его надо считать не столько Джинну, сколько Liaqat Ali. Именно при нем четко обозначился курс на разыгрывание исламской карты и попытка установления тесных контактов с королевским Египтом, лидером тогдашнего Ближнего и Среднего Востока, и другими арабскими государствами, которые Пакистан поддерживал в противостоянии с Израилем. Знаменательно в связи с этим зарубежное турне, которое совершил осенью 1949 г. председатель Всепакистанской мусульманской лиги (бывшей Всеиндийской) Ч. Халикуззаман. Во время посещения ключевых стран Арабского Востока он пропагандировал идею «Исламистана», политико-оборонительного блока исламских государств. В конце 1940-х — начале 1950-х годов Пакистан организовал у себя и принял участие в ряде конференций исламского сообщества. В феврале 1951 г., выступая на открытии в Карачи четвертой Международной мусульманской конференции (*Мотамар-е-алам-е-ислами*), премьер Пакистана заявил, в частности, что «кардинальная черта пакистанской идеологии состоит в том, чтобы сделать реальностью мусульманское братство», сблизить между собой и укрепить сотрудничество мусульманских стран [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 99; Burke, 1974, p. 135–137].

Однако к концу первой трети 1950-х гг. такая направленность внешней политики ослабла. Этому способствовали как внутривосточные подвижки (ослабление позиций Мусульманской лиги, антигосударственная деятельность исламистских партий и организаций, прежде всего «Джамаат-и-ислами» во главе с известным проповедником радикальной идеологии А. А. Маудуди), так и внешнеполитические сдвиги — подъем социалистической, леводемократической волны, охвативший государства Ближнего и Среднего Востока, приход к власти сначала в Египте, потом в Сирии и Ираке антимонархических сил и военных элит, избравших ориентацию, особенно после Суэцкого кризиса 1956 г., не на Запад, а на Советский Союз.

Королевство Саудовская Аравия при короле Сауде играло в целом скромную роль в мировых делах, и новый всплеск интереса Пакистана к ориентации на исламский мир произошел только в конце 1960-х годов.

Что касается глобального изменения пакистанского внешнеполитического курса, то некоторые драматические перемены тоже в основном наблюдались лишь в первые 6–8 лет его существования. Узкий круг лиц, управляющих внутренними и внешними делами Пакистана, придерживался курса на сохранение тесных связей с бывшей метрополией, но ослабление английских позиций в мире, и в частности на Ближнем и Среднем Востоке, вызвало в 1949–51 гг. некоторое брожение в их рядах. Хорошо известен факт согласия Liaquat Ali летом 1949 г. посетить Москву по приглашению Сталина [Malik, 1994, p. 42–44]. Визит по ряду причин не состоялся, а даже если бы и состоялся, то вряд ли изменил ориентацию Пакистана на западный блок в холодной войне. Для Москвы, как и для Карачи, попытка сближения имела, по нашему мнению, характер зондажа. Внутривнутриполитические события в Пакистане (раскрытие в начале 1951 г. «прокоммунистического заговора», а также убийство Liaquat Ali Хана осенью того же года) ускорили и закрепили переход пакистанской элиты к максимальному расширению связей с США, происходившему с согласия Великобритании. Между тем вступление Пакистана в блок СЕАТО в 1954 г. и в Багдадский пакт в следующем году не явилось препятствием для его участия в Конференции афро-азиатских стран в Бандунге (Индонезия) в апреле 1956 г. Более того, в конце 1950-х — начале 1960-х годов, как отмечалось выше, курсы Пакистана и Индии сближаются, но не совпадают, причем в основном по инициативе последней⁶.

В целом расхождения в глобально-политическом плане между Пакистаном на первом этапе его существования и Индией не были абсолютными. Индия с начала 1960-х годов сделала выбор в пользу усиления военно-политических связей с СССР, но никогда не изменяла принципу неприсоединения к блокам. Пакистан в вопросах вооружения и обучения своих вооруженных сил сделал ставку на США и страны НАТО, включая особенно Турцию, но стремился сохранять и развивать разнообразные связи с СССР, в том числе в экономической и военно-технической областях. Таким образом, ни региональные, ни глобальные особенности внешнеполитического курса Пакистана на первом этапе его развития не выходили за рамки Южноазиатского региона.

Второй Пакистан: на стыке регионов

Иными представляются геополитическое положение и внешнеполитическая ориентация государства после того, как оно лишилось восточнобенгальского «филиала». Если при наличии двух «крыльев» страна напоминала птицу, распластавшуюся над субконтинентом⁷, то после возникновения Бангладеш на месте Восточного Пакистана связь с Индостаном обрела иной характер. Бывший Западный Пакистан, превратившись в Пакистан, стал небольшой по площади страной (0,8 млн кв. км) на северо-западной окраине большого индийского массива (3,3 млн кв. км). Появление нового Пакистана совпало по времени с крупными переменами на Ближнем Востоке. Пакистан уже в конце 1960-х гг. подключился к реализации исламского проекта консолидации сил в условиях, возникших после неудачной для Египта войны с Израилем

⁶ Премьер-министр Индии Дж. Неру отказался от предложения президента Пакистана Айюб Хана принять участие в планах по совместной обороне субконтинента [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2003, с. 50, 88–89].

⁷ Осенью 1967 г. автор этой статьи летал на самолете над Индией из Западного Пакистана в Восточный и обратно, причем вопрос о безопасности даже не вставал.

в 1967 г. и обострения ситуации в Палестине (поджог мечети аль-Акса в Иерусалиме). Он был одной из 25 стран (среди них немногих неарабских), принявших участие в первой конференции мусульманских государств в Рабате (Марокко) в сентябре 1969 г. При президенте, а потом премьер-министре Пакистана З. А. Бхутто внимание к ситуации на Ближнем Востоке многократно усилилось, и в феврале 1974 г. на пакистанской земле прошел второй саммит мусульманских государств.

Вторая встреча в верхах Организации Исламской конференции (в 2011 г. переименована в Организацию Исламского сотрудничества) увенчалась крупным успехом пакистанской дипломатии и лично Зульфикара Али Бхутто. Накануне саммита он объявил о признании Пакистаном Народной Республики Бангладеш и дружески принял как своего гостя ее главу М. Рахмана. Число участников встречи выросло до 37⁸, а среди глав государств и правительств были приверженцы как консервативных взглядов, так и популистских, ярким представителем которых являлся лидер Ливийской Джамахирии М. Каддафи. Главной же финансовой опорой для Пакистана становилась Саудовская Аравия при короле Фейсале, хотя Бхутто активно маневрировал, стремясь получить моральную и материальную поддержку и от других государств в трудных условиях после проведения им серии социальных реформ и преобразований.

Можно считать, что Пакистану в первые годы существования в уменьшенном, но территориально компактном виде удалось добиться приличной компенсации за потери в ходе войны с Индией 1971 г. Он обрел новое место в геополитическом раскладе сил и сумел вновь встать на одну доску с Индией в дипломатическом и военно-политическом противостоянии, добавив к положению второго после Индии государства Южной Азии статус одного из лидеров богатого нефтью исламского мира. В географическом плане он сблизился с Ближним и Средним Востоком, установив воздушное сообщение с Джиддой, Дубаем и Абу-Даби, куда и направились именно в это время первые потоки трудовых мигрантов, а также привлеченные высокими зарплатами офицеры пакистанских вооруженных сил, прежде всего пилоты ВВС [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2003, с. 102–103, 116–117].

Десятилетие 70-х годов прошлого столетия было богатым на внутривосточные катаклизмы в Южной Азии и в ареале, примыкающем к ней с запада. В августе 1975 г. погиб в ходе военного мятежа Муджибур Рахман. В марте 1977 г. после двух лет чрезвычайного положения Индийский национальный конгресс впервые потерпел поражение на выборах, но вернул себе положение правящей партии в январе 1980 г. В Афганистане в 1973 г. на смену королю Захир Шаху пришел его кузен Дауд Хан, провозгласивший замену монархического строя на республиканский. В Иране в 1978–79 гг. произошла исламская революция, шах Ирана бежал из страны, уступив место ее руководителю религиозному лидеру имаму Хомейни. Черда перемен не обошла стороной и Пакистан. В июле 1977 г. военные взяли власть в стране, отстранив, а в апреле 1979 г. казнив З. А. Бхутто.

Социальные преобразования, начатые правительством последнего, были повернуты вспять военным режимом генерала М. Зия-уль-Хака, но ориентация на исламский мир, на Ближний и Средний Восток не только сохранилась, но и усилилась. И не удивительно, поскольку военные для оправдания переворота и усиления своих позиций стали проводить политику исламизации всех сторон жизни общества. Неожиданный, во многом случайный успех в развертывании военной ядерной программы сопровождался опасениями в мире по поводу создания Пакистаном «исламской бомбы» [Сотников, 2003, с. 101–106].

⁸ Ныне в ОИС 57 членов.

Вместе с тем и связи с регионом Южной Азии сохранили для Пакистана огромное значение. Его ядерная программа была ответом на индийскую, заявившую о себе испытанием в мае 1974 г. ядерного устройства. Другое обстоятельство состояло в сепаратистском движении среди сикхов, взятии индийскими войсками летом 1984 г. оплота сепаратистов, Золотого храма, в городе Амритсар, находящемся близ границ с Пакистаном, и мести сикхов, которые осенью того года убили И. Ганди. При всех старых счетах у мусульман с сикхами Зия-уль-Хак не мог удержаться от того, чтобы предоставить убежище некоторым из участников движения за Халистан (страну сикхов), хотя и всячески скрывал этот факт [Бельский, Фурман, 1992, с. 86—89].

Помимо негативных моментов в Южной Азии в 1980-е гг. нарастали и позитивные (см. [Munī, Munī, 1984]). По инициативе президента Бангладеш генерала З. Рахмана и короля Непала Бирендры с начала десятилетия семь государств региона (Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Бутан, Шри Ланка и Мальдивы) приступили к консультациям по созданию региональной организации сотрудничества. В 1985 г. в Дакке состоялся первый саммит СААРК (South Asian Association for Regional Cooperation). Апофеозом ежегодных на первых порах встреч в верхах надо считать четвертую в Исламабаде в декабре 1988 г. Делегацию Индии на ней возглавлял сын Индиры Ганди премьер-министр Раджив Ганди, а пакистанскую — дочь З. А. Бхутто Беназир Бхутто, ставшая главой правительства по итогам выборов в ноябре того года после гибели Зия-уль-Хака в авиакатастрофе. От того саммита до сих пор остается договоренность между Пакистаном и Индией о взаимном ненападении на ядерные объекты и об обмене в конце каждого года информацией о них. [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 357—358].

Вместе с тем уже в 1980-х гг., как представляется, стала формироваться некая межеумочность, пограничность геополитического положения Пакистана. С востока его подпирала Индия, с которой он был связан с момента рождения и возникновения спора по поводу государственной принадлежности бывшего княжества Джамму и Кашмир. С запада он был открыт Афганистану, который затягивал его в свою «воронку». Участие пакистанского военного режима в войне против сил Народно-Демократической Республики Афганистан и советских войск (ОКСВ) принесло Исламабаду, как это говорят, «в моменте», большие выгоды (поступившие финансовые потоки на военные и экономические цели превысили 5 млрд долл. США (далее — долл.), но за это пришлось в последующем серьезно расплачиваться.

В начале 1990-х гг., после вывода ОКСВ из Афганистана и распада СССР, Вашингтон по существу бросил Пакистан на произвол судьбы, отказавшись от предоставления ему уже обещанной помощи и потребовав уплаты денег за вооружение, которое обещал, но отказался предоставить. В чем состоял расчет Вашингтона, сказать сложно. Не исключено, что это была первая в череде ошибок, допущенных крупнейшей страной мира после окончания холодной войны. Исламабад усугубил ситуацию, понадеявшись на свои силы в решении внутренних афганских проблем.

В результате, в то время как Индия в 1990-х гг. приступила к проведению грамотных и удачных реформ по либерализации экономики и усилению своих экспортных возможностей, а за ней вскоре последовала Республика Бангладеш, Пакистан «застрял» на том этапе социально-экономического развития, который никак не подходил для новых времен. Его поразили вирусы коррупции, консервативной социальной политики, милитаризации и решающего воздействия военных элит.

С начала текущего столетия Индия твердо встала на путь превращения в одну из мировых держав, освободившись в основном от комплекса зависимости от Пакистана как младшего, но благодаря ядерному оружию в большой степени равного себе партнера. Этому способствовал не сразу пришедший к ней успех в разрешении острого кризиса в долине Кашмира. Силой

подавив возникшее на рубеже 1980–90-х годов восстание кашмирских сепаратистов и пропакистански настроенных боевиков, Нью-Дели долгое время считался с остротой ситуации в штате Джамму и Кашмир, единственном в стране, где мусульмане составляли большинство. Поддержка Исламабадом террористических действий исламистов преобразовалась в развязанную пакистанской армией «войну в горах» в мае-июле 1999 г., из которой Индия вышла победительницей. Военные успехи укрепили позиции умеренно коммуналистской, особенно на первых порах, Индийской народной партии (Бхаратийя джаната партии). Добившись успеха в 1998 и 1999 гг., а затем победив на парламентских выборах 2014 и 2019 гг., БДП отказалась от поиска компромисса с ослабевшим Пакистаном по Кашмирскому и другим спорным вопросам.

В 2016 г. индийский лидер Н. Моди под предлогом террористических угроз для Индии со стороны Пакистана отказался поехать в Исламабад для участия в очередном саммите СААРК. Деятельность длительное время пребывавшей в полуживом состоянии организации была полностью заморожена, а Пакистан оказался по сути отлученным от процессов, происходящих в Южной Азии. В августе 2019 г. Нью-Дели приступил к решению Кашмирской проблемы на своих условиях. Индийский парламент принял решение о ликвидации штата Джамму и Кашмир и образовании на его месте двух союзных территорий — Джамму и Кашмира и Ладакха. Пакистан выступил с протестами и всеми силами поддерживал состояние кризиса и неопределенности, воцарившееся в бывшем штате, но успеха не добился. То обстоятельство, что Индия и Пакистан имеют в современном мире разные весовые категории, не дало последнему возможности мобилизовать мировое общественное мнение в защиту прав кашмирцев Индии. Даже мусульманские государства, в том числе такие как Саудовская Аравия, предпочитают, соглашаясь на словах с Пакистаном и участвуя вместе с ним в некоторых акциях в защиту Кашмира, укреплять и расширять политические и экономические взаимосвязи с Индией.

Лимитрофность (окараинность) Пакистана по отношению к Индии дополнилась его превращением в транзитную зону. Оно дало о себе знать с появлением в начале нынешнего века двух мощных центров глобального и регионального влияния — Китайской Народной Республики и арабских государств Ближнего и Среднего Востока. В 2000-х годах на возможности, которые мог иметь для него Пакистан, обратил внимание Пекин. При китайской финансовой и технической помощи началось сооружение глубоководного порта Гвадар на Аравийском море недалеко от входа в Ормузский пролив и от границы с Ираном. Успешно завершив строительство первых причалов для судов с большой грузоподъемностью в 2002–2007 гг., Китай сократил масштабы своего экономического присутствия в Пакистане ввиду острого внутриполитического кризиса в стране, сопровождавшегося диверсиями против работавшего там китайского персонала. К этому добавились мировой экономический кризис 2008–09 гг. и упорная борьба на северо-западе страны пакистанских армейских подразделений с исламистскими экстремистами из Техрик-е Талибан Пакистан (Пакистанского движения Талибан) в 2007–2010 г.

Лишь в 2013 г. руководство Китая смогло вновь вернуться к обсуждению планов масштабного инвестирования в пакистанскую экономику. Через два года правительствами двух государств было подписано соглашение о Китайско-пакистанском экономическом коридоре. Первоначально размеры инвестиций в различные объекты на территории Пакистана оценивались в 46 млрд долл, затем увеличились до 62 млрд [Каменев, 2019, с. 132]. Главными среди проектов были продолжение строительства порта Гвадар, сооружение высокоскоростных шоссе, увеличение энергетических мощностей, совершенствование инфраструктуры. С 2018 г. реализация программ КПЭК замедлилась, причем главным образом по вине Пакистана, вновь вступившего в полосу внутриполитической нестабильности. По последним оценкам, Китай инвестировал в Пакистан

примерно 25 млрд долл., став на данном этапе главным источником прямых иностранных инвестиций в его экономику⁹.

С точки зрения геополитической принадлежности акцент на экономическом взаимодействии с Китаем одновременно и привязывает Исламабад к Южной Азии, и освобождает его от тесной взаимосвязи с регионом, главным воплощением которого является Индия. Ее сложные отношения с Китаем, сочетающие прочные и растущие торгово-экономические связи с происходящими время от времени вооруженными столкновениями на границе, делают Пакистан одной из сторон треугольника, где ему отводится роль «спойлера», будирующего проблему Кашмира, и разменной монеты, поскольку Индия может придавать большее или меньшее значение нарушению Китаем ее претензий на область Гилгит–Балтистан (часть бывшего княжества Джамму и Кашмир), по которой проложено Каракорумское шоссе, соединяющее Китайский Синьцзян с северо-западом Пакистана.

Географо-политическая промежуточность и одновременно транзитность Пакистана усиливает отмеченный выше другой центр силы и влияния — арабские государства Аравии и Залива, прежде всего Королевство Саудовской Аравии и Объединенные Арабские Эмираты. Они образуют основу второй опоры условного «подвесного моста», который ныне поддерживает экономику Пакистана. Помимо этих двух, страна «висит» и на третьей, удаленной опоре в виде США и контролируемых ими международных финансовых институтов¹⁰.

Характерно, что не меньше чем экономически Пакистан зависит от Ближнего Востока политически. Воздействие КСА и ОАЭ на внутреннюю ситуацию и внешнюю политику Исламской Республики Пакистан трудно переоценить. Многие кардинально значимые внутриполитические решения принимались Исламабадом по совету и под давлением из Эр-Рияда¹¹. Ряд важнейших внутриполитических коллизий, таких, например, как освобождение смещенного с поста премьера Н. Шарифа от пожизненного заключения в 2000 г., завершился благодаря заступничеству Саудовской Аравии. Да и в целом едва ли какие внутриполитические разборки в Пакистане решаются без участия арабских монархических элит. Скрытые от глаз, десятилетиями сохраняются наработанные «династийные» обязательства солидарности и вражды.

Экономические позиции арабского центра регионального влияния особенно усилились в конце 2010-х — начале 2020-х гг. Не вдаваясь в рассмотрение всех причин этого, отметим, что

⁹ Одновременно с этим быстро возросла доля Китая в огромном внешнем долге Пакистана, до примерно трети из свыше 100 млрд долл. [Ali, 2023].

¹⁰ Это четко проявилось в ходе экономического и внутриполитического кризиса 2022–23 гг. МВФ долгое время отказывался продолжить предоставление Пакистану кредитной помощи в рамках договоренности, достигнутой в 2019 г. Колебания Исламабада во внешнеполитической области (позиция по СВО России на Украине) дополнились отсутствием достаточного прогресса в выполнении условий, которые чиновники ведущей мировой кредитующей организации предъявляли властям Пакистана. Переговоры с МВФ оказались прерванными в ноябре 2022 г. и возобновились только в феврале 2023 г. Характерно, что МВФ потребовал не только повышения эффективности работы госпредприятий, всей системы управления экономикой и валютно-финансовой сферы, но и гарантий кредитоспособности страны в виде обещаний от ее партнеров и друзей в предоставлении займов на двусторонней основе. После длительного торга Исламабад пошел на удовлетворение всех основных требований МВФ и объявил, что заручился согласием КНР оказать ему помощь в 5 млрд долл. и заверением Саудовской Аравии и ОАЭ предоставить соответственно 2 и 1 млрд долл. Только после этого в последний момент МВФ объявил о готовности выделить спасающий Пакистан от банкротства заем в 3 млрд долл. *Reuters*. Pakistan, IMF reach staff-level pact on crucial \$3billion bailout. The Express Tribune, June 30, 2023 // tribune.com.pk/story/2424156/pakistan-imf-reach-staff-level-pact-on-crucial-3billion-baiout (дата обращения: 30.06.2023). *Reuters*. IMF board approves critical 3 bn loan for Pakistan. Dawn, July 12, 2023 // dawn.com/news/1764298/imf-board-approves-critical-3bn-loan-for-pakistan (дата обращения: 12.07.2023).

¹¹ Так, знаковое решение правительства З. А. Бхутто и руководимого им парламента об отлучении общины верующих в Аллаха ахмадийцев от ислама принималось в 1974 г., как утверждает А. Джалал, под прямым воздействием короля Фейсала и его приближенных [Jalal, 2014, p. 203–204].

главной, по-видимому, была активизация международной деятельности монархических режимов после прихода к власти в них представителей молодого поколения правителей, в первую очередь наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда бин Салмана. Отношения между пакистанской правящей элитой и арабскими верхами развивались при этом не всегда ровно. В 2021 г. Эр-Рияд отказался от данных им обещаний предоставить Исламабаду помощь в 3 млрд долл., но затем вернулся к политике содействия и поддержки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь к заглавию статьи, следует отметить, что на вопрос о геополитической принадлежности Пакистана нельзя дать в полной мере однозначного ответа. С одной стороны, он, безусловно, принадлежит Южной Азии, этнокультурно близок Индии, большинство его жителей (примерно три четверти) говорят на языках (панджаби, синдхи, урду и др.), родственных основным индийским. Сближают две страны также демографические и экологические условия — высокая плотность населения и зависимость от искусственного орошения. С другой стороны, Пакистан примыкает к обширному и аморфному Ближнему и Среднему Востоку, непосредственно контактируя с ним на этническом уровне через пуштунов и белуджей. При этом с точки зрения первого региона и его сердцевины, Республики Индия, Пакистан является ее лимитрофом, если использовать термин В. А. Цымбурского, возрожденный им к жизни для описания окраин Российской Федерации (см: [Цымбурский, 2007]).

В той же роли пограничного, рубежного государства Исламская Республика выступает и в композиционной структуре широтного пояса Ближнесредневосточных стран. Пакистан замыкает собой на востоке ареал тропических и субтропических земель, которые географы называют иногда Афразией. В конфессиональном плане регион состоит из государств с мусульманским большинством. Сплошное исламское пространство как бы заканчивается на Пакистане, поскольку бассейн Инда, служащий его географической платформой, вплотную примыкает к Ближнему и Среднему Востоку и по суше (Иранское нагорье, отроги Гиндукуша), и по морю (Аравийское море, Ормузский пролив).

Пограничность характеризует и соседний с Пакистаном Афганистан, что отразилось, кстати, в номенклатуре, которую с недавних пор использует МВФ. В своих документах он выделяет расширенный регион MENAP наряду с MENA, куда включает не только государства БСВ и Северной Африки, но и Афганистан с Пакистаном. Представляется, что весь ареал Аф-Пак (Афганистан–Пакистан) можно считать большим лимитрофом или буфером между исламским по преимуществу БСВ и индусской с цивилизационной, культурно-религиозной точки зрения Южной Азией.

Стоит, кстати, заметить, что значение узких, геоморфологически хорошо очерченных регионов, подобных Южной Азии, в современном мире, по всей видимости, снижается, и более значимыми становятся большие региональные ассоциации типа Шанхайской Организации Сотрудничества, куда входят и Индия, и Пакистан.

Что касается геополитических и геоэкономических перспектив Исламской Республики Пакистан, то они в благоприятном случае лежат в плоскости усиления его роли моста, транзитной зоны, соединяющей Китай и арабский мир и открывающей путь к мировому океану для Афганистана, республик Центральной Азии и России. Особенности местоположения могут стать и ресурсом, и препятствием для развития в зависимости от сочетания множества причин и факторов, воздействующих на внутреннее состояние страны и положение по периметру ее границ.

Литература/ References

- Алаев Л. Б., Вигасин А. А., Сафронова А. Л. *История Индии*. М., 2018 [Alayev L. B., Vigin A. A., Safronova A. L. *History of India*. Moscow, 2018 (in Russian)].
- Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. *История Пакистана XX век*. М., 2008 [Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N. *History of Pakistan 20th Century*. Moscow, 2008 (in Russian)].
- Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. *Южная Азия в мировой политике*. М., 2003 [Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N. Shaumian T. L. *South Asia in World Politics*. Moscow, 2003 (in Russian)].
- Белокреницкий В. Я. Распад Пакистана в 1971 г.: глубинные факторы и непосредственные причины. *События 1971 г. и новый международный порядок в Южной Азии. Взгляд через полвека*. М.: ИВ РАН, 2022 [Belokrenitsky V. Y. The split of Pakistan in 1971: deep-rooted factors and immediate reasons. *Events of 1971 and New International Order in South Asia. A View After Half a Century*. Moscow, 2022 (in Russian)].
- Бельский А. Г., Фурман Д. Е. *Сикхи и индусы. Религия, политика и терроризм*. М., 1992 [Bel'sky A.G., Furman D. E. *Sikhs and Hindus. Religion, Politics and Terrorism*. Moscow, 1992 (in Russian)].
- Ванина Е. Ю. *Индия: история в истории*. М., 2014 [Vanina E. Y. *India: History inside History*. Moscow, 2014 (in Russian)].
- Глушкова И. О проекте «Под небом Южной Азии». Концептуализация пространственных сегментов в контексте политической и культурной территориальности. Прошлое, настоящее и будущее. Под небом Южной Азии. *Территория и принадлежность. Геополитическое конструирование и субъективность восприятия обитаемых пространств*. Рук. проекта И. П. Глушкова. Отв. ред. А. В. Бочковская. М., 2016. С. 8–31 [Glushkova I. About the project 'Under the Skies of South Asia'. Conceptualizing space segments in the context of political and cultural territoriality. Past, present and future. I. P. Glushkova (gen. ed.), A. V. Bochkovskaya (ed.). *Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging. Geopolitical Constructions, Human Agency and the Perception of Places*. Moscow, 2016. Pp. 8–31 (in Russian)].
- Глушкова И. П. «Южная Азия»: монтаж и демонтаж пространств и институций. Часть 1. *Восток (Oriens)*. 2023. № 2. С. 223–235 [Glushkova I. P. 'South Asia': Construction and Deconstruction of Spaces and Institutions Part 1. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 2. Pp. 223–235 (in Russian)].
- Гордон-Полонская Л. Р. *Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана*. М., 1963 [Gordon-Polonskaya L. R. *Muslim Trends in Social Discourse of India and Pakistan*. Moscow, 1963 (in Russian)].
- Каменев С. Н. *История экономических процессов в Пакистане (XX–XXI вв.)*. М., 2019 [Kamenev S. N. *History of Economic Processes in Pakistan. 20th–21st Centuries*. Moscow, 2019 (in Russian)].
- Москаленко В. Н. М. А. Джинна об основных направлениях деятельности пакистанского государства. *Страны Среднего Востока (история, экономика, культура)*. М., 1980 [Moskalenko V. N. M. A. Jinnah on the main directions of Pakistan's government activity. *Countries of Middle East (history, economics, culture)*. Moscow, 1980 (in Russian)].
- Сотников В. И. *Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях*. М., 2003 [Sotnikov V. I. *Nuclear Problem in India-Pakistan Relations*. Moscow, 2003 (in Russian)].
- Фридланд В. М. *Между Гималаями и Аравийским морем*. М., 1968 [Fridland V. M. *Between Himalayas and Arabian Sea*. Moscow, 1968 (in Russian)].
- Цымбурский В. Л. *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006*. М., 2007 [Tsymbursky V. L. *Island of Russia. Geopolitical and Chronopolitical Works. 1993–2006*. Moscow, 2007 (in Russian)].
- Ярковая С. С. Проблема раздела вод Инда между Индией и Пакистаном. *Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. История, экономика*. М.: Наука, 1970 [Yarkovaya S. S. Problem of dividing Indus water between India and Pakistan. *Countries of Far East and South-Eastern Asia. History, economics*. Moscow, 1970 (in Russian)].
- Ahmed A. S. *Jinnah, Pakistan and the Islamic Identity. The Search for Saladin*. London and New York, 1997.
- Belokrenitsky V. Ya. *Islam and the State in Pakistan. Russia's Muslim Frontiers. New Directions in Cross-Cultural Analysis*. Ed. D. F. Eickelman. Bloomington and Indianapolis, 1993. Pp. 149–159.

- Burke S. M. *Mainsprings of Indian and Pakistani Foreign Policy*. Minneapolis, 1974.
- Chapman G. P. *The Geopolitics of South Asia. From Early Empires to Nuclear Age*. Farnham: Amazon Kindle Edition, 2009.
- Churchill S. W. *My Early Life 1874–1908*. Glasgow, 1974.
- Collins D. P. Islamization of Pakistani Law. *The Oxford History of India*. 4th edition. Delhi, 1988.
- Hunter W. W. *The Indian Mussulmans*. Reprint. Calcutta, 1975.
- Jalal A. *The Struggle for Pakistan. A Muslim Homeland and Global Politics*. Cambridge (Mass): Amazon Kindle Edition, 2014.
- Malik H. *Soviet-Pakistani Relations and Post-Soviet Dynamics*. London, 1994.
- Muni S. D., Muni A. *Regional Cooperation in South Asia*. New Delhi, 1984.
- Quaid-i-Azam M. A. Jinnah. *Speeches as Governor-General of Pakistan, 1947–1948*. Karachi, s. a.

Электронные издания/Electronic sources

- Ali S. M. Is Pakistan a victim of debt diplomacy. The Express tribune, June 09, 2023//tribune.com.pk/story/2420784/is-pakistan-a-victim-of-debt-diplomacy (дата обращения: 09.06.2023).
- Rahmat Ali C. Now Or Never. Are We to Live or Perish for Ever? Pamphlet dated 28th January 1933 [http://www.columbia.edu/etc/mealac/pritchett//islamlinks/txt-rahnatal] (дата обращения: 05.03.2015).
- Reuters. IMF board approves critical 3 bn loan for Pakistan. Dawn, July 12, 2023//dawn.com/news/1764298/imf-board-approves-critical-3bn-loan-for-pakistan (дата обращения: 12.07.2023).
- Reuters. Pakistan, IMF reach staff-level pact on crucial \$3 billion bailout. The Express Tribune, June 30, 2023 //tribune.com.pk/story/2424156/pakistan-imf-reach-staff-level — pact-on-crucial-3illiom-baiout (дата обращения: 30.06.2023).

ПАКИСТАН — ИНДИЯ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ (2018 – 2023 гг.)

© 2023

Н. А. Замараева¹

Автор статьи вышел за рамки анализа традиционных двусторонних отношений Пакистана и Индии, сфокусировав внимание на противостоянии стран на региональном и международном уровнях. Усиливается борьба за влияние в регионе, за рынки сбыта продукции, выгодные многомиллиардные коммерческие проекты, увеличение квот на рабочую силу, в частности со странами Персидского залива и т. д. Не будучи исламским государством, Индия укрепляет позиции в Организации исламского сотрудничества. Вывод войск США/НАТО из Кабула в августе 2021 г. также оказал влияние на афганский вектор внешней политики стран. Антиталибский кейс (2001–2021 гг.) внешнеполитического ведомства Индии потерпел крах. Но опасность потери афганского и, как следствие, вероятные логистические вызовы сотрудничества с центральноазиатскими государствами убедили Нью-Дели пересмотреть подходы к власти Движения Талибан (ДТ). Пакистан, наоборот, приветствовал возвращение ДТ во власть. Однако его жесткая политика по отношению к террористической организации Движение Талибан Пакистана (ДТП), которая проводит теракты во внутренних районах Пакистана, базируясь в Афганистане, ослабила пакистано-афганские отношения. Правительство премьер-министра Нарендры Модии с приходом к власти в 2014 г. характеризует Пакистан террористическим государством; отказывается от двусторонних переговоров и сотрудничества в «малых» региональных организациях, в частности, Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК) с 2016 г., и, как следствие, парализовало ее работу. Исламабад остро заинтересован в увеличении объемов экспорта отечественной продукции в страны региона, притоке иностранной валюты, в первую очередь для сохранения валютных резервов, учитывая глубокий экономический кризис. Но логистически Пакистан остается «отрезанным» территорией Индии от государств Юго-Восточной Азии. Продвигая тезис «террористического государства», Нью-Дели наставлял на переводе Исламабада в «черный список» Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма. (Пакистан включен в «серый» список в 2018 г.). Результатом последовавших санкций стало в первую очередь понижение инвестиционного рейтинга страны, что ударило по ее бизнесу. Нью-Дели не отказался от своей позиции даже в день снятия санкций с Пакистана в сентябре 2022 г. Индия продолжает курс на сдерживание торгово-экономических связей Пакистана в регионе.

Ключевые слова: Пакистан, Афганистан, Индия, региональное противостояние, Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК), Организация исламского сотрудничества, Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма, пакистано-индийские отношения

Для цитирования: Замараева Н. А. Пакистан – Индия: региональное противостояние (2018–2023 гг.). Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 4. С. 237–249. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-237-249

¹ Замараева Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; olunja@mail.ru

Natalia A. Zamaraeva, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; olunja@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2457-0000

PAKISTAN — INDIA: REGIONAL CONFRONTATION (2018–2023)**Natalia A. Zamaraeva**

The author of the article went beyond the analysis of the traditional bilateral relations between Pakistan and India, focusing on the confrontation of these countries at the regional and international levels. The struggle for influence in the region, for sales markets, for profitable multibillion-dollar commercial projects, for increasing labor quotas, in particular with the Gulf countries, is intensifying. Not being an Islamic state, India is strengthening its position in the Organization of Islamic Cooperation. The withdrawal of US/NATO troops from Kabul in August 2021 also had an impact on the Afghan vector of the countries' foreign policy. The Anti-Taliban case (2001–2021) of the Indian Foreign Ministry has failed. But the danger of losing the Afghan, and as a result, the likely logistical challenges of cooperation with the Central Asian states, convinced New Delhi to reconsider the approaches the Afghan Taliban. Pakistan welcomed its return to power. However, his tough policy towards the terrorist organization the Tehreek-e-Taliban Pakistan (TTP) was the challenge for Pakistani-Afghan relations, which India took advantage of. The government of Prime minister Narendra Modi, since coming to power in 2014, characterizes Pakistan as a terrorist state; and refuses bilateral negotiations and cooperation in «small» regional organizations, in particular with the South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC) starting from 2016. It paralyzed the activity of this organization. But the Pakistani economy is facing the deepest economic crisis, that is why is interested in the increasing the volume of export of domestic products in region, and an influx of foreign currency, primarily to safe foreign exchange reserves. Logistically, Pakistan is 'cut off' by the territory of India from the states of South East Asia. Continuing the theme of the 'terrorist state', New Delhi (Pakistan has been in the 'grey' list in 2018) insisted on the transfer of Islamabad to the 'black list' of the Financial Action Task Force on Money Laundering and Terrorist Financing (FATF). The result of the subsequent sanctions was, first of all, the downgrading of the country's investment rate, which hurt the country's business. New Delhi did not abandon its position even on the day the sanctions were lifted from Pakistan in September 2022. It is difficult to admit, but India's tendencies towards political isolation and measures indirectly aimed at curbing Pakistan's trade and economic ties in the region are evident.

Keywords: Pakistan, Afghanistan, India, regional confrontation, South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC), Organization of Islamic Cooperation, Financial Action Task Force on Money Laundering and Terrorist Financing, Pakistani-Indian relations

For citation: Zamaraeva N. A. Pakistan – India: Regional Confrontation (2018–2023). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 237–249. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-237-249

Затяжное двустороннее противостояние Индии и Пакистана с годами не ослабевает. Исламабад не отказывается от диалога на условиях отмены законодательных актов 5 августа 2019 г., в частности, отмены статьи 370 Конституции Республики Индия. Пакистанская сторона отстаивает позицию, согласно которой Джамму и Кашмир является международно признанной спорной территорией, окончательное решение по которой должно быть принято в соответствии с резолюциями Организации Объединенных Наций и волеизъявлением народа Кашмира. Нью-Дели продолжает политику изоляции соседней страны на международной арене.

Напряженность в двусторонних отношениях не ограничивается только Кашмирским спором и «педалируется» в ряде других вопросов:

- укрепление позиций сторон в Афганистане,
- включение/ выход Пакистана из «серого» списка Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма (в научной литературе — FATF, 2018–2022 гг.);

- борьба за транспортно-логистические маршруты (иранский порт Чабахар, пакистанский порт Гвадар);
- «блокировка» деятельности Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК);
- различие позиций по китайской инициативе «Пояс и Пути» (на примере Китайско-пакистанского экономического коридора);
- критика Пакистаном поддержки США полноправного членства Индии в Группе ядерных поставщиков (ГЯП);
- укрепление позиций Индии в Организации исламского сотрудничества;
- возобновление дипломатических отношений Индии с рядом государств Персидского залива;
- четырехсторонний стратегический диалог между США, Австралией, Индией и Японией (QUAD) и т. д.

Региональная перестройка альянсов последних лет, а также внутривластные социально-экономические вызовы поставили Пакистан перед необходимостью сбалансировать отношения на международной арене в новых геостратегических реалиях.

Напряженность в пакистано-индийских отношениях не ослабевает на протяжении 75 лет, со дня образования Исламской Республики Пакистан в августе 1947 г. (с краткими периодами урегулирования) [Капин, 2022, с. 13–27]. Пакистано-индийские отношения остаются на низком уровне. В 2019 г. генерал К. Баджва, начальник штаба сухопутных войск связывал внешние вызовы с угрозой, исходящей от Индии, и связями между Индией и США, которые укреплялись в регионе. В 2019 г. Индия и Пакистан впервые «понижили уровень дипломатических отношений» и не проводили двусторонних переговоров после февральского 2019 г. мини-военного кризиса.

В 2023 г. пакистанское правительство премьер-министра Шехбаза Шарифа сделало несколько заявлений о необходимости возобновления диалога — диалога нетрадиционного, т. е. не между представителями военных ведомств, а иного уровня, дипломатического, или между бизнес-сообществами, или между журналистами. Учитывая позицию Индии, а именно отказ от переговоров, Исламабад не исключал возможность привлекать «внешних игроков», таких как США и Европейский Союз, с целью убедить Индию согласиться на встречу. В качестве дополнительных весомых причин двустороннего сотрудничества — экономическая и социально-политическая нестабильность в Пакистане, которая, по мнению пакистанской стороны, может перекинуться в Индию и наоборот [Aijazuddin, 2018].

Динамика внешнеполитического курса Исламабада связана, на наш взгляд, с несколькими основными мировыми, двусторонними пакистано-индийскими и внутривластными факторами:

- длительное «замораживание» пакистано-индийских отношений всех уровней, включая торгово-экономические связи, что, как заявляют обе стороны, тормозит развитие региона;
- усиление террористической угрозы, исходящей со стороны группировок боевиков, базирующихся в Афганистане;
- смена власти в Пакистане. МИД Пакистана в апреле 2022 г. возглавил Биравал Бхутто-Зардари, сопредседатель Пакистанской народной партии (ПНП). В 2023 г. молодой 35-летний дипломат позиционировал себя политической фигурой на общенациональной арене. Он получил поддержку со стороны сильной команды, однопартийцев Шерри Рехман (бывший посол Пакистана в США в 2011–2013 гг.), Хины Раббани

Хан (министр иностранных дел Пакистана (2011–2013 гг.)), которая с апреля 2022 г. занимает пост государственного министра иностранных дел. В 2011–2013 гг. именно под ее началом МИД страны инициировал подписание ряда соглашений с Нью-Дели, не затрагивая вопросы Кашмира, Линии контроля и т.д.²

Крупный бизнес Пакистана поддерживал оживление торговли с Индией, призывая правительство премьер-министра Шехбаз Шарифа пересмотреть решение об отказе от переговоров, отделить торговлю от геополитических споров. Экономический кризис, высокая инфляция в Пакистане заставляют пересмотреть подходы. Исламабад имеет возможность импортировать из Индии широкую линейку товаров, от продуктов питания до фармацевтических препаратов и по гораздо более низким ценам, чем из другой страны. Бизнес призывает власти продолжать отстаивать принципиальные национальные интересы страны, однако разногласия с Нью-Дели не должны тормозить торгово-экономические связи.

Пакистано-индийские отношения зачастую отражают противоречия между генералитетом и гражданскими властями Пакистана. Например, в 2017 г. индийский вектор внешней политики Пакистана был одним из основных источников напряженности военного истеблишмента и гражданской администрации. Придя к власти в 2013 г., тогдашний премьер-министр Наваз Шариф оптимистично пытался улучшить двусторонние отношения с Индией и установить тесные личные контакты с премьер-министром Индии Нарендрой Модой, который, в свою очередь, никогда серьезно не отвечал взаимностью инициативам Н. Шарифа [Акимов, 2022, с. 80–91].

Первый «удар» он получил в 2016 г., когда Индия проголосовала против проведения очередного саммита Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК), председательство в котором по регламенту организации переходило к Исламабаду. В сентябре 2018 г. избранный премьер-министр Пакистана Имран Хан направил предложение главе кабинета министров Индии Н. Моды о проведении саммита СААРК в Исламабаде. И Индия вновь отклонила предложение. «Блокировка» Нью-Дели работы СААРК продолжается до настоящего времени. И, как результат, заметно снизились торгово-экономические связи Пакистана со странами Южной Азии³.

Кашмирский кризис остается одним из затяжных в новейшей истории. Базовые позиции сторон не претерпели изменений: Исламабад настаивает на международном характере конфликта, увязывает мир и стабильность в регионе с его урегулированием; Нью-Дели подчеркивает «конфликт» двух соседних стран⁴. С годами он не только не ослабевает, но бросает новые вызовы.

Мини-военный кризис в феврале 2019 г. породил новый виток напряженности. Индийские ВВС нанесли авиаудары по пакистанскому Балакоту⁵; в августе парламент Индии законодательно отменил статьи 370 и 35А Конституции страны, что означало отмену особого статуса контролируемой Индией части Джамму и Кашмира. Эта территория ранее законодательно была включена в юрисдикцию Республики Индия [Hali, 2019]. Исламабад отреагировал понижением дипломатического статуса Нью-Дели. Очередной виток напряженности в двусторонних отношениях последовал после издания Индией новых географических карт.

² Looking east. Dawn. 13.06.2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1759493/looking-east> (дата обращения: 11.08.2023).

³ India rejects Saarc conference in Islamabad. *The News*. 21.09.2018. URL: <https://www.thenews.com.pk/print/371280-india-rejects-saarc-conference-in-islamabad> (дата обращения: 19.08.2023).

⁴ India rejects Chinese FM's remarks on occupied Kashmir at OIC moot. *Dawn*. 24.03.2022. URL: <https://www.dawn.com/news/1681602/india-rejects-chinese-fms-remarks-on-occupied-kashmir-at-oic-moot> (дата обращения: 19.08.2023).

⁵ Press release. *Ministry of External Affairs*. Pakistan demarched on the act of aggression against India. 27.02.2019. URL: https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/31100/Pakistan_demarched_on_the_act_of_aggression_against_India (дата обращения: 11.08.2023).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО ИНДИИ В ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПОЗИЦИЯ ПАКИСТАНА

В сентябре 2022 г. Индия приняла председательство в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и разослала всем восьми членам официальные приглашения, включая Пакистан и Китай. Пакистан принял приглашение, направленное Индией через Верховную комиссию в Исламабаде, которое было первым более чем за десятилетие. Индия официально пригласила министра иностранных дел Билавала Бхутто-Зардари и главного судью Пакистана Умара Ата Бандиала принять участие во встрече министров иностранных дел и главных судей Шанхайской организации сотрудничества, запланированной на май 2023 г. в Гоа [Guramani, 2023]. До этого Пакистан отказался участвовать в кинофестивале ШОС, организованном Индией в Мумбаи в январе 2023 г.

Позднее, в феврале 2023 г. премьер-министр Шехбаз Шариф обратился к премьер-министру Н. Моди с предложением провести переговоры для решения двусторонних проблем, в том числе Кашмира. Лидеры Объединенных Арабских Эмиратов согласились выступить посредниками. Однако днем позже канцелярия премьер-министра в Исламабаде уточнила, что переговоры с Индией могут состояться только после того, как страна отменит свои «незаконные действия от 5 августа 2019 г.», цель которых — незаконное изменение демографии контролируемой Индией части Кашмира.

Индия, одновременно председательствуя с 1 декабря 2022 г. в G20, весной 2023 г. приняла решение провести саммит по туризму стран-участниц организации с 22 по 24 мая 2023 г. в Шринагаре, административном центре контролируемой Индией части Кашмира. Это было первое глобальное мероприятие, организованное Индией на спорной территории с тех пор, как в августе 2019 г. она аннулировала особый статус контролируемой части Кашмира. Исламабад отверг предложение Индии провести встречу рабочей группы G20 по туризму в Шринагаре. Проведение мероприятия ставило цель «... создать впечатление, что Кашмир больше не является горячей точкой»⁶.

Несколько стран, включая Китай, Саудовскую Аравию, Турецкую Республику, Арабскую Республику Египет и Султанат Оман, выступили против проведения любых встреч G20 на международно признанной спорной территории, и отказались от участия в мероприятии⁷. Пакистан расценил их позицию как дипломатическую победу в регионе.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИСЛАМСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ПОЗИЦИЯ ИНДИИ

Противостояние Пакистана и Индии не ограничивается только Кашмирским спором и транслируется на ряд других областей, например, укрепление позиций Индии в Организации исламского сотрудничества. В марте 2019 г. шейх Абдулла бен Заид Аль Нахайян Объединенных Арабских Эмиратов на правах организатора саммита пригласил министра иностранных дел Индии С. Свараджа в качестве почетного гостя. Исламабад пытался убедить отозвать приглашение. Однако руководство организации в силу разных причин не изменило своего решения.

⁶ IPS Seminar: Islamabad. Boycotting the Srinagar G-20 summit, prompted by Pakistan's proactive. diplomacy. *Institute of Policy Studies*. 30.05.2023. URL: <https://www.ips.org.pk/boycotting-the-srinagar-g-20-summit-prompted-by-pakistans-proactive-diplomacy/> (дата обращения: 20.07.2023).

⁷ Press release. *Ministry for foreign affairs*. Pakistan categorically rejects India's move to host the meeting of the G-20 Tourism Working Group in Srinagar on 22–24 May 2023. 25.05.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/pakistan-rejects-indias-move-to-host-the-meeting-of-the-g-20-tourism-working-group-in-srinagar-on-22-24-may-2023/> (дата обращения: 19.07.2023).

Индия, не будучи членом ОИС, участвовала в работе саммита. С момента создания в 1969 г. ОИС никогда не считалась проиндийской. Присутствие Нью-Дели, не члена ОИС, вызвало негативную реакцию Исламабада. В знак протеста Пакистан бойкотировал 46-ю сессию организации. Участие Нью-Дели в саммите демонстрировало его растущее влияние в мусульманском мире. Толчком к активизации отношений Нью-Дели с арабскими странами и странами Персидского залива стала стартовавшая еще в 2005 г. политика премьер-министра Индии Манмохана Сингха «Взгляд на Запад».

Укрепление Индией позиций в Организации исламского сотрудничества дало толчок наряду с другими мероприятиями возобновлению ее дипломатических отношений с рядом государств Персидского залива (ОАЭ, КСА и т. д.). ОИС выступила одной из первых с предложением посредничества после мини-военного столкновения ВВС Пакистана и Индии с целью снижения напряженности между странами. Однако в февральской 2019 г. Декларации 46-й сессии Совета министров иностранных дел государств-членов ОИС не упоминался ни Кашмирский спор, ни осуждение авиаударов индийских ВВС. В заключительной резолюции ОИС назвала позитивной инициативу, предпринятую премьер-министром Пакистана И. Ханом, о передаче индийского пилота в качестве жеста доброй воли для ослабления напряженности в регионе⁸.

Индия сумела на дипломатическом уровне оказать влияние на членов ОИС и взять курс к постоянному членству в организации. В марте 2019 г. Алжир, Бангладеш, Индонезия и Сирия поддержали ее в этом стремлении; другие — Марокко, Узбекистан, Казахстан и Кувейт, будучи экономическими и политическими партнерами Нью-Дели, не возражали против ее постоянного членства [Khalid, 2019]. Курс на расширение экономического сотрудничества, связей в области обороны (включая совместные военно-морские учения) способствовал тому, что в настоящее время на регион стран Персидского залива приходится 12,98% от общего объема экспорта Индии, и примерно такой же объем товаров и услуг — 13,76% Индия импортирует из стран залива.

Особое значение для Нью-Дели имеет импорт углеводородов. Например, Королевство Саудовская Аравия поставляет около 20% требуемых объемов сырой нефти для внутреннего потребления Индии [Дерюгина, 2022, с. 67–79]. Иными словами, вносит значительный вклад в сектор энергетической безопасности⁹. Именно Индия, а не традиционный торговый партнер Пакистан, подписала в марте 2022 г. Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве между правительством Республики Индия и правительством Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ)¹⁰.

Страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) предложили Исламабаду огромный потенциал во многих областях, включая инфраструктуру, продовольствие и услуги. В программных документах Бахрейна, Катара, Кувейта, Омана и Саудовской Аравии говорится, что они планируют построить новую инфраструктуру в Пакистане [Rama, 2022].

На фоне последовательного развития торгово-экономических отношений Пакистан, раздираемый экономическим кризисом, вновь обратился к ОАЭ за финансовой помощью. Фонд

⁸ Abu Dhabi Declaration: 46th session of Council of Foreign Minister of the Organisation of Islamic Cooperation. *Gulf News*. 02.03.2019. URL: <https://gulfnews.com/uae/government/abu-dhabi-declaration-46th-session-of-council-of-foreign-minister-of-the-organisation-of-islamic-cooperation-1.1551555952948> (дата обращения: 18.08.2023).

⁹ India is far ahead than Pakistan in trade with S Arabia. *The News*. 19.02.2019. URL: <https://www.thenews.com.pk/print/433646-india-is-far-ahead-than-pakistan-in-trade-with-s-arabia> (дата обращения: 05.07.2023).

¹⁰ Press release. India-UAE Comprehensive Economic Partnership Agreement (CEPA) enters into force. *Ministry of Commerce & Industry*. 01.05.2022. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1821785> (дата обращения: 15.07.2023).

развития Абу-Даби пролонгировал депозит в размере более 2 млрд долл. в Центробанке Пакистана, который Исламабад получил уже в марте 2023 г., а также предоставил дополнительный кредит в размере 1 млрд долл. еще в январе 2023 г. Кредит получен в период, когда резервы Центробанка в Исламабаде упали до критического уровня в 4,34 млрд долл. Пакистан переживал глубокий финансовый кризис, валютные резервы быстро сокращались, что вызывало опасения дефолта¹¹.

Пакистан получил одобрение на финансирование в размере 2 млрд долл. и от давнего партнера, Саудовской Аравии, что было крайне важно для Исламабада. Международный валютный фонд (МВФ) поставил Пакистану условие добиться финансовой поддержки в сумме 3 млрд долл. от других стран для возобновления пакета помощи в размере 6,5 млрд долл. И только после подписания соглашения с саудитами (2 млрд долл. в качестве внешней финансовой поддержки) МВФ перевел очередной транш Пакистану¹².

Острая конкуренция прослеживается между Индией и Пакистаном за рынок рабочей силы в странах Персидского залива; и главным в этой борьбе остаются объемы денежных переводов трудовых мигрантов на родину. И если пакистанцы посылают в год около шести млрд долл. из Саудовской Аравии, то индийцы практически в два раза больше — 10,5 млрд долл. Власти Пакистана осознают, что заранее проигрывают схватку «квалифицированных кадров», учитывая низкий образовательный уровень в стране. В Саудовской Аравии трудятся немногим более 2 млн пакистанцев, а индийская община насчитывает около 2,7 млн человек. Общий объем денежных переводов Пакистана из-за границы составляет около 20 млрд долл., тогда как Индия получает 80 млрд долл. в год в виде денежных переводов [Khalid, 2019].

Растущая экономика Пакистана требует больших объемов импортного сырья, в то время как экспорт пакистанских товаров сталкивается с трудностями, иными словами — не поспевает за темпами экономического роста. В результате страна финансирует свой торговый дефицит за счет денежных переводов или краткосрочных заимствований. Денежные переводы, отправленные пакистанскими мигрантами, работающими за рубежом, сократились в годовом исчислении до \$2,1 млрд в мае 2023 г. Государственный банк Пакистана подтвердил, что страна потеряла 3,7 млрд долл. денежных переводов за первые 11 месяцев 2022–2023 финансового года в основном из-за увеличивающегося разрыва обменного курса [Iqbal, 2023].

Одну из причин снижения денежных переводов власти видят в росте объемов теневого рынка в Пакистане, практически вытеснившего обменные компании. Правительство не принимало достаточных мер по ограничению растущей роли теневого рынка, который предлагал на 20 рупий выше за доллар, чем курс банковского рынка. Биржевые компании столкнулись с нехваткой американской валюты, поэтому ее цена выросла на открытом рынке, приблизившись к курсу серого рынка. Государственный банк разрешил импортерам оплачивать в долларах. Импортеры устремились к серому рынку, что еще больше укрепило его. Самый большой приток денежных переводов был из Саудовской Аравии, но и он сократился на 16,3% — до 5,924 млрд долл. Второй по объему приток был зафиксирован из ОАЭ — он составил около 4,321 млрд долл., но также показал снижение на 19,2% [Iqbal, 2023].

Пакистан обеспокоен растущим влиянием Индии в монархиях Персидского залива и опасается, что внимание к проблеме Кашмира в дальнейшем будет только ослабевать. Подписанное

¹¹ UAE rolls over \$2bn loan, confirms Dar. *Dawn*. 19.01.2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1732466/uae-rolls-over-2bn-loan-confirms-dar> (дата обращения: 22.07.2023).

¹² Pakistan gets Saudis' 'green signal' for \$2b funding. *The Express Tribune*. 06.04.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2410233/pakistan-gets-saudis-green-signal-for-2b-funding> (дата обращения: 04.07.2023).

еще в феврале 2018 г. соглашение с Оманом, согласно которому ВМС Индии разрешалось использовать порт Дукм (преимущество для ВМС Индии в Аравийском море и Индийском океане), и решение Саудовской Аравии разрешить Air India совершать полеты в Израиль через воздушное пространство королевства — также важные победы Индии в странах Персидского залива [Chaudary, 2018].

В этом нельзя видеть только успехи дипломатов и военных Индии. В 2014 г. отказ парламентариев Пакистана под давлением военного истеблишмента направить подразделения федеральной армии в Саудовскую Аравию и оказать военную поддержку в кампании против хуситов Йемена резко подорвал доверие монархии. Ситуация была урегулирована. Более того, в том же 2014 г. Эр-Рияд выделил Пакистану грант в размере 1,5 млрд долл. для решения проблемы платежного баланса. Позднее, в годы правления премьер-министра Имран Хана, КСА вновь, вскоре после дипломатического выпада Пакистана против Эр-Рияда, предоставила кредит в размере 3 млрд долл. для выхода из экономического кризиса.

Связи между Пакистаном и Саудовской Аравией достигли нового максимума благодаря повторным инвестициям Эр-Рияда в размере 20 млрд долл., в том числе 10 млрд долл. в нефтеперерабатывающий и нефтехимический комплекс в порту Гвадар. Работы застопорились в силу разных причин. Но несколькими месяцами позднее Индия и Саудовская Аравия подписали Соглашение о строительстве нефтеперерабатывающего завода в Западной Индии стоимостью 44 млрд долл.

Самым болезненным для Пакистана стал первый визит в Индию командующего сухопутными войсками Королевства Саудовская Аравия генерал-лейтенанта Фахда Бен Абдаллы Мохаммед Аль-Мутаира в феврале 2022 г. Пресс-релиз Министерства обороны Индии подчеркивал «углубление двустороннего сотрудничества в области обороны» между двумя странами и перспективы дальнейшего его укрепления. Так называемая «Оборонная дипломатия», которая заявила о себе как об одном из основных принципов двусторонних отношений, разрушала некогда прочное военное, военно-техническое сотрудничество Пакистана со многими ближневосточными монархиями. Пакистан в 1960–1970-х гг. XX в. формировал, наставлял, обучал военнотружущих государств Персидского залива, включая Саудовскую Аравию¹³.

БОРЬБА ИНДИИ И ПАКИСТАНА ЗА ВЛИЯНИЕ НА АФГАНИСТАН

Афганистан — страна, за влияние на правящие элиты которой Индия и Пакистан борются на протяжении последней четверти века. 2001–2021 гг. — двадцать лет Нью-Дели укреплял позиции, тесно сотрудничая с администрациями президентов Х. Карзая и А. Гани. По различным оценкам, сумма индийских инвестиций в ее экономику достигала 3 млрд долл. Деньги вкладывались в энергетические проекты, строительство плотин, дорог; обучение афганской армии, военно-воздушных сил и полиции.

Несостоятельность внутриафганского диалога после подписания соглашения США — Движение Талибан в феврале 2019 г. убедила Индию инициировать запоздалые попытки связаться с талибами ради спасения своих интересов в этой стране. Индия была вынуждена пересмотреть собственную политику в отношении западного соседа после возвращения талибов

¹³ Press release. *Ministry of Defence*. Historic Visit of Lieutenant General Fahd Bin Abdullah Mohammed Al-Mutair, Commander Royal Saudi Land Forces To India. 15.03.2022. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1798511> (дата обращения: 15.08.2023).

к власти в августе 2021 г. Правительство премьер-министра Н. Модии подверглось резкой критике за этот шаг.

Представлялось, что вывод коалиционных войск США/НАТО из Кабула в августе 2021 г. принципиально изменил ситуацию на долгие годы. Однако в настоящее время в силу разных причин Временное правительство Исламского эмирата Афганистан (ИЭА) постепенно восстанавливает связи с Нью-Дели, который еще осенью 2021 г. направил сюда 20 000 тонн пшеницы, 13 тонн медикаментов, 500 000 доз вакцины против Covid и зимнюю одежду. В добавление к гуманитарно-медицинской индийской помощи Афганистан получил большие объемы продовольственных товаров. Одновременно Индия передала Ирану один миллион доз «Коваксина» индийского производства в рамках борьбы с Covid-19 для афганских беженцев в Иране. Гуманитарная помощь получила широкое признание в афганском обществе¹⁴. Исламабад вновь резко критиковал Индию, которая, по его мнению, «...использует Афганистан в качестве союзника, чтобы окружить Пакистан и угрожать безопасности с двух фронтов...», а также подрывает экономические связи, так как Кабул согласился предоставить доступ Индии в Среднюю Азию [Akram, 2021].

Позднее Индия «вернулась» к реализации незначительных инфраструктурных проектов, продолжала оказывать гуманитарную помощь, усилила активность в образовательном секторе. Индия продолжила укреплять связи с властями ИЭА, несмотря на просчеты в прежние годы; умело воспользовалась резким ухудшением пакистано-афганских отношений из-за разногласий позиций по Движению Талибан Пакистана (ДТП), признанному в Пакистане террористической организацией.

В марте 2023 г. внешнеполитические ведомства в Кабуле и Нью-Дели подписали соглашения о подготовке в Индии дипломатов-сотрудников МИД Исламского эмирата Афганистан. Афганский институт дипломатии при Временной администрации талибов обнародовал Меморандум с просьбой к официальным лицам принять участие в рамках программ Индийского технического и экономического сотрудничества (Indian Technical and Economic Cooperation (ITEC)). Курс под названием «Погружение в индийские мысли: программа погружения в Индию для межотраслевых иностранных делегатов» был направлен на ознакомление участникам. Из 20 зачисленных слушателей 18 приглашены из Афганистана.

САНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА США В РЕГИОНЕ И ИСКЛЮЧЕНИЯ ДЛЯ ИНДИИ

На протяжении многих лет Индия полагалась на поддержку ведущих держав, в первую очередь в вопросах безопасности для достижения своих целей в регионе; участвовала во многих международных форумах, например, Московском формате. США со своей стороны сделали для Индии исключение в своей санкционной антииранской политике. Исключение, объявленное госсекретарем США Майком Помпео 6 ноября 2018 г., касалось строительства индийскими кампаниями железнодорожной линии от морского порта Чабатар (на юге Ирана) через территорию страны на север, к границе с Афганистаном. Это соглашение ставило целью дальнейшее развитие торгово-экономических связей Афганистана и Индии¹⁵.

¹⁴ Press Release. *Ministry of External Affairs*. India's humanitarian assistance to Afghanistan. 02.06.2022. URL: <https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/35381/Indias+humanitarian+assistance+to+Afghanistan> (дата обращения: 13.07.2023).

¹⁵ Friendship with India: US exempts Chabahar port from sanctions. *The News*. 08.11.2018. URL: <https://www.thenews.com.pk/print/390970-friendship-with-india-us-exempts-chabahar-port-from-sanctions> (дата обращения: 23.07.2023).

Позиция Индии за включение Пакистана в «черный» список Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма

Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма (ФАТФ), глобальное мониторинговое агентство, трижды с 2007 г. включало Пакистан в «серый список». 28 июня 2018 г. Индия, США, Франция и ряд других стран проголосовали за листинг Исламабада в «серый» список [Wasim, 2018]. Это означало, что финансовый надзорный орган вправе применить меры контроля за финансовой, правоохранительной, законодательной и т. д. деятельностью Пакистана до тех пор, пока не будет удовлетворен мерами, принятыми для сдерживания финансирования терроризма и отмывания денег¹⁶.

В пакистанском обществе доминировало мнение, что главный политический соперник Пакистана — Индия делала все, чтобы перевести его в «черный список» [Iqbal, 2021]. Пакистан в июне 2018 г. взял политическое обязательство сотрудничать с глобальным надзорным органом с целью устранения стратегических недостатков, связанных с финансированием терроризма. Со временем страна добилась значительного прогресса в рамках разработанного Всеобъемлющего плана действий, выполнив политическое обязательство. В 2022 г. Исламабад был вычеркнут из «серого» списка юрисдикций, находившихся под усиленным наблюдением, с немедленным вступлением в силу. Индия голосовала против [Rana, 2021].

Постоянное место в Совете Безопасности ООН и членство в Группе ядерных поставщиков (ГЯП) — такие цели давно стоят в повестке дня Индии. В условиях международной безопасности обсуждение членства в ГЯП — неотложная проблема для азиатских государств. США лоббировали и оказывали давление, в частности на Китай, с целью принять Индию в Ядерный клуб. Со своей стороны, Нью-Дели исключил необходимость присоединения к Договору о нераспространении (ДНЯО).

В случае признания Индией статуса ядерного государства, она незамедлительно берет обязательства соответствовать стандартам ГЯП, что, в свою очередь предполагает, переговоры и с Китаем, и Пакистаном по ядерной тематике. Напомним, что испытания ядерных устройств Индия и Пакистан провели в 1998 г. Вступление Нью-Дели в ГЯП подтолкнет Исламабад к развитию соответствующей инфраструктуры и промышленности на десятилетия вперед. Это влечет за собой серьезные последствия для национальной безопасности, экономического и промышленного развития и Индии, и Пакистана. Исламабад подтвердил приверженность целям нераспространения и контроля за экспортом ядерных и имеющих отношение к ядерной деятельности материалов и технологий и подчеркнул недопустимость какого-либо исключения для членства (вступление в ГЯП новых членов) в Группу ядерных поставщиков¹⁷.

Региональная перестройка альянсов последних лет, а также внутривнутриполитические социально-экономические вызовы поставили Пакистан в ситуацию, когда он должен сбалансировать отношения на международной арене, не восстанавливая статус отношений с Индией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Национальная ассамблея Пакистана (нижняя палата парламента), пятилетний мандат которой истек, распущена в августе 2023 г. Присягу на верность Конституции 10 августа 2023 г.

¹⁶ United Nations International Convention the Suppression of the Financing of Terrorism. United Nations Office on Drugs and Crime. 09.12.1999 URL: <https://treaties.un.org/doc/db/terrorism/english-18-11.pdf> (дата обращения: 23.07.2023).

¹⁷ Press release. Ministry for Foreign affairs. Two-Day International Seminar on "The Present and Future of Strategic Export Controls" Opens in Islamabad. 09.05.2018. URL: <https://mofa.gov.pk/two-day-international-seminar-on-the-present-and-future-of-strategic-export-controls-opens-in-islamabad/> (дата обращения: 02.08.2023).

принесли члены временного правительства во главе с премьер-министром Анваарулом Какаром. «Кризисные» отношения с Индией отодвинуты на второй план в повестке дня Исламабада в конце 2023 — начале 2024 гг. Страна, во-первых, готовится к всеобщим парламентским выборам и избирательная кампания проходит в условиях жесткой борьбы политических оппонентов; во-вторых, временное правительство продолжает поиски выхода из экономического тупика, в частности, поиски дополнительного финансирования с тем, чтобы избежать дефолта.

Но вопрос взаимоотношений с Индией, одной из крупнейших экономик мира, постоянно транслируется в пакистанском обществе. Представители власти подчеркивают, что демократия в Индии движется к избирательной автократии. Генералитет Пакистана призывает международное сообщество признать жертвы террора в контролируемой Индией части Кашмира, противодействовать демографическим изменениям. Известно, что еще в 2019 г. правительство Индии разработало ряд мер, направленных на снижение численности мусульман в регионе, включая переселение части граждан из внутренних штатов Индии в город Шринагар (административная столица контролируемой Индией части Кашмира). Однако бизнес-сообщество Пакистана выступает за расширение торгово-экономических связей, не поступаясь национальными интересами.

Литература/References

Акимов А. В. 75 лет экономического развития Индии. Сравнение макроэкономических показателей Индии, Великобритании и КНР. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 2. С. 80–91 [Akimov A. V. Results of 75 years of economic development of India: a comparison of macroeconomic indicators of India, Great Britain and China. *Journal of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2022. No. 2. Pp. 80–91 (in Russian)].

Дерюгина И. В. 75 лет развития Индии в зеркале макроэкономической статистики (1947–2022 гг.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 2. С. 67–79 [Deryugina I. V. 75 Years of India's development in the mirror of macroeconomic statistics (1947–2022). *Journal of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2022. No. 2. Pp. 67–79 (in Russian)].

Кашин В. П. Свобода в полночь и ее цена. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 2. С. 13–27 [Kashin V. P. India: Freedom at Midnight and Its Price. *Journal of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2022. No. 2. Pp. 13–27 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic resources

Abu Dhabi Declaration: 46th session of Council of Foreign Minister of the Organisation of Islamic Cooperation. *Gulf News*. 02.03.2019. URL: <https://gulfnews.com/uae/government/abu-dhabi-declaration-46th-session-of-council-of-foreign-minister-of-the-organisation-of-islamic-cooperation-1.1551555952948> (дата обращения: 18.08.2023).

Aijazuddin F. S. Poetic diplomacy. *Dawn*. 06.09.2018. URL: <https://www.dawn.com/news/1431268> (дата обращения: 03.08.2023).

Akram Z. Ambassador (R). India's Afghan Strategy. *Hilal*. 05.10.2021. URL: <https://www.hilal.gov.pk/eng-article/detail/NTUyMg==.html> (дата обращения: 23.07.2023).

Chaudary N. Pakistani troops for Saudi Arabia. *The Nation*. 12.03.2018. URL: <https://nation.com.pk/12-Mar-2018/pakistani-troops-for-saudi-arabia> (дата обращения: 15.08.2023).

Friendship with India: US exempts Chabahar port from sanctions. *The News*. 08.11.2018. URL: <https://www.thenews.com.pk/print/390970-friendship-with-india-us-exempts-chabahar-port-from-sanctions> (дата обращения: 23.07.2023).

Guramani N. No backchannel diplomacy between Pakistan and India: *Khar*. 26.01.2023. Dawn. URL: <https://www.dawn.com/news/1733715/no-backchannel-diplomacy-between-pakistan-and-india-khar> (дата обращения: 21.07.2023).

Hali S. M. Hindutva as a Government. *Hilal*. 18.07.2019. URL: <https://www.hilal.gov.pk/eng-article/hindutva-as-a-government/MzUxMQ==.html> (дата обращения: 15.08.2023).

Iqbal Sh. Pakistan lost \$3.7bn in remittances. *Dawn*. 14.06.2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1759602/pakistan-lost-37bn-in-remittances> (дата обращения: 15.08.2023).

Iqbal A. US notes Islamabad's efforts to meet FATF demands. *Dawn*. 17.12.2021. URL: <https://www.dawn.com/news/1664285/us-notes-islamabads-efforts-to-meet-fatf-demands> (дата обращения: 03.08.2023).

India is far ahead than Pakistan in trade with S Arabia. *The News*. 19.02.2019. URL: <https://www.thenews.com.pk/print/433646-india-is-far-ahead-than-pakistan-in-trade-with-s-arabia> (дата обращения: 05.07.2023).

India rejects Chinese FM's remarks on occupied Kashmir at OIC moot. *Dawn*. 24.03.2022. URL: <https://www.dawn.com/news/1681602/india-rejects-chinese-fms-remarks-on-occupied-kashmir-at-oic-moot> (дата обращения: 19.08.2023).

India rejects Saarc conference in Islamabad. *The News*. 21.09.2018. URL: <https://www.thenews.com.pk/print/371280-india-rejects-saarc-conference-in-islamabad> (дата обращения: 19.08.2023).

IPS Seminar: Islamabad. Boycotting the Srinagar G-20 summit, prompted by Pakistan's proactive diplomacy. *Institute of Policy Studies*. 30.05.2023. URL: <https://www.ips.org.pk/boycotting-the-srinagar-g-20-summit-prompted-by-pakistans-proactive-diplomacy/> (дата обращения: 20.07.2023).

Khalid M. India is far ahead than Pakistan in trade with S Arabia. *The News*. 19.02.2019. URL: <https://www.thenews.com.pk/print/433646-india-is-far-ahead-than-pakistan-in-trade-with-s-arabia> (дата обращения: 04.07.2023).

Looking east. *Dawn*. 13.06.2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1759493/looking-east> (дата обращения: 11.08.2023).

Pakistan gets Saudis' 'green signal' for \$2b funding. *The Express Tribune*. 06.04.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2410233/pakistan-gets-saudis-green-signal-for-2b-funding> (дата обращения: 04.07.2023).

Press release. *Ministry for Foreign affairs*. Two-Day International Seminar on "The Present and Future of Strategic Export Controls" Opens in Islamabad. 09.05.2018. URL: <https://mofa.gov.pk/two-day-international-seminar-on-the-present-and-future-of-strategic-export-controls-opens-in-islamabad/> (дата обращения: 02.08.2023).

Press release. *Ministry of Commerce & Industry*. India-UAE Comprehensive Economic Partnership Agreement (CEPA) enters into force. 01.05.2022. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1821785> (дата обращения: 15.07.2023).

Press release. *Ministry of Defence*. Historic Visit of Lieutenant General Fahd Bin Abdullah Mohammed Al-Mutair, Commander Royal Saudi Land Forces To India. 15.03.2022. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1798511> (дата обращения: 15.08.2023).

Press Release. *Ministry of External Affairs*. India's humanitarian assistance to Afghanistan. 02.06.2022. URL: <https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/35381/Indias+humanitarian+assistance+to+Afganis+tan> (дата обращения: 13.07.2023).

Press release. *Ministry of External Affairs*. Pakistan demarched on the act of aggression against India. 27.02.2019. URL: https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/31100/Pakistan_demarched_on_the_act_of_aggression_against_India (дата обращения: 11.08.2023).

Press release. *Ministry for foreign affairs*. Pakistan categorically rejects India's move to host the meeting of the G-20 Tourism Working Group in Srinagar on 22–24 May 2023. 25.05.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/pakistan-rejects-indias-move-to-host-the-meeting-of-the-g-20-tourism-working-group-in-srinagar-on-22-24-may-2023/> (дата обращения: 19.07.2023).

Ramay Sh. A. The Gulf Cooperation Council and Pakistan. *Hilal*. 03.03.2022. URL: <https://www.hilal.gov.pk/eng-article/detail/NTk2NQ==.html> (дата обращения: 22.07.2023).

Rana Sh. Pakistan not yet off the FATF hook. *The Express Tribune*. 21.10.2021. URL: <https://tribune.com.pk/story/2325759/pakistan-not-yet-off-the-fatf-hook> (дата обращения: 04.08.2023).

UAE rolls over \$2bn loan, confirms Dar. *Dawn*. 19.01.2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1732466/uae-rolls-over-2bn-loan-confirms-dar> (дата обращения: 22.07.2023).

United Nations International Convention the Suppression of the Financing of Terrorism. *United Nations Office on Drugs and Crime*. 09.12.1999. URL: <https://treaties.un.org/doc/db/terrorism/english-18-11.pdf> (дата обращения: 23.07.2023).

Wasim A. FATF move an embarrassment but won't hit economy, NA told. *Dawn*. 02.03.2018. URL: <https://www.dawn.com/news/1392690> (дата обращения: 13.08.2023).

КАШМИРСКАЯ ПРОБЛЕМА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

© 2023

Т. А. Шаумян¹

На территории бывшего княжества Джамму и Кашмир возник комплекс политических, экономических и военно-стратегических проблем, которые сопровождались серьезными нарушениями прав человека. Основа кашмирского спора — несовместимость подходов к решению судьбы княжества со стороны секулярной Индии и мусульманского Пакистана, для которого примененный при разделе Британской Индии в 1947 г. религиозный принцип отождествлялся с «теорией двух наций». В условиях первого индо-пакистанского конфликта махараджа Хари Сингх информировал вице-короля Индии о решении к ней присоединиться при условии, что в текст Конституции будет включена статья 370 о предоставлении Джамму и Кашмиру особых прав.

Ситуация в Джамму и Кашмире отличается нестабильностью, движениями пропакистанских сепаратистов, что стало причиной трех индо-пакистанских войн. Вопрос о ситуации в Кашмире обсуждается в Комиссии ООН по правам человека, в правозащитных организациях, в том числе исламских, которые настаивают на проведении в Кашмире плебисцита для обеспечения его гражданам права выбора между Индией и Пакистаном. Правительство Индии приняло решение о фактической ликвидации штата и разделении его на две союзные территории: Джамму и Кашмир и Ладакх, которые переходят под непосредственное управление центра. Руководство страны считает, что предпринятые меры будут способствовать укреплению конституционного строя Индии, уравниванию в правах штатов и союзных территорий.

Ключевые слова: Индия, Пакистан, Джамму и Кашмир, «теория двух наций», ислам, индуизм, Комиссия ООН по правам человека, терроризм, сепаратизм, плебисцит, социальная напряженность, конституционный строй, федеративная система

Для цитирования: Шаумян Т. А. Кашмирская проблема: международно-правовой аспект. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 250–264. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-250-264

THE KASHMIR PROBLEM: INTERNATIONAL LEGAL PERSPECTIVE

Tatiana L. Shaumyan

A complex of political, economic and military-strategic problems arose on the territory of the former Principality of Jammu and Kashmir, which were accompanied by serious violations of human rights. The basis of the Kashmir dispute is the incompatibility of approaches to solving the fate of the Principality on the part of secularist India and Muslim Pakistan. for which the religious principle applied during the partition of British India in 1947 was identified with the ‘theory of two nations’. In the context of the first Indo-Pakistani conflict,

¹ Шаумян Татьяна Львовна, кандидат исторических наук, руководитель Центра индийских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва; tshaumyan@gmail.com

Tatiana L. Shaumyan, PhD, History, Head, Centre for Indian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; tshaumyan@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0982-2185

Maharaja Hari Singh informed the Viceroy of India of the decision to join it, provided that article 370 on granting special rights to Jammu and Kashmir would be included in the text of the Constitution.

The situation in Jammu and Kashmir is characterized by instability, movements of pro-Pakistani separatists, which caused three Indo-Pakistani wars. The issue of the situation in Kashmir is being discussed in the UN Commission on Human Rights, in human rights organizations, including Islamic ones, which insist on holding a plebiscite in Kashmir in order to ensure its citizens the right to choose between India and Pakistan. The Government of India has decided to actually liquidate the state and divide it into two union territories: Jammu and Kashmir and Ladakh, which come under the direct control of the center. The country's leadership believes that the measures taken will contribute to strengthening the constitutional order of India, equalizing the rights of states and union territories.

Keywords: India, Pakistan, Jammu and Kashmir, “theory of two nations”, Islam, Hinduism, UN Commission on Human Rights, terrorism, separatism, plebiscite, social tension, constitutional system, federal system

For citation: Shaumyan T. L. Kashmir Problem: International Legal Perspective. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 250–264. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-250-264

Одним из регионов, где в силу ряда исторических внутренних, региональных и глобальных факторов возник целый комплекс социально-политических, военно-стратегических, экономических, а также и правозащитных проблем, является территория бывшего княжества Джамму и Кашмир, расположенного на стыке границ Южной и Центральной Азии и Среднего Востока и фактически разделенного между Индией и Пакистаном в 1947 г.²

Истоки конфликта

Исходной причиной возникновения кашмирского конфликта послужила несовместимость подходов к решению судьбы княжества со стороны секуляристской Индии и мусульманского Пакистана, для которого примененный при разделе Британской Индии в 1947 г. религиозный принцип отождествлялся с «теорией двух наций»³. Этот по существу идеологический конфликт превратился в территориальный спор между Индией и Пакистаном и послужил причиной трех войн — 1947–48, 1965 и 1971 гг. Предпринимаемые группами кашмирских боевиков террористические акты, захваты заложников, разрушения и убийства и сегодня создают непосредственную угрозу безопасности для гражданского населения штата. На территории Кашмира была расквартирована индийская армия численностью около 400 тыс. солдат, что создало потенциальную опасность вооруженных столкновений между боевиками и индийскими солдатами и по существу подвело соседние государства к грани большой войны. Общая ситуация в регионе значительно осложнилась после перехода Индией и Пакистаном в 1998 г. «ядерного порога».

На протяжении более семи десятилетий ситуация в Кашмире рассматривалась как политическая проблема, одновременно как предмет застарелого и трудноразрешимого территориального спора между Индией и Пакистаном. До 1947 г. Индия и Пакистан сосуществовали в составе Британской Индии. Населявшие ее мусульмане в начале XX века стали активно

² См. подробнее историю раздела Британской Индии в 1947 г. [Шаумян, 2002, с. 15–19; Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2003, с. 157–158].

³ «Теория двух наций» — идеологическая концепция в Британской Индии, согласно которой религиозное самосознание является основным для мусульман. Язык и этничность особой роли не играют. Мусульманские идеологи Индии полагали, что ислам и индуизм — не только две религии, но и две социальных группы, две нации, отличающиеся друг от друга, объединение которых невозможно.

требовать независимости. Это движение возглавил Мухаммад Али Джинна, который на первых порах выступал за единство мусульман и индусов. Эту позицию поддерживал и Махатма Ганди, который считал, что индусы и мусульмане могут сосуществовать в нормальных дружеских отношениях. Однако руководству и общественности страны по существу не удалось предотвратить обострение противоречий между представителями двух основных конфессий и активный переход последователей Индийского национального конгресса в состав Мусульманской лиги. В результате ситуация в стране осложнилась массовыми беспорядками на религиозной почве, Лондон ускорил процесс раздела колонии, и в соответствии с обнародованным 3 июня 1947 г. т. н. «планом вице-короля Индии лорда Маунтбэттена» в качестве Закона о независимости Индии в августе 1947 г. Индии и Пакистану была предоставлена независимость.

Крайне сложной в процессе раздела оказалась проблема определения судьбы многочисленных индийских княжеств — а их насчитывалось более пятисот, размером от крупного поместья до средней европейской страны, причем княжества сохраняли элементы самоуправления и формально не входили в состав Британской Индии. План Маунтбэттена не предусматривал сохранение независимых или полунезависимых княжеств. Фактор их религиозной принадлежности, несомненно, учитывался, но не определял окончательное решение — о присоединении к Индии или Пакистану или сохранении независимости и прежних отношений с Англией [Шаумян, 2003, с. 159]. Что касается Кашмира с его 77% жителей-мусульман, у власти в Сринагаре находился индус, по религиозной принадлежности махараджа Хари Сингх, который никак не мог принять окончательного решения: собственная религиозная принадлежность и историческое прошлое подталкивали его в сторону Индии, причем Индийский национальный конгресс выражал точку зрения, что княжество должно присоединиться к одному из доминионов. Что касается населения Индии и индийской элиты, то они традиционно воспринимали и воспринимают Кашмир как неотъемлемую часть территории Индии. Мусульманская лига была готова уважать его внутренний суверенитет, если будет принято решение о сохранении прежних отношений с метрополией [Jha, 1996, p. 50].

Хари Сингх не форсировал принятия решения о судьбе княжества, однако его позиция вызывала недовольство местного населения, которое выступало под лозунгом «Кашмир без махараджи». Стремление же Пакистана предотвратить вхождение Джамму и Кашмира в состав Индии было подкреплено вторжением в ночь с 21 на 22 октября 1947 г. на территорию княжества вооруженных отрядов пуштунских племен из Северо-Западной пограничной провинции Пакистана, подкрепленных пакистанскими «добровольцами». Через четыре дня пуштуны оказались в нескольких километрах от Сринагара, а 24 октября на занятой ими территории было объявлено о создании временного правительства «Азад («свободного») Кашмира». Индия квалифицировала позицию Пакистана как провокацию и прямые агрессивные действия, направленные на захват Кашмира [Ibid, p. 3]. В сложившейся ситуации 26 октября махараджа Хари Сингх направил лорду Маунтбэттену информацию о решении присоединиться к Индии с приложением подписанного им Акта о присоединении Джамму и Кашмира к Индии [The Kashmir Issue, 1993, p. 164–169].

27 октября вице-король Индии лорд Маунтбэттен заявил о признании Акта и самого факта присоединения Кашмира к Индии. Одновременно в Кашмир был направлен индийский воинский контингент, который на подступах к столице княжества Сринагару остановил наступление вторгшихся из Пакистана боевых отрядов «добровольцев» и регулярной армии. Начался первый индо-пакистанский военный конфликт, который с различной степенью интенсивности продолжался более года.

Махараджа Кашмира Хари Сингх, которого связывали с Джавахарлалом Неру дружеские отношения, согласился подписать Акт о присоединении к Индии при соблюдении ряда условий, в том числе включения в текст Конституции Индии статьи 370 и ее части 35а, которая предусматривала предоставление Джамму и Кашмиру особых прав, в том числе возможность определять своих «постоянных жителей», имеющих прописку в штате, покупать там недвижимость, работать в правительстве. При устройстве на работу кашмирцы — «постоянные жители» — получали особые привилегии⁴. Следует добавить, что «особый статус» Кашмира был определен еще британцами в 1927 г. — право владеть землей и недвижимостью закреплялось только за коренными жителями. Эта и ряд других привилегий были зафиксированы в State Subject Law. По-видимому, правитель Кашмира стремился защитить свою территорию от притока жителей из других регионов [Пахомов, 2019].

Акт о присоединении к Индии гарантировал Джамму и Кашмиру автономно с правом иметь собственную Конституцию и Учредительное собрание. В пункте 3 статьи 370 конкретно указано, что действие этой статьи может быть приостановлено только на основании резолюции Учредительного собрания Джамму и Кашмира. [Lamb, 1994, p. 81–103].

Официальные представители Индии и Пакистана, общественные деятели, политики, отдельные средства массовой информации продолжали выступать с взаимными обвинениями, источник которых — несовместимость подходов к существу кашмирской проблемы. Индия считала, что кашмирская проблема в принципе решена, и обвиняла Пакистан в незаконной оккупации части территории индийского штата Джамму и Кашмир. По мнению же Пакистана, проблема далека от решения, и для ее урегулирования необходимо проведение плебисцита под международным контролем в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН 1947–48 г. [Шаумян, 2001, с. 196]. Индия категорически не была согласна с таким подходом к решению проблемы, не без оснований опасаясь, что мусульманское большинство кашмирцев скорее всего заявит о своем желании присоединиться к Пакистану с его преобладающим мусульманским населением.

В течение более семи десятков лет с момента принятия решения о разделе ситуация в Джамму и Кашмире отличалась отсутствием стабильности, выступлениями представителей мусульманского большинства штата против местных властей, террористическими актами, которые представляли угрозу для местного населения. Привилегии жителям Кашмира, дискриминация не-кашмирцев мешали решению проблем экономического развития штата. Конфликт обострился в 1980-е годы, когда на территории штата началось массовое сепаратистское движение с требованиями его независимости или присоединения к Пакистану. Ситуация в Кашмире и вокруг него стала причиной по крайней мере двух с половиной индо-пакистанских войн. С территории Пакистана совершаются акты трансграничного терроризма. Между Индией и Пакистаном в Кашмире отсутствует официальная граница: вооруженные силы двух государств разделены «линией фактического контроля»⁵. Дели считает «оккупированной» пакистанскую часть Кашмира; Исламабад, со своей стороны, считает подконтрольную Индии территорию «незаконно оккупированным Кашмиром». Стороны повторяют одни и те же доводы в защиту своей позиции. Так, Индия напоминает, что махараджа Хари Сингх сам подписал официальный документ о присоединении к Индии. Пакистан утверждает, что при этом не было учтено мнение мусульманского большинства княжества, а Акт о вступлении был подписан, когда в Сринагар

⁴ См. текст: Instrument of Accession of Jammu and Kashmir // https://upload.wikimedia.org/Wikipedia/commons/9/92/Kashmir_Accetion_document_side_1/jpg (дата обращения: 15.06.2023).

⁵ Подробнее см. [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2003, с. 177 и далее].

уже вошли индийские войска, т. е. под давлением. На требование Пакистана провести плебисцит Индия напоминала, что конституционное собрание Джамму и Кашмира еще в 1951 г. «в рамках демократической процедуры» ратифицировало вступление в состав Индии. [Пахомов, 2019].

СИТУАЦИЯ ВНУТРИ И ВОКРУГ КАШМИРА

Вопрос о ситуации в Кашмире и вокруг него постоянно возникает в ходе дебатов практически по всем пунктам повестки дня на заседаниях Комиссии ООН по правам человека в Женеве⁶. Самое активное участие в этих дискуссиях принимают представители неправительственных организаций, базирующихся в Индии и Пакистане, сформированных различными политическими силами в обеих частях Кашмира, активистами из кашмирской диаспоры в странах Запада. В обсуждении кашмирской проблемы проявляют активность неправительственные организации, осуществляющие мониторинг нарушений прав человека в различных регионах мира, такие как Международная амнистия (*Amnesty International*) и Наблюдение за правами человека (*Human Rights Watch*), а также Транснациональная радикальная партия, организация «Освобождение», Международная Ассоциация по правам человека американских меньшинств, Международный совет по правам человека, Европейский союз по общественным связям, Международная организация по развитию образования и др. Ежегодные отчеты о ситуации в Кашмире публикует Бельгийская Ассоциация солидарности с Джамму и Кашмиром, представители которой дважды в год совершают поездки в Кашмир, где встречаются с политиками, бизнесменами, представителями интеллигенции, берут интервью у «простых людей на улице», у «обыкновенных кашмирцев» в различных частях Джамму и Кашмира⁷.

Почему кашмирский вопрос, который в последние годы официально не включается в повестку дня заседаний Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, стал предметом пристального внимания именно правозащитных как правительственных, так и неправительственных организаций? Как представляется, ситуация в Кашмире и вокруг него превратилась в объект внимания правозащитных организаций прежде всего потому, что факты серьезных нарушений прав человека в Кашмире вызывают все большую обеспокоенность в связи с общей нестабильностью ситуации в регионе, резко обострившейся в конце 1980-х — начале 90-х гг. [Kirkpatrick, 2003].

Соотношение численности населения «индийской» и «пакистанской» частей Кашмира сегодня, как и в прошлом, сохраняется в пределах около 70% и 30% соответственно.

Вся территория Джамму и Кашмира делится на четыре области, отличающиеся друг от друга природными условиями, историческим прошлым, национально-этническим и религиозным составом населения. Единое целое до раздела составляла индийская провинция Кашмир и находящийся сегодня под юрисдикцией Пакистана Азад Кашмир. Большинство населения здесь говорит на урду, кашмири и гуджри, по религии — мусульмане-сунниты, составляющие в индийском Кашмире около 90% населения, в Азад Кашмире — около 99%. Самая густонаселенная часть — Джамму, где индусы составляют около 66%, мусульмане — около 30%, сикхи — около 3%. Третья часть — высокогорное малонаселенное плато Ладакх, где живут ладакхи, исповедующие буддизм ламаистского толка (они составляют около 50% жителей, остальные — мусульмане). Его территория частично находится под контролем Китая, где доля

⁶ Автор с 1996 по 2005 г. участвовал в работе заседаний Комиссии ООН по правам человека в Женеве.

⁷ Jammu and Kashmir: Disturbed Situation. Human Rights Council. Ninth Session. Geneva, 08–26 September 2008. Belgian Association for Solidarity with Jammu and Kashmir.

буддистов еще выше. Особое место занимают так называемые Северные территории, включающие в себя районы Гилгит, Балтистан и Диамер, площадью около 15 тыс. кв. км с населением 20 000 чел., находящиеся в составе Пакистана. Население этих территорий более чем на 90% — мусульмане, остальные — главным образом буддисты⁸. Таким образом, решение проблемы Кашмира вряд ли находится в руках лишь Индии и Пакистана и, скорее всего, потребует прямого или косвенного участия Китая.

Продолжаются вооруженные столкновения в пограничных районах и террористические действия боевиков, часть которых проходит обучение в специальных лагерях, расположенных на территории Пакистана, так что речь идет о так называемом трансграничном терроризме — *cross-border terrorism*. Ответные действия предпринимаются индийской армией численностью в несколько сот тысяч солдат, расквартированных на территории Джамму и Кашмира для противодействия боевикам. В результате жертвами вооруженных столкновений становятся мирные жители Кашмира, иностранные туристы и др., что приводит к обострению социальной напряженности в кашмирском обществе. Были нарушены торгово-хозяйственные связи между различными районами штата, в связи с военными действиями разрушена инфраструктура, возникли трудности в функционировании органов государственной власти и т. д., осложнилась экономическая и социально-политическая ситуация в регионе. Туризм, который традиционно был одним из важнейших источников дохода для населения Кашмира, практически сведен к минимуму. Все это создало обстановку, в которой нарушаются права мирных жителей, прежде всего женщин и детей, национальных и религиозных меньшинств. Часть населения штата — *пандиты*-индусы и группы интеллигенции и предпринимателей-мусульман вынуждены были покинуть территорию штата. Таким образом, речь могла идти о нарушении прав народа Кашмира на социально-экономическое, политическое и культурное развитие.

Существуют два различных подхода к оценке причин создавшейся напряженной обстановки: один подход сводится к тому, что вся ответственность лежит на действиях поддерживаемых извне боевиков, которые осуществляют террористические акты, в результате которых гибнут мирные жители; другой подход — это обвинение в адрес индийской армии, расквартированной на территории Кашмира, которая осуществляет жестокие карательные операции.

Выступая в защиту прав человека в Кашмире, представители Пакистана и поддерживающие его позицию неправительственные организации считают необходимым решение не столько гуманитарной, сколько политической проблемы статуса территории Джамму и Кашмира, продолжая настаивать на проведении плебисцита под международным контролем. Индийская сторона продолжает утверждать, что проблема Кашмира в принципе решена, но Пакистан оккупирует часть индийской территории. Таким образом, пакистанская сторона и ее сторонники рассматривают этот вопрос как нарушение права народа Кашмира на самоопределение, что входит в понятие прав человека.

Организация исламской конференции, Всемирный мусульманский конгресс, Мусульманская всемирная лига, Кашмирский американский совет (*Kashmiri American Council*), Международная федерация исламских студенческих организаций, Совет по правам человека Джамму и Кашмира, Международная организация друзей Кашмира, Объединенная национальная партия народа Кашмира, Совет независимого Кашмира, Кашмирский фонд по изучению мира и развития, Институт по делам Кашмира, Международный центр по изучению проблем мира, Всемирное движение за освобождение Кашмира, Фронт освобождения Джамму и Кашмира с его

⁸ Jammu and Kashmir: population distribution, 1981 and subsequent growth. <https://kashmirstudygroup.com/awayforward/mapsexplan/population.html>. 2000 (дата обращения: 16.09.2023).

отделениями в Великобритании и Европе — вот далеко не полный перечень крупных и малочисленных, влиятельных или малоизвестных исламских организаций, принимающих самое активное участие в обсуждении судьбы Кашмира. Среди членов этих организаций — адвокаты и ученые, бизнесмены, журналисты, политики и сотрудники международных организаций, профессора университетов Индии, Пакистана и Азад Кашмира и др. Судя по всему, представители крупного бизнеса из «заморских» кашмирцев финансируют деятельность неправительственных организаций, предоставляя им возможность участвовать в ежегодных заседаниях Комиссии ООН по правам человека в Женеве в марте-апреле и Подкомиссии по обеспечению и защите прав человека, проходящих ежегодно в августе. Возможно, именно поэтому высказываемая представителями этих организаций точка зрения по состоянию с правами человека в Кашмире и кашмирской проблеме в целом отражает точку зрения финансирующих их группировок и организаций.

Проблема будущего Кашмира является предметом обсуждения как в рамках работы Комиссии по правам человека, так и вокруг нее, во время специальных семинаров и дискуссий. Следует констатировать, что позиции представителей кашмирской диаспоры и НПО, базирующихся как в индийской, так и пакистанской частях Кашмира, в течение последних нескольких лет претерпели определенные изменения, связанные прежде всего с общими переменами в мире и регионе, а также с состоянием индо-пакистанских отношений и ситуацией в самом Кашмире. Постепенно центр тяжести в поисках путей урегулирования кашмирской проблемы все в большей степени переносится на необходимость включения в этот процесс «третьей» стороны — самого кашмирского народа, не рассчитывая на то, что Индия и Пакистан смогут договориться и мирным путем решить судьбу народа Кашмира. Именно поэтому во главу угла ставится требование провести референдум или подлинно демократические выборы под международным контролем.

15 мая 1999 г. в рамках конференции «Гаагский призыв к миру» состоялся круглый стол по проблеме Кашмира, в котором приняли участие делегаты, представляющие интересы кашмирского народа, проживающего по обе стороны Линии фактического контроля, т. е. представители Джамму, Кашмира, Ладакха, Гилгит-Балтистана и Музаффарабада (Азад Кашмир). В одобренной ими резолюции указывалось, что кашмирский народ стремится к миру и согласию, основанному на справедливости. Они призвали к немедленному прекращению всякого насилия на территории штата, откуда бы оно ни исходило; к мобилизации всех демократических и миролюбивых сил для формирования атмосферы, свободной от страха и недоверия, с тем чтобы добиваться примирения и консенсуса. К диалогу должны быть привлечены различные политические силы Кашмира, а правительства Индии и Пакистана должны способствовать началу такого диалога, базирующегося на принципах мирного сосуществования и терпимости.

Способствовать началу диалога между представителями различных политических сил Кашмира пытаются и организации, базирующиеся в Европе. Так, 14–15 апреля 2000 г. Центр по изучению Южной Азии, созданный в Женеве по инициативе французского политолога Клэр Гале, организовал круглый стол «Кашмир — бросок к миру» как продолжение процесса, начатого в Гааге. В нем приняли участие ученые, политики, журналисты, большинство из которых — кашмирцы, базирующиеся как в самом Кашмире, так и в США, Великобритании, Швейцарии, Австрии, Канаде. Они представляли такие организации, как Международная организация друзей Кашмира, Объединенная национальная партия народа Кашмира, Совет независимого Кашмира, Кашмирский фонд по изучению проблем мира и развития, газета «Кашмир монитор», Школа международных исследований Университета им. Джавахарлала Неру (Дели).

По итогам круглого стола была принята Женевская декларация о мире в Джамму и Кашмире, в которой представители «гражданского общества Джамму и Кашмира» заявляли о своей готовности добиваться прочного мира, демократии и справедливости; выражали серьезную озабоченность продолжающимися страданиями народа Кашмира и свою готовность выступать против всех форм насилия, за создание условий для всеобъемлющего диалога с целью установления мира и урегулирования конфликтов. Участники «круглого стола» призвали к немедленному прекращению всех форм насилия, независимо от его происхождения и цели; к немедленному прекращению нарушений прав человека во всех частях Джамму и Кашмира со стороны государственных сил безопасности, иностранных наемников, боевиков и прочих государственных и негосударственных сил и подразделений. Они потребовали уважения достоинства и прав личности народа Джамму и Кашмира и создания атмосферы, свободной от страха и запугивания. В декларации содержится призыв к конструктивному и содержательному диалогу между всеми общественными группами и регионами Джамму и Кашмира, к уважению различных точек зрения. Участники дискуссии выступили за отмену законов, ограничивающих гражданские свободы и фундаментальные права человека и за немедленное освобождение всех задержанных и арестованных на основании этих законов. В документе содержится призыв к восстановлению традиционных ценностей плюрализма, религиозной гармонии и мирного сосуществования между народами, принадлежащими различным регионам, на основе отказа от дискриминации и гарантирования равноправного участия представителей всех религиозных и этнических групп в политическом процессе⁹.

В августе 2000 г. Международная ассоциация по правам человека американских меньшинств совместно с Международным советом по правам человека выступили в качестве спонсоров первой состоявшейся в Женеве международной конференции «Право на самоопределение и ООН. От обеспечения прав меньшинств до достижения политической независимости». В соответствии с повесткой дня конференции обсуждались проблемы обеспечения прав народов Палестины, канадской провинции Квебек, афро-американцев США, народа Саами в Финляндии, тамилы Шри Ланки, однако основное внимание было уделено проблеме Кашмира. Это и понятно, так как именно представители богатой и преуспевающей кашмирской диаспоры финансировали организацию конференции. Одним из активных участников конференции был член парламента Великобритании Джеральд Кауфман.

С основным докладом по кашмирскому вопросу выступил генеральный секретарь Совета штата Джамму и Кашмир по правам человека адвокат Сайед Назир Гилани. Он напомнил основные этапы истории Кашмира, политики британских колониальных властей, ситуацию после провозглашения независимости Индии и раздела ее на два доминиона — Индию и Пакистан, возникновение «кашмирского вопроса» и первые резолюции ООН по этому вопросу. Он выразил озабоченность в связи с тем, что главный вопрос — право народа Кашмира на самоопределение — остается на заднем плане, так как все внимание уделяется иному аспекту проблемы: должен ли Кашмир быть присоединен к Индии или к Пакистану. Таким образом, как считает С. Н. Гилани, теряется основной смысл идеи референдума как под эгидой ООН, так и без нее. Необходимо осознать, что право народа Кашмира должно считаться преимущественным по сравнению с территориальными претензиями его соседей. Последнее десятилетие докладчик оценивал как «трагическое» в истории Кашмира, так как оно сопровождалось вспышками терроризма и репрессий, гибелью гражданского населения, массовыми нарушениями прав человека, неспособностью всех заинтересованных сторон принять правильные решения и обеспечить

⁹ Упомянутые документы имеются в архиве автора.

мирное политическое урегулирование проблемы в интересах народа Кашмира. Докладчик сослался на текст Конституции, разработанной основным объединением политических сил Кашмира — Всепартийной Конференцией Свободы (*All Parties Hurriet Conference*) — в разделе П статье 2 (1) которой указывается, что право на самоопределение должно также включать и «право на независимость». Особое внимание докладчик уделил необходимости мира между Индией и Пакистаном как важнейшего условия стабильности и формирования гражданского общества в Кашмире. Индия и Пакистан должны прекратить видеть друг в друге «образ врага» и как члены ООН и стороны в споре вокруг Кашмира уделять внимание главному вопросу — обеспечению права народа Кашмира на самоопределение.

Судя по выступлениям на конференции, точка зрения представителей кашмирских и европейских организаций по вопросу о будущем Кашмира претерпевала определенные изменения и от жесткой антииндийской позиции эволюционировала в сторону признания ответственности как Индии, так и Пакистана за происходившее на их родине. Вопрос уже не стоял о том, что Кашмир должен быть присоединен к Пакистану — все громче раздавались голоса о возможности достижения его независимости путем проведения плебисцита и таким образом реализации права народа Кашмира на самоопределение.

Подобные встречи проходили и в 2000–2005 гг., в ходе их отмечались продолжающиеся нарушения прав человека в Джамму и Кашмире, обсуждалось состояние отношений двух ядерных держав Индии и Пакистана; приветствовалась готовность индийского правительства вступить в диалог с теми кашмирскими руководителями, которые не являются «частью индийской конституционной структуры». Участники этих встреч пришли к убеждению, что процессу нормализации индийско-пакистанских отношений нет альтернативы. Диалог «неизбежен», и стороны должны делать все возможное, чтобы этот процесс не прекращался. Отмечалась необходимость признания факта существования поддерживаемого извне терроризма, и Пакистан должен прекратить оказывать поддержку боевикам, осуществляющим террористические действия на территории Индии, жертвой которых становится народ Кашмира. С другой стороны, в соответствии с резолюциями ООН правительство Кашмира должно осуществлять контроль над действиями индийской армии на территории штата, но, как отмечалось, власти пока не в состоянии выполнять эти свои обязанности. Высказывается точка зрения, что способствовать прекращению терроризма при поддержке извне будет вывод индийских войск с территории Кашмира.

При обсуждении вопроса о роли ООН в процессе урегулирования региональных конфликтов многие участники дискуссии отмечали, что в случае конфликта вокруг Кашмира механизм ООН пока не действенен. С. Н. Гилани напомнил, что трижды были формально выполнены резолюции о прекращении огня в Кашмире: один раз под эгидой ООН и два раза в результате двусторонних переговоров, однако ситуация остается взрывоопасной.

Выступавшие ссылались на теорию международных конфликтов и отмечали, что их урегулирование предусматривает три стадии: управление конфликтом, контроль над конфликтом и урегулирование конфликта. Однако в случае Кашмира эти стадии могут быть следующими: взаимопонимание, терпимость и справедливость. Правительства Индии и Пакистана должны продолжать мирный процесс и двусторонний диалог в соответствии с интересами кашмирского народа и на основе компромисса. По мнению С. Н. Гилани, кашмирские лидеры должны осознать и четко сформулировать, к какого рода самоопределению они стремятся: экономическому, политическому или территориальному. Было высказано мнение, что Линия прекращения огня в качестве международной границы не может быть признана ни народами Индии, ни народами Пакистана. В любом случае урегулирование кашмирской проблемы будет иметь

самые благоприятные последствия для народа Кашмира, так как все средства, которые сегодня тратятся на оружие и террористические действия, будут использоваться на его благо.

Наиболее жесткую позицию с резкой критикой действий индийских властей и индийской «оккупационной» армии в Кашмире и требованиями о проведении плебисцита наряду с пакистанскими дипломатами продолжают занимать представители крайних мусульманских организаций, таких как Всемирный мусульманский конгресс, Кашмирский американский совет, Международная федерация исламских студенческих организаций, Международная Ассоциация по правам человека американских меньшинств и др. С требованиями предоставить народу Кашмира право на самоопределение, к которому он стремится вот уже более пятидесяти лет, постоянно выступают, в частности, пакистанские дипломаты как от имени Организации исламской конференции, так и от официального Исламабада. Пакистан обвиняет Индию в нарушении прав народа Кашмира, в репрессиях и насилии, осуществляемых индийской «оккупационной» армией, которая, по утверждению Исламабада, насчитывает уже около 700 000 солдат, в гибели более 80 000 кашмирцев. Террористические действия кашмирских боевиков представители официального Пакистана трактуют как борьбу народа Кашмира за самоопределение. Пакистанские власти постоянно обвиняют индийскую армию в совершении в Кашмире «военных преступлений». На веб-сайте министерства иностранных дел Пакистана создан специальный сайт «Незаконная оккупация Индией Джамму и Кашмира», в котором индийская армия показана как «угроза кашмирскому населению». Средства массовой информации ряда других стран также вносят свой вклад в публикации антииндийских материалов, а базирующиеся в Пакистане юридические фирмы «подтверждают» военные преступления индийской армии и нарушение прав человека в Кашмире. Истоки этого пакистанская сторона видит в том, что Индия, вопреки резолюциям ООН, рассматривает Кашмир как часть своей территории, в то время как он официально признан «спорной территорией», где должен быть проведен плебисцит под международным контролем, заявляя, что Акт о присоединении Кашмира 1947 г. является незаконным. Как уже отмечалось, пакистанское руководство стремилось предотвратить его вхождение в состав Индии, мотивируя свою точку зрения тем, что 77% его населения являются приверженцами ислама и присоединение к Индии развеяло бы миф об «исламской солидарности». Действия индийской армии в Кашмире Исламабад расценивает как дискриминацию кашмирского мусульманского населения, милитаризацию Кашмирской долины и осуществление политики «государственного терроризма».

Индийская дипломатия, со своей стороны, обвиняет Пакистан в незаконной оккупации части индийского штата Джамму и Кашмир, в провоцировании и поддержке террористической деятельности боевиков на территории штата, приводящем к гибели гражданского населения, и незаконном использовании с этой целью концепции права наций на самоопределение. Poleмика между официальными представителями Индии и Пакистана по различным аспектам кашмирской проблемы разворачивается при обсуждении многих пунктов повестки дня заседаний Комиссии ООН по правам человека, стороны активно используют «право на ответ», и создается четкое впечатление, что позиции сторон сохраняют конфронтационный характер.

С момента принятия резолюций ООН по Кашмиру прошло более полувека, и сегодня требования тех, кто настаивает на плебисците, вышли за рамки того выбора, который представляют эти резолюции. Следует иметь в виду, что в бывшем княжестве растет и укрепляется национальное самосознание кашмирцев, идентификация себя в качестве единого целого, несмотря на разнообразие этнического и религиозного состава населения. В политическом плане это находит отражение в изменении многими организациями конечной цели своей борьбы — вместо

присоединения к Пакистану или Индии они выступают за создание независимого кашмирского государства. На таких позициях стоит ныне известное политическое движение — «Фронт освобождения Джамму и Кашмира». Если на плебисците не будет вынесен вопрос о независимости Кашмира, то это будет нарушением воли и желания многих его жителей. Постановка же такого вопроса еще больше осложнит перспективы решения проблемы.

Мы привыкли к стереотипному представлению о том, что Кашмир — это мусульманский регион, и именно из-за этого возник основной спор между Индией и Пакистаном. Действительно, здесь преобладает мусульманское население, однако нельзя забывать об индусах Джамму и буддистах Ладакха. В течение веков представители трех конфессий жили в мире и согласии и являли собой пример единства в многообразии, что является одним из основных признаков современного мира. Они различны по культуре, традициям, языку, религии, но их объединяет то, что называется «Кашмирият», базирующийся на терпимости, взаимном уважении и мире. С точки зрения религиозной принадлежности население Джамму и Кашмира не является однородным, поэтому в случае проведения плебисцита судьба всего Кашмира будет решаться голосованием в Кашмирской долине, где проживает больше половины населения бывшего княжества, преимущественно последователи ислама. Результаты голосования в Ладакхе и Джамму, где проживает индусское и буддийское меньшинство, будут существенно отличаться от позиции жителей Кашмирской долины. Таким образом, при принятии окончательного решения мнение меньшинства не будет учитываться, и референдум не будет означать действительную реализацию права всего народа Кашмира на определение своей судьбы. Проведение плебисцита по основным районам Кашмира в отдельности, как предлагают некоторые политологи, может привести к его расчленению. Таким образом, в сложившихся условиях проведение плебисцита вряд ли приведет к взаимоприемлемому решению проблемы.

Центральные власти Индии предпринимали попытки использовать мирные пути урегулирования ситуации, вовлекая население штата в общендийский демократический процесс, осуществляя на его территории выборы в местные и общендийские органы власти, предпринимали действия для стабилизации экономического развития штата. Однако принимаемые меры не привели к снижению уровня социальной напряженности.

«Хирургические методы» Нарендры Моди: мотивы и последствия. Укрепление конституционного строя и федеративной системы Индии

Положение в штате обострилось в феврале 2019 г. после террористического акта в Кашмире, в результате которого погибло 45 индийских военнослужащих. В ответ были арестованы лидеры местных мусульман. В воздухе были сбиты истребители вооруженных сил обеих стран. 5 августа 2019 г. нижняя палата парламента Индии поддержала предложенный кабинетом министров законопроект об отмене особого статуса индийского штата Джамму и Кашмир, определяемого статьями 370 и ее части 35а Конституции Индии. Напомним, что согласно этой статье штат Джамму и Кашмир — единственный из 29 штатов страны с преобладающим мусульманским населением — имеет собственную конституцию и флаг, может самостоятельно принимать решения по всем вопросам, кроме иностранных дел, обороны и связи.

Правительство приняло решение о принятии «хирургических» мер. Этот вызвавший серьезные дискуссии акт должен был привести не только и не столько к отмене статьи 370, сколько к фактической ликвидации штата Джамму и Кашмир и разделению его на две союзные территории: Джамму и Кашмир с законодательным органом и Ладакх без такового, которые

переходят под непосредственное управление центра. Отменяется запрет на приобретение земли в Джамму и Кашмире нерезидентами штата, т. е. уравниваются права всех жителей страны. Джамму и Кашмир без этой статьи фактически становится частью Индии в равном статусе с другими ее штатами и союзными территориями.

Министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар, выступая на пресс-конференции в Дели 1 июня 2023 г., назвал отмену статьи 370 Конституции Индии, т. е. фактическую ликвидацию особого статуса Джамму и Кашмира, как очень важный шаг на пути обеспечения национальной безопасности Индии. Он отметил также, что Джамму и Кашмир, таким образом, выиграет от вовлечения его не только в процесс активного развития, но и в процесс глобализации, в который вовлечена сегодня вся Индия. Данные обстоятельства министр иностранных дел оценивает как важные достижения правительства Нарендры Моды за девять лет его пребывания у власти.

Формат раздела штата на Джамму и Кашмир и Ладакх имел под собой этническую и религиозную основу, поскольку его население не гомогенно, и окончательное решение его судьбы должно было приниматься с учетом интересов всех населяющих его религиозных и этно-национальных групп. Понятно, что решение правительства Индии о создании отдельной союзной территории Ладакх встретило здесь бурную поддержку.

Руководство страны, опасаясь широкомасштабных протестов и беспорядков, приняло превентивные меры в Джамму и Кашмире, введя дополнительные контингенты войск, отключило средства связи и интернет. Были закрыты все учебные заведения, введены ограничения на проведение общественных собраний, лидеры оппозиции — вице-президент партии Национальная конференция Омар Абдулла, президент Народно-Демократической партии Мехбуба Муфти, председатель Народной конференции Саджад Гани и некоторые другие взяты под домашний арест¹⁰. Из обеих столиц были отозваны послы; между Индией и Пакистаном было прекращено автобусное и железнодорожное сообщение, а также торговые отношения, наложен запрет на показ в Пакистане индийских кинофильмов и др.

Решение Кабинета министров Индии было неоднозначно встречено частью гражданского общества Индии [Sibal, 2020]. Так, автор специальной монографии и многочисленных статей о 370-й статье Конституции Индии А. Г. Нурани заявил о «неконституционном» характере ее отмены [Deshmane, 2019]. Руководство страны обвинялось правозащитниками в принятии важных решений без каких-либо консультаций с народом, в нарушениях прав человека.

Несмотря на то, что формально индийские власти действовали в рамках своей собственной Конституции и принятые ими меры касались территорий, находящихся под юрисдикцией правительства в Дели, события, происходившие в самом Кашмире и вокруг него, были негативно восприняты в соседнем Пакистане, где проходили демонстрации протеста с антииндийскими лозунгами. В Пакистане полагали, что действия Нью-Дели нарушают резолюцию Совета Безопасности ООН. Было заявлено о намерении обратиться в Международный суд ООН и предпринять другие дипломатические шаги. Главнокомандующий армией Пакистана генерал Камар Джавед Баджва заявил о готовности армии страны поддержать борьбу народа Кашмира всеми возможными способами. Президент США Дональд Трамп выразил готовность выступить посредником в индо-пакистанском споре. Премьер-министр Пакистана Имран Хан принял это предложение, в то время как Индия его отвергла, придерживаясь твердого принципа решения двусторонних споров на двусторонней основе, без вмешательства «третьих» сил.

¹⁰ Omar, Mehbooba, Lone placed under house arrest. *Greater Kashmir*, 05.08.2019. <https://www.greaterkashmir.com/todays-paper/omar-mehbooba-lone-placed-under-house-arrest> (дата обращения: 16.09.2023).

С критикой решения Индии об изменении статуса приграничной с Китаем области Ладакх выступил Китай. Официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин обвинила индийскую сторону в том, что она «в одностороннем порядке вносит изменения в национальное законодательство, что нарушает территориальный суверенитет Китая». Госдепартамент США призвал стороны сохранять спокойствие, соблюдать права человека и поддерживать мир вдоль индо-пакистанской границы.

Генеральный секретарь ООН Антонио Гутерриш призвал Индию и Пакистан проявить сдержанность и добавил, что миротворческие силы ООН, которые наблюдают за прекращением огня между Индией и Пакистаном в Джамму и Кашмире, сообщают об усилении военной активности вдоль линии контроля.

Российское руководство, отметив, что статья 370 является частью Конституции Индии, призвало Индию и Пакистан действовать дипломатическим путем и не допустить эскалации ситуации в Джамму и Кашмире. Москва последовательно выступала и выступает за нормализацию отношений между Индией и Пакистаном¹¹.

Министерство иностранных дел Индии сочло необходимым пригласить послов США, Великобритании, Франции, России и Китая, а затем Австралии и Индонезии для встречи с высокопоставленными чиновниками МИД страны и разъяснения причин и целей принятия столь важных решений.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Возникает вопрос: чем руководствовалось правительство Бхаратия Джаната партии, принимая столь серьезное и неоднозначное решение? Прежде всего — осознанием необходимости стабилизации обстановки в этом регионе, занимающем важнейшее стратегическое положение на границах с Пакистаном, традиционным политическим и стратегическим противником Индии. Состояние конфронтации фактически продолжается уже более 70 лет. Правда, в течение этих десятилетий стороны пытались вести переговоры и добиваться мирного решения проблем, однако к позитивным результатам, к принятию кардинальных мер эти процессы так и не привели.

Сохранение «особого» статуса и статьи 370 для многих придерживающихся сепаратистских позиций кашмирцев служило определенным оправданием сохранения Джамму и Кашмира в составе Индии. Отмена статьи и раздел штата на две союзные территории с прямым подчинением центру изменили характер их взаимодействия в сторону большей интеграции этой территории в состав Индии.

Рискованное решение правительства Нарендры Моди с применением «хирургических» методов выхода из проблемы — ликвидация «особого» статуса штата Джамму и Кашмир с его мусульманским большинством и образование на его месте двух союзных территорий с ограниченными центральной властью правами — вызвало неоднозначную реакцию представителей правящей политической элиты штата. Так, Мехбуба Муфти заявила, что это решение будет иметь катастрофические последствия для Джамму и Кашмира.

Принять такое решение правящая партия смогла, опираясь на результаты всеобщих парламентских выборов, дважды принесших убедительную победу Бхаратия Джаната партии, подтвердивших сохранение ее лидирующих позиций в стране с преобладающим индусским населением,

¹¹ Russia says Article 370 move backed by Constitution, asks India/ Pakistan to take diplomatic route. <https://www.indiatoday.in/india/story/article-370-rfshmir-russia-india-pakistan-constitution-1579363-2019-08-10> (дата обращения: 16.09.2023).

тем более что изменение статуса Джамму и Кашмира входило в список предвыборных обещаний БДП. Как представляется, руководству страны предстоит преодолеть отвержение принятых мер частью своего собственного населения, включая ряд оппозиционных партий, а также неоднозначную реакцию в некоторых странах мирового сообщества.

Прошло уже три года с момента принятия правительством Нарендры Моды мер, направленных на конституционные изменения и реорганизацию бывшего штата Джамму и Кашмир, с тем чтобы жители союзных территорий смогли в полной мере реализовать свои возможности. Один из высокопоставленных чиновников юридической службы Индии Тушар Мехта на 41-й сессии рабочей группы по универсальному обзору при Совете ООН по правам человека заявил, что союзная территория Джамму и Кашмира и Ладакх «была и всегда будет неотъемлемой и неотделимой частью Индии». Он добавил, что правительство страны предпринимает специальные меры для всестороннего развития этих территорий, делает все возможное для организации должного управления, развития инфраструктуры, туризма и торговли. Он добавил, что за последнее время было принято более 800 важных для населения прогрессивных центральных законов для обеспечения потребностей жителей Ладакха, Джамму и Кашмира. Эти законы включают действия для обеспечения более слабых слоев населения, право на обязательное и бесплатное образование, защиту от насилия в семье и расширение прав и возможностей женщин и др. Планируется устранение пробелов в правовой базе в области прав человека и отмена устаревшего законодательства колониальной эпохи. Особо было отмечено улучшение ситуации с безопасностью в Джамму и Кашмире, о чем свидетельствует, в частности, посещение региона более 16 миллионами туристов — самый высокий показатель за всю историю [Дмитракова, 2022].

Значительных успехов администрация Джамму и Кашмира добилась в строительстве современных дорог и мостов. В рамках Пакета мер премьер-министра Индии в Джамму и Кашмире реализуется 53 проекта в таких секторах, как дороги, энергетика, здравоохранение, образование, туризм, сельское хозяйство и др. Дорожная сеть расширяется особенно в сельских и отдаленных районах.

В аналитическом сообществе обсуждаются пути и методы выхода из сохраняющегося конфликта в индийско-пакистанских отношениях. Вариант военного решения проблемы представляется бессмысленным, что доказано опытом прошлых вооруженных конфликтов, которые приводили лишь к жертвам и разрушениям, а проблемы оставались нерешенными. Высказываются различные мнения: от сохранения статус-кво, т. е. признания линии фактического контроля в качестве международной границы до выполнения резолюции ООН о проведении плебисцита под международным контролем и признания права на провозглашение независимости Кашмира. Сложная ситуация внутри и вокруг Кашмира остается как причиной, так и следствием возникновения и сохранения напряженности в индо-пакистанских отношениях.

Можно ли рассчитывать на то, что в конечном итоге принятые меры приведут к укреплению конституционного строя Индии, совершенствованию федеративной системы страны, уравниванию в правах различных штатов и союзных территорий, политическому и экономическому развитию региона Джамму и Кашмир как неотъемлемой части Республики? Ответом на этот вопрос может послужить лишь реальное позитивное развитие ситуации в Южной Азии, укрепление политических, экономических и международных позиций двух ведущих стран региона и благоприятное развитие отношений между ними. В настоящий момент индо-пакистанское противостояние по вопросу о Кашмире относится к категории сохраняющихся в мировой практике многолетних конфликтов, которые дестабилизируют международную обстановку и сопровождаются многочисленными жертвами. Печальный опыт Ближнего Востока не может и не должен распространяться на регион Индостана.

Литература/References

- Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. А. *Южная Азия в мировой политике*. М., 2003 [Belokrenitsky V., Moskalenko V., Shaumyan T. *South Asia in World Politics*. Moscow, 2003 (in Russian)].
- Дмитракова Т. За три года ситуация в Джамму и Кашмире кардинально изменилась. *Российская газета*, 16.11.2022 [Dmitrakova T. Within Three Years the Situation in Jammu and Kashmir Changed Cardinally. *Rossiiskaya Gazeta*. 16.11.2022 (in Russian)].
- Шаумян Т. А. Спор о принадлежности Кашмира. Ситуация внутри и вокруг Кашмира в пост-конфронтационную эпоху. *Южная Азия в современном политическом мире*. New York, 2001. С. 183–246.
- Шаумян Т. А. Спор вокруг Кашмира: истоки конфликта. *Индия: достижения и проблемы*. М., 2002. С. 61–76.
- Шаумян Т. А. Индия — Пакистан. Кашмирский тупик. *Азия и Африка сегодня*. 2002. № 9. С. 15–19.
- Шаумян Т. А. Спор о принадлежности Кашмира: у истоков проблемы. Ситуация внутри и вокруг Кашмира в постбиполярную эпоху. *Южная Азия в мировой политике*. М., 2003. С. 155–210.
- Jammu and Kashmir: Disturbed Situation*. Human Rights Council. Ninth Session. Geneva, 08–26 September 2008. Belgian Association for Solidarity With Jammu and Kashmir.
- Jha P. Sh. *Kashmir 1947. Rival Versions of History*. Delhi, 1996.
- Kirkpatrick J. UN Human Rights needs some entry needs some entry standards. *International Herald Tribune*. 2003. May 14.
- Lamb A. *Birth of a Tragedy. Kashmir 1947*. Hertingfordbury, 1994.
- Pakistan-India. Kashmir Dispute. A Chronology of Important Events (1947–1990)*. Lahore, 1994.
- Sibal Kanwal. *Article 370 Fully Integrates J&K with India*. Vivekananda International Foundation. 2020. August 3.

The Kashmir Issue. High Commission of India. London, 1993.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Пахомов Е. Месяц после 70 лет конфликта. Как Индия отменяет автономию Кашмира. Московский центр Карнеги. 02.12.2019. <https://carnegiemoscow.org/commentary/80459> [Pakhomov E. A Month after 70 Years of Conflict. Moscow Carnegie Center. 02.12.2019. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/80459> (дата обращения: 16.09.2023) (in Russian)].
- Deshmane A. Kashmir: Scrapping Article 370 “Unconstitutional”, “Deceitful” Says Legal Expert A. G. Noorani. *Huffpost*. 05.08. 2019. URL: https://www.huffpost.com/archive/in/entry/kashmir-article-370-scrapping-constitutional-expert-reacts-noorani_in_5d47e58de4b0aca341206135 (дата обращения: 16.09.2023).
- Omar, Mehbooba, Lone placed under house arrest. *Greater Kashmir*, 05.08.2019. URL: <https://www.greaterkashmir.com/todays-paper/omar-mehbooba-lone-placed-under-house-arrest> (дата обращения: 16.09.2023).
- Jammu and Kashmir: population distribution, 1981 and subsequent growth. URL: <https://kashmirstudygroup.com/awayforward/mapsexplan/population.html>. 2000 (дата обращения: 16.09.2023).
- Russia says Article 370 move backed by Constitution, asks India/ Pakistan to take diplomatic route/. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/article-370-rfshmir-russia-india-pakistan-constitution-1579363-2019-08-10> (дата обращения: 16.09.2023)

АДЖИТ ДОВАЛ: ВЛИЯНИЕ «ИНДИЙСКОГО ДЖЕЙМСА БОНДА» НА ПОЛИТИКУ В ОТНОШЕНИИ ПАКИСТАНА

© 2023

Е. В. Голубцова¹

Советник по национальной безопасности премьер-министра Индии Аджит Довал сегодня является одним из самых влиятельных людей в стране. Его полномочия не ограничиваются консультированием премьер-министра по вопросам госбезопасности. Положение Довала позволяет ему оказывать влияние на деятельность государственных структур, так или иначе связанных с национальной безопасностью, а также играть ключевую роль в формировании внешнеполитической линии страны, в том числе в отношении Пакистана. При этом он проявляет себя как сторонник бескомпромиссных ответных и превентивных действий, направленных на минимизацию последствий проявления агрессии со стороны соседнего государства.

Так, Довал предложил новую доктрину взаимодействия с Пакистаном, в основу которой положена наступательно-оборонительная стратегия, предусматривающая применение против пропакистанских террористических группировок конвенционального оружия. Кроме того, в целях защиты Индии доктриной допускается воздействие на внутренние проблемы Пакистана с целью его дестабилизации, то есть применение методов, характерных для гибридной войны, — противостояния между странами, которое выходит за рамки традиционных боевых действий и ведется в политической, финансово-экономической, культурной, информационной, дипломатической и других сферах.

Карьерный рост Довала и сосредоточение в его руках большой власти, а также продление в 2019 г. его полномочий на второй срок — свидетельство поддержки руководства Индии, одобрения на самом высоком уровне позиции Довала о необходимости вести диалог с Пакистаном исключительно на приемлемых для Индии условиях и ужесточения мер против любых попыток дестабилизировать ситуацию внутри страны.

Ключевые слова: Аджит Довал, доктрина Довала, Индия, национальная безопасность, гибридная война, Пакистан

Для цитирования: Голубцова Е. В. Аджит Довал: влияние «индийского Джеймса Бонда» на политику в отношении Пакистана. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 265–273. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-265-273

AJIT DOVAL: THE APPROACH OF “INDIAN JAMES BOND” TO THE POLICY TOWARDS PAKISTAN

Ekaterina V. Golubtsova

¹ Голубцова Екатерина Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель факультета иностранных языков Военного университета МО РФ им. князя А. Невского, Москва; ekaterinasalupenko6@gmail.com

Ekaterina V. Golubtsova, PhD (History), Senior Lecturer, Faculty of Foreign Languages, The Prince Alexander Nevsky Military University, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow; ekaterinasalupenko6@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4919-3611

Nowadays Ajit Doval, National Security Adviser to the Prime Minister of India, is one of the most powerful people in the country. His authority is not limited to advising the Prime Minister on issues of ensuring state security. Doval has a certain influence over working process of state structures, important for national security, and also to play a key role in shaping the country's foreign policy, including the relations with Pakistan. At the same time, he proved to be a supporter of uncompromising approach and preventive actions to any manifestations of aggression on the part of a neighboring state.

Thus, Doval proposed a new doctrine manifesting the relations with Pakistan, based on an offensive-defensive strategy that implies the use of conventional weapons against pro-Pakistani terrorist groups. In addition, in order to protect India, the doctrine involves the impact on the internal problems to destabilize Pakistan, e. g. the use of methods of a hybrid war — a confrontation between countries that goes beyond traditional hostilities and is conducted in the political, financial, economic, cultural, informational, diplomatic, cyber and other spheres.

Doval's career growth and the concentration of power in his hands, as well as the extension of his service in 2019 are the evidence of the recognition at the highest level of Doval's views on the necessity to conduct a dialogue with Pakistan from a position of strength and tough response to any attempt to destabilize the situation inside India.

Keywords: Ajit Doval, Doval doctrine, India, national security, hybrid warfare, Pakistan

For citation: Golubtsova E. V. Ajit Doval: The Approach of "Indian James Bond" to the Policy Towards Pakistan. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 265–273. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-265-273

Аджит Довал, советник премьер-министра Индии по национальной безопасности², считается вторым по степени влияния человеком в стране, одним из самых доверенных и приближенных к Нарендре Модии лиц. В своей деятельности Довал не ограничивается консультированием премьер-министра по вопросам государственной безопасности. При его непосредственном и во многом решающем участии формируется внешняя политика страны.

С момента назначения на должность в 2014 г. сфера компетенции Довала постепенно расширялась, что со временем повлекло за собой ряд изменений в системе национальной безопасности.

В настоящее время основными элементами этой системы являются Комитет кабинета министров по безопасности (Cabinet Committee on Security), Совет национальной безопасности (National Security Council), Секретариат Совета национальной безопасности (National Security Council Secretariate) и Группа стратегического планирования (Strategic Policy Group). Они курируют вопросы, так или иначе затрагивающие национальную безопасность, обеспечение общественного порядка, а также вырабатывают соответствующие предложения и рекомендации.

Наиболее влиятельным органом в системе национальной безопасности Индии является Комитет кабинета министров по безопасности. В его состав входят министры обороны, финансов, а также внутренних и иностранных дел. Комитет кабинета министров по безопасности возглавляет лично премьер-министр. На уровне комитета принимаются окончательные решения по функционированию ключевых сфер деятельности государства.

Министры, входящие в Комитет кабинета министров по безопасности, являются также членами Совета национальной безопасности (СНБ). Помимо глав ключевых ведомств в состав СНБ входят советник премьер-министра Индии по национальной безопасности и его заместители, начальник штаба обороны, а также вице-председатель Национального института трансформации Индии (NITI Aayog). Основная задача СНБ заключается в информировании премьер-министра об актуальных аспектах госбезопасности. Деятельность СНБ обеспечивается секретариатом.

² Пост советника по национальной безопасности был учрежден в 1998 г.

Секретариат СНБ возглавляет советник премьер-министра Индии по национальной безопасности Довал. Членами секретариата являются также 3 его заместителя, отвечающих за ключевые направления — внутренние угрозы, международная обстановка, информационные технологии и кибербезопасность. Кроме того, в состав секретариата входят военный советник, должность которого была восстановлена в 2018 г., и координатор национальной морской безопасности. По всем ключевым вопросам глава секретариата докладывает напрямую Комитету кабинета министров по безопасности или лично премьер-министру.

В 2018 г. Довал был назначен новым руководителем Группы стратегического планирования (ГСП), заменив на этом посту секретаря кабинета министров (cabinet secretary), традиционно ее возглавлявшего [Gupta, 2018]. В состав ГСП входят начальники штаба сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морского флота, директор ведомства внешней разведки (Research and Analysis Wing) и директор внутреннего разведывательного учреждения (Intelligence Bureau), глава Резервного банка Индии, секретари ключевых министерств. ГСП занимается анализом краткосрочных и долгосрочных угроз национальной безопасности, разработкой мер противодействия, а также вопросами, связанными с ядерной сферой.

В 2018 г. для обеспечения оперативной связи между советником по национальной безопасности и высшим военным руководством был создан Комитет оборонного планирования (Defence Planning Committee). Помимо Довала, который возглавил комитет, в его состав вошли начальники штабов трех видов войск. Главной задачей комитета стала разработка стратегии национальной безопасности, а также анализ военной обстановки и вопросов обеспечения обороноспособности страны.

В 2019 г. полномочия Довала были продлены еще на 5 лет. Он стал первым советником, который остался на своем посту на второй срок. В этом же году статус Довала был приравнен к рангу члена Кабинета министров, что позволило ему официально занять место члена Комитета кабинета министров по безопасности [Gupta, 2018].

Результатом расширения должностных полномочий Довала, одобренного непосредственно Моди, стала активизация его вовлеченности в деятельность ключевых государственных структур Индии, так или иначе задействованных в обеспечении национальной безопасности. Это не только существенно расширило сферу влияния Довала, придало больший вес его решениям и поручениям, но и обеспечило ему в итоге место самой влиятельной после премьер-министра фигуры в стране.

Учитывая популярность Моди в Индии и высокую вероятность его переизбрания в качестве премьер-министра в 2024 г., шансы Довала в дальнейшем сохранить и упрочить свое влияние также рассматриваются как вполне реальные.

В Индии и за ее пределами известны такие прозвища Довала, как «ястреб» и «индийский Джеймс Бонд», которые достаточно точно характеризуют его жизненный путь, во многом напоминающий судьбу вымышленного агента британской спецслужбы. Список его профессиональных достижений действительно впечатляет.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДЖИТА ДОВАЛА

Свою профессиональную деятельность Довал начал в 1968 г. в качестве офицера полиции в штате Керала. Через 4 года он поступил на службу в Разведывательное бюро. Будучи агентом полиции, Довал в 1980-е гг. работал под прикрытием на северо-востоке Индии, внедрился в лагерь сепаратистского движения народа мизо. Впоследствии лидер движения Лалденга

утверждал, что согласился заключить перемирие с индийским правительством в 1986 г. во многом потому, что Довал убедил 6 из 7 его помощников прекратить борьбу.

Кроме того, в 1970 г. Довал был отправлен в княжество Сикким с миссией формирования проиндийских настроений среди местного населения, а в 1975 г. принимал активное участие в разработке операции по присоединению Сиккима к Индии [Sharma, 2022].

Нельзя не отметить вклад Довала в проведение операции «Черный гром» в 1988 г. Разведданные, полученные им после внедрения к укрывшимся в Золотом храме сикхским экстремистам, оказались чрезвычайно важными для планирования операции. Как вспоминает в своей книге «Жизнь в тени» бывший директор Отдела исследований и анализа Амарджит Сингх Дулат — коллега Довала по работе в Кашмире, Довал проник внутрь Золотого храма, притворившись рикшей, который якобы являлся сотрудником пакистанской спецслужбы [Dulat, 2022].

В качестве агента под прикрытием Довал работал в Китае, много лет провел в Кашмире. Например, в 1990-е гг. в Кашмире в его задачу входило привлечение политического деятеля Куки Паррея, основавшего в 1993 г. движение Ихван-ул-муслимун³, к сотрудничеству с индийской армией в рамках борьбы с пропакистанскими террористическими группировками [Rajendrachola, 2021].

Профессиональные успехи Довала были отмечены государством в 1998 г.: он стал первым и самым молодым полицейским в Индии, награжденным высшей государственной наградой за военные заслуги в мирное время — орденом Кирти Чакра.

В 1999 г. он принял участие в переговорах в Кандагаре по освобождению пассажиров захваченного террористами самолета. Около 10 лет Довал проработал в Разведывательном бюро, при этом в 2004–2005 гг. в качестве руководителя. В 2009 г. он основал и возглавил аналитический центр по вопросам государственной политики — Международный фонд Вивекананды [Rajendrachola, 2021].

Кроме того, «индийский Джеймс Бонд» провел год в качестве агента под прикрытием в г. Лахор, собирая разведданные о пропакистанских боевиках, а затем еще 6 лет в качестве сотрудника Индийского верховного комиссариата в г. Исламабад. За годы пребывания в Пакистане он, будучи брахманом, маскировался под мусульманина. Для полного погружения в среду последователей ислама ему пришлось сделать пластическую операцию, чтобы скрыть проколы в ушах⁴, выдававшие в нем индуса. С целью сбора необходимой информации Довал регулярно посещал мечети, освоил урду, досконально изучил культуру и особенности социально-политической сферы Пакистана [Sonavane, 2020]. Он приобрел колоссальный опыт работы с пропакистанскими боевиками в Кашмире, а также непосредственно в Пакистане.

Заслуги, достижения, а, главное, знания и опыт Довала не остались незамеченными и во многом предопределили выбор именно его кандидатуры на должность советника премьер-министра по национальной безопасности. Кроме того, немаловажную роль сыграла и специализация служебной деятельности Довала, соответствующая ключевому для внешнеполитической деятельности Индии пакистанскому направлению. Продление его полномочий в 2019 г. и продолжающееся укрепление влияния свидетельствуют о том, что руководство страны не только поддерживает предложенный им курс в отношении Пакистана, но и заинтересовано в его дальнейшей реализации.

³ Ихван-ул-муслимун — добровольческое военизированное формирование, цель которого заключалась в борьбе с террористическими организациями Кашмира.

⁴ Скорее всего речь идет об индусском ритуале *карнаведжа*, который заключается в прокалывании ушей детям с целью пробудить в них особый слух для получения священных звуков, что в дальнейшем может очищать грехи и обучать душу.

«ДОКТРИНА ДОВАЛА»

Основные положения своей доктрины Довал изложил в феврале 2014 г. в ходе выступления в университете города Танджавур. Прежде всего он обозначил необходимость для Индии отказаться от позиции обороняющейся стороны. По словам Довала, в рамках новой доктрины следует осуществлять «оборонительное наступление» или «активную оборону», которая в случае агрессии противника предусматривает применение ответных мер, а именно: использование против пропакистанских сил конвенционального оружия; воздействие на уязвимые места Пакистана (экономическая обстановка, проблемы во внутренней и внешней политике) при помощи, например, международной изоляции, подрыва деятельности Пакистана в Афганистане, дестабилизации обстановки в его провинциях некинетическими методами (т. е. без применения физической силы); противодействие террористическим организациям путем перекрытия каналов поставки оружия, живой силы, источников финансирования (контрфинансирование). Кроме того, Довал открыто предупредил, что «в ответ на еще один «Мумбай» Пакистан может потерять Белуджистан» [Neelakantan, 2016], подтвердив тем самым связь индийских спецслужб с белуджскими организациями, борющимися за предоставление независимости пакистанской провинции Белуджистан. При этом, говоря о «Мумбае», он имел в виду серию терактов 2008 г., предположительно организованных пропакистанской террористической группировкой «Лашкар-е-тайба».

Необходимость новой стратегии в отношении Пакистана комментируется Довалом достаточно образно: «Придется отказаться от оборонительного способа, потому что, если в меня кинули сто камней, я отражу девяносто, но десять все-таки попадут в меня, и так я никогда не смогу победить. <...> А при оборонительно-наступательном способе мы видим, где пролегал баланс сил» [Noorani, 2015]. Очевидно, что под «камнями» подразумеваются попытки Пакистана дестабилизировать Индию.

Довал подчеркивает, что доктрина не предполагает обращения к ядерному оружию, поскольку для нанесения ущерба Пакистану будет достаточно надавить на его «болевы́е точки». Однако следующим шагом после «оборонительного наступления» он называет «наступательный режим» (непосредственное применение военной силы) [Neelakantan, 2016].

В своей доктрине Довал делает упор на противодействие попыткам Пакистана нанести ущерб Индии преимущественно за счет вмешательства в его внутренние дела. О целесообразности этой стратегии он писал еще в 2011 г. в рамках исследования для Международного фонда Вивекананды. Тогда он указывал, что в последние десятилетия более 80% стран столкнулось с дестабилизацией и даже крахом государственности из-за внутренних проблем. Вместе с тем зачастую именно внешние факторы становились той причиной, которая значительно усугубляла внутренние кризисы, делая их необратимыми. На этой основе Довалом делался вывод об устаревании и низкой результативности прежних методов обеспечения национальной безопасности. При этом под «прежними методами» в первую очередь он имел в виду конвенциональные войны, поскольку на первый план выдвинулся новый тип конфликта — асимметричный [Doval, 2011].

Асимметричный конфликт — вид вооруженного противостояния, характерной особенностью которого является значительная разница в военном потенциале воюющих сторон. Наиболее распространенным примером асимметричного конфликта считается война между регулярными войсками государства, обладающего военным преимуществом, и нерегулярными войсками государства или непризнанного государства с меньшей военной мощью [Пфаннер, 2005, с. 198].

Именно такая стратегия, по словам Довала, на протяжении нескольких десятилетий активно реализовывалась Пакистаном. В связи с этим Индии следует уделять повышенное внимание внутренней безопасности, чтобы не допустить «лазеек» для противника [Doval, 2011]. Став советником по вопросам национальной безопасности, Довал предложил использовать против Пакистана сходную стратегию.

Важным моментом для понимания и оценки стратегии Довала является тот факт, что предложенные им способы межгосударственного противостояния определяют содержание современных гибридных войн — такого сочетания методов некинетической и кинетической войн (применение физической силы против противника), при котором классические военные действия осуществляются в комплексе с неконвенциональными методами. В современном мире наиболее активно используемые неконвенциональные методы — это кибервойна, политическая пропаганда, агрессивная дипломатия, экономическое давление, подрывная деятельность, помощь повстанцам на территории противника. В целом к неконвенциональным методам можно отнести любые доступные способы и средства, способные ослабить противника.

Гибридные войны — не новый опыт в мировой истории. Однако повышенный интерес к этому явлению (и его терминологическое оформление соответственно) отмечается в начале нынешнего столетия в связи с распространением прежде всего международного терроризма.

Влияние «доктрины Довала» на формирование общего курса отношений с Пакистаном проявилось в опубликованной в 2017 г. доктрине вооруженных сил Индии, делающей упор на значимость и современную роль гибридной войны. Например, в разделе, посвященном национальной безопасности и военным стратегиям, понятие «гибридная война» дополняется определением ее как конфликта, в котором границы между политикой и войной, сражающимися и простыми гражданами стерты. Это война, в которой в качестве одного из участников выступает не государство, а негосударственный игрок, который может, однако, спонсироваться государством⁵.

Доктриной вооруженных сил Индии определяются действия для предотвращения, а также при развитии конфликтных ситуаций. Например, нанесение «хирургических» ударов по противнику. «Хирургические» удары (или использование конвенционального оружия) в полной мере соответствуют взглядам Довала о стратегии ведения «активной обороны». Данное положение получило свою реализацию еще до официального ее принятия в ходе авиаударов индийских ВВС по базам пропакистанских боевиков в 2016 г. недалеко от г. Ури в ответ на организованный ими теракт. Аналогичные меры были предприняты и в 2019 г., после атаки террористов в г. Пулвама.

Среди других методов воздействия на противника в доктрине отмечаются принудительная дипломатия (дипломатическая изоляция, экономические санкции, угроза применения военной силы), принуждение и сдерживание, т. е. увеличение потенциальных рисков для противника в случае его агрессивных действий (меры предотвращения конфликта) и, наконец, реальное применение военной силы, если иные методы оказываются неэффективными. Обращение к силовому воздействию возможно в форме конвенциональной войны; действий, которые направлены на снижение эффективности вооруженных сил противника (например, уничтожение важных военных объектов или деморализацию военнослужащих), а также его «скованности» (например, блокада или экономические санкции)⁶. В «доктрине Довала» этот шаг получил название «наступательный режим».

⁵ Joint Doctrine. Indian Armed Forces. 2017. URL: https://ids.nic.in/IDSAdmin/upload_images/doctrine/JointDoctrineIndianArmedForces2017.pdf (дата обращения: 13.03.2023).

⁶ Ibid.

Кроме того, в соответствии с «доктриной Довала» индийской стороной активизируется деятельность по дипломатической изоляции Пакистана. Это подтверждается многочисленными примерами индийских инициатив на международной арене. К ним, в частности, относится возобновление работы по продвижению Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму в ООН [Chaudhury, 2018], цель которой, помимо прочего, заключается в привлечении Пакистана к ответственности за теракты, совершенные на территории Индии. Впервые конвенция была предложена Индией в 1997 г. Она закрепляет общее понимание и определение терроризма и таким образом создает юридические рамки для скоординированной борьбы с международным терроризмом.

Еще одним примером воздействия на Пакистан дипломатическим путем являются отдельные призывы официальных представителей Индии о необходимости внесения Пакистана в составляемые США списки так называемых «стран-изгоев» («rogue states») [Suman, 2014], а также «несостоявшихся» или «хрупких государств» («failed states»/ «fragile states») [Shankar, 2019]. Это вызывает опасения пакистанского руководства, что Индия таким образом планирует усилить сомнения среди мирового сообщества по поводу безопасности ядерного арсенала Пакистана.

Также индийской стороной в целях усугубления экономического положения Пакистана намеренно создавался негативный образ страны в Группе разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), борющейся с финансированием терроризма⁷. Проявлением гибридной войны Индии против Пакистана стала агрессивная дипломатия в рамках и других международных структур. Так, во время заседания глав внешнеполитических ведомств стран-участниц Шанхайской организации сотрудничества в мае 2023 г. министр иностранных дел Индии Субраманьям Джайшанкар публично высказался о причастности своего коллеги из Пакистана Билавала Бхутто Зардари к индустрии международного терроризма [Prakash, 2023].

Противостояние Индии с Пакистаном осуществляется и в информационной сфере. Согласно отчетам независимой некоммерческой организации «ЕЮ Дизинфолэб» (EU DisinfoLab), занимающейся борьбой с дезинформацией, в 2019 г. Индия использовала 265 фейковых новостных сайтов, чтобы распространять сообщения, целью которых являлось искажение образа Пакистана, а также продвижение интересов Индии в 65 странах. При этом издания ссылались на несуществующие организации и ушедших из жизни экспертов. Все новостные порталы принадлежали организации «Шривастава Групп» (Srivastava Group), офисы которой расположены не только в Нью-Дели, но и в других азиатских и европейских городах. Об организации стало известно, когда от ее имени 23 членам Европарламента были разосланы приглашения посетить Кашмир. В распространении фейковых новостей о Пакистане и продвижении позиции, выгодной для индийского правительства, также было замечено информационное агентство Индии Эйшвен Ньус Интернэшнл [Machado et al., 2020].

В Индии осуществляются активные действия по подготовке и ведению кибервойн. Так, в 2018 г. было принято решение о создании Агентства киберобороны — военной структуры, основная задача которой заключается в обеспечении кибербезопасности⁸. В 2022 г. в стране были проведены первые учения по национальной кибербезопасности, в ходе которых специальный персонал (в частности госструктур) обучался способам своевременного реагирования

⁷ Modi govt ensured Pakistan is retained on FATF grey list, says Jaishankar. Hindustan Times. July 18, 2021. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/modi-govt-ensured-pakistan-remained-on-fatf-grey-list-says-jaishankar-101626608739423.html> (дата обращения: 19.07.2021).

⁸ India set to have Defence Cyber Agency in May; Rear Admiral Mohit to be its first chief. ANI. April 30, 2019. URL: <https://www.aninews.in/news/national/general-news/india-set-to-have-defence-cyber-agency-in-may-rear-admiral-mohit-to-be-its-first-chief20190430102739/> (дата обращения: 20.03.2021).

на киберугрозы и основам кибервойны [Choudhary, 2023]. О значимости этого направления в деятельности структур, обеспечивающих национальную безопасность, свидетельствует и введение должности заместителя советника по национальной безопасности, специализирующегося на вопросах кибербезопасности. На сегодняшний день эту должность занимает бывший директор Отдела исследований и анализа Раджиндер Кханна.

Решение индийского руководства отменить статью № 370 Конституции Индии, закреплявшую автономию штата Джамму и Кашмир, также было принято под влиянием Довала. В определенной степени эти действия можно рассматривать как реализацию против Пакистана методов психологической войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хотелось бы отметить, что для Довала, по утверждению его бывшего коллеги А. С. Дулата, не характерна принципиальная враждебность в отношении Пакистана. В самом начале своей деятельности на посту советника премьер-министра по национальной безопасности он надеялся на нормализацию отношений с ближайшим соседом. А. С. Дулат в одном из своих интервью сообщил, что, по некоторым оценкам, у Довала сложились хорошие отношения с Камаром Джаведом Баджвой, бывшим начальником штаба сухопутных войск Пакистана⁹. Во всяком случае, именно благодаря их взаимодействию в 2021 г. между Индией и Пакистаном был восстановлен режим прекращения огня.

Тем не менее назначение Довала на одну из ключевых должностей, определяющих политику государства в сфере национальной безопасности, ознаменовало собой выбор принципиально иной линии Индии в отношении Пакистана: по таким вопросам, как кашмирская проблема и задействование пакистанской стороной террористических группировок, индийское руководство заняло бескомпромиссную позицию. Ответы Пакистану на действия, наносящие ущерб Индии, стали более жесткими. Меры противодействия, характеризующиеся как «наступательно-оборонительные», стали разнообразнее и включают в себя как применение конвенционального оружия, так и некинетические методы воздействия. Руководством Индии поддерживается позиция Довала о необходимости вести диалог с Пакистаном с позиции силы, диктовать необходимые для добрососедских отношений между двумя странами условия и жестко реагировать на любые попытки дестабилизации ситуации внутри Индии.

Литература / References:

Пфаннер Т. Асимметричная война с точки зрения гуманитарного права и гуманитарной деятельности. *Международный журнал Красного Креста*. 2005. № 857. С. 195–228 [Pfanner T. Asymmetrical warfare from the perspective of humanitarian law and humanitarian action. *Mezhdunarodnyj zhurnal Krasnogo Kresta*. 2005. No. 857. Pp. 195–228 (in Russian)].

Dulat A. S. *A Life in the Shadows: A Memoir*. Gurugram, 2022.

Sharma M. D. *Supercop NSA Ajit Doval*. New Delhi, 2022.

⁹ A. S. Dulat on Ajit Doval's Ambition, Modi Govt's Missing Sensitivity on Kashmir and More. *The Wire*. December 20, 2022. URL: <https://thewire.in/politics/full-text-a-s-dulat-on-ajit-dovals-ambition-modi-govts-missing-sensitivity-on-kashmir-and-more> (дата обращения: 20.12.2022).

Электронные ресурсы / Electronic sources

A. S. Dulat on Ajit Doval's Ambition, Modi Govt's Missing Sensitivity on Kashmir and More. *The Wire*. December 20, 2022. URL: <https://thewire.in/politics/full-text-a-s-dulat-on-ajit-dovals-ambition-modi-govts-missing-sensitivity-on-kashmir-and-more> (дата обращения: 20.12.2022).

Chaudhury D. R. India to garner support for anti-terror initiative CCIT at BRICS. *The Economic Times*. July 12, 2018. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/india-to-garner-support-for-anti-terror-initiative-ccit-at-brics/articleshow/54859024.cms> (дата обращения: 21.03.2023).

Choudhary G. India conducts national cyber defence exercise to safeguard critical infrastructure amid escalating threats. *Mint*. May 28, 2023. <https://www.livemint.com/news/india-conducts-national-cyber-defence-exercise-to-safeguard-critical-infrastructure-amid-escalating-threats-11685248974907.html> (дата обращения: 28.05.2023).

Doval A. Internal Security — Need for Course Correction. *Vivekananda International Foundation*. February 3, 2011. URL: <https://www.vifindia.org/article/2011/february/3/Internal-Security%E2%80%93Need-for-Course-Correction> (дата обращения: 10.04.2023).

Gupta S. The new Doval Durbar reduces India's layered security system to a top-down Caliphate. *The Print*. October 13, 2018. URL: <https://theprint.in/national-interest/india-gets-a-national-security-adviser-it-is-ajit-doval/133795/> (дата обращения: 10.05.2023).

India set to have Defence Cyber Agency in May; Rear Admiral Mohit to be its first chief. *ANI*. April 30, 2019. URL: <https://www.aninews.in/news/national/general-news/india-set-to-have-defence-cyber-agency-in-may-rear-admiral-mohit-to-be-its-first-chief20190430102739/> (дата обращения: 20.03.2021).

Joint Doctrine. Indian Armed Forces. 2017. URL: https://ids.nic.in/IDSAdmin/upload_images/doctrine/JointDoctrineIndianArmedForces2017.pdf (дата обращения: 13.03.2023).

Machado G., Alaphilippe A., Adamczyk R., Grégoire A. Indian Chronicles: deep dive into a 15-year operation targeting the EU and UN to serve Indian interests. *UE Disinfo Lab*. December 9, 2020. URL: <https://www.disinfo.eu/publications/indian-chronicles-deep-dive-into-a-15-year-operation-targeting-the-eu-and-un-to-serve-indian-interests/> (дата обращения: 20.03.2021).

Modi govt ensured Pakistan is retained on FATF grey list, says Jaishankar. *Hindustan Times*. July 18, 2021. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/modi-govt-ensured-pakistan-remained-on-fatf-grey-list-says-jaishankar-101626608739423.html> (дата обращения: 19.07.2021).

Neelakantan S. When NSA Ajit Doval Outlined India's New Pak Strategy- Defensive Offense — Perfectly. *Times of India*. October 4, 2016. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/when-nsa-ajit-doval-outlined-indias-new-pakistan-strategy-defensive-offense-perfectly/articleshow/54670600.cms> (дата обращения: 08.03.2023).

Noorani A. G. The Doval Doctrine. *The Hindu*. October 28, 2015. URL: <https://frontline.thehindu.com/the-nation/the-doval-doctrine/article23593361.ece> (дата обращения: 13.04.2023).

Prakash A. "Terror industry promoter's positions called out, countered": Jaishankar on Bilawal at SCO. *Hindustan Times*. May 5, 2023. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/s-jaishankar-bilawal-bhutto-zardari-pakistan-terror-sco-foreign-ministers-meeting-101683294226873.html> (дата обращения: 05.05.2023).

Rajendrachola. The Making of NSA "Ajit Doval". *Kreately*. March 7, 2021. URL: <https://kreately.in/the-making-of-nsa-ajit-doval/> (дата обращения: 10.05.2023).

Shankar P. R. Pakistan: A State Progressing from Failing to Failed. *Bharat Shakti*. June 22, 2019. URL: <https://bharatshakti.in/pakistan-a-state-progressing-from-failing-to-fail/> (дата обращения: 20.03.2021).

Sonavane A. As NSA Ajit Doval Turns 75, Here's All About His 7-year Stint as A Spy in Pakistan. *Republic World*. January 20, 2020. URL: <https://www.republicworld.com/india-news/general-news/as-nsa-ajit-doval-turns-75-heres-all-about-his-7-year-stint-as-a-spy.html> (дата обращения: 07.03.2023).

Suman M. Pakistan Is a Rogue Country and Should Be Treated Accordingly. *India Defence Review*. August 14, 2014. URL: <http://www.indiandefencereview.com/news/pakistan-is-a-rogue-country-and-should-be-treated-accordingly/> (дата обращения: 20.03.2023).

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ИНДИЕЙ И СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: НАПРАВЛЕНИЯ, ОСОБЕННОСТИ, ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

© 2023

К. Г. Муратшина¹

В статье анализируется развитие военно-технического сотрудничества (ВТС) между Индией и странами Юго-Восточной Азии (ЮВА). Рассмотрены связи на двустороннем уровне, начиная с прихода к власти премьер-министра Н. Моды в мае 2014 г. В этот период взаимодействие Индии с ЮВА заметно активизировалось, соответствуя смене концепции «Смотреть на Востоке» на курс «Действовать на Востоке». Автором выделены основные направления сотрудничества Индии с каждой из стран ЮВА, факторы развития отношений и последствия такого ВТС для ситуации в регионе. Отмечается, что сотрудничество развивается неравномерно. К примерам наиболее интенсивных связей, содержащих много практических областей ВТС, относится взаимодействие Индии с Вьетнамом, Индонезией, Сингапуром, Мьянмой, Филиппинами. Менее активно ведется, но представляет для обеих сторон определенный интерес ВТС с Мьянмой, Брунеем, Таиландом, Камбоджей. Сотрудничество с Лаосом идет практически в одностороннем режиме помощи ему как одной из беднейших стран мира. С Восточным Тимором ВТС пока не сформировано. Среди главных причин для индийской стороны развивать оборонные связи с ЮВА — желание расширить свое стратегическое присутствие в этом регионе; противодействие росту китайского влияния; продвижение своей роли как лидера Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), готового оказывать содействие технологическому развитию своих партнеров и обеспечивать свою и их безопасность. Страны же ЮВА видят в Индии значимый фактор баланса сил, который может укрепить их безопасность в условиях незавидного положения «между двух огней» в соперничестве Китая и США.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, Индия, военно-техническое сотрудничество, экспорт вооружений, «оборонная дипломатия»

Для цитирования: Муратшина К. Г. Военно-техническое сотрудничество между Индией и странами Юго-Восточной Азии: направления, особенности, факторы развития. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 274–293. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-274-293

INDIA – SOUTHEAST ASIA DEFENSE COOPERATION: DYNAMICS, DIMENSIONS, SPECIFIC FEATURES

Ksenia G. Muratshina

¹ Муратшина Ксения Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Москва; k.muratshina@ivran.ru

Ksenia G. Muratshina, Ph.D. (Hist.), Associate Professor, Senior Researcher at the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; k.muratshina@ivran.ru
ORCID: 0000-0001-7952-6299

This paper analyses the course of the defense cooperation between India and the countries of South-east Asia (SEA). The author studies their bilateral relations during Narendra Modi's premiership, starting from May 2014. Under Modi's leadership, India-SEA ties strengthened, as a result of 'Act East' policy, taken as the substitution of 'Look East' concept. The paper outlines the key areas of bilateral defense cooperation, the factors of its development, and the impact of such ties on regional security. It is concluded that the scale of the cooperation differs significantly. The most diversified and robust ties are those of India with Vietnam, Indonesia, Myanmar, Singapore, and the Philippines, while the less intensive ones include the relationships between India and Malaysia, Brunei Darussalam, Thailand, and Cambodia. India-Laos interaction is in fact unilateral, with India acting as a donor of aid. The relations with Timor-Leste lack defense cooperation so far. Generally, India's motivation to build the defense partnerships in SEA is based on such incentives as the need to expand its strategic presence in this region, the counterbalance to China's growing influence, and the promotion of its image of the Indo-Pacific leader, capable of protecting both its own security and that of the closest allies. Meanwhile, SEA countries accept Indian efforts primarily in order to increase their capacity and power balance in the region.

Keywords: Southeast Asia, India, defense cooperation, arms exports, "defense diplomacy"

For citation: Muratshina K. G. India-Southeast Asia Defense Cooperation: Dynamics, Dimensions, Specific Features. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 274–293. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-274-293

Для стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) Индия исторически является одним из значимых внешних партнеров. В настоящее время происходит заметное расширение и укрепление связей между ними, что соответствует индийской стратегии «Действовать на Востоке». На фоне этого курса, а также общей активизации индийской внешней политики после прихода к власти в 2014 г. премьер-министра Н. Модии одним из наиболее важных направлений взаимодействия Нью-Дели с ЮВА стало военно-техническое сотрудничество (ВТС). В данной статье будет рассмотрено развитие этой области партнерства на двустороннем уровне в отношениях Индии с каждым из государств региона со второй половины 2014 г. по настоящее время.

БРУНЕЙ

Главное направление ВТС Индии и Брунея — работа индийской станции слежения за спутниками и сбора данных о космическом пространстве, построенной в султанате еще в 1999 г. Несмотря на то, что станция всегда позиционировалась как гражданская, необходимая для координации космических миссий, подобные объекты можно отнести к имеющим двойное назначение, особенно с учетом развития индийской военно-космической программы, свидетелем которой мир стал за последние годы². В 2018 г. государства подписали меморандум о продолжении работы станции³. В остальном взаимодействие в рассматриваемый период включало контакты военных делегаций, дружественные визиты кораблей военно-морского флота (ВМФ), прохождение военнослужащими учебных курсов на взаимной основе⁴. В 2016 г. подписан индийско-брунейский меморандум о ВТС. Стороны договорились на постоянной основе

² См., напр.: Безопасность: Индия — спутник — испытания — МИД. *Пульс планеты — Азия ИТГАР-ТАСС*. 27.03.2019.

³ Cabinet apprised of India-Brunei MoU on operation of telemetry tracking for satellites. ANI. 12.09.2018. URL: <https://aninews.in/news/national/general-news/cabinet-apprised-of-india-brunei-mou-on-operation-of-telemetry-tracking-for-satellites201809121924300004/> (дата обращения: 28.06.2023).

⁴ Annual Reports. *Ministry of Defence*. URL: <https://www.mod.gov.in/annual-report> (дата обращения: 17.07.2023); India-Brunei Bilateral Relations. *High Commission of India, Brunei Darussalam*. URL: <https://www.hcindia-brunei.gov.in/page/india-brunei-bilateral/> (дата обращения: 18.08.2023).

организовывать визиты представителей вооруженных сил (ВС) различных уровней, проводить обмен информацией и опытом, наладить взаимодействие между предприятиями военно-промышленного комплекса (ВПК) [Bhattacharjee, 2018].

В Индии на небольшое нефтеэкспортирующее государство смотрят в стратегической перспективе как на морского соседа, отношения с которым позволяют упрочить ее присутствие в ЮВА и Южно-Китайском море (ЮКМ) [Bhattacharjee, 2018]. Для индийской стороны важно «оторвать» Бруней от Китая, не допустить попадания этой страны под его единоличное влияние. Особый интерес представляет и брунейский порт Муара, в нем индийские стратеги видят хороший опорный пункт, который мог бы служить возможной базой ВМФ [Roy, 2020]. Все эти факторы указывают на то, что, невзирая на относительно узкую специализацию двустороннего ВТС в настоящее время, в перспективе взаимодействие, скорее всего, будет расширяться.

Восточный Тимор

С этим государством ВТС у Индии пока не развито, но, учитывая ее инициативность в других сферах отношений (экономика, образование, помощь развитию), можно предположить, что в перспективе оно вполне возможно, хотя бы на уровне представительских обменов. Официальное предложение тиморской стороне добавить оборонную сферу в число направлений сотрудничества уже было сделано⁵.

Вьетнам

ВТС с этой страной на протяжении рассматриваемого периода развивалось весьма интенсивно и системно, в нем выделяется целый ряд наиболее важных событий. В сентябре 2014 г. состоялся первый визит в СРВ делегации индийской Службы береговой охраны. Были проведены переговоры о дальнейшем сотрудничестве. Впоследствии контакты стали регулярными. В 2015 г. стороны подписали меморандум о постоянном взаимодействии по данному направлению. Тогда же была принята программа ВТС до 2020 г. и запущена работа над созданием центра информационных технологий для военных нужд в Университете телекоммуникаций в Нячанге, на что Индия выделила грант в 5 млн долл.

В 2016 г. были подписаны соглашение об обмене информацией о соблюдении правил судоходства, программа сотрудничества военно-воздушных сил (ВВС) и контракт на закупку вьетнамской стороной скоростных катеров для береговой охраны. Также состоялся семинар по продвижению продукции индийского ВПК. Индия анонсировала выделение Вьетnamу кредитной линии в 500 млн долл. на оборонные нужды (из которых в итоге он принял лишь 100 млн для оплаты контракта, не желая чрезмерно увеличивать свой внешний долг).

В 2018 г. в Ханое было открыто представительство индийского производителя электроники для военных нужд «Bharat Electronics Limited»⁶, что свидетельствует о больших ожиданиях от сотрудничества на длительную перспективу. В 2020 г. приняты совместные документы о сотрудничестве в области изучения морского дна⁷, оборонной промышленности

⁵ India — Timor Leste: Bilateral Relations. *Ministry of External Affairs*. URL: https://fsi.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/UNCLASSIFIED_BILATERAL_BRIEF_ON_TIMOR_LESTE.pdf (дата обращения: 18.07.2023).

⁶ Annual Reports. *Ministry of Defence*.

⁷ India and Vietnam hold bilateral talks on the Comprehensive Strategic Partnership. *Indiatimes*. 28.11.2020. URL: <https://www.indiatimes.in/9682/india-and-vietnam-hold-bilateral-talks-on-the-comprehensive-strategic-partnership/> (дата обращения: 06.06.2023).

и миротворческих операциях ООН⁸. Присутствие первого в этом списке неслучайно: он был заключен в ходе переговоров министров обороны двух стран, что вполне отчетливо указывает на двойное назначение гидрографических изысканий.

В 2021 г. партнеры объявили о новом приоритете связей — «синергии» в ВПК и развитии новых технологий⁹. Оборонными ведомствами был совместно организован онлайн-семинар по развитию ВТС, в котором приняли участие представители индийских компаний ВПК, дипломатических и военных кругов¹⁰. В 2022 г. успешно выполнен контракт на поставку катеров (всего 12 судов), пять из них были произведены в Индии, семь — по индийской технологии и с индийской поддержкой на вьетнамских верфях¹¹. В 2022 г. Индия и Вьетнам приняли заявление об общем видении ВТС до 2030 г. и меморандум о взаимной логистической поддержке, который позволяет военным кораблям и авиации сторон пополнять запасы топлива и получать иную поддержку на базах друг друга [Banerjee, 2022].

Помимо этого, регулярно проводились диалог по вопросам оборонной политики (начат до 2014 г.), переговоры оборонных ведомств, родов войск (ВМФ с 2016 г., сухопутных войск с 2017 г., ВВС с 2018 г.), обучение вьетнамских военнослужащих, визиты кораблей и кадетского корпуса, проведение учений, отправка Индией групп военных инструкторов, помощь вьетнамской стороне в ремонте оборудования, встречи постоянных рабочих групп, экспертных кругов, приглашение вьетнамских наблюдателей на некоторые учения ВМФ Индии. В честь 10-летия стратегического партнерства в 2017 г. визит во Вьетнам нанес симфонический оркестр индийских ВС. Команда из Вьетнама участвовала в 2017 г. в парусной регате индийской Военно-морской академии¹².

Крупных контрактов на поставку вооружений и военной техники (ВиВТ), о которых сообщалось бы в публичном пространстве, помимо постройки катеров, пока подписано не было, но в материалах индийского Минобороны Вьетнам обозначался как одно из основных направлений оборонного экспорта. Время от времени в СМИ появлялась информация о переговорах по поводу закупки тех или иных видов ВиВТ, в частности, российско-индийского ракетного комплекса «Брамос», зенитно-ракетных комплексов «Акаш», вертолетов «Дхрув», некоторых видов радаров и торпед, но официальных комментариев по ним пока нет. Не создано и каких-либо индийских баз во Вьетнаме, хотя в Нью-Дели недвусмысленно дают понять, что индийская сторона заинтересована в таком сотрудничестве [См., напр.: Chakravorty, 2016].

Особое место в двусторонних отношениях занимает объект, схожий с расположенным в Брунее, — станция слежения за спутниками и сбора данных, договоренность о строительстве которой во Вьетнаме была достигнута в 2016 г.¹³ В 2018 г. было подписано соответствующее соглашение [Bhaumik, 2018], в 2021 г. сообщалось, что строительство идет полным ходом¹⁴, в 2022 г.

⁸ Outcomes of India — Vietnam Virtual Summit. *Indiaties*. 21.12.2020. URL: <https://www.indiaties.in/10287/outcomes-of-india-vietnam-virtual-summit/> (дата обращения: 06.06.2023).

⁹ Press Release — July 2021. New Delhi: Ministry of Defence, 2021. P. 51.

¹⁰ VIF News Digest: National Security — Defence Studies & Terrorism. *Vivekananda International Foundation (VIF)*. 07.05.2021. URL: <https://www.vifindia.org/defensenationalsecurityterrorism/2021/may/07> (дата обращения: 09.06.2023).

¹¹ Press release. *Ministry of Defence*. 10.06.2022. URL: https://mod.gov.in/sites/default/files/pr_6_13622.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

¹² Annual Reports. *Ministry of Defence*.

¹³ Индия построит во Вьетнаме станцию слежения за спутниками и сбора данных. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 24.02.2016.

¹⁴ Mega ISRO Ground Station In Vietnam For ASEAN Countries: Space Diplomacy of India. *Indian Defence News (IDN)*. 07.07.2021. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2021/07/mega-isro-ground-station-in-vietnam-for.html> (дата обращения: 16.07.2023).

появилась информация об активации станции [Patil, 2022], но в целом очевидно, что проект носит достаточно закрытый характер в связи с двойным назначением.

Как можно увидеть, ВТС с Вьетнамом включает практически весь возможный спектр взаимодействия для несоюзнических отношений. Индия очень заинтересована в партнерстве с ним, поскольку воспринимает его как значимую силу в АСЕАН [Singh G., 2021] и «главного антикитайского союзника»¹⁵ «в сердце Юго-Восточной Азии» [Basu, 2020]. К тому же у него, как считается, есть чему поучиться, так как он тоже воевал с Китаем, «хорошо знает НОАК и может содействовать в сборе информации о ней» [Chakravorty, 2015] (кстати, индийцами до сих пор изучается опыт вьетнамских войн не только с Китаем, но и с Францией и США [Anand, 2017]). В целом Индия, как обозначил Н. Моди, готова содействовать, ни много ни мало, «модернизации вьетнамской армии» [Anand, 2017], и эта амбициозная задача уже начала выполняться.

ИНДОНЕЗИЯ

Индийско-индонезийское ВТС уступает по интенсивности связям с Вьетнамом, но тоже чрезвычайно насыщено по своему содержанию. Индонезия входит в число основных импортеров индийской оборонной продукции; в течение рассматриваемого периода на регулярной основе шел диалог оборонных ведомств и родов войск (сухопутных и ВМФ начат еще до 2014 г., ВВС — с 2017 г.), учения, визиты кораблей и кадетского корпуса, контакты экспертных кругов. В 2018 г. были проведены краткие учебные курсы для индонезийских моряков-подводников. По некоторым программам индийские военнослужащие проходили обучение в Индонезии. Наблюдатели из Индонезии посещали те же учения ВМФ Индии, что и вьетнамские коллеги. В 2018 г. было подписано новое соглашение о ВТС взамен действовавшего с 2006 по 2016 г. Индийские ВС неоднократно оказывали Индонезии гуманитарную помощь: после разрушительного землетрясения 2018 г.,¹⁶ в поисках затонувшей подлодки в 2021 г.,¹⁷ в первые волны пандемии¹⁸. В 2020 г. подписан меморандум о сотрудничестве между службами береговой охраны¹⁹. В ноябре 2020 г. стороны провели семинар по ВТС, в котором приняли участие представители ВПК, дипломатических и военных кругов²⁰. Отдельным направлением ВТС выступает совместное патрулирование в целях обеспечения безопасности торговых маршрутов, которое проходит с 2002 г. с участием ВМФ и ВВС два раза в год поочередно в Андаманском море и Малаккском проливе вдоль границ исключительных экономических зон (ИЭЗ) двух стран²¹. Наконец, в феврале 2023 г. в Джакарту впервые нанесла визит индийская подлодка²². В пер-

¹⁵ Vietnam Is Central To India's Act East Policy. *IDN*. 02.01.2023. <https://www.indiandefensenews.in/2023/01/vietnam-is-central-to-indias-act-east.html> (дата обращения: 06.06.2023).

¹⁶ Annual Reports. *Ministry of Defence*.

¹⁷ Indian Navy dispatches its Deep Submergence Rescue Vessel to support Search and Rescue of Missing Indonesian Submarine. *Press Information Bureau (PIB)*. 22.04.2021. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1713390> (дата обращения: 09.06.2023).

¹⁸ INS Airavat Arrives at Indonesia to deliver Medical Supplies. *Indiaties*. 24.08.2021. URL: <https://www.indiaties.in/14712/ins-airavat-arrives-at-indonesia-to-deliver-medical-supplies/> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁹ Indian, Indonesian Coast Guards Sign MoU To Uphold Rules-Based Order In The Indo-Pacific Region. *IDN*. 08.07.2020. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2020/07/indian-indonesian-coast-guards-sign-mou.html> (дата обращения: 17.07.2023).

²⁰ India-Indonesia Defence co-operation Expo Held. *Indiaties*. 18.11.2020. URL: <https://www.indiaties.in/9345/india-indonesia-defence-co-operation-expo-held/> (дата обращения: 01.07.2023).

²¹ Annual Reports. *Ministry of Defence*.

²² For The First Time INS Sindhuksari Docks In Indonesia Amid South China Sea Tensions. *IDN*. 24.02.2023. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2023/02/for-first-time-ins-sindhuksari-docks.html> (дата обращения: 16.07.2023).

спективе стороны планируют развивать сотрудничество в кораблестроении, обеспечении безопасности на море, связи ВМФ и морской охраны, обмен информацией, «стратегическое технологическое сотрудничество»²³.

Индонезия воспринимается Индией как ближайший сосед (по выражению Н. Модии, они находятся «всего в 90 морских милях друг от друга, а не в целых 90»²⁴), «естественный» партнер с точки зрения географии и обеспокоенности усилением Китая [Pant, 2017], морская держава [Ao, 2017], стратегически важное в региональной геополитике государство [Singh U., 2018]. Она контролирует ключевые морские международные маршруты, ощущает на себе морскую экспансию Китая (нарушение ИЭЗ, нелегальное рыболовство) в районе островов Натуна, а значит, заинтересована в противовесе ему [Karambelkar, 2020]. Индия для Индонезии, по выражению президента Дж. Видодо, — «стратегический оборонный партнер» [Jacob, 2018]. Стороны регулярно призывают соблюдать Конвенцию ООН по морскому праву, что звучит как сигнал Китаю²⁵. Под нелегальным рыболовством, для защиты от которого в том числе проводится совместное патрулирование, негласно тоже подразумеваются действия в первую очередь китайской стороны [Narang, 2021].

При этом, как и в случае с другими государствами ЮВА, в отношениях с Индонезией у Индии присутствуют и сугубо конкретные прагматические интересы. Индонезия выглядит очень привлекательно для размещения возможных военных баз. В своих запросах индийские стратеги не стесняются: идеальным было бы иметь базы в Индонезии на разных островах, чтобы контролировать все возможные морские маршруты [Pant, 2018], а в конечном счете — создать «бриллиантовое ожерелье» из таких баз по всему ИТР, чтобы сковывать действия Китая [Sengupta, 2018].

Главная из потенциальных локаций в Индонезии — Сабанг. Для Индии контроль над этим портом мог бы стать способом постоянного присутствия в одной из ключевых точек мировых морских путей²⁶ и противовесом китайскому влиянию в Хамбантоте (Шри-Ланка) [Sakhuja, 2018] (дело в том, что Индия склонна считать все подконтрольные Китаю порты его возможными базами [Куприянов, 2022, с. 157], и в условиях конфликтности в индийско-китайских отношениях ее обеспокоенность вполне объяснима). Кое-что для выполнения этой задачи уже сделано: стороны договорились «совместно развивать Сабанг», Индия обеспечит финансирование инфраструктурного развития порта и прилегающей к нему экономической зоны²⁷. Индийские боевые корабли уже практически прописались там, оказываясь в Сабанге по различным поводам [См., напр.: Rajagopalan, 2019b]²⁸. В Индии даже подсчитали, что, поскольку порт глубоководный,

²³ Shared Vision of India-Indonesia Maritime Cooperation in the Indo-Pacific. *Ministry of External Affairs*. 30.05.2018. URL: https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/29933/Shared_Vision_of_IndiaIndonesia_Maritime_Cooperation_in_the_IndoPacific (дата обращения: 03.07.2023).

²⁴ 'We Are Not 90 Nautical Miles Away But 90 Nautical Miles Close...' PM Modi On India-Indonesia Ties. *IDN*. 16.11.2022. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2022/11/we-are-not-90-nautical-miles-away-but.html> (дата обращения: 16.07.2023).

²⁵ См., напр.: Fortnightly Report & Analysis: ASEAN, Indo-Pacific, East Asia, Japan & China (Vol 1 Issue XII). *VIF*. 22.12.2016. URL: <https://www.vifindia.org/fortnightlyreview/aseanindopacificceastasiajapanchina/2016/december/22> (дата обращения: 30.06.2023); Modi's 'Act East' Boost: Jakarta Is Delhi's New 'Strategic Partner'. *IDN*. 31.05.2018. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2018/05/modis-act-east-boost-jakarta-is-delhis.html> (дата обращения: 17.07.2023).

²⁶ Vineet Ravindran asked: What is India's role in the development of Agalega and Sabang? How does it fit into India's maritime strategy? *IDSA*. 21.10.2022. URL: <https://www.idsa.in/askanexpert/What-is-India-role-in-the-development-of-Agalega> (дата обращения: 05.07.2023).

²⁷ Политика: Индия — Индонезия — порт. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 30.05.2018.

²⁸ См., напр.: 38th India-Indonesia Coordinated Patrol begins in Andaman Sea and Straits of Malacca. *PIB*. 13.06.2022. URL: <https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1833613> (дата обращения: 03.07.2023); Will Indonesia

использование его в качестве базы будет удобно подлодкам [Bagchi, 2018]. Но фактически в договоренностях сейчас отсутствуют военные аспекты. Вряд ли Индонезии может импонировать идея использования ее территории для военных баз, скорее она предпочтет сохранять свою нейтральность. Зато обсуждение самой возможности базы уже заставило нервничать Китай²⁹, что, безусловно, для Индии тоже важно.

В разное время появлялась информация об индийских предложениях Индонезии по поводу ракетных комплексов «Брамос», истребителя «Теджас», радаров, техобслуживания российских истребителей Су-30, однако о каких-либо крупных контрактах пока не сообщалось. Возможно, одна из причин — стремление индонезийской стороны к самодостаточности в производстве вооружений [Sahu, 2020] (кстати, она тоже предлагала Индии свой пример ВиВТ на экспорт — винтовку фирмы «Pindad» [Laskar, 2019], но сделку не заключили). Хотя для такого хода событий у Индии тоже есть варианты ВТС. В 2016 г. «Tata Motors» подписала с тем же самым «Pindad» соглашение о совместных разработках и производстве ВиВТ³⁰. В 2018–2021 гг. Индия и Индонезия на межправительственном уровне закрепили договоренности о сотрудничестве в ВПК³¹ и уже начали обсуждать совместное производство ВиВТ [Saballa, 2021]. Подробностей не сообщалось, но тенденция к усилению связей вполне заметна, как и способность партнеров к компромиссам, пониманию интересов другой стороны.

КАМБОДЖА

Основная область ВТС двух стран — разминирование, поскольку на территории Камбоджи до сих пор остается большое количество неразорвавшихся боеприпасов. Индия спонсировала проводившиеся там операции ООН по разминированию, а на двусторонней основе более 15 лет оказывает Камбодже помощь оборудованием и отправкой военных инструкторов. В 2016 г. она к тому же безвозмездно передала камбоджийским ВС 15 собак-саперов и обучила местных специалистов работе с ними [Parameswaran, 2016], в 2020 г. выделила грант 1,5 млн долл. на приобретение необходимой техники³². Среди других примеров связей — относительно редкие (раз в год) визиты кораблей, учения, эпизодические контакты военных делегаций³³. Были предприняты некоторые усилия в направлении оборонного экспорта, в частности, в сентябре 2020 г. проведен вебинар по возможностям индийского ВПК³⁴, но пока о закупках ВиВТ речи не идет. Не ответила Камбоджа и на предложение Индией оборонного кредита в 50 млн долл.,³⁵ что, впрочем, объяснимо: страна и так остается одной из самых закредитованных экономик в мире, в первую очередь, крупным должником Китая.

Become Second Country After Philippines To Buy India's BrahMos Missile? *IDN*. 06.11.2022. URL: <https://www.indian-defensenews.in/2022/11/will-indonesia-become-second-country.html> (дата обращения: 16.07.2023).

²⁹ См., напр.: China Warns of 'Military Race' Over India's Naval Base Deal: Aussie Media. *IDN*. 01.06.2018. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2018/06/china-warns-of-military-race-over.html> (дата обращения: 16.07.2023).

³⁰ Will Indonesia Become Second Country After Philippines To Buy India's BrahMos Missile? *IDN*.

³¹ Defence Minister Sitharaman Holds Wide-Ranging Talks With Her Indonesian Counterpart. *IDN*. 25.10.2018. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2018/10/defence-minister-sitharaman-holds-wide.html> (дата обращения: 17.07.2023).

³² Signing Ceremony of USD1.5 Million Grant Assistance to Cambodia. *Embassy of India*. 10.08.2020. URL: <https://embindpp.gov.in/gallery?id=bW7gb> (дата обращения: 16.06.2023).

³³ India-Cambodia Relations. *Ministry of External Affairs*. 11.2017. URL: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/1_Cambodia_November_2017.pdf (дата обращения: 16.06.2023); Annual Reports. *Ministry of Defence*.

³⁴ Webinar & Expo with Cambodia on Defence Industry Global Outreach for Collaborative Partnership. *Indiaties*. 25.09.2020. URL: <https://www.indiaties.in/7864/webinar-expo-with-cambodia-on-defence-industry-global-outreach-for-collaborative-partnership/> (дата обращения: 16.06.2023).

³⁵ Политика: Индия — Камбоджа — король — визит. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 26.05.2023.

Создание предполагаемой базы ВМФ и аэродрома КНР в Реаме индийскую сторону беспокоит, но не меняет ее планы развития собственного курса на сотрудничество. Напротив, можно заметить, что ее усилия даже активизировались после того, как стало известно о размещении базы, — видимо, чтобы не отставать в конкуренции. Понимание того, что Камбоджа в значительной степени находится под китайским влиянием [Mishra D., 2016] и является «ближайшим союзником» Пекина [Bhatia, 2018b], не отменяет, с индийской точки зрения, необходимость сотрудничать с ней, при этом придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела и являя собой альтернативу Китаю [Sundaramurthy, 2018]. Помимо этого, Камбоджа считается «старым другом», исторические связи с которым по-прежнему сильны³⁶, и важным партнером в АСЕАН³⁷. Довершает список факторов индийского интереса географическое положение: стратегически важна близость Камбоджи к ЮКМ [Sahu, 2022b]. Ради всего этого Индия готова стать третьей силой, обеспечивающей для Камбоджи баланс против Китая и США [Bhatia, 2019], и ВТС выступает одним из инструментов такой политики.

Лаос

Направлений ВТС с этой страной сравнительно немного: работа группы военных инструкторов в 2017 г.,³⁸ обучение лаосских военнослужащих английскому языку, компьютерным дисциплинам и тактике мелких подразделений, курсы для военных медиков по противодействию COVID-19³⁹. ЛНДР для Индии воспринимается как наименее развитая экономика ЮВА и «ближайший партнер Китая в АСЕАН» [Bhatia, 2018a], прокитайски настроенный актор [Karambelkar, 2022]. Вместе с тем Лаос находится в границах «расширенного соседства»⁴⁰, а значит, тоже важен для политики «Действовать на Востоке»⁴¹. Контакты с ним отвечают индийским традициям помощи беднейшим странам, хотя пока и остаются ограниченными в своем масштабе.

Малайзия

Малайзия рассматривается в Индии в контексте пространств стратегического соперничества с Китаем, считается морским соседом⁴² и важным игроком в АСЕАН, с которым необходимо вместе отстаивать принцип свободы судоходства [Venkataraman, 2023]. Диалоги оборонных ведомств и представителей родов войск двух стран были начаты еще до 2014 г., также ВТС включает визиты кораблей, учения, приглашение наблюдателей на некоторые учения индийского ВМФ⁴³, учебные курсы для малайзийских ВС⁴⁴. В 2015 г. стороны приняли совместное

³⁶ Press Statement by PM Modi with PM of Cambodia Hun Sen. *Official Website of Prime Minister of India*. 27.01.2018. URL: <https://www.narendramodi.in/press-statement-by-pm-modi-with-pm-of-cambodia-hun-sen-538675> (дата обращения: 16.06.2023).

³⁷ Arnab Sen asked: What are India's interests in Laos and Cambodia? *IDS.A*. URL: <https://www.idsa.in/askanexpert/IndiasinterestsinLaosandCambodia> (дата обращения: 21.06.2023).

³⁸ Annual Reports. *Ministry of Defence*.

³⁹ India — Lao People's Democratic Republic Bilateral Relations. *Embassy of India*. URL: <https://www.indianembassyloa.gov.in/page/bilateral-relations-sub/> (дата обращения: 13.06.2023).

⁴⁰ India-Laos Bilateral Relations. *Ministry of External Affairs*. 02.2020. URL: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Brief_-_Laos_feb_2020.pdf (дата обращения: 13.06.2023).

⁴¹ India-Lao People's Democratic Republic Bilateral Relations. *Embassy of India*.

⁴² India Offers Malaysia Ship-Building, Oceanic Research Collaboration. *IDN*. 16.08.2019. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2019/08/india-offers-malaysia-ship-building.html> (дата обращения: 01.09.2023).

⁴³ Annual Reports. *Ministry of Defence*.

⁴⁴ Fortnightly Review & Analysis: Defence, National Security and Terrorism (Vol 2 Issue IX). *VIF*. 26.10.2017. URL: <https://www.vifindia.org/fortnightlyreview/defensenationalsecurityterrorism/2017/october/26> (дата обращения: 11.06.2023).

заявление об укреплении стратегического партнерства, которое в том числе содержало обязательства «усилить сотрудничество в сфере обороны посредством регулярного диалога на различных уровнях», продолжать проведение учений, обмениваться опытом эксплуатации и обслуживания Су-30 и развивать связи в областях «сопутствующих исследований, ВПК и военной подготовки»⁴⁵. В 2019 г. был подписан отдельный меморандум о ВТС⁴⁶ в обновление документа 1993 г. В 2023 г. согласована «дорожная карта на четвертое десятилетие ВТС»⁴⁷.

В число основных направлений индийского оборонного экспорта Малайзия входит, но крупных контрактов пока не заключалось, хотя велись переговоры по комплексам «Брамос»⁴⁸ и истребителю «Теджас»⁴⁹. В 2021 г. Минобороны Индии организовало для малайзийской стороны семинар по индийскому ВПК⁵⁰. В 2022 г. достигнута договоренность о создании компаниями «Garuda Aerospace» и «HiLSE Drones» совместного производства беспилотников⁵¹. В 2023 г. в Куала-Лумпур открыто представительство корпорации «Hindustan Aeronautics Limited»⁵². Можно отметить, что Индия ведет хорошо подготовленное, организованное продвижение своих интересов, поэтому расширение экспорта, скорее всего, — лишь вопрос времени.

МЬЯНМА

В индийско-мьянманском ВТС присутствует сразу несколько основных сюжетов. Первый из них — оборонный экспорт. Не Вьетнам, не Сингапур, не Индонезия и не какая-либо другая страна, а именно Мьянма в последние годы была крупнейшим импортером индийских вооружений. В 2017–2021 гг. Индия экспортировала ВиВТ на 302 млн долл., из них половина пришлось на продажи в Мьянму, оплаченные средствами выделенного Индией же оборонного кредита⁵³. По некоторым данным, Индия поставляла ВС Мьянмы в том числе гидролокаторы [Mishra R., 2019], торпеды, различного рода противолодочное вооружение [Sharma S., 2020]. Второе направление — взаимодействие по обеспечению охраны сухопутной границы и борьбе с вооруженными бандформированиями. Индия долгие годы ведет борьбу с сепаратистами на своем Северо-Востоке, и помощь мьянманской стороны требуется регулярно и в самом что ни на есть практическом виде. Третье, не менее значимое проявление ВТС, — совместное патрулирование морских акваторий. Оно проводится с 2013 г. ежегодно и тоже призвано обеспечивать охрану границ и борьбу с нелегальной деятельностью. Четвертое крупное направление взаимодействия — индийская безвозмездная помощь мьянманским ВС в самых разных

⁴⁵ Joint Statement on enhanced Malaysia-India strategic partnership. *Ministry of External Affairs*. 23.11.2015. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/26057/Joint_Statement_on_enhanced_MalaysiaIndia_Strategic_Partnership_November_23_2015 (дата обращения: 18.01.2023).

⁴⁶ Annual Reports. *Ministry of Defence*.

⁴⁷ Rajnath Singh Meets Malaysian PM Anwar Ibrahim, Evaluate Defence Cooperation. *IDN*. 10.07.2023. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2023/07/rajnath-singh-meets-malaysian-pm-anwar.html> (дата обращения: 24.08.2023).

⁴⁸ Индия и РФ готовятся к поставкам в третьи страны ракеты «БраМос» — BrahMos Aerospace. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 27.05.2016.

⁴⁹ Tejas Fighter Aircraft. *PIB*. 05.08.2022. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1848669> (дата обращения: 21.08.2023).

⁵⁰ Press Release August 2021. New Delhi: Ministry of Defence, 2021. P. 42.

⁵¹ Индия и Малайзия договорились углублять сотрудничество в сфере обороны — индийский министр. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 27.06.2022.

⁵² Raksha Mantri Shri Rajnath Singh inaugurates HAL's Regional Office in Kuala Lumpur to facilitate close defence industrial collaboration between India & Malaysia. *PIB*. 11.07.2023. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1938757> (дата обращения: 21.08.2023).

⁵³ The Politics of India's BrahMos Missile Sale To South-East Asia. *IDN*. 23.02.2023. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2023/02/the-politics-of-indias-brahmos-missile.html> (дата обращения: 16.07.2023).

видах: начиная с отправки мулов и служебно-розыскных собак⁵⁴ и до передачи в 2020 г. подводной лодки [Sharma S., 2020]. Стоит, правда, отметить, что подводная лодка безвозмездна лишь условно, поскольку в будущем потребует постоянного техобслуживания, ремонта и поставок запчастей, что будет способствовать закреплению сложившихся связей.

Помимо этого, можно выделить регулярные встречи оборонных ведомств и родов войск (ВМФ начаты до 2014 г., сухопутных и ВВС — с 2015 г.), учения, визиты кораблей, обучение в Индии мьянманских военных, направление ею своих инструкторов в Мьянму, приглашение наблюдателей из Мьянмы на некоторые учения индийского ВМФ. В 2015 г. корабль ВМФ Индии провел по запросу Мьянмы гидрографическое исследование, подробности которого не уточнялись. В 2017 г. стороны подписали соглашение об обмене информацией о соблюдении правил судоходства, в 2019 г. — меморандум о ВТС. В 2018 г. в Мьянме было открыто представительство компании «Bharat Electronics Limited»⁵⁵.

Высокая интенсивность ВТС с Мьянмой диктуется заинтересованностью Индии в снижении зависимости этого государства ЮВА от Китая и обеспечении защищенности собственных границ. Современные индийские стратеги руководствуются постулатом одного из ведущих в истории своей страны военного теоретика и дипломата К. М. Паниккара: «Защищать Мьянму — значит, защищать Индию» [Sharma S., 2020]. Мьянма для Индии — настоящие «ворота в Юго-Восточную Азию» [Mishra R., 2016], сухопутное связующее звено со всем регионом [Gokhale, 2013], поэтому оборонные связи с ней играют столь большую роль и даже в чем-то приоритетны в масштабах всей ЮВА.

Вместе с тем после мьянманского военного переворота 2021 г. Индия ведет себя несколько неоднозначно. С одной стороны, она продолжает контакты с мьянманскими ВС [См., напр.: Peri, 2021], с другой — поддерживает связь с оппозицией. Если учесть фактор Китая, который имеет на принадлежащих Мьянме Кокосовых островах опорный пункт наподобие базы ВМФ [Кашин, 2020, с. 183] и к тому же является главным поставщиком вооружений в Мьянму [Singh U., 2022], то ситуация складывается довольно противоречивая, и дальнейшее развитие ВТС может зависеть от всех ее участников.

СИНГАПУР

Это небольшое, но высокоразвитое государство занимает в ряду партнеров Индии особое место. И не только в силу «конвергенции интересов» [Rajagopalan, 2019a] и общего стремления защищать принцип свободы судоходства и международное морское право [Ao, 2018], но и как стратегический технологический партнер. Ключевой элемент индийско-сингапурского ВТС — совместная работа в области оборонных НИОКР. Подобный формат у Индии существует только с Россией, США и Великобританией. Его содержание непублично, но уже сам факт такого сотрудничества показывает высокий уровень двусторонних связей и доверия.

Помимо этого, можно отметить регулярные учения, визиты кораблей и кадетского корпуса, диалог родов войск и диалог по оборонной политике (начаты до 2014 г.), направление Индией групп военных инструкторов, приглашение сингапурских наблюдателей на некоторые учения индийского ВМФ. В 2015 г. подписаны обновленное соглашение о ВТС (взамен документа 2003 г.) и соглашение об обмене информацией о соблюдении правил судоходства. С 2016 г. действует совместная рабочая группа по ВПК. В 2017 г. подписано соглашение о сотрудничестве

⁵⁴ Annual Reports. *Ministry of Defence*.

⁵⁵ Ibid.

ВМФ, включая взаимную логистическую поддержку (то есть использование портов). В 2018 г. достигнута договоренность о создании совместной структуры для обучения по аэрокосмическим специальностям в Индии. В самые тяжелые периоды первых волн пандемии ВС Сингапура доставляли в Индию гуманитарную помощь⁵⁶. В 2021 г. стороны подписали соглашение о взаимодействии подводного флота⁵⁷. Сформированы интенсивные связи на уровне экспертных сообществ [Bhatia, 2016]. Также Сингапур входит в число основных направлений индийского оборонного экспорта, но без крупных контрактов, хотя в последние годы Индия продвигала в отношениях с ним возможности «Теджаса»⁵⁸ и «Брамос»⁵⁹. Однако он сам является экспортером вооружений [Sahu, 2021] и, скорее, заинтересован в технологическом партнерстве, а не в импорте.

Как можно увидеть, двустороннее ВТС носит равноценный, разнообразный и системный характер. Присутствуют значимые обязательства. Сингапурская база Чанги, по сути, заняла свое место в индийской стратегии опорных пунктов в ИТР. Сингапур, со своей стороны, в силу малых размеров территории заинтересован в использовании индийских баз и полигонов, и эта надобность тоже удовлетворяется ВТС. В Индии не только проходят двусторонние учения, но и, в соответствии с условиями договоренностей еще 2000-х гг., могут тренироваться и размещать свое вооружение сингапурские ВС [Anand, 2013; Jha, 2021]. И это тоже важное проявление симметрии в отношениях.

ТАИЛАНД

Главный элемент индийского ВТС с Таиландом — совместное патрулирование в Андаманском море. Его цель — обезопасить стратегически важные маршруты от какой-либо незаконной деятельности. Оно проводится дважды в год с 2005 г. Помимо этого, можно отметить диалог оборонных ведомств и родов войск (начат до 2014 г.), учения, визиты кораблей и кадетского корпуса, приглашение наблюдателей на некоторые учения ВМФ Индии, экспертные встречи. В 2018 г. сторонами подписано соглашение об обмене информацией о соблюдении правил судоходства. В 2019 г. в Индии прошла совместная конференция двух ВМФ по вопросам разведывательной деятельности⁶⁰. В плане экспорта вооружений сообщалось о переговорах по «Брамос»⁶¹, но официальных комментариев не поступало.

Как можно увидеть, практических проявлений ВТС не очень много. Для Индии Таиланд — важный морской сосед, «прибрежное государство Индийского океана» [Anand, 2013]. Есть в этой стране и порт, на который она смотрит особенно заинтересованно, — Ранонг [Sakhuja, 2020]. Но королевство, долгое время придерживавшееся достаточно «прокитайского» курса, перешло к несколько более активному взаимодействию с индийской стороной, лишь осознав необходимость того, чтобы в мире его воспринимали не как «клиента Китая», а как самостоятельную нейтральную страну, развивающую партнерство в сфере безопасности с разными акторами [Chingchit, 2015, p. 15–21]. Тем не менее, учитывая сохраняющееся влияние КНР, масштабных сдвигов в двустороннем ВТС пока ждать не приходится.

⁵⁶ См., напр.: Сингапур направил в Индию еще два самолета с помощью для борьбы с коронавирусом — МИД. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 28.04.2021.

⁵⁷ India — Singapore sign Implementing Agreement on Submarine Rescue Support. *Indiaties*. 20.01.2021. URL: <https://www.indiaties.in/11843/india-singapore-sign-implementing-agreement-on-submarine-rescue-support/> (дата обращения: 14.06.2023).

⁵⁸ Annual Reports. *Ministry of Defence*.

⁵⁹ Индия и РФ готовятся к поставкам в третьи страны ракеты «БраМос» — BrahMos Aerospace.

⁶⁰ Annual Reports. *Ministry of Defence*.

⁶¹ Индия и РФ готовятся к поставкам в третьи страны ракеты «БраМос» — BrahMos Aerospace.

Филиппины

Среди направлений двустороннего ВТС в рассматриваемый период можно выделить контакты оборонных ведомств, обучение филиппинских военнослужащих, визиты кораблей, учения. В 2017 г. подписан меморандум о сотрудничестве в ВПК и логистике, в 2019 г. — соглашение об обмене информацией о соблюдении правил судоходства. Известно, что страна входила в число основных направлений индийского оборонного экспорта⁶². Некоторое время муссировалась информация о возможности крупной закупки военных кораблей, но эта сделка не получилась по причине финансовых неувязок [Saberwal, 2016]. В марте 2021 г. Индия и Филиппины подписали соглашение о перспективных закупках продукции индийского ВПК⁶³. В 2022 г. был заключен крупный контракт (375 млн долл.) на поставку «Брамос» (первая экспортная сделка по этому комплексу). Индия не только поставит островному государству три наземных комплекса, но и будет обучать филиппинских военных работе с ними⁶⁴. В перспективе рассматриваются варианты поставки военных вертолетов или самолетов, работа над этим тоже ведется [Sahu, 2021].

В ноябре 2021 г. индийская сторона провела двухнедельное обучение филиппинских военных в целях улучшения навыков ведения специальных операций в городских условиях и в джунглях⁶⁵. С 2022 г. в Индии проходят обучение служащие береговой охраны Филиппин⁶⁶. Также она предложила осуществлять подготовку филиппинских военных по кибер-безопасности [Sharma A., 2022]. На рассмотрении пока находится индийское предложение Филиппинам кредита в 100 млн долл. на оборонные нужды⁶⁷.

В целом, хотя масштаб взаимодействия уступает отношениям с Вьетнамом, Индонезией или Сингапуром, в нем присутствуют типичные элементы и имеются обязательства. В мотивации сторон очевидно объединение против Китая (Филиппины воспринимаются Индией как серьезный противник КНР в ЮКМ, а значит, индийская сторона заинтересована в их поддержке [Lamba, 2022]), индийское стремление наращивать свое присутствие в ЮКМ [Sahu, 2022a], а Филиппин — развивать связи с новым надежным партнером в сфере обеспечения безопасности [Gill, Saha, 2023], чтобы сохранять баланс между Китаем и США и быть самостоятельным актором, значимой морской державой [Cabalza, 2021]. Что касается сделки по «Брамос», то можно согласиться с индийскими экспертами, что она вывела отношения на новый уровень, и значение такого шага не только в том, «чтобы укреплять филиппинский потенциал сдерживания» [Panda, 2022] (кого именно сдерживать — догадаться нетрудно), но и продемонстрировать всей ЮВА индийские достижения ВПК и серьезность намерений [См., напр.: Chakravarty, 2022; Saha, 2022]. Привлекают Индию и филиппинские порты. Лучше всего из них в ее проект «цепи противостояния китайской агрессии в ЮКМ» вписывается Себу [Roy, 2020]. Учитывая частоту визитов на Филиппины индийских кораблей, можно отметить, что работу по достижению своих целей она уже ведет, хотя давления на партнера не оказывает и может ожидать удобного момента для перевода сотрудничества в нужное ей русло.

⁶² Annual Reports. *Ministry of Defence*.

⁶³ Филиппины намерены закупить крылатые ракеты BrahMos. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 04.03.2021.

⁶⁴ Индия и Филиппины подписали контракт на поставку ракетных комплексов BrahMos. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 28.01.2022.

⁶⁵ India And Indonesia Discuss Joint Military Production. *IDN*. 15.12.2021. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2021/12/india-and-indonesia-discuss-joint.html> (дата обращения: 16.07.2023).

⁶⁶ India, Philippines to establish dialogue on maritime affairs. *IDN*. 19.08.2023. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2023/08/india-philippines-to-establish-dialogue.html> (дата обращения: 13.09.2023).

⁶⁷ Joint Statement on the 5th India-Philippines Joint Commission on Bilateral Cooperation. *Ministry of External Affairs*. 29.06.2023. URL: https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/36743/Joint_Statement_on_the_5th_IndiaPhilippines_Joint_Commission_on_Bilateral_Cooperation (дата обращения: 14.08.2023).

* * *

Подводя итог, можно отметить, что ВТС Индии со странами ЮВА, даже будучи неравномерным по своему масштабу и диверсификации направлений, в целом находится на значительном подъеме. Его развитие позволяет говорить о распространении такого явления, которое индийские политологи называют «оборонная дипломатия». Им часто обозначается вся совокупность усилий на данном направлении внешних связей с разными государствами и регионами мира [См., напр.: Patil, 2015; Mishra D., 2019]⁶⁸. И даже если не всегда во взаимодействии с конкретной страной «оборонная дипломатия» включает все возможные грани активного, непосредственного ВТС, а больше носит представительский характер, тем не менее она работает на имидж, выгоду актора и укрепление партнерства.

По сути «оборонная дипломатия» Индии в ЮВА превращается в новый самостоятельный фактор региональной безопасности. С одной стороны, это может положительно сказаться на выравнивании баланса сил в регионе и на технологическом развитии стран ЮВА. Свой выигрыш — материальный или нематериальный — в нем ощутимо получают все участники. С другой — ситуация рождает новые вопросы. Насколько значимы несоюзнические обязательства? Как тяжеловесы Тихоокеанской Азии будут реагировать на все новые и новые проекты сфер влияния друг друга? К чему приведет участвовавшее маневрирование всех желающих акторов в «горячих точках» региона и обилие учений? Является ли поставка вооружений либо хотя бы защитного снаряжения, скажем, Вьетнаму или Филиппинам вмешательством Индии в спор в ЮКМ? Как страны ЮВА, опутанные сетью соглашений и меморандумов по безопасности и ВТС с разными акторами, будут реагировать в случае конфликта Китая с Индией? Пока эти вопросы не имеют ответов, но участникам ВТС придется формулировать их для себя в обозримом будущем.

Наконец, необходимо отметить, что означает сложившаяся картина ВТС Индии с ЮВА для России. Во-первых, она еще раз показывает многовекторность внешних связей стран региона. Во-вторых, бурное развитие направления свидетельствует о том, как важно постоянно отслеживать действия других игроков на рынках, необычные инициативы, предпринятые ими, развивать диверсификацию собственных действий. В условиях мировой конкуренции каждая глобальная держава, имеющая интересы в разных точках земного шара, продвигает и защищает их доступными ей инструментами, и процесс ВТС — не исключение. И, в-третьих, здесь мы можем наблюдать возможность не только конкуренции между разными производителями вооружений и поставщиками инженерных и технологических услуг, но и результат партнерства, в данном случае российско-индийского в виде экспорта «Брамос» третьей стороне. Лучшую рекламу своей продукции ВПК получили оба государства-разработчика, и это пример действительно эффективного стратегического взаимодействия, который можно использовать и для других возможных совместных проектов, в том числе с партнерами из самой ЮВА.

⁶⁸ См. также: Talk by Dr Arvind Gupta, Director, VIF, at The National Defence College: 'Role of Defence Diplomacy in Shaping Favourable Strategic Neighbourhood'. VIF. 30.09.2019. URL: <https://www.vifindia.org/directorremarks/2019/september/30/talk-on-role-of-defence-diplomacy-in-shaping-favourable-strategic-neighbourhood> (дата обращения: 10.06.2023).

Литература/References

Кашин В. П. Нарендра Моди. Лидер современной Индии. Отв. ред. Т. Л. Шаумян. М.: АО «Издательство ИКАР», 2020. 264 с. [Kashin V. P. Narendra Modi. The Leader of Modern India. Ed. By T. L. Shaumyan. Moscow: IKAR Publishing House, 2020. 264 p. (in Russian)].

Куприянов А. В. В поисках экономического базиса для ИТР: эволюция подходов Индии. *Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения*. 2022. № 1. С. 153–165 [Kupriyanov A. V. Searching for an Economic Basis for the Indo-Pacific: Evolution of India's Approaches. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022. 22(1). Pp. 153–165 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Безопасность: Индия — спутник — испытания — МИД. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 27.03.2019 [Security: India — satellite — test — MEA. *TASS*. 27.03.2019 (in Russian)].

Индия и Малайзия договорились углублять сотрудничество в сфере обороны — индийский министр. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 27.06.2022 [India and Malaysia agreed to enhance defence cooperation — Indian minister. *TASS*. 27.06.2022 (in Russian)].

Индия и РФ готовятся к поставкам в третьи страны ракеты «БраМос» — BrahMos Aerospace. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 27.05.2016 (India and Russia prepare to export “BrahMos” missiles to third parties. *TASS*. 27.05.2016 (in Russian)].

Индия и Филиппины подписали контракт на поставку ракетных комплексов BrahMos. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 28.01.2022 [India and the Philippines sign the BrahMos deal. *TASS*. 28.01.2022 (in Russian)].

Индия построит во Вьетнаме станцию слежения за спутниками и сбора данных. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 24.02.2016 [India will build a satellite tracking and data collecting station in Vietnam. *TASS*. 24.02.2016 (in Russian)].

Политика: Индия — Индонезия — порт. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 30.05.2018 [Politics: India — Indonesia — port. *TASS*. 30.05.2018 (in Russian)].

Политика: Индия — Камбоджа — король — визит. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 26.05.2023 [Politics: India — Cambodia — king — visit. *TASS*. 26.05.2023 (in Russian)].

Сингапур направил в Индию еще два самолета с помощью для борьбы с коронавирусом — МИД. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 28.04.2021 [Singapore sends to India two more aircrafts with COVID-19 aid — Ministry of Foreign Affairs. *TASS*. 28.04.2021 (in Russian)].

Филиппины намерены закупить крылатые ракеты BrahMos. *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 04.03.2021 [Philippines plan BrahMos purchase. *TASS*. 04.03.2021 (in Russian)].

38th India-Indonesia Coordinated Patrol begins in Andaman Sea and Straits of Malacca. *PIB*. 13.06.2022. URL: <https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1833613> (дата обращения: 03.07.2023).

Anand V. Achievements: India-Vietnam Defence and Security Cooperation. *VIF*. 12.05.2017. URL: <https://www.vifindia.org/print/3797> (дата обращения: 05.06.2023).

Anand V. India's Defence Diplomacy as a Component of its Look East Policy. *VIF*. 12.08.2013. URL: <https://www.vifindia.org/article/2013/august/12/india-s-defence-diplomacy-as-a-component-of-its-look-east-policy> (дата обращения: 11.06.2023).

Annual Reports. *Ministry of Defence*. URL: <https://www.mod.gov.in/annual-report> (дата обращения: 17.07.2023).

Ao T. Indonesia's Naval Expansion: A New Dimension to the Existing Security Impasse in the Region. *ICWA*. 02.11.2017. URL: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=4945&lid=1898&kval=Vietnam (дата обращения: 13.06.2023).

Ao T. Strengthening India's Partnership with Malaysia and Singapore: The PM's Recent Visit. *ICWA*. 11.07.2018. URL: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=2425&lid=1832&kval=Malaysia (дата обращения: 22.08.2023).

Arnab Sen asked: What are India's interests in Laos and Cambodia? *IDSA*. URL: <https://www.idsa.in/askanexpert/IndiasinterestsinLaosandCambodia> (дата обращения: 21.06.2023).

Bagchi I. Indonesia likely to give India access to deep seaport in Sabang. *The Times of India*. 17.05.2018. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/indonesia-likely-to-give-india-access-to-deep-seaport-in-sabang/articleshow/64209190.cms> (дата обращения: 16.07.2023).

Banerjee A. India, Vietnam sign joint vision statement; look to enhance scope of military ties. *The Tribune*. 08.06.2022. URL: <https://www.tribuneindia.com/news/nation/india-vietnam-sign-joint-vision-statement-look-to-enhance-scope-of-military-ties-402066> (дата обращения: 16.07.2023).

Basu P. The rising prominence of Vietnam for the Indo-Pacific. *Observer Research Foundation (ORF)*. 21.10.2020. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-rising-prominence-of-vietnam-for-the-indo-pacific/> (дата обращения: 07.06.2023).

Bhatia R. An ASEAN trio in transition. *Gateway House*. 28.03.2019. URL: <https://www.gatewayhouse.in/asean-nations-strategy/> (дата обращения: 16.06.2023).

Bhatia R. Defining & deepening India-Singapore partnership. *Gateway House*. 19.04.2016. URL: <https://www.gatewayhouse.in/what-drives-singapore-india-partnership/> (дата обращения: 14.06.2023).

Bhatia R. Laos: balancing Asian powers. *Gateway House*. 22.11.2018. URL: <https://www.gatewayhouse.in/laos-balancing-asia/> (дата обращения: 13.06.2023).

Bhatia R. Power politics in Cambodia. *Gateway House*. 18.10.2018. URL: <https://www.gatewayhouse.in/power-politics-cambodia/> (дата обращения: 16.06.2023).

Bhattacharjee D. India and Brunei: a brief overview. *Indian Council of World Affairs (ICWA)*. 18.06.2018. URL: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=2418&lid=1821 (дата обращения: 28.06.2023).

Bhaumik A. India moves closer to activate satellite tracking station in Vietnam, inks pact despite objection by China. *Deccan Herald*. 25.01.2018. URL: <https://www.deccanherald.com/content/655774/india-moves-closer-activate-satellite.html> (дата обращения: 16.07.2023).

Cabalza C. B. Philippines' aspirational maritime power: Is it achievable by 2028? *ORF*. 01.09.2021. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/philippines-aspirational-maritime-power-achievable-2028/> (дата обращения: 13.08.2023).

Cabinet apprised of India-Brunei MoU on operation of telemetry tracking for satellites. *ANI*. 12.09.2018. URL: <https://aninews.in/news/national/general-news/cabinet-apprised-of-india-brunei-mou-on-operation-of-telemetry-tracking-for-satellites201809121924300004/> (дата обращения: 28.06.2023).

Chakravarty P. R. BrahMos Missile Sale — A Rubicon Crossed. *ORF*. 19.02.2022. URL: <https://www.orfonline.org/research/brahmos-missile-sale-a-rubicon-crossed/> (дата обращения: 14.08.2023).

Chakravorty P. K. India-Vietnam Defence Relations and Strengthening of Strategic Partnership. *VIF*. 05.01.2015. URL: <https://www.vifindia.org/article/2015/january/05/india-vietnam-defence-relations-and-strengthening-of-strategic-partnership> (дата обращения: 11.06.2023).

Chakravorty P. K. Update on India-Vietnam Relationship. *VIF*. 04.10.2016. URL: <https://www.vifindia.org/article/2016/october/04/update-on-india-vietnam-relationship> (дата обращения: 10.06.2023).

China Warns of 'Military Race' Over India's Naval Base Deal: Aussie Media. *IDN*. 01.06.2018. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2018/06/china-warns-of-military-race-over.html> (дата обращения: 16.07.2023).

Chingchit S. From Looks to Action: Thailand-India Strategic Convergence and Defence Cooperation. New Delhi: Institute for Defence Studies and Analyses, 2015. 46 p.

Defence Minister Sitharaman Holds Wide-Ranging Talks With Her Indonesian Counterpart. *IDN*. 25.10.2018. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2018/10/defence-minister-sitharaman-holds-wide.html> (дата обращения: 17.07.2023).

For The First Time INS Sindhu Kesar Docks In Indonesia Amid South China Sea Tensions. *IDN*. 24.02.2023. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2023/02/for-first-time-ins-sindhukesari-docks.html> (дата обращения: 16.07.2023).

Fortnightly Report & Analysis: ASEAN, Indo-Pacific, East Asia, Japan & China (Vol 1 Issue XII). *VIF*. 22.12.2016. URL: <https://www.vifindia.org/fortnightlyreview/aseanindopacificceastasiajapanchina/2016/december/22> (дата обращения: 30.06.2023).

Fortnightly Review & Analysis: Defence, National Security and Terrorism (Vol 2 Issue IX). *VIF*. 26.10.2017. URL: <https://www.vifindia.org/fortnightlyreview/defensenationalsecurityterrorism/2017/october/26> (дата обращения: 11.06.2023).

Gill D. M., Saha P. India-Philippines relations: Robust ties for a secure and rules-based Indo-Pacific. *ORF*. 12.07.2023. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/india-philippines-relations/> (дата обращения: 13.09.2023).

Gokhale N. From Look East to Engage East: How India's own Pivot will Change Discourse in Indo-Pacific Region. *VIF*. 12.03.2013. URL: <https://www.vifindia.org/article/2013/march/12/from-look-east-to-engage-east-how-india-s-own-pivot-will-change-discourse-in-indo-pacific-region> (дата обращения: 11.06.2023).

India — Lao People's Democratic Republic Bilateral Relations. *Embassy of India*. URL: <https://www.indianembassyloos.gov.in/page/bilateral-relations-sub/> (дата обращения: 13.06.2023).

India — Singapore sign Implementing Agreement on Submarine Rescue Support. *Indiaties*. 20.01.2021. URL: <https://www.indiaties.in/11843/india-singapore-sign-implementing-agreement-on-submarine-rescue-support/> (дата обращения: 14.06.2023).

India — Timor Leste: Bilateral Relations. *Ministry of External Affairs*. URL: https://fsi.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/UNCLASSIFIED_BILATERAL_BRIEF_ON_TIMOR_LESTE.pdf (дата обращения: 18.07.2023).

India And Indonesia Discuss Joint Military Production. *IDN*. 15.12.2021. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2021/12/india-and-indonesia-discuss-joint.html> (дата обращения: 16.07.2023).

India and Vietnam hold bilateral talks on the Comprehensive Strategic Partnership. *Indiaties*. 28.11.2020. URL: <https://www.indiaties.in/9682/india-and-vietnam-hold-bilateral-talks-on-the-comprehensive-strategic-partnership/> (дата обращения: 06.06.2023).

India Offers Malaysia Ship-Building, Oceanic Research Collaboration. *IDN*. 16.08.2019. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2019/08/india-offers-malaysia-ship-building.html> (дата обращения: 01.09.2023).

India, Philippines to establish dialogue on maritime affairs. *IDN*. 19.08.2023. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2023/08/india-philippines-to-establish-dialogue.html> (дата обращения: 13.09.2023).

India-Brunei Bilateral Relations. *High Commission of India, Brunei Darussalam*. URL: <https://www.hcindiabrunei.gov.in/page/india-brunei-bilateral/> (дата обращения: 18.08.2023).

India-Cambodia Relations. *Ministry of External Affairs*. 11.2017. URL: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/1_Cambodia_November_2017.pdf (дата обращения: 16.06.2023).

India-Indonesia Defence co-operation Expo Held. *Indiaties*. 18.11.2020. URL: <https://www.indiaties.in/9345/india-indonesia-defence-co-operation-expo-held/> (дата обращения: 01.07.2023).

India-Laos Bilateral Relations. *Ministry of External Affairs*. 02.2020. URL: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Brief_-_Laos_feb_2020.pdf (дата обращения: 13.06.2023).

Indian Navy dispatches its Deep Submergence Rescue Vessel to support Search and Rescue of Missing Indonesian Submarine. *Press Information Bureau (PIB)*. 22.04.2021. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1713390> (дата обращения: 09.06.2023).

Indian, Indonesian Coast Guards Sign MoU To Uphold Rules-Based Order In The Indo-Pacific Region. *IDN*. 08.07.2020. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2020/07/indian-indonesian-coast-guards-sign-mou.html> (дата обращения: 17.07.2023).

INS Airavat Arrives at Indonesia to deliver Medical Supplies. *Indiaties*. 24.08.2021. URL: <https://www.indiaties.in/14712/ins-airavat-arrives-at-indonesia-to-deliver-medical-supplies/> (дата обращения: 01.07.2023).

Jacob J. India, Indonesia agree to step up defence and maritime cooperation during Modi visit. *Hindustan Times*. 30.05.2018. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/india-indonesia-agree-to-step-up-defence-and-maritime-cooperation-during-modi-visit/story-vMI9DjVMMaWHRPS7qYxkqL.html> (дата обращения: 03.07.2023).

Jha P. Evolving India-ASEAN Maritime Cooperation. *VIF*. 12.11.2021. URL: <https://www.vifindia.org/2021/november/12/evolving-india-asean-maritime-cooperation> (дата обращения: 15.06.2023).

Joint Statement on the 5th India-Philippines Joint Commission on Bilateral Cooperation. *Ministry of External Affairs*. 29.06.2023. URL: https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/36743/Joint_Statement_on_the_5th_IndiaPhilippines_Joint_Commission_on_Bilateral_Cooperation (дата обращения: 14.08.2023).

Joint Statement on enhanced Malaysia-India strategic partnership. *Ministry of External Affairs*. 23.11.2015. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/26057/Joint_Statement_on_enhanced_MalaysiaIndia_Strategic_Partnership_November_23_2015 (дата обращения: 18.01.2023).

Karambelkar A. 2021 Crystallised the Indo-Pacific Security Landscape. *VIF*. 11.01.2022. URL: <https://www.vifindia.org/article/2022/january/11/2021-crystallised-the-indo-pacific-security-landscape> (дата обращения: 15.06.2023).

Karambelkar A. Indonesian Defence Minister's visit to India. *VIF*. 22.08.2020. URL: <https://www.vifindia.org/article/2020/august/22/indonesian-defence-minister-s-visit-to-india> (дата обращения: 25.06.2023).

Lamba A. S. To Counter China, Invest In Regional Deterrence. *IDN*. 17.02.2022. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2022/02/to-counter-china-invest-in-regional.html> (дата обращения: 17.07.2023).

Laskar R. H. India exploring sale of BrahMos cruise missile to Indonesia. *Hindustan Times*. 08.01.2019. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/india-exploring-sale-of-brahmos-cruise-missile-to-indonesia/story-fA9b5D1Ap27XbQcPQA5BhJ.html> (дата обращения: 16.07.2023).

Mega ISRO Ground Station In Vietnam For ASEAN Countries: Space Diplomacy of India. *Indian Defence News (IDN)*. 07.07.2021. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2021/07/mega-isro-ground-station-in-vietnam-for.html> (дата обращения: 16.07.2023).

Mishra D. India's Gradual Transition from 'Defense Market' to 'Export Hub'. *VIF*. 04.01.2019. URL: <https://www.vifindia.org/article/2019/january/04/india-s-gradual-transition-from-defense-market-to-export-hub> (дата обращения: 10.06.2023).

Mishra R. An Assessment of President Htin Kyaw's Visit to India. *ICWA*. 19.09.2016. URL: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=600&lid=542&kval=Laos (дата обращения: 15.06.2023).

Mishra R. Cambodia: China's Special Partner? *ICWA*. 15.03.2016. URL: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=628&lid=572&kval=Vietnam (дата обращения: 13.06.2023).

Modi's 'Act East' Boost: Jakarta Is Delhi's New 'Strategic Partner'. *IDN*. 31.05.2018. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2018/05/modis-act-east-boost-jakarta-is-delhis.html> (дата обращения: 17.07.2023).

Narang A. China-Indonesia tussle is heating up and India has come to Indonesia's rescue. *Tfiglobalnews*. 14.12.2021. URL: <https://tfiglobalnews.com/2021/12/14/china-indonesia-tussle-is-heating-up-and-india-has-come-to-indonesias-rescue/> (дата обращения: 01.07.2023).

Outcomes of India — Vietnam Virtual Summit. *Indiaties*. 21.12.2020. URL: <https://www.indiaties.in/10287/outcomes-of-india-vietnam-virtual-summit/> (дата обращения: 06.06.2023).

Panda R. Can there be a Policy Reversal under the New President, Ferdinand Marcos Jr., in the Philippines? *VIF*. 24.05.2022. URL: <https://www.vifindia.org/article/2022/may/24/can-there-be-a-policy-reversal-under-the-new-president> (дата обращения: 27.08.2023).

Pant H. V. India, Indonesia inch closer. *ORF*. 18.02.2017. URL: <https://www.orfonline.org/research/india-indonesia-inch-closer/> (дата обращения: 03.07.2023).

Pant H. V. Prime Minister Modi Consolidates On 'Global Maritime Fulcrum' And 'Act East' Policies. *IDN* 30.05.2018. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2018/05/prime-minister-modi-consolidates-on.html> (дата обращения: 16.07.2023).

Parameswaran P. India Steps Up Aid to Cambodia for Demining. *The Diplomat*. 06.07.2016. URL: <https://thediplomat.com/2016/07/india-steps-up-aid-to-cambodia-for-demining/> (дата обращения: 16.06.2023).

Patil S. India's defence diplomacy. *Gateway House*. 12.11.2015. URL: <https://www.gatewayhouse.in/indias-defence-diplomacy/> (дата обращения: 07.06.2023)

Patil S. The importance of India's defence partnership with Vietnam. *Observer Research Foundation*. 28.06.2022. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-importance-of-indias-defence-partnership-with-vietnam/> (дата обращения: 07.06.2023).

Peri D. India one of eight countries at Myanmar Armed Forces Day parade. *The Hindu*. 29.03.2021. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/india-one-of-eight-countries-at-myanmar-armed-forces-day-parade/article34184989.ece> (дата обращения: 15.06.2023).

Press Release — July 2021. New Delhi: Ministry of Defence, 2021. 52 p.

Press Release August 2021. New Delhi: Ministry of Defence, 2021. 98 p.

Press release. *Ministry of Defence*. 10.06.2022. URL: https://mod.gov.in/sites/default/files/pr_6_13622.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

Press Statement by PM Modi with PM of Cambodia Hun Sen. *Official Website of Prime Minister of India*. 27.01.2018. URL: <https://www.narendramodi.in/press-statement-by-pm-modi-with-pm-of-cambodia-hun-sen-538675> (дата обращения: 16.06.2023).

Rajagopalan R. P. Army exercise showcases growing India-Singapore defence collaboration. *ORF*. 18.04.2019. URL: <https://www.orfonline.org/research/army-exercise-showcases-growing-india-singapore-defence-collaboration-50004/> (дата обращения: 14.06.2023).

Rajagopalan R. P. India-Indonesia Naval Patrols Highlights Maritime Collaboration. *The Diplomat*. 22.03.2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/03/india-indonesia-naval-patrols-highlights-maritime-collaboration/> (дата обращения: 01.07.2023).

Rajnath Singh Meets Malaysian PM Anwar Ibrahim, Evaluate Defence Cooperation. *IDN*. 10.07.2023. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2023/07/rajnath-singh-meets-malaysian-pm-anwar.html> (дата обращения: 24.08.2023).

Raksha Mantri Shri Rajnath Singh inaugurates HAL's Regional Office in Kuala Lumpur to facilitate close defence industrial collaboration between India & Malaysia. *PIB*. 11.07.2023. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1938757> (дата обращения: 21.08.2023).

Roy G. S. Strengthening India-Brunei Darussalam Relations: Moving towards greater strategic bonds. *Center For Land Warfare Studies*. 24.12.2020. URL: <https://www.claws.in/strengthening-india-brunei-darussalam-relations-moving-towards-greater-strategic-bonds/> (дата обращения: 28.06.2023).

Saballa J. Indonesia and India Discuss Joint Military Production. *The Defense Post*. 14.12.2021. URL: <https://www.thedefensepost.com/2021/12/14/indonesia-india-military-production/> (дата обращения: 01.07.2023).

Saberwal A. Building Frigates for The Philippines Navy. *IDS.A*. 06.07.2016. URL: https://www.idsa.in/idsacomments/building-frigates-ffor-the-philippines-navy_asaberwal_060716 (дата обращения: 13.08.2023).

Saha P. How India's BrahMos deal is not just about Philippines but gives a stronger message to the region. *ORF*. 12.02.2022. URL: <https://www.orfonline.org/research/how-indias-brahmos-deal-is-not-just-about-philippines/> (дата обращения: 14.08.2023).

Sahu A. India and the Philippines: Towards a Comprehensive Strategic Partnership. *IDS.A*. 01.04.2022. URL: <https://www.idsa.in/idsacomments/india-and-the-philippines-asahu-010422> (дата обращения: 14.08.2023).

Sahu A. India-Indonesia: Expanding Cooperation to Include Defence Industry. *Institute of Peace and Conflict Studies*. 22.07.2020. URL: http://www.ipcs.org/comm_select.php?articleNo=5708 (дата обращения: 02.07.2023).

Sahu A. Southeast Asian Defence Markets: Opportunities for India. *IDS.A.* 29.12.2021. URL: <https://www.idsa.in/idsacomments/southeast-asian-defence-markets-akashsahu-291221> (дата обращения: 15.07.2023).

Sahu A. Strategic Relevance of Cambodia in the changing dynamics of the Indo-Pacific. *Lok Sabha Secretariat, Parliament Library.* 07.2022. URL: <http://parliamentlibraryindia.nic.in/lcwing/Strategic%20Relevance%20of%20Cambodia%20in%20the%20chaning%20dynamics.pdf> (дата обращения: 16.06.2023).

Sakhuja V. India Gains Access to Sabang – A Road Map for Economic and Sustainable Development. *VIF.* 13.06.2018. <https://www.vifindia.org/2018/june/13/india-gains-access-to-sabang-a-road-map-for-economic-and-sustainable-development%20%20%20> (дата обращения: 13.07.2023).

Sakhuja V. Indian Navy Takes Lead to Build Indigenisation-Innovation Architecture. *VIF.* 20.08.2020. URL: <https://www.vifindia.org/2020/august/20/indian-navy-takes-lead-to-build-indigenisation-innovation-architecture> (дата обращения: 15.06.2023).

Sengupta H. Is India's 'Necklace of Diamonds' Complete? *IDN.* 11.11.2018. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2018/11/is-indias-necklace-of-diamonds-complete.html> (дата обращения: 17.07.2023).

Shared Vision of India-Indonesia Maritime Cooperation in the Indo-Pacific. *Ministry of External Affairs.* 30.05.2018. URL: https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/29933/Shared_Vision_of_IndiaIndonesia_Maritime_Cooperation_in_the_IndoPacific (дата обращения: 03.07.2023).

Sharma S. India Gifts Submarine to Myanmar — An initiative in Line with the SAGAR Vision for Collective Growth and Security of Maritime Neighbours. *VIF.* 31.10.2020. URL: <https://www.vifindia.org/article/2020/october/31/india-gifts-submarine-to-myanmar%20> (дата обращения: 10.06.2023).

Sharma A. Defence synergy: India to offer operational, cyber security training to Philippines military. *Timesnownews.* 12.10.2022. URL: <https://www.timesnownews.com/mirror-now/in-focus/defence-synergy-india-to-offer-operational-cyber-security-training-to-philippines-military-article-94812415> (дата обращения: 18.08.2023).

Signing Ceremony of USD1.5 Million Grant Assistance to Cambodia. *Embassy of India.* 10.08.2020. URL: <https://embindpp.gov.in/gallery?id=bW7gb> (дата обращения: 16.06.2023).

Singh G. Vietnam's effective ASEAN leadership. *Gateway House.* 13.01.2021. URL: <https://www.gatewayhouse.in/vietnam-asean-leader/> (дата обращения: 06.06.2023).

Singh U. B. Emerging India-Indonesia Comprehensive Strategic Partnership. *Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses (IDS.A).* 2018. URL: <https://www.idsa.in/jds/jds-12-3-2018-emerging-india-indonesia-strategic-partnership-ub-singh> (дата обращения: 05.07.2023).

Singh U. B. Indian Foreign Secretary's Visit to Myanmar. *IDS.A.* 24.01.2022. URL: <https://www.idsa.in/idsacomments/indian-foreign-secy-visit-to-myanmar-ubsingh-240122> (дата обращения: 15.07.2023).

Sundaramurthy A. Cambodia inching closer to China: Regional Implications on the Indo-Pacific. *VIF.* 16.03.2018. URL: <https://www.vifindia.org/article/2018/march/16/cambodia-inching-closer-to-china-regional-implications-on-the-indo-pacific> (дата обращения: 11.06.2023).

Talk by Dr Arvind Gupta, Director, VIF, at The National Defence College: 'Role of Defence Diplomacy in Shaping Favourable Strategic Neighbourhood'. *VIF.* 30.09.2019. URL: <https://www.vifindia.org/directorremarks/2019/september/30/talk-on-role-of-defence-diplomacy-in-shaping-favourable-strategic-neighbourhood> (дата обращения: 10.06.2023).

Tejas Fighter Aircraft. *PIB.* 05.08.2022. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1848669> (дата обращения: 21.08.2023).

The Politics of India's BrahMos Missile Sale To South-East Asia. *IDN.* 23.02.2023. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2023/02/the-politics-of-indias-brahmos-missile.html> (дата обращения: 16.07.2023).

Venkataraman M. India–Malaysia Defence Relations: Issues and Challenges. *IDS.A.* 2023. URL: https://www.idsa.in/jds/17-2_M-Venkataraman (дата обращения: 20.08.2023).

Vietnam Is Central To India's Act East Policy. *IDN.* 02.01.2023. <https://www.indiandefensenews.in/2023/01/vietnam-is-central-to-indias-act-east.html> (дата обращения: 06.06.2023).

VIF News Digest: National Security — Defence Studies & Terrorism. *Vivekananda International Foundation (VIF)*. 07.05.2021. URL: <https://www.vifindia.org/defensenationalsecurityterrorism/2021/may/07> (дата обращения: 09.06.2023).

Vineet Ravindran asked: What is India's role in the development of Agalega and Sabang? How does it fit into India's maritime strategy? *IDS4*. 21.10.2022. URL: <https://www.idsa.in/askanexpert/What-is-India-role-in-the-development-of-Agalega> (дата обращения: 05.07.2023).

'We Are Not 90 Nautical Miles Away But 90 Nautical Miles Close...' PM Modi On India-Indonesia Ties. *IDN*. 16.11.2022. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2022/11/we-are-not-90-nautical-miles-away-but.html> (дата обращения: 16.07.2023).

Webinar & Expo with Cambodia on Defence Industry Global Outreach for Collaborative Partnership. *Indiaties*. 25.09.2020. URL: <https://www.indiaties.in/7864/webinar-expo-with-cambodia-on-defence-industry-global-outreach-for-collaborative-partnership/> (дата обращения: 16.06.2023).

Will Indonesia Become Second Country After Philippines To Buy India's BrahMos Missile? *IDN*. 06.11.2022. URL: <https://www.indiandefensenews.in/2022/11/will-indonesia-become-second-country.html> (дата обращения: 16.07.2023).

**ОБЗОР ИНДОНЕЗИЙСКО-ИНДИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ОБОРОННОЙ СФЕРАХ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.**

© 2023

О. А. Петрова¹

Исторически отношения между Индонезией и Индией существуют более двух тысяч лет и представляют собой прочную основу для сотрудничества двух стран на современном этапе. Ожидается, что расширение торговых и инвестиционных отношений между двумя странами повысит полезное практическое сотрудничество обеих стран. Беспрецедентная террористическая атака в Мумбаи, которая длилась с 26 по 29 ноября 2008 г., продемонстрировала уязвимость Индии в открытом море. Эти события наряду с нестабильной обстановкой вызвали необходимость расширения партнерства в области безопасности между Индией и Индонезией для обеспечения стабильности и мира в регионе.

Развитие двусторонних отношений между двумя странами до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства должно способствовать дальнейшему укреплению сотрудничества в сфере безопасности и других областях.

Ключевые слова: Индонезия, Индия, экономика, оборонное сотрудничество, Сабанг

Для цитирования: Петрова О. А. Обзор индонезийско-индийского сотрудничества в экономической и оборонной сферах в конце XX – начале XXI в. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 294–301. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-294-301

**REVIEW OF INDONESIAN – INDIAN COOPERATION
IN THE ECONOMIC AND DEFENSE SPHERES AT THE END
OF THE TWENTIETH – BEGINNING OF THE TWENTY-FIRST CENTURY**

Olga L. Petrova

Historically, the relationship between Indonesia and India has existed for more than two thousand years and represents a strong foundation for cooperation between the two countries at the present stage. The expansion of trade and investment relations between the two countries is expected to enhance beneficial practical cooperation between both countries. The unprecedented terrorist attack in Mumbai, which lasted from 26 to 29 November 2008, demonstrated India's vulnerability on the high seas. These events along with the unstable environment have necessitated an enhanced security partnership between India and Indonesia to ensure stability and peace in the region.

¹ Петрова Ольга Леонидовна, младший научный сотрудник, Отдел Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, Москва; L.Petrova_Olga@mail.ru

Olga L. Petrova, Junior Research Fellow, Centre for South-East Asia, Australia, and Oceania, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; L.Petrova_Olga@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7782-277X

Developing bilateral relations between the two countries to the level of a comprehensive strategic partnership should further strengthen cooperation in security and other areas

Keywords: Indonesia, India, economy, defense cooperation, Sabang

For citation: Petrova O. L. Review of Indonesian – Indian Cooperation in Economic and Defense Spheres at the End of the Twentieth – Beginning of the Twenty-First Century. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 294–301. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-294-301

Исторически отношения между Индонезией и Индией существуют более двух тысяч лет и являются прочной основой для сотрудничества двух стран на современном этапе.

Экономический динамизм Юго-Восточной Азии представлял собой многообещающую зону роста в мире, в которой Индия видела большой потенциал для своего экономического развития. Таким образом, необходимость продвижения экономических отношений с Юго-Восточной Азией была одной из основных задач индийского правительства после окончания «холодной войны».

При Сухарто был сделан отказ от «управляемой демократии» Сукарно. Результатом такого нового подхода стал приход транснациональных корпораций в Индонезию, что сделало ее экспортером промышленных товаров.

С 1990-х гг. Индия и Индонезия сотрудничают через различные двусторонние структуры и структуры под руководством АСЕАН. Двусторонняя торговля между Индией и Индонезией в 1980-х гг. составляла 50 млн долл. США и увеличилась до 92 млн долл. в 1990 г.

В настоящее время экономические отношения между Индией и Индонезией значительно расширились. После подписания Стратегического партнерства в 2005 г. объемы торговли выросли с 4 млрд долл. США до более чем 10 млрд долл. в период с 2005 по 2010 г. и продолжали расти до 2012 г., когда началось их снижение из-за сокращения импорта из Индии и роста глобальной неопределенности в мире [Rahul Mishra, 2015, p. 103]. Двусторонняя торговля между Индией и Индонезией увеличилась с 6,9 млрд долл. США в 2007–2008 гг. до 19,03 млрд долл. США в 2014–2015 гг. и до 21,01 млрд долл. в 2021 г.² Общий объем торговли между Индией и Индонезией вырос с 4,3 млрд долл. США в 2005 г. до 21,12 млрд долл. в 2018–2019 гг.³ Во время визита премьер-министра Индии Нарендры Моди в Индонезию в мае 2018 г. стороны договорились удвоить свои усилия, чтобы довести двустороннюю торговлю до уровня 50 млрд долл. США к 2025 г.⁴

Экспорт Индии в Индонезию в 2021–2022 финансовом году составил 8,47 млрд долл. США. Основные статьи экспорта из Индии в Индонезию включают минеральное топливо, минеральные масла и продукты; битумные вещества; минеральные воски (2352,14 млн долл. США); за ними следуют сахар и кондитерские изделия из сахара (904,32 млн долл.). В период с апреля по ноябрь 2022 г. были экспортированы из Индии в Индонезию нефтепродукты (2 609 млн долл. США), за которыми следуют суда, лодки и плавучие конструкции (343 млн долл.)⁵.

Индонезия получает индийский экспорт продуктов нефтепереработки, кукурузы, коммерческих автомобилей, телекоммуникационного оборудования, семян масличных культур, кормов для животных, хлопка, изделий из стали и пластмасс, а также фармацевтические препараты.

² Govt Trust IBEF. Feb, 2023. URL: <https://www.ibef.org/indian-exports/india-indonesia-trade> (дата обращения: 02.09.2023).

³ Ibid.

⁴ India Business & Trade. 28.10.2020. URL: <https://www.tpci.in/indiabusinesstrade/blogs/india-indonesia-trade-time-for-a-strong-expression-of-intent/> (дата обращения: 02.09.2023).

⁵ Govt Trust IBEF. Feb, 2023. URL: <https://www.ibef.org/indian-exports/india-indonesia-trade> (дата обращения: 02.09.2023).

Рис 1. Двусторонняя торговля Индии с Индонезией, 2013–2017 гг. (в млрд долл. США)

Ист: [Dr. Temjenmeren Ao, India-Indonesia Comprehensive Strategic Partnership: Convergence and Challenges. 2020, p. 11]

Импорт Индии из Индонезии в 2021–2022 финансовом году составил 17,7 млрд долл. США. Основные товары, импортируемые Индией из Индонезии в 2021 финансовом году, также включают минеральное топливо, минеральные масла и продукты, уголь, кокс, битумные вещества и минеральные воски (6 877,23 млн долл. США); затем следуют животные или растительные жиры и масла и продукты их расщепления; воск растительного происхождения (4 123,29 млн долл.)⁶.

Индия является крупнейшим покупателем сырого пальмового масла в Индонезии, а также крупным импортером угля, полезных ископаемых, каучука, целлюлозы и бумаги, запасов углеводов.

В 2018 г. сторонами был подписан Меморандум о взаимопонимании, чтобы обеспечить устойчивое производство и торговлю пальмовым маслом в обеих странах. Индонезийская сторона также придерживается мнения, что работа с индийскими ассоциациями поможет информировать общественность о том, что дешевизна пальмового масла в Индонезии связана не с более низким его качеством, а с более высокой производительностью при его изготовлении⁷. Меморандум о взаимопонимании был направлен не только на обеспечение устойчивой торговли, но и на защиту конкурентоспособности производителей.

Индия является одним из крупнейших в мире потребителей продуктов из пальмового масла, при этом стоимость экспорта Индонезии составляет 4,9 млрд долл. США, или около 34,8% от общей стоимости экспорта Индонезии в страну. Ежегодно Индия импортирует более 13–13,5 млн т пищевого масла, из которых 8–8,5 млн т (около 63%) составляет пальмовое масло⁸.

⁶ Govt Trust IBEF Feb, 2023. URL: <https://www.ibef.org/indian-exports/india-indonesia-trade> (дата обращения: 02.09.2023).

⁷ Calvin Basuki. ANTARA News. 16.02.2018. URL: <https://en.antaranews.com/news/116659/indonesia-india-ensure-sustainable-palm-oil-production-and-trade> (дата обращения: 26.07.2023).

⁸ Sunaina Chadha. The Times of India. 26.04.2022. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/indonesian-palm-oil-export-ban-explained-whats-included-whats-not-and-what-it-means-for-india/articleshow/91094879.cms> (дата обращения: 04.09.2023).

Торговые отношения с Индией пострадали из-за внезапного запрета на экспорт, введенного Индонезией в апреле 2022 г., чтобы контролировать свои внутренние цены. Экспортное эмбарго распространялось только на экспорт рафинированных масел и было выгодно индийским переработчикам пищевого масла, поскольку позволяло увеличить долю импорта сырого пальмового масла в стране. Однако это привело к опасениям, что ежемесячные поставки пальмового масла в Индию внезапно прекратятся, что приведет к резкому росту и без того высоких внутренних цен.

Несколько месяцев спустя Индонезия внезапно сняла запрет, сначала частично, а затем полностью. Между этими решениями поступали противоречивые сигналы относительно того, будет ли отменен запрет. Внезапный запрет, а затем и его отмена оказали влияние на торговые отношения между двумя странами, что снизило экспорт Индонезии с 60% до 47%. Тем не менее индонезийская сторона оптимистично заявила, что намерена вернуть отношения в норму, так же как и цифру 60%⁹.

Индонезия занимает 33-е место по притоку прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Индию с совокупной суммой ПИИ в размере 645,48 млн долл. США (с апреля 2000 г. по сентябрь 2022 г.). В январе 2011 г., во время визита президента Сусило Бамбанга Юдойоно в качестве специального гостя в День Республики Индии, деловые круги обеих стран подписали восемнадцать меморандумов о взаимопонимании по ПИИ на сумму 15 млрд долларов США [Vibhanshu Shekhar, 2018, p. 207].

В 2022 г. Резервный банк Индии и Банк Индонезии подписали Меморандум о взаимопонимании для дальнейшего улучшения взаимного сотрудничества.

Во время эпидемии COVID-19 Индонезия через общество Красного Креста передала Индии кислородные концентраторы. Генеральный консул Индонезии в Мумбаи тогда отметил, что страны хорошо сотрудничают уже более 70 лет и поддерживают друг друга.

Правительство Индонезии в сотрудничестве с отраслевыми ассоциациями и другими заинтересованными сторонами отправило в Индию 1400 кислородных баллонов в мае 2021 г. Общее их количество составило затем более 5000¹⁰.

В марте 2023 г. министр торговли Индонезии Зульфли Хасан и министр торговли и промышленности Индии Шьяма Прасад Мукерджи встретились в Нью-Дели, чтобы обсудить пути укрепления двустороннего сотрудничества в различных секторах, включая информационные технологии, здравоохранение, текстиль, мебель, образование и человеческие ресурсы. Зульфли Хасан выразил оптимизм в отношении возможностей расширения торговых и инвестиционных связей и сотрудничества между двумя странами. Он отметил, что Индия является стратегическим партнером Индонезии, четвертым по величине экспортным направлением и 21-м по величине источником иностранных инвестиций. Кроме того, стороны подписали Соглашение о свободной торговле между АСЕАН и Индией. Он добавил, что стороны могут немедленно приступить к переговорам по двустороннему соглашению о преференциальной торговле, которое находится на рассмотрении с 2020 г. с целью оптимизации экономических потенциалов двух стран¹¹. Министр отметил, что Индонезия открыта для переговоров по торговому соглашению, которое фокусируется на интересах обеих стран. В ходе встречи министры также обсудили несколько вопросов, препятствующих усилиям по увеличению двусторонней

⁹ Sanjeeb Mukherjee. Business Standard. 22.09.2022. URL: https://www.business-standard.com/article/economy-policy/indonesia-may-strive-to-corner-60-of-india-s-palm-oil-markets-official-122092201054_1.html (дата обращения: 06.09.2023).

¹⁰ Yuni Arisandy/Suharto. ANTARA News. 09.06.2021. URL: <https://en.antaranews.com/news/176226/indonesia-provides-1400-oxygen-concentrators-to-india> (дата обращения: 09.06.2023).

¹¹ Vietnam+ (VietnamPlus). 16.03.2023. URL: <https://en.vietnamplus.vn/indonesia-india-bolster-collaboration-in-five-key-areas/249948.vnp> (дата обращения: 11.08.2023).

торговли, в том числе экспорт индонезийских пин и изделий из волокна в Индию и импорт мяса индийских буйволов, автомобилей, сахара и риса в Индонезию.

Благодаря двустороннему стратегическому партнерству обе страны расширили свое сотрудничество в сфере торговли и инвестиций, оборонной промышленности, энергетики, науки и техники, поиска сырья и сотрудничество в области космических исследований.

ИНДОНЕЗИЙСКО-ИНДИЙСКОЕ ОБОРОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отношения в оборонной сфере между Индией и Индонезией были возрождены в начале 1990-х гг. после более чем 30-летнего перерыва с начала 1960-х гг. Этому во многом помогло расширение сотрудничества Индии с АСЕАН в целом. Индонезия рассматривала Индию как жизнеспособного партнера для приобретения запасных частей, обучения пилотов и обслуживания своих истребителей МиГ-29¹².

Соглашение о сотрудничестве в области обороны, подписанное в 2001 г. между Индией и Индонезией, не только наладило оборонное партнерство, но и продемонстрировало позитивное отношение Джакарты к Нью-Дели. В 2006 г. было подписано новое соглашение, а на заседании Совместной комиссии Индонезии и Индии в июне 2007 г. было принято решение ускорить осуществление сотрудничества в рамках нового стратегического партнерства.

Во время визита тогдашнего премьер-министра Манмохана Сингха в Индонезию в октябре 2013 г. две страны определили пять приоритетных областей для укрепления своих двусторонних связей: стратегическое взаимодействие, сотрудничество в области обороны и безопасности, всестороннее экономическое партнерство, культурные связи и связи между людьми, сотрудничество в решении общих проблем. Во время этого визита Индия и Индонезия подписали шесть меморандумов о взаимопонимании, которые касались более тесного сотрудничества между учреждениями двух стран в области здравоохранения, стихийных бедствий, незаконного оборота наркотиков, обучения разведки и исследований [Vibhanshu Shekhar, 2015, p. 133].

После поездки президента Индонезии Джоко Видодо («Джокови») в Индию в декабре 2016 г. обе стороны взяли на себя обязательство укрепить отношения в сфере обороны путем проведения регулярных диалоговых сессий министров обороны и совместного комитета по оборонному сотрудничеству¹³.

События роста экстремистского насилия в Юго-Восточной Азии, последовавшие за терактами 11 сентября в США, привлекли внимание к проблеме безопасности и стабильности в регионе. Беспрецедентная террористическая атака в Мумбаи, которая длилась с 26 по 29 ноября 2008 г., продемонстрировала уязвимость Индии в открытом море. Эти события наряду с нестабильной обстановкой вызвали необходимость расширения партнерства в области безопасности между Индией и Индонезией для обеспечения стабильности и мира в регионе.

В 2018 г. тогдашний министр обороны Индонезии Рьямизард Рьякуду в январе совершил визит в Индию, в октябре того же года тогдашний министр обороны Индии Нирмала Ситхараман совершила ответный визит. В число мероприятий Ситхараманы входила встреча с Рьякуду для обсуждения состояния оборонных отношений, а также более широких вопросов. Хотя не было подробностей о содержании дискуссий, акцент был сделан на сотрудничестве

¹² Panjaj Kumar Jha. Institute for Defence Studies and Analysis (IDSA). 24.01.2011. URL: https://idsa.in/idsacomments/IndiaIndonesiaTowardsStrategicConvergence_pkjha_240111 (дата обращения: 17.05.2023).

¹³ Prashanth Parameswaran. The Diplomat. 11.02.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/02/the-future-of-india-indonesia-defense-ties/> (дата обращения: 18.07.2023).

в оборонно-промышленном комплексе, что было подчеркнуто с обеих сторон. Индонезийская сторона упомянула, что есть надежда, что сотрудничество будет продолжено, например, в производстве поставок компонентов для производства радаров и гидролокаторов и что Джакарта продолжает выражать «свою признательность» за технологические преимущества, которыми Индия обладает в таких областях, как ракеты большой дальности. Подробности такого сотрудничества не были обнародованы, однако в заявлении министерства обороны Индии по поводу встречи отмечалось, что оба министра согласились создать рабочие группы для прогресса во взаимно согласованных областях двустороннего оборонного взаимодействия¹⁴.

Сотрудничество в области безопасности на море между Индией и Индонезией, пожалуй, является наиболее важным аспектом двустороннего сотрудничества в области обороны. Учитывая тот факт, что обе страны контролируют территорию, простирающуюся от Бенгальского залива в Индийском океане до Малаккского пролива, морская безопасность была ключевым направлением для лидеров обеих стран.

Кроме того, расположение Индонезии в сочетании с ее военно-морскими силами делает ее очень важным партнером для Индии в обеспечении безопасности морских путей сообщения между Европой, Западной Азией и Юго-Восточной Азией. Помимо участия в многонациональных военно-морских учениях «Милан», которые начались в 1995 г., обе страны расширяют свое морское сотрудничество в области скоординированного патрулирования, совместных двусторонних или многосторонних учений, а также гуманитарной помощи и помощи при стихийных бедствиях.

С 2002 г. ВМС Индии и Индонезии проводят учения CORPAT вдоль своей международной морской границы два раза в год. Учения направлены как на улучшение функциональной совместимости, так и на расширение возможностей в таких областях, как поиск и спасение, экологический менеджмент, а также обеспечение безопасности судоходства и международной торговли в Индийском океане¹⁵.

В 2015 г. CORPAT был расширен и начал включать проведение первых в истории двусторонних военно-морских учений. Это взаимодействие стало одним из проявлений продолжающихся усилий обеих азиатских держав по развитию сотрудничества в сфере морской обороны и безопасности¹⁶.

В 2016 г. глава военно-морского флота Индии совершил официальную поездку в Индонезию. По сообщению министерства обороны Индии, визит был направлен на консолидацию существующих инициатив морского сотрудничества с Индонезией, а также на изучение новых направлений в соответствии с индийской политикой «Act East Policy», направленной на укрепление торговых и деловых связей с Юго-Восточной Азией и другими странами Индо-Тихоокеанского региона. Среди вопросов повестки дня было обсуждение хода скоординированного патрулирования¹⁷.

В 2017 г. Индонезию посетил тогдашний министр обороны Г. Мохан Кумар, чтобы согласовать различные шаги, включая расширение военных учений, активизацию сотрудничества в оборонной промышленности и углубление морского сотрудничества, в том числе

¹⁴ Prashanth Parameswaran. The Diplomat. 30.02.2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/10/whats-next-for-india-indonesia-defense-ties/> (дата обращения: 18.07.2023).

¹⁵ GKToday. 20.12.2020. URL: <https://www.gktoday.in/ind-indo-corpat/> (дата обращения: 18.07.2023).

¹⁶ Prashanth Parameswaran. The Diplomat. 04.05.2016. URL: <https://thediplomat.com/2016/05/india-indonesia-kick-off-joint-naval-patrols/> (дата обращения: 18.07.2023).

¹⁷ Prashanth Parameswaran. The Diplomat. 09.09.2016. URL: <https://thediplomat.com/2016/08/india-indonesia-eye-deeper-maritime-cooperation-with-navy-chief-visit/> (дата обращения: 18.07.2023).

обучение на подводных лодках для индонезийской стороны. Индонезия и Индия имеют общее видение морского сотрудничества, делая упор на усилия по укреплению инвестиций и торговли, поддержанию устойчивости морских ресурсов и повышению безопасности на море.

Обе стороны уже проводят ряд учений, в том числе армейские учения «Гаруда Шакти» с 2012 г.¹⁸ и учения военно-морских сил «Самудра Шакти», впервые состоявшиеся в 2018 г., после визита премьер-министра Нарендры Моды в Индонезию¹⁹.

Таким образом, во время визита премьер-министра Моды в Индонезию в мае 2018 г. было достигнуто соглашение с президентом Джоковичем об укреплении существующего военно-морского сотрудничества, которое включает двустороннее координированное патрулирование между военно-морскими силами, которое было начато в 2002 г. Обе стороны также договорились начать регулярные двусторонние военно-морские учения и расширить обмен информацией, связанной с морской безопасностью в Индо-Тихоокеанском регионе. Еще одним важным аспектом этой встречи было соглашение о предоставлении Индии экономического и военного доступа к стратегическому острову Сабанг, расположенному в Индийском океане²⁰.

Порт Сабанг расположен на оконечности острова Суматра, в провинции Ачех, в устье Малаккского пролива. Индонезия разрешила Индии инвестировать в порт, который является стратегическим и жизненно важным судоходным каналом. Малаккский пролив считается одним из самых важных судоходных путей в мире, и поскольку каждый год через него проходит около 100 000 судов, это самый загруженный пролив в мире. Это основной морской путь между Индийским и Тихим океанами, который связывает крупные державы, такие как Китай, Япония, Индия, Южная Корея, Малайзия и т. д. Стратегическое расположение Сабанга позволит Индии перехватывать китайские суда, курсирующие между Южно-Китайским морем и Индийским океаном.

Рис 2. Порт Сабанг

Иср: [Dr. Temjenmeren Ao, India-Indonesia Comprehensive Strategic Partnership: Convergence and Challenges. 2020, p. 29]

¹⁸ GKToday. 21.11.2022. URL: <https://www.gktoday.in/garuda-shakti-exercise/> (дата обращения: 11.09.2023).

¹⁹ GKToday. 15.05.2023. URL: <https://www.gktoday.in/samudra-shakti-23/> (дата обращения: 11.09.2023).

²⁰ ClearIAS. 28.11.2022. URL: <https://www.clearias.com/india-indonesia/> (дата обращения: 11.09.2023).

Порт Сабанг, а также Андаманские острова пересекают важные морские торговые пути. По проливам Андаманских и Никобарских островов ежегодно проходят тысячи коммерческих морских судов. Учитывая экономическое и стратегическое значение этого морского пути, Индия и Индонезия расширяют развертывание своих военно-морских сил для защиты собственных интересов и обеспечения стабильности в Индийском океане.

Моди в мае 2018 г. приветствовал уже начавшееся укрепление торгового и инвестиционного сотрудничества между Андаманскими и Никобарскими островами и Ачехом. Это сотрудничество соответствует видению Индии SAGAR (Security and Growth for All in the Region) по обеспечению роста и безопасности в регионе, а также политике Индонезии в отношении мировой морской оси. SAGAR — это:

- 1) защита сухопутных и морских территорий и интересов;
- 2) углубление экономического сотрудничества и сотрудничества в области безопасности на побережье;
- 3) поощрение коллективных действий по борьбе со стихийными бедствиями и морскими угрозами, такими как пиратство, терроризм и возникающие негосударственные субъекты;
- 4) работа над устойчивым региональным развитием посредством расширения сотрудничества;
- 5) взаимодействие со странами за пределами своих берегов с целью укрепления доверия и поощрения соблюдения морских правил, норм и мирного разрешения споров [Hendra Manurung, Teuku Rezasyah, 2021, p. 4].

Между морскими соседями Индией и Индонезией, которые одинаково смотрят на ситуацию, сотрудничество в Сабанге имеет стратегический уклон. Индонезия разрешила швартовку кораблей ВМС Индии в своем порту, и «Sumitra» стал первым военным кораблем, пришвартованным в глубоководном порту Сабанга 11 июля 2018 г. [Dr. Temjenmeren Ao, 2020, p. 30].

Совместные военно-морские учения и патрулирование, а также заходы в порт соответствующих военно-морских сил стали регулярной чертой более широкого сотрудничества Индии и Индонезии в области обороны. Развитие двусторонних отношений между двумя странами до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства должно способствовать дальнейшему укреплению сотрудничества в сфере безопасности и других областях.

Литература/References

- Rahul Mishra. *The Peacock and the Garuda: An Overview of India- Indonesia Relations*, Knowledge World. New Delhi, 2015.
- Vibhanshu Shekhar. *Indonesia's Foreign Policy and Grand Strategy in the 21st Century: Rise of an Indo-Pacific Power*. Routledge: Oxon, 2018.
- Hendra Manurung; Teuku Rezasyah. *Indonesia — India Relations in Indo-Pacific*. Pajajaran, 2021.
- Dr. Temjenmeren Ao, *India-Indonesia Comprehensive Strategic Partnership: Convergence and Challenges*. New Delhi, 2020.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МАЛАЙЗИЕЙ И ИНДИЕЙ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2023

Е. В. Кочеткова¹

Индия и Малайзия имеют давние торговые связи, восходящие еще к дохристианской эпохе. Официальное дипломатическое сотрудничество между Индией и Малайзией было установлено в 1957 г. после провозглашения независимости Федерации Малайзия. Малайзия занимает важное место во внешней политике Индии и в силу своего регионального расположения могла бы содействовать укреплению сотрудничества и взаимодействия с другими странами АСЕАН.

В настоящее время Индия и Малайзия становятся очевидцами растущего взаимодействия во всех аспектах двустороннего сотрудничества, включая политику, экономику и торговлю, оборону и безопасность, здравоохранение, образование и туризм, человеческие ресурсы, государственное управление и т.д. Появились новые аспекты в торгово-экономических отношениях двух стран, а также общая решимость сторон расширять и укреплять двустороннее сотрудничество.

Ключевые слова: Индия, Малайзия, АСЕАН, Нарендра Модди, Наджиб Разак

Для цитирования: Кочеткова Е. В. Отношения между Малайзией и Индией: основные направления и перспективы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 302–312. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-302-312

RELATIONS BETWEEN MALAYSIA AND INDIA: MAJOR DIRECTIONS AND PROSPECT

Ekaterina V. Kochetkova

India and Malaysia have long-standing trade ties dating back to the pre-Christian era. Official diplomatic cooperation between India and Malaysia was established in 1957, after the declaration of independence of the Federation of Malaysia. Malaysia occupies an important place in India's foreign policy, and due to its regional location, Malaysia could contribute to strengthening cooperation and interaction with other ASEAN countries.

Currently, India and Malaysia are witnessing growing interaction in all aspects of bilateral cooperation, including politics, economy and trade, defense and security, healthcare, education and tourism, human resources, public administration, etc. New aspects have emerged in trade and economic relations between the two countries, as well as the common determination of the parties to expand and strengthen bilateral cooperation.

Keywords: India, Malaysia, ASEAN, Narendra Modi, Najib Razak

For citation: Kochetkova E. V. Relations Between Malaysia and India: Major Directions and Prospects. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 302–312. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-302-312

¹ Кочеткова Екатерина Вячеславовна, научный сотрудник, Отдел Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, Москва; kati17@yandex.ru

Ekaterina V. Kochetkova, Researcher, Department of Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; kati17@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9305-2392

В 2022 г. исполнилось 65 лет со дня установления официальных дипломатических отношений между Индией и Малайзией.

Малайзия занимает важное место во внешней политике Индии как страна, в которой около 6,6% населения составляют жители индийского происхождения².

Индия и Малайзия имеют давние торговые связи, восходящие еще к дохристианской эпохе. Появление индийцев на малайской земле относится к началу I тыс. н. э. Именно индийские торговцы и миссионеры принесли сюда буддизм, индуизм, позже ислам, а также свою культуру, оказавшие серьезное влияние на верования и быт местных народов. Однако формирование индийской диаспоры, третьей по численности в Малайзии, относится ко времени британского колониализма (конец XIX — нач. XX вв.).

Во многом благодаря давним историческим и культурным связям Малайзия и Индия находятся в прекрасных дружественных отношениях. Официальное дипломатическое сотрудничество между странами было установлено в 1957 г. после провозглашения независимости Федерации Малайзия. С тех пор их лидеры, а также главы министерств и ведомств регулярно наносят друг другу визиты.

Индия представлена в Малайзии через Высшую комиссию Индии, расположенную в Куала-Лумпуре. Малайзийское присутствие в Индии осуществляется через Верховную комиссию в Нью-Дели и Генеральные консульства в Мумбаи и Ченнаи.

Две страны поддерживали прочные отношения в 1960-х гг. в результате личной дружбы между премьер-министрами Джавахарлалом Неру и Тунку Абдул Рахманом. В Малайзии сердечно относятся к Индии, где проживает третья по величине индийская диаспора в мире после США и ОАЭ. Махатхир Мохамад, дольше всех занимавший пост премьер-министра Малайзии [Кочеткова, 2020, с. 158], а также нынешний премьер-министр страны Анвар Ибрагим имеют индийское происхождение [Погадаев, 2020, с. 495].

Индия и Малайзия становятся очевидцами растущего взаимодействия во всех аспектах двустороннего сотрудничества, включая политику, экономику и торговлю, оборону и безопасность, здравоохранение, образование и туризм, человеческие ресурсы, государственное управление и т. д.

Окруженная оживленными морскими путями, такими как Южно-Китайское море и Малаккский пролив, Малайзия также является ключевой составляющей индийской политики «Act East policy» (Политика продвижения на Восток)³ и имеет решающее значение для стратегии Индии в области морских коммуникаций.

В настоящее время между Индией и Малайзией сложились тесные политические, экономические и социокультурные отношения. Растет вовлеченность во все аспекты двусторонних отношений, и это дает возможность еще больше укреплять и диверсифицировать существующие связи, особенно в экономической и военно-технической областях.

Между Индией и Малайзией были созданы следующие институциональные механизмы: заседание Совместной комиссии, консультации министерств иностранных дел, встречи по сотрудничеству в области обороны между Индией и Малайзией, форум руководителей компаний обеих стран, подписание ряда соглашений и меморандумов о взаимопонимании в различных сферах.

² <https://www.statista.com/statistics/1017372/malaysia-breakdown-of-population-by-ethnicity/> Malaysia: population by ethnicity 2023/ Statista (дата обращения: 11.09.2023).

³ Политика «Взгляд на Восток», переименованная правительством Национального демократического альянса (NDA), возглавляемым премьер-министром Нарендрой Модой, в политику «Продвижения на Восток» была признана самой успешной внешнеполитической линией страны за последние два десятилетия.

Важными совместными рабочими группами являются: совместная рабочая группа по борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью, объединенный комитет по науке и технике, совместная рабочая группа по информационным технологиям, индийско-малайзийская совместная рабочая группа по вопросам труда, совместная рабочая группа по высшему образованию, совместная рабочая группа по возобновляемым источникам энергии, совместная рабочая группа по государственному управлению, двустороннее техническое совещание по сотрудничеству в области традиционной медицины⁴.

За последнее десятилетие отношения между Индией и Малайзией переросли из стратегического партнерства в расширенное стратегическое партнерство, и ожидается новое сотрудничество в области культурной дипломатии, цифровой экономики и сельскохозяйственной продукции.

Во время визита бывшего премьер-министра Индии Манмохана Сингха в Малайзию в 2010 г. было решено установить стратегическое партнерство, а во время визита премьер-министра Нарендры Моди в 2015 г. оно было укреплено до этого уровня. После визита премьер-министра Наджиба Разака в 2017 г. Индия и Малайзия договорились расширить сотрудничество в таких областях, как развитие инфраструктуры и строительство умных городов.

Экономическое сотрудничество между Малайзией и Индией было рассмотрено на совещании по консультациям министерств иностранных дел (FOC), состоявшемся в апреле 2022 г., где было решено улучшить все аспекты сотрудничества и сделать партнерство действительно значимым и взаимовыгодным⁵.

Между двумя странами было подписано несколько соглашений и меморандумов о взаимопонимании, в том числе в области торговли, налогообложения (об избежании двойного налогообложения), таможенных вопросов, высшего образования, взаимной правовой помощи по уголовным делам, туризма, традиционной медицины, информационных технологий и услуг, программы культурного обмена, государственного управления, Соглашение о воздушном сообщении и многие другие.

Малайзия является 13-м по величине торговым партнером Индии, а Индия — крупнейший торговый партнер Малайзии среди стран Южной Азии, исключая Китай. Кроме того, Малайзия стала третьим по величине торговым партнером Индии в блоке АСЕАН после Сингапура и Индонезии, а Индия — крупнейшим торговым партнером Малайзии среди стран региона Юго-Восточной Азии. Малайзийские компании участвуют во многих инфраструктурных проектах в разных штатах Индии. Индийские промышленные компании, IT-компании и компании в сфере здравоохранения также инвестируют в Малайзию.

В 2018–19 финансовом году двусторонний товарооборот составил 17,24 млрд долл. США, при этом экспорт Индии составил 6,43 млрд долл., а импорт — 10,81 млрд долл. Основными товарами, импортируемыми Индией из Малайзии, стали пальмовое масло, минеральное топливо, минеральное масло, электрические машины, оборудование и т. д.; также растительные жиры или животные жиры и масла и продукты их расщепления; котлы, оборудование для ядерных реакторов и механическое оборудование; медь и изделия из нее, древесина; древесный уголь, органические химикаты, алюминий, железо и сталь и другие различные химические продукты.

⁴ <https://byjus.com/free-ias-prep/india-malaysia-relations/> India-Malaysia Relations: Latest Developments [UPSC International Relations Notes] (дата обращения: 11.09.2023).

⁵ <https://www.eurasiareview.com/16082021-india-malaysia-relations-why-new-delhi-banned-malaysia-palm-oil-analysis/> (дата обращения: 12.07.2023).

Основными статьями экспорта Индии, поставляемого в Малайзию, являются такие товары, как минеральное топливо и масла. Помимо этого, Индия также экспортирует другие товары, такие как алюминий, мясо и пищевые мясные субпродукты, сахар, железо и сталь, медь, механическое оборудование, электрические машины и оснащение, органические химикаты и оборудование для ядерных реакторов⁶.

Двусторонний товарооборот в 2021–22 финансовом году вырос и достиг более 19 млрд долл. США. Сюда входят экспорт на сумму около 12 млрд долл. США и импорт на сумму около 7 млрд долл. В настоящее время Малайзия занимает 27-е место среди крупнейших инвесторов в Индии с притоком ПИИ (прямых иностранных инвестиций) в размере 1 161 млн долл. США с апреля 2000 по сентябрь 2022 г. Двусторонний товарооборот достиг 13,86 млрд долл. США в апреле-ноябре 2022 г. (экспорт на сумму 4,9 млрд долл. США и импорт на сумму 8,9 млрд долл. с апреля по ноябрь 2022 г.).⁷

Сотрудничество между Индией и Малайзией имеет также свои региональные и междуна-родные аспекты. Обе страны являются общими членами различных форумов, таких как Движение неприсоединения, G-15, G-77, Содружество наций, ВТО, Региональный форум АСЕАН (ARF), Восточноазиатский саммит и Ассоциация регионального сотрудничества стран бассейна Индийского океана (IORAC).

Первое индийское совместное предприятие Godrej начало свою деятельность в 1968 г., а в 70-х и начале 80-х гг. в Малайзии было самое большое количество индийских совместных предприятий в мире. Индийские компании, работающие в Малайзии, занимаются переработкой пальмового масла, энергетикой, железными дорогами, информационными технологиями, биотехнологиями, производством промышленных товаров, сферой высшего образования, гражданским строительством и профессиональной подготовкой кадров.

В настоящее время в Малайзии действуют более 150 индийских компаний, в том числе 61 индийское совместное предприятие, в различных секторах, таких как производство текстиля и пряжи, лекарств и фармацевтических препаратов, специальных химических веществ, информационных технологий, образования, биотехнологий, здравоохранения, стальной мебели и т. д.

Правовая база, регулирующая двустороннюю торговлю и экономическое сотрудничество, также включает, среди прочего, двустороннее Соглашение о защите инвестиций, подписанное в 1997 г.; пересмотренное Соглашение об избежании двойного налогообложения, подписанное в мае 2012 г., и Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в таможенных вопросах, принятый в июне 2013 г. Правительства двух стран в 2017 г. пересмотрели соглашение о воздушном сообщении между Индией и Малайзией, которое изменило соответствующие права на перевозки. Индийский международный банк Малайзии (ИВМ), совместные Bank of Baroda, Indian Overseas Bank и Andhra bank начали свою деятельность 11 июля 2012 г.

Институциональные договоренности между Индией и Малайзией в области торговли и экономического сотрудничества включают в себя Индийско-малайзийскую совместную комиссию под председательством соответствующих министров иностранных дел, созданную в 1992 г., которая регулярно проводит свои заседания.

Во время визита премьер-министра Манмохана Сингха в Малайзию с 26 по 28 октября 2010 г. был учрежден Индийско-малайзийский форум руководителей компаний, включающий 18 руководителей компаний с обеих сторон. Форум был совместно открыт 27 октября 2010 г. премьер-министрами Индии и Малайзии с целью развития расширенного партнерства

⁶ <https://lotusarise.com/india-malaysia-relations-upsc/> (дата обращения: 28.07.2023).

⁷ <https://www.ibef.org/indian-exports/india-malaysia-trade> (дата обращения: 03.09.2023).

и кооперации на деловом уровне между двумя странами. Второе заседание форума прошло в Мумбаи 20 мая 2011 г. Затем заседания проходили как в Индии, так и в Малайзии. Последняя встреча Индийско-малайзийского форума генеральных директоров состоялась 14 февраля 2019 г. в Куала-Лумпуре.

В феврале 2011 г., после вступления в силу Соглашения о зоне свободной торговли между АСЕАН и Индией, Малайзия подписала знаковое Соглашение о свободной торговле с Индией для дальнейшего укрепления торгового сотрудничества между двумя странами (Соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве с Индией (СЕСА)). Новая структура предоставила значительные новые возможности для экономического сотрудничества и должна была привести к укреплению коммерческих и экономических связей на правительственном уровне, а также на уровне деловых кругов. Соглашение вступило в силу 1 июля 2011 г. Ключевыми позициями, по которым Малайзия открыла доступ на рынок Индии, стали рис басмати, манго, яйца, грузовики, мотоциклы и хлопчатобумажная одежда, которые представляют значительный экспортный интерес для Индии. Основными товарами, необходимыми для Малайзии, по которым был предложен доступ на рынок, стали фрукты, какао, продукты из пальмового масла и синтетический текстиль.

В декабре 2012 г. во время памятного саммита АСЕАН — Индия премьер-министр Малайзии Наджиб Разак встретился с премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом и выразил твердое желание укрепить торговое сотрудничество и увеличить объем двусторонней торговли с 15 млрд долл. США до 20 млрд долл.⁸

Малайзия является вторым по величине производителем пальмового масла в мире после Индонезии. Индия — крупнейший покупатель пищевых масел в мире. Наряду с Китаем и ЕС Индия остается одним из главных потребителей и импортеров пальмового масла. Импорт пальмового масла составляет более 2/3 от общего объема импорта пищевого масла. Пальмовое масло — основной экспортный товар в Индию из Малайзии, за которым следуют минеральное топливо и электронные товары.

В 2020 г. после комментариев премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамеда, выступившего против отмены особого статуса Кашмира и принятия Закона о поправках к гражданству, Индия ввела ограничения на импорт малайзийского пальмового масла. Необходимо отметить, что помимо крупнейшей индийской диаспоры в Малайзии проживает также крупнейшая в Юго-Восточной Азии пакистанская диаспора. Малайзийское пальмовое масло относительно дешевле, чем индонезийское. Рост цен на него очень сильно повлиял на бюджет миллионов граждан Индии, которые уже столкнулись с экономическим спадом, вызванным пандемией коронавируса, особенно живущих за чертой бедности. После 4-месячного перерыва из-за политического конфликта между странами вслед за формированием нового правительства в Куала-Лумпуре ограничение было снято. Уход Махатхира Мохамеда с поста премьер-министра Малайзии в конце марта 2020 г. послужил импульсом для возобновления отношений, когда новый лидер страны Мухиддин Ясин подписал рекордный контракт с Индией на импорт 100 000 т риса. В ответ на это индийское правительство сняло все торговые запреты, наложенные на импорт малайзийского пальмового масла, что впоследствии привело к возобновлению и увеличению объема импорта индийских компаний в больших масштабах, достигших рекордно высокого среднего показателя в 500 000 т в месяц. Нью-Дели перевел РПО из ограниченного списка в свободно ввозимый товар до декабря 2020 г. и снизил базовую импортную

⁸ <https://katehon.com/ru/article/geopolitika-malayzii> (дата обращения: 12.09.2023).

пошлину на сырое пальмовое масло с 15% до 10%, действующих с 30 июня, сроком на три месяца, чтобы увеличить импорт⁹.

Необходимо отметить, что в связи с ухудшением политических и экономических отношений между странами, наблюдавшимся в начале 2020 г., в январе-мае экспорт пальмового масла из Малайзии в Индию в годовом сопоставлении сократился на 93% — до лишь 151,1 тыс. т по сравнению с 2,16 млн т в аналогичный период прошлого года¹⁰.

По мнению ряда экспертов, для Индии было бы ошибкой продолжать свою политику ограничения экспорта пальмового масла, поскольку это решение не способствовало позитивному дипломатическому климату для улучшения отношений между Индией и Малайзией.

Несмотря на то, что растительное масло составляет значительную часть торгово-экономического сотрудничества, индийско-малайзийские торговые отношения очень многообразны. Индия экспортировала 5265 товаров в Малайзию в 2021–22 финансовом году. Экспорт Индии в Малайзию составил 6,99 млрд долл. США. Основными статьями экспорта из Индии в Малайзию в 2021–22 г. стали минеральное топливо, минеральные масла и продукты, битуминозные вещества и минеральные воски (2 237,57 млн долл. США); за ними следуют органические химикаты (510,27 млн долл.).

Индия импортировала 2814 товаров из Малайзии в 2021–22 финансовом году. Импорт Индии из Малайзии составил 12,4 млрд долл. США. Основными товарами, импортируемыми Индией из Малайзии, остаются животные или растительные жиры и масла и продукты их расщепления; животные растительные воски (4 429,71 млн долл. США); за ними следуют минеральное топливо, минеральные масла и продукты, битуминозные вещества, минеральные воски (1 344,66 млн долл.). По данным Департамента содействия развитию промышленности и внутренней торговли Индии, приток ПИИ в Индию составил 1,12 млрд долл. США в период с апреля 2000 по сентябрь 2021 г. С учетом маврикийского маршрута ожидается, что инвестиции Малайзии в Индию составят 7 млрд долл. США¹¹. Инвестиции из Малайзии направляются в такие секторы, как инфраструктура и строительство. Наибольшее количество инвестиционных предложений приходится на телекоммуникационный сектор, за которым следуют топливо, дороги и скоростные хайвеи. Некоторые из ведущих малайзийских компаний инвестировали в Индию, особенно в телекоммуникационный сектор — Maxis Communications в Aircel (2 млрд долл. США), Axiata в Idea Cellular (0,75 млрд долл.) и Khazanah в IDFC, Apollo Hospitals, Yes Bank и др.. Строительные проекты включали строительство аэропортов в Хайдарабаде (в 2008 г.) и Дели (в 2010 г.) в рамках партнерства между индийской GMR и аэропортами Малайзии. Индийские компании инвестировали в 258 утвержденных производственных проектов в Малайзии¹². Крупнейшее присутствие малайзийских строительных компаний за пределами Малайзии находится в Индии.

Отношения между Индией и Малайзией в области обороны неуклонно развивались на протяжении многих лет, особенно в последние годы. Меморандум о взаимопонимании по оборонному сотрудничеству был подписан еще в 1993 г. Расширяется сотрудничество

⁹ [https://news.myseldon.com/ru/news/index/253471842/India lowers palm oil duty to lower edible oil prices — S&P / Economy / Seldon News](https://news.myseldon.com/ru/news/index/253471842/India%20lowers%20palm%20oil%20duty%20to%20lower%20edible%20oil%20prices%20%E2%80%94%20S&P%20/Economy%20/Seldon%20News) (дата обращения: 14.07.2023).

¹⁰ [https://news.myseldon.com/ru/news/index/232764608/ India and Malaysia are ready to develop cooperation in the production and trade of palm oil](https://news.myseldon.com/ru/news/index/232764608/India%20and%20Malaysia%20are%20ready%20to%20develop%20cooperation%20in%20the%20production%20and%20trade%20of%20palm%20oil) (дата обращения: 02.08.2023).

¹¹ [https://www.ibef.org/indian-exports/india-malaysia-trade/ Exploring India Malaysia Trade and Economic Relations/ IBEF](https://www.ibef.org/indian-exports/india-malaysia-trade/Exploring%20India%20Malaysia%20Trade%20and%20Economic%20Relations/IBEF) (дата обращения: 03.09.2023).

¹² <https://byjus.com/free-ias-prep/india-malaysia-relations/> India-Malaysia Relations: Latest Developments [UPSC International Relations Notes] (дата обращения: 14.07.2023).

в производстве оборонной продукции. Военно-морские силы Индии и Малайзии участвуют в многосторонних учениях Milan, которые проводятся каждые два года. В марте 2020 г. Индия пригласила Малайзию принять участие в таких военно-морских учениях на Андаманских и Никобарских островах. Взаимодействие и встречи по сотрудничеству в области обороны между Малайзией и Индией не прекращаются, также страны намерены продолжать совместные военные учения для проверки совместимости своих военно-морских сил, армий и ВВС.

Министры обороны Малайзии и Индии регулярно проводят встречи в рамках двусторонних визитов. Переговоры между штабами военно-воздушной армии состоялись в Куала-Лумпуре 14–16 февраля 2018 г. Кроме того, в июле 2018 г. между обеими странами были проведены 7-е переговоры штабов ВМС. 11-я индийско-малайзийская встреча по оборонному сотрудничеству (MIDCOM) под председательством секретарей двух министерств обороны состоялась в Куала-Лумпуре 21 ноября 2018 г.

Повышая потенциал воздушной разведки, пилоты индийских ВВС в 2008–2010 гг. обучали малайзийских коллег на самолетах Су-30 МКМ, причем начальный этап обучения проводился в Индии, а заключительный — в Малайзии.

ВВС Малайзии нуждается в 18 новых легких истребителях. Индийское предложение касается версии LCA Mk1A. Индия предложила двойной пакет услуг для местных истребителей, а также для обслуживания самолетов российского производства SU-30 МКМ, эксплуатируемых Малайзией¹³.

Связи двух стран настолько прочны, что они всегда готовы оказывать помощь друг другу в трудную минуту. Например, Индия предоставила поисково-спасательные самолеты C130J и P8I (SAR) для оказания помощи в поисках пропавшего малайзийского лайнера¹⁴. Ежегодно двумя странами проводятся совместные учения «Харимау Шакти», и есть все возможности для их совершенствования.

Что касается сотрудничества в сфере безопасности, то Индия и Малайзия взаимодействуют в целях поддержания свободы судоходства и пролетов в соответствии с «Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS)» о свободном судоходстве и сотрудничестве в области безопасности над Южно-Китайским морем и Индийским океаном.

Индия и Малайзия также тесно сотрудничают по вопросам региональной безопасности — в 2010 г. обеими странами была создана Совместная рабочая группа (CRG) для борьбы с террористическими угрозами. На одной из последних встреч были выделены области, в которых индийская оборонная промышленность могла бы помочь Малайзии. Индия пригласила старших офицеров из Малайзии в Индию, чтобы они из первых рук ознакомились с оборудованием и продукцией индийской оборонной промышленности. Малайзия заявила также о необходимости привлечения женского персонала к миротворческим миссиям. Обе страны согласились повысить свой потенциал в области гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий (HADR). На переговорах обсуждались пути дальнейшего укрепления сотрудничества в области обороны в рамках существующего малайзийско-индийского совещания по оборонному сотрудничеству (MIDCOM). Продвигая оборонные обязательства высокого уровня, министры обороны Индии и Малайзии провели виртуальную двустороннюю встречу в июне 2022 г.

Индийско-малайзийское научно-техническое сотрудничество также развивается. Еще в 1998 г. обе страны подписали соглашение о научно-техническом сотрудничестве в конкретных

¹³ <https://www.clearias.com/india-malaysia-relations/> India-Malaysia Relations — ClearIAS (дата обращения: 05.09.2023).

¹⁴ <https://lotusarise.com/india-malaysia-relations-upsc/> (дата обращения: 27.06.2023).

областях биотехнологии, информационных технологий, передовых производственных систем и передовых материалов.

Индия и Малайзия подписали меморандум о сотрудничестве в области традиционной медицины в октябре 2010 г. Правительство Малайзии также работает над популяризацией систем AYUSH (*аюрведа*, йога и натуропатия, *юнани*, сиддха и гомеопатия) в стране. Индией было предоставлено 20 мест для малайзийских студентов, которые хотят получить степень бакалавра в области *аюрведы*, *сиддхи*, *юнани* и гомеопатии в индийских институтах или колледжах при Министерстве AYUSH. Меморандум о взаимопонимании и создании академической кафедры по аюрведе между Университетом Тунку Абдул Рахман (UTAR) и Институтом преподавания и исследований в области *аюрведы* (ITRA) в Джамнагаре был подписан в октябре 2021 г.

Образование является неотъемлемой частью многосторонних отношений Индии и Малайзии. Меморандум о взаимопонимании в области высшего образования был подписан в Индии во время визита бывшего премьер-министра Малайзии Наджиба Разака в 2010 г. В настоящее время 3000 малайзийских студентов обучаются в Индии, в то время как около 1500 индийских студентов обучаются в Малайзии. Наибольшее количество студентов из Малайзии выбирает медицинскую сферу. Более 30% врачей в Малайзии получили образование в Индии. Правительство Индии также предоставляет стипендии малайзийским студентам. В связи с тем, что многим малайзийским студентам-медикам необходимо продолжить свое образование в Индии, глобальная образовательная группа Mapiral согласилась открыть свои кампусы в Малайзии¹⁵.

По инициативе бывшего премьер-министра Индии Джавахарлала Неру в 1964 г. была создана программа ISTF ежегодной помощи студентам из Малайзии и Индии. ISTF — Индийский стипендиальный и целевой фонд, который оказывал финансовую помощь малайзийским студентам индийского происхождения, обучающимся в университетах, колледжах, политехнических институтах Малайзии. Индийский фонд (ISTF) открыт и сейчас для квалифицированных и заинтересованных студентов из Малайзии¹⁶. В 2015 г. премьер-министр Нарендра Моди предоставил дополнительный грант в размере 3 млн индийских рупий этому фонду. В 2019–20 гг. стипендии, предоставленные с использованием этого фонда, получили 55 малайзийско-индийских студентов, обучающихся в Малайзии.

Существует также Программа Индии по техническому и экономическому сотрудничеству (ИТЕС), целью которой является содействие комплексной внешней политике Индии. В 2019–20 гг. Индия предложила 30 мест для Малайзии в рамках своей программы ИТЕС.

Центр индийской культуры ICCR, расположенный в Куала-Лумпуре, назван в честь Нетаджи Субхаш Чандра Боса и был основан в феврале 2010 г. Центр способствует развитию двусторонних культурных связей между Индией и Малайзией путем организации культурных программ, семинаров, практикумов и тренингов с участием индийских гуру-профессионалов и тренеров по йоге, преподавателей хинди, индийской классической карнатической вокальной музыки и индийских танцев, таких как катхак и манипури, игры на табле. В дополнение к приему ведущих артистов и культурных трупп из Индии Центр опирается на большой пласт опытных малайзийских представителей индийских форм искусства, многие из которых прошли обучение в Индии¹⁷.

¹⁵ https://indianhighcommission.com.my/education_cooperation.htm/ Cooperation in the Field of Education | Welcome to High Commission of India, Kuala Lumpur (Malaysia) (дата обращения: 02.09.2023).

¹⁶ <https://www.pendidikanmalaysia.com/2011/09/india-scholarship-and-trust-fund-istf.html/> India Scholarship and Trust Fund (ISTF) for Malaysian Student — Pendidikan Malaysia (дата обращения: 09.09.2023).

¹⁷ <https://www.iccr.gov.in/index.php/indianculturalcenter/netaji-subhash-chandra-bose-indian-cultural-centre-kuala-lumpur-malaysia> Netaji Subhash Chandra Bose Indian Cultural Centre, Kuala Lumpur, Malaysia/ Official website of Indian Council for Cultural Relations, Government of India (дата обращения: 12.09.2023).

В составе индийской организации Pravasi Bhartiya Divas (PBD)¹⁸ в 2019 г. Малайзия направила в Индию самый большой контингент численностью около 527 человек¹⁹.

1 апреля 2023 г. было официально объявлено, что Индия и Малайзия отказались от доллара и договорились о расчетах в индийских рупиях. Объявление было сделано на фоне продолжающихся усилий по защите индийской торговли от последствий украинского кризиса. В заявлении Union Bank of India говорится, что он стал первым банком в Индии, открывшим специальный счет Vostro в рупиях через свой «банк-корреспондент» в Малайзии — India International Bank of Malaysia.

«Этот механизм позволит индийским и малайзийским трейдерам выставять счета за торговлю в индийских рупиях и, следовательно, повышать цены на продаваемые товары и услуги. Ожидается, что этот механизм также принесет пользу трейдерам с обеих сторон, поскольку они могут напрямую торговать в индийской рупии и, следовательно, экономить на спредах конвертации валюты», — говорится в пресс-релизе Union Bank of India²⁰.

В 2017 г. было подписано двустороннее соглашение об увеличении пассажиропотока по шести основным направлениям в Индии. Согласно официальным данным МЕА, еженедельно выполняется в общей сложности 224 рейса, которые соединяют 19 индийских городов с Малайзией. Indigo — единственный индийский перевозчик, выполняющий рейсы в Малайзию.

Что касается туризма, Индия остается одним из ведущих направлений для Малайзии, и в 2019 г. сюда прибыло 735 309 индийцев (+ 22%), в то время как более 332 000 малайзийцев посетили Индию за тот же период, что отражает здоровый туристический обмен²¹. Индия является шестой по величине страной-источником въездного туризма в Малайзию. Меморандум о взаимопонимании по туризму был подписан во время визита индийского премьер-министра в Малайзию в 2010 г.

Двусторонний меморандум о взаимопонимании по вопросам занятости и благосостояния работников, подписанный в январе 2009 г., устанавливает институциональные рамки для решения вопросов, касающихся индийских работников. В Малайзии легально работают более 244 000 индийских экспатов категории квалифицированных и полуквалифицированных специалистов²². Беспокойство правительств обеих стран вызывает сохраняющаяся нелегальная иммиграция и торговля людьми из Индии в Малайзию.

В целом растущие связи между Индией и Малайзией по всем направлениям привели к появлению новых аспектов в двусторонних торгово-экономических отношениях, появилась общая решимость сторон расширять и укреплять двустороннее сотрудничество. В противовес растущему влиянию Китая в регионе ЮВА и мире в целом Индия заявила об увеличении военного сотрудничества и сотрудничества в области безопасности с Малайзией, которые могут стать общей основой для улучшения двусторонних отношений. Из-за своего регионального

¹⁸ Pravasi Bharatiya Divas отмечается 9 января каждого года с 2003 г. в ознаменование вклада зарубежной индийской общины в развитие Индии. С 2015 г. его формат был пересмотрен, чтобы отмечать PBD раз в два года и проводить тематические конференции по PBD в течение промежуточного периода с участием экспертов зарубежной диаспоры, политиков и заинтересованных сторон. Эти конвенции предоставляют платформу зарубежной индийской общине для взаимодействия с правительством и народом земли своих предков в целях взаимовыгодной деятельности. Эти конвенции также очень полезны для налаживания связей между зарубежной индийской общиной, проживающей в различных частях мира, и позволяют им делиться своим опытом в различных областях.

¹⁹ <https://www.clearias.com/india-malaysia-relations/> India-Malaysia Relations — ClearIAS (дата обращения: 11.09.2023).

²⁰ <https://www.thehindu.com/news/national/india-and-malaysia-announce-trade-in-indian-rupees/article66687080.ece/> (дата обращения: 25.08.2023).

²¹ <https://www.thehindu.com/news/cities/Tiruchirapalli/tiruchi/article65806103.ece/> 'Malaysia aims at attracting more Indian tourists' — The Hindu (дата обращения: 12.09.2023).

²² <https://lotusarise.com/india-malaysia-relations-upsc/> India–Malaysia Relations (дата обращения: 29.08.2023).

расположения Малайзия становится стратегически важной для Индии страной, с которой следует поддерживать отношения посредством сбалансированной дипломатии и грамотного экономического подхода. Индия может ускорить медленную реализацию своих различных текущих инфраструктурных проектов в Малайзии в соответствии с курсом «Act East» и проводить политику, которая сочетает экономические, политические и стратегические интересы Индии и Малайзии²³.

Восстановление значения глубоководного порта Пинанг в Бенгальском заливе требует от Малайзии и Индии сотрудничества в совместных проектах в морской сфере, чтобы извлечь обоюдную геостратегическую и геоэкономическую выгоду. Малайзия может предоставить Индии инвестиционную возможность для расширения своего порта Пинанг. Инвестирование в его развитие должно найти отклик у индийского правительства, поскольку оно согласуется с собственной морской стратегией Нарендры Моды по «развитию портов под руководством», которая, в свою очередь, является центральным элементом согласованной политики Индии в отношении Индийского океана, известной как SAGAR (Безопасность и рост для всех в регионе)²⁴.

Индия и Малайзия заинтересованы в сотрудничестве в области борьбы с терроризмом, кибербезопасности и гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий. Внимание Малайзии может привлечь также индийский военный экспорт. Фактически специалисты по оборонному планированию в Малайзии уже выразили заинтересованность в приобретении индийского многоцелевого боевого самолета Tejas («сияние» на санскрите).

Для Индии Малайзия является важной страной Юго-Восточной Азии, которая могла бы содействовать укреплению сотрудничества и взаимодействия с другими странами АСЕАН и расширять свое присутствие в сфере обороны и безопасности в регионе. Малайзия приветствует укрепление отношений с Индией в этих областях из-за все возрастающей активности Китая в Южно-Китайском море.

Поскольку буддизм — вторая по величине религия в стране, Малайзия также может играть важную роль в культурном взаимодействии с Индией путем увеличения числа иностранных туристов за счет посещения объектов древнего буддийского наследия по всей Индии, и это может заинтересовать приверженцев буддизма в Малайзии. В целом основное внимание Дели и Куала-Лумпура должно быть сосредоточено на экономическом взаимодействии, военном сотрудничестве и заботе о малайзийской индийской диаспоре.

Если правительства двух стран будут совершать регулярные визиты и активизировать усилия, направленные на то, чтобы сделать двусторонние отношения более значимыми во внешней политике друг друга, индийско-малайзийское сотрудничество будет укрепляться и набирать обороты в течение последующих десятилетий.

Литература/References

Кочеткова Е. В. Политический долгожитель нашего времени — Махатхир Мохамад. *Многоликая элита Востока* (колл. монография). Т. 1. М., 2020 [Kochetkova E. V. The political centenarian of our time — Mahathir Mohamad. *The Multifaceted elite of the East* (coll.monograph). Vol. 1. Moscow, 2020 (in Russian)].

Погадаев В. А. (ред.). Трудная судьба Анвара Ибрагима. *Многоликая элита Востока*. Т. 2. М., 2020 [Pogadaev V. A. (ed.) The difficult fate of Anwar Ibrahim. *The Diverse elite of the East*. Vol. 2. Moscow, 2020].

²³ <https://lotusarise.com/india-malaysia-relations-upsc/India-Malaysia Relations> (дата обращения: 29.08.2023).

²⁴ <https://www.isas.nus.edu.sg/papers/whither-india-malaysia-relations/Whither India-Malaysia Relations?> — NUS Institute of South Asian Studies (ISAS) (дата обращения: 12.09.2023).

Электронные ресурсы / Electronic Resources

<https://www.statista.com/statistics/1017372/malaysia-breakdown-of-population-by-ethnicity/> Malaysia: population by ethnicity 2023/ Statista (дата обращения: 11.09.2023).

<https://byjus.com/free-ias-prep/india-malaysia-relations/> India-Malaysia Relations: Latest Developments [UPSC International Relations Notes] (дата обращения: 11.09.2023).

<https://www.eurasiareview.com/16082021-india-malaysia-relations-why-new-delhi-banned-malaysia-palm-oil-analysis/> (дата обращения: 12.07.2023).

<https://lotusarise.com/india-malaysia-relations-upsc/> (дата обращения: 03.09.2023).

<https://www.ibef.org/indian-exports/india-malaysia-trade> (дата обращения: 03.09.2023).

<https://katehon.com/ru/article/geopolitika-malayzii> (дата обращения: 12.09.2023).

[https://news.myseldon.com/ru/news/index/253471842/India lowers palm oil duty to lower edible oil prices — S&P /Economy /Seldon News](https://news.myseldon.com/ru/news/index/253471842/India%20lowers%20palm%20oil%20duty%20to%20lower%20edible%20oil%20prices%20%E2%80%94%20S&P%20/Economy%20/Seldon%20News) (дата обращения: 14.07.2023).

[https://news.myseldon.com/ru/news/index/232764608/India and Malaysia are ready to develop cooperation in the production and trade of palm oil](https://news.myseldon.com/ru/news/index/232764608/India%20and%20Malaysia%20are%20ready%20to%20develop%20cooperation%20in%20the%20production%20and%20trade%20of%20palm%20oil) (дата обращения: 02.08.2023).

<https://www.ibef.org/indian-exports/india-malaysia-trade/> Exploring India Malaysia Trade and Economic Relations/ IBEF (дата обращения: 03.09.2023)

<https://byjus.com/free-ias-prep/india-malaysia-relations/> India-Malaysia Relations: Latest Developments [UPSC International Relations Notes] (дата обращения: 14.07.2023).

<https://www.clearias.com/india-malaysia-relations/> India-Malaysia Relations — ClearIAS (дата обращения: 05.09.2023).

<https://lotusarise.com/india-malaysia-relations-upsc/> (дата обращения: 27.06.2023).

https://indianhighcommission.com.my/education_cooperation.htm/ Cooperation in the Field of Education /Welcome to High Commission of India, Kuala Lumpur (Malaysia) (дата обращения: 02.09.2023).

<https://www.pendidikanmalaysia.com/2011/09/india-scholarship-and-trust-fund-istf.html/> India Scholarship and Trust Fund (ISTF) for Malaysian Student — Pendidikan Malaysia (дата обращения: 09.09.2023).

<https://www.iccr.gov.in/index.php/indianculturalcenter/netaji-subhash-chandra-bose-indian-cultural-centre-kuala-lumpur-malaysia> Netaji Subhash Chandra Bose Indian Cultural Centre, Kuala Lumpur, Malaysia/ Official website of Indian Council for Cultural Relations, Government of India (дата обращения: 12.09.2023).

<https://www.clearias.com/india-malaysia-relations/> India-Malaysia Relations — ClearIAS (дата обращения: 11.09.2023).

<https://www.thehindu.com/news/national/india-and-malaysia-announce-trade-in-indian-rupees/article66687080.ece/> (дата обращения: 25.08.2023).

<https://www.thehindu.com/news/cities/Tiruchirapalli/tiruchi/article65806103.ece/> (дата обращения: 25.08.2023).

<https://lotusarise.com/india-malaysia-relations-upsc/> India–Malaysia Relations (дата обращения: 29.08.2023).

<https://www.isas.nus.edu.sg/papers/whither-india-malaysia-relations/> Whither India-Malaysia Relations? — NUS Institute of South Asian Studies (ISAS) (дата обращения: 12.09.2023).

МЯГКАЯ СИЛА ИРАНА В ИНДИИ

© 2023

И. Е. Федорова¹

В данной статье анализируется важнейшая составляющая часть мягкой силы Исламской Республики Иран в Республике Индия — работа иранского руководства с шиитской общиной Индии. Тегеран рассматривает индийских шиитов как своих союзников, не только разделяющих религиозные и идеологические ценности, но и способных пропагандировать его геополитические приоритеты и в определенной степени влиять на внутривнутриполитическую обстановку в Индии. Автор отмечает активизацию усилий Ирана на этом направлении начиная с 2000-х гг. Как Дели, так и Тегеран рассматривают отношения Ирана с индийскими шиитами в широком контексте ирано-индийских отношений. Дели, учитывая партнерские отношения с Тегераном и видя в шиитах возможный контрбаланс связанному с Исламабадом суннитскому большинству, не препятствует Ирану в развитии отношений со своими единоверцами. Тегеран, со своей стороны, положительно относится к тому, что в целом религиозные права шиитов Индии не ограничиваются и они не подвергаются дискриминации. Автор определяет All India Shia Personal Law Board, Anjuman-e Haideri и All India Shia Husaini Fund как основные шиитские организации Индии, с которыми работает Иран. Важнейшим проводником иранского влияния служит Imam Khomeini Memorial Trust, который совмещает образовательную и благотворительную деятельность с политико-пропагандистской. Автор считает, что в широком контексте развития отношений между Дели и Тегераном в интересах Дели поддерживать патриотические настроения у индийских шиитов, не допуская при этом усиления радикальных настроений в их общинах. Со своей стороны, Тегеран заинтересован в дальнейшем укреплении связей с мусульманским сообществом в Индии и, в первую очередь, с шиитским меньшинством, что позволяет иранским политическим и деловым кругам укреплять связи с шиитскими бизнес-структурами и внешнеполитическими институтами.

Ключевые слова: Иран, Индия, шииты, Всеиндийский шиитский совет по защите персональных прав, Мемориальный фонд имама Хомейни

Для цитирования: Федорова И. Е. Мягкая сила Ирана в Индии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 313–317. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-313-317

SOFT POWER OF IRAN IN INDIA

Irina E. Fedorova

This article analyzes the most important component of the soft power of the Islamic Republic of Iran in the Republic of India - the work of the Iranian leadership with the Shiite community of India. Tehran views the Indian Shiites as its allies, sharing not only religious and ideological values, but also capable of promoting its geopolitical priorities and, to a certain extent, influencing the internal political situation in India. The

¹ Федорова Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; f-irina51@mail.ru

Irina E. Fedorova, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; f-irina51@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7334-5398

author notes the intensification of Iran's efforts in this direction since the 2000s. Both New Delhi and Tehran view Iran's relations with Indian Shiites in the broad context of Iranian-Indian relations. New Delhi, given its partnership with Tehran and seeing Shiites as a possible counterbalance to the Sunni majority associated with Islamabad, does not prevent Iran from developing relations with its co-religionists. Tehran, for its part, is positive about the fact that, in general, the religious rights of Shiites in India are not limited and they are not discriminated against. The author identifies All India Shia Personal Law Board, Anjuman-e Haideri and All India Shia Husaini Fund as the main Shiite organizations in India with which Iran works. The most important conductor of Iranian influence is the Imam Khomeini Memorial Trust, which combines educational and charitable activities with political propaganda. The author believes that in the broad context of the development of relations between Delhi and Tehran, it is in the interests of Delhi to maintain patriotic sentiments among Indian Shiites, while preventing the strengthening of radical sentiments in their communities. For its part, Tehran is interested in further strengthening ties with the Muslim community in India and, above all, with the Shiite minority, which allows Iranian political and business circles to strengthen ties with Shiite business structures and foreign policy institutions.

Keywords: Iran, India, Shiites, All India Shia Personal Law Board, Imam Khomeini Memorial Trust

For citation: Fedorova E. I. Soft Power of Iran in India. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 313–317. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-313-317

Важнейшая составляющая часть мягкой силы Исламской Республики Иран (ИРИ) — это работа с шиитскими общинами за пределами страны. Они рассматриваются как инструмент влияния Ирана на внутривосточные процессы в странах со значительным шиитским населением. В первую очередь имеются в виду государства шиитского полумесяца: Ирак, Сирия и Ливан, а также Бахрейн, Йемен, Саудовская Аравия, Афганистан, Пакистан и Индия.

В последнее время можно наблюдать увеличение активности Тегерана в отношении шиитских организаций именно в Республике Индия, где шииты насчитывают примерно 15–20% от общего количества индийских мусульман. Несмотря на небольшой процент, в абсолютных цифрах это составляет около 30–40 млн человек, что делает шиитскую общину Индии одной из самых многочисленных в мире. При этом точные данные неизвестны, поскольку в переписях населения не указывается направление ислама, к которому принадлежат индийские мусульмане². Следует учитывать, что Pew Research Centre приводит несколько иные цифры: общее количество индийских шиитов, по их данным, составляет около 24 млн и 15% от общего количества мусульманского населения Индии³.

Тегеран положительно относится к тому, что религиозные права шиитов в Индии не ограничиваются, они не подвергаются дискриминации. В этой связи Д-р Моххаммад Али Раббани, советник по культуре посольства Ирана в Дели, 24 октября 2022 г. отметил, что в Индии межрелигиозные отношения пребывают в гармонии и шииты находятся в безопасности⁴. Он особо подчеркнул, что шииты свободно проводят религиозные мероприятия. Например, по сообщению индийских СМИ, более 25 000 шиитов приняли участие в процессии 26 июля 2023

² URL: <https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/india/> (дата обращения: 07.07.2023); URL: <https://www.al-islam.org/media/shia-india> (дата обращения: 15.07.2023); URL: <http://www.shianumbers.com/shia-muslims-population.html> (дата обращения: 15.07.2023).

³ URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2009/10/07/mapping-the-global-muslim-population/> (дата обращения: 22.07.2023).

⁴ URL: <https://www.news18.com/news/india/kashmir-safe-and-peaceful-hindus-worship-with-shias-in-india-says-iran-s-cultural-counselor-6229877.html> (дата обращения: 05.07.2023).

в г. Шринагар (Территория Джамму и Кашмир). Стоит отметить, что на этой территории красочные шествия в память об имаме Хусейне (Ашуре) не проводились более тридцати лет, после того как они переросли в антиправительственные демонстрации в начале 1990-х гг. В 2023 г. на них звучали не только лозунги религиозного характера, но и призывы к поддержке Палестины, а также были видны плакаты с антиамериканскими и антиизраильскими призывами⁵, что говорит о влиянии Тегерана в этом регионе.

Шииты в Республике Индия, со своей стороны, в целом поддерживают органы государственной власти, рассчитывая на их помощь в спорах с индийскими мусульманами-суннитами. В частности, во время всеобщих выборов в Индии в Лок Сабха (нижняя палата индийского парламента) в 2019 г. шиитские общины поддержали Бхаратия Джаната партию (BJP) для того, чтобы премьер-министром стал Нарендра Моди. Баккал Наваб, представитель Rashtriya Shia Samaj (RSS), в этой связи заявил, что «Шиитские общины объединились в поддержку BJP, чтобы обеспечить место премьер-министра Нарендра Моди, потому что другие партии не заботятся об индийских шиитах»⁶. Поддерживая правительство Моди, участники конференции «Ахл-а-Байат» (Ahl-a-Bayt), проведенной Всеиндийским шиитским фондом Хусаини (All India Shia Husaini Fund) 25 ноября 2022 г., заявили, что «враги шиитов — это враги Индостана». В свою очередь, выступая в первой части конференции, генеральный секретарь Всеиндийского шиитского совета по защите персональных прав (All India Shia Personal Law Board) Maulana Yasoob отметил, что «Пакистан — это «хаб» терроризма», и подчеркнул, что даже так называемые исламские страны не имеют такой религиозной свободы, как Индия, где шииты открыто принимают участие в шествиях Азадари⁷.

Упомянутый выше Всеиндийский шиитский совет по защите персональных прав (All India Shia Personal Law Board), созданный для защиты социально-политических и религиозных прав шиитов, пропаганды идей шиизма и координации действий шиитских организаций Индии, является одним из основных контактов Тегерана по шиитской линии. В 2005 г. он откололся от Всеиндийского совета по защите персональных прав мусульман (All India Muslim Personal Law Board) на основании того, что совет, в котором доминируют мусульмане-сунниты, не был эффективным в отстаивании прав шиитов.

Наиболее крупные шиитские религиозно-образовательные центры в Индии находятся в городах Лакхнау и Варанаси (штат Уттар Прадеш) и г. Каргил (союзная территория Джамму и Кашмир, прилегающая к индо-пакистанской линии контроля). Среди них Islamia School Kargil и Shaheed Murtaza Muttahari school, Imam Khomeini Memorial Trust (Мемориальный фонд имама Хомейни) — в Каргиле, Jamia Nazmia, Sultan ul Madaras, Madrasat ul Waizeeh — в Лакхнау, Jamia Imania и Jamia ul Uloom — в Варанаси). В значительной степени они финансируются Тегераном и тесно связаны с религиозными учреждениями в иранских городах Кум и Мешхед. Как отмечает исследователь Стэнфордского университета (US, California) Фейад Аллие, в г. Лакхнау (штат Уттар Прадеш) шиитская община имеет тесные связи с иранскими религиозными центрами, многие религиозные авторитеты получили образование в Иране, частично финансируются из Ирана и сохраняют определенную зависимость от Ирана. В качестве примера он приводит информацию о том, что согласие шиитской общины на совместные с суннитами

⁵ URL: <https://www.indiatimes.com/events/islamic-new-year-2023-what-is-ashura-and-when-it-observed-in-india-know-all-about-muharram-609646.html> (дата обращения: 02.07.2023); URL: <https://www.thehindu.com/news/national/other-states/shia-community-takes-out-muharram-procession-after-3-decades-on-gurubazaar-dalgate-route-in-srinagar/article67126307> (дата обращения: 15.07.2023); URL: <https://www.erfan.ir/english/80984.html> (дата обращения: 22.07.2023).

⁶ URL: <https://www.deccanherald.com/india/shia-outfit-vows-support-bjp-676944.html> (дата обращения: 27.07.2023)

⁷ URL: <https://www.deccanherald.com/india/shia-outfit-vows-support-bjp-676944> (дата обращения: 13.07.2023).

мероприятия по случаю празднования Эйд-аль-Фитр было получено только после одобрения Ирана. Также Иран имеет связи с шиитами в Кашмире и Хайдарабаде⁸.

Проводниками иранского влияния являются и Комитеты помощи имама Хомейни, совмещающие образовательную и благотворительную деятельность с политико-пропагандистской. Их деятельность координирует представитель верховного лидера Ирана в Индии ходжат-оль-ислам Мехди Махдивипур.

Иран тесно взаимодействует с рядом других индийских шиитских организаций. Среди них крупнейшая в Индии религиозно-общинная некоммерческая организация Энджумен-е Хайдери (Anjuman-e Haideri), созданная для ухода за шиитскими объектами культа в Нью-Дели. Мероприятия организации регулярно посещают иранские дипломаты и религиозные деятели, у которых налажено тесное взаимодействие с активом Энджумен-е Хайдери. В частности, на полях массового религиозного праздника в Дели ежегодно проводится «День борьбы с терроризмом», в ходе которого пропагандируются приоритеты внешней политики Тегерана, включая тезисы о деструктивной роли США на мировой арене. В качестве главного гостя традиционно выступает посол Ирана.

По словам Сайеда Билала, одного из представителей Энджумен-е Хайдери в Нью Дели, в 2014 г. организация занималась рекрутированием шиитских волонтеров для защиты от ИГИЛ (организация запрещена в России) шиитских святынь в Ираке⁹. По сообщениям «Аль Арабия», в Кербеле и Неджефе находилось менее 30 000 индийских шиитов-волонтеров, причем многие из них не прибыли из Индии, а совершали в это время паломничество в Ирак¹⁰.

С Энджумен-е Хайдери также связаны ряд известных в Индии адвокатов, бизнесменов, религиозных и общественных деятелей. Например, бывший министр по делам меньшинств Муктар Аббас Нагви, бывший председатель Национальной комиссии по делам меньшинств Сайед Гайорул Хасан Ризви, председатель комиссии по делам меньшинств штата Уттар Прадеш Хайдер Аббас.

Нью-Дели, учитывая партнерские отношения с Тегераном и видя в шиитах возможный контрбаланс связанному с Исламабадом суннитскому большинству, не препятствует Ирану в развитии отношений со своими единоверцами.

Однако, несмотря на некоторую мягкость, с которой руководство Индии относится к деятельности шиитских организаций, индийские спецслужбы ведут за ними тщательный надзор. Это подчеркивает генерал-лейтенант индийской армии в отставке Сайед Ата Хаснаин, который отмечает, что зарубежные связи шиитов находятся под особым контролем разведки¹¹. В 2014 г. компетентные органы страны препятствовали участию своих граждан в военных действиях в Ираке и Сирии, дабы не быть вовлеченным в эти конфликты. Шиитские организации регулярно проверяются на их возможную причастность к террористической деятельности.

Так, Ахмад Казми — один из активистов Энджумен-е Хайдери, видный журналист-международник, в прошлом сотрудничавший с иранскими государственными СМИ, в 2012 г. задерживался по обвинению в подготовке покушения на израильского дипломата в Нью-Дели, якобы организованного Тегераном. Дело до сих пор не расследовано, поскольку обвинения не подтвердились. В настоящее время он ведет передачу на YouTube канале Media Star World.

Тесные связи Иран поддерживает и с шиитским религиозным деятелем Мауланом Калбе Джавадом, представителем Меджлис-е Улама-е Хинд (г. Лакхнау), пользующимся большим

⁸ URL: /https://www.islamicstudies.stanford.edu/publications/researching-saudi-and-iranian-religious-influence-muslims (дата обращения: 17.07.2023).

⁹ URL: /https://english.alalabiya.net/features/2016/12/28/Iran-s-Fifth Column in India (дата обращения: 02.08.2023).

¹⁰ Ibid.

¹¹ URL: /https://www.asianage.com/opinion/columnists/070220/irans-links-in-india-is-there-a-need-to-worry.html (дата обращения: 08.08.2023).

влиянием в Индии, который имеет не только религиозные, но и семейные связи с Ираном. По мнению индийских СМИ, он организовывал антиамериканские митинги в Лакхнау и Дели после убийства генерала Сулеймани в январе 2020 г, получая инструкции в иранском посольстве в Дели.

На фоне ослабления экономических и торговых связей между Ираном и Индией в связи с укреплением проамериканского вектора политики Нью-Дели в 2020 г. Тегеран усилил пропагандистскую деятельность в Индии. В августе с. г. верховный лидер Ирана открыл аккаунт в Твиттере на хинди и урду для распространения подходов Ирана к мировым делам, а также позиционирования себя в качестве защитника прав не только шиитов, но и всей мусульманской общины Индии.

Представляется, что в широком контексте развития отношений между Дели и Тегераном в интересах Дели поддерживать патриотические настроения у индийских шиитов, не допуская при этом усиления радикальных настроений в шиитских общинах. Со своей стороны, Тегеран заинтересован в дальнейшем укреплении связей с мусульманским сообществом в Индии и, в первую очередь, с шиитским меньшинством. Это позволяет иранским деловым кругам укреплять связи с шиитскими бизнес-структурами, внешнеполитическими институтами и пропагандировать свои подходы к оценке международных отношений. Необходимо отметить, что в случае перехода Нью-Дели на антииранские позиции в контексте следования проамериканским курсом Тегеран может задействовать свое влияние в шиитской среде в Индии для проведения протестных акций. Так, некоторые эксперты прослеживают связи Тегерана с выступлениями шиитов в Кашмире во время реформы государственного управления там.

Литература/References

Электронные ресурсы / Electronic sources

Alliee F. Researching Saudi and Iranian Religious Influence on Muslims. URL: <https://www.islamicstudies.stanford.edu/publications/researching-saudi-and-iranian-religious-influence-muslims> (дата обращения: 17.07.2023).

Brett D. Iran's Fifth Column in India. URL: <https://english.alarabiya.net/features/2016/12/28/Iran-s-Fifth-Column-in-India> (дата обращения: 02.08.2023).

Hadsanian S. A. Iran's Links in India. Is there need to worry? URL: <https://www.asianage.com/opinion/columnists/070220/irans-links-in-india-is-there-a-need-to-worry.html> (дата обращения: 18.08.2023).

Sing B. What is Ashura and when it Observed in India. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/URL: https://www.indiatimes.com/events/islamic-new-year-2023-what-is-ashura-and-when-it-observed-in-india-know-all-about-muharram-609646.html> (дата обращения: 28.07.2023).

Pew Research Centre. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2009/10/07/mapping-the-global-muslim-population/> (дата обращения: 22.07.2023).

Report on International Religious Freedom: India. URL: <https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/india> (дата обращения: 14.08.2023).

The Shia of India. URL: <https://www.al-islam.org/media/shia-india> (дата обращения: 15.07.2023).

Shia Outfit Vows to Support BJP in 2019. URL: <https://www.deccanherald.com/india/shia-outfit-vows-support-bjp-676944.html> (дата обращения: 09.08.2023).

ИНДИЯ — ИЗРАИЛЬ: ОТ ДИАЛОГА К СОТРУДНИЧЕСТВУ И ПАРТНЕРСТВУ

© 2023

В. П. Кашин¹

В статье анализируются характер, особенности и этапы индийско-израильского диалога от признания Индией еврейского государства и взаимного обмена послами до формирования стратегического партнерства. В центре внимания автора — военно-техническое сотрудничество Индии и Израиля, его задачи и перспективы. В настоящее время Израиль является третьим партнером в индийском военном импорте после России и США и реализует в Индии свыше 30 программ по поставке оружия и военной техники. Помимо военно-технической области страны успешно сотрудничают в агросфере, биотехнологиях, освоении космоса, атомной энергетике, охране окружающей среды, науке, образовании, здравоохранении, туризме. В 2023 г. объем двусторонней торговли достиг 10 млрд долл. без военного компонента. Индия — второй торговый партнер Израиля в Азии после Китая, а Израиль — седьмой азиатский торговый партнер Индии. Помимо двустороннего диалога Индия и Израиль взаимодействуют в рамках альянса I2U2 вместе с США и ОАЭ. Формирующийся геополитический союз способен перерасти в силовой блок, которому США стремятся придать антикитайский и антироссийский характер.

Ключевые слова: Индия, Израиль, Моди, Нетаньяху, стратегическое партнерство

Для цитирования: Кашин В.П. Индия — Израиль: от диалога к сотрудничеству и партнерству.

Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 4. С. 318–328. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-318-328

INDIA — ISRAEL: FROM DIALOGUE TO COOPERATION AND PARTNERSHIP

Valeriy P. Kashin

The character, peculiarities and stages of India-Israel dialogue from the recognition of the Jewish state by India and the exchange of ambassadors to the forming of the strategic partnership are analyzed in the following article. Military and technological cooperation between India and Israel, its aims and prospects are the center of the author's attention. Currently, Israel is the third partner in Indian military import, following Russia and the USA, and the country is implementing more than 30 programs in the supply of arms and military equipment. Besides the military and technological spheres, India and Israel successfully cooperate in agriculture, biotechnologies, space exploration, atomic energy, environmental protection, science, education, medicine, tourism. In 2023, the volume of bilateral trade has amounted to 10 billion dollars, and defense trade is not included in it. India is the second trading partner of Israel in Asia, following China, and Israel is the seventh Indian trading partner in Asia. Besides the bilateral dialogue, India and Israel interact with the USA and the OAE within

¹ Кашин Валерий Петрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; indology@mail.ru

Valeriy P. Kashin, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; indology@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0119-9157

the I2U2 alliance. The forming geopolitical alliance is able to become the power unit, which the USA seek to impose the anti-Chinese and the anti-Russian character.

Keywords: India, Israel, Modi, Netanyahu, strategic partnership

For citation: Kashin V. P. India — Israel: from Dialogue to Cooperation and Partnership. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 318–328. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-318-328

Индия и Израиль — близнецы или почти близнецы. Оба входили в прошлом в состав Британской колониальной империи. Индия стала независимой в полночь с 14 на 15 августа 1947 г., а Израиль — 14 мая 1948 г. Затем Индия подверглась агрессии со стороны Пакистана, а Израиль вел войну за выживание сразу с семью арабскими государствами. Американский репортер Ларри Коллинз и французский журналист Доминик Лапьерр посвятили этим событиям блистательные бестселлеры: “Freedom at Midnight” об Индии [Collins, Lapierre, 1976] и “O Jerusalem!” об Израиле [Collins, Lapierre, 1972]. Но отношения между близнецами с самого начала были сложными. Индия выступала против создания еврейского государства и раздела Палестины и 11 мая 1949 г. голосовала против членства Израиля в ООН.

ТРУДНЫЙ ДИАЛОГ

Еще в 1920-е гг. Махатма Ганди, Джавахарлал Неру, Абул Калам Азад и другие лидеры освободительной борьбы в партии Индийский национальный конгресс (ИНК) встали на путь поддержки арабского национализма и единой Палестины и трактовали сионизм как разновидность западной идеологии. 27 сентября 1936 г. ИНК провел в Индии «День Палестины», а через три года принял резолюцию по Палестине, в которой поддержал идею создания на ее территории независимого демократического государства. «Палестина принадлежит арабам, как Англия — англичанам, а Франция — французам», — писал Махатма Ганди в статье «Евреи», опубликованной 26 ноября 1938 г. в издаваемой им газете “Harijan” [Gandhi, 2000, v. 74, p. 239]. В той же статье он убеждал читателей, что переселение евреев в Палестину целиком и полностью зависит от «доброй воли» арабов. Убежденный сторонник ненасилия, он советовал евреям Германии и Европы противопоставить тирании Гитлера ненасильственное сопротивление. «Если евреи проникнутся духом ненасилия, Гитлер склонит голову перед их смелостью, превосходящей даже его лучшие штурмовые отряды», — обещал Ганди [Gandhi, 2000, v. 74, p. 298]. При этом он наивно надеялся, что страдания людей все-таки найдут отклик в сердце Гитлера и 23 июля 1939 г. и 24 декабря 1940 г. отправил ему два письма, в которых именует основателя Третьего рейха «дорогой друг» и просит отказаться от ведения военных действий [Капшин, 2022, с. 76].

Первый премьер-министр независимой Индии Джавахарлал Неру претендовал на роль поборника нейтралитета в арабо-израильском вопросе, но с уклоном в пользу арабов — или, по его собственному определению, будучи благосклонным к арабам, он не проявлял враждебности и к евреям [Гоппал, 1990, т. 2, с. 161]. Хотя Индия была против раздела Палестины и появления на карте еврейского государства, она 17 сентября 1950 г. де-юре признала Израиль. Но Нью-Дели отложил на неопределенное время обмен посольствами с Тель-Авивом, полагая, что это может помешать посреднической миссии Индии в решении международных проблем. Только в 1953 г. Индия неохотно разрешила открыть израильское консульство в Бомбее, отказавшись от собственного представительства в Израиле и объяснив это недостаточным числом дипломатов и финансовыми трудностями.

Отсутствие дипломатических отношений не исключало контактов между государствами. Так, в 1949 и 1951 гг. Неру настойчиво добивался от Израиля экспертной помощи в области сельского хозяйства [Kumaraswamy, 2010, p. 4]. Поскольку с конца 1940-х гг. Индия превратилась в зону транзита для еврейских беженцев из Пакистана и Афганистана, в декабре 1950 г. в Бомбее появился израильский иммиграционный офис. Израильские консулы поддерживали постоянные связи с министерством внутренних дел и встречались с премьер-министром Индии.

Когда в 1955 г. встал вопрос о созыве конференции стран Азии и Африки в Бандунге, положившей начало Движению неприсоединения, Неру после некоторых колебаний согласился с присутствием на ней Израиля. Правда, в последний момент Израиль был исключен из списка участников. На этот «неловкий поступок», как выразился Неру, пришлось решиться, чтобы пощадить чувства арабов [Гоппал, 1990, т. 2, с. 226]. В следующем, 1956 г., разразился Суэцкий кризис, и Неру назвал действия Великобритании, Франции и Израиля «худшей формой агрессии» и «попыткой повернуть историю вспять» [Гоппал, 1990, т. 2, с. 279]. С согласия президента Египта Гамала Абделя Насера, установившего тесные дружественные отношения с индийским коллегой, контингент Индии вошел в состав миротворческих сил ООН, размещенных на Синайском полуострове.

В отличие от Индии, Израиль, как правило, поддерживал ее в конфликтных и спорных ситуациях, будь то вступление индийских войск в княжество Хайдарабад в сентябре 1948 г., присоединение французской колонии Пондишери в 1954 г. и португальских колоний Гоа, Даман и Диу в 1961 г., а главное — в «кашмирском вопросе». В Иерусалиме считают кашмирскую проблему внутренним делом Индии и недоумевают, зачем Неру согласился передать ее на рассмотрение Совета Безопасности. Обращение Индии в ООН придало конфликту глобальный характер. Последствия несбалансированной политики Неру в Кашмире привели к тому, что «кашмирский вопрос» остается незаживающей раной на теле Индии на протяжении почти восьмидесяти лет и представляет источник постоянного напряжения в индийско-пакистанских отношениях.

Оказавшись во враждебном окружении и фактической блокаде на Ближнем Востоке, Израиль прилагал энергичные усилия для установления прямого диалога и сотрудничества с неарабскими странами, добиваясь тем самым не только выхода из политической изоляции, но и своего рода дополнительной легитимации в «третьем мире». Особое внимание он уделял Индии, одному из крупнейших и влиятельных государств Азии, избравшему в условиях «холодной войны» и гонки вооружений роль посредника между сложившимися блоками, ведомыми США и СССР. Когда осенью 1962 г. произошли столкновения между Индией и Китаем в Тибете, Израиль оказал Индии ограниченную военную помощь 120-мм и 160-мм минометами, стрелковым оружием и боеприпасами [Kumaraswamy, 2010, p. 4]. В период войн Индии с Пакистаном Израиль делился с Индией разведывательной информацией, а в 1971 г. снова предложил ей помощь оружием и амуницией.

Индира Ганди против сионизма

Попыткам сближения Израиля и Индии сопротивлялась наследница «курса Неру» и дочь первого премьер-министра страны Индира Ганди, которая возглавляла индийское правительство в 1966–1977 и 1980–1984 гг. Она не упускала ни малейшего шанса, чтобы в очередной раз заклеить агрессивный курс и непримиримую позицию Израиля на Ближнем Востоке, потребовать возвращения арабам всех оккупированных территорий и напомнить о своей полной поддержке Ясира Арафата и Организации освобождения Палестины (ООП). Через различные

гуманитарные программы она оказывала ООП помощь, измеряемую миллионами долларов. 10 ноября 1975 г. на Генеральной Ассамблее ООН Индия была одной из 72 стран, которая голосовала за резолюцию № 3379, утверждавшую, что сионизм — это форма расизма и расовой дискриминации. В 1979 г. Индия осудила мирный договор между Израилем и Египтом, подписанный на основе Кэмп-Дэвидских соглашений. А когда в июне 1982 г. Израиль начал военную операцию в Ливане, из Индии был выслан израильский консул в Бомбее.

Главной причиной антиизраильской позиции Индии в рассматриваемый период было желание Ганди установить тесные связи с арабским и исламским миром для решения двух основных задач индийской дипломатии в Западной Азии. Во-первых, заручиться поддержкой этих стран в «кашмирском вопросе», а заодно постараться «вбить клин» между ними и Пакистаном, который постоянно использовал свой исламский козырь для дискредитации Индии. И, во-вторых, добиться одобрения многочисленными арабскими государствами кандидатуры Нью-Дели на проведение в 1983 г. конференции Движения неприсоединения, а значит, и председательства Индии и Ганди в нем.

Идею созыва такого форума в индийской столице Ганди озвучила еще в 1966 г. на встрече с Гамалем Абделем Насером и Иосифом Броз Тито, отцами-основателями и стойкими приверженцами Движения неприсоединения. Однако тогда эта идея не получила одобрения. Премьер-министр Индии проделала большую организационную работу, и в 1983 г. ей, наконец, удалось провести масштабное и разнородное собрание стран «третьего мира». На конференции она ощущала себя триумфатором и с энтузиазмом поучала делегатов, как следует решать современные острые международные проблемы и совместными усилиями воздействовать на тех, кто их создает: «Мы единодушны в своей поддержке лишенного родины мужественного и многострадального палестинского народа. Израиль считает себя вправе совершать любые преступления, не зная пределов в своей непрекращающейся агрессии и не раскаиваясь в нарушениях международных законов и норм отношений между государствами. Но разве можно допустить, чтобы Израиль всегда препятствовал осуществлению законных прав палестинцев?» [Ганди, 1985, с. 198].

Проарабская риторика Ганди напрямую зависела от объемов закупок сырой нефти в странах Персидского залива. В связи с небольшими запасами углеводородов и их растущим потреблением Индия ввозит 83,7% сырой нефти или 232,4 млн тонн в год на сумму 158,3 млрд долл. [Arun, 2023, p. 13]. Когда в 1973 г. разразился очередной кризис и ОПЕК поднял цены на нефть в 4 раза, Индия стала получать 3/5 поставок нефти из Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), Ирака и неарабского, но исламского Ирана по среднесрочному кредиту и стабильным ценам благодаря связям в арабском мире и антиизраильским демаршам. Это спасло ее экономику от очень серьезных потрясений.

Кроме того, в нефтедобывающих странах Персидского залива трудится немало индийских рабочих и специалистов. Если в 1975 г. их было 123 тыс., то в 2008 г. — 3,3 млн а в 2023 г. — более 9 млн вместе с экспатриантами, в том числе в ОАЭ — 3,5 млн, Саудовской Аравии — 2,5 млн и в Омане — 1,4 млн человек. Из стран Ближнего Востока в Индию ежегодно поступает 50% денежных переводов на сумму более 80 млрд долл. Эти переводы играют важную роль в экономике страны. Заслуживает внимания пример южноиндийского штата Керала, более 2 млн выходцев из которого, или 18% трудоспособного населения, сегодня работает в арабских странах [The Indian Express, 18.06.2022].

И наконец, в своей внутренней и внешней политике партия ИНК всегда прислушивалась к голосу мусульманской общины страны. В ходе парламентских дебатов Абул Калам Азад, президент ИНК в 1940–1946 гг. и министр просвещения в кабинете Неру, и другие представители

мусульман открыто выступали против признания Израиля. Наряду с сельскими низами мусульмане составляют костяк электората ИНК, его важную опору. Если в конце 1940-х — 1950-х гг. ислам исповедовали 11% населения Индии, то сегодня — 14,2%. Это огромная сила из 1 млрд 420 млн индийцев, за голоса которых на выборах сражаются все политические партии.

Вышесказанное не помешало Ганди в конце 1982 г. вступить в секретные переговоры с Израилем о нанесении упреждающего авиаудара по пакистанскому центру обогащения урана в Кахуте, чтобы предотвратить создание первой исламской атомной бомбы. Для обучения приемам выведения из строя системы авиаобнаружения Пакистана в феврале 1983 г. в Тель-Авив прибыла группа офицеров из Индии. Однако об этих договоренностях стало известно в Исламабаде. Осенью того же года на встрече в одном из отелей Вены председатель Пакистанской комиссии по атомной энергии Мунир Ахмад Хан предупредил директора Центра атомных исследований им. Х. Д. Бхабхи Раджу Раммана, что за атакой на Кахуту последует молниеносный ответный удар по индийскому городу Тромбею и его ядерным реакторам со всеми вытекающими последствиями для соседнего многомиллионного Бомбея [Hiro, 2011, p. 142].

Между тем и тогда в Индии были влиятельные политические силы и политические деятели, выступавшие против курса правительства ИНК в Западной Азии. Одним из них являлся Винайк Дамодар Саваркар, президент националистической партии Хинду махасабха в 1937–1943 гг., убежденный противник раздела Британской Индии в 1947 г. на основе принципа религиозно-общинной принадлежности и основоположник идеологии индуусского национализма, известной как хиндутва (индуускость). В октябре 1956 г. он подверг критике линию Ганди–Неру на Ближнем Востоке и утверждал, что интересам Индии более отвечает союз с Израилем, а не арабскими режимами.

В марте 1977 г. ИНК сменил у власти коалиционный блок Джаната парти с участием националистической партии Бхаратия джан сангх (с 1980 г. Бхаратия джаната парти, БДП), а в августе того же года Нью-Дели посетил Моше Даян. Визит министра иностранных дел Израиля в Индию проходил в условиях строжайшей секретности. В ходе переговоров Даяна с индийскими лидерами обсуждались проблемы военно-технического сотрудничества, обмена разведывательной информацией по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратистской деятельности исламских экстремистских организаций и установления дипломатических отношений между двумя государствами [Dixit, 1998, p. 133]. Договоренности не были реализованы ввиду того, что в июле 1979 г. правительство Морарджи Десаи ушло в отставку из-за острых разногласий между участниками коалиции.

В период пребывания на посту премьер-министра старшего сына Индиры Ганди Раджива Ганди (1984–1989) в индийских СМИ широко обсуждался вопрос о нормализации отношений с Израилем. В 1988 г. при его непосредственном участии консульское представительство Израиля в Индии было восстановлено.

ОБМЕН ПОСЛАМИ И ПЕРВЫЕ ВИЗИТЫ

Окончание «холодной войны» и глобальные изменения в системе международных отношений, связанные с переходом от биполярного мирового устройства к однополярному, поставили Индию и ее дипломатию перед серьезным выбором. Развал Советского Союза означал для нее потерю многолетнего союзника, который обеспечивал 70% ее потребностей в импортируемом вооружении. Требовались новые партнеры и новые поставщики оружия на смену устаревшему советскому. В начале 1990-х гг. остро встал вопрос об улучшении отношений

с США. По мнению многих индийских лидеров, включая премьер-министра Нарасимху Рао (1991–1996), эти планы могли реализоваться при поддержке американского еврейского лобби и устойчивых отношений с Израилем.

Занять более конструктивную позицию на Ближнем Востоке призывал индийцев и Ясир Арафат. В начале 1992 г. он встречался с Рао в Нью-Дели и заметил, что в сложившихся условиях для интересов Индии будет лучше иметь с Израилем дипломатические отношения, чтобы эффективнее воздействовать на него [Карур, 2009, р. 314]. К тому времени за плечами индийских и израильских дипломатов уже был опыт тесных взаимных контактов. Поводом стали трагические события 27 июня 1991 г. в Кашмире, где мусульманские боевики, принадлежащие к запрещенному Фронту освобождения Джамму и Кашмира, атаковали группу туристов из Израиля. Один израильтянин был убит, трое ранены и один уведен боевиками в неизвестном направлении. Позднее его следы обнаружили в старом мусульманском квартале Шринагара, административного центра штата Джамму и Кашмир. Судьбой этого туриста по имени Яир Йицхаки совместными усилиями занимались спецслужбы двух стран при участии дипломатов.

24 января 1992 г. дипломатические отношения с Израилем установил Китай. После этого Нью-Дели форсировал события, и через пять дней, т. е. 29 января 1992 г., Индия и Израиль, наконец, обменялись послами. Таким образом, Индия стала последней в ряду ведущих неарабских и немусульманских стран, которые пошли на этот шаг. В индийской столице было открыто израильское посольство.

Индийско-израильские отношения развиваются высокими темпами и ориентированы на прямое сотрудничество в различных сферах деятельности. Наиболее значимыми вехами в истории двух стран после установления дипломатических отношений стали визиты в Индию президента Израиля Эзера Вейцмана и премьер-министра Ариэля Шарона. Вейцман находился с визитом в Индии с 30 декабря 1996 г. по 5 января 1997 г. Он бывший военный летчик. В годы Второй мировой войны служил в британской армии на юге Индии, в городе Бангалоре. В ходе визита он вел переговоры с руководителями Индии о закупке у Израиля зенитно-ракетного комплекса «Барак» и ракет класса «земля — воздух». Эта военно-стратегическая сделка стала первой между двумя странами.

Шарон — участник всех арабо-израильских войн. В 1973 г. он командовал бронетанковой дивизией, которая форсировала Суэцкий канал, окружила 3-ю египетскую армию, вышла на подступы к Каиру и вынудила египтян запросить перемирие. 8 сентября 2003 г. он прибыл с визитом в Индию в сопровождении нескольких министров и большой группы израильских бизнесменов. В ходе встреч с индийскими коллегами обсуждался широкий круг вопросов и был подписан пакет соглашений о военном сотрудничестве, освоении космоса, защите окружающей среды, борьбе с незаконной торговлей наркотическими и психотропными веществами, развитии медицины и т. д. Тогда же Израиль и Индия достигли договоренности о совместном противодействии терроризму. 10 сентября Шарон был вынужден прервать свой визит в Индию из-за терактов в иерусалимском кафе и на автобусной остановке у военной базы Црифин в пригороде Тель-Авива, приведших к многочисленным жертвам.

Впоследствии Израиль и Индия добивались вместе согласия США на поставки индийским вооруженным силам израильских систем раннего оповещения, базирующихся на самолетах. Эти системы создавались Израилем при участии американских специалистов и с использованием американских технологий. Тем самым стремление Шарона установить тесные отношения с Индией помогли Нью-Дели развивать связи с Вашингтоном.

Самым высокопоставленным представителем Индии, посетившем в июне 2000 г. Израиль с официальным визитом, был Лал Кришна Адвани, вице-премьер и министр внутренних дел в кабинете Национального демократического альянса, ведомого БДП в 1998–2004 гг. Особый интерес индийского гостя вызвали тепловые сенсоры, устройства ночного видения и системы электронного наблюдения, используемые израильтянами на границе с Ливаном и Египтом (пустыня Негев) и Сирией (Голанские высоты) для пресечения попыток ее нелегального перехода. Он не скрывал от любопытных представителей прессы совместных с Израилем планов оснастить таким оборудованием «линию контроля» в Кашмире, выполняющую роль границы между Индией и Пакистаном.

Военно-техническое сотрудничество в приоритете

Приоритетным направлением в индийско-израильских отношениях выступает военно-техническое сотрудничество в области высокотехнологичных вооружений. Его правовая основа была заложена в 1994 г. после подписания соглашения о совместных действиях в сфере безопасности. С 1992 г. Индия и Израиль регулярно обмениваются делегациями министерств обороны и оборонных предприятий. В 1994 г. Израиль предложил Индии первую сделку по беспилотным летательным аппаратам (БПЛА).

Индийско-израильские военные связи вышли на новый рубеж в 1998 г. после прихода к власти БДП. Когда 11–13 мая 1998 г. Индия провела серию из пяти ядерных испытаний, Израиль сохранил верность союзническим обязательствам и не стал вслед за странами Запада критиковать Индию и вводить против нее какие-либо санкции. Во время военных столкновений Индии и Пакистана в мае-июле 1999 г. в районе города Каргил Израиль передавал Индии ценную информацию, полученную при помощи своих спутников, а Индия разрешила ему использовать свои полигоны для испытаний новых видов оружия. Начиная с 2000 г. создаются первые индийско-израильские предприятия для разработки отдельных видов и систем вооружения, включая легкий истребитель и основной боевой танк.

В 2004 г., с возвращением к власти ИНК в составе Объединенного прогрессивного альянса, в индийско-израильских отношениях возникла некоторая пауза, но она не отразилась на военном сотрудничестве стран. В индийском импорте вооружений Израиль занял второе место после России, а в 2008 г. даже временно вышел на первое. В августе 2008 г. индийский рынок вооружений охватил почти половину израильского военного экспорта и 30% индийского импорта [Hiro, 2011, p. 157].

С 1998 по 2012 г. Нью-Дели закупил у Иерусалима вооружений на сумму около 10 млрд долл. [Tharoor, 2012, p. 177]. В настоящее время Израиль находится на третьем месте в индийском военном импорте после России и США и реализует в Индии свыше 30 программ по поставке современного оружия и военной техники. Доля израильских вооружений в индийском оружейном импорте выросла с 4,7% в 2010–2014 гг. до 13% в 2015–2018 гг. Объем поставок продукции военного назначения из Израиля в Индию превышает 1 млрд долл. в год [Cherian, 2018, p. 58]. Израильский подход отличается политической неангажированностью, способностью гибко реагировать на требования заказчика и готовностью сотрудничать с Индией по широкому спектру современных систем. Ограничителем здесь является разве что позиция США, обладающих возможностью блокировать экспорт наиболее высокотехнологичных израильских вооружений.

Главными фигурантами военного сотрудничества с израильской стороны выступают такие известные компании, как Israel Aircraft Industries (IAI), Rafael Advanced Defense Systems Ltd, Elbit Systems и др. Крупнейшими являются контракты на радиолокационные системы «EL/M-2032» и «Грин Пайн», входящие в состав зенитно-ракетного комплекса (ЗРК) «Эрроу-2», радар дальней радиоэлектронной разведки «Фалькон AWACS», ЗРК «Спайдер» и «Барак-8», БПЛА «Хантер», «Сик», «Херон» и «Серчер», противотанковый ракетный комплекс «Спайк», морские патрульные суда и легкое стрелковое оружие — автоматы «Тавор» и снайперские винтовки «Галил». Израиль участвует в модернизации индийских военных заводов, устанавливает свое оборудование на российских танках Т-72 и Т-90, истребителях МИГ различной модификации и СУ-30. В 2022 г. премьер-министр Индии Нарендра Моди предложил израильским компаниям производить оружие на индийской территории.

Израиль активно помогает Индии бороться с терроризмом, а также укреплять «линию контроля» в Кашмире. Сотрудничество заключается, прежде всего, во взаимодействии спецслужб двух стран, обмене разведывательной информацией, совместных тренингах и поставках специального оборудования для борьбы с терроризмом. После атаки на Мумбаи, до 1996 г. Бомбей, предпринятой 26 ноября 2008 г. исламскими боевиками, израильские спецслужбы обучили 3 тыс. бойцов индийского спецназа ведению боя в городских условиях.

Установление дипломатических отношений между двумя странами стало толчком к развитию тесного сотрудничества в агросфере. Израильские технологии позволяют решать многие проблемы, стоящие сегодня перед сельским хозяйством Индии. Особенно большое значение имеют достижения Израиля в области капельного орошения, использования генетически модифицированных семян и выращивания овощей, фруктов и цветов с высокой урожайностью. Индийские фермеры регулярно проходят курсы обучения у израильских специалистов тепличному выращиванию овощей и фруктов. Индия заинтересована в сотрудничестве с Израилем в орошении своих бесплодных земель, создании эффективной системы управления ее водными ресурсами и переработке твердых отходов.

Помимо военно-технической области и сельского хозяйства, сотрудничество Индии и Израиля успешно развивается в биотехнологиях, освоении космоса, атомной энергетике, охране окружающей среды, использовании возобновляемых источников энергии, науке, образовании, кибербезопасности, здравоохранении, туризме. В 2010 г. Индия потеснила Южную Корею в качестве самой привлекательной страны для израильских туристов в Азии. Самыми популярными местами отдыха израильтян в Индии являются Гоа и предгорья Тибета, в первую очередь город Дхарамсала и долина Кулу в штате Химачал Прадеш, а индийцев — Иерусалим.

Израиль экспортирует в Индию средства связи, электронику, медицинское оборудование, продукцию химической промышленности, удобрения, необработанные алмазы, драгоценные металлы и др., а Индия поставляет в Израиль обработанные алмазы, строительные материалы, пластик, текстиль, медикаменты, чай, кофе, пряности, продукцию ремесленников и др. Масштабы индийского рынка и перспектива больших продаж делают Индию особенно привлекательной для компаний Израиля.

Если в 1992 г. объем двусторонней торговли составил 202 млн долл., то в 2008 г. — 3,5 млрд долл., в 2019 г. — 5 млрд долл., а сегодня он достиг 10 млрд долл. в год без военного компонента, заявил Наор Гилон, посол Израиля в Нью-Дели [Gilon, 2023, p. 46]. Индия — второй торговый партнер Израиля в Азии после Китая, а Израиль — седьмой азиатский торговый партнер Индии. Между ними действуют договоры, предусматривающие предотвращение двойного налогообложения, защиту инвестиций и сокращение ставок таможенных пошлин

на отдельные экспортируемые товары. Создаются специальные механизмы по устранению различного рода правовых и бюрократических процедур, тормозящих торговлю и сотрудничество между странами.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПАРТНЕРЫ

В апреле-мае 2014 г. убедительную победу на выборах в нижнюю палату парламента Индии одержал Нарендра Моди, лидер консервативной Бхаратия джаната парти. Одним из приоритетных направлений его политики «Действуй на Востоке» стало развитие и углубление сотрудничества с Японией и Израилем, призванное вовлечь страны Азии с высокотехнологичной экономикой в сферу стратегического партнерства. Будучи главным министром западноиндийского штата Гуджарат в период с 2001 по 2014 г., он успешно развивал связи с еврейским государством в различных областях — от сельского хозяйства до опреснения воды. После того как в мае 2006 г. Моди посетил Иерусалим в составе индийской делегации, во главе с министром сельского хозяйства Шарадом Паваром, Гуджаратом заинтересовались израильские инвесторы.

Во время встречи с премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху в 2014 г. в Нью-Йорке Моди подчеркнул, что Индия является одной из немногих стран в мире, где евреи никогда не подвергались гонениям [Lal, 2015, p. 132]. В 1947 г. численность еврейской общины на Индостане превышала 50 тыс. человек. Евреи внесли вклад в развитие сети факторий европейских Ост-Индских компаний и сыграли немалую роль в экономике и государственном аппарате Британской Индии. За годы независимого развития страны ее еврейское население сократилось и сегодня составляет около 6 тыс. человек, из которых половина проживает в Мумбаи [The Hindustan Times, 04.01.2023]. Большая часть евреев покинула Индию сразу же после установления дипломатических отношений Нью-Дели с Тель-Авивом, и многие из них выехали в Израиль. Среди евреев, оставшихся в Индии, много врачей, ученых, педагогов, деятелей культуры и искусства. В штате Махараштра евреям присвоен статус «этнического меньшинства» и выделена квота в государственных учреждениях и учебных заведениях.

Индийские СМИ неоднократно сообщали о предстоящем официальном визите премьер-министра Индии в Израиль. Однако вопреки ожиданиям 13–15 октября 2015 г. первый визит в Израиль на высшем уровне нанес президент Индии Пранаб Мукерджи. Согласно конституции страны, президент — глава государства, но ключевой фигурой исполнительной власти является премьер-министр, возглавляющий правительство. Были подписаны меморандумы о сотрудничестве в сфере культуры, образования и науки.

4–6 июля 2017 г. посещение главой правительства Индии еврейского государства стало реальностью. Встречали Моди в Израиле как высокого и почетного гостя. Нетаньяху сопровождал его во всех поездках по стране. Было подписано 7 соглашений о сотрудничестве в освоении космоса, сельском и водном хозяйстве, реализации транспортных проектов и создании Фонда промышленных исследований, развития и технологических инноваций. Стороны договорились перечислять в него по 4 млн долл в год в течение 5 лет. По итогам визита подписано совместное заявление, которое включает 22 пункта и дважды упоминает о стратегическом партнерстве. Так, в п. 1 Индия и Израиль берут на себя обязательство «поднять» планку двусторонних отношений на уровень стратегического партнерства, а в п. 4 соглашаются «установить» стратегическое партнерство в агросфере и водном хозяйстве [Prasannan, 2017, p. 45]. Показательно, что в израильском варианте документа термин «стратегическое партнерство» отсутствовал. Стало

быть, инициатором его включения выступила Индия, проявившая в конкретном случае большую настойчивость и заинтересованность.

14–19 января 2018 г. с ответным визитом в Индию прибыл премьер-министр Израиля Нетаньяху. Его сопровождали представители ста компаний в сфере оборонной промышленности, сельского хозяйства и информационных технологий. Высокий гость из Израиля посетил Агру, Ахмедабад, Гандинагар и Мумбаи. Он провел встречи с представителями крупного индийского бизнеса, известными деятелями киноиндустрии Индии и членами иудейского сообщества Гуджарата и Махараштры. Подписано 9 документов, включая меморандумы о взаимопонимании в области информационной безопасности, космоса, углеводородных ресурсов, изучения гомеопатической медицины, инвестиций, соглашение о совместном производстве фильмов, протокол по воздушным перевозкам, а также заявление о намерении развивать взаимодействие в сфере солнечной энергетики и разработки воздушно-алюминиевых батарей [Unnithan, 2018, p. 79–80].

У премьер-министра Индии и премьер-министра Израиля установились доверительные отношения. Оба политических лидера одного возраста: Биньямин Нетаньяху родился 21 октября 1949 г., Нарендра Моди — 17 сентября 1950 г. И тот, и другой придерживаются правоцентристской идеологии. Они возглавляют правительства своих стран на протяжении многих лет. По мнению американского журналиста Азада Иссы, диалог *хиндутава* и сионизма отнюдь не является случайным и свидетельствует в пользу тесной связи двух древних цивилизаций [Essa, 2023, p. 86].

В настоящее время в Израиле находятся более 20 тыс. индийских женщин, работающих по найму в качестве сиделок. В основном это уроженки штата Керала. Готовится соглашение об увеличении числа рабочих-строителей из Индии [Gilon, 2023, p. 46]. В январе 2023 г. холдинг Adani Group, возглавляемый индийским миллиардером Гаутамой Адани, завершил покупку порта Хайфа, второго по величине порта Израиля. Сумма сделки составила 4 млрд шекелей или 1,15 млрд долл. Это крупнейшая индийская инвестиция в Израиле. Адани выиграл тендер на приватизацию порта еще летом 2022 г. Израиль продает свои государственные порты и строит новые частные доки, чтобы снизить затраты и сократить время ожидания разгрузки судов.

Помимо тесного двустороннего сотрудничества Индия и Израиль активно взаимодействуют в рамках альянса I2U2, в который вместе с этими странами входят США и ОАЭ. Формирующийся геополитический союз способен перерасти в силовой блок. США рассматривают новый союз в качестве аналога QUAD в Индо-Тихоокеанском регионе с участием США, Японии, Австралии и Индии и стремятся придать ему антикитайский и антироссийский характер.

Литература / References

Ганди И. *Мир, сотрудничество, неприсоединение*. М., 1985 [Gandhi I. *Peace, Cooperation, Non-Alignment*. Moscow, 1985 (in Russian)].

Гопал С. *Джавахарлал Неру. Биография*. Т. 2. М., 1990 [Gopal S. *Jawaharlal Nehru. A Biography*. V. 2. Moscow, 1990 (in Russian)].

Капшин В. П. Махатма Ганди о евреях и еврейском вопросе. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 71–78 [Kashin V. P. Mahatma Gandhi about Jews and Jewish Question. *Asia and Africa Today*. 2022. № 7. Pp. 71–78 (in Russian)].

Arun M. G. The Crude Shock. *India Today*. 26.06.2023.

Cherian J. Birds of a Feather. *Frontline*. 16.02.2018.

- Collins L., Lapierre D. *O Jerusalem!* New York, 1972.
- Collins L., Lapierre D. *Freedom at Midnight*. Delhi, 1976.
- Dixit J. N. *Across Borders. Fifty Years of India's Foreign Policy*. New Delhi, 1998.
- Essa A. *Hostile Homelands. The New Alliance between India and Israel*. London, 2023.
- Gandhi Mahatma. *The Collected Works*. V. 1–100. New Delhi, 2000–2001.
- Gilon N. Challenge is to Bring More Value to Relations in the Next 30 Years. *The Week*. 02.04.2023.
- The Hindustan Times*. 04.01.2023.
- Hiro D. *Jihad on Two Fronts. South Asia's Unfolding Drama*. New Delhi, 2011.
- The Indian Express*. 18.06.2022.
- Kapur H. *Foreign Policies of India's Prime Ministers*. New Delhi, 2009.
- Kumaraswamy P. R. *India's Israel Policy*. New York, 2010.
- Lal S. *Perspective on Current Affairs*. New Delhi, 2015.
- Prasannan R. Wholly Water from Jerusalem. *The Week*. 16.07.2017.
- Tharoor S. *Pax Indica. India and the World of the 21-st Century*. New Delhi, 2012.
- Unnithan S. Beyond Guns and Diamonds. *India Today*. 22.01.2018.

НЕПАЛ КАК ЗОНА СТОЛКНОВЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ИНДИИ И КИТАЯ

© 2023

Э. Э. Новинский¹

Непал — небольшое горное государство, на протяжении всего своего существования зажатое между Индией и Китаем. С начала 60-х годов XX в. оно становится зоной столкновения интересов двух крупнейших мировых цивилизаций. Индия рассматривает свою политику в горном государстве с точки зрения обеспечения национальной безопасности, из-за чего привлечение специалистов из Поднебесной к проектам внутри Непала воспринимается в Дели довольно болезненно, особенно в периоды обострения индийско-китайских отношений. Укрепление отношений с северным соседом, в свою очередь, в Катманду считается необходимым для национального развития и преодоления экономической зависимости от южного соседа. Позиция Китая до недавнего времени оставалась пассивной, а вопросы о поддержке политических инициатив руководства Непала и участия в экономических проектах во многом увязывались с контролем за тибетской общиной со стороны Катманду. После топливного кризиса 2015 г., по версии Катманду, спровоцированного Индией, непало-китайское сотрудничество начинает активизироваться. Для укрепления своих позиций в горной стране Пекин предпринимает пока относительно безуспешные попытки консолидировать дружественные силы. С 2017 г. Непал является членом инициативы «Пояс и путь», в рамках которой к реализации предложен ряд довольно амбициозных мегапроектов. Первые итоги экономического сотрудничества, однако, пока не внушают оптимизма. Сотрудничество с Индией, несмотря на антииндийскую риторику непальских лидеров и обострение застарелых проблем, выглядит более результативным. К тому же даже самые ориентированные на сотрудничество с Китаем непальские лидеры в критической ситуации обращаются за помощью именно к южному соседу.

Ключевые слова: Непал, Индия, Китай, борьба за влияние, балансирование

Для цитирования: Новинский Э. Э. Непал как зона столкновения интересов Индии и Китая. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 329–339. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-329-339

NEPAL AS AN INTEREST CONFLICT ZONE BETWEEN INDIA AND CHINA

Ernest E. Novinskii

Nepal is a small mountainous nation, sandwiched between India and China. Since early 1960s, it has become a zone of a conflict of interests between the two largest civilisations of the world. India's policy in Nepal is driven by the need to ensure national security, thus New Delhi is often deeply concerned with involvement of specialists from China in developing projects in Nepal, especially during tense periods in India-China relations. Kathmandu, in turn, considers strengthening relations with its northern neighbour necessary for promoting development and overcoming economic dependence on India. Until recently China maintained a passive

¹ Новинский Эрнест Эрнестович, лаборант-исследователь, Центр индийских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва; ernestn899@gmail.com

Ernest E. Novinskii, Research Assistant, Centre for Indian Studies, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; ernestn899@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5740-7854

position in the region, linking its support for Nepal's political initiatives with Kathmandu's control over Tibetan diaspora. Nepal-China cooperation has been intensifying since the 2015 fuel crisis, which, according to Kathmandu, was provoked by India. To strengthen its position in the mountainous country, Beijing has so far made relatively unsuccessful attempts to bring together China-oriented political forces. In 2017 Nepal has become a member of the Belt and Road Initiative, under which several ambitious megaprojects have been proposed. The first results of economic cooperation, however, are not looking encouraging. Co-operation with India seems to be more fruitful, despite the anti-India rhetoric of Nepali leaders and aggravation of long-lasting conflicts. Moreover, even the most China-oriented Nepali leaders turn to the southern neighbour in time of desperate situations.

Keywords: Nepal, India, China, struggle for influence, balancing

For citation: Novinskii E. E. Nepal as an Interest conflict zone between India and China. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 329–339. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-329-339

ВВЕДЕНИЕ

Внешнеполитическое положение Непала метко определил основатель государства Притхви Нараян Шах в оставленном для потомков «Божественном наставлении», сравнив страну с нежным ростком ямса, пробившимся между «двумя камнями» [Dibya Upadesh, 1965, p. 311–315]. Действительно, небольшое горное государство зажато между Индией и Китаем, крупнейшими государствами не только Азии, но и мира, и от благополучия в двусторонних отношениях с ними зависело и благополучие созданного Притхви Нараяном королевства. Географией предопределено и то, что территория Непала становится местом столкновения двух крупнейших мировых цивилизаций, амбиций и интересов Индии и Китая. В настоящее время, когда в отношениях между Дели и Пекином вновь нарастает напряженность, а аналогичные зоны соприкосновения возникают в других регионах мира, исследование опыта существования Непала в условиях такого столкновения приобретает особую актуальность.

ЗАРОЖДЕНИЕ КОНФЛИКТА

Несмотря на то, что связи Непала (в т. ч. и княжеств, существовавших на его территории) с соседями насчитывают более чем тысячелетнюю историю, после англо-непальской войны (1814–1816) и установления режима ранакратии (при котором всей полнотой власти обладал род наследственных премьер-министров Рана) в 1846 г. Непал оказался одной из наиболее изолированных стран мира, поддерживавшей связи только с властвовавшими в Южной Азии британцами. На протяжении XIX столетия королевский двор Непала еще продолжал отправлять регулярные посольства ко двору китайского императора, вассалом которого считался с конца XVIII в., однако после Синьхайской революции эта практика по совету английского резидента в Катманду была прекращена [Rose, 1971, p. 167] и связи двух стран прервались почти на 40 лет.

Становление индийско-непальских и китайско-непальских отношений в современном виде пришлось на 50-е годы XX в., и изначально этот процесс протекал в общем русле индийско-китайского сближения. В 1951 г. при поддержке Индии король Трибхуван и Непальский конгресс смогли положить конец тормозившему развитие страны режиму ранакратии, и был взят курс на установление конституционной монархии. Именно такую форму государственного устройства для Непала в Дели считали наиболее полно отвечающей своим долгосрочным интересам [Лунев, 2019, с. 205]. Параллельно развивались и связи Непала с Китаем. Горное королевство

приветствовало подписание в 1954 г. соглашения о пяти принципах мирного существования между Китаем и Индией. Обязательство соблюдать их сопровождало установление 1 августа 1955 г. дипломатических связей между Катманду и Пекином. Через год Непал официально признал Тибет частью Китайской народной республики, а КНР предоставила Непалу первый пакет экономической помощи [Николаев, 2011, с. 94].

«Медовый месяц» в треугольнике Индия–Китай–Непал оканчивается в 1960 г. после королевского переворота и последовавшей за ним некоторой переориентации внешней политики горной страны на Китай, первым шагом которой стал визит непальского монарха Махендры в КНР. Находясь в Пекине, он подписал договор о пограничном урегулировании, устранивший основные препятствия для развития двусторонних отношений и привлечения китайских специалистов к реализации проектов внутри Непала. Первым из них стало шоссейное сообщение Катманду–Кодари (граница с Тибетом). Для Непала оно символизировало путь к снижению зависимости от южного соседа; для Индии — канал проникновения для угрожающих национальной безопасности элементов [Лунев, 2019, с. 213]. В качестве ответной меры Дели пошел на введение транзитных ограничений и начал оказывать поддержку выступавшей против Махендры непальской эмиграции [Ледков, Лунев, 2011, с. 267]. После индийско-китайской войны, сместившей баланс сил в регионе в пользу КНР, Непал пошел на укрепление связей с Индией, которая, в свою очередь, отказалась от мер открытого давления на Непал.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Политики Индии и Непала не раз называли партнерство двух южноазиатских стран «особым». Их объединяют теснейшие культурно-цивилизационные, географические, экономические связи. Вместе с этим внешняя политика Индии в пригималайском регионе всегда отличалась своеобразием и зачастую не соответствовала принципам, которым индийская дипломатия придерживалась вне Южной Азии. Гималаи всегда воспринимались в Дели естественной границей Индии [Nehru, 1961, p. 435–437], что обусловило особое внимание к развитию непало-китайских отношений. В случае, если такое сотрудничество затрагивало чувствительные для Индии области, южноазиатская страна была готова оказать на северного соседа политическое и экономическое давление. Блокада Непала в 1989 г. была вызвана не в последнюю очередь закупками Непалом вооружения в Китае [Воскресенский, 2019, с. 480], что противоречило достигнутым еще в 1950 г. договоренностям.

Последствием такой внешней политики Индии в отношении Непала стало недоверие к южному соседу среди правящих кругов горной страны. Они не желают, чтобы страна оказалась в подчиненном положении, а после 1975 г. — того, чтобы развитие индийско-непальских отношений пошло по сиккимскому сценарию [Лунев, 2019, с. 223]. Основным фактором здесь являлась, конечно, экономическая зависимость Непала от проходящего из и через Индию импорта. Вместе с этим балансирование Непал старается проводить осторожно, а противоречия между соседями использовать для целей самосохранения [Тютин, Кушхов, 2022, с. 90], что подразумевает необходимость избежать вовлечения в конфликт двух крупнейших азиатских держав. Поэтому окончательно разорвать связи с Индией монарх Непала не мог, а Дели оставался основным донором непальской экономики. Конечно, в политической риторике антииндийские лозунги в Непале звучали и продолжают звучать постоянно, но по факту правящие круги горной страны осознают, где пролегают «красные линии» Индии. Непальские лидеры воспринимают соперничество Индии и Непала в стране как нечто естественное, как один из путей национального развития.

Так, в апреле 2022 г. в интервью японскому журналу *Nikkei Asia* занимавший пост министра иностранных дел горной страны Нараян Кхадка заявил, что Непал должен «воспользоваться экономическим ростом и экономическим процветанием [Индии и Китая], углубляя наши отношения с обеими странами». «Здоровая конкуренция между Индией и Китаем должна сохраняться», — добавил изданию его коллега по правительству, министр финансов Джанардан Шарма².

Если Индия вела в Непале более-менее активную внешнюю политику, то в случае непало-китайских отношений их основной движущей силой на протяжении практически полувека выступал глава горной страны — монарх [Jaiswal, 2014, p. 2]. Для Китая гималайское направление внешней политики не являлось приоритетным; от Катманду Пекин требовал контролировать настроения и деятельность проживающих на территории Непала тибетцев. В обмен на проведение королевской армией специальных операций в районах проживания таких меньшинств Пекин предоставлял стране финансовую помощь и поддерживал некоторые политические инициативы королевского правительства, такие, как, например, предложение объявить Непал «Зоной мира», выдвинутое королем Бирендрой в 1975 г.³ Китай не отказался от поддержки непальского монарха даже во время гражданской войны (1996–2006), развязанной маоистами⁴, а после очередного королевского переворота в 2005 г. единственный продолжил поставки вооружений для Королевской армии. Так что неудивительно, что в отличие от непало-индийских отношений связи Катманду и Пекина никогда не знали серьезных кризисов.

С падением монархии и, соответственно, главного союзника Пекину пришлось адаптировать свою непальскую политику к новым реалиям, однако основы ее не изменились: это контроль за тибетской общиной и поддержка правительства в Катманду вне зависимости от его политической ориентации. Министр иностранных дел Китая Ван И в ходе своего визита в Непал в 2022 г. сформулировал эту политику в виде формулы «тройной поддержки»: во-первых, поддержки всех без исключения политических сил Непала, участвующих в развитии страны; во-вторых, поддержки проведения Непалом самостоятельного внутри- и внешнеполитического курса; в-третьих, расширения участия Непала в проекте «Пояса и пути»⁵⁶.

Но все же говорить о наличии какого-либо серьезного столкновения интересов Индии и Китая в политической сфере Непала сложно. Оба азиатских гегемона в первую очередь заинтересованы в сохранении в Гималаях мира и стабильности и предотвращении внутренних кризисов, последствия которых могут распространиться на прилегающие территории вне Непала.

Конечно, в последние годы появляется информация о том, что Китай пытается оказывать влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в горной стране. Так, утверждается, что именно при поддержке КНР в 2018 г. было достигнуто объединение двух основных коммунистических партий страны — правящей Объединенной марксистско-ленинской (КПН(ОМЛ)) и маоистской⁷.

² Baba M. China-India rivalry is good for South Asia, Nepal ministers say. *Nikkei Asia*. 27.04.2022. URL: <https://asia.nikkei.com/Editor-s-Picks/Interview/China-India-rivalry-is-good-for-South-Asia-Nepal-ministers-say> (дата обращения: 27.07.2023).

³ Gokhale V. India's Fog of Misunderstanding Surrounding Nepal-China Relations. *Carnegie India*. 04.10.2021. URL: <https://carnegieindia.org/2021/10/04/india-s-fog-of-misunderstanding-surrounding-nepal-china-relations-pub-85416> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴ Pan P. P. China Backs Nepal over Maoist Rebels. *Washington Post*. 14.06.2002. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2002/07/14/china-backs-nepal-over-maoist-rebels/23df97dc-2534-4bce-ac90-518dc6b6811f/> (дата обращения: 07.09.2023).

⁵ Wang Yi Talks about China's "Three Supports" for Nepal. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 26.03.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202203/t20220327_10656328.html (дата обращения: 27.08.2023).

⁶ Правда, не совсем понятно значение Непала для реализации данного глобального проекта, поскольку необходимо полностью переориентировать китайско-непальские отношения, чтобы Непал стал важным транзитным центром.

⁷ Gokhale V. India's Fog of Misunderstanding Surrounding Nepal-China Relations. *Carnegie India*. 04.10.2021. URL: <https://carnegieindia.org/2021/10/04/india-s-fog-of-misunderstanding-surrounding-nepal-china-relations-pub-85416> (дата обращения: 07.09.2023).

Однако, не просуществовав и четырех лет, единая КПН распалась в 2021 г. по решению Верховного суда, и начались дальнейшие расколы по причине эгоцентрических настроений лидеров. Судя по всему, Китай пытался предотвратить это, для чего в декабре 2020 г. Непал для встречи с лидерами враждующих фракций посетил заместитель главы отдела внешних связей ЦК КПК Го Ечжоу⁸. В конце 2022 г. ОМА и маоисты вновь выступили как союзники и образовали коалиционное правительство, в таком составе продержавшееся два месяца — из-за разногласий по кандидатуре на пост президента Непала партия экс-премьера Оли перешла в оппозицию⁹.

Пока заметна ориентация коммунистов и маоистов на КНР, хотя ситуация может меняться. Так, например, лидер КПН (ОМА) К. П. Шарма Оли активно выступал за развитие горной страны при поддержке ее северного соседа. В 2016 г. он позитивно высказывался об инициативе «Пояс и путь», а в мае 2017 г. был заключен двусторонний меморандум по ней. В отношениях с южным соседом правительство ОМА пошло на обострение вялотекущего спора о принадлежности района Калапани. Сам же премьер-министр в 2020 г. сделал ряд откровенно провокационных антииндийских заявлений, наиболее вызывающее из которых объявляло героя индийского эпоса Раму уроженцем Непала¹⁰.

На этом фоне внутри тогда еще единой КПН из-за несоблюдения Оли договоренностей о разделе властных полномочий начал разгораться межфракционный кризис. В этой ситуации Оли обратился не к Китаю (который, как уже упоминалось, был заинтересован в единстве коммунистических сил и был готов выступить посредником), а к Индии. В течение осени 2020 г. Непал с внезапными визитами посетил ряд высокопоставленных индийцев, в том числе глава индийской разведки RAW Самант Гоель, начальник штаба сухопутных войск генерал Манодж Мукунд Нараване и первый заместитель министра иностранных дел Харш Вардхан Шрингла. По итогам этих визитов Оли рапортовал об «отсутствии проблем в отношениях с Индией». В конце декабря премьер распустил нижнюю палату парламента, тем самым спровоцировав в стране полномасштабный политический кризис. Индия, традиционно критикующая подобные шаги, в этот раз сохраняла молчание. Показательно и то, что в мае 2021 г., пытаясь предпринять последнюю попытку «спасти» свое положение премьера Непала, Оли пошел на удовлетворение ряда основных требований проиндийских сил внутри Непала, в частности инициировал принятие поправок в закон о гражданстве, упрощавших натурализацию детей от смешанных браков¹¹.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Основной сферой столкновения интересов Индии и Китая в Непале, таким образом, становится экономическое сотрудничество. Обе страны начали оказывать помощь соседу практически сразу после установления дипломатических отношений. Индия при этом изначально

⁸ Giri A. Nepal Communist Party unification prospects slim, leaders and analysts say. *The Kathmandu Post*. 27.01.2021. URL: <https://kathmandupost.com/politics/2021/01/27/nepal-communist-party-unification-prospects-slim-leaders-and-analysts-say> (дата обращения: 07.09.2023).

⁹ Former Nepal PM Oli's party to withdraw support to Prachanda-led government in Nepal. *The Economic Times*. 27.02.2023. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/former-nepal-pm-olis-party-to-withdraw-support-to-prachanda-led-government-in-nepal/articleshow/98271607.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (дата обращения: 07.09.2023).

¹⁰ PM Oli says “real” Ayodhya is in Nepal and Lord Ram is Nepali; BJP rejects claim. *The Hindu*. 14.07.2020. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/pm-oli-says-real-ayodhya-is-in-nepal-and-lord-ram-is-nepali-bjp-rejects-claim/article32075129.ece> (дата обращения: 07.09.2023).

¹¹ Pradhan T. R. Oli attempts to use citizenship ordinance for his political gains. *The Kathmandu Post*. 24.05.2021. URL: <https://kathmandupost.com/national/2021/05/24/oli-attempts-to-use-citizenship-ordinance-for-his-political-gains> (дата обращения: 08.09.2023).

относилась к реализуемым с китайской помощью проектам крайне настороженно и выступала категорически против привлечения специалистов из Поднебесной к участию в стройках в районе тераев — полосы джунглей вдоль южного участка индийско-непальской границы. Но все же до недавнего времени размер китайской помощи оставался сравнительно небольшим и сама она служила скорее не оказанию влияния на Непал, а сохранению добрых отношений между Пекином и Катманду.

Толчком к активизации непало-китайского сотрудничества стал разразившийся в Непале в конце 2015 — начале 2016 г. топливный кризис, получивший название «неофициальной блокады». Как утверждала непальская сторона, провоцируя задержки транзитных поставок топлива и прочих необходимых товаров через границу, Индия стремилась заставить Катманду внести ряд поправок в только что принятую Конституцию горной страны [Aryal, 2022, p. 292]. Во внутренней политике это вызвало волну народного недовольства и протесты, основным лозунгом которых стал хэштег *BackOffIndia* (Отстань, Индия). Внешнеполитическая реакция также не заставила долго ждать — в марте 2016 г. во время визита премьер-министра Непала К. П. Шармы Оли в Китай был заключен Договор о транзитном сообщении, по которому горная страна получила возможность использовать ряд китайских портов для торговли с третьими странами (основным транзитным пунктом для поставок товаров в Непал является порт Калькутты). Через год, как отмечалось, в мае 2017 г., Непал присоединился к инициативе «Пояс и путь».

На протяжении последних восьми лет непало-китайское экономическое сотрудничество получало от политиков, экспертов, прессы массу восторженных эпитетов. Реальные результаты сотрудничества, однако, не внушают оптимизма. Транзиту через территорию Китая препятствуют как географические факторы (расстояние от Непала до ближайшего китайского порта составляет около 5 тысяч км, а горная инфраструктура уязвима перед землетрясениями¹²), так и реальные действия северного соседа горной страны. В 2020 г. из-за пандемии COVID-19 непало-китайская граница была полностью закрыта, из-за чего в Гималаях застряли сотни грузов, в том числе скоропортящихся. На протяжении почти трех лет переходы открывались для поставок медикаментов и небольших партий товаров из КНР в Непал, однако движение грузов в обратном направлении было разрешено лишь в декабре 2022 г. Полностью ограничения на главном таможенном посту в Гималаях — Расувагадхи — были сняты лишь 1 апреля 2023 г. Второй крупнейший КПП, сильно пострадавший во время землетрясения 2015 г., Татопани, открылся для жителей 1 сентября. Неудивительно, что ряд СМИ назвал действия Пекина «необъявленной блокадой»¹³.

Результативность совместных китайско-непальских проектов можно оценить на примере нового международного аэропорта Покхары. Соглашение о создании современной воздушной гавани в третьем по величине городе горной страны было заключено во время уже упоминавшегося визита премьера Оли в Китай в 2016 г. Проект реализовывался китайскими специалистами на кредит в 244 млн долларов¹⁴. Торжественное открытие состоялось 1 января 2023 г., и, по словам посла КНР в Непале, аэропорт стал первым и «ключевым проектом сотрудничества Китая и Непала в рамках “Пояса и пути”»¹⁵. На деле многие эксперты выразили сомнение

¹² Из-за вызванных землетрясением 2015 года повреждений крупнейший на непало-китайской границе КПП Татопани был закрыт на протяжении 8 лет.

¹³ Prasain K. Traders say China imposing ‘undeclared blockade’. *The Kathmandu Post*. 05.02.2021. URL: <https://kathmandupost.com/money/2021/02/05/traders-say-china-conducting-undeclared-trade-blockade> (дата обращения: 07.09.2023).

¹⁴ Nepal drowning in Chinese debt trap. *Devdiscourse*. 26.03.2023. URL: <https://www.devdiscourse.com/article/international/2394018-nepal-drowning-in-chinese-debt-trap> (дата обращения: 07.09.2023).

¹⁵ Mulmi A. R. Nepal’s BRI-shaped dilemma. *Observer Research Foundation*. 09.08.2023. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/nepals-bri-shaped-dilemma/> (дата обращения: 07.09.2023).

в том, что в новый аэропорт удастся привлечь достаточное количество авиакомпаний и международных рейсов, чтобы окупить его возведение. Открытая шестью месяцами ранее аналогичная воздушная гавань им. Гаутамы Будды (близ Лумбини), построенная на кредит Азиатского банка развития, так и остается пустой. Единственный международный рейс в Кувейт был приостановлен в мае 2023 г.¹⁶ и так и не был возобновлен. Попытка авиационного регулятора надавить на национальных перевозчиков также не увенчалась успехом¹⁷.

В новом аэропорту Покхары первый рейс не из Непала приземлился через полгода после открытия, 27 июня 2023 г., но и это был чартерный борт из Китая, доставивший в горную страну спортсменов для участия в лодочном соревновании¹⁸. Вероятно, это единичная акция, которая не может развеять опасений о том, во что эта стройка может обойтись Непалу. Пока же проблемой убыточного аэропорта занимается сам премьер-министр Непала Пушпа Камал Дахал. По сообщениям прессы, вопрос об открытии новых маршрутов в Покхару и Лумбини стоял на повестке его июньской встречи с индийским лидером Нарендрой Модди¹⁹. Как пишет «Kathmandu Post», перед визитом Дахала в Китай правительство Непала готовит предложение к Пекину списать выделенный на строительство аэропорта кредит, поскольку воздушная гавань не приносит достаточно прибыли для его выплаты²⁰.

Пока делятся дебаты о том, приведет ли активное сотрудничество с Китаем Непал в «долговую ловушку», горная страна продолжает зависеть от Индии в сферах торговли и транзита. На южного соседа стабильно приходится около 65% товарооборота Непала. С 2018 г. постепенно модернизируется пограничная инфраструктура, строятся новые трубопроводы и линии электропередач²¹. В 2022 г. завершилась капитальная реконструкция второй железнодорожной линии в Непале, соединяющей паломнический центр Джанакпур с территорией Индии (участок фактически был построен заново в широкой индийской колее). Первая (шестикилометровая) линия — Раксаул-Биргандж стала полностью функционировать в 2005 г.

В ответ на сотрудничество Непала и Китая в рамках «Пояса и пути» Индия продвигает в горной стране свой железнодорожный мегапроект — линию Раксаул — Катманду. Соглашение о ее постройке было заключено между двумя государствами в ходе визита К. П. Шармы Оли в Дели в 2018 г. К 2023 г. индийская Konkani Railways завершила подготовку окончательного проекта, и сейчас он находится на рассмотрении у непальской стороны²².

Довольно остро соперничество начинает разворачиваться в сфере гидроэнергетики Непала. Горная страна обладает значительным потенциалом по экспорту произведенной на ГЭС

¹⁶ Jazeera Airways halts flight from GBIA, again. *MyRepublica*. 12.05.2023. URL: <https://myrepublica.nagariknetwork.com/news/jazeera-airways-halts-its-flight-from-gbia-again/> (дата обращения: 07.09.2023).

¹⁷ Prasain S. Aviation regulator pressuring airlines to link Bhairahawa. *The Kathmandu Post*. 31.10.2022. URL: <https://kathmandupost.com/money/2022/10/31/aviation-regulator-pressure-airlines-to-link-bhairahawa> (дата обращения: 07.09.2023).

¹⁸ Pall S. Pokhara Airport Welcomed its First International Flight, Boosting Nepal's Connectivity. *News18*. 27.06.2023. URL: <https://www.news18.com/auto/pokhara-airport-welcomed-its-first-international-flight-boosting-nepals-connectivity-8164465.html> (дата обращения: 07.09.2023).

¹⁹ Bhaumik A. Nepal seeks India's help to save its new airports built by China. *Deccan Herald*. 31.05.2023. URL: <https://www.deccanherald.com/world/nepal-seeks-india-s-help-to-save-its-new-airports-built-by-china-1223773.html> (дата обращения: 07.09.2023).

²⁰ Giri A. Nepal to request China for waiver of Pokhara airport construction loan. *The Kathmandu Post*. 26.08.2023. URL: <https://kathmandupost.com/national/2023/08/26/nepal-to-request-china-for-waiver-of-pokhara-airport-construction-loan> (дата обращения: 07.09.2023).

²¹ Jha H. B. India putting China on its backfoot in Nepal. *Observer Research Foundation*, 28.04.2023. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/india-putting-china-on-its-backfoot-in-nepal/> (дата обращения: 07.09.2023).

²² Raxaul-Kathmandu Rail route is fixed, construction to start after Nepal's nod. *DD News*. 21.07.2023. URL: <https://ddnews.gov.in/national/raxaul-kathmandu-rail-route-fixed-construction-start-after-nepals-nod> (дата обращения: 07.09.2023).

энергии, использовать который для удовлетворения собственных потребностей стремятся оба его соседа [Харина, 2016, с. 131]. Сотрудничество Непала с Китаем в данной сфере, похоже, начинает вызывать опасения у Индии, которая в 2018 г. фактически запретила импортировать электроэнергию, произведенную на построенных с китайским финансированием ГЭС²³. Согласно официальной формулировке — «третьими странами, имеющими сухопутную границу с Индией, не заключившими с Индией двустороннее соглашение о сотрудничестве в сфере энергетики» [Procedure, 2021, p. 15]. Учитывая, что такие электростанции изначально планируются с расчетом на продажу электроэнергии за рубеж, введенные Дели ограничения резко снизили привлекательность проектов для инвесторов с севера. С 2018 г. китайская сторона прекратила участие в шести проектах ГЭС, право на реализацию четырех перешло индийским компаниям²⁴.

На статус данных проектов значительное влияние оказывает и постоянная неопределенность действий внутриполитических сил Непала. В случае с проектами ГЭС часто сменяющиеся правительства принимают взаимопротиворечащие решения о том, кому из соседей страна собирается предоставить право на строительство какого-либо объекта. Показателен в этой связи пример со строительством дамбы «Будхи Гандаки». Предложенный в 1978 г. проект сначала почти 30 лет находился на стадии планирования, затем, в 2017 г., премьер из ориентированной на Китай КПН (маоистская) П. К. Дахал передал права на его реализацию китайской стороне. В этом же году власть сменилась на условно проиндийское правительство Непальского конгресса, которое, сославшись на ошибки процедурного характера, приняло решение строить ГЭС внутренними силами Непала. В 2018 г., после очередной смены правительства на прокитайское, вновь начались разговоры о привлечении к строительству «Будхи Гандаки» китайских специалистов. В результате реализация проекта пока так и не вышла за пределы стадии политической демагогии²⁵.

Выводы

Подводя итог, отметим: столкновение интересов Индии и Китая в Непале имеет историческую и географическую основу. Неизбежность превращения горной страны в зону противостояния двух значительно превосходящих по силе государств всегда осознавалась правящей верхушкой Непала, и именно этот фактор всегда лежал в основе ее внешней политики.

Вместе с этим Индия и Китай преследуют в горной стране разные цели. Для первой она — уязвимое звено в безопасности северной границы, «младший брат», важный партнер. По мнению Дели, все страны «должны учитывать особый статус отношений Индии и Непала» [Nehru, 1961, p. 435–437].

Для Китая Непал хоть и является страной-соседом, но как внешнеполитическое направление не входит в число приоритетных. Отношения с Непалом Пекин изначально рассматривал с точки зрения демонстрации «образцово-показательного» сотрудничества с малой страной. Этому способствовали быстрое урегулирование пограничного вопроса и отсутствие каких-либо серьезных угроз для двусторонних связей. Поддержка правительства в Катманду

²³ Pokhrel M. Nepal hydropower drive puts India over China, but what's the risk? *Reuters*. 24.05.2023. URL: <https://www.reuters.com/article/nepal-hydro-india-china-idUSL8N36K1Z3> (дата обращения: 07.09.2023).

²⁴ Can India's attempts to squeeze Chinese investment in Nepal's energy sector succeed? *Global Times*. 10.06.2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202306/1292320.shtml> (дата обращения: 07.09.2023).

²⁵ Shrestha M. S. Funding Budhi Gandaki harder than opening project office. *The Kathmandu Post*. 20.07.2023. URL: <https://kathmandupost.com/national/2023/07/20/funding-budhi-gandaki-harder-than-opening-project-office> (дата обращения: 07.09.2023).

Пекином увязывалась с контролем за тибетскими народностями и поселившимися в горной стране беженцами из Тибета.

В целом за пределами политической риторики позиции Индии в Непале выглядят сильнее китайских. Причина этому в том, что исторические и культурно-цивилизационные связи двух южноазиатских стран пролегают гораздо глубже сиюминутной политической повестки. Сотрудничество Катманду и Пекина, конечно, активизировалось в последние восемь лет, однако Гималаи все еще остаются значительной преградой для развития двусторонних связей. Политическая основа отношений не претерпела значительных изменений за почти семь десятилетий дипломатических контактов. Реальные промежуточные итоги экономического сотрудничества оценить сложно в силу крайне медленного темпа реализации совместных проектов, так что в критической ситуации непальские лидеры все еще опираются именно на южного соседа и традиционно проиндийские силы. Очевидный эгоцентризм непальских политиков делает еще более непредсказуемым внешнеполитический курс Непала.

Несмотря на то, что определенное соперничество между двумя крупнейшими азиатскими государствами в Непале имеет место, в первую очередь Дели и Пекин стремятся выстраивать дружественные отношения с текущим правительством вне зависимости от его внешнеполитической ориентации. «Что Китай, что Индия, обе наши страны будут рады наблюдать за новым этапом развития Непала после окончания политического переходного периода», — заметил в 2018 г. министр иностранных дел КНР Ван И²⁶.

Литература / References

Ледков А. А., Лунёв С. И. *История Непала. XX век*. М., 2011 [Ledkov A. A., Lunev S. I. *History of Nepal. 20th Century*. Moscow, 2011 (in Russian)].

Лунев С. И. *Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия*. М., 2019 [Lunev S. I. *Regionalisation and Integration: India and South Asia*. Moscow, 2019 (in Russian)].

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. Под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2019 [Development Model of Modern China: Assessments, Discussions, Forecasts. Ed by A. D. Voskressenski. Moscow, 2019 (in Russian)].

Николаев П. П. Непал в контексте внешней политики КНР (1949–1962 гг.) *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2011. № 4. С. 92–101 [Nikolaev P. P. Nepal in the Context of China's Foreign Policy (1949–1962). *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2011. No. 4. Pp. 92–101 (in Russian)].

Тютин А., Кушхов Б. Балансирующее поведение малых государств Востока: взгляд вне рамок неореализма (на примере Монголии и Непала). *Международный аспект*. 2022. 3(3). С. 82–99 [Tiutin A., Kushkhov B. Balancing Behaviour of Non-Western Small States: Beyond Neorealism (Case-Study of Mongolia and Nepal). *International Aspect*. 2022. 3(3). Pp. 82–99 (in Russian)].

Харина О. А. Конфликт интересов Индии и Китая в Непале. *Человек. Сообщество. Управление*. 2016. Т. 17. № 1. С. 127–134 [Kharina O. A. The Conflict of Interests of India and China in Nepal. *Human. Community. Management*. 2016. 17(1). Pp. 127–134 (in Russian)].

Aryal S. K. Post-2015 India-Nepal Relations and China Factor in South Asia. *Politeja*. 2022. 1(76). Pp. 285–303.

Dibya Upadesh. *Itihas Prakashma Sandhi Patra Sangraha*. Ed. by Y. Naraharinath. Part 1. Varanasi, 1965.

Jaiswal P. Caught in the India-China Rivalry: Policy Options for Nepal. *Institute of Peace and Conflict Studies*. 2014. Issue Brief #249. 8 p.

²⁶ Bhattarai K. D. The China—India—Nepal Triangle. *The Diplomat*. 25.04.2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/04/the-china-india-nepal-triangle/> (дата обращения: 07.09.2023).

Nehru J. *India's Foreign Policy Selected Speeches, September 1946–April 1961*. New Delhi, 1964.

Procedure for approval and facilitating Import/Export (Cross Border) of Electricity by the Designated Authority. *Central Electricity Authority*. February, 2021.

Rose L. E. *Nepal; strategy for survival*. Berkeley, 1971.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Baba M. China-India rivalry is good for South Asia, Nepal ministers say. *Nikkei Asia*. 27.04.2022. URL: <https://asia.nikkei.com/Editor-s-Picks/Interview/China-India-rivalry-is-good-for-South-Asia-Nepal-ministers-say> (дата обращения: 27.07.2023).

Bhattarai K. D. The China — India — Nepal Triangle. *The Diplomat*. 25.04.2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/04/the-china-india-nepal-triangle/> (дата обращения: 07.09.2023).

Bhaumik A. Nepal seeks India's help to save its new airports built by China. *Deccan Herald*. 31.05.2023. URL: <https://www.deccanherald.com/world/nepal-seeks-india-s-help-to-save-its-new-airports-built-by-china-1223773.html> (дата обращения: 07.09.2023).

Can India's attempts to squeeze Chinese investment in Nepal's energy sector succeed? *Global Times*. 10.06.2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202306/1292320.shtml> (дата обращения: 07.09.2023).

Former Nepal PM Oli's party to withdraw support to Prachanda-led government in Nepal. *The Economic Times*. 27.02.2023. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/former-nepal-pm-olis-party-to-withdraw-support-to-prachanda-led-government-in-nepal/articleshow/98271607.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (дата обращения: 07.09.2023).

Giri A. Nepal Communist Party unification prospects slim, leaders and analysts say. *The Kathmandu Post*. 27.01.2021. URL: <https://kathmandupost.com/politics/2021/01/27/nepal-communist-party-unification-prospects-slim-leaders-and-analysts-say> (дата обращения: 07.09.2023).

Giri A. Nepal to request China for waiver of Pokhara airport construction loan. *The Kathmandu Post*. 26.08.2023. URL: <https://kathmandupost.com/national/2023/08/26/nepal-to-request-china-for-waiver-of-pokhara-airport-construction-loan> (дата обращения: 07.09.2023).

Gokhale V. India's Fog of Misunderstanding Surrounding Nepal-China Relations. *Carnegie India*. 04.10.2021. URL: <https://carnegieindia.org/2021/10/04/india-s-fog-of-misunderstanding-surrounding-nepal-china-relations-pub-85416> (дата обращения: 07.09.2023).

Jazeera Airways halts flight from GBIA, again. *MyRepublica*. 12.05.2023. URL: <https://myrepublica.nagariknetwork.com/news/jazeera-airways-halts-its-flight-from-gbia-again/> (дата обращения: 07.09.2023).

Jha H. B. India putting China on its backfoot in Nepal. *Observer Research Foundation*. 28.04.2023. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/india-putting-china-on-its-backfoot-in-nepal/> (дата обращения: 07.09.2023).

Mulmi A. R. Nepal's BRI-shaped dilemma. *Observer Research Foundation*. 09.08.2023. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/nepals-bri-shaped-dilemma/> (дата обращения: 07.09.2023).

Nepal drowning in Chinese debt trap. *Devdiscourse*. 26.03.2023. URL: <https://www.devdiscourse.com/article/international/2394018-nepal-drowning-in-chinese-debt-trap> (дата обращения: 07.09.2023).

Pall S. Pokhara Airport Welcomed its First International Flight, Boosting Nepal's Connectivity. *News18*. 27.06.2023. URL: <https://www.news18.com/auto/pokhara-airport-welcomed-its-first-international-flight-boosting-nepals-connectivity-8164465.html> (дата обращения: 07.09.2023).

Pan P. P. China Backs Nepal over Maoist Rebels. *Washington Post*. 14.07.2002. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2002/07/14/china-backs-nepal-over-maoist-rebels/23df97dc-2534-4bce-ac90-518dc6b6811f/> (дата обращения: 07.09.2023).

PM Oli says “real” Ayodhya is in Nepal and Lord Ram is Nepali; BJP rejects claim. *The Hindu*. 14.07.2020. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/pm-oli-says-real-ayodhya-is-in-nepal-and-lord-ram-is-nepali-bjp-rejects-claim/article32075129.ece> (дата обращения: 07.09.2023).

Pokhrel M. Nepal hydropower drive puts India over China, but what's the risk? *Reuters*. 24.05.2023. URL: <https://www.reuters.com/article/nepal-hydro-india-china-idUSL8N36K1Z3> (дата обращения: 07.09.2023).

Pradhan T. R. Oli attempts to use citizenship ordinance for his political gains. *The Kathmandu Post*. 24.05.2021. URL: <https://kathmandupost.com/national/2021/05/24/oli-attempts-to-use-citizenship-ordinance-for-his-political-gains> (дата обращения: 08.09.2023).

Prasain K. Traders say China imposing 'undeclared blockade'. *The Kathmandu Post*. 05.02.2021. URL: <https://kathmandupost.com/money/2021/02/05/traders-say-china-conducting-undeclared-trade-blockade> (дата обращения: 07.09.2023).

Prasain S. Aviation regulator pressuring airlines to link Bhairahawa. *The Kathmandu Post*. 31.10.2022. URL: <https://kathmandupost.com/money/2022/10/31/aviation-regulator-pressure-airlines-to-link-bhairahawa> (дата обращения: 07.09.2023).

Raxaul-Kathmandu Rail route is fixed, construction to start after Nepal's nod. *DD News*. 21.07.2023. URL: <https://ddnews.gov.in/national/raxaul-kathmandu-rail-route-fixed-construction-start-after-nepals-nod> (дата обращения: 07.09.2023).

Shrestha M. S. Funding Budhi Gandaki harder than opening project office. *The Kathmandu Post*. 20.07.2023. URL: <https://kathmandupost.com/national/2023/07/20/funding-budhi-gandaki-harder-than-opening-project-office> (дата обращения: 07.09.2023).

Wang Yi Talks about China's "Three Supports" for Nepal. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 26.03.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202203/t20220327_10656328.html (дата обращения: 27.08.2023).

МИЗОРАМ: «БАМБУКОВАЯ СМЕРТЬ» И ЗОРО

© 2023

А. А. Бычкова¹

Мизорам — самый «молодой» из восьми штатов северо-восточного региона Индии, появившийся на карте в 1987 г. 87,16% населения штата — христиане, в основном принадлежащие к пресвитерианской деноминации. Протяженность его границы с Бангладеш составляет 318 км, с Мьянмой — 510 км. Процессы, происходившие и происходящие в Мизораме, обусловлены его геополитическим расположением, а также конфликтным взаимодействием этнических групп, населяющих соседние штаты, вызванным несовпадением территории расселения племен с административным делением. Под лозунгами этничности и территориальности в Мизораме была создана Организация за объединение зо (этнических групп, живущих на территории северо-восточного региона Индии, Читтагонгского горного района Бангладеш, Мьянмы). Идея создания административной единицы (Зорама, страны зо), объединяющей территории расселения этнических групп зо, находит поддержку населения, особенно молодежи. События мая 2023 г. в соседнем штате Манипур (акты насилия в отношении этнической группы куки зо), получившие широкую огласку во всем мире, стали катализатором усиления борьбы за Зорам. Бамбуковый голод или «бамбуковая смерть» — экологический феномен с цикличностью 48–50 лет, обусловленный цветением бамбука *Melocanna baccifera*, привлекающим полчища крыс — наблюдался в этих краях в 1862, 1910–1912, 1958–1960 гг.; XXI в. принес не меньше бедствий населению штата. Так называемые местные «элиты» оказались неспособны осуществить заранее разработанную Схему борьбы с «бамбуковой смертью».

Ключевые слова: этническая группа, этничность, территориальность, конфликтное взаимодействие, экологический феномен

Для цитирования: Бычкова А. А. Мизорам: «Бамбуковая Смерть» и ЗОРО. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 340–350. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-340-350

MIZORAM: “BAMBOO DEATH” AND ZORO

Anna A. Bychkova

Mizoram is “the youngest” of the eight states of North East India that originated in 1987. 87.16% of the state population profess the Christian religion, mainly falling under Presbyterian denomination. Mizoram shares 318 km long international border with Bangladesh and 510 km long international border with Myanmar. The processes that were under way or are nowadays occurring in Mizoram are underpinned by its geopolitical setting and the conflict interaction of the ethnic groups residing in the neighbouring states triggered by the incongruity between the administrative borders and the factual tribal lands. With the motto of ethnicity and territoriality Zo Reunification Organization\ ZORO was set up (zo ethnic groups inhabit North East India, Myanmar, Chittagong Hill Tracts of Bangladesh). The idea of a unified administrative unit (Zoram, the

¹ Бычкова Анна Анатольевна, индолог, независимый исследователь, Москва; aneta-taurus@rambler.ru
Anna A., Bychkova, Indologist, independent researcher, Moscow; aneta-taurus@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-5003-8005

Zo realm) combining the lands where zo tribes indwell finds full sympathy of general public, notably, of the young. The May 2023 outrages in the neighbouring Manipur (communal violence, indignities heaped on kuki zo) spilled into public view and acted as a catalyst resulting in development of popular struggle for Zoram. *Mau-tam* (bamboo hunger or bamboo death) – the ecological phenomenon occurring every 48-50 years caused by flowering of *Melocanna baccifera* bamboo – accrued to the people of Mizoram in 1862, 1910–1912, 1958–1960. The XXI century brought the public disaster again. So called local “elites” failed to bring into life the Bamboo Flowering and Famine Combat Scheme/BAFFACOS elaborated carefully, well in advance.

Keywords: ethnic group, ethnicity, territoriality, conflict interaction, ecological phenomenon

For citation: Bychkova A. A. Mizoram: “Bamboo Death” and ZORO. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 4. Pp. 340–350. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-340-350

Проблемы, связанные с поиском национальной идентичности, играют значительную роль в развитии политической и экономической ситуации северо-восточного региона Индии, а также соседних стран. В период британского господства административное деление этого фронта, пограничной зоны, где взаимодействовали представители различных культур и социальных традиций, не учитывало реальные границы расселения различных этнических групп. С образованием независимых государств такое деление сохранилось, что породило движение племен за воссоединение. Борьба за защиту этничности, различные движения за самоопределение на северо-востоке Индии — это результат социальной, культурной, демографической и экономической маргинализации племен. Формирование так называемых «политических элит» племен началось с подачи британской администрации. Борьба представителей таких элит за влияние — тренд политической демографии северо-востока Индии. Настоящее исследование — попытка проанализировать некоторые политические и религиозные движения на территории штата Мизорам, одного из восьми штатов, расположенных на северо-востоке Индии, а также роль местных «элит» в решении политических и экономических проблем штата.

В 1988 г. в Мизораме была создана Организация за объединение зо, или ЗОРО (Zo Reunification Organization / ZORO). Зо — общее название этнических групп, живущих на территории северо-восточного региона Индии, Бирмы, Читтагонгского горного района Бангладеш, Мьянмы, говорящих на языках тибето-бирманской группы сино-тибетской языковой семьи (мизо, куки, чин, чиким, зоми и др.). На территории Индии зо живут в штатах Мизорам, Мегхалая, Манипур, Нагаленд. Вумсон Суантак, автор книги «История Зо» [Vumson, 1986], делит основную территорию расселения племён зо на два региона: Западный Зо (современный штат Мизорам) и Восточный Зо (горы Чин на территории Мьянмы). Легенды повествуют о том, что зо вышли из пещеры Чиннлунг, расположение которой по-разному описывают представители разных подгрупп и кланов [Vumson, 1986, p. 26]. В фольклоре различных племен отражены мотивы происхождения зо, нага и мейтей (основного этноса штата Манипур) от одного предка, при этом брат зо позиционируется как самый старший, а брат мейтей — как самый младший [Vumson, 1986, p. 30]. Профессор Джангкхонгам Дангл, возглавляющий кафедру политологии университета Мизорама, в статье «Генезис и деятельность Организации за объединение зо или ЗОРО» обращает внимание на культурную, социальную, этническую общность группы племен зо [Doungel, 2019, p. 2]. ЗОРО ратует за создание Зорама, административной единицы, объединяющей все районы расселения этнических групп зо.

Ми (Mi) означает «человек», «персона», «люди» [Lorrain, 1898, p. 320]. Ми-зо (Mi-zo) — «люди зо» или «жители гор» (Highlanders) [Ibid, p. 312]. Рам (Ram) — «земля», «территория», «страна», «государство», «родина» [Ibid, p. 375]. Таким образом, название штата Мизорам означает «земля людей зо». Население штата — 1,1 млн человек [Census of India 2011]. Территория — 21 081 км². Основное занятие населения — подсечно-огневое земледелие. 87,16% населения Мизорама — христиане, в основном принадлежащие к пресвитерианской деноминации². Этноним лушай/лушай и топоним горы Лушай были введены в употребление британской администрацией по названию одной из подгрупп/ под-племен мизо [Vumson, 1986, p. 1]. В Мизораме действуют три племенных совета автономных округов: совет автономного округа лаи, совет автономного округа чакма, совет автономного округа мара. Первым христианским миссионером, посетившим в марте 1891 г. территорию расселения мизо, был Уильям Уильямс, представитель пресвитерианской церкви Уэльса, работавший в Ассаме, а именно в горах Кхаси³. Он обратился с письмом к материнской церкви с просьбой отправить миссионеров в эти края и в ответ получил от пресвитерианской церкви Уэльса назначение на работу с племенами, населяющими горы Лушай. Уильямс скончался 21 апреля 1892 г. 11 января 1894 г. в горы Лушай (современный штат Мизорам) прибыли Дж. Х. Лорреин (1870–1944) и Ф. У. Сэвидж (1862–1935). В 1897 г. им на смену был прислан Д. Е. Джонс. В 1903 г. Уильямс и Лорреин вернулись в Мизорам. В 1898 г. они опубликовали грамматику и словарь языка лушай (мизо), диалекта *дулиен* (Dulien). Они также разработали для него письменность, используя хантерианскую систему транслитерации⁴. Существует ежегодная литературная премия Литературной академии мизо за произведения, написанные на языке мизо. Большое количество мизо приняли христианство после страшного «бамбукового голода»⁵ 1910 г., когда пресвитерианская миссия оказала существенную помощь продуктами и лекарствами. К концу 40-х гг. XX в. появились деревни, где все жители были христианами [Vumson, 1986, p. 143].

В контексте дискуссий о необходимости консолидации возник вопрос о возрождении самобытной письменности зо, разработанной Пау Син Хау (Pau Cin Hau /Pau Cin Hau), который родился в 1859 г. в городе Тедим, на территории Бирмы [Vumson, 1986, p. 147]. Он явился создателем культа, основанного на традиционных анимистических верованиях, с отказом от погребальных и некоторых других ритуалов, требующих больших затрат, например, от жертвоприношения митхуна⁶. Пау Син Хау описывал ниспосланные ему божественные откровения Всевышнего, именуемого Пасайян (Pasian) [Vumson, 1986, p. 148]. Он разработал логографическое и алфавитное письмо зо. Логографическое письмо содержит 1 050 знаков, звуки представлены в виде своеобразных мнемоников для простоты запоминания [Vumson, 1986, p. 151]. Долгота или краткость гласных, тон передаются специальными значками [ibid]. Последователям Пау Син Хау было велено построить храм [Vumson, 1986, p. 147]. В каждой деревне назначался пастор (*Laisang*), клерк (*Lai-a*) и изгоняющий злых духов (*Upa*) [Vumson, 1986, p. 152]. Пау Син Хау повелевал отказаться от обычая содержать усопшего в доме в течение длительного времени (иногда до двух-трех лет) с последующими ритуалами, предусматривающими жертвоприношение

² Presbyterian Church of India, Mizoram synod. <https://www.mizoramssynod.org/page/1575> (дата обращения: 25.03.2023).

³ Ibid.

⁴ Хантерианская система — система транслитерации, предложенная британским филологом Уильямом Джонсом (1746–1794), основателем Бенгальского азиатского общества, названная по имени Уильяма Вильсона Хантера (1840–1900), историка, статистика, автора Сравнительного словаря не-арийских языков Индии.

⁵ Бамбуковый голод или бамбуковая смерть — экологический феномен с цикличностью 48–50 лет, обусловленный цветением бамбука *Melocanna baccifera*, привлекающим полчища крыс, которые быстро уничтожают урожай. Местные жители обозначают это явление как *маутам* (*мау* означает бамбук, *там* означает смерть на языке мизо).

⁶ Митхун — гаял, представитель рода настоящих быков (латинское название — *bos gaurus* / *bos frontalis*).

животных, и предписал своим последователям хоронить усопших на третий день после смерти. Он также запретил праздники, влекущие за собой большие расходы [Vumson, 1986, p. 153]. В последние годы появился интерес к развитию самобытной письменности зо, в 2016 г. правительство Мизорама организовало семинар, посвященный статусу и развитию этой письменности как части наследия автохтонных племен [Ruata Langchuang, 2022].

Мизорам — самый молодой штат северо-восточного региона, появившийся на карте в 1987 г. В 1854 г. с целью защиты чайных плантаций Ассама была установлена внутренняя линия — пограничные столбы, отделяющие территории, управляемые британской администрацией. Пересекать эту линию без специального разрешения британской администрации было запрещено. В 1873 г. был введен в действие законодательный акт, регулирующий перемещение в пределах пограничной зоны восточной части Бенгалии (Bengal Eastern Frontier Regulation). Закон применяется и поныне в соответствии с рядом поправок, уточняющих районы применения, и автохтонное население ратует за строгое соблюдение закона, поскольку он гарантирует защиту от потока мигрантов и захвата земель. Для посещения штата Мизорам (как и других штатов региона) гражданин Индии обязан оформить специальное разрешение, выдаваемое органами центрального правительства. В 1891 г. британская администрация сформировала 2 дистрикта в горах Лушай: северный, управлявшийся из Ассама, и южный, управлявшийся из Бенгалии. В 1898 г. они были объединены в один округ в составе Ассама. В 1935 году по рекомендации Комиссии Саймона⁷ территории гор Лушай, гор Нага и гор Северный Качар были объявлены отсталыми (backward areas) или выделенными (excluded areas), управлявшимися губернатором Ассама. В этом же году при поддержке пресвитерианской миссии была создана Ассоциация молодых мизо. В 1946 г. на политической арене появился Союз мизо (Mizo Union). 21 ноября 1946 г. Союз мизо организовал митинг с участием представителей Качара, Западного Зорама, Манипура; единогласно была принята резолюция с требованием объединения всех районов расселения зо и создания единой административной единицы под названием Зорам. Британская Консультационная комиссия по фундаментальным правам, меньшинствам, племенным и выделенным районам, работавшая в контексте обсуждения будущего независимой Индии, 27 февраля 1947 г. объявила о создании подкомитета под председательством Гопинатха Бордолоя для изучения положения дел в племенных и выделенных районах северо-восточного пограничного района (Ассам). Члены Комиссии посетили горы Лушай, горы Нага, горы Северный Качар, горы Микир и встретились с представителями различных племен⁸. 26 апреля 1947 г. Союз мизо обнародовал меморандум, адресованный британскому монарху и правительству Индии, с требованием предоставления права на территориальное единство и самоопределение всех племен, ошибочно называемых лушай/ лушай (по названию одной подгруппы племен/ суб-племени), проживающих на территории гор Лушай, гор Северный Качар, Манипура, гор Чин, Читтагонгского горного района [Memorandum, 1947]. Данное требование обосновывалось общностью языка, культуры, религии, этногенеза. Меморандум предусматривал создание единой административной единицы на территории Ассама и формирование Национального совета, обладающего законодательной и исполнительной властью в рамках этой административной единицы [ibid]. Меморандум также содержал положение о возможности пересмотра условий, вплоть до полной независимости, по прошествии 10 лет [Ibid]. В июле 1947 г. было

⁷ Комиссия Саймона — конституционная комиссия британского правительства, назначенная в 1927 г. для изучения системы управления в Индии и предоставления рекомендаций по конституционной реформе.

⁸ Constitution of India/committees/sub-committee-on-the-North-East-Frontier-Assam-tribal-and-excluded-areas. <https://www.constitutionofindia.net/committees/sub-committee-on-the-north-east-frontier-assam-tribal-and-excluded-areas/> (дата обращения: 18.07.2023).

подписано соглашение о присоединении к Индийскому Союзу. Читтагонгский горный район, населенный зо, был включен в состав Бенгалии и позже стал частью Бангладеш. В соответствии с Конституцией Индии так называемые выделенные районы получили статус «списочных», были образованы соответствующие окружные советы. В 1952 г. прошли выборы в парламент Индии, легислатуру Ассама и окружные советы. Представители мизо получили 3 места в легислатуре Ассама⁹. По требованию окружного совета гор Лушан в 1954 г. законодательным актом парламента Индии были внесены изменения в названия гор и округа: на картах появился новый топоним: горы Мизо. Совет округа Мизо, прогнозируя очередной голод ввиду наступающего срока цветения бамбука, в 1958 г. обратился к правительству Ассама с просьбой разработать превентивные меры. Власти Ассама отказались принимать меры, мотивируя свой отказ тем, что так называемая «бамбуковая смерть» является ничем иным как беспочвенными суевериями местных жителей. Однако в 1959 году в горы Мизо снова пришел «бамбуковый голод». В этой связи гуманитарная организация Культурное общество мизо (The Mizo Cultural Society), возникшая в 1955 г., организовала протесты против бездействия властей. В 1960 г. общество было переименовано и стало называться Национальный фронт голода мизо (Mizo National Famine Front / MNFF). Решение властей Ассама о статусе ассамита как основного языка штата подлило масла в огонь. В 1961 г. НФГМ был реорганизован, возник Национальный фронт мизо, НФМ (The Mizo National Front / (MNF) под руководством Лалденги, который заявил о праве мизо на самоопределение. Была также сформирована Национальная армия мизо (Mizo National Army / MNA). В 1963 г. Лалденга был арестован, однако оправдан в ходе судебного разбирательства [Rinchen Norbu Wangchuk, 2018].

28 февраля 1966 г. боевики НФМ заняли лагерь пограничных подразделений и Ассамских стрелков [Rinchen Norbu Wangchuk, 2018], ряд административных зданий, повредили телефонные линии и потребовали предоставления независимости районам, населенным племенами зо, мотивируя свои требования тем, что вышеупомянутые территории никогда не входили в состав Индийского Союза [Ibid]. Правительство Индии начало военную операцию против НФМ с использованием авиации. В течение последующих 20 лет на территории расселения мизо не прекращались вооруженные конфликты между правительственными войсками и группами сепаратистов. В 1972 г. была образована союзная территория Мизорам. Победу на выборах одержал Союз мизо (Mizo Union). Союз позднее объединился с Индийским национальным конгрессом — ИНК. 10 мая 1972 г. открылась первая сессия легислатуры Мизорама. В 1975 г. бригадный генерал Тхенфунга Сайло основал партию Конференция Мизорама, позднее она стала называться Народная конференция Мизорама (Mizoram People's Conference). На выборах 1978 г. эта партия получила абсолютное большинство в легислатуре союзной территории и оставалась у власти до 1984 г.; пост главного министра сохранял Тхенфунга Сайло. В 1984 г. большинство в легислатуре получил ИНК. 30 июня 1986 г. при посредничестве представителей христианских церквей после длительных переговоров было подписано соглашение между правительством Индии и НФМ; в соответствии с соглашением в 1987 г. Мизорам получил статус штата. На выборах 1987 г. в Законодательное собрание штата НФМ получил 24 места из 40. Лалденга стал первым главным министром штата. В течение периода с 1987 по 2018 г. основная борьба на выборах в легислатуру велась между ИНК и НФМ. 1993 г. принес НФМ 14 мест в Законодательном собрании, ИНК — 16 мест, 10 получили независимые кандидаты¹⁰. На выборах 1998 и 2003 гг. НФМ получил 21 место, ИНК 6 и 12 соответственно. Остальные места получили представители

⁹ Mizoram Legislative Assembly. URL: <https://www.mizoramassembly.in/page/history> (дата обращения: 09.08.2023).

¹⁰ India Votes. URL: <https://www.indiavotes.com/vidhan-sabha/1993/mizoram/110/45> (дата обращения: 09.08.2023).

Народной конференции Мизорама. В 2008 и 2013 гг. большинство (34 места) удалось «завоевать» ИНК. НФМ получил лишь 3 и 5 мест соответственно. В 2003 и 2008 гг. в Законодательном собрании появились 2 представителя Националистической партии Зорама, созданной в 1997 г. На выборах 2018 г. ИНК потерпел сокрушительное поражение: всего 5 мест в легислатуре, тогда как НФМ получил 26 мест. На выборах 2018 г. на политической арене Мизорама появилась Бхаратия джаната парти, БДП, ей удалось получить одно место в легислатуре штата. Все большую популярность приобретает Движение народа Зорама (Zoram People's Movement) — коалиция, сложившаяся в 2017 г., в которую входят Народная конференция Мизорама, Националистическая партия Зорама, Движение за исход Зорама (Zoram Exodus Movement), Фронт децентрализации Зорама (Zoram Decentralisation Front), Фронт реформации Зорама (Zoram Reformation Front) и Партия народа Мизорама (Mizoram People's Party). На выборах 2018 г. ДНЗ получило 8 мест. Следующие выборы в Законодательное собрание Мизорама были назначены на конец 2023 г. В преддверии выборов в Законодательное собрание в прессе горячо обсуждалась победа ДНЗ на муниципальных выборах в местечке Лунглея (49,31%) голосов [Sangita Barooah Pisharoty, 2023]. При этом НФМ получил 29,4%, ИНК 20%, БДП 0,7% голосов.

Бамбук играет важную роль в жизни населения Мизорама. Молодые побеги, как свежие, так и сушеные, употребляют в пищу. Из бамбука сделаны стены домов. Он служит материалом для изготовления корзин, сосудов для воды, иной домашней утвари. Мотивы использования бамбука представлены в фольклоре, в танцевальном искусстве. Но и в XXI в. не ушел в прошлое «бамбуковый голод», наступающий в соответствии с очередным периодом цветения и плодоношения этого растения («бамбуковая смерть» приходила в 1910–1912, в 1958–1960 гг.). В статье К. Аплина и Дж. Лалсайамлиана «Хроника событий и последствия *маутам* в Мизораме в 2005–2009» дан анализ событий последнего прихода бамбуковой смерти в край мизо. [K. Aplin, J. Lalsiamliana, 2010]. Плоды бамбука содержат большое количество протеина и крахмала; крысы, поедающие эти плоды, быстро размножаются и набрасываются на все, что с таким трудом выращивается в домохозяйствах. Ученые отметили, что масштабы урона разнятся: из двух соседних деревень одна может пострадать более значительно, чем другая [K. Aplin; J. Lalsiamliana, 2010, p. 32]. Они пришли к выводу о необходимости создания системы более точного моделирования и прогнозирования с учетом срока созревания различных культур. В ожидании первого в XXI в. периода цветения бамбука в 2004 г. в штате была разработана Схема борьбы с голодом из-за цветения бамбука (Bamboo Flowering and Famine Combat Scheme / BAFFACOS) [Bamboo Action Plan]. Она предусматривала контроль за популяцией крыс, обеспечение запасов продовольствия, создание складов продуктов питания не только в крупных, но и в мелких населенных пунктах. Была определена норма в 3 кг в неделю на взрослого человека. Дополнительные программы предусматривали распространение мер контроля за популяцией крыс, расширение ассортимента ростков бамбука, распространение сортов риса и маиса быстрого созревания, распространение альтернативных культур (имбиря, хлопка, картофеля, сахарного тростника, масличных), развитие механизации, создание резервуаров для сбора и хранения дождевой воды, развитие рыночных связей, продвижение производства и использования бамбукового уксуса и древесного угля, разведение тутового шелкопряда. Различным министерствам были выделены 1,25 млрд рупий [Bamboo Action Plan]. Значительные средства использовались в целях распространения информации: 7 млн рупий на бесплатные брошюры и информационные листки, 1 млн рупий на распространение информации о цветении бамбука средствами массовой информации, 4 млн на производство документальных фильмов, 5 млн на размещение информации на международном уровне, 1,5 млн на семинар по цветению бамбука и голоду

в Дели, 2,5 млн на организованную поездку медийных знаменитостей и авторов книг о путешествиях [ibid]. Казалось, есть надежда победить *маутам*. Однако в соответствии с информацией министерства сельского хозяйства, представленной в статье Д. Зайтинвавра и И. Канагараджа «Голод и действия властей: реакция правительства на цветение бамбука», пострадало 130 621 хозяйство в 769 деревнях; крысы уничтожили 16 132 гектара орошаемого риса и 125 345 гектаров риса, выращиваемого методом подсечно-огневого земледелия [D. Zaitinwawra; E. Kanagaraj, 2008, p. 468]. 89,76% посевов риса, 60% кукурузы и различных овощей были уничтожены [ibid]. Почему так тщательно разработанный план не оправдал надежд, на него возлагаемых? Отсутствие заранее составленной системы распределения и контроля, бессистемное, ситуативное выделение средств называются в числе основных причин неудачи вышеупомянутой Схемы [ibid]. Были выявлены случаи неправомерного использования средств: 28 млн рупий были выданы в качестве займа частной компании, которая долг не вернула; 6 млн рупий получили две частные компании, работающие в столице штата Айзоле; 4,8 млн рупий были истрачены на строительство жилых помещений для работников министерства продовольствия, снабжения населения и обеспечения нужд потребителей и т. д. [ibid]. В июне 2008 г. лидер партии ИНК Соня Ганди посетила Мизорам и подвергла резкой критике правительство штата. Видимо, неудача осуществления Схемы послужила одной из причин поражения НФМ на выборах в Законодательное собрание 2008 г.

В преддверии очередных выборов в Законодательное собрание штата 2023 г. особую остроту приобрел вопрос об объединении зо. События мая 2023 г. в соседнем штате Манипур, получившие широкую огласку во всем мире, стали катализатором усиления борьбы за Зорам. Основной этнос Манипура — мейтей — составляет большинство населения долины, в горных районах обитают племена, наиболее многочисленные — группы нага и куки¹¹. Мейтей — индусы, тогда как представители племен принадлежат к различным деноминациям христианства. В племенных сообществах преобладают традиционные представления о демократии, самоуправлении, автономии. Противостояние обитателей долины и жителей горных районов, обусловленное неравномерным экономическим развитием, споры по поводу распределения финансовых средств, территориальные разногласия играют важную роль в политической демографии штата. В мае 2023 г. высший суд Манипура принял решение о включении мейтей в категорию «списочных племен», предусматривающую ряд льгот, что вызвало протесты со стороны куки зо и насилие со стороны мейтей. Видеоматериалы, свидетельствующие об актах насилия в отношении женщин куки зо, послужили причиной вотума недоверия в отношении премьер-министра Нарендры Моды, инициированного ИНК. 12 000 беженцев куки-зо прибыли в Мизорам вследствие кровавых разборок между мейтей и куки-зо [Jayanta Kalita, 2003]. 12 июля 2023 г. в г. Айзоле, столице штата Мизорам, ЗОРО организовала акцию протеста против насилия в отношении этнических групп зо в Манипуре¹². Были сожжены плакаты с изображением главного министра Манипура Бирен Сингха и премьер-министра Индии Нарендры Моды. На митинге президент ЗОРО П. Р. Сангавия заявил, что правительство, которое, подобно главе семьи, должно заботиться обо всех своих детях, не проявляет заботы о людях зо. В соответствии с материалами, собранными ЗОРО, были сожжены 357 церквей, 41 425 беженцев покинули свои дома, 124 человека были убиты, 377 получили серьезные ранения и были

¹¹ Подробнее см. [Бычкова, 2020, с. 117–129].

¹² Mizoram: Zo-Kuki group burns poster of CM Biren Singh in Aizawl, demands separation, India Today NE, 12.07.2023. URL: <https://www.indiatodayne.in/mizoram/story/mizoram-zo-kuki-group-burns-poster-of-cm-biren-singh-in-aizawl-demands-separation-613350-2023-07-12> (дата обращения: 28.08.2023).

госпитализированы¹³. Синод пресвитерианской церкви Мизорама выделил 9,4 млн рупий в качестве гуманитарной помощи и 6,4 млн на строительство домов на месте разрушенных жилищ куки зо [Н. С. Vanlalruata, 2023]. 500 тысяч рупий были также выделены Форуму лидеров автохтонных племен (Indigenous Tribal Leaders' Forum), представляющему собой конгломерат сообществ куки зо¹⁴. Главный министр Мизорама Зорамтханга поддержал идею присоединения к Мизораму территорий, населенных куки и зоми¹⁵. Он заявил, что мизо в Манипуре следует использовать Статью 3 Конституции, предусматривающую возможность создания новых административных единиц или изменение границ существующих округов, и пообещал «принять братьев зо с распростертыми объятиями и поделиться с ними хлебом и водой»¹⁶. Вместе с тем начался массовый исход мейтей из Мизорама в долину реки Барак на территории Ассама [Goswami, 2023]. Триггером послужило заявление экстремистской группы Ассоциация членов НФМ, вернувшихся к мирному соглашению (Peace Accord MNF Returnees' Association, PAMRA), о необходимости для мейтей покинуть Мизорам, чтобы не подвергать свою жизнь опасности. Правительство Мизорама выдает беженцам/мигрантам временные удостоверения личности, что позволяет учитывать их число; в последнее время убежище в Мизораме было предоставлено 40 000 мигрантов из Мьянмы и Бангладеш [Jayanta Kalita, 2023]. Протяженность границы штата с Бангладеш составляет 318 км, а с Мьянмой — 510 км. Серьезные экономические проблемы штата связаны с потоком беженцев из вышеназванных стран. В ноябре 2022 г. ввиду военных действий сил быстрого реагирования Бангладеш против Национального фронта куки-чин (Kuki-Chin National Front / KNF), требующего выделения автономного района, более 250 беженцев из племени куки-чин перешли границу Мизорама¹⁷. Ассоциация молодых мизо (Young Mizo Association / YMA) заявила, что окажет гуманитарную помощь беженцам куки-чин. В феврале 2021 г. после военного переворота в Мьянме 30 000 беженцев прибыли на территорию Мизорама¹⁸. 27 июня 2023 г. на конференции в дистрикте Сайтуал Зорамтханга, главный министр Мизорама, заявил о необходимости интеграции всех племен зо в одной административной единице [Mala Bawitlung, 2023]. Протесты не только в Мизораме, но во всех штатах северо-восточного региона вызвали планы правительства Индии ввести унифицированный гражданский кодекс, ибо такой шаг входит в прямое противоречие со статьей 371 Конституции Индии (с приложениями для каждого штата), защищающей права местного населения и законодательно закрепляющие применение обычного права. Комитет глав церквей Мизорама направил в Комиссию по законодательству письмо, выражая протест против вышеназванной законодательной инициативы, идущей вразрез с общепринятым лозунгом «единство в разнообразии» и противоречащей статье 371G Конституции¹⁹. Существуют территориальные претензии и разногласия с Ассамом, с целью разрешения которых ведутся переговоры. В соответствии с заявлением министра внутренних дел

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Zoramthanga Pitches for "Greater Mizoram", Times of India, 25.07.2023. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/zoramthanga-pitches-for-greater-mizoram/articleshow/102089264.cms> (дата обращения: 18.08.2023).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Northeast Diary: Why ethnic minority people are fleeing Bangladesh's hilly region. The Times of India 26.11.2022. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/northeast-diary-why-ethnic-minority-people-are-fleeing-bangladeshs-hilly-region/articleshow/95777311.cms> (дата обращения: 18.01.2023).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Mizoram Church Leaders Committee demands non-implementation of Uniform Civil Code, calls it an instrument of oppression, India Today NE, 04.07.2023. URL: <https://www.indiatodayne.in/mizoram/story/mizoram-church-leaders-committee-demands-non-implementation-of-uniform-civil-code-calls-it-an-instrument-of-oppression-608770-2023-07-04> (дата обращения: 12.07.2023).

Мизорама Лалчамлиана Мизорам направил правительству Ассама требование передать штату Мизорам 62 деревни²⁰. Мизорам претендует на площадь 1 318 км² заповедного леса, ссылаясь на Закон о восточном пограничном районе Бенгалии (Bengal Eastern Frontier Regulation / BEFR) 1873 г.²¹ Министр сослался на информацию генерал-губернатора, который в 1875 г. объявил, что около 509 квадратных миль площади за так называемой внутренней линией были отнесены к территории гор Лушан (т. е. к современной территории Мизорама). Со своей стороны, власти Ассама утверждают, что следует придерживаться карты, составленной топографической службой Индии в 1933 г.²²

Таким образом, процессы, происходившие и происходящие в северо-восточном регионе Индии, в частности, в штате Мизорам, обусловлены его геополитическим расположением, неоднородностью групп и территорий, конфликтным взаимодействием групп. Противоречия и серьезные конфликты на уровне штата, группы племен, племена вызваны несовпадением территории расселения этнических групп с административным делением. Организация за объединение зо или ЗОРО была создана под лозунгами этничности и территориальности. Растущая популярность Движения народа Зорама (Zoram People's Movement) обусловлена теми же ключевыми принципами. Автохтонное население, придерживающееся традиционных верований (с чертами анимизма, тотемизма) и причисляющее себя к различным деноминациям мировых религий, стремится найти свою правду и свою справедливость в рамках обычного права, действующего на племенных территориях. Сопротивление вызывают попытки государства нарушить устоявшийся порядок. Примером в данном контексте может служить неприятие планов центрального правительства ввести унифицированный гражданский кодекс. Ситуация с осуществлением Схемы борьбы с голодом из-за цветения бамбука (Bamboo Flowering and Famine Combat Scheme) продемонстрировала неэффективность управленческого аппарата, слабость так называемых «элит»: отсутствие заранее составленной системы распределения и контроля, бессистемное, ситуативное выделение средств и неприкрытое их разбазаривание. Идеи консолидации зо вызывают интерес молодежи и студентов к истории автохтонных племен, в частности, к письменности Пау Син Хау как части их наследия. Драматические события в Манипуре послужили триггером обострения территориальных противоречий. Поток мигрантов из соседних стран создает дополнительную нагрузку на экономику Мизорама. Специфика физиографии явилась одним из определяющих факторов социально-политического развития Мизорама. Южная часть его территории покрыта густым лесом, состав почвы позволяет производить лишь небольшое количество продовольствия, местные домохозяйства зависят от поставок из северной части штата. Поток беженцев вызывает критическую ситуацию со снабжением местного населения. С юга в штат нелегально попадают наркотики и оружие. Стоимость контрабандных товаров и наркотиков, конфискованных Ассамскими стрелками в 2023 г., составляет 6,03 млрд рупий [Dinakar Peri, 2023]. Особенности ментальности и исторической психологии населения в определенной степени обусловлены влиянием христианства. Высокий уровень грамотности населения региона — заслуга христианских миссий. В Мизорама показатель грамотности 90,72% для мужчин и 89,27% для женщин [Census of India 2011]. Представители различных деноминаций христианства были посредниками в переговорах с сепаратистами и способствовали достижению мирного урегулирования конфликтов. За время существования

²⁰ Mizoram: Home min reiterates claim to 62 villages within Assam's border. EastMojo, 17.07.2023. URL: <https://www.eastmojo.com/mizoram/2023/07/17/mizoram-home-min-reiterates-claim-to-62-villages-within-assams-border/> (дата обращения: 21.08.2023).

²¹ Ibid.

²² Ibid.

штата Мизорам правительство в основном формировали две партии: НФМ и ИНК. В последнее время все большее влияние приобретают партии и движения, ратующие за объединение зо. Зорам стал ключевым словом в предвыборной борьбе 2023 г.

Литература / References

Бычкова А. А. Манипур на пути от княжества к штату. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 2. С. 117–129 [Bychkova A. A. Manipur Passage from a Princely State to a State of India: Political Demography. *Journal of the Institute of Oriental Studies*. 2022. No. 2. Pp. 117–129].

Aplin, J. Lalsiamliana, Chronicle and impacts of the 2005–09 *mantam* in Mizoram. *Rodent Outbreaks: Ecology and Impacts*. International Rice Research Institute, 2010.

Vumson Suantak, *Zo History*. Aizawl, Mizoram, 1986.

Электронные ресурсы/ Electronic resources

Bamboo action plan <https://www.yumpu.com/en/document/read/17965812/comprehensive-action-plan-on-baffacos-mizoram> (дата обращения: 18.07.2023).

Bawitlung Mala, Mizoram CM Zoramthanga calls for integration of Zo tribes. *India Today*, 28.06.2023. URL: https://www.indiatodayne.in/mizoram/story/mizoram-cm-zoramthanga-calls-for-integration-of-zo-tribes-605794-2023-06-28?utm_source=topic&utm_medium=topic&utm_campaign=topic (дата обращения: 12.07.2023).

Census of India 2011 г. URL: <https://www.census2011.co.in/census/> (дата обращения: 15.08.2023).

Constitution of India./committees/sub-committee-on-the-North-East-Frontier-Assam-tribal-and-excluded-areas. URL: <https://www.constitutionofindia.net/committees/sub-committee-on-the-north-east-frontier-assam-tribal-and-excluded-areas/> (дата обращения: 18.07.2023).

Dinakar Peri, Refugee influx into Mizoram from all around and new concerns. *The Hindu*, 04.06.2023.

URL: <https://www.thehindu.com/news/national/refugee-influx-into-mizoram-from-all-around-and-new-concerns/article66930789.ece> (дата обращения: 01.09.2023).

Doungel J., Genesis and Functioning of the Zo Reunification Organization (ZORO). *Research Gate*, 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/331950887_GENESIS_AND_FUNCTIONING_OF_THE_ZO_RE-UNIFICATION_ORGANISATION_ZORO (дата обращения: 25.08.2023).

Goswami, Exodus of Meiteis from Mizoram continues, over 1,000 reach Assam. *The Times of India*, 25.07.2023 (дата обращения: 12.08.2023).

India Votes. URL: <https://www.indiavotes.com/vidhan-sabha/1993/mizoram/110/45> (дата обращения: 09.08.2023).

Jayanta Kalita Northeast Diary: What can Manipur learn from Mizoram on refugee issue. *The Times of India*, 08.07.2023. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/northeast-diary-what-can-manipur-learn-from-mizoram-on-refugee-issue/articleshow/101592389.cms> (дата обращения: 12.07.2023).

Lorrain J. Herbert, *Dictionary of the Lushai Language*. URL: https://dsal.uchicago.edu/cgi-bin/app/lor-rain_query.py?qs=Mi-zo&searchhws=yes&matchtype=exact (дата обращения: 25.03.2023).

MEMORANDUM SUBMITTED TO HIS MAJESTY'S GOVERNMENT, GOVERNMENT OF INDIA AND ITS CONSTITUENT ASSEMBLY THROUGH THE ADVISORY SUB-COMMITTEE BY THE MIZO UNION. <http://www.zogam.org/memoranda-mizo-union-1947> (дата обращения: 18.07.2023).

Mizoram Legislative Assembly. URL: <https://www.mizoramassembly.in/page/history> (дата обращения: 09.08.2023).

Mizoram: Home minister reiterates claim to 62 villages within Assam's border. *East Molo*, 17.07.2023. URL: <https://www.eastmojo.com/mizoram/2023/07/17/mizoram-home-min-reiterates-claim-to-62-villages-within-assams-border/> (дата обращения: 21.08.2023).

Mizoram Church Leaders Committee demands non-implementation of Uniform Civil Code, calls it an instrument of oppression. *India Today NE*, 04.07.2023. URL: <https://www.indiatodayne.in/mizoram/story/mizoram-church-leaders-committee-demands-non-implementation-of-uniform-civil-code-calls-it-an-instrument-of-oppression-608770-2023-07-04> (дата обращения: 12.07.2023).

Mizoram: Zo-Kuki group burns poster of CM Biren Singh in Aizawl, demands separation. *India Today NE*, 12.07.2023, URL: <https://www.indiatodayne.in/mizoram/story/mizoram-zo-kuki-group-burns-poster-of-cm-biren-singh-in-aizawl-demands-separation-613350-2023-07-12> (дата обращения: 08.08.2023).

Northeast Diary: Why ethnic minority people are fleeing Bangladesh's hilly region. *The Times of India*, 26.11.022. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/northeast-diary-why-ethnic-minority-people-are-fleeing-bangladeshs-hilly-region/articleshow/95777311.cms> (дата обращения: 18.01.2023).

Presbyterian Church of India, Mizoram synod. URL: <https://www.mizoramsynod.org/page/1575> (дата обращения: 25.03.2023).

Rinchen Norbu Wangchuk, Mizo Peace Accord: The Intriguing Story behind India's Most Enduring Peace Initiative. *The Better India*. URL: <https://www.thebetterindia.com/148387/mizo-peace-accord-laldenga-rajiiv-gandhi/> (дата обращения: 18.07.2023).

Ruata Langchuang, The Lost Mizo Script and its Revival. *The Mizos*, 14 January 2022. URL: <https://www.themizos.com/2022/01/the-lost-mizo-script-and-its-revival.html> (дата обращения: 18.07.2023).

Sangita Barooah Pisharoty Mizoram Polls: A Surprise Victory in a Municipal Council Vote Changes the Narrative. *The Wire*. <https://thewire.in/politics/mizoram-assembly-elections-mnf-zpm> (дата обращения: 09.08.2023).

H. C. Vanlalruata. Mizoram church gives Rs 94 lakh for those displaced by clashes. *The Times of India*, 02.08.2023. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/city/guwahati/mizoram-church-gives-rs-94-lakh-for-those-displaced-by-clashes/articleshow/102339977.cms> (дата обращения: 18.07.2023).

David Zaitinwara and Easwaran Kanagaraj Hunger and Public Action: Government's Response to Bamboo Flowering in Mizoram, *DEVELOPMENT OF NORTH EAST INDIA MULTIDIMENSIONAL PERSPECTIVE VOLUME-2 p. 444–470. Mangalam Publishers and Distributors, Delhi, 2008*. https://www.academia.edu/19646172/Hunger_and_Public_Action_Government_Response_to_Bamboo_Flowering_in_Mizoram (дата обращения: 15.08.2023).

Zoramthanga Pitches for “Greater Mizoram”. *The Times of India*, 25.07.2023. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/zoramthanga-pitches-for-greater-mizoram/articleshow/102089264.cms> (дата обращения: 18.08.2023).

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-351-357

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕТСКО-ИНДИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (1953–1964 гг.)

© 2023

А. Е. Штода¹

Двусторонние отношения СССР и Индии имеют многолетнюю историю. Страны связывает не только политический, но и экономический интерес. Контакты между государствами начались еще до обретения Индией независимости, однако активно они стали сотрудничать после 1947 г. Динамичное развитие экономических связей наблюдалось с 1953 г. Во многом это было обусловлено подписанием первого торгового соглашения и открытием Торгового представительства СССР в Индии.

В период с 1953 по 1964 г. была заложена основа советско-индийских экономических отношений. В эти годы были подписаны наиболее значимые соглашения, началось строительство заводов и состоялось много важных визитов. В данном исследовании будут рассмотрены основные направления экономического сотрудничества двух стран в указанный период.

Наиболее значимой формой советско-индийских экономических отношений являлась торговля. 2 декабря 1953 г. Правительство СССР и Правительство Индии заключило первое торговое соглашение сроком на пять лет. Многие пункты в нем были подробно прописаны, что говорило о взаимной заинтересованности в развитии двусторонних отношений. Текст документа был детально проработан, о чем свидетельствовал тот факт, что при продлении соглашения в 1958 г. изменения были минимальными.

В 1954–1963 гг. сотрудничество между СССР и Индией развивалось преимущественно в сфере тяжелой промышленности. Именно в этой сфере были реализованы самые крупные двусторонние проекты. Например, в 1955 г. стороны подписали соглашение о проектировании и строительстве металлургического завода в Бхилаи. Советский Союз предоставил Индии кредит, а также направил специалистов в длительную командировку. Они не только выполняли строительные работы, но и обучали индийских коллег. Реализация таких проектов способствовала укреплению советско-индийских экономических отношений.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество, советско-индийское торговое соглашение, торговое представительство, внешнеэкономическая деятельность, тяжелая промышленность

Для цитирования: Штода А.Е. Основные направления советско-индийского экономического сотрудничества (1953–1964 гг.). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 4. С. 351–357. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-351-357

MAIN AREAS OF SOVIET-INDIAN ECONOMIC COOPERATION IN 1953–1964

Anna E. Shtoda

The USSR and India have a long relationship. These countries are interested both in political and in economic aspects of cooperation. Bilateral relations had begun to emerge long before India officially acquired

¹ Штода Анна Евгеньевна, аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет государственного управления, кафедры истории государственного и муниципального управления, Москва; antropovskaia@gmail.com

Anna E. Shtoda, postgraduate student of Lomonosov Moscow State University, School of Public Administration, Department of History of State and Municipal Administration, Moscow; antropovskaia@gmail.com

independence, however an active dialogue between the USSR and India started in 1947. It was due to the independence of India. Fruitful cooperation has been observed since 1953, when Soviet Union and India signed the first trade agreement. The USSR Trade Mission in India was opened at the same time.

The basis of Soviet-Indian economic relations was laid in the period from 1953 to 1964. It was connected with the signing of the most significant agreements, construction of factories and many important visits. This research is devoted to the main forms of Soviet-Indian economic cooperation.

Trade was the most meaningful part of bilateral economic relations. On the 2nd of December 1953 the Government of the USSR and the Government of India entered into the first trade agreement for a five-year term. The fact that it was thoroughly prepared highlighted mutual interest in the development of Soviet-Indian relations. This document was carefully drafted and prolonged in 1958 almost without any corrections.

In 1954–1963, cooperation between the USSR and India developed mainly in the field of heavy industry. The largest projects were implemented in this area. For example, in 1955 Soviet Union and India signed an agreement on the design and construction of a steel plant in Bhilai. The USSR provided India with a loan and sent specialists on a long business trip. They had to build the plant and train their Indian colleagues. The implementation of such projects contributed to the strengthening of Soviet-Indian economic relations.

Keywords: economic cooperation, Soviet-Indian trade agreement, trade mission, foreign economic activity, heavy industry

For citation: Shtoda A.E. Main Areas of Soviet-Indian Economic Cooperation in 1953–1964. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 351–357. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-351-357

Экономические отношения между Россией и Индией динамично развиваются. На данный момент был заключен ряд двусторонних соглашений и реализовано много крупных совместных экономических проектов. Основа советско-индийских экономических отношений была заложена в 1953–1964 гг.. Именно в этот период было заключено первое торговое соглашение, которое впоследствии стороны продлевали, внося лишь минимальные изменения, и были реализованы первые масштабные проекты в сфере тяжелой промышленности. В данном исследовании будут выявлены ключевые направления советско-индийского сотрудничества в период с 1953 г. по 1964 г. и проанализированы основные этапы развития двусторонних экономических отношений.

Для того, чтобы проследить, как развивалось сотрудничество СССР и Индии в сфере экономики в исследуемый период, необходимо рассмотреть реализацию конкретных соглашений и проектов. При написании работы были использованы труды Н. Родионова и В. Сенина, которые проанализировали советско-индийское сотрудничество в конкретных отраслях. Книга была опубликована в 1981 году, они ее подготовили к десятилетию со дня подписания Советско-индийского договора о мире, дружбе и сотрудничестве. На тот момент Н. Родионов был экономическим советником СССР в Индии, а В. Сенин — торговым. Особый интерес представляет исследование В. П. Морозова и М.С.Н. Менона, опубликованное в 1986 году. В. П. Морозов занимал должность пресс-секретаря в Посольстве СССР в Индии, а М.С.Н. Менон был журналистом. Важным источником информации является сборник документов, подготовленный А. С. Анучкиным-Тимофеевым, который долгое время был сотрудником Министерства иностранных дел СССР.

В рамках исследуемого периода можно выделить три основных этапа. Первый начался в 1953 г. и длился до 1957 г. В эти годы у СССР и Индии преобладал геополитический интерес. Советскому Союзу в период холодной войны нужны были надежные партнеры. Несмотря на то,

что Индия не присоединилась ни к одному из блоков, все же отношения с СССР у нее были ближе, чем с США. Индия тоже была заинтересована в сотрудничестве с СССР по ряду причин. Во-первых, руководство Республики Индии после обретения независимости стремилось выстроить отношения на взаимовыгодной основе. Западные страны предлагали Индии проекты, которые все равно ставили ее в зависимое положение, а советское руководство подчеркивало желание помочь молодому государству выстроить собственную сильную экономику. Во-вторых, в исследуемый период отношения Индии и Пакистана ухудшались. Лидеры США были скорее на стороне Пакистана, поэтому Индии было необходимо покровительство другой сверхдержавы. На этом этапе наиболее значимым оказался 1955 год, поскольку именно тогда состоялись очень важные для развития двусторонних отношений визиты. В июне 1955 г. Джавахарлал Неру посетил Советский Союз. Ему был оказан очень теплый прием. В ноябре того же года Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин нанесли ответный визит. Дж. Неру произвел на Никиту Сергеевича впечатление умного и осторожного политика [Хрущев, 2016, с. 300–320]. Премьер-министр Индии прибыл в Калькутту в то время, когда там находилась советская делегация [Visit, 1955]. Представителей СССР встречали толпы местных жителей и выкрикивали различные лозунги, касавшиеся дружбы советского и индийского народа.

Второй этап начался в 1957 г., а закончился в 1960 г. В эти годы геополитический и экономический интерес двух стран к сотрудничеству был приблизительно равен. На этом этапе СССР и Индия уже начали реализацию крупных совместных проектов. Результат был виден для обеих сторон. Тот факт, что сотрудничество изначально строилось на взаимовыгодной основе, способствовал дальнейшему укреплению советско-индийских отношений.

Третий этап длился с 1960 по 1964 г. В этот период преобладал экономический интерес к сотрудничеству, поскольку крупные экономические проекты уже были реализованы, результаты сотрудничества стали очевидны. Л. И. Брежнев впоследствии заявил: «Бхилайский завод стал флагом тяжелой промышленности Индии, олицетворяющим ее стремление к широкому развитию экономики и прогрессу, символом дружбы между народами Советского Союза и Республики Индии» [Правда, 1980, с. 1]. Несмотря на такие результаты, крупные экономические соглашения с 1960 до 1964 г. не заключались, поскольку у СССР и Индии начали возникать разногласия по поводу внешней политики друг друга. Самым трудным в советско-индийских отношениях стал 1962 год. Почти одновременно происходили два очень значимых для двух стран события. Речь идет о Карибском кризисе и индийско-китайской войне. Международная напряженность сказалась на отношениях СССР и Индии. К 1965 году многие разногласия удалось преодолеть, стороны вновь начали заключать двусторонние соглашения и реализовывать новые масштабные экономические проекты.

Важную роль в развитии советско-индийских отношений играла торговля. Почти сразу после установления дипломатических отношений представители СССР и Индии начали вести переговоры о возможности подписания экономических соглашений. В 1949 году между Всесоюзным объединением «Экспортхлеб» и Министерством продовольствия Индии было заключено соглашение о поставках из СССР в Индию пшеницы и кукурузы в обмен на джут и чай [Анучкин-Тимофеев, 1958, с. 10–17].

Наиболее значимым событием в исследуемый период стало подписание первого торгового соглашения, состоявшееся 2 декабря 1953 года [Копии, 1961, с. 41]. Во время переговоров о заключении соглашения М. А. Меньшиков, занимавший должность Чрезвычайного и Полномочного посла СССР в Индии, и Х.В.Р. Айенгар, секретарь Министерства торговли и промышленности Правительства Индии, пришли к выводу о необходимости открытия Торгового

представительства СССР в Индии. Решение было принято в день подписания торгового соглашения. В это же время были согласованы списки товаров, подлежащих импорту и экспорту. Стороны договорились каждый год обсуждать эти списки и при необходимости дополнять их. Изначально список товаров, которые Советский Союз должен был поставлять в Индию, состоял из 39 пунктов. В него входили зернопродукты, сырая нефть и нефтепродукты, оборудование, кинофильмы и даже книги. Список товаров, которые Индия планировала поставлять в СССР, состоял из 20 пунктов. Чай, кофе, табак и специи вошли в него, а также различные кустарные изделия [Копии, 1961, с. 36].

Советская и индийская сторона осознавали, что для увеличения товарооборота необходимо было решить вопросы, связанные с логистикой. В 1955 году между Главным управлением гражданского воздушного флота при Совете Министров СССР и Корпорацией индийских авиалиний было заключено соглашение о регулярных перевозках между Москвой и Нью-Дели [Анучкин-Тимофеев, 1958, с. 121–129]. Представители СССР и Индии обсудили и зафиксировали все условия перевозки пассажиров, багажа, грузов и почты. Стороны начали осуществлять и прямые, и стыковочные рейсы.

В 1956 году было подписано соглашение об установлении регулярной паромной линии между портами СССР и Республики Индии [Анучкин-Тимофеев, 1958, с. 132–140]. Правительства СССР и Индии заявили о стремлении увеличить товарооборот. Для этого было необходимо наладить не только авиасообщение, но и создать условия для обеспечения регулярного морского сообщения. Обе стороны выбрали порты для этой цели. Представители СССР решили использовать порты, располагавшиеся в Одессе и Новороссийске, а представители Индии — в Бомбее и Калькутте.

Увеличение товарооборота способствовало сближению советского и индийского народа. В СССР начали продавать индийские товары, это помогало советским жителям познакомиться с индийской культурой. Советские деятели искусства начали вдохновляться Индией, что отразилось на их творчестве. Например, скульптор О. С. Артамонова создала фарфоровые статуэтки «Индиец с барабаном» и «Восточный танец», а О. А. Жникруп — «Индианка с жерновом». Восточные сюжеты быстро обрели популярность, во многих советских домах стали появляться такие статуэтки [Сапанжа, 2018, с. 26].

В период с 1953 по 1958 г. товарооборот между СССР и Индией существенно вырос. В 1953 году он был 1,6 млн долларов, а в 1958-м уже стал 100 млн долларов [Rodionov, Senin, 1981, p. 75]. Экономическое сотрудничество динамично развивалось и в других направлениях. Наиболее активно представители СССР и Индии заключали соглашения в сфере тяжелой промышленности.

В 1950-е годы руководство Индии приоритетной задачей считало развитие собственной экономики. Соглашения, ставившие страну в зависимое положение, больше не устраивали лидеров Республики Индии. В исследуемый период в Индии реализовывались пятилетние планы. Изначально акцент был сделан на развитии сельского хозяйства. В эти годы в стране стремились развивать фабрично-заводское производство, однако от кустарного не спешили уходить [Budget provision, 1949]. Постепенно приоритетным направлением развития стала тяжелая промышленность.

В исследуемый период советское руководство тоже уделяло очень много внимания развитию тяжелой промышленности. К середине 1950-х годов страна достигла высоких показателей во многих отраслях. Советский Союз был готов делиться технологиями и оборудованием,

а Индия была заинтересована в этом. В 1953–1964 гг. именно в сфере тяжелой промышленности были реализованы самые крупные и значимые советско-индийские проекты.

Наиболее интенсивно СССР и Индия сотрудничали в сфере черной металлургии. В 1955 году представители двух стран подписали соглашение о строительстве металлургического завода в Бхилаи. Индия была богата сырьем, но нуждалась в оборудовании и технологиях. Для строительства завода СССР выделил кредит. Условия были гораздо более выгодными, чем те, которые предлагали западные страны. Советский Союз предоставил кредит с годовой ставкой 2,5%, а западногерманские фирмы не соглашались на процент ниже 12 [Menon, Morozov, 1986, p. 33].

Советская сторона взяла на себя обязательство подготовить проект строительства завода. Для этого советские специалисты отправились в длительную командировку в Индию. Выяснилось, что некоторые различия мешали совместной эффективной работе советских и индийских мастеров. Во-первых, возникали трудности во взаимопонимании. Общение строилось на смеси русского, английского и хинди. Вскоре советские переводчики подготовили специальный словарь, в который вошли термины, используемые в конкретной области, а также слова, которые часто использовались для бытового общения. Во-вторых, возникали трудности, связанные с разными взглядами на выполнение определенных работ. Например, индийские специалисты не чистили станки после завершения рабочего дня. Сначала их советские коллеги не понимали, почему такое происходило, пытались объяснить, что необходимо это делать, однако выяснилось, что индийские мастера считали это оскорбительным для себя. Кастровых различий уже не было, но пережитки прошлого все еще проявлялись. Для того, чтобы решить эту проблему, индийская сторона пригласила работников специально для того, чтобы они мыли оборудование. Стоит отметить, что и подход к работе у представителей СССР и Индии в целом отличался. Советские инженеры старались выполнять задания как можно скорее, даже если не все условия для труда были созданы. Индийские же специалисты ждали, когда все подготовят, они не спешили выполнить работу в срок. Эту проблему удалось решить путем переговоров. Советские сотрудники подавали личный пример, а также объясняли, почему нельзя было затягивать проведение конкретных работ.

В 1964 году Советский Союз заявил о своей готовности оказать помощь Индии в строительстве металлургического завода в Бокаро [Menon, Morozov, 1986, p. 43]. На тот момент страны уже имели опыт сотрудничества. Трудности, возникшие при строительстве завода в Бхилаи, уже были преодолены, а результаты впечатляли и советскую, и индийскую сторону. Стоит отметить, что и учебные программы, подготовленные представителями СССР, уже были адаптированы. В исследуемый период в Индии не было курсов повышения квалификации. Советским специалистам пришлось создать программу, рассчитанную на обучение без отрыва от производства. Сроки были сжатыми, поэтому программу пришлось сделать очень насыщенной. Главные инженеры не могли допустить специалистов, не имевших необходимой квалификации, до выполнения конкретных работ, поэтому приходилось составлять очень интенсивные учебные курсы. Впоследствии индийские инженеры посещали СССР для прохождения полного курса повышения квалификации.

Советско-индийское сотрудничество активно развивалось в сфере цветной металлургии, а также добычи и переработки нефти. Совместные проекты реализовывались в сфере электроэнергетики и машиностроения. СССР активно помогал индийской государственной компании Bharat Aluminium Co в процессе строительства крупного алюминиевого завода.

Представители СССР не только помогали строить и обучать индийских специалистов, но и проводили крупные исследования на территории Индии. В начале 1950-х годов нефтяная

промышленности совсем не была развита в Республике Индии, но руководство страны хотело развивать это направление, поэтому обратилось к Советскому Союзу с просьбой оказать помощь в разведке и добыче природных ископаемых. В 1955 году советские специалисты отправились в Индию для проведения необходимых работ. Геологам удалось обнаружить крупные месторождения в Гуджарате и Ассаме. Спустя некоторое время были найдены и месторождения газа. В 1959 году в Индии была создана Комиссия по нефти и природному газу, которая на протяжении долгого времени тесно взаимодействовала с Советским Союзом [Запивалов, Павлов, 2005, с. 18–23].

СССР оказывал помощь Индии и в строительстве электростанций. В 1959 году началось строительство крупной ТЭС в Нейвели, а в начале 1960-х годов стороны достигли договоренности о создании ТЭС в Обре и Корбе.

Советские специалисты помогали строить машиностроительные заводы в Индии, в частности, в Ранчи и Дурганпуре. О серьезности подхода советской стороны к реализации подобных проектов свидетельствовал тот факт, что предварительно в Индию была направлена делегация специалистов, которые должны были изучить возможности развития машиностроения в стране. Только после того, как были подготовлены подробные отчеты, Советский Союз высказал предложение о строительстве двух крупных заводов.

В период с 1953 по 1964 г. СССР и Индия смогли реализовать много крупных и значимых совместных проектов. На первом этапе преобладал геополитический интерес, но даже когда он угас в связи с напряженной международной обстановкой и непониманием внешней политики друг друга, экономическое сотрудничество продолжало развиваться. К началу 1960-х годов экономический интерес начал преобладать, что в первую очередь связано с успешной реализацией совместных проектов.

В исследуемый период существенно увеличился товарооборот. Благоприятно на развитие торговых отношений влиял тот факт, что в основе лежали детально проработанные соглашения. Торговое соглашение, подписанное в 1953 г., было продлено в 1958 г. практически без поправок. Аналогичная ситуация сложилась и со списками товаров, подлежащих импорту и экспорту.

Реализация совместных проектов в сфере тяжелой промышленности укрепляла советско-индийские экономические отношения. Во-первых, соглашения тоже были тщательно проработаны, что минимизировало недопонимания, возникавшие, например, в процессе строительства заводов. Во-вторых, руководители СССР и Индии имели схожие взгляды на развитие экономики, что облегчало проведение переговоров и согласование отдельных аспектов, связанных с двусторонним сотрудничеством.

В 1953–1964 гг. была заложена основа советско-индийского экономического сотрудничества. Во всех основных направлениях оно оказалось очень результативным. Впоследствии наличие прочных связей в сфере экономики благоприятно повлияло и на укрепление отношений СССР и Индии в целом.

Литература / References

Анучкин-Тимофеев А. С. Сборник документов «Советско-индийские отношения 1946–1958 гг.». Библиотека Посольства СССР в Индии, отдел Юго-Восточной Азии МИД СССР. Сентябрь 1958 г. [Anuchkin-Timofeev A. S. Collection of documents “Soviet-Indian Relations 1946–1958”. Library of the USSR Embassy in India, Southeast Asia Department of the USSR Ministry of Foreign Affairs. September, 1958 (in Russian)].

Запивалов Н. П., Павлов Ф. В. *Индия — путь к большой нефти 1955–2005*. Новосибирск: Гео, 2005 [Zapivalov N. P., Pavlov F. V. *India — the path to big oil 1955–2005*. Novosibirsk: Geo, 2005 (in Russian)].

Сапанжа О. С. Образы Индии в советской повседневной культуре 1950–1960-х годов. *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2018. № 4 (37). С. 22–27 [Sapanzha O. S. Images of India in Soviet everyday culture in 1950–1960s. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 2018. № 4 (37). Pp. 22–27].

Хрущев Н. С. *Время. Люди. Власть. (Воспоминания)*. Книга 2. М.: Вече, 2016 [Khrushchev N. S. *Time. People. Power. (Memoires)*. Book 2. Moscow: Veche, 2016 (in Russian)].

Menon M. S.N., Morozov V. P. Indo-Soviet Trade and Economic Ties. *Allied Publishers Private Limited*, 1986.

Rodionov N., Senin V. Soviet-Indian Economic and Trade Exchanges. *Soviet Land Booklets*, 1981.

Архивные материалы / Archive documents

Копии торговых соглашений СССР и Индии. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 13. Д. 6724 [Copies of trade agreements between the USSR and India. Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 413. I. 13. C.N. 6724 (in Russian)].

Budget provision for 1950–51 though New Item of Expenditure-J-Industries and Supplies-Fishers. National Archives of India, Repository-4, 6/59/49-AN, 1949.

Visit of Their Excellencies Mr. N. A. Bulganin Prime Minister of the U.S.S.R., Mr. N. S. Khrushchev, Member of the Presidium of the Supreme Soviet and Miss Bulganin to India. National Archives of India, Repository-2, 15–05–1955, 1955.

Периодические издания / Periodical publications

Правда [Pravda]. 1962.

NEW INTERNATIONAL ORDER: INDIA IN RUSSIA'S FOREIGN POLICY PRIORITY

© 2023

Ajay Patnaik¹

Russia, by challenging NATO expansion and carrying out a Special Operations in Ukraine, has shaken the foundations of post-Cold War World Order that was characterised by unilateralism, unipolarity and hegemonism. The desperate effort by the West to defeat Russia at any cost has at its core the urge to weaken any challenger to the West-led World Order. However, the world is witnessing the likelihood of more challengers emerging in the future. The churning of the current international politics and economy may bring about a more equitable and just World Order in the future.

India, on its part has taken care not to condemn Russia at any international forum. Despite pressure, India's trade with Russia, especially in the energy sector continues at an enhanced scale. India's growing trade and economic relations should not be seen as ways just to benefit from the cheaper resources of Russia or helping a long-standing friend during a difficult period. Beyond these limited and short-term benefits, there is a long term vision of a different world that can emerge in cooperation with Russia.

Keywords: Unilateralism, Sanctions, Multipolar Order, Neutrality, Multilateralism, BRICS, SCO, G-20, De-Dollarisation

For citation: Ajay Patnaik. New International Order: India in Russia's Foreign Policy Priority. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 358–368. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-358-368

НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК: ИНДИЯ В ПРИОРИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Аджай Патнаик

Россия, бросая вызов экспансии НАТО и проводя Специальную военную операцию на Украине, потрясла основания сложившегося после окончания холодной войны мирового порядка Russia, который характеризовался односторонностью, однополярностью и гегемонизмом. Отчаянные попытки Запада нанести поражение России любой ценой основаны на стремлении ослабить любого, кто угрожает прозападному миропорядку. Вместе с тем мир может стать свидетелем грядущих новых вызовов. Потрясения в современной мировой политике и экономике могут привести к более равноправному и справедливому миропорядку в будущем.

Со своей стороны, Индия постаралась не осуждать Россию ни на одной из международных площадок. Несмотря на давление, торговля Индии с Россией, особенно в энергетическом секторе, растет, и это не следует воспринимать просто как стремление воспользоваться дешевыми ресурсами или помочь

¹ Dr. Ajay Patnaik is a retired Professor of Centre for Russian and Central Asian Studies and former Dean of the School of International Studies, Jawaharlal Nehru University (JNU), New Delhi; patnaik.ajay@gmail.com

Доктор Аджай Патнаик, профессор (в отставке) Центра российских и центральноазиатских исследований, бывший декан Школы международных исследований университета им. Джавахарлала Неру (Дели, Индия); patnaik.ajay@gmail.com

старому другу в беде. За этими ограниченными и краткосрочными выгодами – долгосрочное видение нового мира, который может быть построен в сотрудничестве с Россией.

Ключевые слова: однообразие, санкции, многополярный миропорядок, нейтралитет, многосторонность, БРИКС, ШОС, G-20, дедолларизация

Для цитирования: Ajay Patnaik. New International Order: India in Russia's Foreign Policy Priority. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 358–368. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-358-368

INTRODUCTION

The 11th International Meeting of High Representatives for Security Issues hosted by Russia's Security Council took place in Moscow Region between 23rd and 25th May 2023, where delegations of more than hundred countries participated to discuss the most pressing security challenges faced by the world. Addressing the Meeting, President Putin emphasised the need for a multi-polar world: 'I am confident that together we'll achieve the formation of a more just, multipolar world, and that the ideology of exclusivity, as well as the neo-colonial system, which made it possible to exploit the resources of the whole world, will inevitably become a thing of the past' [Russia Today, 24 May 2023].

Multi-polar world is a strategic goal of Russia and countries like India who share the same vision play an important role towards achieving this objective. Russia adopted on 31 March 2023 a New Foreign Policy Concept, which highlights the vision for a more equitable multipolar world order. Specific mention has been made of China and India. Mentioning India, the Concept states, 'Russia will continue to build up a particularly privileged strategic partnership with the Republic of India with a view to enhance and expand cooperation in all areas on a mutually beneficial basis and place special emphasis on increasing the volume of bilateral trade, strengthening investment and technological ties, and ensuring their resistance to destructive actions of unfriendly states and their alliances' [Concept of the Russian Federation, 2023].

Focus on India is not new and both countries have established a 'privileged strategic partnership'. However, attempts to isolate Russia diplomatically, politically and economically since February 2022 have created fresh imperatives to take the process of Indo-Russian partnership forward. Extensive sanctions and attempts to punish Russia in every way have made emerging powers like India very valuable partners. India's position of neutrality in the face of extreme pressures on New Delhi not only helps to take the India-Russia bilateral relations forward but also facilitates the efforts to move away from the US dominated world order.

Sanctions against Russia have deepened cooperation in areas where relations looked weak in the recent past like in trade and economic spheres. Increase in energy and goods trade, use of local currencies in trade and strengthening of multilateral organisations like Shanghai Cooperation Organisation (SCO) and BRICS (Brazil, Russia, India, China and South Africa) are in harmony with the goals of Russia and India. For both, it is a major objective to reshape the post-Cold War order that has been so far dominated by the US and its allies through unilateral actions and imposition of the so called 'rule based order'. Western actions to isolate and cripple Russia are not in the interest of countries that wish to see a new global arrangement.

This paper discusses the potential changes that facilitate progress towards a non-hegemonic world and how Russia and India are responding to the current developments.

INDIA-RUSSIA TRADE AND ECONOMIC RELATIONS

India has kept up its Russian oil purchases despite calls from the West to stop the imports. New Delhi has stressed that energy security is a top priority and it will choose suppliers to get a better deal. In his November 2022 visit to Moscow, Indian External Affairs Minister Subrahmanyam Jaishankar stated, 'India will continue buying Russian oil as it is advantageous for the country' and asserted that he would 'like to keep that going' [The Indian Express, 8 November 2022]. Buying Russian oil is both economically and strategically advantageous for India. Russian oil comes at a discounted price, which benefits India as it depends on imports for 85 per cent of the total oil it consumes. According to Alexey Valkov, Director of the St. Petersburg International Economic Forum (SPIEF), 'The surge in bilateral trade came in the backdrop of India's huge purchase of discounted Russian oil'. Valkov said this while speaking to the *Economic Times* during a mega Indo-Russia business meeting organised by him in April 2023 in Delhi [Economic Times, 4 April 2023].

At the same time, India is emerging as a key supplier of medicines, cars and machine parts, textiles, clothing, and food products to Russia. Bilateral trade hit a record \$39.8 billion in 2022–23 [Roy Chaudhury, 4 April 2023]. According to the Russian ambassador to India, Denis Alipov, there is not only an unprecedented growth in bilateral trade, but India and Russia are also discussing ways to attract Indian employees to mitigate the problem of labour shortages. 'It is 'common knowledge' that certain sectors of the Russian economy are facing labour shortages', the ambassador told the India-Russia Business Forum. This is an area where India can meet to some extent Russia's labour requirements [Roy Chaudhury, 6 April 2023].

After the West imposed an oil price cap on Russia on 5 December 2022, Indian customers have paid for most of the Russian oil in non-dollar currencies, including in the United Arab Emirates Dirham and more recently the Russian Rouble. As Moscow seeks to De-Dollarise its economy and traders want to avoid sanctions, three Indian banks came forward to help in the transactions. For Indian refineries payments have been processed in part by the State Bank of India via its nostro roubles account in Russia. Other Indian banks — Bank of Baroda and Axis Bank — have handled most of the Dirham payments [Reuters, 8 March 2023].

Abu Dhabi-based Russian bank MTS had facilitated some non-Dollar payments by India for oil. Though MTS and most Russian banks have faced sanctions, Indian refineries and Russian suppliers are eager to keep trading in Russian oil — 'Russian suppliers will find some other banks for receiving payments', according to a source cited by Reuters. Alexandra Prokopenko, independent analyst and former adviser at the Bank of Russia, said, 'They're working on building a direct infrastructure between the Russian and Indian banking systems'. State Bank of India has a nostro (foreign currency account) in Russia. Similarly, many banks from Russia have opened accounts with Indian banks to facilitate trade [Reuters, 8 March 2023].

The volume of trade between the two countries grew largely on the back of a sharp increase in India's imports of Russian oil. In October 2022, Russia became the largest supplier of oil to India, overtaking Iraq and Saudi Arabia. Increasing import of Russian oil and payment in currencies other than Dollar suggests that India would not be dependent solely on Dollar for trade.

IMF Deputy Managing Director Gita Gopinath has commented that sanctions on Russia could erode the Dollar's dominance by encouraging smaller trading blocs using other currencies. 'The dollar would remain the major global currency even in that landscape but fragmentation at a smaller level is certainly quite possible,' she told the Financial Times [Reuters, 8 March 2023]. In fact, the Dollar share of official Forex reserves fell to a 20-year low of 58% in the fourth quarter of 2022, according to

International Monetary Fund data. The Dollar share in the foreign reserves of different central banks in the final quarter of 2022 hit a two-decade low [Reuters, 25 May 2023].

Stephen Jen, CEO of Eurizon SLJ Capital Limited, said that shift was more pronounced when adjusted for exchange rate. 'What happened in 2022 was a very sharp plummeting in the dollar share in real-terms,' Jen said. He also added that this was a reaction to the freezing of half of Russia's \$640 billion in gold and Foreign Exchange reserves following its 2022 action in Ukraine. This move by the US and its allies has initiated a re-think in countries such as Saudi Arabia, China, India and Turkey about diversifying to other currencies. India is purchasing Russian oil in UAE Dirham and Ruble. China switched to the Yuan to buy some \$88 billion worth of Russian oil, coal and metals since February 2022. Chinese national oil company CNOOC and France's Total Energies completed their first Yuan-settled LNG trade in March 2023 [Reuters, 25 May 2023].

With increasing trade, focus is shifting to transport corridors between India and Eurasia. Emphasis on multilateral infrastructure projects to boost trade has seen progress. Transport corridors like INSTC (International North-South Transportation Corridor) that will carry goods from Russia to India through Iran can benefit all the countries connected to this route.

The arrival of the first India-bound Russian cargo, sent by train using the International North-South Transport Corridor (INSTC), reached Iran on 13 July 2022 after travelling around 3,800 km, from where it moved by ship to India. This route, bypassing the existing longer and expensive routes, has suddenly acquired significance and is expected to boost trade between Russia and India. Others like Azerbaijan, Iran, Kazakhstan and Turkmenistan would benefit with this link.

Following Indian Foreign Minister Jaishankar's Moscow visit in November 2022, Russia and Iran agreed on the transit of 12 million tons of Russian goods via Tehran along the INSTC. With both Moscow and Delhi seeking to increase trade volumes through this multi-modal transport corridor, INSTC 'has been a game-changer in Indo-Russian economic partnership since the start of the Ukraine war', according to Dipanjan Roy Choudhury of the *Economic Times Bureau* [Roy Choudhury, 2022].

India's expanding trade also helps steady the Russian economy amid Western sanctions. India sees Russia as a 'steady and time-tested partner' and welcomes a multipolar global order in which Russia and other important countries would play major roles. This position is contrary to many Western countries that want to see a weakened Russia.

IMPACT ON THE INTERNATIONAL ORDER

The continuation of NATO and its expansion after Soviet collapse created conditions for unipolarity and unilateralism. This looked possible because the demise of the Soviet Union and the dismantling of the Warsaw Pact left the West in a dominant position to shape the post-Cold War World Order. States after states were pressured to follow a certain political and economic model. Force was used in the name of human rights and democracy to change governments that were either reluctant or refused to oblige. Terms like 'Rogue States' were used to isolate and impose sanctions against sovereign states. The 1990s and the decade after that witnessed efforts to create a unipolar World Order by the use of force. The United Nations was regularly bypassed in global affairs and wars were waged without its approval. The other method employed was that of orchestrating 'Colour Revolution' to overturn the elections results and install pro-Western leaders as was witnessed in Georgia, Ukraine and Kyrgyzstan.

However, things have changed in the last decade or so due to a variety of factors. The rise of China and India as economic powers at the global level and the re-emergence of Russia as a major economic and strategic player made them important players in global affairs. Russia has been active

not just in the post-Soviet space but also at the international level — Syria, for example. At the same time, the limits and negative consequences of unilateralism became visible. Most of the US troops left Iraq in 2011 and the country remained more instable than before. The same has been true of Libya.

The international order is both political and financial. The domination of the West in the 1990s was based on its geopolitical influence over various regions of the world as well as its control of international financial institutions. Thus, challenge to Western hegemony has to be at both economic and political levels. In this regard, the emerging powers have taken certain steps in the last decade and half that create hope for the future.

BRICS is an outcome of this process where non-Western countries seek to alter the world order. Illustrative of the alternative BRICS position to that of the West is on the issue of Ukraine. The 6th BRICS summit of 2014 took place in Brazil at a time when Ukraine crisis was unfolding. As a demonstration of their global dominance, the West and its allies removed Russia from G-8 after Crimean referendum and the peninsula's integration with Russia in March 2014. Even the G-8 meet to be held in Sochi in June of that year was cancelled. However, the BRICS grouping refused to participate in efforts to isolate Russia.

The Ukraine crisis also provided another opportunity for the BRICS members to question the way Western powers dominate the narrative and actions in the international arena. In March 2014, the BRICS members abstained while voting at the United Nations General Assembly on a resolution condemning Russia over its actions in Crimea. India did not endorse the Western narrative. It even went a step further when then National Security Advisor Shivshankar Menon stated, 'As far as we are concerned, we are watching what is happening in the Ukraine with some concern. We would hope that whatever internal issues there are within Ukraine are settled peacefully and that the broader issues of reconciling the various interests involved, and there are after all legitimate Russian and other interests involved, are discussed, negotiated, and that there is a satisfactory resolution to them' [Madan, 2014]. India then also did not support Western sanctions on Russia.

BRICS was formed with the major goal of creating a multi-polar world order in order to prevent the West from repeating Yugoslavia, Iraq, Afghanistan and Libya in other parts of the world. Since its first Summit in 2009, BRICS has reiterated its commitment to build a multi-polar world order. It has been highly critical of unilateral moves by Western powers to remove leaders of sovereign states by use of coercion or even military force. BRICS grouping opposes Western attempts to trample upon sovereignty of states on the pretext of humanitarian and non-proliferation principles.

Multipolar world order also depends upon changes in the global financial order, that requires not just pushing back against the Western domination of the global financial institutions but also limiting the influence of US Dollar as the global reserve currency. The sanctions following Russian operations in Ukraine have forced countries to look for alternative arrangements to continue trade with Russia and those steps could lessen the role of Dollar in the global economy.

Since the Special Operations in Ukraine began, followed by sanctions, Russia has reached out to many countries outside the Western alliance for diplomatic, economic and political support. Politically, Russia wants the focus to remain on building a multi-polar and non-hegemonic world order. There is more vigour today in multilateral organisations like BRICS and SCO. Diplomatic efforts of Russia are meant to prevent its global isolation and safeguarding the interests of friendly countries. It has been a success of Russian diplomacy that its SCO and BRICS partners did not vote against Russia at the United Nations, where many resolutions were brought to condemn Russia. Economic dimension includes finding alternatives to Western dominated global financial institutions and the domination of the Dollar.

In all these areas, diplomatic, economic and political, India is considered to be an important partner at a time when the West is doing everything at the global level to weaken Russia. India on its part has not been swayed by Western propaganda or pressure and has pursued its own national and strategic interests.

Despite Western push, India was among the 40 countries (5 against, 35 abstentions) that refused to vote against Russia in the UN General Assembly on 2 March 2022. These countries, including India, have more than half the population of the world. Again, during the vote on 7 April 2022 to suspend Russia from the UN Human Rights Council, 24 members voted against the Resolution and 58 members including India abstained. Though the Resolution was passed, the Western powers could not persuade as many as 82 countries to vote in their favour. The latest instance was on the first anniversary of the conflict on 24 February 2023, when India did not vote against Russia in the UN General Assembly. This was despite appeals from the West and Ukraine to take a clear stand and 'do the right thing'. India was among the countries that abstained. In fact, the action of India has been no different from other members of BRICS and SCO, who abstained on various resolutions over the last year or more [BBC News, 2023].

Role of India has been quite helpful to Russia in other platforms as well. This year, 2023–24, India is the President of the G-20 and a lot of pressure from the West has been building on New Delhi to take a stand against Russia. However, it can be said that India has very diplomatically managed to preserve its neutrality.

The G-20 Finance Ministers' Meeting in New Delhi concluded on 25 February 2023 without issuing any joint statement due to differences on Ukraine, when the West wanted to use this platform to condemn Russia. For the same reason no joint statement could be issued at the end of Foreign Ministers' meeting on 1 March 2023 in New Delhi. It appears that during India's tenure as President of G-20, Western powers would not find it easy to get their way like they did in Bali Summit in 2022, which ended with condemnation of Russia and demand for its unconditional withdrawal [The White House, 2022].

Even after the Modi-Biden Meet on 22 June 2023 in Washington following great hype and bonhomie, the Joint Statement was silent on Russia and nowhere blamed it for the conflict in Ukraine. The paragraph on Ukraine was general due to which both countries could agree to the formulation — 'President Biden and Prime Minister Modi expressed their deep concern over the conflict in Ukraine and mourned its terrible and tragic humanitarian consequences. The leaders underscored the serious and growing impacts of the war on the global economic system, including on food, fuel and energy security, and critical supply chains. They called for greater efforts to mitigate the consequences of the war, especially in the developing world. Both countries further pledged to render continuing humanitarian assistance to the people of Ukraine. They called for respect for international law, principles of the UN charter, and territorial integrity and sovereignty. Both countries concurred on the importance of post-conflict reconstruction of Ukraine' [Roy, 2023, p. 3–4].

This time it has been different so far under India's Presidency. India is a leading emerging power and is close to most members in the G-20. Secondly, India is also presently the Chairperson of the SCO, where Russia is a leading member. Thus, India has to balance its role in both the G-20 and SCO. Western powers, realising the limitations of G-7, seek to use the G-20 to promote Western leadership at the global level. On the other hand, SCO and BRICS seek to create a different international order and build their own narrative.

According to some reports, as many as 13 countries from Asia, Africa and Latin America have shown interest to join BRICS. Saudi Arabia and Iran are among the countries that have formally

applied to join. Other countries that have expressed interest in joining include Argentina, the United Arab Emirates, Algeria, Egypt, Bahrain and Indonesia, along with two nations from East Africa and one from West Africa [The Times of India, 2023].

GLOBAL ECONOMIC ORDER

Apart from the international political issues, the other factor that brought the BRICS countries together was the economic crisis of 2008, from which they came out quickly without too much difficulty compared to developed economies. Since then the BRICS countries have tried to insulate the world from global economic shocks by developing their own institutional mechanisms like the New Development Bank (NDB) and the Contingency Reserve Arrangement (CRA) in 2014. The economic and financial arrangements that the BRICS countries are developing will in the long run change not only the global economic architecture but also the international political order. The Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) is another institution that stands in contrast to West-led global financial institutions. As a multilateral development bank AIIB aims to improve economic and social outcomes in Asia by investing in sustainable infrastructure and other productive sectors.

The imposition of extensive and unilateral Western sanctions on Russia, disregarding the impact of such actions on the rest of the world, is pushing many countries to look for alternatives. With disruption of global supply chains, countries of Asia, Africa and Latin America are faced with severe food and energy shortages, inflation and rising costs of living that are becoming unbearable. On the other hand, the West's concerns about its own difficulties and various attempts to mitigate these have not gone down well with the countries of the global South. That is why most of them have refused to bow down to Western pressure on sanctions against Russia.

Following Western sanctions, Russia made a quick shift over to trade in Ruble and in other local currencies with friendly countries. Already countries like Russia and China have started currency swap and trade in national currencies, while moving away from the Swift messaging network of global payment system by having their own system — SPFS (Systema Peredachi Finansovoykh Soobscheniy) in Russia, RuPay in India, and CIPS in China. In July 2022, the Reserve Bank of India put in place a mechanism to facilitate international trade in Rupees (INR), with immediate effect. Arrangement for invoicing, payment, and settlement of exports/imports in INR were put in place. This would facilitate India's trade with countries under sanction like Iran and Russia by easing of payment issues with these states.

Russia offered oil at discounted prices to friendly countries and the trade in local currencies. This has boosted Indo-Russian trade to record levels. Russian oil exports to India, the world's third-largest crude importer after China and the US, climbed to a record 1.62 million barrels per day in February 2023. Russia's share of India's oil imports increased significantly from less than 1% of India's energy market in 2021 to 35% of India's total oil imports. By February 2023 Russia had replaced Iraq and Saudi Arabia from the top of the list. In May 2023, the volume of crude imports from

Russia had increased to 2.16 million barrels per day. India's oil trade with Russia has meant a shift to other currencies that could prove lasting. [Russia Today, 5 March 2023; Sharma, 2023, p. 1–2]

BRICS Group is likely discuss in its next Cape Town Summit in August 2023 on the a new currency that could be backed by gold. According to reports, the member countries are accumulating large amounts of gold since 2022 and are among the top buyers. Analysts report that many countries are showing interest in the BRICS currency for future trade [Dsouza, 20 May 2023; Dsouza, 23 May 2023].

RUSSIA-INDIA: LOOKING AHEAD

From Russia's perspective, India is a very valuable partner that can play a bigger role in the global stage. Russia supports India's case on issues like UNSC reform and on Kashmir issue. There are qualitative changes in the nature of defence relations between the two countries. From being a market of Soviet arms, today both are jointly producing military hardware and intend to sell it to third countries. BrahMos Missile System and the licensed production in India of SU-30 Aircraft and T-90 tanks are examples of such new trajectory of cooperation. Russia agreed to supply latest weapons like S-400 air defence systems and construct frigates. Both sides also agreed to form a joint venture to manufacture Ka-226T helicopters in India.

Programmes such as the joint development or outright purchase of the Fifth Generation Fighter Aircraft and Multi-role Transport Aircraft, as also the up-gradation of Su-30 MKI aircraft, are the ones that would take the defence relations to a new level.

It is clear that Russia wants India to be a major power in Asia for which defence, economic and trade co-operations between them are necessary. Russia was instrumental in the formation of BRICS. One can trace the origin of the idea of a multilateral organisation like BRICS to the vision of one of the most prominent statesmen of Russia — late Evgeny Primakov, who in 1996 floated the idea of Russia-India-China 'strategic triangle'. Primakov's vision was to achieve a multipolar world order by building what he called a 'Strategic Triangle' between the above three powers. But, it was not until Putin's presidency that Russia seriously considered multi-polar world order as a strategic policy objective.

The process later moved forward with the formation of RIC (Russia, India and China) forum and IBSA (India, Brazil and South Africa) Dialogue forum. The immediate background was provided by some of the unilateral actions by the US and its allies against states that have been traditional friends of Russia, India and China. The military actions against Yugoslavia and Iraq were taken outside the framework of the United Nations. The invasion of Afghanistan was used as a pretext to open US bases in Central Asia, close to Russian and Chinese borders.

RIC and IBSA were two important mechanisms for the evolution of BRICS, which came into existence before the 2006 formation of BRICS and its first Summit in the Russian city of Yekaterinburg in 2009. India being in both RIC and IBSA was the main common link that helped in the process of formation and expansion of BRICS (by inclusion of South Africa). Similarly, trust on Russia reduced New Delhi's apprehension about China dominating the Organisation. The same was true of the SCO also. After years of hesitation, India applied for membership in 2014 and joined as a full member in 2017. Persuaded by Russia and Kazakhstan, New Delhi joined the SCO and is currently the Chairperson of the Organisation for 2023–24.

India is also interested for a free trade agreement with the Eurasian Economic Union. New Delhi initiated a study to work out a Comprehensive Economic Partnership Agreement (CEPA), an omnibus free trade agreement. India and Russia have decided to jointly study the possibility of India joining the grouping. Before the visit of President Putin to Delhi to attend the 15th annual India-Russia summit on 10–11 December 2014, a Russia-India working group was established in November 2014. This was to help the process move forward within the Eurasian Economic Commission, which is the permanent regulatory agency of the Customs Union and the Eurasian Economic Community [Srivastava, 2014]. The talks began in 2017 but were interrupted during the Covid-19 Pandemic. Hopefully, given the sharp rise in the level of trade and economic relations, this process would be expedited, as signalled by the leaders of both countries recently. Visiting Russian deputy Prime Minister Denis Manturov, who is also the trade minister of Russia, said that the two sides are also working on

an agreement to protect investments. Speaking at the India-Russia Business Dialogue hosted by the Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry (FICCI) in New Delhi on 17 April 2023, he said, 'We pay special attention to the issues of mutual access of production to the markets of our countries. Together with the Eurasian Economic Commission we are looking forward to intensifying negotiations on a free trade agreement with India'. At the same forum, India's External Affairs Minister S. Jaishankar said, 'discussions for an FTA between India and EAEU were interrupted by the Covid-19 pandemic', and the external affairs ministry will encourage resumption of the talks because the proposed pact 'will make a real difference to our trade relationship' [Laskar, 2023].

Russia and India are both interested in supporting each other not just at the bilateral level but also at the multilateral level. India has good relations with Russia as well as with the US and its allies. It is in a vantage position to be a common link if and when needed by both sides. Similarly, Russia is a common friend of both India and China. Moscow can be of use to both in case there is a total break down in their relations, and they need informal channels for communication for some reason.

India and China have many contentious issues like on the issue of Sino-Pak nexus, China's negative position on India's permanent membership in certain multilateral organisations like the UNSC and NSG, and China's Projects under the Belt and Road Initiative (BRI) in disputed areas of Pakistan occupied Kashmir, etc. Added to these are clashes among troop on both sides, first in Ladakh in June 2020 with loss of life on both sides and again on Arunachal Pradesh border in December 2022. The border remains tense with mobilisation of troops from both sides.

Though not in favour of third party mediation, New Delhi might expect that Moscow play the role of a catalyst. India, Russia and China meet at various forums like BRICS and SCO. This gives Moscow an opportunity to break the ice, when the relationship between New Delhi and Beijing are very tense, like it happened in 2020 and 2022. That brings a new dimension to the India-Russia relations. India understands Russia's position on strengthening relations with China, as much as Russia tries to allay India's concerns about its relations with others that are not at the cost of India. The trust and friendship between India and Russia are so deeply entrenched that both can discuss and resolve any issue that is of concern to the other side.

CONCLUSION

By challenging the military and economic might of the West, Russia has shaken the foundations of post-Cold War World Order that was characterised by unilateralism, unipolarity and hegemonism. The desperate effort by the West to defeat Russia in Ukraine at any cost has at its core the urge to weaken any challenger to the West-led World Order. The churning of the current international politics may bring about a more equitable and just world order in the future. From this perspective, Russia's standing up to the West could be a turning point in world politics. Sadly, the people of Ukraine are paying a heavy price for the West's incessant pursuit of its ambition to contain Russia and ultimately maintain a unipolar World Order under its hegemony.

Russia has put up a strong challenge to this and many countries are likely to take a cue to stand up to the West's aggressive behaviour. This is already happening at the diplomatic and economic levels, which could ultimately lead to a multipolar World Order in the real sense.

India, on its part has taken care not to condemn Russia at any international forum. Despite Western displeasure and pressure, India's trade with Russia, especially in the energy sector continues on an enhanced scale. During India's chairpersonship of SCO, two more countries, Iran and Belarus, are likely to join as full members. Similarly, many countries are showing interest to join the BRICS group.

All these developments are coming in the background of the West's proxy war in Ukraine. This should be good sign for the future of the international order.

India's growing trade and economic relations should not be seen as ways just to benefit from the cheaper resources of Russia or helping a long-standing friend during a difficult period. Beyond these limited and short-term benefits, there is a long term vision of a different world that can emerge in cooperation with Russia. From the perspective of India, the present international order should not be replaced by another bipolar world where US and China become dominant. To avoid this situation, Russia needs to remain a strong power in global politics, along with other emerging powers. Thus, it is in India's interest that Russia is not diplomatically isolated, economically weakened and remains one of the strong pillars of organisations like the BRICS and SCO. Since the start of Russia's Special Operations, India's actions and policies have been driven by this imperative, while wanting that the conflict ends with mutually agreed peace.

Unlike the 2022 "G20 Bali Leaders' Declaration", the final document of the 2023 BRICS Summit refrained from deploring Russia's actions in Ukraine. The 'Bali Declaration' had demanded "complete and unconditional withdrawal" of Russia's armed forces from the territory of Ukraine. The 'Delhi Declaration', however, made no such demand on behalf of the G20.

At the same time, A new stage for BRICS was reached with the inclusion of six new members who will join on 1 January 2024 (Iran, UAE, Saudi Arabia, Egypt, Ethiopia and Argentina). The attendance of some 35 African nations at the Johannesburg summit, is a testimony to the attraction that BRICS holds for the Global South. Though at the moment six have been accepted, it is safe to assume that more members will join the grouping in future.

However, the bigger story is that despite political and ideological differences, many nations from the Global South are queuing up to join the Organisation which is just 15 years old.

It appears that Russia and India's outreach to Global South is gaining traction, which is a positive indicator for moving towards a democratic and non-hegemonic World Order.

References

Online sources

BBC World News, 'Ukraine war: India abstains from UN vote on Russian invasion', 24 February 2023. <https://www.bbc.com/news/world-asia-india-64753820> (retrieved on 19 May 2023).

Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation, The permanent Mission of the Russian Federation to the European Union, 31–03–2023. <https://russiaeu.ru/en/news/concept-foreign-policy-russian-federation> (retrieved on 25 May 2023).

Dsouza, Vinod, '41 Countries Ready To Accept BRICS Currency', *Watcher.Guru*, 20 May 2023. <https://watcher.guru/news/41-countries-ready-to-accept-brics-currency> (retrieved on 25 May 2023).

Dsouza, Vinod, '13 Countries Submit Applications To Join BRICS Alliance', *Watcher.Guru*, 23 May 2023. <https://watcher.guru/news/13-countries-submit-applications-to-join-brics-alliance> (retrieved on 25 May 2023).

Laskar, Rezaul H, 'India, Russia begin talks on Eurasia free trade deal', *The Hindustan Times*, 18 April 2023. <https://www.hindustantimes.com/india-news/india-and-russia-discuss-fta-involving-eurasian-economic-union-to-address-trade-imbalance-created-by-45bn-two-way-trade-101681757779557.html> (retrieved on 28 May 2023).

Madan, Tanvi, 'India's Reaction to the Situation in Ukraine: Looking Beyond a Phrase', *Brookings*, March 14, 2014. <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2014/03/14/indias-reaction-to-the-situation-in-ukraine-looking-beyond-a-phrase/> (retrieved on 25 May 2023).

Reuters, 'The end of King Dollar? The forces at play in de-dollarisation, cited in *The Tribune*, 25 May 2023. <https://www.tribuneindia.com/news/business/the-end-of-king-dollar-the-forces-at-play-in-de-dollarization-511159> (retrieved on 27 May 2023).

Reuters, 'India's oil deals with Russia dent decades-old dollar dominance', cited in *Business Recorder*, 8 March 2023. <https://www.brecorder.com/news/40230204> (retrieved on 27 May 2023).

Roy Chaudhury, Dipanjan, 'India-Russia trade hit a record \$39.8 billion in 2022–23: SPIEF Director', *The Economic Times*, 4 April 2023.

<https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/india-russia-trade-hit-a-record-39-8-billion-in-202223-spief-director/articleshow/99197642.cms?from=mdr> (retrieved on 27 May 2023).

Roy Chaudhury, Dipanjan, 'India, Russia in talks to attract Indian employees, says Envoy', *The Economic Times*, 6 April 2023. <https://economictimes.indiatimes.com/news/india/india-russia-in-talks-to-attract-indian-employees-says-envoy/articleshow/99277480.cms?from=mdr> (retrieved on 27 May 2023).

Roy Choudhury, Dipanjan, 'Moscow, Tehran to raise volume of Russian goods to India via INSTC', *The Economic Times*, 28 November 2022.

Roy, Shubhajit, 'Silent on Russia, joint statement hails ties spanning 'seas to stars'', *The Indian Express*, 24 June 2023.

Russia Today, 'Indian imports of Russian oil hit record high — media, 5 March 2023'. <https://swentr.site/business/572490-india-imports-russian-oil-record/> (retrieved on 27 May 2023).

Russia Today, 'Fair multipolar world will be achieved — Putin', 24 May 2023. <https://swentr.site/russia/576815-putin-multipolar-security-west/> (retrieved on 20 June 2023)

Sharma, Sukalp, 'IOC edges out pvt refineries in Russian oil buys in May, Moscow shares at high', *The Indian Express*, Mumbai edition, 7 June 2023.

Srivastava, Shruti, 'FTA with Customs Union on the table during Putin visit', *The Indian Express*, 9 December 2014.

The Indian Express, 'On buying oil from Russia, Jaishankar says 'it works to India's advantage'', 8 November 2022. <https://indianexpress.com/article/india/jaishankar-sergey-lavrov-india-russia-moscow-ukraine-war-8256488/> (retrieved on 27 May 2023).

The Times of India, '19 countries express interest in joining BRICS group', 25 April 2023. <https://timesofindia.indiatimes.com/world/rest-of-world/19-countries-express-interest-in-joining-brics-group/article-show/99756285.cms?from=mdr> (retrieved on 27 May 2023).

The White House, G20 Bali Leaders' Declaration, Bali, Indonesia, 16 November 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/16/g20-bali-leaders-declaration/#:~:text=Most%20members%20strongly%20condemned%20the,and%20elevating%20financial%20stability%20risks> (retrieved on 27 May 2023).

ИНДИЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ НА УКРАИНЕ: НЕСЛУЧАЙНАЯ ПОЗИЦИЯ

© 2023

С. В. Величкин¹

Занятая Индией позиция соответствует видению ныне правящей индийской элитой коренных интересов и стратегических целей страны. Солидарность с Западом ничего существенного не добавила бы к максимуму возможного, который она сейчас извлекает из налаженных двухсторонних партнерств и коалиций по интересам. Нью-Дели видит двойные стандарты Запада, помнит их применение к себе и не исключает использования вновь. Ухудшение отношений с Россией, самоценных для Индии, нанеся ей материальный ущерб, осложнило бы позиции страны в регионе, в том числе и отношения с Китаем. В последних уже возрастают риски из-за линии Вашингтона. Эта линия мешает и реализации планов Индии утвердиться в качестве лидера Глобального Юга. Вопреки нарастаемому США как давлению, так и материальному стимулированию общественное настроение в Индии не склоняется в их пользу в украинском конфликте. Помимо крушения веры западным СМИ это объясняется национализмом во многом традиционно самоидентифицирующейся индийской элиты, сложившейся в ходе реформ последних десятилетий. Она верит в величие, особость и самостоятельность своей страны, которые уведут Индию от Запада в сторону осмысленного участия в процессе складывания многополярности.

Ключевые слова: Индия, США, Россия, Нарендра Моди, украинский конфликт, Китай, Группа двадцати, Запад, многополярность

Для цитирования: Величкин С. В. Индия и специальная военная операция на Украине: неслучайная позиция. *Вестник И Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 369–379. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-369-379

INDIA AND THE SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE: A NON-ACCIDENTAL POSITION

Sergey V. Velichkin

The position taken by India corresponds to the vision of the current ruling Indian elite of the country's fundamental interests and strategic goals. Solidarity with the West would not add anything significant to the maximum possible that it is currently extracting from established bilateral partnerships and coalitions of interests. New Delhi sees through the double standards of the West, remembers them being applied to itself and does not exclude the same happening again. The deterioration of relations with Russia, valuable in themselves for India, inflicting upon itself quite a damage, would also complicate the country's position in the region, including in relations with China. In those relations, risks are already increasing due to Washington's line. This line also hinders the implementation of India's plans to establish itself as the leader of the Global South. Despite the

¹ Величкин Сергей Васильевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России, Москва; velichkins@mail.ru

Sergey V. Velichkin, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, PhD (History), Assistant Professor, International Affairs Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow; velichkins@mail.ru

pressure and incentives of numerous kinds being built up by the United States, the public mood in India is not inclined in their favor in the Ukrainian conflict. In addition to the collapse of faith in the Western media, this is largely due to the nationalism of the Indian elite, which has developed during the reforms of recent decades and in many ways identifies itself in terms of traditional institutions. They believe in the greatness, uniqueness and independence of their country, which lead India away from the West towards meaningful participation in the process of emerging multipolarity.

Keywords: India, USA, Russia, Narendra Modi, the Ukrainian conflict, China, the Group of Twenty, the West, multipolarity

For citation: Velichkin S. V. India and the Special Military Operation in Ukraine: a Non-Accidental Position. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 369–379. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-369-379

В связи с событиями на Украине постоянно будоражится тема индийской позиции: удержится ли Нью-Дели на нейтральной платформе. Ее суть — публично Россию не критикуем, к санкциям не присоединяемся, по резолюциям воздерживаемся, но войну считаем «несвоевременной», ее прекращение — приоритетом и обращаемся к обеим сторонам «конфликта» с призывом о прекращении военных действий и дипломатическом урегулировании [Tirumurti, 2023]. При этом в полной мере сохраняя присущие сложившимся отношениям особого привилегированного партнерства с Россией уровень, доверительность и повестку контактов и политического взаимодействия, масштаб и наполнение разнопланового сотрудничества².

Представляется, что занятая Индией данная позиция вполне соответствует философии ныне правящей индийской элиты и личному подходу к ведению дел ее премьер-министра Нарендры Моды, обеспечивает в их видении коренные интересы и достижение стратегических целей страны.

Во-первых, Индия не считает себя частью Запада и не видит резона солидаризироваться с ним. Это как раз не соответствовало бы ее интересам становления в качестве великой державы — суверенного отдельно стоящего центра мировой политики. Да в ее глазах — и не вытекает из логики ни «партнерств», которые на двусторонней основе налажены с США, Великобританией, Японией и ведущими западноевропейскими странами, ни участия в «коалициях по интересам» типа Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD). Из указанных отношений она извлекает на данном этапе максимум возможного, и присоединение к антироссийской коалиции ничего существенного не добавило бы.

Представляется, правы аналитики «The Economist», констатируя, что Индия «вряд ли когда-либо вступит в формальный союз с Америкой»³. Да и министр иностранных дел Индии Субраманиам Джайшанкар в теледебатах с одним из ведущих в США специалистов по Индии Эшли Теллисом из Фонда Карнеги прямо сказал, что в той же «четверке» QUAD двое — Австралия и Япония — союзники США, а «Индия только партнер и хотела бы сохранить отношения в этом статусе» [Naqvi, 2023].

² Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Республики Индия С. Джайшанкаром, Москва, 8 ноября 2022 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1837496/ (дата обращения: 26.06.2023). [Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey V. Lavrov's Address and Answers to Media Questions during a Joint Press Conference with External Affairs Minister of the Republic of India S. Jaishankar, Moscow, November 8, 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1837496/ (дата обращения: 26.06.2023) (in Russian)].

³ Joe Biden and Narendra Modi are Drawing their Countries Closer. *The Economist*. 13.06.2023. URL: <https://www.economist.com/leaders/2023/06/15/joe-biden-and-narendra-modi-are-drawing-their-countries-closer> (дата обращения: 26.06.2023).

Имеется уже немало свидетельств тому, что, внешне с немалым энтузиазмом поддерживая создание упомянутой четверки, Нью-Дели умело сводит ее практическую деятельность к осуществлению программ, обеспечивающих собственные коммерческие и инвестиционные интересы в Индо-Тихоокеанском регионе, скрупулезно избегая их военно-блокового наполнения. Это, кстати говоря, начали понимать и в Вашингтоне. Авторитетный там эксперт по южноазиатским делам Института мира Соединенных Штатов Дэниэл Марки, например, отмечает преимущественно ритуально-протокольный характер весьма трескуче риторически раскручиваемых поездок Моды по ИТР, включая посещение в июне 2023 г. Австралии и Папуа-Новой Гвинеи⁴.

Причем, к досаде западных аналитиков, подобных зарубежным турне, охотно практикуемых Моды в рамках партнерств с их странами, хватает ему для извлечения не только отмеченных внешних, но и вполне осязаемых внутриполитических выгод. В ходе них, как раздраженно подметил тот же Марки, премьер умело принимает комплименты местных «демократических лидеров», которые, «подтверждая уважение, которым он пользуется в мире, вдохновляют его сторонников в Индии, деморализуя критиков, чьи озабоченности таким образом не воспринимаются в прочих демократических странах всерьез»⁵.

Другими словами, менять сложившуюся практику индийцам и не с руки. Как считает упомянутый Теллис, склонный смотреть на вещи трезвее других: «Индия ценит сотрудничество с Вашингтоном за приносимые им ощутимые выгоды, но не считает, что в свою очередь обязана оказать материальную поддержку Соединенным Штатам в каком-либо кризисе» [Naqvi, 2023].

Во-вторых, Индия прекрасно видит «двойные стандарты» Запада в украинском вопросе, отлично помнит, как вся «мотивировочная часть» осуждения россиян применялась к ней самой (Гоа-1961, Бангладеш-1971) [Price, March, 2022]. Там в принципе не склонны, да, пожалуй, и остерегаются подстраиваться под кампании, основанные на «ценностях», «правилах» и подобной пафосной демагогии. Моды знает — хотя бы из того, как это было, например, продемонстрировано в августе 2019 г. после решения его администрации по Кашмиру, что если те, кто «устанавливают правила», сочтут необходимым, его подвергнет обструкции и объявит изгоем вся «мировая демократическая общественность». Тому есть масса свидетельств в характеристиках, которые даются самому премьеру и его политике «сочетания экономической модернизации с отказом от либерализма и религиозным шовинизмом» в различных аналитических разборах на Западе. Авторы последних предсказывают возможность, что «Моды и его преемники могут стать даже еще более репрессивными и сектантскими, а общественное мнение — развернуться против экономической открытости»⁶. Поэтому, цитируя тот же «The Economist», «Индия — стратегический партнер Америки, который не доверяет Западу»⁷.

В-третьих, отношения с Россией — крупнейшим государством мира, традиционным союзником, с которым нет противоречий ни по одному значимому вопросу, ценным партнером в строительстве вооруженных сил и на важных направлениях торговли (в той же сфере энергоснабжения) — для Нью-Дели самоценны. Джайшанкар подчеркнуто именует их «кардинальным принципом нашей внешней политики»⁸. Более того, очевидно, что выступление против России, которого

⁴ India's Narendra Modi United States White House Visit. *CNN news*. 20.06.2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/06/20/india/narendra-modi-united-states-white-house-visit-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 26.06.2023).

⁵ Ibid.

⁶ America is Courting India in Part for its Growing Economic Clout. *The Economist*. 13.06.2023. URL: <https://www.economist.com/asia/2023/06/13/america-is-courting-india-in-part-for-its-growing-economic-clout> (дата обращения: 26.06.2023).

⁷ Joe Biden and Narendra Modi are Drawing their Countries Closer. *The Economist*. 13.06.2023. URL: <https://www.economist.com/leaders/2023/06/15/joe-biden-and-narendra-modi-are-drawing-their-countries-closer> (дата обращения: 26.06.2023).

⁸ India's Foreign Minister on Ties with America, China and Russia. *The Economist*. 13.06.2023. URL: <https://www.economist.com/asia/2023/06/15/indias-foreign-minister-on-ties-with-america-china-and-russia> (дата обращения: 26.06.2023).

добивается от Индии Запад, неизбежно усилило бы мотивацию Москвы к сближению с Пекином. Возможно, только это и могло бы на практике в результате несложно прогнозируемой цепочки событий вызвать качественную эскалацию конфронтации КНР с Индией, в том числе во вполне конкретной форме на их границе. Отношения с Москвой индийцы видят и в этом контексте [О'Коннор, 2023] — и шире — значимым фактором по меньшей мере сохранения и так не слишком вдохновляющего их статус-кво применительно к Пакистану и Афганистану. И уж точно не стимулирует их послужной список в отношении обеих упомянутых стран Вашингтона.

К числу факторов, действующих в пользу дальнейшего укрепления отношений Индии с Россией, безусловно, относится значительное увеличение импорта по исключительно выгодным (с большими скидками из-за западных санкций) ценам российских нефти, удобрений и угля. В результате объемы ввоза российских товаров выросли за 2022/2023 финансовый год с 9,86 до беспрецедентных 41,55 млрд долларов США, и Россия стала крупнейшим поставщиком нефти в Индию, обойдя Ирак и Саудовскую Аравию [Лакстыгал, 2023]. Как неоднократно указывали Джайшанкар и другие индийские представители, это удовлетворяет жизненно важные потребности страны и входит в число ее насущных интересов, которыми в Нью-Дели не намерены поступаться⁹.

В российской публицистике и телеграм-каналах определенной направленности склонны смаковать сообщения о больших скидках на продаваемые Индии российские энергоносители, о якобы проявляемой индийцами готовности соблюдать американские санкции, а в самое последнее время — о проблеме накапливающихся у России рупий, на которые «нечего купить в Индии» (см., например, [Лакстыгал, 5.05.2023]). Все эти проблемы имеют место, но, как представляется, не способны в корне изменить изложенную индийскую позицию.

Во-первых, американские официальные лица, в том числе на министерском уровне, не раз подтверждали, что санкции по нефти, например, на Индию не распространяются [Ghosh, 2023]. Представляется, что в этом решении Вашингтона просматривается прежде всего достаточно здравое понимание трудности контролировать соблюдение индийцами подобного рода запретов — с учетом имеющегося опыта с санкциями в отношении Ирана. Нет сомнения, что индийские контрагенты будут в равной степени до конца использовать как возможности извлечения прибыли при любой торговле, так и все известные им «хитрые схемы» обхода любых запретов.

Впрочем, было бы наивно не видеть и стремления индийской стороны умело воспользоваться обхаживанием американцами, дабы выторговать себе наиболее выгодные условия торговли с россиянами. Прекрасно осведомлен о том, как расписываются усилия США в этом направлении некоторыми тяжеловесами российской печати, недавний посол Индии в России Бал Венкатеш Варма. И комментируя в интервью, что характерно, как раз московскому «Коммерсанту» «новое качество индийско-американского сотрудничества» после государственного визита Моди в Америку в июне 2023 года, резонно указывает, что «торговля, энергетика, оборона, сотрудничество в области высоких технологий на многосторонних форумах, таких как БРИКС, ШОС, G20 и в ООН, нуждаются в новом динамизме» [Варма, 2023].

Во-вторых, проблема импорта из Индии упирается, на наш взгляд, в немалой степени в недостаток инициативы со стороны российских закупщиков, не перестроившихся в санкционных условиях. На деле возможности быстро растущей и не обойденной технологическим прогрессом индийской экономики в условиях запущенных Моди программ типа 'Make in India' и системы поощрения экспорта вполне позволяют продуктивно поработать в интересах замещения западного

⁹ External Affairs Minister Slams Pak on Terror, China on Border Issue. *The Hindustan Times*. 02.01.2023. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/eam-slams-pak-on-terror-china-on-border-issue-101672769589178.html> (дата обращения 26.06.2023).

импорта (см., например, [Кулик, 2023]). Другое дело, что необходимые России теперь перемены требуют коренного пересмотра работы с самими отечественными, так сказать, импортозаместителями.

В данной статье не ставится цель освещения всего комплекса проблем российско-индийского сотрудничества. Например, одна лишь логистика торговых связей — серьезнейший их ограничитель, и ясно, что проблема запуска в полной мере коридора «Север–Юг» или вопрос налаживания морского маршрута Владивосток–Ченнаи легких и быстрых решений не имеют.

В-четвертых, и это совсем нелишнее подчеркнуть, никаких плюсов Индия от нынешней консолидации Запада под руководством Вашингтона не получила. Более того, расширение НАТО на Восток, как считают в Индии, «сближает Россию и Китай в стратегическом и военном отношении, что не может быть в интересах Индии», и «подвергает испытанию ее роль в качестве глобального игрока» [Шричандан, 2023].

В индийской аналитике достаточно однозначна оценка, что русофобское мессианство байденовской администрации, ее самоуверенность в успехе избранной активно-агрессивной линии на Украине сыграли важную роль в консолидации китайской элиты вокруг Си Цзиньпина в пользу более целенаправленной и ускоренной подготовки Китая к «решающей схватке». Похоже, что в Нью-Дели уже просматривают (пусть и не вслух) опасность не вовремя быть так или иначе втянутыми в «чужую войну» [Naqvi, 2023]. Как пишет (из всех мыслимых источников!) «Экономист», «она (Индия) хочет укрепить свою оборону против Китая на земле, а не воевать из-за Тайваня»¹⁰. А, например, видный индийский дипломат, посол в отставке Бхадракумар считает, что вообще «наивысшим приоритетом для Моды должно быть сведение к минимуму масштабов того воздействия, которое американо-китайский конфликт способен оказать на индийскую экономику» [Bhadrakumar, 2023].

Происходящее наглядно, на наш взгляд, иллюстрируют, с одной стороны, беспрецедентные американские провокации типа резолюции в Конгрессе США в поддержку «территориальной целостности» Индии в привязке к никому на капитолийском холме все эти годы (!) неведомому Аруначал-Прадешу¹¹, а с другой — возобновление в нескольких форматах и явно с подвижкой в индийской риторике двусторонних контактов с китайцами на рабочем военно-дипломатическом уровне по пограничным проблемам в обоих секторах [Gupta, 2023].

В-пятых, не стал бы недооценивать урок, полученный индийцами в контексте их председательства в «двадцатке». Они хотели выстроить данное председательство как этапный подход к выдвижению Индии на место неофициального, но общепризнанного лидера «Глобального Юга». И в этом качестве компетентно и взвешенно предъявить счет Западу, «погрязшему в неактуальных для большинства человечества локальных проблемах геополитических переделов» (типа украинской). А Запад довольно бесцеремонно сначала в Бали, а затем в Бангалоре и Дели отмахнулся от этой «блажи» и, используя свой контроль над информационным пространством, постарался озвучить на упомянутых площадках совсем другую музыку.

Можно не сомневаться, что Нью-Дели с удвоенной энергией продолжит продвижение к поставленной цели, используя авторитет в Шанхайской организации сотрудничества (где в 2023 г. завершается очередной срок председательства Индии) и свой весомый голос в объединении БРИКС. Помимо прочего, это вряд ли уменьшит его скептицизм в отношении соответствующих подходов Запада.

¹⁰ Joe Biden and Narendra Modi are Drawing their Countries Closer. *The Economist*. 13.06.2023. URL: <https://www.economist.com/leaders/2023/06/15/joe-biden-and-narendra-modi-are-drawing-their-countries-closer> (дата обращения: 26.06.2023).

¹¹ Arunachal Pradesh — Rare Bipartisan Resolution in US House Backs India against China: Details. *The Hindustan Times*. 17.02.2023. URL: <https://www.hindustantimes.com/videos/news/arunachal-pradesh-rare-bipartisan-resolution-in-u-s-house-backs-india-against-china-details-101676620326277.html> (дата обращения: 26.06.2023).

В свете перечисленных обстоятельств, как бы это ни коробило кого бы то ни было на Западе, провозглашаемый внешне нейтралитет к сторонам конфликта на Украине фактически вполне выверен с пониманием корней происходящего. Да, Индия с первых дней конфликта неизменно призывает к его урегулированию путем переговоров. Но России об этом говорится в ходе регулярных контактов Путина и Моди (по телефону и на ставшей их кульминацией личной встрече на полях саммита ШОС в Самарканде, где индеец произнес свое известное суждение «сегодняшняя эпоха — это не эпоха войн» [Сибал, 2022]). Также довольно часты беседы то в Москве, то в Нью-Дели, то в третьих странах Лаврова и Джайшанкара.

Об этом же, но по-иному свидетельствует и дипломатически с очевидным расчетом проведенная — впервые после начала СВО — встреча с Зеленским в мае 2023 г. на полях саммита «семерки» в Японии. В ходе нее, по свидетельству прессы, Моди подчеркнуто не вышел за пределы повторения призывов к «прекращению огня» и «диалогу». Но это уже говорилось им в телефонных разговорах с украинским президентом, в частности в декабре 2022 г. и, что особенно немаловажно, в сегодняшнем контексте, как отметила в своем комментарии CNN, без призыва к выводу российских войск воспринимается как позиция, «равнозначная помощи Москве в закреплении аннексированной ею территории»¹².

Фоном для этой дипломатии служит многоплановая «осада», которой подвергается Нью-Дели в рамках «нелетальной» части развернутой руководимым Вашингтоном Западом всемирной гибридной войны за утверждение однополярного миропорядка. Ее привычный фронт — давление на непокорных методами информационных войн. Впрочем, индийское руководство, сегодня включающее политических крепышей из Бхаратия джаната парти, поднаторевших в предвыборных кампаниях и операциях по «уничтожению личности», с готовностью откликнулось «не по-вегетариански» на раскрученные на Западе «журналистские расследования» сюжетов с Гаутамом Адани («символическим лицом новой Индии Моди») и фильмом Би-Би-Си про гуджаратские «неправедные дела» Моди. По ходу были высказаны не лишние проникновения в суть вещей оценки и Джорджа Сороса, и «цветных революций», и целей Запада [Das, 2023].

Это, однако, ничуть не приглушило по сути непрерывно ведущейся, по крайней мере в англо-саксонских изданиях, антииндийской кампании. Дежурной в изданиях, лояльных Вашингтону, типа «Экономиста» остается тема «несоответствия западным идеалам» индийской идеологии и демократии¹³, которую, как время от времени дается понять, в любой момент можно взвинтить до истерического накала.

При этом в свете крепнущего доминирования неолиберального фундаментализма в США представляется неверным игнорировать устойчивое раздражение в американском внешнеполитическом истеблишменте лично индийским премьером, который «слишком много себе позволяет». Характерно, что даже в канун помпезно выстроенного государственного визита Моди в Вашингтон в июне 2023 г. там на супер-лояльном администрации канале CNN звучали, например, такие оценки цитировавшегося выше Марки: «Визит станет своего рода тестом, потому что Байден никак не должен выглядеть заключающим в объятия авторитарную политику Моди. Целью Белого дома, на мой взгляд, должны быть объятия отношениям с Индией без их персонализации или одобрения политики Моди. Это непростое упражнение для нитки с игольным ушком»¹⁴.

¹² Zelenski Modi Meet at G7 in Japan's Hiroshima. *CNN news*. 20.05.2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/05/20/asia/zelensky-modi-meet-g7-japan-hiroshima-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 26.06.2023).

¹³ Joe Biden and Narendra Modi are Drawing their Countries Closer. *The Economist*. 13.06.2023. URL: <https://www.economist.com/leaders/2023/06/15/joe-biden-and-narendra-modi-are-drawing-their-countries-closer> (дата обращения: 26.06.2023).

¹⁴ India's Narendra Modi United States White House Visit. *CNN news*. 20.06.2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/06/20/india/india-narendra-modi-united-states-white-house-visit-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 26.06.2023).

На сегодня внешне основным фронтом, безусловно, активно ведущегося на Индию наступления с целью изменения ее позиции по СВО является «сахарно-медовый». Каких только комплиментов не рассыпают в адрес Нарендры-джи и его страны американцы, каких только стимулов в сфере допуска к высоким технологиям, поставок новейших ВВТ, торгово-инвестиционной области не предлагают!

Особый упор делается, как свидетельствует серия визитов, кульминацией которых стало посещение Нью-Дели министром обороны США Ллойдом Остином, на принятие так называемой дорожной карты военно-промышленного сотрудничества. Она предусматривает допуск Индии к технологиям в таких областях, как воздушный бой, бронетехника, военное снаряжение и ISR (разведка, наблюдение и рекогносцировка)¹⁵. Впрочем, подлинным венцом всех усилий американской дипломатии стал второй государственный (что само по себе редкость) визит Моды в США 22 июня 2023 г. В ходе него премьер-министр второй раз в истории (вновь уникально!) выступил на совместном заседании палат Конгресса США. Американцы согласились передать Индии высокие технологии, начать производство авиационных двигателей General Electric F414 и продать ей беспилотные летательные аппараты MQ-9B. Объявлено о согласовании «амбициозной программы сотрудничества в таких высокотехнологичных областях, как искусственный интеллект, космос, зеленые технологии, микрочипы и полупроводники». В совместном заявлении стороны объявили о всеобъемлющем и глобальном стратегическом партнерстве [Варма, 26.06.2023].

И, однако, Моди не сделал в Вашингтоне никаких заявлений о сокращении сотрудничества с Россией — скажем, в сфере ВТС или торговле, по Украине обтекаемо призвал к миру, а в речи к Конгрессу — к строительству нового миропорядка, основанного на международном праве (а не на «правилах») и многосторонности [Латышев, 2023]. К выводу о неудаче и в этом случае оторвать Индию от России приходят и американские, и большинство индийских аналитиков [О’Коннор, 2023]. При этом Варма, говоря о большом успехе визита и новом качестве партнерства с США, заявляет, что «для Индии, которая ценит свою независимость больше всего на свете, это демонстрация того, что многополярный мир работает в ее интересах» [Варма, 2023].

Представляется, что в США серьезно ошиблись в оценке вектора общественных настроений в Индии. Заслуживает внимание замечание аналитика агентства «Блумберг» Панкаджа Мишры относительно результатов проведенного в Индии, «которую у нас на Западе (по его выражению) принято считать союзником», опроса. Согласно его результатам, большинство индийцев не считают, что Россия совершила агрессию против Украины, а виновными в конфликте называют НАТО или Запад во главе с США [Mishra, 2023]. А по свидетельству бывшего главного редактора главного немецкого журнала «Шпигель» Штефана Ауста, «самые популярные хэштеги в индийском интернете сейчас #IStandWithRussia и #IStandWithPutin» [Ауст, 2022].

Безусловно, это в значительной степени объясняется «примечательным крушением веры в достоверность сообщений западной прессы» не только в Индии, но и повсеместно на «НеЗападе», которое констатирует даже «Нэшнл Интрест», особо отмечая «одностороннее освещение ею украинского конфликта» [Nair, 2023].

Однако в этом проявляется также своеобразие нынешней индийской элиты, сложившейся в результате социальных перемен, запущенных реформами 90-х годов, которые дополнили законы, принятые уже в период правления (с 2014 г.) возглавляемой Моды Бхаратия джаната

¹⁵ On Defence America and India Edge Closer Together. *The Economist*. 15.06.2023. URL : <https://www.economist.com/asia/2023/06/15/on-defence-america-and-india-edge-closer-together> (дата обращения: 26.06.2023).

парти. Перемен, приведших к модернизации общества, росту образования и внедрению новых технологий.

Действительно, Индия уже заняла пятое место в мире по размерам ВВП, символически оттеснив с него бывшую колониальную хозяйку Англию. Ее доля в мировом ВВП составляет 3,6% (как Китая в 2000). При этом она опережает остальные крупные страны, включая сейчас и Китай, по темпам роста и по объему ВВП. Соответственно, как ожидается, уже к 2028 году Индия обойдет и Японию с Германией, а ее доля в мировом ВВП составит 4,2%. Объем биржевого рынка страны — четвертый в мире после рынков США, Китая и Японии. Экспорт товаров и услуг за десятилетие вырос на 73%, а его доля в совокупном мировом экспорте — с 1,9% в 2012 г. до 2,4% в 2022 г. Эксперты отмечают, что экспорт Индии растет за счет предоставления услуг (7 место в мире), при том, что с начала века заметно улучшилось состояние транспортной инфраструктуры, бурно растут сфера производства и применения ИТ и энергетика, а производство может подтянуться с уводом рядом ТНК своих цепочек поставок из Китая (экспорт оборудования, электроники и автомобилей, включая запчасти, за последние пять лет вырос на 63%. В настоящее время он составляет пятую часть товарного экспорта страны, а «Эппл» уже сейчас собирает в Индии 7% своих смартфонов)¹⁶.

На Западе склонны особенно выделять феноменальные возможности Индии в плане «мягкой силы» благодаря ее диаспоре. Так, хозяева американских бизнес-гигантов «Алфавет», «Интернэшнл Бизнес Машинз» и «Майкрософт» — индийского происхождения, как и главы трех из пяти главных бизнес-школ. С достижениями американцев индийского происхождения связывают то, что 70% американской публики относятся к Индии благожелательно, в то время как к Китаю — 15%¹⁷.

При этом Моди пообещал, что рост экономики выведет Индию в один ряд с Америкой, Китаем и Евросоюзом, превратив страну в столп мировой экономики¹⁸. Расчет при этом делается на наличие многочисленной молодой рабочей силы, энергичную промышленную политику и возможности, создаваемые неожиданным охлаждением западных компаний к Китаю. В первом квартале текущего года рост ВВП в пересчете на год составил 6,1%, причём доля в ВВП инвестиций достигла наивысших показателей за десятилетие.

Но при всем при этом обновленная элита никак не может быть сведена к ее вестернизированным слоям, тем более их части, пополнившей многомиллионную диаспору в англосаксонских странах¹⁹, либо тяготеющей к ним через аутсорсинг в индустрии информационных технологий. В своем большинстве данная элита — прагматично мыслящая и материально мотивированная, но во многом традиционно, в том числе в координатах индуcской кастовости, самоидентифицирующаяся, не испытывающая чувств стыда или неполноценности по поводу обычаев и истории Индии, а потому весьма националистически настроенная. Ей свойственны сознание величия своей огромной многоязыкой страны, ее единства, особенности и самостоятельности по отношению к остальному миру, ожидание от руководства стойкости и решительности

¹⁶ Joe Biden and Narendra Modi are Drawing their Countries Closer. *The Economist*. 13.06.2023. URL: <https://www.economist.com/leaders/2023/06/15/joe-biden-and-narendra-modi-are-drawing-their-countries-closer> (дата обращения: 26.06.2023).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ America is Courting India in Part for its Growing Economic Clout. *The Economist*. 13.06.2023. URL: <https://www.economist.com/asia/2023/06/13/america-is-courting-india-in-part-for-its-growing-economic-clout> (дата обращения: 26.06.2023).

¹⁹ India's Diaspora is Bigger and More Influential than any in History. *The Economist*. 13.06.2023. URL: <https://www.economist.com/international/2023/06/12/indias-diaspora-is-bigger-and-more-influential-than-any-in-history> (дата обращения: 26.06.2023).

в отстаивании национальных интересов (в стиле министра Субраманиама Джайшанкара — то есть «стараясь наступать на всех фронтах»²⁰).

Представляется, что это — решающая константа в числе факторов, настойчиво уводящих Индию от Запада. И данное движение все более направлено в сторону осмысленного участия в объективном, по словам российского министра Лаврова, «процессе формирования и возникновения новых мировых центров на справедливой универсальной основе баланса интересов»²¹. В этом суть складывания многополярности.

Очевидно, однако, что динамику уже вполне просматривающегося процесса и цену, в которую его неизбежное утверждение на планете обойдется человечеству, определит как раз схватка, начатая проведением Россией СВО на Украине.

Литература / References

Электронные ресурсы / Electronic sources

Ауст Штефан. Возникает антизападный блок народов небывалой мощи. *Die Welt*, 27.06.2022. URL: <https://inosmi.ru/20220627/briks-254723523.html> (дата обращения: 26.06.2023) [Aust Stephan. An Anti-West Peoples' Bloc of Unprecedented Power is Emerging. *Die Welt*, 27.06.2022. URL: <https://inosmi.ru/20220627/briks-254723523.html> (дата обращения: 26.06.2023) (in Russian)].

Варма Бала Венкатеш. «Сможет ли Америка увести Индию от России». *Коммерсант*, 26.06.2023, стр. 6. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6067990> (дата обращения: 26.06.2023) [Varma Bala Venkatesh. "Will America Manage to Lead India Away from Russia". *Kommersant*, 26.06.2023, p. 6. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6067990> (дата обращения: 26.06.2023) (in Russian)].

Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Республики Индия С. Джайшанкаром. Москва, 8 ноября 2022 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1837496/ (дата обращения: 26.06.2023). [Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey V. Lavrov's Address and Answers to Media Questions during a Joint Press Conference with External Affairs Minister of the Republic of India S. Jaishankar. Moscow, November 8, 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1837496/ (дата обращения: 26.06.2023) (in Russian)].

Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова и ответы на вопросы на «правительственном часе» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. Москва, 15 февраля 2023 года. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1854365/ (дата обращения: 26.06.2023) [Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey V. Lavrov's Address and Answers to Questions at the "Government Hour" in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Moscow, February 15, 2023. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1854365/ (дата обращения: 26.06.2023) (in Russian)].

Кулик Л., Калинин А. Развитие российско-индийских экономических связей в новых условиях. *Российский совет по международным делам*, 09.01.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/razvitie-rossiysko-indiyskikh-ekonomicheskikh-svyazey-v-novykh-usloviyakh/> (дата обращения: 26.06.2023) [Kulik L., Kalinin A. Development of Russian-Indian Economic Ties Under the New Conditions. *Russian Council of World Affairs*, 09.01.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/razvitie-rossiysko-indiyskikh-ekonomicheskikh-svyazey-v-novykh-usloviyakh/> (дата обращения: 26.06.2023) (in Russian)].

²⁰ India's Foreign Minister on Ties with America, China and Russia. *The Economist*. 13.06.2023. URL : <https://www.economist.com/asia/2023/06/15/indias-foreign-minister-on-ties-with-america-china-and-russia> (дата обращения: 26.06.2023).

²¹ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова и ответы на вопросы на «правительственном часе» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 15 февраля 2023 года. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1854365/ (дата обращения: 26.06.2023) [Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey V. Lavrov's Address and Answers to Questions at the "Government Hour" in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Moscow, February 15, 2023. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1854365/ (дата обращения: 26.06.2023) (in Russian)].

Лакстыгал И., Кузнецов М. Как Россия сможет решить проблему зависших в Индии рупий. *Ведомости*, 05.05.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/05/05/974042-rossiya-reshit-problemu-zavissih-rupii> (дата обращения: 26.06.2023) [Lakstygai I., Kuznetsov M. How Russia could Resolve the Problem of Hung Rupees in India. *Vedomosti*, 05.05.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/05/05/974042-rossiya-reshit-problemu-zavissih-rupii> (дата обращения: 26.06.2023) (in Russian)].

Латышев С. Большая ошибка Байдена: американцы неожиданно помогли России, соблазняя Индию. *Царьград*, 29.06.2023. URL: https://tsargrad.tv/articles/bolshaja-oshibka-bajdena-amerikancy-neozhidanno-pomogli-rossii-soblaznjaja-indiju_815354 (дата обращения: 30.06.2023) [Latyshev S. Biden's Big Mistake: Americans Inadvertently Helped Russia by Enticing India. *Tsargrad*, 29.06.2023. URL: https://tsargrad.tv/articles/bolshaja-oshibka-bajdena-amerikancy-neozhidanno-pomogli-rossii-soblaznjaja-indiju_815354 (дата обращения: 30.06.2023) (in Russian)].

О'Коннор Том. Почему Байден не может оторвать Индию от России. *Newsweek*, 24.06.2023. URL: <https://inosmi.ru/20230624/indiya-263886362.html> (дата обращения: 30.06.2023) [O'Connor Tom. Why Biden Can't Pry India Away from Russia. *Newsweek*, 24.06.2023. URL: <https://inosmi.ru/20230624/indiya-263886362.html> (дата обращения: 30.06.2023) (in Russian)].

Сибал Канвал. Заявления премьер-министра Моди в Самарканде были мастерскими. *The Economic Times*, 19.09.2022. URL: <https://inosmi.ru/20220919/indiya-256195269.html> (дата обращения: 30.06.2023) [Sibal Kanwal. PM Modi's Samarkand Remarks were Carefully Crafted. *The Economic Times*, 19.09.2022. URL: <https://inosmi.ru/20220919/indiya256195269.html> (дата обращения: 30.06.2023) (in Russian)].

Шричандан Ш. П. Последствия того, что Путин помогает сделать НАТО «снова великой». *The Hindu*, 15.05.2023. URL: <https://inosmi.ru/20230515/nato-262908363.html> (дата обращения: 26.06.2023) [Srichandan S. P. The Fallout of Putin Helping Making NATO "Great Again". *The Hindu*, 15.05.2023. URL: <https://inosmi.ru/20230515/nato-262908363.html> (дата обращения: 26.06.2023) (in Russian)].

America is Courting India in Part for its Growing Economic Clout. *The Economist*, 13.06.2023. URL: <https://www.economist.com/asia/2023/06/13/america-is-courting-india-in-part-for-its-growing-economic-clout> (дата обращения: 26.06.2023).

Arunachal Pradesh — Rare Bipartisan Resolution in US House Backs India against China: Details. *The Hindustan Times*, 17.02.2023. URL: <https://www.hindustantimes.com/videos/news/arunachal-pradesh-rare-bipartisan-resolution-in-u-s-house-backs-india-against-china-details-101676620326277.html> (accessed: 26.06.2023).

Bhadrakumar M. K. Indo-US ties amid neo-mercantilism. *The Tribune*, 12.06.2023. URL: <https://www.tribuneindia.com/news/comment/indo-us-ties-amid-neo-mercantilism-516312> (accessed: 26.06.2023).

Das Saptarshi. Center Congress Slams George Soros over Democratic Revival Remark on India. *The Hindustan Times*, 17.02.2023. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/centre-congress-slams-george-soros-over-democratic-revival-remark-on-india-101676623599214.html> (accessed: 26.06.2023).

External Affairs Minister Slams Pak on Terror, China on Border Issue. *The Hindustan Times*, 02.01.2023. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/eam-slams-pak-on-terror-china-on-border-issue-101672769589178.html> (accessed: 26.06.2023).

Ghosh Poulomi. 'Comfortable with New Delhi buying Russia oil, ties with India most consequential': US officials. *The Hindustan Times*, 09.02.2023. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/comfortable-with-new-delhi-buying-russia-oil-india-us-ties-most-consequential-101675912722033.html> (accessed: 26.06.2023).

Gupta Shishir. China Cautious, India Determined to Restore Peace on Ladakh Border. *The Hindustan Times*, 03.03.2023. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/china-cautious-india-determined-to-restore-peace-on-ladakh-border-101677815222795.html> (accessed: 26.06.2023).

Joe Biden and Narendra Modi are Drawing their Countries Closer. *The Economist*, 13.06.2023. URL: <https://www.economist.com/leaders/2023/06/15/joe-biden-and-narendra-modi-are-drawing-their-countries-closer> (accessed: 26.06.2023).

India's Diaspora is Bigger and More Influential than any in History. *The Economist*, 13.06.2023. URL: <https://www.economist.com/international/2023/06/12/indias-diaspora-is-bigger-and-more-influential-than-any-in-history> (accessed: 26.06.2023).

India's Foreign Minister on Ties with America, China and Russia. *The Economist*, 13.06.2023. URL: <https://www.economist.com/asia/2023/06/15/indias-foreign-minister-on-ties-with-america-china-and-russia> (accessed: 26.06.2023).

India's Narendra Modi United States White House Visit. *CNN news*, 20.06.2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/06/20/india/india-narendra-modi-united-states-white-house-visit-intl-hnk/index.html> (accessed: 26.06.2023).

Mishra Pankaj. On Ukraine's Battlefields: Will Russia Make the Next Big Move? *Bloomberg*, 02.02.2023. URL: https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2023-02-02/on-ukraine-s-battlefields-will-russia-make-the-next-big-move?utm_source=website&utm_medium=share&utm_campaign=mobile-web-share (accessed: 26.06.2023).

Nair Chandran. The West Must Prepare for a Long Overdue Reckoning. *The National Interest*, 08.06.2023. URL: <https://www.newagebd.net/article/202239/is-india-truly-bad-bet-for-us> (accessed: 26.06.2023).

Naqvi Saeed. Is India truly "bad bet" for US? *New Age*, 22.05.2023. URL: <https://www.newagebd.net/article/202239/is-india-truly-bad-bet-for-us> (accessed: 26.06.2023).

Narendra Modi is the World's Most Popular Leader. *The Economist*, 15.06.2023. URL: <https://www.economist.com/asia/2023/06/15/narendra-modi-is-the-worlds-most-popular-leader> (accessed: 26.06.2023).

On Defence America and India Edge Closer Together. *The Economist*, 15.06.2023. URL: <https://www.economist.com/asia/2023/06/15/on-defence-america-and-india-edge-closer-together> (accessed: 26.06.2023).

Price Gareth. Ukraine War: Why India Abstained UN Vote Against Russia. *Chatham House*, March 2022. URL: <https://www.chathamhouse.org/2022/03/ukraine-war-why-india-abstained-un-vote-against-russia> (accessed: 26.06.2023).

Tirumurti T. S. Concluding on a High Note in the UN Security Council. An Assessment of India's Term 2021–2022. *Indian Council of World Affairs*, February 2023. URL: <https://icwa.in/pdfs/UNSecurityCouncilWeb.pdf> (accessed: 26.06.2023).

Zelenski Modi Meet at G7 in Japan's Hiroshima. *CNN news*, 20.05.2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/05/20/asia/zelensky-modi-meet-g7-japan-hiroshima-intl-hnk/index.html> (accessed: 26.06.2023).

РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ЛГПУ ИМЕНИ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО)*

© 2023

К. П. Курылев, Л. А. Черешнева¹

В XXI в. Российская Федерация и Республика Индия обладают большим научным и образовательным потенциалом. Особо привилегированное стратегическое партнерство двух государств и их лидеров, президента Владимира Владимировича Путина и премьер-министра Нарендры Моды, направлено, в том числе, на развитие и новации научного и образовательного сотрудничества, имеющего устойчивые традиции, заложенные во второй половине XX в. 75-летие достижения независимости Индии и установления советско/российско-индийских дипломатических отношений, отмечавшееся в обеих странах в 2022 г., подчеркивает востребованность исследования сотрудничества двух государств в сфере науки и высшего образования, его современного состояния и перспектив.

Одним из аспектов такого партнерства является российско-индийское сотрудничество регионов и отдельных университетов. В данной практико-ориентированной статье, построенной по принципу «не вообще, а в частности», авторы характеризуют опыт научно-образовательной деятельности и международного сотрудничества Востоковедческой лаборатории Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского с индийскими издательствами, Центром Российских и Центральноазиатских исследований Университета имени Джавахарлала Неру (Дели), участие в международных форумах и их организацию, реализацию грантовых проектов по индийской проблематике при поддержке федеральных фондов: Фонда президентских грантов, Фонда Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), РГНФ, РФФИ, Российского научного фонда. Важной составляющей международного сотрудничества лаборатории является прием делегаций и онлайн контакты с Посольством Республики Индия в Российской Федерации с 2000 г. по настоящее время.

Ключевые слова: Россия, Индия, российско-индийское сотрудничество регионов, ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Востоковедческая лаборатория

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00108, <https://rscf.ru/project/23-28-00108/>
The research was carried out with the financial support of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00108, <https://rscf.ru/project/23-28-00108/>

¹ Курылев Константин Петрович, доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва; kuryljov@yandex.ru
Konstantin P. Kurylev, DSc (History), Professor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow; kuryljov@yandex.ru

Черешнева Лариса Александровна, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк; chara.62@mail.ru

Larisa A. Cheresheva, DSc (History), Professor, Deputy Director for Scientific Work of the Institute of History, Law and Social Sciences of the Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shan, Lipetsk; chara.62@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1491-4968

Для цитирования: Курyleв К.П., Черешнева Л. А. Российско-индийское региональное сотрудничество в сфере исторического высшего образования (на примере востоковедческой лаборатории ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 380–386. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-380-386

RUSSIAN-INDIAN REGIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF HISTORICAL HIGHER EDUCATION (THE CASE OF THE ORIENTAL RESEARCH LABORATORY OF THE P.P. SEMENOV-TYAN-SHANSKY LSPU)

Konstantin P. Kurylev, Larisa A. Cheresheva

In the XXI century, the Russian Federation and the Republic of India have great scientific and educational potential. A particularly privileged strategic partnership between the two states and their leaders, President Vladimir Putin and Prime Minister Narendra Modi, is aimed, among other things, at developing and innovating scientific and educational cooperation, which has stable traditions laid down in the second half of the XX century.

The 75th anniversary of India's independence and the establishment of Soviet/Russian-Indian diplomatic relations, widely celebrated in both countries in 2022, emphasize the relevance of studying the history of cooperation between the two states in the field of science and higher education, its current state and prospects. One of the aspects of such a partnership is the Russian-Indian cooperation between regions and individual universities. In this practice-oriented article, based on the principle "not in general, but in particular", the authors characterize the experience of scientific and educational activities and international cooperation of the Oriental Studies Laboratory of the Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky with Indian publishing houses, the Center for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University (Delhi), participation in international forums and their organization, implementation of grant projects on Indian issues with the support of federal funds: the Presidential Grants Fund, the Fund of the Federal Agency for Youth Affairs (Rosmolodezh), RGNF, RFBR, Russian scientific foundation. An important component of the laboratory's international cooperation is the reception of delegations and online contacts with the Embassy of the Republic of India in the Russian Federation since 2000. Until now.

Keywords: Russia, India, Russian-Indian cooperation of regions, P. P. Semenov-Tyan-Shansky LSPU, Oriental Studies Laboratory

For citation: Kurylev K. P., Cheresheva L. A. Russian-Indian Regional Cooperation in Historical Higher Education (the Case of the Oriental Research Laboratory of the P.P. Semyonov-Tyan-Shansky LPSU). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 380–386. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-380-386

Востоковедение в европейской части Российской Федерации в основном представлено столичными вузами и академическими институтами РАН, однако и в Липецке, в Государственном педагогическом университете имени П. П. Семенова-Тян-Шанского долгие годы существует известная в стране и за рубежом Востоковедческая лаборатория, индологическая школа, работают магистратура и аспирантура по истории Востока и международных отношений.

Научно-практическая лаборатория «Проблемы Новой и Новейшей истории стран Востока», или Востоковедческая лаборатория, была создана в ЛГПУ по решению Ученого совета вуза в 2002 г. и работает под руководством доктора исторических наук, профессора, Заслуженного

работника образования Липецкой области, Почетного работника высшего профессионального образования России Ларисы Александровны Черешневой. Лаборатория исследует общую проблему истории Азиатского Востока в XX–XXI вв. как в рамках фундаментальных проектов профессуры при поддержке грантовых фондов, так и по темам доцентуры и молодых ученых до 35 лет. В ее составе и постоянные члены, кандидаты наук, и молодая поросль — студенты, магистранты, аспиранты и соискатели.

Первым липецким востоковедом является легендарный индолог, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации Алексей Васильевич Райков, содействовавший не только созданию востоковедной традиции в Липецке, но и работе Общества советско-индийского культурного сотрудничества (ОСИКС) в области. Сегодня он находится на заслуженном отдыхе, а востоковедение развивают дальше его ученики и ученики учеников. Большую роль в развитии востоковедения и востоковедного образования в Липецке, в работе Востоковедческой лаборатории сыграл выдающийся российский индолог, доктор исторических наук, профессор Леонид Борисович Алаев, являвшийся главным научным сотрудником Института востоковедения РАН.

С начала XXI в. Востоковедческая лаборатория ЛГПУ занимается целенаправленными фундаментальными исследованиями, совершенствует учебно-научную, просветительскую, профориентационную работу и формирование устойчивого интереса к истории и культуре стран Востока и их отношений с Россией, ведет воспитательную работу со студентами и школьниками в духе уважения к гуманистическим национальным традициям и обычаям стран Востока и всего мира, неприятия национальной, этнолингвистической и религиозно-конфессиональной розни. Сегодня Лабораторией опубликованы более двух десятков монографий в России и за рубежом, сотни статей в высокорейтинговых журналах. В настоящем эссе внимание будет сосредоточено на теме международного сотрудничества Востоковедческой лаборатории.

Наряду с регулярным участием во Всероссийских и международных научных мероприятиях, съездах востоковедов России [Черешнева, 2015], индологов стран СНГ, МГУ имени М. В. Ломоносова, Центра индийских исследований и Центра изучения Среднего и Ближнего Востока ИВ РАН Лаборатория развивает международное сотрудничество регионов России и Индии в сфере науки и образования. Одним из первых важных событий в «биографии» Лаборатории и Липецка стали организация и проведение в 2000 г. на ее базе научных и научно-практических конференций с участием Леонида Борисовича Алаева, руководителя Центра индийских исследований ИВ РАН Татьяны Львовны Шаумян, в то время директора Института востоковедения РАН Ростислава Борисовича Рыбакова, помощника директора Галины Михайловны Кузнецовой, Посла Республики Индия С. К. Ламба и представителей Культурного центра имени Дж. Неру Посольства Индии.

В 2007 г. руководитель Лаборатории А. А. Черешнева впервые в истории Липецкой области выступила с докладом на XXXVII Всемирном конгрессе востоковедов (ИКАНАС–XXXVIII) в Турции, что дало импульс развитию международной деятельности Лаборатории. Для осуществления подобных контактов и поездок активизировалась грантовая деятельность липецких востоковедов. Начиная с 2012 г. пришел успех в этом нелегком деле и проекты липчан стали побеждать в федеральных грантовых конкурсах Российского гуманитарного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований, Российского научного фонда. Липецкая востоковедческая площадка утвердилась как место проведения интересных и креативных международных форумов для развития научно-образовательного партнерства.

В 2017 г. по инициативе Посольства Республики Индия на базе Востоковедческой лаборатории ЛГПУ была проведена международная научная конференция «Индия — Россия — 70 лет международного сотрудничества». Для участия в форуме из Москвы прибыли дипломаты: глава Политического отдела Посольства Республики Индия в Российской Федерации Йоджна Патель, ее помощники Шубхам Кумар и Нидхи Дхиман. Институт востоковедения представила кандидат исторических наук, сотрудник ЦИИ Татьяна Николаевна Загородникова. На форуме выступили молодые индологи ЛГПУ, магистранты и аспиранты, учащиеся и преподаватели, возникли прочные профессиональные контакты.

Еще одним примером международной научно-просветительской деятельности липчан стала научно-творческая сессия «Россия и Восток: дорогу осилит идущий», посвященная 150-летию со дня рождения Махатмы Ганди, — авторский проект руководителя Лаборатории, поддержанный грантом Федерального агентства по делам молодежи. В октябре 2019 г. научно-творческая сессия «Россия и Восток: дорогу осилит идущий» состоялась в ее первой, интерактивной фазе — была проведена научно-практическая конференция-конкурс для обучающихся вузов-участников. Этот научно-креативный форум с участием 40 студентов, магистрантов, соискателей и аспирантов, занимающихся заявленной проблематикой, обучающихся в ЛГПУ и ТГУ, объединил россиян и граждан Азербайджана, Алжира, Грузии, Кот-Д'Ивуара, Казахстана, Китая, Мали, Монголии, Туркменистана. Федеральными экспертами в компетентном жюри выступили ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук Борис Васильевич Долгов и профессор А. А. Черешнева. Научная конкурсная программа с докладами, презентациями участников длилась два дня, жюри вело работу по анализу и оценке конкурсантов, выступавших по трем направлениям: «Россия и Восток: актуальные проблемы истории», «Россия и Восток: калейдоскоп культур и традиций», «Россия и Восток в современном процессе глобализации». Критериями были научность и оригинальность проблематики доклада, умение донести свои идеи до слушателя и аргументированно ответить на вопросы, этика выступления, наличие грамотно подготовленной компьютерной презентации и аутентичного костюма.

В ходе форума в зале слышалась речь на разных языках мира, каждый участник в национальном костюме или с предметами родной культуры защищал свой доклад. Эксперты обращались к зарубежным участникам, не вполне владеющим русским языком, на французском и английском языках. По мнению жюри, настоящим украшением проекта стали яркие образы, созданные студентами из Китайской Народной Республики, Кот-Д'Ивуара, Мали, Монголии и Туркменистана. Они поразили аудиторию игрой на национальных музыкальных инструментах, сопровождавшей их этнографические сюжеты, рассказами о танце цам, буддийских храмах и танка. В рамках научно-творческой сессии состоялся мастер-класс ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН Б. В. Долгова, посвященный геополитике и роли России на Ближнем Востоке, вызвавший большой интерес и вопросы аудитории. В ноябре 2019 г. состоялась научная командировка в Москву победителей научно-творческой сессии «Россия и Восток: дорогу осилит идущий» для работы в Российской государственной библиотеке и посещения Государственного музея Востока. Студенты-победители из ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского и ТГУ имени Г. Р. Державина на основе своих конкурсных докладов подготовили статьи для последующей публикации в журналах Перечня ВАК Министерства науки и высшего образования РФ. Публикация студенческих докладов сессии в виде сборника статей и издание монографии о соратнике Ганди, выдающемся политике Индии Валлабхаи Пателе в авторстве молодого кандидата наук, лингвиста-переводчика с английского

и китайского языков Марии Сергеевны Черешневой состоялись в конце 2019 г. [Россия и Восток, 2019; Черешнева, 2019].

В 2022 г. Лабораторию поддержал Фонд президентских грантов России. Проект «Липецкий край и липчане в строительстве промышленных гигантов Индии» в авторстве А. А. Черешневой стал победителем всероссийского конкурса в номинации «Сохранение исторической памяти». Идею проекта автор вынашивала с юношеских лет, и теперь появилась возможность ее реализации с опорой на Липецкое областное краеведческое общество и региональное отделение общества «Знание» России. Партнерами проекта выступили ЛГПУ и Липецкий областной краеведческий музей. В течение 2022 и 2023 гг. проектанты осуществляют просветительскую и научную работу, лекции в школах города и области, встречи с ветеранами промышленных строек, сбор материалов в фондах Архива внешней политики Министерства иностранных дел Российской Федерации, Государственного архива Липецкой области, Новолипецкого металлургического комбината. В октябре-ноябре 2022 г. в Липецком областном краеведческом музее прошла выставка по теме проекта, там возник «волшебный» по красоте Зал Индии.

25 апреля 2023 г. в рамках проекта на площадке ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского состоялся Российско-индийский молодежный научно-просветительский форум «Липецкий край и липчане в строительстве промышленных гигантов Индии (1955–1980 гг.)». Рабочими языками форума стали русский и английский. В нем приняли участие преподаватели Востоковедческой лаборатории и студенты ЛГПУ, ученые-востоковеды Института востоковедения Российской академии наук, Института Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, профессора, аспиранты и студенты Университета имени Джавахарлала Неру Республики Индия.

Форум приветствовала заместитель Посла Республики Индия в Российской Федерации Джина Уика, которая подчеркнула важность российско-индийского сотрудничества и настоящего проекта.

Руководитель проекта А. А. Черешнева выразила благодарность гостям и участникам форума, охарактеризовала концепцию проекта, его развитие и перспективы, отметила, что индология в Липецке и Липецкой области, в родном университете зародилась в последней трети XX в. благодаря работе первого востоковеда, профессора Алексея Васильевича Райкова. Рассказала о встречах команды проекта с липчанам-ветеранами промышленных строек Индии и сборе материалов по реконструкции замечательной истории сотрудничества регионов двух дружественных стран. Значимость проекта подчеркнул кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН Валерий Петрович Капшин, высоко оценивший работу Востоковедческой лаборатории ЛГПУ как регионального центра индологии России. Актуальность краеведческих и международных исследований охарактеризовала директор ИИПиОН, кандидат исторических наук, доцент Елена Александровна Найденова.

На пленарном заседании форума также выступили заведующий кафедрой истории Южной Азии ИСАА МГУ, доктор исторических наук, профессор Александра Львовна Сафронова (Москва) и руководитель Центра Российских и Центрально-Азиатских исследований Университета имени Дж. Неру, доктор исторических наук, профессор Арчана Упадхьяй (Дели), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ Анна Викторовна Бочковская, PhD Университета имени Дж. Неру Абхиджит Сингх. Свои доклады и презентации

предложили научный сотрудник ЦИИ ИВ РАН Сергей Леонидович Рабей и кандидат исторических наук, научный сотрудник ЦИИ ИВ РАН Александра Алексеевна Козлова, докторант Университета имени Дж. Неру Кунал Кумар и аспирант Радхей Вардха. По уважительным причинам не смогли прибыть на форум приглашенные ветераны-металлурги и строители Виктор Романович Шпаков, Юрий Викторович Савастьянов, Лев Константинович Васильев, но встречи проектантов с ними уже состоялись и будут продолжены, как и встречи и дальнейшие поиски ветеранов и семей ветеранов создания гигантов в городах Бхилаи, Бокаро, Вишакхапатнаме, Дургапуре.

Секционные «круглые столы» начали работу после перерыва и просмотра выставки, посвященной ветеранам-липчанам. Это выездная версия осенней выставки в Липецком областном краеведческом музее, организованная членом команды проекта, аспирантом ЛГПУ, и. о. директора музея Александром Сергеевичем Гепаловым. Руководили секцией № 1 доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского Алексей Викторович Сагимбаев и кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина Наталья Валерьевна Стрекалова. Секцию № 2 возглавляли научный сотрудник ЦИИ ИВ РАН Сергей Леонидович Рабей и кандидат исторических наук, научный сотрудник ЦИИ ИВ РАН Александра Алексеевна Козлова. Участники форума — ученые и молодежь российских и индийских вузов — обсудили вопросы по теме проекта, а также истории и актуальной современности российско-индийского стратегического партнерства. Индийские докладчики в течение всей работы форума присутствовали он-лайн и выступали со своими презентациями из далекого кампуса Университета Неру в Дели. В целом за день работы форума было заслушано 35 докладов. Это было настоящее международное научное мероприятие, в дискуссиях царил атмосфера взаимопонимания.

Также в рамках форума прошел традиционный для Востоковедческой лаборатории ЛГПУ детский (костюмированный, игровой) учебно-научный «Съезд народов Востока», учителя и научные сотрудники подготовили детей к театрализованным выступлениями на «Съезде» — настоящим украшением форума. Большую роль в подготовке мероприятий форума сыграло Научное общество обучающихся ИИПиОН. В июле 2023 г. вышел в свет сборник статей и фотографий форума, который разослан в библиотеки России и Индии [Липецкий край и липчане, 2023]. В декабре итогом проекта станет книга, посвященная липчанам-ветеранам промышленных строек в Индии. Сейчас грантовый проект продолжается, способствуя сохранению исторической памяти о липчанах и развитию российско-индийского сотрудничества.

Важным направлением российско-индийского регионального партнерства являются научные командировки руководителя Лаборатории в Индию на средства научных грантов РФ, работа в Национальном архиве и научных хранилищах информации в Дели и общение с профессорско-преподавательским составом, студентами и аспирантами, чтение лекций в Университете имени Джавахарлала Неру по приглашению руководства Центра Российских и Центральнoазиатских исследований этого университета. Поддержка этого начинания со стороны Центра индийских исследований ИВ РАН в лице руководителя ЦИИ Татьяны Львовны Шаумян и доктора исторических наук Евгении Юрьевны Ваниной, кафедры истории Южной Азии МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующей кафедрой профессора Александры Львовны Сафроновой и кандидата исторических наук Анны Викторовны Бочковской сыграла большую роль в этом ответственном и где-то дерзком, далеко не привычном для преподавателя педагогического вуза предприятии. Гостеприимство бывшего руководителя Центра Российских и Центральнoазиатских

исследований, профессора Аруна Моханти и его коллег, Намиты Моханти, декана Аджая Патнаика стали замечательной профессиональной и чисто человеческой основой для сотрудничества и дружбы. Поддержка Российского Посольства в Индии также присутствует во всем и всегда. Сегодня эта дружба и совместное проведение интересных проектов продолжают при руководителе Центра профессоре Арчане Упадхьяй, став яркой традицией для ЛГПУ. Совместные форумы, статьи и коллективные монографии, издающиеся в Индии и России, с участием липчан — плоды российско-индийской народной научной дипломатии.

Востоковедческая лаборатория ЛГПУ продолжит сотрудничество с региональными востоковедными центрами России и зарубежными, в первую очередь с Университетом имени Дж. Неру, практически способствуя актуальной научно-образовательной кооперации регионов России и Индии, России и Востока в XXI в.

Литература / References

Востоковедческая лаборатория Липецкого государственного педагогического университета. *Россия и Восток: взаимодействие стран и народов*. Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Том 1. Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, 2015. С. 65–66 [*The Oriental Studies Laboratory of the Lipetsk State Pedagogical University. Russia and the East: Interaction of Countries and Peoples. Proceedings of the X All-Russian Congress of Orientalists Dedicated to the 125th Anniversary of the Birth of the Outstanding Orientalist Akhmet-Zaki Walidi Togan. Volume 1. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2015. Pp. 65–66 (in Russian)*].

«Россия и Восток: дорогу осилит идущий». Тезисы и материалы научно-творческой сессии к 150-летию со дня рождения Махатмы Ганди. Отв. ред. А. А. Черешнева. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2019 [*“Russia and the East: the Road will be Mastered by the Walker. Abstracts and Materials of the Scientific and Creative Session Dedicated to the 150th Anniversary of the Birth of Mahatma Gandhi”*. Ed. by L. A. Cheresheva. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, 2019 (in Russian)].

Липецкий край и липчане в строительстве промышленных гигантов Индии (1955–1980-е гг.). Материалы Российско-индийского молодежного научно-просветительского форума. Под ред. А. А. Черешневой. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2023 [*The Lipetsk Region and the People of Lipetsk in the Construction of Industrial Giants of India (1955–1980)*. The Materials of the Russian-Indian Youth Scientific and Educational Forum. Ed. by L. A. Cheresheva. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, 2023 (in Russian)].

Черешнева М. С. *Сардар Патель. Политическая деятельность соратника Махатмы Ганди Валлабхаи Пателя в 1947–1950 гг.* Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2019 [Cheresheva M. S. *Sardar Patel. Political Activity of Mahatma Gandhi's Associate Vallabhbhai Patel in 1947–1950*. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, 2019 (in Russian)].

Подписано в печать 30.10.2023. Формат 60х84/8
Бумага офсетная 80 г/м².
Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 45,11. Уч.-изд. л. 30,5.
Заказ №

Редактор и корректор
Н. А. Сидоркина
Верстка текста и дизайн обложки номера
И. В. Федулов

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром А. О. Захаров

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Белый Ветер»
115093, Москва, ул. Щипок, д. 28
тел. (495) 651-84-56
<https://wwprint.ru/>